

Россия, спящая красавица, для всего мира веками была загадкой. Понять особенности и закономерности ее исторического пути пытались многие крупные писатели и ученые как в самой стране, так и за рубежом. Вся история России полна неразгаданных тайн – будь то эпоха Древней Руси, Московского царства, Российской империи или Советского Союза. Читателю предлагаются оригинальные версии, результаты исследований ученых, краеведов, журналистов. Авторы представленных материалов доказывают подлинность Велесовой книги, прослеживают судьбу Анны Ярославны, королевы Франции, анализируют сведения о пропавшей библиотеке Ивана Грозного и о старце Федоре Кузьмиче, возможно, прожившем первую половину жизни как император Александр I, рассказывают об экспедициях, отправлявшихся на поиски таинственных земель, уникальных изобретениях и загадках советской космической программы.

100 великих загадок русской истории

Николай Николаевич Непомнящий
100 великих загадок русской истории
Часть первая.
Во тьме веков
Славянский орнамент на кельтском сапоге

В своих записках о галльской и британской войнах Гай Юлий Цезарь восхваляет доблесть римских легионов, проявленную в сражениях с коренными племенами Европы, принадлежавшими к большой семье кельтских родов. Но если с галлами и бриттами римляне покончили довольно быстро, то на скоттах – предках современных шотландцев – Цезарь «сломал зубы». Римским легионерам пришлось соорудить величайший в Европе вал, дабы уберечься от набегов скоттов – искусных воинов, гордых рыжеволосых гигантов. В Северной и Центральной Европе кельты перемешались с германскими и славянскими племенами в те времена, когда у этих «варварских» племен еще не было письменности. Кельты будто растворились в эпоху Великого переселения народов, так и не войдя в общепризнанную историю Европы. Их словно бы и не существовало, школьные и университетские курсы истории лишь вскользь упоминают кельтов как неких второстепенных персонажей. А вот валлийцы, шотландцы и ирландцы сумели сохранить свою индивидуальность и оставили миру и опыт погребения, и памятники материальной культуры.

Но все же очередь дошла и до кельтских археологических находок. Летом 1978 года сотрудница археологического управления земли Баден-Вюртемберг обратила внимание на странное каменистое возвышение около немецкой деревушки Хохдорф. Потрясенные археологи засвидетельствовали, что их очаровательная коллега напала на первую неразграбленную могилу кельтского вождя! В погребении были обнаружены золотые вещи (кинжал, гребень, нож для бритья, ножницы) общим весом более полукилограмма! Сам вождь, имея гигантский для того времени рост (187 сантиметров), покоился на роскошном бронзовом диване на колесиках. А бронза тогда, 2500 лет назад, ценилась почти так же, как золото. Наиболее ценным экспонатом, обнаруженным в погребении кельтского вождя, оказался экипаж длиной 4,5 метра, окованный железом. Железо же было тогда во много раз дороже золота! Значит, покойный относился к числу очень богатых людей.

Обнаруженные вещи говорят о воинственном нраве кельтского владыки. Впрочем, миролюбие было весьма нетипичным свойством людей, живших в VI веке до н.э. Вообще, весь набор находок в захоронении свидетельствует о высокой культуре кельтов.

Кельтские сапоги со славянским орнаментом

Погребение кельтского вождя в Хохдорфе было признано «находкой века». Оно прояснило многие вопросы, и в частности то, что «самая немецкая из всех полноводных рек» Рейн, оказывается, имеет кельтское название. Это же относится и к другим «немецким» рекам. То есть территорию нынешней Германии населяли 2500 лет назад не германские племена, а кельты. После них эти земли заселили славяне, а уж потом сюда хлынул поток полудиких германцев. На золотой обкладке сапог кельтского вождя вытиснен крест в квадратной рамке с четырьмя точками. По свидетельству академика Б. Рыбакова, такой орнамент прослеживается, начиная с VIII века, на предметах быта древних русичей. Очевидно, вытесненные германцами славяне и кельты объединились и ушли на восток Европы. И для них началась новая история…

Велесова книга, спасенная от революции *1 По материалам Д. Логинова.*

Ее называют и «Дощки Изенбека», и елесова (Влесова) книга. Путь ее к широкому читателю был непрост. Он занял почти век и напоминает мрачный мистический детектив. Начало его восходит ко временам Гражданской войны.

Ехал в 1919 году офицер Белой армии, командир артиллерийской батареи Али Изенбек мимо имения князей Куракиных. Видит: усадьба разграблена и порушена… Казалось бы, чего искать белому офицеру среди печальных развалин? Однако будто был ему голос: «Останови коня. Войди в дом». Так обнаружил Изенбек эту книгу.

В одной из комнат разоренной усадьбы на полу среди опрокинутой мебели рассыпаны были плоские деревянные прямоугольнички странного вида. Дощечки, темные от времени, покрытые плотно вырезанными непонятными знаками, соединенными прямой бороздкой поверху. Многие бы решили: безделица. Но Изенбек, к счастью, был не только строевой офицер. В лучшие времена он участвовал в археологических экспедициях.

Мир воспринимал глубоко и чутко. Писал картины… Почувствовалось ему: дощечки эти есть нечто, имеющее ценность непреходящую. Спасти их надо любой ценой.

Изенбек вывез «дощечки» из России при эвакуации Крыма. Так и ушла «Книга» князей Куракиных вместе с отступающей белой армией. Но что это такое, оставалось непонятным долгие годы. В Европе никто не сумел даже идентифицировать язык, на котором был написан текст на древних «дощках». Но вот однажды в Брюсселе случай свел спасителя наследия нашей древности с Юрием Миролюбовым, тоже эмигрантом, деникинским офицером, великим знатоком славянской старины. В те годы Юрий Петрович был одним из немногих уцелевших экспертов, знающих о «руських письменах» и старинных «текстах на дощках». Вот этому знатоку и показал свое сокровище Али Изенбек. «Дощек» было «два кожаных мешка». Миролюбов расшифровывал их без малого десять лет: с 1927 года по 1936-й. По мере продвижения дела отсылал переписанный оригинальный текст и его перевод в Русский музей Сан-Франциско. Туда же отправил и фотографии нескольких дощечек. Вся его деятельность протекала на квартире Изенбека. Али не позволял другу никуда выносить книгу из своего дома, проявляя непонятную тому осторожность.

Время показало, что осторожность была более чем оправданна. В 1941 году Изенбек скоропостижно скончался во время оккупации Бельгии немцами. Родственников у него не было, и по завещанию все имущество отошло Миролюбову. Но тут вдруг возникли странные бюрократические препятствия. Несколько недель наследнику не позволяли вступить в права. Попав же наконец на квартиру, Юрий Петрович с ужасом обнаружил: бережно хранимые Изенбеком дощечки исчезли – все до единой! Но мало того. Обнаружилось, что вообще весь архив Изенбека канул в небытие. Однако и это не все. Пропали даже фотографии дощечек из музея в Сан-Франциско. Кроме одной-единственной… Далее события развивались не менее странно.

Полтора десятилетия Миролюбову не удавалось организовать издание результатов работ. Публикация списков с исчезнувшего оригинала была начата лишь в 1953 году. Причем она оказалась возможной только в результате содействия одного влиятельного эмигранта. Примечательный был у него псевдоним: А. Кур (не Куракин ли?).

Особенной реакции на издание в мире не наблюдалось. Советские филологи, например, провели в 1960 году лишь подобие экспертизы. Изучили только 0,5 процента всех текстов. И этого оказалось достаточно, чтобы вся книга князей Куракиных попала в разряд фальшивок! Дескать, Миролюбов и всякие там прочие белые офицеры, враги народа, сами все сочинили.

Так бы и теперь думали. Только вот… «сочиненный» текст обладает, как теперь выяснилось, серьезной предсказательной силой. Подоспели археологические открытия. В 1980-е годы вели раскопки в бассейне Припяти. Из текста дощечек можно понять: наши далекие предки жили по берегам этой реки в период II века до н.э. – III века. Именно там и были открыты поселения. И все совпало: к такому выводу пришли как отечественные, так и западноевропейские эксперты.

А в 90-е годы группа историков занялась тщательным исследованием хронологии древней Киммерийской царской династии. Опубликовали результаты. И тогда вдруг выяснилось, что они совпадают с данными, приведенными в книге новгородских волхвов. Как это все понять? «Выдуманный» текст опередил науку на 30 лет? «Фальсификаторы» обладали даром провидения, какие открытия будут сделаны по их смерти? Эти и другие примеры приводит Виктор Грицков, занимающийся изучением «дощек» Изенбека с 1992 года. Он утверждает: «Книга князей Куракиных – безусловно подлинный, уникальнейший памятник глубочайшей древности».

Прорисовка одной из дощечек Велесовой книги

«Дощка», нумерованная II, 16.

Именно так называется дощечка, фотография которой сохранилась. Написано на ней приблизительно следующее: «Знаковая Книга сия, [открой] Исток Богу нашему, коий бо есть прибежище и сила!

В оны (известные от Начала?) времены был муж, який был благ неколебимо, [и] который наречен был Иако. [Он был] отец [Девы], Тивериадец.

И этот муж имел жену и дочь Деву, оное (знатное) стадо коров и многочисленных овнов.

С[вятая] Оная шла путем тайным, нигде не познала мужа.

[Иако же] про дчерь свою так молил богов, чтобы род его непресекся.

А та мольба услышана была Даждьбогом, ибо уже пришел час Его. И Он дал измеленное: пришел меж нас, имея еще вернуться.

На Нем была ясна туча – то новорожденный Младенец нес Божийзнак.

И вот мы отправились в странствие, имея [дары] до Бога нашего, которому речена хвала: будь благословен, Царь, ныне, присно и от века до века!

Сказано, о кудесники: те [отправившиеся] найдя, порекли так и назад вернулись».

Во времена Иисуса Христа на берегу обширного Галилейского озера, между Магдалой (откуда родом св. Мария Магдалина) и Адамой,

располагался город Тивериада. Но это еще не все. Само Галилейское озеро именовалось в те времена морем Тивериадским. Тивериадой (реже – Генисаретом) называли также всю область к западу от этого озера-моря, то есть прежде всего всю Галилею по Назарет включительно. Именно галилеянами, то есть тивериадцами, тиверийцами, были родители Пресвятой Девы Марии, Матери Иисуса.

Небезынтересно также, что в ту эпоху, когда проповедовал Иисус, обширной Римской империей, и в том числе Сирийской ее провинцией, частью которой значилась Галилея, правил император Тиберий. Поэтому дощечка может указывать также и на временной период, близкий Тиберию.

Очень интересен образ «ясна туча». В точности такой же встречаем в предании о Рождестве Христовом, записанном Иустином Философом из Сихема (нынешний Неаполь), жившим в Палестине во II веке. «Ночью, на пути в Вифлеем, пришло Марии время родить. Иосиф поместил Ее в пещере, в которой держали скот, а сам отправился искать повитух. И вдруг произошло нечто странное. Иосиф шел, но не двигался. Глядел на небо и видел, что остановился небесный свод. Все остановилось и на земле. Животные перестали жевать. Пастух, поднявший кнут, замер. Вкушавшие при дороге пищу не донесли руки к устам своим. В это мгновение родился Сын Божий. Иосиф же, найдя повитуху, говорил ей, что помощи ожидает Дева, которая обручена ему, но не жена, и зачала от Духа Святого. Повитуха пошла с Иосифом, и они увидели: «некое ясное облако озарило пещеру, воссиял свет великий…»

Два слова «ясна туча», поставленные рядом, производят впечатление сродни словам «черный снег» или «сладкая соль». То есть такое выдумать – невозможно! Но если человек пытается передать непосредственное впечатление от поразившего его необыкновенного события, он как раз употребляет именно необычные сочетания слов.

Психологически это, может быть, наиболее значимый аргумент, позволяющий утверждать: в каком-то поколении учителями новгородских волхвов (хранителей Велесовой книги) были странники, видевшие Младенца собственными глазами. Невероятно! – скажет наш современник. А между тем на Руси еще несколько веков назад считали именно так. На суздальской иконе «Рождество Христово» (XVI в.) волхвы изображены в характерной русской одежде – отороченные мехом плащи и шапки. Такие одеяния не встречаются на иконах, посвященных иным событиям эпохи Христа. Подобное можно видеть лишь на образах уже русских святых, например Бориса и Глеба. Причем все остальные фигуры суздальского «Рождества» – повитухи, пастух, Иосиф – облечены в одежды, обычные в Палестине: покрывала от солнца, широкополые шляпы.

И еще интересная деталь. Религиозные живописные произведения Запада обыкновенно представляют волхвов подносящими дары. Русский же иконописный канон другой – все три волхва изображаются на конях. Так и на «Рождестве» суздальском. Фигурка коня изображена в левом верхнем углу дощечки Велесовой книги, говорящей о Рождестве. Это изображение на «дощке II, 16» специально отмечается в рукописи перевода ее Ю.П. Миролюбовым. Рисунок коня, как и высокий пафос начальной фразы, отличает данную дощечку от остальных. Вспомним эту фразу: «Знаковая Книга сия, [открой] Исток Богу нашему, коий бо есть прибежище и сила!»

По-видимому, посвященный далеких веков стремился дать ясный знак: речь идет о реальном длительном путешествии и о событии, не сопоставимом по важности ни с каким другим.

«Рождество» суздальское отображает ясно не одну лишь пещеру, но также гору. А между тем о горе не говорит ни один источник, за исключением древнерусской ведической легенды. Иконописцы еще не столь далекого прошлого принимали этот канон. Они же и воспринимали «волхвов с Востока» как русов. Ибо православные иконописцы отказывались изображать одного из волхвов «очень смуглым», несмотря на то что так требовал канон византийский.

Подобное упорство не было безосновательным. О том свидетельствуют новейшие исследования о перемещениях народов за длительные исторические периоды. Известный писатель и историк Владимир Щербаков полагает: географически близкий к Тивериаде трояно-фракийский регион во времена Иисуса Христа был… русским. Фракийское племя, объединившее другие племена этой области, называло само себя русами. Античные же авторы именовали их одрюсами. Владимир Щербаков приводит не только описание внешности и обычаев, но также имена великих князей русов-одрюсов: Садко, Сев, Котко… В первые века по Р.Х. началось великое переселение народов трояно-фракийского региона на север. Одрюсы пришли из Фракии на Днепр… Щербаков прямо говорит о том, что Киевской Руси предшествовала Русь Фракийская. Так что предшественникам новгородских волхвов не надо было преодолевать во времена Святого семейства слишком большое расстояние, чтобы оказаться в Палестине.

К сказанному надо добавить следующее. Древнеславянские ведические предания содержат поразительное пророчество, которое было известно на русской земле задолго до Рождества Христова. Вот оно:

«Дева породит Божича (Сына Бога).

Повитухою будет Жива.

Свершится это в пещере на горе сарачинской (земли сарачин, или сарацин – древнее название Палестины).

Запляшут над пещерою в небе Месяц и часты звездочки.

А от горы увидят в ночи сияние, как от Солнца.

Сберутся к этой пещере сорок царей, сорок князей, сорок волхвов от всех родов.

Увидят у Младенца в руках они Книгу Ясную.

И Книга будет учить волхвов, и князей, и царей земли.

И сделается та сарацинская гора – золотая…»

Причем подобное предсказание содержит не одна только Веда славян. О воплощении Христа предрекали также Пураны Индии, написанные за тысячи лет назад.

В наше время можно считать доказанным (так полагают авторитетные ученые Бал Гангадхар Тилак, Дурга Прасад Шастри и другие), что индуизм и древнеправославие (ведизм) русов происходят от одного корня. И корень тот есть Северная традиция – древнейшее на Земле духовное богомировоззренческое учение. Предание повествует, что

эта Северная (или Русская) традиция была унаследована ариями от арктов. То есть от легендарного народа затонувшей Арктиды – северного полярного континента, который изображает знаменитая карта Меркатора.

Произошла передача учения «две тьмы» (20 000 лет назад), когда, как повествует Велесова книга, аркты под водительством князя Яра пришли через Белое море «в край Русский».

Працивилизация Арктида намного превосходила нынешнюю, существующую на Земле. В частности, аркты обладали даром пророчества. Авторитет унаследованного от них учения был так высок, что веру в истинность их пророчеств разделял в праантичные времена весь мир. Отсюда понятно, почему индоарийские ведические тексты предсказывали пришествие Сына Божия в этот мир много раньше, полнее и обстоятельнее, чем, к примеру, хрестоматийный Ветхий Завет.

Но все это – лишь малая часть великой картины прошлого, которую открывает нам Велесова книга.

Великая стена… на Волге *2 По материалам Л.Любославовой.*

Если внимательно рассмотреть карту Самарской области, то можно заметить нечто любопытное. Через всю губернию тянется зубчатая, как борона, линия. Мимо Самары, мимо Водина, Суходола – куда-то далеко на северо-восток. Такими линиями на топографических картах обозначают оборонительные сооружения и дамбы. Только от кого и кто оборонялся в суходольских степях – непонятно. Тем более дамба там явно ни к чему – вокруг безводная степь на десятки километров.

Это одно из самых загадочных и колоссальных сооружений края историки назвали Заволжским валом. В учебниках местной истории про него ничего не сказано. По крайней мере, в тех, по которым нас когда-то учили. Зато современные историки-альтернативщики Заволжским валом сильно заинтересовались. И вот почему. Солидная земляная насыпь со рвом, как установлено, начинается где-то в устье реки Чагры, тянется через несколько областей, уходит в Татарстан и теряется в предгорьях Среднего Урала. Общая длина – не менее двух тысяч километров! Считается, что ее построили по приказу императорских сановников Василия Татищева, Петра Рычкова и Ивана Кирилова в XVII—XVIII веках. Для защиты от кочевников.

Что правда – то правда. Отцы городов поволжских радели за безопасность своих граждан. Они действительно строили укрепления, о чем сегодня сообщают архивы – впрочем, весьма скупо и без подробностей.

А теперь попробуем решить простую задачку. Подсчитайте, сколько потребуется землекопов, чтобы насыпать крепостной вал длиной хотя бы несколько километров и высотой метра два-три (чтобы можно было вооруженного конника притормозить). А времени на такую работу сколько уйдет?

Десятки лет, если не века! Между тем про строительство Заволжского вала ни в архивах, ни в легендах – ни слова! Разве нестранно?

Уже только названных фактов было достаточно, чтобы спешно собраться в экспедицию. На первый раз – с целью разведки.

…От Самары едем в поселок Алексеевку, а потом пешком по Усть-Кинельской дороге, внимательно глядя по сторонам – не дай Бог, пропустим заветную достопримечательность. Не пропустили. Магистраль рассекла насыпь как раз возле перекрестка. Мы пошли вдоль нее налево, в сторону дачного массива.

Да, время изрядно потрудилось над этим шедевром рук человеческих. Если не знать, что перед нами искусственное сооружение – можно запросто принять за обычную канавку или овражек. За долгие века грунт сполз в ров, и теперь в самом глубоком месте со дна до гребня едва ли будет больше трех метров. Местами вал вообще прерывается, но через несколько метров вновь поднимает землю длинным горбом. Вдобавок все кругом так густо заросло бурьяном, что истинных очертаний сооружения уже не разглядеть. Историки из самарской группы «Авеста», изучавшие вал севернее, возле села Водина, уверяют, что там он все еще вздымается на высоту около пяти метров и имеет на разрезе вид почти правильной трапеции. Еще они установили, что в «фундаменте» стены лежит каменная насыпь, что подтвердилось тут же, на развилке дачной дороги. Свежее обнажение открыло аккуратную кладку плоских камней, скрепленных, видимо, раствором глины. Тут же рядышком потомки постарались – вывалить груду цемента, смешанного со щебенкой. Наверное, чтобы грунт с насыпи на огороды не полз.

Вообще местные дачники с памятником истории обращаются безо всякого почтения: одни забросали ров мусором почти доверху, другие разровняли там местечко и посадили картошку. На мой фотоаппарат они посмотрели удивленными глазами и заявлению об исторической ценности вала, судя по всему, не поверили.

…С горки открылся изумительный вид: холмы, поля, скошенные луга, расчерченные кое-где зелеными лесополосами. Вниз по увалу ведет узкая тропка – там прячется в зарослях речка Падовка, воробью по колено. Просторы распахнуты на десятки километров – и в эту синеющую даль неторопливо уходит древний вал. Отсюда, сверху, он хорошо различим по четкой тени, отброшенной на стерню.

Интересно, кому первому пришла в голову идея перегородить степь? Трудно поверить, что императорским сановникам. Во-первых, здравомыслящий человек поймет: таким способом орду кочевников не остановишь. Во-вторых… Вот мы просто вдоль насыпи идем, и то на десятом километре уже устали. А если бы мы тут с лопатами продвигались? Экскаваторов-то при Татищеве не было… Не проще ли ему укрепить людское поселение по периметру, чем ставить столь дорогостоящий заслон? Скорее всего, тогдашние переселенцы-россияне всего лишь местами реконструировали уже имеющееся сооружение. Чье?

Самарская земля хранит много тайн

Сидя на холме под палящим солнцем, мы представили себе эпическую картину: защитники вала плечом к плечу стоят на гребне, а с северо-востока на них черной тучей надвигается несметное вражеское войско… Стоп! Почему с северо-востока? Ногайцы пришли бы с юга. Так? А ров почему-то выкопан с северной стороны вала.

В памяти почему-то возникли доисторические курганы, оставленные в заволжских степях загадочными племенами огнепоклонников. Некоторые из них поразили археологов своими циклопическими размерами. Например, курган возле села Кашпир (Сызранский район) составлял пятьдесят метров в диаметре и не менее двух в высоту. Его насыпали примерно на рубеже третьего-четвертого тысячелетий до нашей эры над могилой мужчины. Он был огромного роста и, вероятно, занимал высокое положение среди соплеменников. Иначе зачем бы его хоронили с такими почестями? Можете представить, каким гигантским был когда-то могильный холм, если дожди и вешние воды не смогли размыть его за пять тысяч лет! Не забудьте, что в то время металлических лопат еще не изобрели, и орудовать приходилось каменными топорами. Хотя, может быть, тогдашние волжане знали какой-то секрет?

Еще вспомнили гипотезы о том, что племена индоариев в незапамятные времена пришли в Индию именно из наших краев, то есть они продвигались по равнинам Волги и Урала, когда неведомая беда заставила их переселиться с севера на юг. На пути они оставили немало свидетельств своего пребывания: могильники и остатки поселений (самое крупное из них – протогород Аркаим в Челябинской области, покинутый

жителями быстро и без видимых причин). Уже потом странники разделились на два потока и в конце концов обосновались в Иране и Индии. Свое историческое прошлое они запечатлели в текстах «Ригведы» и «Авесты», где подробно рассказали о сражениях людей с демонами-ракшасами, о покинутой родине и ее чудесных городах. Уж не здесь ли сражались с ракшасами легендарные дэвы? Тогда кого они называли ракшасами, можно только гадать…

Анна Ярославна: русская княжна на французском троне *3 По материалам Н. Шевцова*

Она жила много столетий назад и была дочерью киевского князя Ярослава Мудрого. Совсем юною ее выдали замуж за французского короля Генриха I. Говорят, что Анна была красавицей, знала несколько языков и на удивление всем прекрасно гарцевала на коне. Вот, пожалуй, и все точные сведения о ней, дошедшие из глубокого прошлого. Не сохранилась даже могила Анны Ярославны. Более того, никому неизвестно, в какой стране ее похоронили.

Во Франции ее глубоко почитают до сих пор.

В Реймсе, неподалеку от знаменитого собора, можно увидеть панно, на котором начертаны имена всех французских монархов и их жен, которые короновались в этом городе. И среди них имя королевы Анны, которую 19 мая 1051 года короновал вместе с ее супругом Генрихом I архиепископ Реймский Ги де Шатильон.

Остановив свой выбор на Анне, французский король руководствовался чисто политическими соображениями. Ведь если верить историческим свидетельствам, его больше интересовало общество молодых пажей, чем красивых женщин. В ту далекую эпоху за Киевской Русью прочно утвердился авторитет мощного европейского государства, с которым считались и перед которым даже заискивали. Многие иностранные властители считали честью для себя породниться с Ярославом Мудрым. А тот, в свою очередь, позволял себе выбирать, подыскивая для дочерей наиболее подходящих женихов.

Анна Ярославна

Неслучайно Анастасия, одна из сестер Анны, стала венгерской королевой. Другая сестра – Елизавета – вышла замуж за норвежского монарха. Первоначально Анну сватали за германского короля Генриха III. Но их брак не состоялся. И тогда возникла кандидатура французского короля Генриха I, который к тому времени овдовел. Ему много говорили о том, что далеко-далеко, в славянских краях, живет молодая, красивая, образованная и умная принцесса. Последние два ее качества особенно заинтриговали Генриха, который, как и подобало многим «просвещенным» монархам той эпохи, был неграмотным.

Но не так-то легко оказалось заполучить в жены дочь киевского князя. Первое свадебное посольство Генриха вернулось ни с чем. И лишь второе сумело получить согласие Ярослава Мудрого. После этого Анна оказалась во Франции.

Средневековые хроники повествуют о ней как о мудрой и справедливой королеве, глубоко почитавшей, хотя и не любившей своего мужа. Судя по всему, она оказывала влияние на управление страной. Во всяком случае, на некоторых из дошедших до нас государственных документах стоит ее подпись.

Существует предположение, что Анна, в силу физиологических особенностей своего супруга, долгое время не могла подарить ему наследника. Чтобы вымолить его у Всевышнего, она основала в городе Сен-Лисе, где поселилась королевская чета после свадьбы, аббатство Сен-Венсен. Оно существует и поныне, хотя, конечно же, многое изменилось за тысячу лет в архитектурном облике его зданий.

Сен-Лис расположен примерно в сорока километрах к северу от Парижа, совсем недалеко до столичного аэропорта «Шарль де Голль». Огромный собор с резными порталами, узкие улочки, где нет ни одного дерева, и аккуратная рыночная площадь, окруженная домами, верхние этажи которых поддерживают могучие каменные столбы с арками. Все сохраняется, как во времена Средневековья.

Если вы зайдете в собор и поинтересуетесь, как же попасть в аббатство Сен-Венсен, вы поймете, что об Анне Ярославне до сих пор помнят в Сен-Лисе. Королеву здесь называют не иначе как Анна Киевская.

В аббатстве сейчас разместился лицей. Вокруг древних построек – пустынное пространство. Подойдя поближе к древнему храму, можно увидеть женскую статую из камня. В одной руке она держит миниатюрную конструкцию собора, а в другой – лотос, символ королевской власти. На постаменте надпись: «Анна Киевская. Королева Франции. Она основала сию обитель под покровительством Святого Венсена 21 апреля 1060 года».

Господь Бог услышал молитвы Анны и подарил ей троих сыновей, старший из которых Филипп после смерти своего отца стал королем Франции. Но ему было всего девять лет, а потому вместе с ним правила и его мать. Королева никогда не забывала близкое ее сердцу аббатство.

Сохранился документ: «Я употребила свои личные средства, которые мой супруг король Генрих преподнес мне в дар в день нашей свадьбы. С одобрения моего сына и с согласия всех знатных рыцарей королевства я предоставляю все деньги этому аббатству, чтобы там могли жить и служить Богу монахи в соответствии с законами Святых Апостолов и Блаженного Августина».

Примерно через год после смерти короля Анна вновь вышла замуж. Ее избранником стал граф Рауль де Крепи де Валуа – потомок Карла Великого. Но граф уже был женат, а потому папа римский Александр II, изучив жалобу жены Рауля де Крепи, отказался признать новый брак. Однако недовольство Папы не помешало супругам вместе с Филиппом практически втроем управлять страной. Так продолжалось до 1074 года, пока Анна опять не овдовела.

Никто не знает, как сложилась ее дальнейшая судьба. Последняя подпись королевы относится к 1075 году. Есть версия, что она умерла в 1089 году. Во всяком случае, именно тогда церкви Святого Квентина были преподнесены богатые дары для молитв за упокой души скончавшейся королевы. Но где же находится ее могила? В 1682 году монах отец Менетрие обнаружил в одной из расположенных неподалеку от Парижа церквей надгробный камень с изображением женщины с короной на голове. На нем можно было разобрать написанное по-латински имя «Агнес». Не исключено, что именно здесь и похоронили королеву, учитывая, что имена «Анна» и «Агнес» часто воспринимались как схожие. Но церковь, где обнаружили надгробие, возникла в 1220 году, намного позднее смерти Анны. Так что, скорее всего, монах нашел захоронение другого человека.

Есть и другая версия. Она подробно излагается в вышедшей в 1988 году во Франции книге «Под небом Новгорода». Роман, написанный Режин Дефорж, вызвал колоссальный читательский интерес и превратился в настоящий бестселлер. Автор попыталась рассказать о жизни и смерти Анны Ярославны: «Жители Сен-Лиса с огромной радостью увидели одетую в меха королеву. Проходя по городским улицам, она останавливалась у прилавков, беседовала с торговцами и ремесленниками, бросала милостыню нищим, которые следовали за ней на почтительном расстоянии, ласкала детей и пробовала молоко, которое надаивали в ее присутствии. Королева смеялась над шутками своих придворных и вместе с простым народом присутствовала на мессе».

Если верить автору, королева Анна пользовалась уважением и поддержкой многих влиятельных рыцарей, в том числе знаменитого герцога Нормандского по прозвищу Вильгельм Завоеватель – покорителя Англии. Именно он среди других знатных особ присутствовал при отплытии Анны на свою родину. С согласия своего сына королева покинула Францию и отправилась в Новгород. Трудно сказать, что побудило ее к этому решению. Но Р. Дефорж строила свою версию не на пустом месте. Легенда гласит, что Анна вновь оказалась на Руси.

Однако ей не суждено было живой добраться до Новгорода. В пути она тяжело заболела и умерла у самых городских стен. Согласно завещанию королевы, ее похоронили по языческому обряду, уложив тело на подожженный плот, который пустили по воде.

Государство-призрак, или Русская Атлантида *4 По материалам А. Самойлова.*

Хазары, о которых упоминает великий русский поэт в «Песне о вещем Олеге», и доныне остаются одной из загадок истории. Известно лишь, что у киевского князя были достаточно веские основания для мщения: в начале X века хазары победили и обложили данью многие славянские племена. В 965 году, отмечает «Повесть временных лет», «иде Святослав на козары… и бывши брани, одоле Святослав козарам и город их Белу Вежу взя». До того, как разрушить на Дону крепость Белую Вежу (Саркел), князь освободил вятичей, разгромил волжских болгар и, покорив хазарскую столицу Итиль, спустился из дельты Волги вдоль берега Каспия на юг, к городу Семендеру, который постигла печальная участь Белой Вежи.

Уже из этого описания Хазария представляется обширной державой, «села и нивы» которой киевский князь «обрек мечам и пожарам».

Кажется, не было такого евразийского народа, хроники которого не упоминали бы о хазарах. Летописи арабов утверждали, что кагану (царю) платили дань племена от Дуная до Северного Урала, и он был посредником в торговле между Византией и Китаем. Армяне и тюрки вспоминали о частых вторжениях хазар в Закавказье, а грузины писали, что каган, не добившись миром руки их царевны, разрушил Тбилиси.

Византийцы пишут о Хазарии как о союзном им государстве (на троне в Константинополе сидел даже ставленник кагана Лев Хазар): «Корабли приходят к нам из их стран и привозят рыбу и кожу, всякого рода товары… они с нами в дружбе и у нас почитаются… обладают они военной силой и могуществом, полчищами и войсками». Летописцы рисуют величие столицы Итиль, описывают утопающий в садах Семендер и крепость Беленджер, стена которой мощнее знаменитых стен Хорезма.

Все говорят о хазарах, и только хазары ничего не рассказывают о себе. Почему? Быть может, их летописи просто не сохранились? А может, не было у них ни письменности своей, ни языка? И все же от могучей страны должно же было хоть что-то остаться – развалины крепостей, монеты, захоронения, черепки посуды…

Хазарский воин, ведущий пленника. Рисунок на сосуде IX в.

Археологи копали на Дону, на Волге, на Кавказе – увы, ничего. Словно хазары были не люди, а призраки, а города их, словно таинственный Китеж, бесследно провалились сквозь землю. В Лету канула целая империя!

В письме хазарского царя Иосифа сановнику Кордовского халифата Хасдаи ибн Шафруту говорится:

«Я тебе сообщаю, что я живу у реки по имени Итиль, в конце реки Г-р-ган… У этой реки расположены многочисленные народы в селах и городах, некоторые в открытых местностях, а другие в укрепленных стенами городах… Все они мне служат и платят дань. Оттуда граница поворачивает по пути к Хуверезму (Хорезму), доходя до Г-р-гана. Все живущие на берегу этого моря на протяжении одного месяца пути, все платят мне дань. А еще на южной стороне – Самандар в конце страны… а он расположен на берегу моря. Оттуда граница поворачивает к горам».

Далее хазарский царь в письме к арабскому сановнику Хасдаи ибн Шафруту перечисляет подвластные ему племена: «Они многочисленны, как песок… Все они служат мне и платят мне дань. Место расположения их и место жительства их простирается на протяжении четырех месяцев пути. Знай и уразумей, что живу я у устья реки с помощью всемогущего. Я охраняю устье реки и не пускаю Русов… идти на исмальтян и точно так же врагов их (исмальтян) на суше приходить к Воротам. Я веду с ними войну. Если бы я их оставил в покое на один час, они уничтожили бы всю страну

исмальтян до Багдада…

Ты еще спрашивал меня о моем местожительстве. Знай, что я живу у этой реки, с помощью всемогущего, и на ней находятся три города. В одном живет царица; это город, в котором я родился. Он велик, имеет 50 на 50 фарсахов в длину (и ширину). Во втором городе живут иудеи, христиане и исмальтяне… Он средней величины, имеет длину и ширину 8 на 8 фарсахов. В третьем городе живу я сам, мои князья, рабы и служители и приближенные ко мне виночерпии. Он расположен в форме круга, имеет в длину и ширину 3 на 3 фарсаха. Между этими стенами тянется река. Это мое пребывание во дни зимы.

С месяца нисана мы выходим из города и идем каждый к своему винограднику и к своей полевой работе. Каждый из наших родов имеет еще наследственное владение, полученное от своих предков, место, где они располагаются… И я, мои князья и рабы идем и передвигаемся на протяжении 20 фарсахов пути, пока не доходим до большой реки, называемой В-д-шан, и оттуда идем вокруг нашей страны, пока не придем к ее концу…

Таковы размеры нашей области и места наших стоянок. Страна (наша) не получает много дождей. В ней имеется много рек, в которых выращивается много рыбы. Есть также в ней у нас много источников. Страна плодородна и тучна, состоит из полей, виноградников, садов и парков. Все они орошаются из нашей реки…

Я еще сообщаю тебе размеры пределов моей страны… В сторону востока она простирается на 20 фарсахов пути до моря Г-р-ганского; в южную сторону на 30 фарсахов пути до большой реки по имени Уг-ру, в западную сторону на 30 фарсахов до реки по имени Бузан и склона реки к морю Г-р-ганскому.

Я живу внутри острова, мои поля и виноградники и все нужное мне находится на острове. С помощью бога всемогущего я живу спокойно».

Историки сомневались в подлинности письма царя хазарского. Но вот совсем недавно в Каире обнаружили письма того самого Хасдаи ибн Шафрута, которому отвечал Иосиф. Сановник действительно жил в X веке в Испании, при дворе халифа Абдрахмана III! Более того, эти письма имели прямое отношение к хазарам, и Хасдаи просил императора Византии Константина Багрянородного дать ему корабль, чтобы достичь Хазарии.

Византия в то время воевала с хазарами, и некий адресат из Константинополя отвечает сановнику, что действительно существует страна, «называющаяся ал-Хазар, что между ал-Кунстантинией (Константинополем) и их страной 15 дней пути, но что сухим путем меж ими и нами находится много народов, что имя их царя Иосиф».

Тогда Хасдаи ибн Шафрут посылает свое письмо посуху через всю Европу и, вероятно, таким же образом получает из Хазарии ответ. Посланию Иосифа можно доверять, многие факты из него подтверждаются русскими, арабскими, армянскими и византийскими источниками.

Так где же находилась Хазария и велика ли была она? Чтобы получить правильный ответ, следует прежде всего уяснить, что такое фарсах. Если это мера длины, подобно арабскому фирсаху (около 13 километров), тогда хазарские города окажутся слишком большими, а сама страна маленькой. Если же это мера усилий, которые тратят на дорогу,

вроде таджикского чакрыма (он меньше в горах, больше на равнинах), то все запутывается чрезвычайно.

Сверив сведения царя Иосифа с современной географической картой, поймем: он имел в виду какую-то совсем иную страну. Что такое Уг-ру? Рукав Волги или Кубань? Каким образом Бузан может вытекать из Уг-ру? Допустим, оба они – два рукава Волги, но тогда почему Иосиф так долго путешествовал внутри такого пятачка?

Судьбы прикаспийской Хазарии были тесно связаны со своенравным Каспийским морем. Оно то отступает, обнажая огромные площади берегов, то заливает низины степей. Сейчас уровень его вод примерно на 26 метров ниже поверхности Мирового океана. А каким он был во времена расцвета Хазарии, то есть в VI—X веках нашей эры?

Мифы повествуют, что Язон, который отправился за золотым руном в Колхиду, доплыл оттуда и до Каспия. Значит, вполне возможно, что Черное море и Каспий сообщались тогда между собой. Более того, на некоторых древних картах Каспийское море простирается на север, сливаясь с Балтийским.

Соратники Александра Македонского – историк Аристобул и мореплаватель Патрокл – отмечали, что в Каспий через пересохшее ныне русло Узбоя впадала Амударья, но при ее впадении образовывались водопады. Значит, уровень моря был ниже, чем сейчас.

Однако все это относится к временам двух-трехтысячелетней давности. А каким был Каспий в эпоху Хазарии? Нет ли способа реконструировать климат, а значит, и природные условия той эпохи?

В хазарских хрониках нет ответа на такие вопросы, однако можно обратиться к летописям других народов. Самая удобная географическая точка для суждения о высоте Каспия – упоминаемые в письме Иосифа «Ворота» – Дербент с его знаменитой стеной, запиравшей путь в Закавказье. Московский купец Федор Котов так писал об этих местах: «А Дербень город каменный, белый, бывал крепок, только не люден. А стоит концом в горы, а другим концом в море. А длиной в горы больше трех верст. И сказывают, что того города море взяло башен с тридцать. А теперь башня в воде велика и крепка».

Судя по описаниям арабов, Дербентскую стену соорудили в середине VI века по приказу персидского шаха Хосроя Ануширвана. Огромные плиты (такую плиту могли сдвинуть лишь 50 человек) погружали на плоты из надутых бурдюков, транспортировали в море, там бурдюки разрезали – тяжелый груз опускался на дно.

Известный русский ученый Лев Гумилев в свое время усомнился в достоверности подобного способа возведения стены. Он рассуждал так: арабские историки увидели стену лишь в X веке, когда она действительно выступала далеко в море. Но ведь за время с VI по X век Каспий мог значительно изменить свой уровень. К тому же совершенно неясно, в каких целях понадобилось шаху перегораживать море, если стена – защита от сухопутных армад!

Л. Гумилев решил провести подводную разведку. Ему удалось обнаружить амфоры у самого основания стен. Значит, в VI веке в тех местах, где сейчас плещется море, в питьевой воде нуждались! Значит, стену строили на суше. Следовательно, в пору зарождения Хазарского государства уровень Каспия был намного ниже, чем сейчас, и огромные площади, залитые ныне морем, являлись тогда сушей!

Что же произошло в пору гибели Хазарии? Каспий продолжал наступать на берега. Уже в X веке Дербентская стена затоплена на протяжении 300 метров. В 1304 году под водой оказался персидский порт Абиверд. Итальянский географ XIV века Марина Сануто с горечью отмечает: «Каспийское море год от года прибывает, и многие хорошие города уже затоплены».

Да, драма Хазарии связана с Каспием. Еще в VII веке каганат владел огромными площадями плодородных земель. Обмелевшая Волга распадалась в дельте на множество протоков, непроходимых для кораблей. Хазары, прятавшиеся в густых камышах среди болот, были полными хозяевами волжского пути.

Но вот Каспий начинает заливать берега. «Села и нивы» хазар скрываются под водой. По многоводной Волге приходят на своих кораблях отважные русские воины. Святослав легко завоевывает хазарские города. Но владеть ими он уже не может: постепенно они становятся добычей моря. Так погибает каспийская Атлантида.

Где же она теперь? Очевидно, под толстым слоем наносов Волги, под каспийским дном. Но перед Атлантидой, о которой рассказал Платон, у нее есть, по крайней мере, одно преимущество: Хазария была огромной страной, и хотя бы часть ее должна находиться там, где сейчас суша.

Местоположение одной хазарской крепости известно было довольно точно – это Саркел (Белая Вежа). Византийские хроники указывали, что она находится на Дону, по дороге в Итиль. Ее разрушил Святослав, возвращаясь в Киев.

Профессор М. Артамонов нашел и раскопал Саркел. Но обнаружить хазар ему, увы, не удалось. Крепость охраняли степняки, наемники хазар. Ученый грустно констатировал, что «археологическая культура собственно хазар остается до сих пор неизвестной», и предлагал продолжать поиски в низовьях Волги.

Работы продолжил его ученик – профессор Л. Гумилев. Выдвинув гипотезу русской Атлантиды, он нашел захоронения, останки хазар на островках волжской дельты – в тех местах, которые не затоплялись водой. Но столицу Хазарии Итиль найти до сих пор не удалось.

Оригинально пытался разрешить противоречия древних хроник дагестанский исследователь М. Магомедов. Он искал хазарский город Беленджер. Но Беленджером хроники называют и город в Нижней Сарматии (так некогда называли Северный Дагестан), и реку, и стену, и целую страну. Одни и те же арабские путешественники помещают Беленджер и в четырех, и в восьми днях пути от Дербента, то к северу, то к югу от Семендера.

М. Магомедов верил им всем. Если в наше время есть одноименные города, реки и целые государства, то почему же их не могло быть в прошлом? А что, если Беленджеров было несколько? Впрочем, так же, как и Семендеров? Тогда в четырех днях от Дербента стоял один Семендер, в восьми днях – другой город с тем же названием, а между ними – один из Беленджеров.

В 1969 году дагестанские археологи начали раскопки на реке Сулак. И на древнем караванном пути, с трех сторон защищенном горами, они обнаружили оборонительную башню. Правда, стена была известна и раньше, но она как-то не отождествлялась с городской стеной, ведь она ничего не окружала. И сам город оказался необычным: это было двадцать селений, расположенных в цветущей долине на берегу одной реки.

Но тот ли это город, о котором повествуют хроники? Однако ответа так и не получено. Русская Атлантида все еще хранит в вековечной глубине золотые ключи от своих главных ворот.

А что думают на сей счет ученые?

Академик Б. Рыбаков считает, что международное значение Хазарского каганата нередко чрезмерно преувеличивалось. Небольшое полукочевническое государство не могло даже и думать о соперничестве с Византией или Халифатом. Производительные силы Хазарии находились на слишком низком уровне для того, чтобы обеспечить ее нормальное развитие.

В древней книге мы читаем: «Страна хазар не производит ничего, что бы вывозилось на юг, кроме рыбьего клея… Хазары не выделывают материй… Государственные доходы Хазарии состоят из пошлин, платимых путешественниками, из десятины, взимаемой с товаров по всем дорогам, ведущим к столице… Царь хазар не имеет судов, и его люди непривычны к ним». В качестве статей собственно хазарского экспорта автор указывает только быков, баранов и пленников.

«Отсутствие археологических следов хазарских городов, – по мнению Рыбакова, – делает очень неубедительными рассуждения о городском строе у хазар, а паразитарный характер государства, жившего по преимуществу за счет транзитной торговли, лишает нас возможности присоединиться к выводам о развитом феодальном строе каганата.

Размеры каганата очень скромны… Хазария представляла собой почти правильный четырехугольник, вытянутый с юго-востока на северо-запад, стороны которого составляли: Итиль – Волга от Волгограда до устья Хазарского (Каспийского) моря, от устья Волги до устья Кумы, Кумо-Манычская впадина и Дон от Саркела до Переволоки.

Хазария была… небольшим ханством кочевников хазар, долгое время существовавшим лишь благодаря тому, что превратилась в огромную таможенную заставу, запиравшую пути по Северному Донцу, Дону, Керченскому проливу и Волге».

А вот Лев Гумилев назвал гибель Хазарии трагедией прикаспийских Нидерландов. Читатель исторически образованный знает, что хазары были могучим народом, жившим в низовьях Волги… В числе подданных

хазарского царя были камские болгары, буртасы, сувары, мордва-эрьзя, черемисы, вятичи, северяне и славяне-поляне.

На востоке это царство граничило с Хорезмом, то есть владело Мангышлаком и Усть-Уртом, а значит, и всеми степями Южного Приуралья.

На юге пограничным городом был Дербент, знаменитая стена которого отделяла Закавказье от хазарских владений.

На западе весь Северный Кавказ, степной Крым и причерноморские степи до Днестра и Карпат подчинялись хазарскому царю, хотя их населяли отнюдь не хазары…

Читатель – историк или археолог – ставит множество вопросов: каково было происхождение хазар, на каком языке они говорили, почему не уцелели их потомки… Хазары умирали – куда девались их могилы? Хазары размножались – с кем слились их потомки? И, наконец, где располагались поселения хазар?

Обычно территорию, на которой обитал когда-то какой-либо народ, подлежащий изучению, находят без труда. Иногда бывают споры об определении границ области расселения и времени заселения тех или иных местностей, но это детали все той же проблемы. Зато восстановление истории народа встречается с разнообразными и не всегда преодолимыми трудностями. При разрешении хазарского вопроса все получилось как раз наоборот.

Соседние народы оставили о хазарах огромное количество сведений… Мы легко можем прочесть, какие победы одерживали хазары и какие поражения, но, как было уже сказано, о том, где они жили, каковы были их быт и культура, представления не имеем.

…Диаметрально противоположна точка зрения Б. Рыбакова. Он называет Хазарию «небольшим полукочевническим государством паразитарного характера, жившим за счет транзитной торговли».

С Б. Рыбаковым согласиться невозможно, ибо еще до того, как торговля пошла по волжскому пути, хазары уже имели сильное и отнюдь не наемное войско, спасшее в 627—628 годах императора Ираклия от разгрома.

В X веке Хазария оказалась в осаде. С севера, по высыхающим степям двигались кочевники, гонимые голодом и жаждой…

С юга неуклонно наступала морская вода. Она медленно заливала плоский берег – «Прикаспийские Нидерланды», губила посевы и сады, набегами разрушала деревни. К середине X века уже две трети хазарской территории оказалось под водой… Море и засуха продолжали давить с двух сторон… В конце XIII века уже вся страна была покрыта морем…

Да, Хазария – это в полном смысле русская Атлантида.

Сага о«Новых русских» из рода Инглингов *5 По материалам доктора исторических наук В. Кюнтцеля.*

В одной из своих работ российский историк Евгений Владимирович Пчелов приводит сведения о легендарном и начальном этапах происхождения Рюрикова племени. В составленных им таблицах отражена родословная Инглингов, одного из древнейших не только в Скандинавии, но и во всей Европе родов, давших многих королей (конунгов) средневековой Швеции и Норвегии. Согласно преданиям, сохранившимся в форме саг, Инглинги произошли от самого бога Одина, сына его Ингви и внука Ньорда, бога

морей. По другому, более реальному варианту, некий Ингьялд и его жена Герд стали основателями этого рода.

В схеме, приведенной Пчеловым, от Одина до конунга Олава Щетконунга указано целых 35 колен Инглингов, что, конечно, совершенно не вяжется со сведениями, приведенными в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, где рождение Ингьялда отодвигается приблизительно к началу VIII века. Однако легко допустить, что здесь идет речь не об Ингви Фрейере, время рождения которого теряется в глубине веков, а об его далеком потомке Ингиальде, сыне конунга Энунда Дороги, пращура Харальда Прекрасноволосого, реального короля Норвегии. Этот Ингиальд жил, очевидно, где-то на рубеже VII—VIII веков. Его же отец Энунд прославился тем, что вел интенсивное дорожное строительство в сложных условиях залесенной и сильно пересеченной местности, какой была тогда почти вся Скандинавия. За свою деятельность энергичный конунг и получил такое меткое прозвище.

Теперь обратимся к другой ветви этого разветвленного родословного древа, давшей целую плеяду конунгов Швеции. Родоначальником обоих ветвей был конунг Ингварь, о коем следует упомянуть хотя бы потому, что его имя в русифицированной форме – Игорь – стало широко распространенным среди потомков Рюрика. Внук первого Ингваря, Ратбард, был женат на Ауд Богатой. Возможно, после ранней смерти мужа Ауд вышла вторично замуж за Хрерика (Рюрика) Метателя Колец, предка Рюрика (Хрерика) Новгородского, от которого ведет свое начало многочисленное племя Рюриковичей.

Рандвер, старший сын Ауд Богатой и Ратбарда, дал начало роду шведских Инглингов, но подлинная история Шведского государства начинается обычно не с него, а с его далекого потомка Эйрика (Эрика) сына Эймунда (Эмунда), ставшего королем шведским где-то около 850 года и умершего в 882 году. Ему наследовал сын Бьерн, передавший власть сразу двум своим сыновьям Олаву и Эйрику Сегерсвеллу (Победителю). Олав правил недолго, а Эйрик Победитель умер в 994 году, завещав королевство младенцу-сыну Олаву Щетконунгу. О беспокойной молодости короля Олава говорит само его прозвание, которое часто переводят как «пола плаща», в которой мальчика несли близкие ему люди, укрывая от возможных покушений на его жизнь.

Олав Щетконунг замечателен также тем, что через 14 лет после того, как стал королем и достиг совершеннолетия, в 1008 году принял христианство. Это случилось на два десятка лет позже крещения Руси его дальним родичем Владимиром Святославичем, получившим за то прозвание Святой.

Великий князь Киевский Владимир, возможно, имевший еще одно имя – Солнце или Красное Солнышко, как его обычно именуют наши былины, любил весело пожить. Он был просвещенным человеком и крупным политическим деятелем. Однако и он не лишен был, с нашей точки зрения, некоторых недостатков, к числу которых строгие блюстители нравов относили излишнюю любовь князя к горячительным напиткам и женщинам. Следствием чего явилось большое количество сыновей от разных жен, которым великий князь постарался передать уделы еще при своей жизни.

Рунический камень из Грипсхольма

Но жизнь его вскоре оборвалась при стрессовой ситуации, когда Владимир собирался в поход на непокорный Новгород, где сидел один из его сыновей Ярослав. Сразу же после кончины великого князя завязалась упорная борьба между наследниками, большая часть которых погибла от рук своей же братии. Особенно упорной была война Ярослава Новгородского со Святополком Киевским, которого летописец именует Окаянным. Возможно, не без воли Ярослава пущен был слух о том, что Святополк не был сыном Владимира. Согласно этой версии, он был рожден от убитого варягами князя Ярополка, законного наследника престола, в отличие от Владимира, сына наложницы Малуши.

Ярославу с его новгородцами совсем нелегко было управиться с киевским князем, союзниками которого выступали поляки и печенеги. Тогда-то, по совету своего родича, посадника Новгородского Константина Добрынича, и обратился князь Ярослав за помощью к шведским «варягам», а значит, непосредственно к своему дальнему родственнику Олаву Эйриксону Щетконунгу.

О последствиях такого шага повествуют не только русские летописи, но и скандинавские, точнее исландские саги. Наиболее полно события тех лет освещает одна из них, названная «Прядью или сагой об Эймунде».

Ярослав Мудрый спешно отправил посольство в Швецию, но не наобум: он знал, что делает, и потому успех его миссии оказался далеко не случайным. Именно тогда переплелась история двух государств.

Но что же представляла собой Швеция тех далеких времен? В начале XI века, когда еще был жив славный король Олав, она была далеко не централизованным государством. Не только с соседней Норвегией, где правили короли той же династии Инглингов, но даже с ближайшими областями Центральной Швеции, Олав Щетконунг не мог разговаривать как со своими вассалами. Ему подвластна была лишь малая часть современной Швеции, носившая название Упланд. Она располагалась на относительно небольшом, полукруглом выступе у входа в Ботнический залив. Здесь в древней Упсале, заложенной в нескольких десятках километров от тогда еще не существовавшего Стокгольма, и располагалась столица короля Олава. Сейчас Упсала уже давно потеряла прежнее значение, но созданный в ней когда-то университет славится и поныне.

Именно сюда и прибыло новгородское посольство, посланное Ярославом. Оно было с большим почетом принято королем. Олав Щетконунг, посоветовавшись с тингом (советом старейшин), решил оказать поддержку новгородскому князю. Более того, уже, возможно, тогда велись переговоры о женитьбе Ярослава на младшей дочери Олава, Ингигерде.

Следствием был отъезд большого варяжского отряда во главе с родичами короля Эймундом и Рагнаром. Летом 1016 года варяжская дружина прибыла в Новгород к Ярославу и в том же году скандинавы приняли активное участие в походе на Киев. По сведениям летописца, варягов насчитывалось около тысячи, а все войско Ярослава достигало 40 тысяч.

Святополк и не думал уступать брату Киев без боя, сильно надеясь на своих союзников-печенегов. Возле города Любеча произошла решительная битва, в которой победа досталась Ярославу, и он торжественно вступил в Киев. Однако борьба его со Святополком на том не кончилась. Изгнанному князю помог его тесть, польский король Болеслав, не зря прозванный Храбрым. Война шла с переменным успехом: вначале Болеславу со Святополком удалось разбить Ярослава на реке Буг и возвратить утраченный престол. Но поляки вели себя в Киеве, как в завоеванном городе, что, естественно, вызвало возмущение киевлян. К заговору против поляков примкнул даже сам Святополк. Узнав об этом, Болеслав страшно разгневался на зятя и увел свое войско в Польшу, предоставив великого князя его судьбе.

Вскоре в битве на реке Альте, в 1019 году Ярослав Мудрый одержал окончательную победу и изгнал навсегда Святополка с Русской земли. В том же году состоялась его свадьба с дочерью Олава Щетконунга Ингегердой. Матерью молодой великой княгини была славянка-венедка. Ингегерда приняла православную веру и получила новое имя – Ирина.

А какова же была судьба ее соотечественников Эймунда и Рогнара? Известно, что еще в 1017 году они возглавляли отряд в 600 бойцов, защищавших Киев от печенегов. Кроме того, Эймунду сага приписывает убийство соперника Ярослава князя Бурицлейва, отождествляемого обычно со Святополком. Однако рассказ саги явно противоречит Несторовой «Повести временных лет», что дает пищу для экстравагантных

предположений. Не исключено, считают некоторые исследователи, что Бурицлейв – вовсе не Святополк, а любимый сын князя Владимира, Борис, предательски убитый все на той же речке Альте. Не все так гладко шло в истории, как писали первые летописцы.

Закончилась братоубийственная война, и спустя некоторое время варяги-побратимы переходят от Ярослава к его родичу Вартилаву. Если верить саге, их уход не был мирным. Помогая мужу, Ингигерда хотела схватить опасных родичей, но из-за их бдительности сама оказалась в плену у Эймунда. Ярослав вынужден был пойти на невыгодный для себя мир, а варяги переменили место службы. Хотя их нового князя большинство историков отождествляет с племянником Ярослава, Брячиславом Изяславичем Полоцким, однако нельзя исключать возможность других атрибуций. Судя по тексту саги, гораздо вероятней, что варяги служили брату и последнему опасному сопернику Ярослава – Истиславу Владимировичу Храброму. Это подтверждается и скоропостижной смертью князя «Вартилава», после чего Эймунд опять возвращается к Ярославу и Ингегерде и получает от них крупный земельный надел, которым он владел до самой смерти. За неимением других наследников владения Эймунда перешли к Рагнару. Казалось, все ясно, но, оказывается, что данной версии противоречат рунические надписи, выбитые на каменных плитах надгробных памятников варяжских вождей и героев. Больше всего их было найдено в уже упоминавшемся нами Упланде и соседних с ним областях.

Обращаясь к руническим текстам из Упланда, мы вновь сталкиваемся с именами Эймунд и Рагнар. Одна из таких плит, по составленному кадастру имеющая № 72, была найдена еще в XVII веке в церкви Римбу. Орнамент памятника датирован 1020—1060 годами. Вот содержание этой надписи на камне: «Энунд и Эйрик и Хакон и Ингвар установили… по Рагнару, своему брату. Бог да поможет его душе».

Из данного текста ясно, что у какого-то Рагнара, возможно, тезки нашего героя, было четыре брата (запомним их имена), которые установили по неизвестно когда и где погибшему памятник. Очевидно, этот Рагнар умер на чужбине не ранее 1020 года. Судя по записи, можно также допустить, что в то время не было в живых ни отца, ни матери братьев. В числе их один, по-видимому, младший, получил имя Ингвар. Обилие рунических надписей повествует о судьбе этого человека, что позволяет современным исследователям идентифицировать его с популярным по исландским сагам Ингварем-мореходом, или путешественником.

Известно, что Ингвар был из рода Инглингов. Значит, и его братья относились к тому же роду, а погибший их старший брат, возможно, ходил в поход в Гардарики вместе с Эймундом. Но не будем спешить: лучше внимательно прочтем вторую надпись.

Этот рунический памятник значится под № 88. Он также открыт в XVII веке, в церкви Хусбю-Мохундра и датирован 1020—1050 годами, но скорее всего был создан до большого похода Ингвара на Восток.

Текст памятника переводится так: «Эйрик и Хакон и Ингвар и Рангхильд, они… Он умер в Греции. Да помогут бог и божья матерь его душе». Здесь снова встречаемся мы со знакомыми лицами – братьями Эйриком, Хаконом и Ингваром, да еще с какой-то женщиной, вероятно, с их сестрой или вдовой покойного. Отсутствует лишь старший из братьев –

Энунд. Как полагает Е.А. Мельникова, знаток рунических текстов и древней истории Скандинавии, памятник как раз и посвящен ему. Подобная версия весьма правдоподобна: вслед за Рагнаром, вдали от родины умирает и следующий за ним по старшинству, его брат Энунд.

Хотя в обеих надписях нет упоминания об Эймунде, но установить его родство с данной семьей не трудно. Имя отца Ингвара-морехода названо, как в посвященной ему саге, так и в рунической надписи за № 45, найденной в Стрэнгнесе, как и предыдущие, в XVII столетии. Прочтем же и ее: «Эйрик велел высечь камень по Ингвару и Харальду, сыновьям Эймунда. Они умерли на юге, в Серкланде».

Становится ясным, что вся серия надписей сделана одной семьей некоего варяга Эймунда, умершего, как и подобает воину, раньше своих детей. Эйрик, как оставшийся за старшего, ставит памятник своему брату Ингвару. Но откуда взялся еще один из их братьев – Харальд? Ведь прежде о нем не было никаких упоминаний!

Все удивительно просто. В рунической надписи № 32, найденной в Грипсхольме, в соседней с Упландом области Седерманленд, имеются интересующие нас сведения о брате Ингвара-морехода. Приведем эту надпись полностью: «Тола велела установить этот камень по своему сыну Харальду, брату Ингвара. Они отважно уехали далеко за золотом и на востоке кормили орлов. Умерли на юге в Серкланде».

Ответ достаточно ясен. Памятник поставила Тола, мать Харальда, но не его сводного брата Ингвара. И снова загадочный Серкланд, где сложили головы братья. Нам же следует сделать вывод, что права Е.А. Мельникова, утверждавшая, что у отца Ингвара, Эймунда, было две семьи: одна в Упсале (основная) и другая в Седерманленде (побочная), Харальд же – еще один из его сыновей.

Сейчас нам важно установить, был ли Эймунд Хрингссон действительно отцом Ингвара и его братьев? Сага не дает положительного ответа. Помирившийся в конце жизни с князем Ярославом Эймунд получил от великого князя какой-то значительный надел, правил там, потом заболел и умер, оставив наследником своего друга Рагнара. Быть может, он был бездетным в отличие от своего тезки?

Однако возможны и другие объяснения. Но прежде подумаем, где располагались владения Эймунда. В местах, достаточно чуждых варягам. Их должно было тянуть на север, к ландшафтам, близким их родине. Таким местом была Новгородская земля. Возможно, Ярослав Мудрый и сделал Эймунда, а потом Рагнара своими посадниками в Новгороде. В то время такое было вполне возможно. Передача же владений старшему в роду соответствовала древнему закону.

Е.А. Мельникова, на которую мы часто здесь ссылаемся, как на лицо весьма компетентное в данных вопросах, считает, что Эймунд мог быть крупным хевдингом, владельцем многих земель в Упланде и других областях Швеции, человеком, близким королевскому роду. Она, конечно, совершенно права. Именно такой близостью объясняется то, что сам Эймунд и его сыновья носили родовые имена Инглингов. О родстве Ингвара-морехода с домом Инглингов пишет и С.Д. Ковалевский. В комментариях к своей монографии Мельникова сообщает, что Ингвар был внуком Олава Щетконунга, а значит, Эймунд являлся двоюродным братом

Ингигерды-Ирины, жены Ярослава Мудрого. Но возможно ли такое?

У короля Олава был сын по имени Эймунд, прозывавшийся Злым, или Старым. Он наследовал своему брату Энунду – Якобу Углежогу. Этот Эймунд умер в 1060 году, а значит, по возрасту никак не мог быть отцом Ингвора и его братьев. Значит, в роду Инглингов был еще один представитель с тем же именем. Но быть племянником короля Олава Эймунд мог только в том случае, если его мать, о которой нам ничего не известно, была дочерью конунга Эйрика Победителя. Может быть, недаром самого Эймунда сага часто именует конунгом?

Если все так, то снимаются все темные места в этой истории.

Наш рассказ подходит к концу, но он был бы не полон, если бы мы не проследили других членов этой ветви Инглингов. Это относится к оставшимся в живых братьям Ингвара-морехода: Эйрику и Хакону.

После смерти, возможно, тоже насильственной, своего последнего брата, Эйрика, Хакон завладел всем его наследством. Из «Киево-Печерского Патерика», мы узнаем, что он начал сильно притеснять своих племянников и один из них, по имени Шимон, вынужден был, тайно от дяди, бежать на Русь, где был радушно принят великим князем Ярославом. Шимон стал служить в дружине у младшего сына Ярослава Всеволода.

Варяг Шимон принял православие и получил новое имя – Симон. Вместе с князем Всеволодом Ярославичем он участвовал во многих походах и жарких сражениях, был одним из главных вкладчиков в строительстве нового храма в Печерском монастыре, за что и удостоился чести попасть в его Патерик. Сын Симона Георгий или Юрий Шимонович верно служил внуку Ярослава Мудрого Владимиру Мономаху. В качестве советника его сына Юрия Долгие Руки Георгий уехал вместе с молодым княжичем в далекую Ростово-Суздальскую землю. Потомство этого боярина выдвинулось позднее в московские тысяцкие и породнилось с великими князьями Московскими. Но это были уже другие времена.

Отношение клана Эймунда с Олавом Щетконунгом и другими шведскими королями складывались, очевидно, по-разному. Возможно, поэтому представители этого знатнейшего скандинавского рода оказывались так легки на подъем и часто уходили в далекие и опасные походы. Где-то там, за синим морем многие из них, вдали от дома, сложили свои головы. А родичи этих мореходов из рода Инглингов, потомки варяга Шимона, навсегда обрели новую родину – Русскую землю – и много веков честно служили ей.

Род Романовых – из XII столетия? *6 По материалам доктора исторических наук В. Кюнтцеля.*

Немало сложностей, а порой и загадок таится в генеалогии многих боярских и дворянских родов, особенно когда исследуются их корни, уходящие в XIV и более поздние века. Не представляет исключения и царственный род Романовых.

Доподлинно известно, что родоначальником бояр Захарьиных-Юрьевых, позднее Романовых, был ближний боярин великого князя Московского и Владимирского Симеона Иоанновича Гордого по имени Андрей Кобыла. Ему доверил Симеон Гордый весьма ответственную миссию – вместе с другим знатным боярином, позже московским тысяцким, Алексеем Хвостом Босоволковым, послан был Андрей Кобыла в Тверь, за новой, третьей по

счету, невестой великого князя, княжной Марией Александровной Тверской. Ее отец, князь Александр Михайлович Тверской, соблюдая семейную традицию, яростно боролся с князьями московскими за право владения великокняжеским престолом Владимирским. Возглавив восстание в Твери против татарских баскаков, князь Александр тем самым подписал свой смертный приговор. Возможно, не без содействия своего давнего соперника Ивана Даниловича Калиты, смелый тверской князь принял мученическую смерть 29 октября 1339 года в Большой Орде.

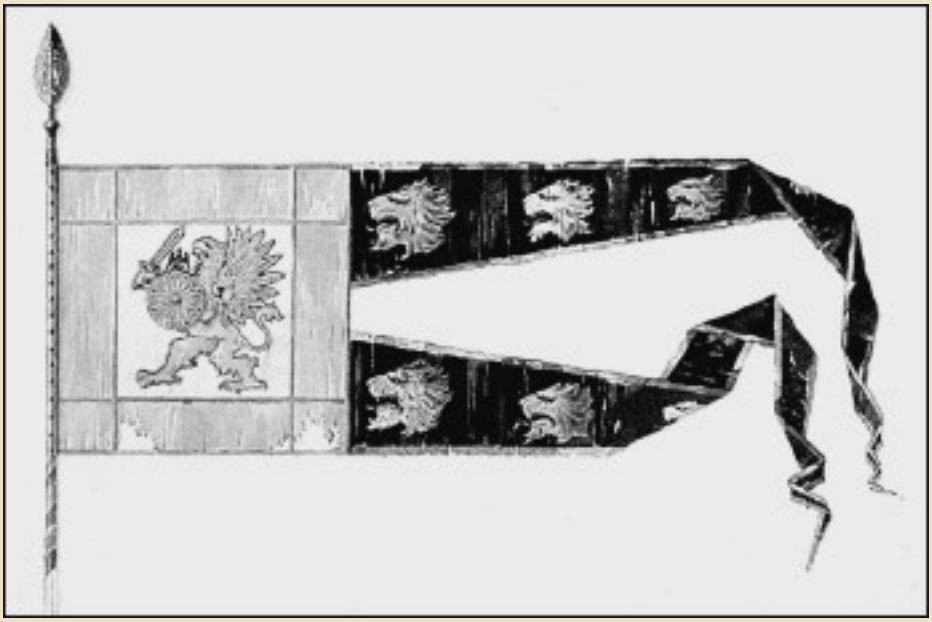
Теперь же, спустя почти десятилетие, сын Калиты Симеон посылал своих сватов в Тверь, возможно, в надежде примирить два враждующих русских княжества. То, что Андрей Кобыла возглавил московское посольство, говорит о многом. Неслучайно летописец поставил его на первое место, в обход другого представителя старомосковского боярства Алексея Хвоста Босоволкова. Это свидетельствует о знатном происхождении Андрея, а возможно, и его родственных связях с великокняжеской семьей. Однако о дальнейшей его судьбе летописи молчат. Зато хорошо известны потомки Андрея Кобылы, особенно принадлежащие к ветви его младшего сына Федора Кошки.

Да, боярин Федор Андреевич Кошка не обойден вниманием летописцев своего времени. Особенно многозначительны некоторые эпизоды его биографии. Обе дочери Федора Кошки были удачно выданы за князей тверского дома: одна за Василия Михайловича Кашинского, давнего союзника Москвы, вторая, Анна, за князя Федора Микулинского. Сын Федора Кошки, Федор Голтяй, был женат на Марье Васильевне Вильяминовой, двоюродной сестре великого князя Дмитрия, а ее дочь стала женою князя Ярослава Владимировича Боровского, тоже близкого родича Дмитрия Донского.

Не менее знаменательно и то, что в 1380 году, уходя в поход на Мамая, великий князь Дмитрий поручает Федору Андреевичу Кошке править в Москве во время его отсутствия.

Все эти факты указывают на то, что род Андрея Кобылы занимал весьма высокое положение в Московском государстве и по нескольким линиям породнился с правящей династией. И в последующие века Захарьины-Юрьевы-Романовы входили в число первейших боярских родов Москвы.

Но каково же происхождение выдающегося рода? Очевидно, такой вопрос волновал не только современных генеалогов. На него пытались ответить уже в первой половине XVI века, когда возникла гипотеза о предке Захарьиных, некоем Гландале Камбиле Дивоновиче из Прусско-Самогидских князей или даже царей. В различных версиях такая фантастическая гипотеза дошла и до наших времен. Крупные историки и генеалоги обычно умалчивают о ней или же, говоря о нем, избегают оценки достоверности подобной легенды.

Штандарт Романовых

Камбила, или в других вариантах Камбилион, якобы владевший землями Самогитии и Судавии, вел свое происхождение от царя Пруса, мифического брата римского императора Октавиана Августа. Некоторые комментаторы находили явное сходство имен Камбилы и Кобылы, предполагая, что именно от первого получил свое лошадиное прозвище боярин Андрей.

О том, что подобное предание кочевало по Москве не позже середины XVI столетия, свидетельствует послание князя Андрея Михайловича Курбского царю Ивану. В нем не двусмысленно утверждалось, что погубленный род бояр Колычевых, потомков Андрея Кобылы, вел свое начало от княжат Решских.

Но можно ли доверять такому показанию? Вряд ли оправданно искать родоначальников дома Романовых в Прусско-Самогидских или Решских землях, а тем более связывать их генеалогическое прошлое с Римской империей. Ведь у бояр Захарьиных-Юрьевых был прямой расчет выводить свой род от прусских державцев. Особенно это было важно в тот момент, когда дочь Романа Юрьевича Захарьина Анастасия сочеталась браком с великим князем Иваном Васильевичем Грозным. Тогда-то, в середине сороковых годов и возникла острая необходимость в царском или хотя бы в княжеском происхождении невесты царя.

Имеется много доказательств, подтверждающих, что версия о Камбиле Дивоновиче не более чем вымысел, имеющий к тому же достаточно ясную мотивацию.

В родословной росписи бояр Шереметевых, потомков того же Андрея Кобылы, все начинается именно с него, а не с придуманного самогитско-прусского царя.

Еще более убедительным доказательством являются местнические дела бояр Захарьиных, в которых нет ни полслова об их княжеском происхождении, что было бы для них чрезвычайно важно. Ведь поражение в местническом споре неизбежно влекло к весьма печальным последствиям и больно сказывалось на социальном и материальном положении проигравшей стороны. Однако даже дед будущей царицы Анастасии, боярин Юрий Захарьевич, в своей тяжбе с именитым князем Даниилом Васильевичем Щеней из рода Гедемина Литовского не привел такой весомый довод.

Но если вариант с Камбилой Дивоновичем явно не проходит, а в чем-то почти анекдотичен, то где же альтернативная гипотеза? И оказывается, она тоже высказывалась. Еще в конце XIX или в начале текущего века была предложена версия о новгородском происхождении Романовых. И хотя ее автор, скрывшийся под инициалами Г.С.Ш., был крайне осторожен в своих выводах и предпочитал высказываться полунамеками, его псевдоним был быстро расшифрован. Под «Г.С.Ш.» скрывался не кто иной, как граф Сергей Шереметев.

Сергей Дмитриевич Шереметев происходил из знатного боярского, а позже графского рода Шереметевых, дальних родичей царствующего дома. Он являлся одним из богатейших людей России, владетелем подмосковных усадеб Останкино и Кусково, а позже Остафьево. Но не происхождение или богатство прославили его. Гораздо важней было то, что Сергей Дмитриевич был одаренным писателем, историком, генеалогом. Это он, очевидно, впервые предложил новую версию, и его мнение по данному вопросу представляется нам весьма авторитетным.

Согласно гипотезе «Г.С.Ш.», Андрей Кобыла и его потомство возвысились благодаря родству с Московским великокняжеским домом. Отец Андрея Иван или Ивон, по «Г.С.Ш.», которого тот относил к выходцам из Пруссии, получил от великого князя Дмитрия Александровича, сына святого Александра Невского, во владение ряд городов в Новгородской земле. Другой потомок Невского, внук его, Афанасий Данилович, женился на дочери этого знатного новгородца, Анне. Вскоре она со своим братом Андреем Кобылой очутилась в Москве у своего деверя, великого князя Ивана Даниловича Калиты. Позже Андрей Кобыла стал ближним боярином сына Калиты, Симеона Гордого.

Подобная точка зрения не представляется нам абсурдной, тем более если учесть, какими источниками мог пользоваться граф Сергей Дмитриевич. Ведь помимо родословцев Шереметевых и других родственных им фамилий, в его распоряжении могли оказаться и некоторые бумаги Николая Михайловича Карамзина, автора многотомной «Истории государства Российского». Дело в том, что женой графа была внучка близкого друга Пушкина, князя Петра Андреевича Вяземского. В усадьбе Вяземских, подмосковном Остафьеве, долгое время жил и работал великий русский историограф, женатый на сестре владельца имения. В семье Вяземских, а позже Шереметевых, могли храниться предания или неизвестные нам документы из архива Карамзина или хозяев Остафьева.

Итак, слово промолвлено – боярин Андрей Кобыла через свою сестру Анну породнился с князем Афанасием Даниловичем, а через него с другими князьями Московскими. Насколько оправданным может быть такое

предположение? Из 1-й Новгородской летописи – наиболее основательного и непротиворечивого свода – известно, что князь Афанасий по меньшей мере дважды побывал в Новгороде в качестве наместника старшего брата, Юрия Даниловича Московского. Первый приезд Афанасия Даниловича приходится на 1314 год, когда он появился в Новгороде в свите братаЮрия.

На тот период выпадают годы самой ожесточенной борьбы Москвы с Тверью, причем на московскую сторону встал и Новгород, сильно не ладивший с великим князем Михаилом Ярославичем Тверским. 15 марта 1315 года, в субботу Лазареву, князь Юрий Данилович возвратился в Москву, оставив в Новгороде брата Афанасия с большими полномочиями. Вскоре Юрий был вызван ханом в Орду. Этим немедленно воспользовался его ярый противник – Михаил Тверской, двинув большое войско к пригороду Новгорода – Торжку. Тем самым он перекрыл основной торговый поток в Новгородскую землю с Востока. Такого новгородцы стерпеть не могли и вместе с князем Афанасием Даниловичем двинулись к Торжку.

Счастье улыбнулось в те дни Михаилу Тверскому: новгородцы потерпели сокрушительное поражение. Немало их пало в той злополучной битве. В числе погибших оказались сразу все три посадника, возглавлявшие новгородское воинство: Андрей Климович, Юрий Мишинич и Михаил Павшинич. Подобного не знала история Великого Новгорода.

С остатками разбитого войска Афанасий Данилович поспешил укрыться в Торжке, но вскоре принужден был просить мира у победителей. Его вместе с прочими пленниками увезли в Тверь.

В Новгороде князь Афанасий вновь появился лишь в 1319 году, после мученической гибели в Орде великого князя Михаила Ярославича Тверского. Афанасий Данилович вновь является наместником своего старшего брата. Впрочем, Афанасий прожил здесь недолго и в 1322 году был похоронен в церкви Святого Спаса в Рюриковом Городище под Новгородом.

Скорее всего, его брак с дочерью новгородского боярина мог состояться в первый приезд князя и был обусловлен необходимостью тесных связей Москвы с Новгородом. Только если сопоставить даты жизни Андрея Кобылы и его отца Ивана, можно допустить, что жена Афанасия, Анна, была не сестрой, а скорее теткой Андрея.

Случаи выдачи замуж новгородских боярышень за князей дома Рюрика были в ту пору далеко не единичны. Например, в 1294 году дочь боярина Юрия Михайловича, Оксинья, стала женой князя Ярослава Ярославича, отца Михаила Тверского. Иногда Юрия Михайловича отождествляют с посадником Юрием Мишиничем. Однако это маловероятно. Если бы дедом Михаила Ярославича Святого в самом деле был Юрий Мишинич, то трудно допустить, чтобы летописец не обыграл такой трагический сюжет: ведь тогда получается, что храбрый воевода пал в битве с собственным внуком. Но летопись о том молчит.

Юрий Мишенич был представителем Неревского конца Новгорода. Известно, что его жители никогда не питали особой любви ни к Москве, ни к Твери. Они придерживались традиционной для большинства новгородцев сепаратистской позиции.

Поэтому гораздо более вероятно, что тестем Ярослава Ярославича был другой Юрий Михайлович, и хотя в летописи нет больше упоминаний о

нем, нетрудно допустить его связь с Прусской улицей, посадники которой всегда поддерживали князей Северо-Восточной Руси. Братом этого Юрия вполне мог быть свергнутый в 1287 году посадник Семен Михайлович, долгое время правивший в Новгороде, а отцом – знаменитый посадник Михаил Федорович, ходивший в поход вместе с князем Ярославом и принявший героическую смерть в 1268 году в битве при Раковоре. О том, что посадник Михаил был весьма влиятельной фигурой в Новгороде, говорит тот факт, что он удостоился, наряду со своим предполагаемым двоюродным братом, Стефаном Твердиславичем, быть погребенным в главном соборе Новгорода – церкви Святой Софии. После него там не был похоронен ни один из многочисленных новгородских посадников. Что же касается его сына Семена Михайловича, то одной из причин свержения этого посадника могла быть приверженность его к дому Святого Александра Невского и того же Ярослава Ярославича. Против него восстал весь Новгород: посадник Семен вынужден был бежать и скрываться в Софийском соборе, где был погребен его отец. Там он пользовался защитой архиепископа Новгородского Климента. Вскоре Семен Михайлович умер, не выдержав треволнений, а на место его заступил посадник Андрей Климович, представитель той же Прусской улицы.

Нам, однако, пора вернуться к истории князя Афанасия. Как видим, не существует противопоказаний его брака с новгородской боярышней из знатнейшей боярской семьи. В таком случае логично допустить, что жена князя Афанасия Даниловича была дочерью или внучкой одного из шести или семи новгородских посадников того времени. Скорее всего, он мог проживать на Прусской улице в Софийской стороне Новгорода. Именно посадники этого района постоянно поддерживали Владимирских, а затем Тверских и Московских князей и являлись их надежной опорой. Более того, жители Прусской улицы и прилегающего к ней Загородского конца составляли главные эмиграционные потоки в Тверь и Москву.

Первая волна такой эмиграции возникла в начале 70-х годов XIII столетия, когда в Тверь вместе с князем Ярославом Ярославичем ушли бояре из рода Ратшиничей, позднее перешедшие на службу к московским князьям. Вторая высокая волна поднялась после двухкратного разгрома Прусской улицы в 1258-м и 1287 годах. Тогда в Москву перебрались предки бояр Морозовых и Салтыковых.

Третья волна эмиграции коснулась рода Андрея Кобылы, переехавшего в Москву, вероятно, уже после смерти князя Афанасия Даниловича, в свите своей сестры княгини Анны.

Но кто ж из новгородских посадников конца XIII – начала XIV века мог годиться в родоначальники бояр семейства Андрея Кобылы? Наиболее известными из них были посадники Андрей и Семен Климовичи, Михаил Павшинич и Юрий Мишинич. Как уже было сказано, трое из них пали в битве при Торжке. Кроме этой четверки в тот же период были еще по меньшей мере три посадника: Михаил Климентьевич (возможно, брат обеих Климовичей), Иван Дмитриевич и некий Борис, отчество которого не названо. Никто из них не занимал видного места в Новгороде, и ясно, что не на них делали ставку московские князья.

Четверо остальных были выдающимися людьми, каждый из которых мог претендовать на роль тестя московского князя. Крупнейший знаток

истории Новгорода, В.Л. Янин обоснованно относит Юрия Мишинича к представителям Неревского конца. Это подтверждается и находками здесь берестяных грамот. Братья Климовичи, по Янину, жители Прусской улицы, а Михаил Павшинич представлял ту категорию прушан, которым в то время осваивался новый конец на другой стороне Волхова. Значит, Михаил Павшинич представлял интересы Прусско-Плотницкого боярства.

Очень мала вероятность, что дедом Андрея Кобылы мог быть Юрий Мишинич, о чем уже говорилось выше. Зато шансы трех остальных можно считать почти равными: ведь все они имели владения на Прусской улице, с которой несомненно был связан князь Афанасий. Недаром во всех родословцах потомков Андрея Кобылы сказано, что род его приехал из Прусс. На примере боярских родов Ратшиничей и Твердиславичей легко установить, что так именовали москвичи Прусскую улицу Новгорода.

Однако все же трудно считать Андрея внуком Михаила Павшинича. Дед посадника Михаила, Ананья, обычно называемый без отчества, действительно проживал на Прусской улице. Должно быть, неслучайно великий князь Александр Невский называл Ананью своим главным врагом в Новгороде: на это были веские основания. Дело в том, что Ананья возглавил ту новгородскую партию, которая выступила против Александра Невского и поддерживаемого им посадника Михалки Степановича – родоначальника бояр Морозовых. Сын Ананьи, Павша, в борьбе сыновей Александра Невского за Владимирский стол был на стороне князя Дмитрия Александровича, против его брата Андрея. Павша Ананьевич умер в 1274 году и был заменен своим сыном, Михаилом.

Хотя Михаил Павшинич в борьбе с Михаилом Тверским и принял сторону Москвы, вряд ли он придерживался промосковской ориентации, о чем можно судить по поведению его многочисленного потомства. Все они относились к разряду ярых сепаратистов. Незаметно никаких симпатий этого рода к Москве, и невозможно отыскать места в нем для Андрея Кобылы.

Более перспективными кандидатами на роль пращуров Романовых можно считать двух братьев Климовичей, возглавлявших жителей Прусской улицы и прилегающих к ней концов. Из них Семен Климович не участвовал в сражении у Торжка, оставаясь в те дни степенным посадником в Новгороде. Из его потомства, по данным Янина, трое сыновей тоже были посадниками. Отсюда видно, что ни Семен Климович, ни его семья не выезжали из Новгорода до самого конца боярской республики. Связи же их с Москвой весьма проблематичны.

Что же касается Андрея Климовича, павшего под Торжком, то помимо его брата и племянников нам неизвестен никто из членов семьи этого посадника. Довольно странно, что потомство Андрея Климовича, чаще других избиравшегося на такую ответственную должность, не удостоилось упоминания в летописи. Конечно, можно допустить, что посадник Андрей мог быть и бездетным. Однако среди прочих кандидатура Андрея Климовича на роль деда Андрея Кобылы самая предпочтительная. Было бы совершенно естественным, если бы дочь или внучка такого деятеля была выдана за князя Афанасия и позже переехала в Москву. Вместе с нею мог перебраться туда и ее брат или племянник, Андрей, получивший свое имя в память деда. В Новгороде со смертью посадника

Андрея исчезает его потомство, но почти в то же время в Москве появляется новый знатный род бояр Кобылиных. Такое нельзя признать случайным.

Сам Андрей Кобыла получил, вероятно, свое имя, а возможно, и прозвище, от посадника Андрея Климовича. Андреем прозывался один из внуков Кобылы и другие члены его большого рода. Подобная традиция была типична для Руси того времени.

Следовательно, предположение о возможном родстве новгородского посадника Андрея Климовича с московским большим боярином – Андреем Кобылой – не противоречит логике и хорошо, без какого либо налета фантазии, разрешает генеалогические загадки Романовых.

Однако тут же может возникнуть новый вопрос – откуда появился род новгородских Климовичей? Почему оба брата почти одновременно возникли на страницах летописи, как сумели захватить первенство на аристократической Прусской улице и повести за собой весь Новгород? Ведь известно, что, по крайней мере, со второй половины XII века это первенство прочно удерживалось родом знаменитого новгородского деятеля Твердислава Михайловича, давшим с десяток посадников.

Все становится на свои места, если признать братьев Климовичей представителями того же боярского клана. Правда, в нем не было боярина по имени Клим или Климент, но зато в Великом Новгороде был всем известен архиепископ Климент, построивший и освятивший не один новгородский храм. Годы его жизни хорошо увязываются с началом политической деятельности братьев Климовичей. Можно даже предположить, что и сам владыка Климент родился на Прусской улице и принадлежал к роду бояр Твердиславичей, на что указывает ряд косвенных свидетельств.

Если выдвинутая гипотеза оправдается, то род царей Романовых может быть прослежен по меньшей мере до середины XII столетия, то есть «состарится» более чем на двести лет.

Но и это еще не предел, ведь история древнейших новгородских боярских родов еще только разрабатывается.

Не стоит также огорчаться, что предание об Августе-императоре и Решских либо прусско-самогитских князьях – не более чем исторический миф. Взамен легендарному Камбиле Дивоновичу встает едва ли не самый знаменитый род Великого Новгорода, представители которого в бурные дни, не щадя своих жизней, стойко поддерживали святого великого князя Александра Ярославича Невского и его потомство.

Тайные маршруты русов *7 По материалам кандидата исторических наук Г. Анохина.*

Россия отметила в 1996 году 300-летие отечественного флота, выигравшего почти все каботажные сражения со времен Петра Великого и разгромленного в единственном морском сражении – при Цусиме.

Между тем руководство России и его научные консультанты так и не заметили 1100-летнего юбилея русского флота – речного и каботажного морского, наводившего ужас на обитателей Причерноморья, Приазовья и Прикаспия, одерживавшего победы у стен столицы Византийской империи – Царьграда.

Это было еще в те времена, когда напрямую через воды Черного моря плавали южнее Руси только торговые или боевые корабли византийцев, а русы на своих парусно-весельных, всегда бескилевых долбленках выходили из Киева по Днепру для каботажных рейсов, хотя и на большие расстояния вдоль берега. На судах, неприспособленных для плавания в открытом море, не имея ни навигационных приборов, ни вообще никакого опыта и знаний ориентации на водном пространстве без береговых, сухопутных ориентиров, русы плавали в пределах видимости берега, вдоль него. А враждебные им тюркоязычные кочевники, печенеги, даже случайно оказывающиеся напротив на суше, скакали на конях параллельно маршруту – ждали, как пишут древнерусские летописи, когда разыграется в море шторм и русы будут вынуждены вытащить на землю свои неприспособленные к высокой волне плоскодонные парусно-весельные суда и можно будет обрушить на славян удар стрелами, пиками и клинками!..

Упоминание о первом таком набеге русов на Царьград в 866 году содержится в древнейшей из русских летописей – в тексте монаха Нестора в Лаврентьевской рукописи. Там со ссылкой как раз на греческие письменные источники об этой боевой операции русов с моря сказано предельно кратко: «В 6360 году (852 г. н.э.) началось 15-летнее правление царя Михаила и в годы именно этого правления стало известно о возникновении наименования Русская земля. О ней узнали после того, как при этом царе русь приходила на Царьград» (Полное собрание русских летописей, далее – ПСРЛ, Спб., 1846 г., с. 7).

Наиболее подробно из всех летописных сводов раннего Средневековья Руси, с более обстоятельным пересказом греческих рукописей, повествует так называемая Типографская летопись (ПСРЛ, т. 24, Петроград, 1921 г., с. 7): «В 6374 году (866 г. н.э.) был у греков царь по имени Михаил… И в этом году при этом царе приходила русь на Царьград, как об этом пишется в летописании греческом: на четырнадцатом году правления царя пришли Аскольд и Дир на греков, к Царьграду. Царь же отсутствовал, воюя против агарян на Черных реках, куда епарх послал к нему с послом весть о том, что русь пришла на Царьград. И царь тотчас воротился. А те уже вовнутрь вошли, много убийств христиан совершили, обступивши Царьград двумя сотнями кораблей. Царь же, едва войдя в город, явился тотчас с патриархом Фотеем в церковь Святой Богородицы Валашской и всю ночь молитву сотворял, а затем с песнями вынес божественную ризу Святой Богородицы и с плачем омочил в море, которое было кротким и тихим, да вдруг восстало бурей, с ветрами и волнами огромными, против наступавших. И разбило корабли, и смело безбожных русов, и к берегу пригнало избитых. И мало их, поверженных, полной беды избегли. И восвояси вернулись побежденные Аскольд и Дир, в малом числе пришли к Киеву».

Случались и победные набеги флотилии русов на Царьград. Так, в 907 году князь русов Олег на двух тысячах кораблей, с конями на них, осадил Царьград и принудил греков дань платить, а в знак победы щит прибил на врата столицы данников (ПСРЛ, т. 24, Петроград, 1921, с. 9—10). Нестор сообщает также о том, что князь русов Олег вышел из Днепра в

Черное море с 10 000 судов! (там же, с. 157).

У греков были свои колонии в Северном Причерноморье – и в южном Крыму, и вблизи устья самого Днепра. Поэтому была возможность усилить контроль над тайными выходами русов из Днепра в Черное море.

У русов же еще с давних времен существовали иные тайные маршруты для совершения опустошительных набегов в другое… Каспийское море для захвата добычи у иных народов – в Дербенте (Дагестан), на берегах Табаристана (Персия) и даже в легендарно богатом городе Бердаа (равнинный Карабах).

Эти набеги на каспийский бассейн приходились обязательно на весну, когда едва сходил лед на степных реках. Ниже мы объясним, почему именно в апреле надо было прорываться на Каспий, пока же покажем варианты этих маршрутов с их волоками меж истоками рек. При выходе из Днепра русы использовали русла двух его притоков.

Осада русами во главе с Аскольдом и Диром Константинополя. Миниатюра из Радзивилловской летописи. XV в.

В е р х н и й маршрут проходил выше трудоемких волоков вдоль порогов на большой излучине реки (от нынешних Днепропетровска до Запорожья): поднимались по реке Самаре, по ее левому притоку реке Волчьей и далее уже по ее левым притокам – рекам Гайчур, Мокрые Ялы (или ее правому притоку Кашлагач) или Сухие Ялы до их истоков, – все в пределах современных Запорожской и Донецкой областей. Эти в прошлом глубоководные, до 30—40 метров, степные речушки – «канавы» берут начало из родников на северном склоне плоской Приазовской возвышенности. После элементарного волока плоскодонных долбленок на 2—4 км на юг русы спускали свои корабли в глубоководные истоки рек Берда, Кальчик или Кальмиус и по ним попадали непосредственно в

Азовское море, по первой названной – возле современного города Бердянск, по остальным – возле современного города Мариуполя. Обилие судов с экипажами давали русам возможность грозно противостоять нападениям случайных групп печенегов, выпасавших свои отары овец и табуны лошадей на черноземных травостоях (сама тюркская этимология этнонима «печенег» означает «обитатель травостоя, пастбища»).

Н и ж н и й маршрут шел ниже знаменитых порогов, прямо за островом Хортица: входили в реку Конка, а от ее истоков – в исток Берды, по которой сплавлялись в Азовское море. Конка тысячу лет назад, когда климат в степях был влажнее и теплее, вообще обеспечивала выход в бассейн Азовского моря без волока. Ибо западнее высшей точки Приазовской возвышенности – Бельмак-Могилы (324 м) – водораздел раздваивается. От подножия вершины из естественного водохранилища родниковых потоков существовала трифуркация – сток вод на три стороны света: на север – Конка, в Днепр; на запад и далее на юг – Молочная, в Азовское море; на юг – Берда, а также Обиточная, и из них в Азовское же море!

Отправляться из Азовского в Каспийское море по Дону в Волгу с волоком меж их великими излучинами было невозможно – могучее Хазарское государство господствовало как раз в низовьях Волги. Поэтому флотилии русов избирали один из двух вариантов выхода на волок в Каспийское море – по реке Ее или по реке Маныч, от устий. По пути в Таганрогский залив плывшие от устья Берды назначали сбор или отстой на случай штормовой погоды на Долгих островах, следующий отстой – у Ейской косы и островов в устье Ейского лимана. Если флотилия выходила из Кальчика или Кальмиуса, местами отстоя были Миусский лиман, а следующий до входа в реку Дон – мелководная Андреевская бухта, что восточнее современного города Таганрога.

Поднимаясь по Ее, русы из истока ее верхнего правого притока волочили суда в реку Средний Егорлык или от истока самой Еи – в реки Рассыпную или в Калалы; все три последние названные реки – уже бассейн верховий реки Маныч.

Если отправлялись на Дон – хотя этот вариант был более известен хазарам, – то тотчас от устья Маныча поднимались непосредственно в озеро Маныч-Гудило. Ейский и Дон-Манычский варианты уже у озера Маныч-Гудило становились единым маршрутом, ибо здесь, на Азовско-Каспийском водоразделе Ергени, подземные, весенние, половодья с гиганта Большого Кавказа – горы Эльбрус – вспучивались наружу, создавая бифуркацию, то есть сток реки одновременно и непосредственно с водораздела в обе его стороны! Бифуркация могла длиться пару недель и больше, и только в этот период флотилия русов могла без волока по земле плыть по Восточному Манычу и реке Куме на юго-восток – в Каспийское море!

«Русы, как стаи саранчи!» – писали арабские источники тысячелетие назад. Они появлялись на улицах древнего Дербента, на южном берегу Каспия уже в 860—880 годах и в 914 году, а в 944-м захватили в нижней трети бассейна реки Куры город Бердаа и довольно долго держались в нем в осаде, оставив флотилию на Куре под охраной части своих воинов.

Возвраты из каспийских набегов первоначально происходили все-таки через низовья Волги, с данью хазарам от награбленного. Когда же хазары пожелали большего (или всего награбленного) и уничтожили в стычках большую часть кораблей и участников, возврат через Волгу (тем более через Ергени, когда бифуркация давно закончилась) стал невозможным. Тогда, в новом набеге, возможно, именно после Бердаа, последовал фантастический прорыв русов через закавказский водораздел каспийско-черноморского бассейнов! Поднявшись на кораблях по средней трети реки Куры, русы перед указанным выше водоразделом покинули их, захватили в плен много местных мужчин и использовали их в качестве носильщиков трофеев русов при переходе по какому-то из перевалов в Западную Грузию. Арабские источники не называют топонима перевала. Уже на черноморском берегу, захватив нужное количество судов, русы каботажно добрались до Азовского моря, а затем, знакомыми им маршрутами – до Днепра и Киева!

Между прочим, треть тысячелетия назад запорожские казаки пользовались речными маршрутами, чтобы попасть из Сечи к донским казакам. Кратчайший путь им был бы по реке Конке с волоком в реки Молочная или Берда. Однако из-за главного враждебного соседа в XVI—XVII веках – крымских татар, – который контролировал ближайшие к полуострову степи и реки, запорожские казаки поднимались на чайках от Сечи вверх по Днепру, волоками обходя пороги, входили в устье реки Самары, плыли до ее истоков или истоков ее правых порогов, волоком попадали в реку Северский Донец и из него – в нижний Дон.

Более пятидесяти лет кандидат исторических наук Г. Анохин отдал поискам сначала «тайных маршрутов руссов», затем – «пути из варяг в греки», а также их моделированию в естественных условиях.

Результат более чем полувековых поисков – это максимально краткий научный очерк и карта, впервые воссоздающая ситуацию 1100-летней давности и мест современных городов Запорожье и Днепропетровск у бывших волоков вдоль множества порогов, а также современных городов у берегов как бы эллинской Меотиды – Бердянска, Мариуполя, Таганрога и Ейска, стоящих на древних тайных маршрутах руссов, у истоков рождения и становления Руси с ее уже тогда грозным, хотя и каботажным морским флотом!..

Более 1100 лет назад восточные славяне – русы – имели свой флот, и флотилии руссов бороздили воды Черного, Азовского и Каспийского морей, проходили по рекам, облегчающим доступ в эти моря, участвовали в боях. Более 1100 лет назад, а не только 300 лет!

Загадка Александра Невского

О князе Новгородском Александре Ярославиче Невском с уважением рассказывали в школах и при царе, и при Сталине. Церковь причислила его к лику святых. Сергей Эйзенштейн снял о нем знаменитый фильм. И царское, и советское правительства учреждали ордена его имени… И при всем том его биография по-прежнему хранит немало загадочного.

Первую крупную победу и титул «Невский» двадцатилетний Александр Ярославич завоевал, как известно, летом 1240 года, уничтожив

со своей небольшой дружиной шведскую рать на Неве. В следующем году он разрушает опорный пункт немцев – крепость Копорье, позднее освобождает Псков и топит рыцарей в Чудском озере. В 1242 и 1245 годах громит литовцев, а в 1256 году наносит еще одно крупное поражение шведам.

Но этот грозный воитель становится не похожим сам на себя, когда речь заходит о Золотой Орде. В 1238 году, когда татарское войско вторглось в пределы Суздальской земли, он не послал подкреплений ни своему отчему городу Переславлю-Залесскому, ни столице Владимиру. Не пытался он и соединиться с войском дяди – великого князя Юрия, стоявшего на реке Сить. Даже Торжок, исконно новгородская вотчина, не получает помощи от молодого князя и захватывается ордынцами. Неудивительно, что, видя такую покорность, Батый оставляет у себя в тылу неразоренный Новгород и поворачивает войско громить города южнойРуси.

В последующие годы Александр Ярославич не меняет своей позиции. Покорно прибывая в ханскую ставку в Каракорум, он получает «из рук» татар в дополнение к Новгородскому еще и Киевское княжество.

Традиционное объяснение этим фактам – «князь не шел на конфликт с ордынцами, поскольку понимал, что с ними не справиться» – оказывается при внимательном рассмотрении отнюдь не бесспорным. К середине XIII века на Руси стали складываться условия для мощного военно-политического союза Мономашичей против Орды. Русский тыл к тому времени стал относительно надежным: Польша и Венгрия были обескровлены татарами, а литовцы, шведские и немецкие рыцари – значительно ослаблены Невским. Основная часть монгольского войска, понеся большие потери в походе в Европу, вернулась на родину. В свою армию Батыю приходилось набирать ненадежных воинов из покоренных народов.

В 1250 году между младшим братом Александра Андреем, владельцем Великого Владимирского княжества, и Даниилом Галицким, правителем всей Западной Руси, заключается антиордынский союз. Земли, контролируемые Александром Невским, могли бы сыграть здесь ключевую роль, поскольку связывали в единое целое удаленные княжества. Кроме того, богатый Новгород был способен пополнить русское войско финансами и людьми.

Однако Александр не только не примкнул к союзу, но напротив – поспешил в Орду с жалобой на брата. Итогом поездки стал карательный поход Неврюя на Владимирское княжество.

Для разгадки поведения Александра Ярославича посмотрим на то, как складывались отношения Руси с Западом в XII—XIII веках. Вести о Первом крестовом походе 1096—1099 годов, завершившемся взятием Иерусалима, были встречены на Руси с энтузиазмом. Налицо был триумф христианского мира, к которому теперь относила себя Русь. Выступая против половцев в 1111 году, Владимир Мономах также постарался придать своим действиям характер крестового похода против «поганых».

Однако позднее идеология крестовых походов в Западной Европе претерпела значительные изменения. Объектами претензий католиков-крестоносцев все чаще становились территории, населенные православными. Ватикан осуществлял идейное и духовное руководство

натиском ливонских и тевтонских рыцарей на земли славян. Разорение крестоносцами центра православия – Константинополя в 1204 году – Русь восприняла крайне болезненно. Слухи о стяжательском и развратном образе жизни папского клира усиливали отчуждение.

Русь – возможно, впервые в своей истории – попыталась вполне осознанно возвести «железный занавес» между собой и Северной и Западной Европой. В отношении европейцев отечественная идеология с этого времени требовала «обычая их не держати и учения не слушати, не брататися с ними, потому что развращенные мысли их полны гибели».

Вероятно, молодому Новгородскому князю ордынцы казались меньшим злом, а то и союзником в борьбе с экспансией Запада. После похода Неврюя за Александром Невским было закреплено Великое княжество Владимирское, а сам князь побратался с сыном Батыя Сартаком. В 1251 году Невский наотрез отказался от помощи папы римского в борьбе с Ордой. Вскоре он привел в Новгородскую землю татарских численников, переписывавших население для обложения данью (исключение было сделано для духовенства). В отказавшийся подчиниться Новгород князь ввел в 1259 году свои войска, подавляя антиордынские выступления, зачинщикам которых выколол глаза и отрезал носы.

В ноябре 1263 года Александр Невский, разболевшись, умер у Нижнего Новгорода на обратном пути из ханской ставки. Версия о его отравлении в Орде появилась, скорее всего, потому, что народное сознание не хотело мириться с фактом дружбы популярного князя с татарами…

Трудно давать оценки деяниям наших предков, живших в те далекие и страшные времена. И все же сделаем осторожные выводы. Столетия назад Русь столкнулась с проблемой поиска своего места в споре Запада и Востока. В таких условиях в жестоком XIII веке Александр Ярославич Невский решился на союз с Востоком.

Где была Куликовская битва? *8 По материалам Н. Дьячковой*

Историки утверждают, что они наконец установили точное место Куликовской битвы. В отличие от официальной версии, одно из ключевых сражений русской истории происходило вовсе не в чистом поле, а на большой лесной поляне.

Из школьных учебников нам известно: 8 сентября (21 сентября по новому стилю) 1380 года на Куликовом поле произошло судьбоносное сражение, в котором русская рать под предводительством князя Дмитрия одержала победу над войском Мамая. За свой полководческий талант князь Дмитрий был прозван Донским. Но вот о точном месте битвы историки спорят до сих пор. Официальная историография утверждает: Донское, или Мамаево, побоище, позднее названное Куликовской битвой, произошло на территории современной Тульской области при слиянии Дона и Непрядвы. По крайней мере, на это указывают летописи. Впрочем, литературные источники XIV—XV веков – «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище» – дают лишь художественное осмысление сражения, а о точности и достоверности при определении места сражения с их помощью говорить не приходится.

Более точные сведения содержатся в Рогожском летописце, в Новгородской первой летописи и в летописной повести о Куликовской битве. Эти источники так описывают место сражения: «Поле чисто на усть реце Непрядвы», что означает «при устье Непрядвы» или «недалеко от устья Непрядвы». Историки осторожно пытаются определить это самое «недалеко». Если считать, что в Средние века для пешего «недалеко» равнялось трем километрам (0,1 «днища» – дневного перехода), а для всадника – шести километрам (0,2 «днища»), то можно определить три стратегические точки, вокруг которых разворачивалась битва. Первая точка – устье Непрядвы (указывается в договоре 1381 года с Олегом Рязанским), вторая точка – расположение русских войск в верховье реки Смолки, третья точка – расположение Мамаевых орд, как предполагается, на северной окраине села Хворостянка.

Такова официальная версия. Однако в последние годы появились работы, в которых она подвергается сомнению. Например, профессор Анатолий Фоменко, автор известных книг по новой хронологии истории, считает, что Мамаево побоище произошло вовсе не на Куликовом поле, а совсем в другом месте. Один из аргументов Фоменко: на предполагаемом месте битвы не найдено никаких ее следов: «Ни могильников, а ведь полегло якобы много десятков или даже несколько сотен тысяч человек, ни остатков оружия: стрел, мечей, кольчуг. Возникает законный вопрос: там ли ищут Куликово поле?»

Но вот недавно специалисты Института географии РАН совместно с археологами Государственного исторического музея и сотрудниками Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» завершили масштабную работу по созданию палеогеографической карты, с доподлинной точностью восстанавливающей исторический ландшафт Куликова поля. У ученых теперь практически не осталось сомнений, что знаменитое сражение происходило на относительно небольшом открытом участке площадью примерно три квадратных километра на правом берегу реки Непрядвы, со всех сторон окруженном густыми лесами.

Сегодня территория музея-заповедника «Куликово поле» – открытая всем ветрам степь. Даже трудно себе представить, что некогда здесь шумели дремучие леса. Многих исследователей это и ввело в заблуждение – они искали место битвы на просторе, не подозревая о том, что оно могло быть ограничено небольшой территорией, свободной от леса, например, очень большой поляной. Перед географами стояла задача поэтапно реконструировать ландшафт места Донского побоища. Им пришлось прежде всего учитывать то, что развитие природы подчинено периодическим колебаниям – ритмам разной степени интенсивности. Ученые утверждают: наиболее конструктивный ритм для местной лесостепи – так называемый 2000-летний ритм Шнитникова. Как правило, каждые 2000 лет на границах резких изменений тепло– и влагообеспеченности происходит перестройка локальных ландшафтов, в том числе изменение характера флоры, гидрологического режима и почвообразовательных процессов. Время Куликовской битвы как раз

приходится на переход от теплой влажной фазы (пика разрастания лесов в северной степной зоне) к более холодной. Период после Куликовской битвы характеризуется суровыми погодными условиями. В литературе он известен как малый ледниковый период, длившийся на протяжении XV—XVIII веков, для которого характерны суровые зимы, короткий вегетационный период, активная эрозия почв, способствовавшая выравниванию рельефа. Все это, естественно, привело к тому, что сегодняшний ландшафт места сражения лишь отдаленно напоминает тот, какой был здесь во времена Дмитрия Донского.

Вот что рассказала палеогеограф Майя Гласко: «Высказывалось, например, мнение, что битва могла состояться на левобережье Непрядвы, но оно было сплошь покрыто лесными массивами, где коннице не то что разъехаться, а даже выстроиться было бы негде. Мы подробно изучили месторасположение лесных массивов на данной территории в XIV веке и увидели, что на правом берегу Непрядвы можно очертить открытое степное пространство, не очень широкое, но в которое вполне вписываются масштабы сражения. Это был узкий участок, единственный на берегу Непрядвы, где могли сойтись в битве многотысячные войска. Конечно, не сотни тысяч, как говорится в летописях. Максимум здесь могло выстроиться тысяч шестьдесят воинов с той и другой сторон».

Составленная палеогеографическая карта района Куликова поля дала историкам важный аргумент в пользу того, что битва произошла именно при слиянии Непрядвы и Дона. Дело в том, что описанный исследователями ландшафт – относительно узкое открытое пространство, окруженное лесами, – как нельзя лучше соответствует характеру развернувшегося там боя. По-видимому, Дмитрий Донской очень грамотно подошел к выбору места сражения, воспользовавшись тем, что за дубравами мог укрываться его засадный полк. Исследователи считают, что если бы битва состоялась в открытом поле, то Мамай легко справился бы с русской дружиной – ведь тактика монголов известна. Сначала мощная «артподготовка» – легковооруженные всадники расстреливали с дальней дистанции плотные построения противника из мощных луков, а затем кинжальные удары тяжелой кавалерии рассекали боевые порядки и опрокидывали врага. Однако в данном случае князь Дмитрий не дал Мамаю воспользоваться преимуществами хваленой монгольской тактики: русские воины то и дело предпринимали лобовые контратаки в узком месте – между двумя дубравами – и быстро отступали, снова укрываясь за лесом. По мнению военных историков, князь Дмитрий Донской придерживался тактики суимных боев (стычка, сшибка), чтобы неожиданными атаками сбить противника с толку и не дать ему сконцентрировать силы и осуществить массированный главный удар. Историки считают, что сражение представляло собой скоротечные кавалерийские стычки с последующими маневрированием и перестроением. Бой, судя по всему, был тесным, кровопролитным и скоротечным. По современным меркам, он длился совсем недолго – около трех часов. По оценкам военных историков и археологов, русская рать насчитывала не 100 тысяч человек, как указывается в летописях, а не более 20—30 тысяч. Можно предположить, что численность монголов была примерно такой же. Едва ли осторожный Дмитрий Донской пошел бы на решающую битву с армией, значительно

превосходящей по численности его войско. Таким образом, получается, что в битве с двух сторон участвовало приблизительно 60 тысяч человек. Больше куликовская поляна вместить не смогла.

Дмитрий Донской и Боброк Волынец объезжают Куликово поле перед битвой. Миниатюра XVI в.

Впрочем, по оценкам некоторых военных историков, даже эти данные могут быть завышены. В сражениях такого рода, уверяют историки, погибало обычно от 10 до 15 процентов личного состава каждой армии. Значит, и в ходе Мамаева побоища пали от 6 до 9 тысяч воинов. Этот факт подтверждает и то, что археологических находок, связанных с Куликовской битвой, уцелело не так много, как хотелось бы исследователям. И могильник павших воинов до сих пор не найден потому, что он является не курганом, как предполагалось раньше, а относительно небольшим захоронением площадью примерно 50 квадратных метров. Археолог Государственного исторического музея Михаил Гоняный знает о существовании древнерусского могильника в районе села Монастырщина, расположенном на слиянии Дона и Непрядвы. Правда, в настоящее время на его месте стоит деревня. Михаил Гоняный планирует провести здесь геофизические исследования.

Особо следует сказать о якобы полном отсутствии материальных следов сражения. Это не совсем так. Следов знаменитой битвы на сегодняшний день действительно найдено немного, но тому есть свое объяснение. Историки полагают, что основная масса оружия (включая наконечники от стрел), кольчужные доспехи, конские сбруи были собраны сразу же после битвы, 8 сентября 1380 года. Оружие и металлические изделия в те времена ценились очень высоко, а мародерство на поле битвы не считалось преступлением.

В 1799 году на участке, о котором идет речь, были проведены первые распашки. Местные помещики предлагали хорошее вознаграждение за ценные находки, поэтому крестьяне перепахивали поле плугом вдоль и поперек и продавали хозяевам земли найденные предметы. Необходимо отметить, что места обнаружения находок сосредотачиваются строго на очерченной палеогеографами территории. Значительная часть реликвий, найденных в XIX веке, находилась на участке между селами Монастырщина и Хворостянка. На протяжении XIX и XX веков здесь также нередко находили вещи времен Куликовской битвы. Среди наиболее ценных находок – золотые перстни и кресты XIV века.

Современные исследователи каждый сезон отправляются на Куликово поле, вооружившись металлоискателями. И если обнаруживается вдруг что-то стоящее, оно становится бесспорной сенсацией. К примеру, летом 2000 года на месте сражения была найдена пластина от панцирного доспеха. Скорее всего, это фрагмент подола пластинчатого панциря, стягивавшегося ремешками. Как утверждает специалист по военной археологии Государственного исторического музея Олег Двуреченский, «русские воины позаимствовали идею изготовления пластинчатых доспехов у монголов, после середины XV века таких пластин не производили».

Интересно, что спустя два года, в 2002 году, в непосредственной близости от места предыдущей находки были обнаружены фрагмент кольчуги и подпружная пряжка. Обрывок кольчуги представляет собой девять колец из латуни, соединенных друг с другом. По мнению Олега Двуреченского, этот кусок из цветного металла предназначался не для защиты, а для украшения дорогого доспеха, судя по всему, русского воина. Олег Двуреченский поясняет: «Почему удалось найти именно украшение из латуни? Цветной металл в отличие от железа в земле не пропадает. И потом, на этом месте была сшибка, люди секлись, и с них летели куски доспехов. Крупные вещи с убитых и раненых были собраны сразу же. Наш же удел сегодня – находить только мелкие, незаметные глазу фрагментики, спрятавшиеся под землей. Кстати, фрагмент кольчуги лежал под землей на глубине всего 30 сантиметров. На этом месте никогда не жили люди, всегда было чистое поле, поэтому земля сильно не «наросла». Неслучайно в местечке под названием Зеленая Дубрава, где сейчас леса нет и в помине, а в XIV веке стояла густая непроходимая дубрава, в последние годы археологи находили немало наконечников стрел».

Эксперты по вооружению установили, что найденные вещи принадлежат строго определенному временному отрезку – с середины XIII до середины XV веков. Согласно же летописям, на слиянии Непрядвы и

Дона в тот период была только одна битва – Куликовская. В числе последних находок, относящихся, по мнению археологов, непосредственно к Куликовской битве, – походный ножичек с длиной лезвия всего два сантиметра, а также подпружная пряжка и втулка от копья. Факт находок вооружения – фрагменты русской кольчуги и пластины доспеха монгольского типа, находящиеся близко друг от друга, в чистом поле, именно на том участке, который определили палеопочвенники как безлесный, пустой, – лишний раз свидетельствует в пользу исследователей, утверждающих, что Донское побоище происходило именно здесь. «Мы будем продолжать искать предметы, принадлежащие воинам, – говорит Михаил Гоняный. – Их много не будет. Но они будут обязательно».

Чем болел Иван Грозный

Что известно о последнем дне жизни Ивана IV? Со слов очевидцев мы знаем, что в день смерти, утром, он почувствовал некоторое облегчение от болезни, принял теплую ванну и сел играть в шахматы (по иным сведениям – в шашки) с Бельским.

Следовательно, перед смертью он был в редком для него состоянии покоя. В последние годы его мучили жестокие приступы болей, мрачные предчувствия, тяжелые угрызения совести.

Но в тот предсмертный день он был добр и спокоен. Во время игры его и постиг удар. Над умирающим царем совершили, по его заблаговременному пожеланию, обряд пострижения и захоронили в каменном царском гробу.

Однако можем ли мы полностью доверять этому источнику? (Версия о предсмертной игре царя в шашки исходит от иностранца, явно недостаточно знавшего порядки при дворе российского самодержца.)

От чего же умер царь Иван?

Когда вскрыли гробницу, ученые сразу обратили внимание на то, что боковые стенки саркофага чрезвычайно тонки. Вероятно, их поспешно дополнительно стесывали перед самым захоронением. Эта деталь кое-что проявляет в болезни царя. Видимо, покойник перед близкой смертью стал тучен или отечен и мог не поместиться в гроб, приготовленный заранее. На то, чтобы определить причины смерти умершего четыре века тому назад царя, ушло несколько месяцев. Химический анализ показал, что в организме Ивана IV найдено чрезмерно повышенное содержание ртути. И было установлено, что ртуть поступала в организм в течение относительно долгого времени.

Может быть, это результат лечения ртутной мазью, уже тогда применявшейся в медицинской практике? Или все же причиной смерти стало отравление?

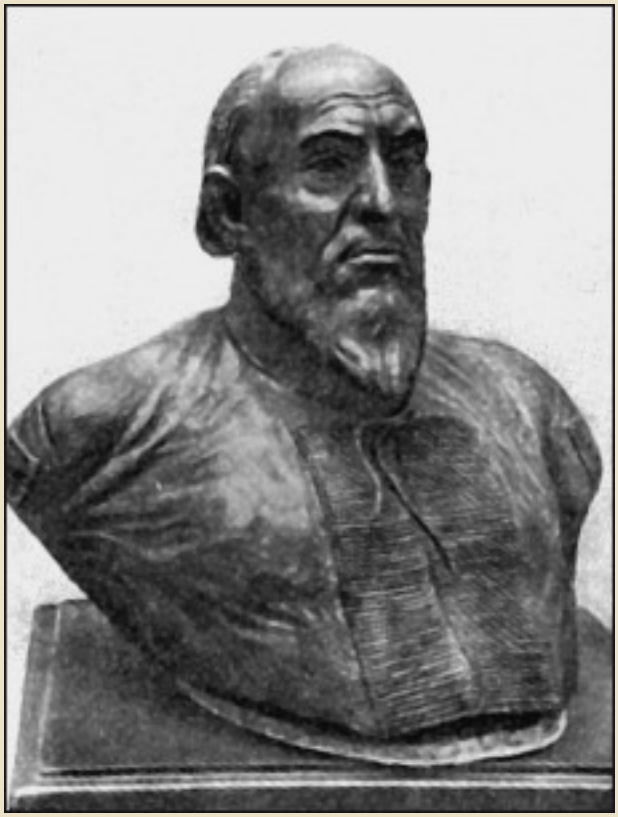
От таких предположений отказываться было нельзя. Требовалось время для окончательных выводов, к тому же ученые обнаружили многочисленные костные выступы, так называемые остеофиты. Они располагались на позвоночнике, гребешках подвздошных костей таза, вокруг суставов.

У вельмож того времени существовал обычай держать сосуд с «живой водой» (или «живым серебром») открытым в своих покоях. Якобы это прибавляло долголетия владельцу. Вполне вероятно, что так поступал и царь. Тогда еще не знали о вредном действии паров ртути.

А причины возникновения остеофитов весьма разнообразны. Это могут быть проявления возрастного артроза (хронического воспаления сустава), чаще поражающего отдельные суставы. Они также могут возникнуть на почве эндокринных нарушений и при злокачественных опухолях – например, остеосклеротические метастазы рака предстательной железы. (Как предположили впоследствии патологоанатомы, именно последний вариант и был наиболее вероятен в рассматриваемом нами случае.)

Костные нарастания иногда увеличиваются медленно, не причиняя больному особенных неудобств, но зачастую боли могут возникать даже при небольших движениях, особенно от таких наростов, как у Ивана IV (по краям суставных поверхностей, как своеобразные «шпоры» или «козырьки»). Боли бывают резкими и мучительными, повторяющимися вновь и вновь – ведь острые края выростов сдавливают нервы, сосуды, впиваются в мышцы.

Можно представить себе, какой мучительной была жизнь Ивана IV все последние годы – не только в бодрствующем состоянии, но и ночью, в постели, от случайного движения возникала боль, изматывающая, лишавшая сна.

Реконструкция облика Ивана Грозного

Никакие снадобья знахарей, лечебные советы западных лекарей, скорее всего, не могли помочь самодержцу, давая лишь временное облегчение, притупляя боль. Излечить царя – при тогдашнем уровне врачебного дела – было невозможно. Именно эти непрерывные мучения и могли привести к зловещим изменениям в характере Ивана Грозного, что объясняет многие его поступки. Находясь в непрерывном болевом стрессе, он был совершенно непредсказуем.

Прах первого русского самодержца, аккуратно запакованный в картонные коробки, с особой осторожностью был отвезен в лабораторию пластической реконструкции Герасимова.

В лаборатории коробки распаковали и череп лег на рабочий стол ученого. Началось долгое восстановление облика царя Ивана IV. Сначала череп еще раз тщательно пропитали особым, укреплявшим кости, раствором, законсервировали. Потом сняли гипсовые копии.

С ними и начал работать Герасимов, а подлинный череп оставался в неприкосновенности, ожидая своего возвращения в могильный склеп.

По своему методу скульптор наложил на копию черепа царя пластилиновые мышечные ткани, внимательно следуя всем особенностям черепа. Малейшая невыверенная деталь могла повлиять на достоверность будущего скульптурного портрета царя.

Иногда возникали сомнения. Например, показалось, что швы свода черепа очень молоды, не соответствуют возрасту 53 года. Дополнительное тщательное изучение подтвердило – аномалии нет.

Другой пример. Прекрасно сохранившиеся зубы Грозного заставили антропологов и анатомов поломать голову. Согласно всем медицинским данным, зубы были моложе царя лет на двадцать – ровные, крепкие, не сношенные, два резца совсем не стерты, клыки только прорезались – зубы молодого человека.

(«Представляете, в летописях упоминалось, что до 40 лет некоторые зубы у царя Ивана были молочными. Ясно, что этому никто из нас не верил. А все оказалось правдой!» – сказал как-то Герасимов. Налицо было какая-то генетическая аномалия, в принципе положительная.)

Дуга нижней челюсти слишком крутая, язык в таких случаях расположен в полости рта выше, чем бывает обычно. Не исключено, что Грозный пришепетывал чуть-чуть. Но о таких речевых дефектах современники обычно не упоминают, предпочитая «улучшенный» образ монарха.

К марту 1964 года мышечные ткани были, наконец, полностью смоделированы, и Герасимов приступил к окончательной отделке… У Ивана IV оказалось узкое, волевое лицо, крупный нос с горбинкой, небольшой рот, высокий лоб, большие глаза, чуть выдающаяся вперед нижняя часть лица.

По сохранившемуся скелету восстановили и фигуру царя. Иван Грозный был высоким, крупным, полноватым, сильным и крепким. У него были широкие плечи, хорошо развитая мускулатура. Да, пожалуй, он не очень похож на того царя, которого играл Черкасов. Не похож он и на репинского сыноубийцу, и на скульптуру Антокольского…

Рядом с Иваном Грозным покоится его сын, убитый им в припадке ярости, – двадцатисемилетний царевич Иван. В его могиле обнаружили густые, длинные русые локоны, которые пощадило тление. Сохранилась ткань одежды царевича – после отмывания и чистки она оказалась шелковой, оранжевой, с золотистым оттенком. Но, увы, череп царевича время не сохранило. Мы так и не узнаем, как был убит царевич Иван. И был ли он похож на своего отца.

Череп другого сына Грозного – царя Федора – сохранился плохо. Однако Герасимов сумел реконструировать портрет Федора. Его почему-то хоронили очень поспешно. Мастер, вырезавший надпись на крышке саркофага, даже не дописывал слова. Возможно, с покойным царем Федором просто особо не церемонились. Его шурин Борис Годунов рвался к власти…

От чего же умер Федор Иоаннович? Летописцы говорят об этом скупо. Причина, видимо, обычная – не хотели вступать в конфликт с только что возвысившимися «власти предержащими». Лишь псковская летопись высказывает предположение, что его отравил Годунов.

Современные химические анализы показали, что в организме Федора было повышенное содержание мышьяка, так что версия отравления наиболее вероятна.

В ряду гробниц находилась когда-то и четвертая – Бориса Годунова. При вскрытии она оказалась пустой…

Так подтвердилось историческое свидетельство, что Лжедмитрий I велел вынуть труп царя Бориса из саркофага и перевезти в бедном деревянном гробу в захолустный Варсонофьевский монастырь.

Сменивший Лжедмитрия на престоле боярский царь Василий Шуйский распорядился перенести останки младшего сына Ивана Грозного, Дмитрия, из Углича в Москву и положить их в бывшей могиле Годунова. Однако труп маленького Дмитрия не был предан земле, а поставлен для поклонения в специальном ковчеге в центре Архангельского собора. (Когда Шуйский распорядился перенести останки Дмитрия из Углича в могилу предков, стали распространяться слухи, что тело отрока сохранилось нетленным… А когда его перевозили в Москву, то якобы из раны лилась алая кровь.) Дмитрия объявили невинноубиенным, святым мучеником.

Действительно ли в Архангельский собор привезли останки Дмитрия? Не был ли ради инсценировки нетленности трупа царевича убит другой младенец, отнюдь не царского рода?

Возможность проверить это, видимо, есть. Останки Ивана IV, его отца, имеются. В Кремле находится захоронение Марии Нагой, матери Дмитрия. Сравнительный анализ останков может раскрыть еще одну тайну прошлого.

Обстоятельства смерти Ивана IV и его сыновей сложны и неясны.

После воссоздания обликов Ивана Грозного и его сына Федора их останки вернулись в могилы. Легли на место тяжелые надгробные плиты. Но тайна жизни Ивана IV и его детей осталась.

Пророчества чухонских старцев *9 По материалам В.Антонова.*

В истории российского Севера есть малоизвестные страницы, связанные с таинственными чухонскими старцами – финно-угорскими волхвами, имевшими огромное влияние на своих соплеменников. С незапамятных

времен они выступали в роли жрецов чухонских языческих богов, старательно поддерживая в своем народе древние верования даже после принятия православия большей частью населения.

Вопреки широко распространенной легенде царь Петр I не являлся первооснователем поселений на берегах седой Невы. На мшистых, топких, поросших лесом, но отнюдь не диких берегах полноводной широкой реки издревле обитали лапландцы, карелы, водь, ижорцы, вепсы и представители других малочисленных племен. Причем после принятия ими православия, кстати, проходившего вполне мирно, они упорно продолжали тайком поклоняться своим древним языческим богам и почитать служивших этим божествам чухонских старцев-жрецов, а в затруднительных ситуациях и при решении жизненно важных вопросов – непременно обращаться к ним за советом.

Роковые пророчества В те далекие времена примерно там, где сейчас находится самый центр современного Санкт-Петербурга, между Троицкой площадью и зданием Нахимовского училища, в начале XVIII века существовало древнее языческое капище. Его главной достопримечательностью и ценностью для чухонцев была причудливо искривленная балтийскими ветрами священная сосна. По ней жрецы точно предсказывали грядущие наводнения и даже могли указать уровень подъема воды: во время волховских мистерий на этой высоте на корявых ветвях дерева появлялись «огни Святого Эльма», что неизменно приводило в мистический трепет зрителей.

Естественно, чухонским старцам не слишком пришлось по нраву соседство беспокойного белого царя, затеявшего на берегах Невы грандиозное строительство. Поэтому волхвы сначала очень осторожно, а потом все смелее и громче начали пророчествовать о странных и ужасных несчастьях, неминуемо ожидающих в будущем строящийся по велению царя город и всех его жителей. Они наивно надеялись, что царь услышит их и, узнав всю горькую правду о будущем, одумается и бросит свою опасную затею. Да, Петр I услышал их, но вот относительно дальнейшего волхвы просчитались.

Передаваемые из уст в уста и не на шутку будоражившие народ мрачные пророчества чухонских старцев вкупе с крайне переменчивым военным счастьем в бесконечных баталиях со шведами не улучшали царского настроения.

Не откладывая дела в долгий ящик, царь решил раз и навсегда покончить с «чухонскими чудесами». Краснея от натуги и матерясь сквозь зубы, Петр самолично срубил старую священную сосну и приказал отправить на дрова в солдатские кухни. А жрецам, чтобы больше не болтали чего не попадя, приказал отрубить головы.

Перед казнью чухонские старцы, имен которых история не сохранила, сделали последние пророчества: каждый из трех языческих жрецов дал свой собственный прогноз развития событий в далеком будущем. Причем все они были неразрывно связаны с разоренным царем святилищем и местом их жестокой казни.

Первый из волхвов пробормотал заклинания и, стоя на коленях перед плахой, провещал:

– Заложенный царем новый город простоит ровно триста лет – столько же, сколько отпущено времени правления его потомкам. А потом городу на Неве быть пусту!

Фактически жрец «отпустил» заложенному Петром I в 1703 году на Неве городу столько же лет, сколько правлению династии Романовых. Это достаточно хорошо известное предсказание, которое имеет множество различных вариантов толкования. По одному из них, город утонет, весь уйдет под воду во время небывало сильного наводнения. Согласно другим, население вымрет от страшных болезней, голода и тому подобного.

Надо признать, что жуткое пророчество древнего чухонского волхва действительно чуть было не исполнилось в страшные дни блокады во время Отечественной войны, но тогда до трехсотлетия города оставалось еще 60 лет.

Второй чухонский старец предсказал, перед тем как его лишилиголовы:

– Все проживающие на территории России финно-угорские народы объединятся в «Коотимаа», и тогда придет неминуемый конец владычеству белых царей!

«Коотимаа» – «общий дом финнов» – так называется некое почти мифическое единение всех финно-угорских народов, населяющих необъятную Россию. Это пророчество можно понимать не только как указание на неизбежное падение самодержавия в России, но и как предсказание неизбежного конца главенствующей роли представителей славянской расы.

Третий жрец перед смертью предрек, громко выкрикнув в серое низкое небо:

– Город Петра исчезнет с лица земли, когда в нем будут захоронены «три царя с востока»!

Царский приказ выполнили неукоснительно: чухонских жрецов-пророков обезглавили. Но казнь проходила при стечении народа, и последние слова чухонских старцев слышали многие. Бесконечные страшные наводнения, наносившие городу огромный ущерб и уносившие немало жизней, по мнению множества людей разного звания, подтверждали пророчества, сделанные чухонскими старцами перед лютой казнью, и их вещие слова передавались из поколения в поколение.

Дамоклов меч Не стоит думать, что о предсказаниях древних чухонских жрецов не помнили члены царской фамилии. Во времена Петра I уже существовал достаточно развитый, выпестованный лично императором политический сыск, и любые подобные «пророчества» тщательно документировались. Как известно из исторических источников, сам Петр Алексеевич Романов, жестоко расправившийся с волхвами, тем не менее очень боялся «чухонского колдовства», особенно в последние годы жизни.

После обвинения в измене, лишения наследия и казни сына царя, а также смерти Петра I в новой столице империи Санкт-Петербурге, в царской усыпальнице – Петропавловском соборе – оказались захороненными уже два русских вождя или царя, «рожденные на востоке»: сам император Петр и его сын, которые родились в Москве, то есть к

востоку от города на Неве.

Некоторые исследователи считают: именно данным обстоятельством объясняется то, что самого страшного бунтовщика Емельяна Пугачева, поднявшего в 1773—1774 годах на окраинах империи крестьянское восстание и объявившего себя царем Петром III, после поимки и пленения не повезли в Санкт-Петербург! Это важнейшего-то государственного преступника! Следствие в отношении него провели в Москве и по окончании дознания казнили там же, на Болотной площади. По-видимому, чины тайной канцелярии по здравом размышлении рассудили так: а вдруг, паче чаяния, Пугачев окажется третьим «вождем-царем», рожденным на востоке?! Пусть даже самозваным, но все же? Ведь это положение в предсказаниях не уточнялось!

Естественно, в такой ситуации Екатерине II не хотелось рисковать, чтобы – чур меня! – ненароком не вызвать гигантский катаклизм, предсказанный чухонскими старцами.

А вот поднявших восстание на Сенатской площади декабристов суровый Николай I за вождей не посчитал и поэтому бестрепетно повесил и похоронил их в окрестностях Северной Пальмиры. Позже власти предержащие столь же пренебрежительно относились к разного рода «бомбистам» и революционерам. Вообще же вплоть до падения династии Романовых в 1917 году в Санкт-Петербурге так и не захоронили ни одного из вождей или рожденных «на востоке» царей. А все самодержцы рождались в новой столице. Так что третье пророчество не осуществилось. По крайней мере, до сих пор.

Предосторожность безбожников Как выяснилось в последнее время, когда открылись доступы ко многим ранее спрятанным в секретных архивах документам, о пророчествах чухонских старцев прекрасно знали и лидеры большевиков, взявшие власть в октябре 1917 года. Особенное внимание эти пророчества привлекали у руководителей «вооруженного отряда партии» – ВЧК-ГПУ-НКВД.

Некоторые независимые эксперты-политологи, занимающиеся изучением национального вопроса в России, полагают, что Ленин, серьезно опасаясь катаклизма в Петрограде и создания пресловутого «Коотимаа» – «общего финского дома», очень быстро согласился дать независимость Финляндии. О пророчествах ему сообщил Дзержинский. Тогда же было принято решение о создании «преторианской гвардии» большевиков – красных латышских стрелков – в противовес возможному объединению финно-угорских народностей под флагом контрреволюции.

Судьба большинства из этих «преторианцев» оказалась незавидной: их уничтожили свои же товарищи, и, возможно, роковую роль здесь сыграли все те же древние предсказания.

Самое любопытное, что не исключено влияние предсказаний чухонских волхвов и на принятие решения о построении мавзолея В.И. Ульянова-Ленина в Москве на Красной площади и бальзамировании тела «вождя мирового пролетариата». Ведь Владимир Ильич вполне мог стать третьим «вождем-царем», рожденным на востоке и захороненным в Санкт-Петербурге, пусть даже и переименованном в Ленинград.

Известно, что вопросами национальной политики в СССР занимался лично товарищ Сталин, любовь которого к спецслужбам прекрасно знали

все соратники. Постоянно учитывавший личные интересы в борьбе за безраздельную власть, «отец народов» согласился предоставить автономии народам Коми, Чувашии, Мордовии, Марий Эл и Удмуртии. В то же время, внимательно изучив предоставленные чекистами материалы, вождь дал распоряжение немедленно разыскать и ликвидировать всех, еще возможно оставшихся, тайных и явных чухонских старцев. Приказание генсека выполнили быстро и четко, «для верности» ликвидировав пару-тройку сотен подозреваемых. Так было окончательно покончено с волхвами.

Накануне ввода советских войск в Прибалтику и назревавшего конфликта с Финляндией в массовом порядке из Ленинградской области выселялись лица финно-угорских национальностей – «Коотимаа» НКВД была ни к чему! Так в средней России появились целые поселения карелов, которые уже никогда больше не вернулись на места своего прежнего проживания.

Петербургу чухонские старцы пророчили гибель через 300 лет

Что будет дальше, сказать трудно, а гадать – занятие неблагодарное. Сбудутся ли когда-нибудь предсказания обезглавленных Петром I чухонских старцев? Как знать… Во всяком случае, пышное празднование трехсотлетия Санкт-Петербурга уже благополучно осталось позади.

Соловецкий святой *10 По материалам В. Владимирова*

За прошедшие века Русь явила миру немало «вещих людей», как называли в народе пророков, чьи прозорливые предсказания остались на страницах истории. Одним из них был преподобный Зосима, живший в богатом на

бурные события XV веке.

Точная дата его рождения неизвестна, но из «Жития преподобного Зосимы» можно узнать, что будущий чудотворец и провидец земли русской появился на свет в семье богатых землевладельцев Гаврилы и Марии, проживавших в большом селе Толвуй, раскинувшемся на берегу Онежского озера.

Рано потеряв родителей, Зосима долго не мог утешиться. В конце концов, чтобы отрешиться от печали, он решил отправиться путешествовать по белу свету. Юноша страстно желал поглядеть, какова она, русская земля? Уже тогда его вела за собой звезда дальних странствий и жажда подвигов во имя людей и православной веры.

Однажды на дальних путях-дорогах ему случайно встретился инок Герман. Он увлеченно рассказывал Зосиме об удивительно красивых и диких землях, лежащих севернее Онеги. Практически безлюдные, покрытые густыми, непроходимыми девственными лесами, они как нельзя лучше подходили для основания там новой монастырской обители или монашеского скита.

Причем, желая истинного уединения и подвига, Зосима предложил основать новую обитель не на материке, а на далеких островах, затерявшихся в студеном Онежском озере, которое местные жители уважительно называли «морем». Так, в 1436 году преподобный Зосима вместе с иноком Германом заложили Соловецкий монастырь, который на долгие столетия стал русским форпостом на Севере.

Монастырь был «дивно чуден»: монахи посадили там фруктовые сады и устроили огороды, проложили хорошо продуманную систему каналов, выстроили из крепких, как кремень, валунов неприступную крепость-твердыню и даже умудрялись выращивать за короткое северное лето сочные, сладкие вишни.

Братии в далеком монастыре день ото дня все прибывало, и по ее просьбе Зосима принял игуменство, на которое его рукоположили в Новгороде, поскольку именно ему принадлежали тогда далекие северные земли. Под рачительной рукой Зосимы Соловки стали быстро расти и богатеть, а когда в обитель по инициативе игумена торжественно перенесли мощи святого Савватия, монастырь и вовсе набрал небывалую силу и обрел славу, разнесшуюся по всему русскому Северу.

Это вызвало зависть богатейшей землевладелицы, новгородской посадницы Марфы Борецкой, решившей во что бы то ни стало прибрать новую обитель к рукам и тем самым увеличить свое и без того фантастически огромное состояние.

Посрамленная гордыня Борецкие принадлежали к одному из древнейших боярских новгородских родов. Покойный муж Марфы, оборотистый и хитрый посадник Исаак Андреевич, долгое время защищал город Порхов от воинственного литовского князя Витовта, а потом «купил у него мир» за 10 тысяч рублей. По тем временам это была невиданная сумма денег! Сама Марфа, яростно и люто ненавидевшая Москву, вместе с двумя взрослыми сыновьями стояла во главе партии, призывавшей новгородцев перейти в подданство к полякам и присягнуть на верность польско-литовскому королю – лишь бы сохранить

свои вольности и привилегии и не попасть под власть московского государя. Одержав верх над промосковской партией благодаря золоту, уму и красноречию, Марфа сумела привлечь на свою сторону множество сторонников, да к тому же вступила в тайные переговоры с поляками.

Зосима же, наоборот, постоянно говорил инокам и прихожанам: истинное спасение Руси – только в ее объединении! Новгород может сохраниться, лишь войдя в состав единой, сильной России. Его проповеди вызывали ненависть посадницы. Где только возможно, она всячески притесняла монахов и, как тогда говорили, начала «оспаривать»монастырь.

И вот однажды, помолясь, преподобный Зосима в сопровождении нескольких учеников сам отправился в Новгород, чтобы нижайше просить у «Великого господина» и его вече милости и охранной грамоты на неприкосновенность северной островной обители. Случилось так, что преподобному пришлось пойти на поклон и к самой посаднице с жалобой на лихое самоуправство ее людей. Стоя подбоченясь на высоком резном крыльце и уже торжествуя в душе победу, Марфа громко приказала челяди гнать пинками со двора игумена Зосиму! Мигом набежавшие дюжие холопы поспешили исполнить ее приказ.

К немалому удивлению учеников, грубо и оскорбительно изгнанный Зосима остановился посреди улицы, повернулся лицом к дому посадницы и с закрытыми глазами тихо сказал: «Я вижу! Скоро наступят дни, когда на дворе этом исчезнет даже след всех обитателей его и навсегда затворятся двери дома сего! И уже никогда не отворятся, и будет двор этот вовеки пуст!»

Все присутствовавшие при этой сцене были немало удивлены. Никто из них не поверил пророчеству игумена: посадница Марфа владела огромным богатством и пользовалась большим влиянием в Новгороде. И хотя польский король реально еще ничем не помог ее сторонникам, дело с отложением «Великого господина» от России многие считали уже практически решенным.

К чести остальных новгородцев, далеко не все отвернулись от настоятеля Соловецкого монастыря. Многие уважали праведника и потому приняли игумена Зосиму ласково, оказав подобающий его сану почет. А бояре и именитые горожане выхлопотали у веча грамоту о полной неприкосновенности Соловецкого монастыря и торжественно вручили ее настоятелю, к тому же щедро одарив его и братию подарками. Растроганный Зосима от всего сердца поблагодарил их, обещав молиться за новгородцев и просить у Господа милости к ним в грядущие тяжелые времена. Упоминание о надвигающихся бедах было не случайным. Во всеуслышание Зосима многого не договаривал, но своим ближайшим ученикам открыл, что предвидит скорое изменение судьбы великого града.

Видя, с каким уважением новгородцы принимают игумена, посадница сменила гнев на милость. Тем более что Соловки пока все равно были недосягаемы для нее. Она послала сыновей просить у Зосимы прощения за дурное обращение и пригласить его погостить в ее палатах.

Шестеро обезглавленных С христианским смирением Зосима пожалел и от всего сердца простил Марфу. Он приехал к ней в гости и был с почетом принят посадницей. Замысел лукавой Марфы был очевиден: попытаться склонить Зосиму поддержать ее партию

сторонников Польши. Но случилось непредвиденное.

Сидя за уставленным дорогими яствами столом, Зосима взглянул на шестерых бояр напротив него и… не увидел у них голов! Опустив глаза, преподобный тихо сотворил молитву и вновь взглянул на бояр – то же самое! Тогда Зосима начал истово молиться, а когда поглядел в третий раз и опять не увидел у бояр голов, то горько заплакал. Отказавшись от угощения, он попросил хозяев отпустить его безо всяких объяснений.

Тем временем политическая обстановка все больше накалялась. Московский государь Иоанн III устал ждать: он решительно потребовал от Новгорода покориться его воле и отказаться от попыток переметнуться на сторону польско-литовских властей. Однажды Зосима обмолвился ученикам, что как ни хитрит посадница Марфа, а будет ей со временем дана и другая Новгородчина, да только не мила она ей станет!

Пророчества преподобного игумена начали сбываться еще при его жизни: в 1471 году сильное и хорошо вооруженное войско московского государя Иоанна III наголову разбило в жестоком сражении на Шелони новгородскую рать. Бояре, которых Зосима видел на пиру у посадницы, были захвачены москвичами в плен и… обезглавлены! Когда весть об этих событиях дошла до Соловков, вся братия поразилась удивительному пророческому дару игумена: ведь Зосима не раз говорил, что свободам господина Великого Новгорода в самом скором времени наступит полный конец! Но страшное несчастье в конце концов обернется во благо, ибо Русь постепенно сумеет объединить все свои земли, со временем превратившись в огромную и сильную державу.

И еще Зосима пророчествовал: далеко отсюда, за седыми северо-восточными горами, лежат удивительно богатые, невообразимые, но полудикие пространства, которые покорятся силе русского оружия и войдут в состав будущей могучей державы! Русские люди дойдут и до лежащих в стороне восхода бескрайних соленых морей-океанов, и до жарких полуденных стран, создадут государство, какого еще не видел мир со времен своего сотворения. Воистину, здесь будет место Третьему Риму, который затмит два первых, а четвертому не бывать!

По его словам, терзающие Русь набеги степняков будут навсегда прекращены победоносной войной в эпоху женского правления. Память же самого преподобного станет особо почитаема вольным русским воинством. Причем многие люди его окажутся сотрясателями основ державной власти. Соловецкому же монастырю уготована долгая жизнь, и после всех перемен и превратностей судьбы в конце концов он останется святой обителью.

17 апреля 1478 года преподобный Зосима скончался, и его светлая душа отправилась в лучший из миров. Скорбящие иноки с песнопениями проводили игумена в последний путь.

Пророчества сбываются Минул всего год, и сбылось пророчество Зосимы о великом Новгороде: в 1479 году московский государь Иоанн III пришел под его стены с огромной ратью и силой покорил город, безжалостно пройдя по нему огнем и мечом! Новгородской вольнице настал конец: вече навсегда упразднили, колоколу вырвали язык, бояр взяли в плен и выслали на чужбину. Сбылись пророчества и в отношении лукавой Марфы-посадницы: царь повелел навсегда ее вместе с детьми выселить из Новгорода и отправил в женский Нижегородский монастырь.

Вот и получила она, как предрек Зосима, «другую Новгородчину», да только не мила она ей оказалась! После того двор Борецких пришел в запустение, исчез всякий след обитателей его, и двери дома уже более никогда не отворялись – все, как «увидел» когда-то Зосима.

И последнее. Не прошло и ста лет, как лихой казачий атаман Ермак Тимофеевич покорил Сибирь и поклонился ею царю Иоанну Васильевичу Грозному, подарив России необозримые, удивительно богатые пространства, лежащие за Уралом – далекими от Соловков северо-восточными седыми горами. Позже казаки дошли на востоке до Тихого океана и Приамурья, освоили Забайкалье и весь Дальний Восток. Россия становилась огромной державой!

Вольными же воинами оказались донские казаки, которые стали почитать преподобного Зосиму как святого и чудотворного казачьего заступника. Отчего и почему так произошло, никто не знает, но пророк оказался прав. Степан Разин специально ездил на Соловки поклониться мощам преподобного. Вот он, сотрясатель трона, как Пугачев и Кондратий Булавин, – все они донцы!

Соловецкие святые Зосима и Савватий.Вышивка XVII в.

Первый, неудачный поход на Крым был предпринят во времена правления царевны Софьи, но окончательно сломали хребет Крымской Орде уже в царствование Екатерины II, навсегда избавив Русь от угрозы с юга. А в XIX веке император Александр II присоединил к России «полуденный» Туркестан, и двуглавый орел гордо раскинул крылья над

огромными пространствами от Балтики до Тихого океана.

Соловецкая же обитель действительно выдержала все прошумевшие над ней политические и военные грозы и до сей поры стоит незыблемой светлой твердыней.

Провидец из киевской пещеры *11 По материалам А. Меркулова.*

До революции в России были четыре главных православных монастыря, за святость получивших греческое название лавр: Троице-Сергиева (с 1744 г.), Александро-Невская (с 1797 г.), Почаевско-Успенская (с 1833 г.) и старейшая Киево-Печерская (с 1598 г.). А монастырь, который являлся ее предшественником, основал за пять столетий до этого, в 1051 году, святой Антоний, еще при жизни весьма почитавшийся на Руси.

Точная дата его рождения неизвестна. Судя по летописям, это случилось вскоре после Крещения Руси князем Владимиром Красное Солнышко в маленьком местечке Любеч под городом Черниговом. Там и появился на свет мальчик, нареченный Антипой. В юношеском возрасте он от кого-то узнал, что где-то в далекой стране Византии есть Святая гора Афон со множеством монастырей, в которых живут монахи-молчальники – великие подвижники и усердные молельщики. Эти монахи предпочли небо земле и познали все тайны Божией премудрости, они – настоящие ученики Христовы, и царят между ними любовь и согласие, как в раю.

Рассказ произвел на юношу столь сильное впечатление, что он решил непременно попасть на Афон. В начале XI века такое желание можно было считать несбыточной мечтой. Чтобы добраться до Афона, маленького гористого полуострова на северо-восточном побережье нынешней Греции, предстояло пройти пешком тысячи километров. Даже в наши дни такое путешествие для одинокого путника сопряжено со множеством трудностей и опасностей. А в то время оно было настоящим подвигом. И все же Антипа совершил его.

По преданию, Пресвятая Богородица посетила Афон и, увидев, что люди там денно и нощно предаются молитвам и покаянно просят о спасении мира, обещала святому месту особое покровительство. Проплывающие мимо корабли обычно замедляли ход, чтобы моряки могли вдоволь насмотреться на почти отвесный скалистый берег и на гору, к которой, как ласточкины гнезда, лепились кельи монахов. Те же моряки говорили, что по ночам над Афоном видно сияние – это свет неустанных молитв озаряет Святую гору. Такой она и предстала перед Антипой, когда он в конце концов достиг цели своего путешествия.

Странника проводили к старцу-игумену, которому он изложил свою сердечную просьбу:

– Больше всего на свете хочу жить с вами, как вы, возвыситься над человеческой природой и, безмерно любя Господа, приблизиться к нему!

Страстность юноши подкупила старца, и он разрешил ему остаться на Святой горе. Первое время Антипа жил при старце как послушник, исполняя каждое его слово, трудясь от восхода до заката солнца, а по ночам стоя на молитве. Когда испытательный срок закончился, его постригли в монахи, дав новое имя Антоний в честь великого подвижника,

основателя монашества, подвизавшегося в Египетской пустыне.

Дальнейшее послушание нового инока протекало в постоянных трудах и молитвах. Он постиг духовное делание, как называли монахи Иисусову молитву, соединяющую разум с сердцем, научился возвышенному созерцанию, которое позволяет утишить внутри всякие страсти и воспринимать волю Божию.

Однажды во время молитвы Антоний услышал голос: «Ты должен вернуться на Русь!» Сначала он не поверил знамению – может, враг смущает его, – и пошел на исповедь к игумену, своему духовному отцу.

Старец был сильно удивлен услышанным, но ответа сразу не дал. Велел прийти на следующий день, а сам встал на молитву. Ночью он тоже услышал голос: «Не удерживай Антония, он Мне там надобен». Игумен понял, что то был глас Божий.

Наутро старец призвал инока, благословил в путь и сказал: «Знаю, ждут тебя на родине и радости, и печали. Но ты недоброе одолеешь с Божией помощью и станешь отцом и наставником многих иноков. Иди же!» Пророческие знамения, явленные на Святой горе, сбылись. Когда Антоний пришел в Киев, то с болью узнал, какие беды обрушились на его родину. Один из сыновей князя Владимира, крестителя Руси, Святополк, прозванный Окаянным, хотел утвердиться правителем Киева. Ради того он перебил много невинных людей, в том числе и своих братьев, мучеников Бориса и Глеба.

Но даже непродолжительное лихолетье не прошло бесследно для православной веры, пришедшей на Русь всего за каких-то тридцать лет до этого. Нашлось немало тех, кто отошел от нее. И Антоний понял, что Господь не зря призвал его домой: он должен помочь заблудшим и сомневающимся вернуться на путь истинный и утвердиться в вере христианской.

Тогда он решил поселиться в пещере на берегу Днепра, как это делали древние подвижники монашеского благочестия. Впоследствии именно на том месте возник Печерский монастырь, получивший свое название от слова «пещеры», или «печеры», и ставший значительно позднее Киево-Печерской лаврой.

Но до этого было еще далеко. Пока же Антоний поселился в пещере и жил там в суровом воздержании и непрестанной молитве. Питался скудно – сухой хлеб один раз в день, а то и в неделю, да чистая ключевая вода из источника. Иногда он приходил на литургию в какой-нибудь храм, чтобы причаститься Святых Даров.

Довольно скоро его уединение кончилось. По Киеву распространился слух, что в пещерке на Днепре поселился Божий человек, прибывший из далеких святых мест. К Антонию стали приходить люди – кто с исповедью и покаянием, кто с вопросами и сомнениями, кто за благословением, а кто и просто из любопытства. Антоний принимал всех и для каждого находил нужное слово.

Начинайте здесь Некоторые просили разрешения остаться с ним, чтобы тоже молиться Богу и учиться постигать Слово Господне. Постепенно собралась целая колония отшельников. Каждый вырыл себе пещерку, а одну побольше они приспособили под храм, куда сходились по воскресеньям служить литургию. Вскоре пещерный

монастырь на берегу Днепра стал очень любим народом. Слава же самого Антония распространилась по всей земле Русской. Этому немало способствовали душевные и телесные исцеления, творимые Антонием, которые воспринимались современниками как настоящие чудеса.

Не раз проявлялся у Антония и провидческий дар в отношении отдельных людей. Однажды к нему пришел пресвитер Никон, пожаловавшийся на свои душевные страдания. По его словам, сердцем он чувствует, что Бог хочет от него большего, и поэтому много молился, пытаясь понять, чего именно, но уразуметь так и не смог. Антоний же сразу понял, что Никону суждено начать первое на Руси летописание, и оставил его в Печерской обители.

Когда же умер князь Ярослав Мудрый, киевский престол занял его сын Изяслав, который пришел со своей дружиной к пещере Антония просить благословения у великого старца. Когда подвижник вышел к ним, его лицо было печально. Благословил князя с дружиной и отпустил с миром, ничего не сказав в напутствие.

– Отче, скажи нам, почему ты так грустен? – подступил к нему с вопросом Никон.

– Плачу я за всю Русскую землю. Ибо даже те воины и бояре, что сегодня пришли вместе с князем, скоро начнут убивать друг друга. И моя молитва не в силах остановить их злые страсти.

Прошло не так уж много времени, и его пророчество сталосбываться…

В обители жил очень старый инок по имени Иеремия, помнивший еще те далекие дни, когда крестилась Русь, который тоже обладал даром предвидения. Однажды он явился к Антонию и сказал:

– К нам едут два знатных молодых человека, будут просить тебя постричь их в иноки. Однако много скорбей принесет тебе их пострижение.

– Нет, Иеремия, ты предвидишь только близкие печали. Но мы их переживем, а потом наступят добрые дни. Один из тех людей, что спешат сюда, станет нашим игуменом, – ответил Антоний и пошел к выходу из пещеры.

Действительно, в тот момент по склону холма поднимались два всадника в богатых одеждах, Варлаам и Ефрем, любимцы князя Изяслава. Спрыгнув с коней, они сбросили у ног старца свои заморские наряды и встали на колени. «Прими нас в свою обитель, святой отец! Не нужны нам богатства, а хотим просветления души», – попросил за обоих Варлаам.

Антоний долго беседовал с ними, испытывал многими вопросами, уговаривал не спешить. Но молодые люди стояли на своем: хотим жить в обители. Тогда Антоний отвел их к Никону и сказал: «Постриги да одень в иноческое платье. Это наши новые братья».

Узнав о случившемся, князь Изяслав сильно разгневался и пообещал заточить в темницу всех монахов за то, что их старец сманивает к себе его самых знатных бояр. Чтобы отвести беду от обители, Антоний тайно покинул Киев, взяв с собой только одного инока по имени Моисей. Он нашел убежище у брата Изяслава, черниговского князя Святослава, весьма почитавшего его. Под Черниговом, в Болдиных горах, Антоний выкопал себе пещерку и стал там жить уединенно, проводя время в молитве и посте.

Как повествует летописец, после его ухода солнце словно потускнело над Киевом, а небо застили тучи. Днепр стал мутным и

неприветливым, недоброе нависло над городом, мор и болезни одолели людей. Страх напал и на самого князя Изяслава, которому жена предрекла, что ему не будет удачи, пока не вернет он в Киев святого человека Божия.

И князь сменил гнев на милость, пришел к пещере старца, пал на колени и со слезами начал в раскаянии молиться, чтобы Антоний вернулся, обещая впредь быть ему и всем монахам защитником.

После того Антоний и остальные монахи вернулись в свои пещеры.

Не раз потом приходил Изяслав к святому старцу за советом и благословением. И Антоний всегда помогал ему. Когда же между князьями начались кровавые распри, от которых страдали русские земли, он примирил Изяслава с братьями Святославом и Всеволодом, положив конец жестокой междоусобице.

Уже в преклонном возрасте Антоний выкопал себе новую пещеру и затворился в ней, так что многие иноки не видели его более никогда, а только рассказывали о нем легенды.

Там в 1073 году и отошел в мир иной великий страстотерпец за Русскую землю, святой старец Антоний. Православная церковь почитает его память 23 июля (10 июля по старому стилю).

Откровения святителя Алексия

Имя жившего в XIV веке митрополита Московского и всея Руси чудотворца святителя Алексия по праву стоит в ряду первых русских пророков. Удивительный провидец, великий патриот, неустрашимый защитник Отечества, святитель Алексий стал наставником великих и единомышленником святых. Благодаря своему уникальному дару, высокому духу и неустанным многолетним трудам он помог реализовать вековую надежду народа на освобождение от ига татаро-монгольских поработителей, собрав и сплотив целое поколение русских людей, бесстрашно поднявшихся на борьбу с Ордой.

На рубеже XII—XIII веков Русь постоянно подвергалась грабительским набегам ордынцев, а феодальная раздробленность казалась вечной и непреодолимой. Кроме иноземных нашествий средневековую Русь раздирали кровопролитные междоусобные войны. Именно в это тяжелое и смутное время, в 1300 году, в богатой и знатной московской семье, принадлежавшей к известному и славному боярскому роду Плещеевых, родился мальчик – будущий святитель Алексий.

С ранних лет он проявил усердие в учебе и овладении иностранными языками. В то время любому юноше из знатной фамилии был заранее уготован путь воина. Но Алексий объявил родным, что видит свое призвание в служении Отчизне не на бранном поле, а на поприще православной веры. Сила его убеждений оказалась такова, что родные не решились с ним спорить и все смирились с намерением юноши уйти в монастырь.

Преподобный Антоний Печерский

В 1320 году Алексий поступил в московский Богоявленский монастырь. С каждым годом его все больше отличали высокий ум, обширные познания и добродетельная жизнь. Примерно в 1339 году Алексий впервые поделился с братией пророчеством: ему открылось, что не пройдет и полвека, как владычеству Орды будет нанесен смертельный удар! Но муж, который сумеет сплотить русское воинство и одержать невиданную победу над бесчисленными степняками, еще не рожден!

В начале 1340-х годов изрек следующее пророчество: в скором времени на Руси будет рожден муж, который поведет войска на бой с ордынцами и одержит решительную победу! А другой муж станет святым заступником Руси и благословит полководца.

В 1354 году умер митрополит Феогност, и святитель Алексий принял на себя управление русской церковью. В Москве правил тогда великий князь Иоанн, за свой нрав прозванный Кротким. В 1349 году у него родился сын, нареченный Дмитрием. Он сразу же привлек внимание Алексия. Уважая ум, мудрость и прозорливость митрополита, великий князь сделал святителя своим главным советником и с его помощью не раз отводил от Руси грозившие ей ужасающие разорения ордынских набегов. В политике Московский митрополит был настолько хитер, так умел льстивыми речами, многими пустыми обещаниями и неопровержимыми доводами обводить вокруг пальца недоверчивых и злобных азиатов, что все только диву

давались. Конечно, это была крайне опасная игра, поскольку Орда обладала огромной военной мощью.

Слава о благочестивом и мудром митрополите, которого народная молва стала считать истинным чудотворцем, быстро распространилась по всем русским землям и вскоре достигла пределов Золотой Орды.

И тут случилось непредвиденное. В 1357 году хан Джанибек прислал к великому князю Иоанну специальных послов с категорическим требованием «отпустить в Орду сего человека Божия» для исцеления своей ослепшей жены Тайдулы, в случае отказа грозя немедля разорить русскую землю огнем и мечом. Так повествует об этом событии древний летописец.

Иоанн был в полной растерянности, – ведь митрополит не знахарь и не лекарь, и уж кому, как не князю, знать, что святитель Алексий никогда не совершал никаких чудес! Как он вернет зрение ослепшей царице? А проявить непокорность и выставить против ордынцев войско означает потерпеть неминуемое поражение и отбросить Русь назад еще на много веков – не хватит пока сил сломить Орду. Но и отдать святителя на растерзание татарам не по-христиански!

В беседе с Иоанном митрополит подтвердил справедливость его опасений и смиренно признал: чудо исцеления выше его сил! Однако, не видя иного выхода, он все-таки решил ехать в Орду, уповая на милость Господа. Заверив Иоанна в готовности пожертвовать собой ради отчизны, уже немолодой Алексий, помолясь, отправился в долгий и тяжелый путь, который вполне мог оказаться путем на Голгофу!

Ордынцы приняли митрополита с почетом, но Алексий не обольщался, прекрасно понимая: он идет по лезвию бритвы и лишь стоит ему оступиться – казнь будет лютой. Но самое главное – на его родину обрушатся ужасающие несчастья.

Осмотрев больную, митрополит не потерял присутствия духа и, вернувшись в отведенные ему покои, стал усердно молиться Богу.

Спустя 700 лет после описываемых событий очень трудно делать однозначные выводы, но несомненно, что святитель Алексий обладал необычайно сильными экстрасенсорными способностями и пользовался поддержкой и благорасположением незримых сил: Создатель услышал его молитву, и чудо свершилось – ханша прозрела! Воспользовавшись подходящим моментом, Алексий проявил себя как трезвомыслящий, прагматичный политик: в благодарность за исцеление Тайдулы он начал рьяно выторговывать у хана разные льготы и поблажки не только для Московского княжества, но и для всей Руси в целом.

В Москву митрополит Алексий вернулся с триумфом, в сиянии небывалой славы, но ничуть не возгордился, а продолжал вести прежний образ жизни в неустанных заботах о просвещении мирян и благоустройстве государства. Его стараниями восстанавливались разрушенные войнами и временем монастыри и закладывались новые. Тогда монастыри играли крайне важную военную роль, являясь крепостями с гарнизонами монахов-воителей, смело вставáвших на пути вражеских набегов.

В трудах и заботах время летело незаметно, но тут из Орды пришла новая, страшная весть: умер хан Джанибек, благорасположением которого сумел крепко заручиться Алексий. На белом ханском войлоке мурзы

подняли коварного и злобного Бердыбека. В жестокой борьбе за ханскую власть он не пожалел никого из двенадцати братьев и, расчищая себе путь к трону, многих из них убил собственной рукой! Типичный восточный деспот, он признавал лишь власть силы и первым делом потребовал от русских немедленной выплаты непомерной дани. Великий князь и митрополит прекрасно понимали: требования нового хана Золотой Орды не более чем предлог. В случае отказа или малейших признаков неповиновения Бердыбек тут же двинет на Русь тысячи тысяч степных всадников. Он возьмет значительно больше, чем требует сейчас, оставив на месте богатых городов и цветущих селений трупы и пепелища. И святитель Алексий решил ехать в Орду сам, надеясь добиться мира и спокойствия.

Это путешествие было не менее страшным, чем первое. Хан мог одним движением пальца приказать лишить митрополита жизни или начать забавляться, давая пустые обещания и затягивая время. Теперь уже никто не скажет, о чем они беседовали с глазу на глаз и как митрополиту удалось подчинить своей воле подозрительного и злобного владыку монголов. Фактически это еще одно чудо пророка, совершенное святителем Алексием: он сумел получить от хана клятвенные заверения в снижении величины дани и, как сейчас сказали бы, мирный договор с христианами.

В 1359 году не стало великого князя Иоанна Кроткого. С одобрения всех бояр митрополита избрали наставником десятилетнего Московского князя Дмитрия и временным правителем государства. По пророчеству святителя, именно Дмитрию предстояло нанести смертельный удар Орде и начать дело сплочения русских земель в единое государство! И тогда в третий раз уже пожилой Алексий отправился в проклятую Орду – он хотел вытребовать у хана ярлык на Великое княжение для малолетнего Дмитрия. Пришлось взять с собой и юного князя.

В ханской ставке умный и хитрый митрополит наглядно преподал будущему герою – князю Дмитрию – уроки большой политики. Где подарками, где льстивыми посулами, где угрозами, а где и откровенным подкупом, он сумел добиться от хана ярлыка на Великое княжение для Московского князя и поскорее, от греха подальше, увез Дмитрия домой, помня о страшной судьбе его предка – отравленного в Орде Александра Невского.

Мудрое наставничество и политика митрополита Алексия многому научили князя Дмитрия. По мере взросления князя Алексий все чаще давал ему самостоятельно вести дела и в конце концов стал просто его советником. В это время святитель предрек: Дмитрий станет собирателем земель русских! Провидческий дар митрополита помог и признанию одного из великих русских святых – Сергия Радонежского. Алексий предвидел: имена великого князя Дмитрия и Сергия Радонежского будут навеки связаны единым подвигом во имя Руси! По сути, сам митрополит стал первым идейным вдохновителем в борьбе за централизацию России и свержение татаро-монгольского ига.

Незадолго до кончины святитель Алексий сделал новое пророчество: час близок!

Говорил он и о грядущем небывалом величии родины, и о невиданных ранее миром победах русского оружия, но… За великой

давностью лет и многими историческими катаклизмами, случившимися за прошедшие семь веков, значительная часть пророчеств этого удивительного человека не дошла до нашего времени.

12 февраля (25-го по новому стилю) 1378 года святитель, чудотворец и пророк митрополит Московский Алексий скончался и был погребен в построенном им Чудовом монастыре. В сей день церковь и чтит его память.

Исцеление Тайдулы. Клеймо иконы Дионисия «Митрополит Алексий с житием». XVI в.

Все пророчества святителя Алексия Московского сбылись. Буквально через два года после его кончины русские войска, собранные князем Дмитрием Донским, наголову разбили на Куликовом поле тумены ордынского хана Мамая, положив начало объединению России и ее окончательному освобождению от татаро-монгольского ига. На великий подвиг русских воинов и князя Дмитрия благословил святой Сергий Радонежский. С тех пор их имена в истории всегда стоят рядом. Россия одержала немало славных побед и спустя столетия стала великой мировой державой. Но нам всегда, особенно сейчас, в непростое наше время, нужно крепко помнить вещие слова отважного патриота, чудотворца и пророка святителя Алексия: «Необъятной и могучей Руси станет некого бояться, кроме… внутренних раздоров!»

Часть вторая.
Загадочные изобретения и путешествия «Железный мужик» из XVI века

Питер Дэнси – «чистый», так сказать, историк, которого больше всего занимают нравы и образы жизни людей разных эпох. Заинтересовавшись Россией, он попытался отыскать в архивах что-нибудь любопытное из нашей с вами истории. И наткнулся на письма, дневники и записки купца Йохана Вема, который, как свидетельствуют педантично проставленные даты, неоднократно бывал в России «гостем», то есть торговал с купцами и… двором самого Ивана Грозного. Во-первых, молодой исследователь нашел несколько разнесенных по времени в месяцы или даже годы дат о продаже царскому двору крупных партий книг. «А еще закуплено было книг рукописных и печатных и продано для царских хранилищ на 5 тысяч золотых гульденов».

Сумма по тем временам невероятная. Дэнси подсчитал: целая флотилия тогдашних торговых судов потребовалась для доставки груза ко двору Грозного. «Для того побиваемы были литовцы и открываемы русским царем выходы к морям на почетных для него условиях завоеванного добрососедства». Ну тут, допустим, голландец загнул, не для покупки одних только западных произведений культуры прорубали русские цари окна в Европу. Но факт остается фактом: о науках Иван Васильевич задумывался ничуть не меньше, чем об усмирении «верноподданных чад своих».

А вот «железный мужик», на воспоминания о котором Дэнси наткнулся буквально через несколько вечеров, это новость. Сначала он принял словосочетание за обычную игру слов: «Побил железный мужик, на потеху пировавшим, царского медведя, и бежал медведь от него в ранах и ссадинах»; «Железный мужик на удивление всем подносил царю чашу с вином, кланялся гостям и что-то напевал на этом невыносимом русском языке, который мне так никогда и не поддался».

Жаль, что не поддался. Наверное, сейчас нашлись бы в ином случае гораздо более подробные описания «железного мужика» и его диковинных песен. Однако и найденных строк хватило Дэнси для того, чтобы обратиться к своему другу, приятелю еще по колледжу, специалисту робототехники Стиву Леннарту. Вдвоем они не поленились перерыть Монбланы архивной пыли, найти и восстановить записи и письма современников Грозного и Вема.

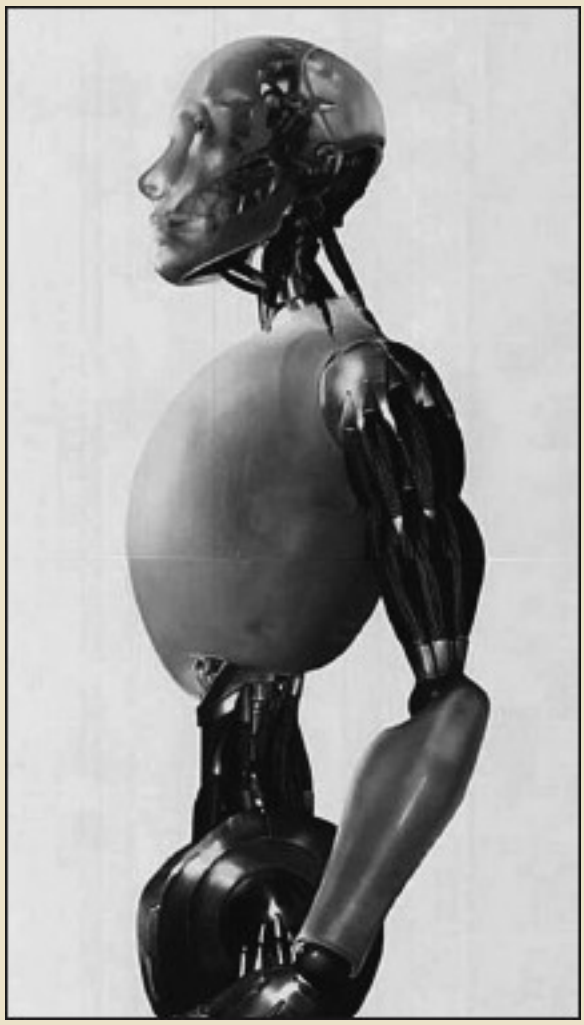
Вот оно! «Железный мужик», или «железный человек», прислуживающий за столом или по дворцу не хуже, чем живой слуга, встретился в полуистлевших бумагах еще двух купцов, которые регулярно торговали с Россией и были допущены к царскому двору.

«Железный мужик» прислуживает царю за столом, подает ему при ошеломленных этим зрелищем гостях кафтан, метет метлой двор. Когда царю возразили, что вещь эта не искусством мастера сотворенная, царь сначала осерчал. Но выпив кубок мальвазии, кликнул трех людей мастерового вида, одетых по-боярски, и что-то им приказал. Те открыли спрятанные под одежей железного мужика крышки, в нем оказались шестерни и пружины, двигавшие руки, ноги и голову. Гости с перепугу протрезвели, а русский царь прихвастнул, будто такие слуги были на Руси

еще века два-три назад».

Интересно упоминание о том, что «железный мужик» служил за царским столом только в жаркую солнечную погоду. Прочитав такое у Вема с Леннартом, журналист обратился за комментарием к специалисту, кандидату технических наук, научному сотруднику Института металлов и металловедения Генриху Добровольскому.

– Думаю, Дэнси с Леннартом слегка фантазируют, приписывая дворцовым мастерам Грозного умение создавать чуть ли не солнечные батареи. Все, по-моему, проще. Если прикинуть уровень развития техники того времени, любовь богатых людей к заводным шкатулкам, механическим «музыкальным ящикам», то можно выстроить следующую версию.

Неизвестно достоверны ли сведения о «железном мужике» Ивана Грозного

«Железный мужик» приводился в действие механическим движителем, основным элементом которого была биметаллическая пружина. Наука располагает доказательствами того, что в принципе проблему биметаллических пластин решили на практике еще химики. На

солнце пружина быстрее разогревалась, и этот несомненный прообраз современного робота «не ленился» и поворачивался быстрее. Как были запрограммированы команды?

Это вопрос намного сложнее. В общем-то, и систему «управления на расстоянии», путем включения набора определенных шестерней уровень тогдашней техники решить позволял. Куранты ведь, между прочим, исправно начали отбивать положенное время еще до Грозного.

Д. Ларину удалось разыскать свидетельства того, что дальние предки современного робота (музыкальный ящик сложной конструкции, механическая пианола и т.д. работают по абсолютно аналогичному принципу) создавались здесь, у нас, а не завозились издалека. Ныне иноземная блоха, подкованная Левшой, превратилась из легенды в факт истории. «Железный мужик» был, скорее всего, конструкцией сложной, но по миниатюрной технике исполнения уступал – был он «пальцев на пять выше нормального человека и поворачивался резче, чем это делали бы мы».

Вы видели, кстати, как поворачиваются промышленные роботы – стальные машины-руки, используемые, например, при сварочных работах или окраске автомобильных кузовов? Совершенно верно! Несколько резче, чем их создатели. На мой взгляд, запись из бумаг, найденных Дэнси и Леннартом, свидетельствует: древние русские мастера собрали фантастический для своего времени промышленный робот со специфическими задачами. А что приводился он в действие не нынешними источниками энергии… Тем выше заслуга умельцев.

Индоокеанская экспедиция Петра I *12 По материалам А. Чекулова.*

Победный для России Ништадтский мирный договор положил конец Северной войне. Несколько ранее закончилась война за испанское наследство. Однако политической гармонией в Европе, как говорится, и не пахло. Причин для этого было много, но главными являлись колониальные противоречия великих держав. Суть их можно изложить следующим образом.

Обширные колонии Испании и Португалии возбуждали лютую зависть во многих столицах. Более того, особые права пиренейских держав на заокеанские земли, дарованные им еще папой Александром VI, прочие европейские державы (прежде всего Англия, Голландия, Франция) решительно не признавали. И дело было не в отсутствии подходящих юридических аргументов, а в очевидной неспособности пиренейских держав удержать все то, что открыли и завоевали Колумб, Васко да Гама, Кортес, Писарро, Магеллан, Альбукерке и др.

Кровопролитная война за раздел колоний продолжалась многие десятилетия, по существу, без всяких перемирий. Когда мир заключали правительства, борьбу продолжали пираты. А те, кто стоял у кормила государственной власти, нередко помогали им (естественно, неофициально). Весьма показательными для той эпохи были ситуации, когда испанский посол, заявляя решительный протест английскому монарху по поводу грабежа, учиненного его подданными в испанских владениях, в ответ слышал клятвенные уверения в том, что этот прискорбный инцидент

– следствие деяний преступных элементов, стоящих вне закона. Что же касается виновника дипломатического конфликта, то он не забывал отсчитать своему августейшему покровителю и сообщнику его долю добычи. И уж само собой разумеется, королевской полиции «никак не удавалось» напасть на след дерзкого пирата, хотя награбленное им испанское добро продавалось на лондонских рынках совершенно открыто.

Особенность пиратской тактики заключается еще и в том, что «джентльмены удачи» не были привязаны к базам снабжения. Их корабли могли месяцами находиться в море и годами не заходить в портовые города. Проблема боеприпасов и продовольствия решалась за счет грабежа или торговли (имелись у пиратов свои торговые агенты). А когда возникала необходимость отремонтировать корабль (очистить днище от обрастаний), или реализовать награбленное, или просто отвести душу в кабаке, к услугам рыцарей черного флага были портовые города в английских колониях. Само собой разумеется, что последние входили в порт не под черным, а под государственным флагом. И если за ними не водились грешки (грабеж подданных его величества), власти «не замечали их».

Если же у какого-нибудь «джентльмена», как говорится, рыльце было в пуху и визит в Саванну или в Бостон оказывался чреват крупными неприятностями со стороны королевских шерифов, он мог воспользоваться известной ему укромной бухтой на одном из островов Антильского архипелага. Там можно было и корабль отремонтировать, и с нужными людьми встретиться. А такие встречи являлись очень желательными, ведь для расширения дела (для нападения на конвой и на прибрежные города) требовалось объединение усилий – создание пиратских эскадр.

К тому же очень полезно было получить информацию об обстановке на театре морских действий (узнать, где можно поживиться, а где и голову потерять). И наконец, следовало знать, где действуют коллеги, чтобы не мешать им и не создавать пиратской усобицы.

Одним словом, «джентльмены удачи» стремились упорядочить свой промысел, и процесс этот временами приобретал некоторые черты государственных отношений. В районах наибольшей активности европейских пиратов возникали их корпорации. Последние имели свои законы (узаконенные обычаи), выборных предводителей, а также связи с европейскими негоциантами и правительствами.

Судя по всему, подобные пиратские объединения, например «Береговое братство», и породили слухи о пиратских государствах. Россияне узнали об одной из таких «держав» вскоре после окончания Северной войны, причем информация эта способствовала организации одной секретной экспедиции. Именно о ней и пойдет речь.

Начнем с исторической справки. В 1506 году португальский мореплаватель Лорензон Альмендого открыл в Индийском океане гигантский остров. Он назвал его Сен-Лоран и нанес на карту. Соотечественники Альмендого в те времена бредили сокровищами Индии и не проявили интереса к его открытию, зато им заинтересовались в Париже. Сен-Лоран был переименован в Дофинов остров и объявлен собственностью французской короны, затем французы начали превращать новую колонию в тропическую плантацию и базу на морских коммуникациях, связывающих Европу с Индией.

Что же касается аборигенов, то их безжалостно сгоняли с земли и превращали в рабов, а смиренные слуги божьи в рясах католических монахов обращали в истинную веру темнокожих язычников.

И плантаторы и миссионеры действовали с великим рвением. Первые обращали жизнь туземцев в ад, а вторые обещали им рай на небесах.

Такая ситуация имела место до 1670 года, когда лютая ненависть к белым угнетателям и горький опыт прошлых выступлений против них позволили туземцам создать единый фронт и достаточно мощные силы. Они уничтожили французских захватчиков, после чего европейское проникновение на остров, получивший к тому времени название Мадагаскар, было временно приостановлено. Точнее говоря, европейское присутствие на острове сохранилось в виде пиратских баз в укромных бухтах восточного побережья.

Об этих индоокеанских пиратских «малинах» россияне были в общем-то наслышаны. Однако в конце 1723 года царь Петр I узнал на сей счет нечто совершенно новое. Оказалось, что на Мадагаскаре существует пиратское королевство. Автором сенсации был вице-адмирал Вильстер. Бывший шведский подданный, эстонец по национальности, он объявился в Ревеле и заявил, что не является врагом России и имеет важное государственное дело к ее царю. Аудиенцию у Петра I он получил, после чего в Ревеле началась срочная подготовка к какому-то не просто секретному, а сверхсекретному вояжу. Лишь крайне ограниченный круг лиц знал, куда, когда, под чьим командованием и с какой целью фрегаты «Амстердам Галет» и «Декрон де Ливдеа» выйдут в море. В начале декабря того же года оба корабля подняли якоря и покинули Ревель. Однако штормовые повреждения, полученные в районе балтийских проливов, заставили их вернуться. Экспедиция была сначала отложена, а затем и вовсе отменена.

Со временем пелена секретности, скрывавшая это предприятие, спала, но некоторые его детали так и остались невыясненными, хотя прожект, которым Вильстер ухитрился было соблазнить Петра I, неоднократно привлекал внимание историков. Одним из них был некто И. Зейдель. В 1867 году он опубликовал в журнале «Морской сборник» статью, в которой весьма путано изложил ход событий и еще более путано их подоплеку.

Согласно описанию Зейделя, в начале XVIII века в Стокгольме была получена петиция от индоокеанских пиратов шведского происхождения. Они испрашивали у властей амнистии и права на возвращение на родину. Король Карл XII с готовностью простил своих многогрешных подданных, а наследовавшая ему королева Ульрика подтвердила решение брата.

Решение это объяснялось, конечно, не христианским милосердием, а надеждой на то, что раскаявшиеся грешники вернутся на родину не с пустыми руками. Для шведской казны, истощенной войной, пиратская добыча (ее казенная доля) была бы даром небес. Однако никаких последствий высочайшее милосердие не породило, так как индоокеанские пираты в Стокгольме не объявились. Зато там возник прожект создания шведской колонии на острове Мадагаскар. Из числа шведских подданных к

нему были причастны командор Ульрих, вице-адмирал Вильстер и штатный секретарь министерства иностранных дел фон Гепкен.

Морган решил обратиться к шведам. Учитывая ограниченные возможности шведской казны, опустошенной Северной войной, он предложил на свои средства снарядить 30 кораблей. Шведское же участие в предприятии предлагалось ограничить одним или двумя кораблями. Для большей убедительности Морган разыскал среди своих коллег (бывших подчиненных) две или три дюжины шведов и убедил их подписаться под прошением с просьбой о помиловании.

В Стокгольме сложилось впечатление, что на Мадагаскаре есть соотечественники, которые могут быть опорой в деле освоения острова. А тут еще Морган заявил, что европейские пираты на Мадагаскаре и тамошние аборигены желают стать шведскими подданными. Все это сочеталось с обещаниями сказочных прибылей, и неудивительно, что королевские министры не устояли перед соблазном.

Затем прожект был утвержден в высочайших инстанциях, но к его реализации удалось приступить лишь в 1721 году, после окончания Северной войны. Доля государственного участия в предприятии была при этом увеличена. Общее руководство всем предприятием возлагалось на капитана-командора шведского флота Карла Ульриха.

Специальная секретная инструкция предписывала ему организацию четкого взаимодействия с эскадрой Моргана, а так как последний находился в Лондоне, то Ульрих должен был отправиться туда инкогнито для установления негласного контакта с английским пиратом. Затем ему надлежало следовать на Мадагаскар для создания там колонии и приведения в шведское подданство тамошнего населения.

Таким образом, в прожекте, адресованном Петру I, имела место мистификация, и автором ее был, очевидно, Вильстер. Во всяком случае, то, что он предлагал россиянам, являлось вариантом прожекта, предложенного шведам от лица Моргана. Разница была в некоторых деталях. Причем объяснений на этот счет господин Вильстер не представил. В частности, на Мадагаскаре обнаружилось некое королевство. Владыка его искал европейского покровителя, роль которого господин-прожектер и предлагал русскому царю.

Надо сказать, что Петр заинтересовался прожектом Вильстера, в частности, он пожелал ознакомиться с деталями шведской экспедиции на Мадагаскар. Тогда Вильстер посоветовал царю подкупить штатного секретаря министерства иностранных дел Швеции фон Гепкена, что, судя по всему, и было сделано – секретная инструкция командору Ульриху попала в руки Петра I. Ознакомившись с ее содержанием, он принял решение отправить в Индийский океан экспедицию, однако круг ее задач был расширен.

Во-первых, Вильстер должен был передать письмо Петра мадагаскарскому владыке и договориться с ним об установлении дипломатических и торговых отношений между двумя странами. Планировалась также организация мадагаскарской миссии в Петербург, желательно во главе с самим королем.

Во-вторых, Вильстер должен был следовать из Мадагаскара в Индию (в Бенгалию), дабы передать послание Петра I Великому Моголу, а

также договориться об установлении дипломатических и торговых отношений между Индией и Россией.

Петр I был заинтересован в выходе в Индийский океан

Ясно, что Петр I планировал экспедицию в Индийский океан не для колониальных захватов, а для расширения дипломатических и экономических контактов своей державы со странами Востока. А для того чтобы европейские недруги не ставили препоны задуманному, царь принял меры по обеспечению секретности. Прежде всего, вице-адмирал Вильстер, хотя и был назначен начальником экспедиции, никакого участия в ее подготовке не принимал. Более того, его препроводили в Рогервик (впоследствии Балтийский порт), где до самого начала плавания он жил в доме коменданта в строжайшей изоляции, на положении узника.

С другой стороны, вся переписка, связанная с экспедицией, велась в походной канцелярии командующего русским флотом генерал-адмирала Ф.М. Апраксина (без привлечения сотрудников Адмиралтейств-коллегий и Коллегии иностранных дел). Таким образом, был сужен круг лиц, знающих детали предприятия. Кроме того, даже в секретных документах было сказано: «Следовать в назначенное вам место», т.е. пункт прибытия не доверялся бумаге.

Предписывалось также избегать оживленных морских дорог (идти не Ла-Маншем, а вокруг Англии, и не под военным флагом, а под торговым). В случае же острой необходимости зайти в какой-либо заграничный порт

(когда скрыть военное назначение кораблей будет невозможно) и поднять военный флаг, но не адмиральский, а капитанский. И наконец, командир одного из фрегатов капитан Мясной и помощник Вильстера капитан-поручик Киселев получили особые инструкции. Они являлись копиями инструкции, полученной Вильстером, но тот об этом ничего незнал.

Отсюда можно заключить, что Петр I, хотя и называл Вильстера «честным и высокоповеренным флагманом», стопроцентного доверия к бывшему шведскому подданному не испытывал. Негласный надзор за его деятельностью он поручил русским офицерам, а инструкции всем троим вручил в запечатанном виде. Вскрыть же их они должны были только в Северном море, когда всякая возможность разглашения секрета будет утеряна. Согласитесь, что меры обеспечения секретности русской Индо-океанской экспедиции были неплохо продуманы!

Когда эскадра Вильстера вернулась в Ревель, царь был огорчен, но от своего решения не отказался. Корабли экспедиции по просьбе Вильстера были заменены фрегатами «Принц Евгений» и «Крюйсер». Однако в навигации 1724 года они плавали уже совершенно с другими целями, т.е. экспедиция была отменена.

Чем же объясняются причины отказа от экспедиции в Индийскийокеан?

Видимо, для русского флота в петровскую эпоху подобный вояж был слишком сложен: Россия не имела необходимых для этого людей и кораблей. Таково мнение видного историографа русского флота Ф.Ф. Веселаго. Он считал, что «техническая сторона юного флота находилась далеко не в таком состоянии, при котором возможно было осуществление подобного колоссального предприятия. Кроме того, неудаче способствовал и дурной выбор судов и страшная спешность их приготовлениям».

Тот факт, что Вильстер после возвращения в Ревель просил Петра I заменить корабли его эскадры, подтверждает мысль Веселаго об ошибке в выборе кораблей (в спешке). Но ссылка его на техническую слабость русского флота как на причину срыва экспедиции выглядит все же неубедительно. В техническом отношении русский флот в последние годы царствования Петра стоял достаточно высоко. Во Франции, например, обсуждался вопрос о возможности закупки в России военных кораблей. Английские специалисты также давали высокую оценку продукции русских верфей. И наконец, профессиональная подготовка русских моряков соответствовала требованиям мореплавания той эпохи. Правда, опыта дальних плаваний россияне не имели, но под андреевским флагом служило немало опытных иностранцев, т.е. известные трудности с кадрами все же не смогли сорвать экспедицию.

Истинные препятствия заключались в другом. Начнем с того, что на Мадагаскаре в то время не существовало никакого государства, а тем более короля из европейцев. Следовательно, устанавливать дипломатические отношения было не с кем. Русская коммерция на острове также была невозможной. Европейские пираты имели своих клиентов, да и возможность контактов с ними была очень проблематичной.

Что же касается аборигенов, то французы надолго привили им ненависть ко всем белым. К тому же они вряд ли смогли бы представить для обмена что-либо достойное внимания (даже если бы россиянам и удалось вступить с ними в контакт). И, наконец, всякое проникновение

русских купцов на Мадагаскар вызвало бы противодействие европейских колониальных держав (прежде всего Франции). Дело в том, что от мысли овладеть Мадагаскаром французы не отказались. Они обосновались поблизости, на Сейшельских островах, и, без всякого сомнения, русское начинание вызвало бы у них активное противодействие. Не менее враждебной была бы реакция Англии. Ведь англо-русские отношения в те времена были далеко не дружественными.

Таким образом, вся мадагаскарская часть прожекта не что иное, как следствие дезинформации. Что же касается автора этой затеи, то трудно давать ему категорическую характеристику. Возможно, Вильстер – провокатор, засланный в Россию с целью втянуть ее в конфликт с колониальными державами Европы. Возможно, он простодушный и малоосведомленный моряк, стремившийся протолкнуть, хотя бы и нечистыми методами, проект, в целесообразность и реальность которого искренне верил.

А теперь перейдем к индийской части Индоокеанской экспедиции Петра I. После крестовых походов состоятельные западноевропейцы возымели страсть к восточным пряностям, а также к предметам роскоши, которые производились большей частью в Индии. В течение нескольких веков держалась мода на индийские ткани, причем цена на них была такова, что даже в XVIII веке английские фабриканты требовали введения запретительных пошлин на ввоз в страну продукции индийских кустарей. Перед изделиями индийских ювелиров блекли творения самого Бенвенуто Челлини.

Индийские товары со временем стали непременной принадлежностью рынков Европы, и торговля ими сделала процветающим не одно коммерческое предприятие. Однако все это будет позже, а поначалу товары из Индии поступали к европейцам в ограниченном количестве, пройдя через многие руки. И, разумеется, каждая из них урывала для себя часть конечной цены товара.

К концу XV века европейская торговля с Индией еще более осложнилась. Турки, захватившие Северную Африку, стали брать с купцов поистине грабительские пошлины, а корсаров развелось так много и они настолько преуспели в своем ремесле, что мореплавание на востоке Средиземноморья нередко вообще прекращалось. Одним словом, возникла острая необходимость найти какой-либо иной путь в Индию.

Морской путь в заманчивую Индию первыми проложили португальцы (разумеется, им пришлось при этом углублять свои географические познания). В 1498 году экспедиция Васко да Гамы достигла индийского города Каликута, после чего настала пора расцвета португальской колониальной империи – страны смелых мореходов, предприимчивых купцов и колонизаторов. На первых порах португальцы мирно торговали. Однако поведение их резко изменилось, когда они создали в Индии свои фактории и уяснили, что богатейшая страна не имеет армии и флота, способных защитить ее. Более того, само понятие «империя Великого Могола» было в то время весьма эфемерно, ибо единого государства на территории Индостана не существовало.

Стоит ли удивляться тому, что сравнительно небольшие отряды португальцев закреплялись в ключевых районах Индостана, где вели

торговлю, весьма похожую на грабеж. Однако маленькая Португалия, в экономике которой ведущее место принадлежало торговле, а не промышленности, не смогла сохранить свою монополию на индийскую торговлю. В XVII веке у берегов Индостана начали появляться корабли других европейских держав, а в XVIII веке борьбу за ключевые позиции в этой стране вели между собой уже Англия и Франция. Португалия сохранила к тому времени лишь крохи своих былых владений.

А теперь вернемся к теме повествования – к идее Петра I наладить политико-экономические контакты России с Индией. Как вытекает из вышесказанного, попытка реализации такого замысла встретила бы активное противодействие со стороны правящих кругов Лондона, Парижа, Лиссабона. Более того, есть основания предполагать, что дело могло дойти до применения оружия. Добавьте к этому пиратов различных рас и национальностей, европейскую конкуренцию на индийских рынках, а также непомерные транспортные расходы, и бесперспективность морской русско-индийской торговли станет очевидной.

Как видим, замысел экспедиции был нереален с политической и экономической точек зрения. И Петр I со временем осознал это. В немалой степени изменению царских планов способствовала информация, полученная из зарубежных источников. Так, в 1724 году в Ревеле объявился вышеупомянутый командор Ульрих (как и Вильстер, он решил сменить подданство). О своей службе под шведскими знаменами командор рассказал весьма подробно. Поведал он, в частности, об экспедиции на Мадагаскар в 1722 году и о ее бесславном завершении.

Судя по всему, рассказ Ульриха повлиял на решение Петра I. Вот, пожалуй, и все, что известно о планах русской экспедиции в Индийский океан в первой половине XVIII века.

«Летательная машина» Франца Леппиха *13 По материалам Р. Николаева*

В «Петербургской газете» от 26 августа 1912 года, посвященной столетней годовщине битвы под Бородином, была опубликована заметка с детективным названием «Тайная подготовка к уничтожению армии Наполеона при помощи «летучей машины»». Автор – известный в то время деятель авиации в России генерал-лейтенант Александр Матвеевич Кованько, командовавший с 1910 года Офицерской воздухоплавательной школой в столице. В публикации утверждается, что некий немецкий изобретатель Леппих предложил Александру I построить управляемую «летательную машину», чтобы, сбрасывая с нее взрывчатые вещества, уничтожить наполеоновскую армию. Утверждалось также, что государь это предложение принял, и с весны 1812 года под Москвой началось секретное строительство такого устройства.

Москва, август 1812 года Неудачей началась для России война с Наполеоном, за два месяца захватившим огромные и в стратегическом отношении важные территории. 7 августа пал Смоленск. Французы все ближе подходили к Москве, где началась настоящая паника. По данным генерал-губернатора графа Ростопчина, ежедневно в глубь страны отъезжало свыше 1300 бричек, карет и колясок с бежавшими горожанами. Русские войска не могли сдержать натиск французов. В этих условиях оставалось лишь делать ободряющие москвичей заявления. 22

августа Ростопчин выпустил объявление: «Здесь мне поручено было от государя сделать большой шар, на котором 50 человек полетят куда захотят по ветру и против ветра. А что от него будет, узнаете и порадуетесь. Завтра или послезавтра будет маленький шар для пробы. Я вам заявляю, чтобы вы, увидя его, не подумали, что это от злодея, а он сделан к его вреду и погибели».

Объявление не открыло тайну «летательной машины», создаваемой по всем правилам конспирации, и не ободрило москвичей, вызвав у них только естественное любопытство и недоумение.

Как известно, в 1783 году братья Монгольфье поднялись на шаре, наполненном нагретым воздухом. В том же году взлетел и шар профессора Шарля, заполненный водородом. Началась эра полетов, которые, однако, большей частью имели не научный, а развлекательный характер. В условиях непрерывного ведения войн французы стали подумывать об использовании достижений воздухоплавания в военных целях. В Париже были даже сформированы два отряда боевых аэронавтов. Однако, в связи с неудачей военного применения шаров у немецкого города Майнц, Наполеон решил отказаться от специальных разработок и потерял к ним интерес.

С Наполеоном не сложилось Перед самой войной 1812 года в Германии заявил о себе изобретатель военных летательных аппаратов Франц Леппих. Он родился в 1775 году во Франконии. В детстве из-за неуспеваемости был выгнан из школы. Но оказалось, что у него был природный талант изобретателя.

Достижения французов в области воздухоплавания натолкнули Леппиха на мысль о создании большой «летательной машины», бомбометание с которой могло нанести существенный урон противнику. Такой дорогостоящий аппарат он, естественно, не мог построить без солидной финансовой поддержки. Ему казалось, что Наполеон, со своими военными амбициями, должен без колебаний ухватиться за реализацию предлагаемого проекта и использовать его в своих далекоидущих целях. Однако темпераментный корсиканец, не вникая глубоко в суть проекта, не только указал изобретателю на дверь, но и вообще выдворил его из Франции.

Через некоторое время, когда до Наполеона дошли слухи, что Леппих все же продолжает работу над своим проектом и добился кое-каких успехов, он изменил свое необдуманное решение, велел схватить изобретателя и под конвоем доставить в Париж.

Однако Леппих возненавидел Наполеона и поклялся во что бы то ни стало ему отомстить.

Весной 1812 года он обратился к русскому посланнику при Штутгартском дворе с предложением своих услуг правительству России на предмет создания «летательной машины». Посланнику это предложение показалось важным, и он сообщил о нем государю. Известие о механике Леппихе и его изобретении было тайно доставлено фельдъегерем в Петербург Александру I, который без раздумий дал указание немедленно, с соблюдением всех правил конспирации, привезти механика и его рабочих в Россию.

В середине мая фельдъегерь доставил Леппиха в Москву с собственноручным письмом государя Московскому губернатору Обрезкову, в котором тому поручалось тайно разместить строителей в окрестностях города и снабдить всеми средствами для производства работ.

В связи с предстоящим назначением графа Ростопчина московским генерал-губернатором Обрезков передал ему под большим секретом все дела и бумаги, касавшиеся строительства. Леппих для большей конспирации получил псевдоним Шмидта, под которым и жил до момента выезда из России.

Все «хозяйство» Леппиха было размещено в селе Воронцово в шести верстах от Москвы по Калужской дороге. Чтобы исключить контакты рабочих-строителей с жителями ближайших селений, место, где создавалась «летательная машина», находилось под постоянной охраной шести солдат во главе с полицейским унтер-офицером.

Работа шла без сбоев. Но со временем требования у Леппиха стали расти, особенно по поставкам материалов. Так, он потребовал специальную инструментальную сталь. Кроме того, оказалось, что для изготовления машины ему нужно свыше 5000 аршин (3560 метров) плотной тафты. Эту ткань вынуждены были изготавливать в течение двух недель буквально все работники фабрики купца Куприянова. Такой необыкновенно большой и срочный заказ пришлось прикрывать легендой об изготовлении пластырей для военного ведомства. Требовавшиеся изобретателю материалы были не только дефицитными, но и весьма дорогими. Тафта, например, стоила 20 000 рублей. Купорос для получения газа обошелся в 50 000 рублей. На такую же сумму была поставлена инструментальная сталь.

По указанию государя Ростопчин чуть не ежедневно отправлял депеши в Петербург с пространными донесениями. Из них следовало, что 100 человек рабочих ежедневно трудились по 17 часов в сутки, и дело приближалось к завершению.

Воздушные шары находили и военное применение

В условиях военных неудач на фронтах Александр I, естественно, был весьма заинтересован в срочном окончании работ и в боевом запуске «летательной машины». Ожидалось, что все работы по строительству «летательной машины» завершатся к 15 августа. К этому сроку была подготовлена в полном составе команда для управления машиной и производства бомбометания. В Воронцово завезли в качестве авиационных бомб ящики с взрывчатым веществом, предназначенные для сбрасывания на французский военный штаб. Намеченный срок приближался, но окончанию строительства машины не было видно и конца. Тогда Леппих, чтобы хоть как-то выйти из создавшегося затруднительного положения, придумал запустить маленький экспериментальный шар, который, по словам изобретателя, должен был подтвердить правильность проекта «летательной машины» и осуществимость ее боевого полета.

В канун опыта, задуманного Леппихом, Ростопчин выпустил обращение к жителям Москвы и уведомил государя о предстоящем 23 августа пуске. Однако в тот день шар не взлетел, как и в последующие дни. Любопытство горожан, возбужденное объявлением Ростопчина, стало потихоньку угасать, а несостоявшееся обещание – забываться. Скоро молва о Бездушном шаре перестала будоражить умы граждан. Через два дня произошло жестокое Бородинское сражение, и Москва оказалась под угрозой захвата. Не время было думать о запуске какого-то воздушного

шарика.

Крах проекта Ростопчин, выполняя волю Александра I, продолжал заботиться о судьбе изобретения Леппиха, пока не убедился в полной его несостоятельности. 29 августа он писал Александру: «С прискорбием извещаю Ваше Величество о неудаче Леппиха. Он построил шар, в котором должны были находиться 5 человек, и назначил час, когда он должен был подняться. Но вот прошло 5 дней, а ничего не готово. Шар не поднимал и двух человек. Большая машина не готова, и, кажется, нет надежды на успех, которого ожидали от этого предприятия. Леппих – сумасшедший шарлатан».

Из-за подхода наполеоновской армии к Москве, создававшаяся в Воронцове «летательная машина» с лодкой-гондолой, а также все рабочие-строители были отправлены в Нижний Новгород. Несмотря на весьма печальные результаты задуманного предприятия, Ростопчин по пожеланию Александра в сентябре 1812 года отправил изобретателя Леппиха в Петербург.

Казалось бы, что вследствие полного разгрома французской армии и выдворения ее из России, надобность в дальнейших работах над дорогостоящим детищем Леппиха должна была отпасть. Но из архивных материалов следует, что еще два года в окрестностях Ораниенбаума под Петербургом продолжалась работа по созданию «летательной машины», однако все старания по ее запуску были тщетны.

Секретная книга Ивана Кулибина *14 По материалам А. Володева.*

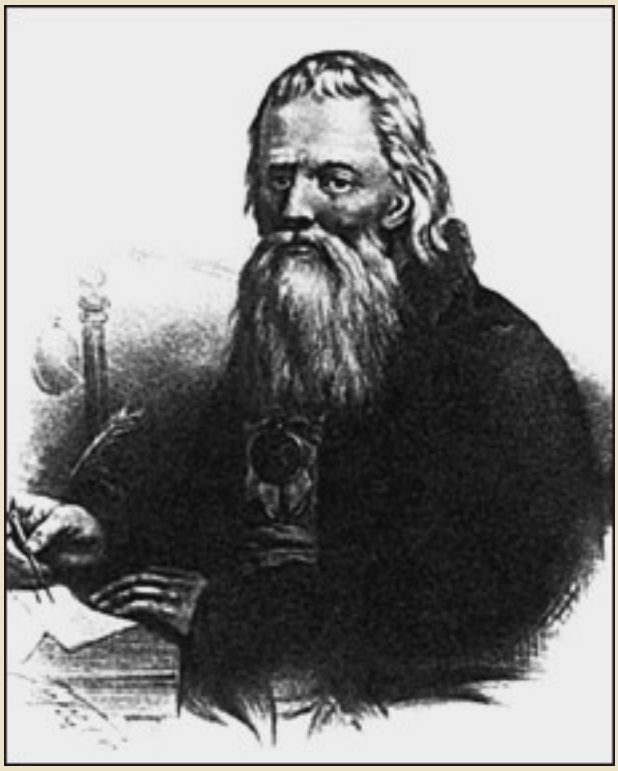
В архиве механика-самоучки Ивана Петровича Кулибина (1735—1818) хранится около двух тысяч чертежей оптических и физико-химических приборов, машин, мостов, судов, зданий. Есть и так называемая «Секретная книга», где дано подробное описание вечного двигателя, сопряженного с устройством для взвешивания находящихся в «скорбных путах оставления мира душ». Прочитав эту книгу российского гения, его современница, президент Российской Академии наук Е.Р. Дашкова, вышла из себя, молвив: «Упражнения в делании противуестественных, странных опытов оттого им таятся, что многие ученые почитают сии нелепости за невозможные, смеются и ругаются над тем, кто в сих изысканиях дерзает упражняться».

Кулибин был глубоко верующим человеком. Неудивительно потому его искреннее желание, как он выразился, сухою практикою подсластить православию, дабы все признали, какую часть от тленного тела составляет вечная душа. И механик в этом безнадежном деле преуспел. Во всяком случае, мы не можем не верить врачу, лексикографу, этнографу, почетному академику Петербургской Академии наук, автору знаменитого Толкового словаря живого великорусского языка Владимиру Ивановичу Далю (1801—1872), живо интересовавшемуся тайнами гроба роковыми, и после наблюдения в действии световых весов Кулибина оставившего в дневнике такую запись: «Долгий спор разрешился в пользу умника не от времени – Кулибина. На площадку, поддерживаемую дюжиной тончайших пружин, поместили умирающего, вес которого предварительно определили гиревыми, весьма точными весами. Агония началась. Луч света, прошедши

сквозь сфокусированные линзы, встал на оптической шкале. Все увидели, как отходящий не плавно, а рывками утратил около 30 граммов изначального собственного веса. Некоторые видели и серую дымку, приняв ее за душу умершего. Я того не видел, но отдаю должное изобретателю, много лет назад проделывавшему при жизни своей многочисленные такие опыты».

Позже Даль в письме астроному С.С. Стаднюку заметил: «Сопереживая предсмертным терзаниям Пушкина, я понял – вот здесь и надо изучать опытную мудрость, философию жизни, здесь, где душа рвется из тела. Увиденное здесь, не найдешь ни в толстых книгах, ни на шатких кафедрах».

Итак, Кулибин первым в России доказал существование души. В Великобритании его эксперимент повторил, используя прецизионные весы, Артур Конан Дойл. В 30-е годы минувшего столетия аналогичные опыты были проведены в США, Германии, Швейцарии, Франции, Польше. Разброс в весе душ оказался значительным – от 30 до 37 граммов.

Иван Кулибин первым измерил вес души

Современные достижения в оптике и электронике наконец-то позволили выполнить взвешивание души, претендующее на истинные значения. Американский физик Нэйтан Шуберг сконструировал кровать-платформу, снабженную демпферными устройствами, помещенными в вязкую среду – глицерин. Платформа снабжена лазерными источниками света, уголковыми отражателями, изотопными опорными

генераторами отсчета времени, электронными шкалами, отображающими микроскопические колебания веса. Это сложное устройство, «перенося» с их согласия в мир иной обреченных больных, хоть и выполнили печальную миссию, однако позволили прийти к выводу – все человеческие души подвержены колебаниям веса от 2,53 до 8,36 грамма. Причем души женщин гораздо тяжелее душ мужчин.

– С чем связана эта привилегия, пока не знаю, – говорит Шуберг, – но фотоснимки, сделанные в инфракрасных частотах, показали, что души женщин существенно плотнее и идеально повторяют, в отличие от мужских, очертание прижизненных тел.

Воодушевившись успехами Нэйтана Шуберга, французский физиолог и врач Антуан Бриан вознамерился зафиксировать исход души из тела, так сказать, в динамике, добившись того, что кинокамеры включались синхронно с разрядами коронного электричества. Человеком, давшим согласие на участие в этом эксперименте, который газеты поспешили назвать безнравственным, была обреченная, стремительно угасающая жена ученого. Камеры и токоразрядники автоматически включались с интервалами в 0,01, 5, 10, 15 минут с момента смерти. Затем с интервалами в час, три, девять часов. В начале опыта на пленке просматривалось желтоватое облачко, как бы поглаживающее остывающее тело и связанное с теменем покойной полупрозрачной нитью. Спустя 10 минут оно уже, зависнув под потолком комнаты, очень походило на вырезанную из желтой бумаги, вибрирующую фигуру человека. Минуло девять часов. Комнату наполнили золотистые «снежинки», постепенно растворяющиеся в воздухе. Но вот и они исчезли. Однако случилось невообразимое. Когда с усопшей сняли одежду, то на правом ее плече увидели уменьшенный до размера почтовой открытки рисунок интерьера комнаты с реанимационной аппаратурой и медперсоналом.

Вскоре рисунок на плече покойной начал бледнеть. На третий день исчез полностью. Похоронив жену, Бриан еще полтора месяца не убирал фотокамеры и токоразрядники из опустевшей комнаты. Они продолжали работать, включаясь каждые три часа. Что это дало? То, что на кинопленке после проявки появились подвижные эллипсы красного, пурпурного и белого цветов, сформировавшие радужные шары на девятый и сороковой день после кончины женщины. Бриан сделал вывод: «Соблюдены универсальные уложения христианской веры. Энергия души продемонстрировала разумные всплески в соответствии с божественными канонами, после чего фотопленка уже не показала ничего необычного».

В мае 1994 года австралийский метеоролог Юрий Смыслов стал свидетелем исхода души его сестры Юлии. Вот что он рассказал корреспонденту газеты «Уикли Канберра ньюс»:

– Когда Юлию отпевали, в часовню проникла шаровая молния. Все мы, родственники, стоящие у гроба, буквально онемели, увидев, что огненный, величиной с теннисный, шарик на несколько секунд прилип ко лбу почившей, после чего, с громким хлопком взорвавшись, исчез. Из переносицы сестры выстрелил тоненький серебристый лучик, закрутился спиралью и преобразился в серую кляксу, отдаленно напоминающую тело человека в натуральную величину. Это, я полагаю, и была душа покойной… Вернувшись домой, я обнаружил на подоконнике гостиной тщательно

отполированный кусок льда. Он был размерами и конфигурацией как страусиное яйцо. А на нем – синий рисунок: живое лицо Юлии, окруженное пунктирными кольцами оранжевого цвета. Что же, получается, души обладают свойством не только покидать бездыханные тела, но и отпечатываться портретно на посторонних предметах, к тому же естественного и искусственного происхождения?!»

Всякий гений – провидец. Иван Кулибин, которому, по слухам, в собственной усадьбе в Нижегородской губернии удалось решить неразрешимую проблему вечного двигателя, на заключительной странице Секретной тетради сделал пометку: «Самодвижущаяся машина без вечно живой человеческой души мертва. В нас, вне нас нет ничего мертвого, все живет, все деятельно, вездесуще. Посему заставить души упокоенных трудиться можно и должно. Отклик труд их находит повсеместно, и там, где мы созерцаем кажущееся нам фокусничеством, то по хронометру бытийному отмеряется и распахнется для нас в грядущем, не очень далеком».

Может, уже распахнулось? Во всяком случае, Нэйтан Шуберг не стоит на месте. Сплотив вокруг себя физиков-единомышленников, он пытается записывать на компьютерные носители информации эмоциональные и интеллектуальные составляющие душ усопших, отслеживая посмертные метаморфозы нашего бессмертного начала.

Таинственные лучи инженера Филиппова *15 По материалам С. Зигуненко*

В ночь с 11 на 12 июня 1903 года сорокапятилетний петербургский ученый-химик Михаил Михайлович Филиппов был найден мертвым в своей лаборатории, помещавшейся в его же квартире, в доме □ 37 по улице Жуковского. Ученый лежал без сюртука на полу ничком. Ссадины на лице свидетельствовали о том, что он упал, будто подкошенный, не успев даже выставить руки.

Полиция, впрочем, отнеслась к происшествию без видимого интереса, как-то спустя рукава. Полицейский врач, наскоро осмотрев покойного, сделал скоропалительный вывод, что смерть наступила из-за перенапряжения организма.

«Апоплексический удар», – безапелляционно заметил эскулап и подмахнул полицейский протокол, в котором, среди прочего, говорилось, что последнее время ученый много работал, случалось, просиживал в своей лаборатории и ночи напролет. Следователь забрал все бумаги ученого, в том числе рукопись книги, которая должна была стать его 301-й публикацией, и позволил похоронить покойного.

Между тем все обстояло далеко не так просто, как хотела показать полиция. Загадочной смертью ученого заинтересовалась пресса. И не только потому, что видела в Михаиле Михайловиче собрата по цеху: кроме всего прочего, Филиппов был также основателем, издателем и редактором журнала «Научное обозрение», выходившего с 1894 года, и в котором считали за честь сотрудничать химики Д.И. Менделеев и Н.Н. Бекетов, психиатр и психолог В.М. Бехтерев, астроном С.П. Глазенап и другие видные ученые того времени.

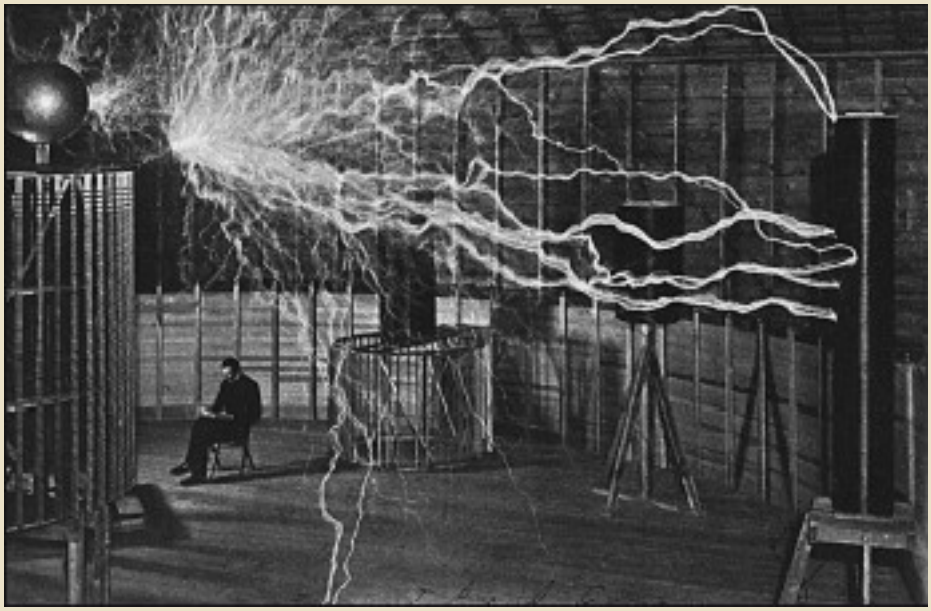
Редакция газеты «Санкт-Петербургские ведомости» получила тем временем письмо М.М. Филиппова, датированное 11 июня 1903 года – то

есть оно было написано и отправлено как раз накануне той трагической ночи. Автор его писал, что с юношеских лет раздумывал, как остановить войны, сделать их невозможными. «Как ни удивительно, – сообщал Филиппов, – но на днях мною сделано открытие, практическая разработка которого фактически упразднит войну. Речь идет об изобретенном мною способе электрической передачи на расстояние волны взрыва, причем, судя по примененному методу, передача эта возможна на расстояние тысяч километров… Но при таком ведении войны на расстояниях, мною указанных, война фактически становится безумием и должна быть упразднена. Подробности я опубликую осенью в мемуарах Академии наук».

Друг Филиппова, профессор А.С. Трачевский, дал интервью «Санкт-Петербургским ведомостям», в котором, в частности, сказал: «Мне, как историку, Михаил Михайлович мог рассказать о своем замысле лишь в общих чертах. Когда я напомнил ему о разнице между теорией и практикой, он твердо сказал: «Проверено, были опыты, и еще сделаю». Сущность секрета Филиппов изложил мне приблизительно, как в письме в редакцию. Он не раз повторил, ударяя рукой по столу: «Это так просто, притом дешево! Удивительно, как до сих пор не догадались». Помнится, Михаил Михайлович прибавил, что к этой проблеме подбирались в Америке, но совсем иным и неудачным способом».

Счел своим долгом выступить в печати и Дмитрий Иванович Менделеев, который отметил, что «идеи М.М. Филиппова вполне могут выдержать научную критику». А в беседе с Трачевским великий химик выразился и еще более определенно: «В основной идее Филиппова нет ничего фантастического: волна взрыва доступна передаче, как волна света и звука».

И хотя правительство отнеслось ко всем этим публикациям весьма прохладно, газетчики не успокоились и продолжали раскопки. Так, московская газета «Русское слово» со временем выяснила, что изобретатель довольно часто ездил в Ригу, где еще в 1900 году «в присутствии некоторых специалистов производил опыты взрывания объектов на расстоянии». А возвратившись в Петербург, рассказывал, что чрезвычайно доволен результатами опытов.

Никола Тесла, как и Филиппов, искал способы передачи энергии на расстояние

Когда же корреспонденты газеты попытались разыскать препараты и аппаратуру из лаборатории Филиппова, изъятые при обыске Петербургским охранным отделением, а также его бумаги, в том числе рукопись книги, оказалось, что все бесследно исчезло, причем при содействии членов царской семьи и самого императора Николая II.

Дело стало еще более интригующим, когда выяснилось, что изъятая рукопись называлась «Революция посредством науки, или Конец войнам». Причем она не была чисто теоретическим сочинением. Филиппов писал друзьям – а его письма, должно быть, вскрывали и читали в тайной полиции, – что он сделал удивительное открытие. Похоже, он в самом деле нашел способ воспроизводить с помощью направленного пучка коротких радиоволн действие взрыва.

«Я могу воспроизвести пучком коротких волн всю силу взрыва, – писал он в одном из найденных писем. – Взрывная волна полностью передается вдоль несущей электромагнитной волны, и таким образом заряд динамита, взорванный в Москве, может передать свое воздействие в Константинополь. Проделанные мной эксперименты показывают, что этот феномен можно вызывать на расстоянии в несколько тысяч километров. Применение такого оружия в революции приведет к тому, что народы восстанут, и войны сделаются совершенно невозможными».

Но, может, все высказывания Филиппова – не более, чем научная фантастика? Давайте попробуем разобраться…

Прежде чем входить в подробности дела, сообщим кое-какие сведения о самом Филиппове. Да, Михаил Михайлович был неплохим литератором. Когда в 1889 году он выпустил роман «Осажденный Севастополь», Толстой и Горький восхищались им в один голос. Да, он обладал недюжинным воображением, умом и талантом. Он сумел, например, оценить по достоинству работу Константина Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами» и напечатал ее в своем «Научном обозрении» – первом, кстати, в России научно-популярном журнале. Так что если бы не Филиппов, о Циолковском, возможно, никто никогда бы и не узнал – засох бы калужский учитель в своей глуши. Получается, что в какой-то мере именно Михаилу Михайловичу мы обязаны первым спутником и современной космонавтикой.

Кроме того, Филиппов перевел на французский язык и тем самым дал всему миру возможность познакомиться с главным трудом Менделеева – «Основами химии», где сформулирован его знаменитый закон и дана периодическая система элементов.

Словом, как видите, легкомысленным фантастом Филиппов не был. Кроме того, он был убежденным марксистом и, несмотря на опасность, которой себя подвергал, говорил об этом открыто. Так, 19 ноября 1900 года Л.Н. Толстой записал в своем дневнике: «Я спорил о марксизме с

Филипповым; он говорил очень убедительно».

Есть также основания считать, что именно ему принадлежит знаменитая формула: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны», подхваченная первым руководителем Советского государства.

Вот каков был этот человек: научный популяризатор, крупный писатель, математик, экономист, химик, экспериментатор, теоретик связей между наукой и идеологией марксизма, убежденный революционер, находившийся под полицейским надзором со времени убийства императора Александра II! Понятное дело, столь крупную фигуру не упускал из вида и Николай II. Не стоит забывать, что данные события происходили перед Первой мировой войной.

Известно также, что немцы старательно работали над лучевым оружием с начала века. Причем, не получив надлежащих результатов при кайзере, продолжали свои изыскания при фюрере, вплоть до самого окончания Второй мировой войны (см. подробности в «Технике – молодежи», № 9 за 1997 г.). К счастью, немецкие специалисты не смогли воспользоваться наследием Филиппова.

Велись подобные работы и за океаном. Вспомните намек Михаила Михайловича о том, что к данной проблеме «подбирались в Америке, но совсем иным и неудачным способом». По всей вероятности, здесь имелись в виду исследования и эксперименты Николы Теслы, которые он проводил в своей лаборатории в Колорадо-Спрингс. Примерно в те же годы он продемонстрировал возможность зажигания электрической гирлянды без подключения ее к электрической сети и носился с идеей «всемирного телеграфа». Башню этой установки, которая, по идее, должна была решить проблему передачи электроэнергии без проводов на любое расстояние, даже начали было строить. Однако грянула Первая мировая война, и строительство свернули…

Об идеях Теслы и Филлиппова вспомнили лишь в 1960-х годах, уже после Второй мировой войны, когда вовсю развернулись работы с лазерами. А в 1970-е годы, насколько известно, в США прошла успешные испытания так называемая аргоновая бомба.

Принцип ее действия таков: при взрыве заряда динамита или другой взрывчатки, помещенной в кварцевом цилиндре, сжимается газообразный аргон, и тот начинает интенсивно светиться. Эта световая энергия концентрируется в лазерный пучок и передается на большое расстояние.

Таким образом удалось поджечь алюминиевую модель самолета на высоте 1000 м. Говорят, сейчас самолетам запрещено летать над некоторыми регионами Соединенных Штатов, где проводятся подобные эксперименты. Во время эпохи «звездных войн» предполагалось, что подобное оружие можно будет размещать на ракетах и использовать его для поражения других ракет, так как оно будет представлять собой эффективное средство защиты даже против многоступенчатых ракет-носителей для водородной бомбы.

Стало быть, идея Филиппова, пусть в урезанном виде, была в самом деле осуществлена.

Профессор, конечно, не знал лазера, но он изучал ультракороткие волны длиной около миллиметра, которые получал с помощью искрового генератора. Он опубликовал несколько работ на эту тему. Даже сегодня свойства таких волн до конца не изучены, и Филиппов вполне мог найти способ преобразования энергии взрыва в узкий пучок ультракоротких волн.

Как именно он хотел преобразовать ударную акустическую волну взрыва в микроволновое излучение, неплохо было бы выяснить. Глядишь, и пригодилось бы современным изобретателям…

Кому-то, быть может, покажется нереальным, что ученый в одиночку совершил такое важное открытие, теперь полностью утраченное. Но против этого возражения есть множество доводов.

Прежде всего, Филиппов не был в полном смысле слова ученым-одиночкой. Он поддерживал отношения с самыми крупными деятелями науки всего мира, читал все научные журналы, был одарен энциклопедическим умом, мог работать на стыке многих наук и синтезировать их результаты. К тому же, несмотря на все то, что рассказывают о неоценимой роли коллективов ученых, никто еще не опроверг того факта, что открытия делаются все-таки одиночками.

И потом, он работал в то время, когда изучение сверхвысоких частот только начиналось, а первопроходцы часто видят неоткрытые еще области лучше, чем те, кто приходит им на смену.

Известный французский популяризатор науки Жак Бержье вообще был убежден, что убийство М.М. Филлипова осуществлено царской охранкой по прямому указанию инициатора Гаагской конвенции о законах и обычаях войны Николая II, который тем самым не только изничтожил опасного революционера, но и спас мир, находившийся на краю гибели…

«Если бы Филиппов успел обнародовать свой метод, его, несомненно, довели бы до совершенства и использовали в Первой мировой войне, – пишет Бержье. – И все крупные города Европы, а возможно, и Америки были бы разрушены. А войны 1939—1945 гг.? Неужели Гитлер, вооруженный методом Филиппова, не уничтожил бы полностью Англию, а американцы – Японию? Как бы нам не пришлось дать утвердительный ответ на все эти вопросы… И не исключено, что император Николай II, которого все дружно осудили, должен быть причислен к спасителям человечества»…

Что произойдет, если сегодня кто-нибудь сумеет воспользоваться методом Филиппова для передачи на расстояние энергии взрыва атомной и водородной бомбы? Скорее всего, такие работы привели бы к апокалипсису и полному уничтожению мира.

Подобная точка зрения, идет ли речь об изобретении Филиппова или других изобретениях, распространяется все шире. Современная наука признает, что она стала слишком опасной.

«…Следовало бы прекратить и сотрудничество ученых с революционерами, какой бы они ни были политической окраски. Представьте себе группу людей, недовольных существующим режимом, которые подкладывали бы взрывчатку не под двери домов, а взрывали бы с помощью метода Филиппова Елисейский дворец или Матиньон! – подчеркивает Бержье. – Изобретение Филиппова, воспользуются ли им военные или революционеры, относится, на мой взгляд, к числу тех,

которые могут привести к полному истреблению цивилизации. Открытия такого рода должны находиться под строжайшим контролем».

Впрочем, подобным изобретениям вполне можно найти мирное применение. Горький в свое время опубликовал запись своего разговора с Филипповым. Больше всего писателя поразила возможность передачи энергии на расстояние, что позволило бы эффективно индустриализировать те страны, которые в том нуждаются. И ни словом не обмолвился о возможности применения открытия Филиппова в военных целях.

Гленн Сиборг, председатель Комиссии по атомной энергии США, также упоминал, что с помощью энергии пучка, передаваемого с неба, можно очень быстро провести индустриализацию в развивающейся стране, причем без всякого загрязнения окружающей среды.

Филиппов, как уже говорилось, был одновременно и ученым, открытым научному миру, и революционером. И он, скорее всего, обнародовал бы свое открытие, наивно полагая, будто народы, получив от него оружие невиданных возможностей, сметут с лица земли королей и тиранов и благодаря марксизму установят повсюду мир.

Сегодня мы стали все-таки умнее. Работы над той же аргоновой бомбой, над лучевым оружием, слухи о которых время от времени циркулируют в открытой печати, по всей вероятности, ведутся в обстановке строжайшей секретности, находятся под должным контролем. Тем не менее опасения, что ученые способны взорвать мир, остаются. Известный английский астрофизик Фред Хойл однажды написал по этому поводу: «Я убежден в том, что какие-нибудь пять строчек – не более того – способны уничтожить цивилизацию».

Хойл, несомненно, осведомлен во всем, что касается современной науки и что она может натворить. Мы с вами живем во времена, когда в домашней мастерской можно изготовить водородную бомбу, когда некоторые уже производят у себя дома ЛСД или еще более опасный наркотик фенилциклидин. Где-то хранятся уже вирусы и микробы, способные возбудить болезни, по сравнению с которыми даже рак со СПИДом покажутся чем-то вроде кори с гриппом…

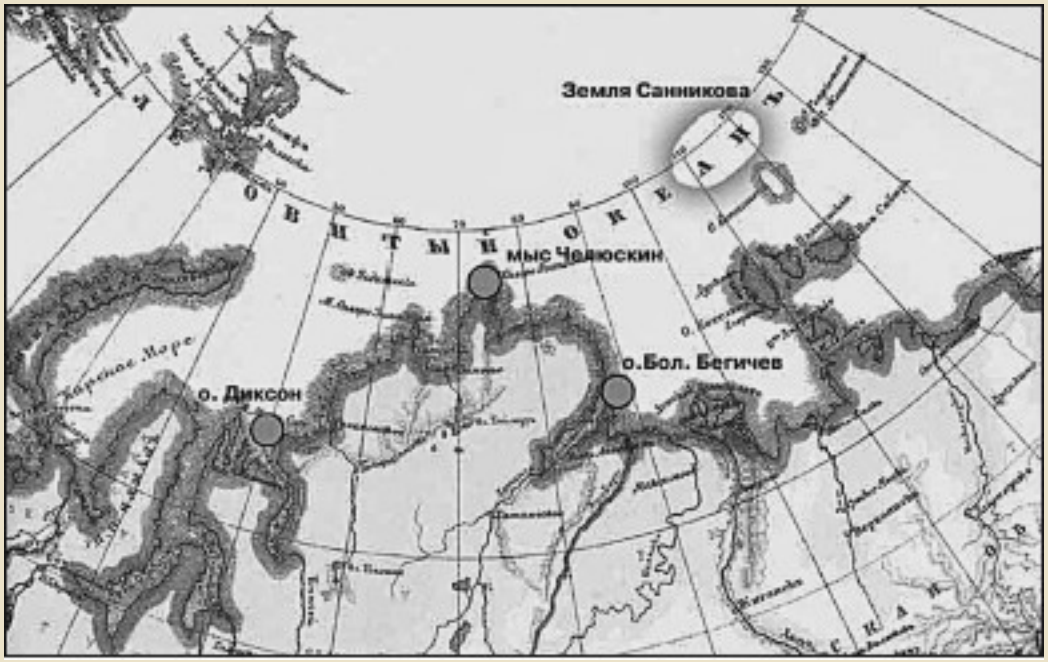
Можно также представить себе письменный стол, в ящике которого пока заперта рукопись, о которой говорил Фред Хойл. Будем надеяться, что она останется там навсегда.

В поисках земель, которых не было *16 По материалам В. Корякина.*

В предисловии к своему научно-фантастическому роману «Земля Санникова» академик и писатель В.А. Обручев в 30-х годах XX века написал: «Эта земля существовала, может быть, более ста лет назад, как показали наблюдения Санникова и Толля, но не так давно исчезла». Появляющихся, а затем исчезающих земель и островов в Северном Ледовитом океане было немало (Земля Джиллесса, Земля Бредли, Земли Андреева и Макарова), но ни одна из них не породила такого множества легенд и не позвала в путь стольких исследователей. Впервые о таинственном острове сообщил в 1811 году добывавший песца на северных берегах Новосибирских островов зверопромышленник Яков Санников, опытный полярный путешественник, ранее открывший острова Столбовой и Фаддеевский. Он высказал мнение о

существовании «обширной земли» к северу от острова Котельного. По словам охотника, над морем поднимались «высокие каменные горы».

Другим свидетельством в пользу существования обширных земель на севере стали многочисленные наблюдения за перелетными птицами – полярными гусями и прочими, весной улетающими дальше на север, а осенью возвращающимися с потомством. Так как птицы не могли обитать в ледяной пустыне, то высказывались предположения, что расположенная на севере земля Санникова богата и плодородна, и птицы летят именно туда. Однако возникал очевидный вопрос: как севернее пустынного побережья Евразии могут располагаться плодородные земли?

Предполагаемое нахождение Земли Санникова

А еще раньше, в 1800 и 1805 году, Санников стал первооткрывателем островов Столбового и Фаддеевского. Впервые он увидел «свою» землю весной 1809 года на северо-востоке от северного побережья острова Новая Сибирь. Снарядив собачью упряжку, он проехал в сторону загадочного материка около 25 верст, но дальнейший путь ему преградила полынья, простиравшаяся до горизонта. Год спустя Санников опять увидел таинственную землю с северного берега острова Фаддеевского. На первый взгляд до нее было около 45 верст. Но добраться туда снова помешала широкая полынья. Третий раз полюбоваться на «свою» землю Санникову удалось в июне того же года с северного мыса острова Котельный. И опять вода преградила ему путь.

Желание ступить на неизведанный материк было столь велико, что Санников написал в Петербург прошение об организации экспедиции на поиски открытой им земли и просил разрешения участвовать в ней. Но это прошение осталось без ответа – началась Отечественная война 1812 года. Лишь спустя десять лет Русское Адмиралтейство снарядило такую экспедицию. Но в указанном районе не удалось найти никаких следов неизвестной земли.

Умирая, Санников завещал довольно крупную сумму денег тому, кто первым ступит на его землю. Своим душеприказчиком он назначил приятеля и компаньона, твердо обещавшего выполнить его волю. Но когда компаньон узнал мнение официальных властей, что Санников видел не землю, а просто крупный айсберг, который затем отдрейфовал по течению, он присвоил завещанную сумму.

В истории поисков земли Санникова наступил длительный перерыв до 1886 года, когда русский геолог Э. Толль, участник экспедиции А. Бунге на Новосибирские острова, вновь увидел ее с того же самого места, где ее в последний раз видел Санников. Неизвестная земля на севере-северо-востоке от острова была видна столь отчетливо, что Толль по профилю гор попытался определить ее геологическое строение. В последующие годы Толль планировал провести собственную поисковую экспедицию. Попытать счастья вместе с ним решились астроном Фридрих Георгиевич Зееберг и якуты-каюры Василий Горохов и Николай Дьяконов. Для передвижения по дрейфующим льдам решено было использовать собачьи упряжки и легкую байдарку. В начале июня 1902 года отправились они в сторону острова Беннетта. Больше их никто не видел.

Свидетельство Толля вновь возбудило интерес к загадочной земле. Внук бывшего компаньона Якова Санникова решил восстановить доброе имя своего деда и организовал новую экспедицию. Возглавил ее народоволец И. Башкирцев. Но денег на предприятие у них было крайне мало. На данную сумму удалось зафрахтовать не приспособленную для плавания во льдах старую рыболовную шхуну с паровой машиной мощностью всего 50 лошадиных сил. Экспедиция готовилась втайне от общественности – «спонсору» очень не хотелось в случае чего раскошеливаться на поисковые мероприятия. И даже дата и место выхода в рейс шхуны «Святая Мария» до сих пор остаются неизвестными. Письмо Башкирцева жене, написанное перед отплытием, так и не дошло до адресата. Но руководитель экспедиции успел подстраховаться и еще одно письмо передал оставшемуся на берегу товарищу. Лишь через два года оно дошло до Петербурга, и жена Башкирцева передала его копию в Русское Географическое общество. Что же касается «Святой Марии», то вмерзшее в лед судно нашли в районе Новосибирских островов лишь в 1950-х годах. Но на шхуне не оказалось ни останков людей, ни каких-либо документов, способных пролить свет на судьбу экипажа. Уникальный снимок найденной шхуны был помещен в газете «Искатели приключений», единственный номер которой был выпущен в виде приложения к журналу «Терминатор» в 1993 году.

В 1937 году советский ледокол «Садко» во время своего дрейфа прошел возле предполагаемого острова и с юга, и с востока, и с севера, но ничего, кроме океанских льдов, не обнаружил. По просьбе академика В.А.

Обручева в тот же район были посланы самолеты арктической авиации. Однако, несмотря на все усилия, и эти поиски дали отрицательный результат. По мнению ряда исследователей, Земля Санникова была разрушена морем и исчезла, подобно островам Меркурия и Диомида.

Известная экспедиция на «Таймыре» и «Вайгаче» в 1912—1913 годах Землю Санникова также не нашла, а дальнейшим поискам опять помешала война. Искали ее наши известные полярные летчики, в частности, И. Черевичный и флаг-штурман В. Аккуратов во второй половине 1930-х годов, и вновь поиск был прерван войной. Известный гидролог В. Степанов выдвинул предположение, что Земля Санникова состояла из ископаемого льда, который при потеплении в Арктике растаял. Но тогда должно было остаться каменное основание. И действительно, промеры в районе предполагаемого материка выявили обширную область глубин всего в несколько метров. Теперь это место называется банкой Санникова.

Полярный летчик И. Черевичный сказал однажды: «Миф-то миф, а все-таки оставил Яков Санников след на земле. Сам он, конечно, в своем открытии ошибся тогда, но многих потом повел на поиски, в странствия».

И все же не исключено, что Земля Санникова в том или ином виде существовала, поскольку известно, что с потеплением Арктики отдельные острова, сложенные вечной мерзлотой, буквально растаяли – так произошло с островами Василевский и Семеновский, располагавшимися в прошлом неподалеку. Возможность подобного варианта не исключена и по составу грунта на морском дне – там, где в прошлом Яков Санников видел таинственную сушу. Земля Санникова не желала уходить из памяти поколений исследователей, что подтверждают следующие сюжеты.

Земля полярников острова Генриетты Зимовщики с новой полярной станции словно приняли эстафету от участников высокоширотной экспедиции Самойловича. Начальник станции Л.Ф. Муханов, совсем не новичок в Арктике, 12 октября 1937 года записал в дневнике: «Прямое освещение северо-востока позволило увидеть контуры неизвестной земли, вытянутой с запада на восток, с двумя куполообразными возвышенностями на западе и значительным понижением к востоку. Мною, а через некоторое время т. Леоновым были сделаны зарисовки острова». Два рисунка, занесенные в вахтенный журнал, имеют между собой полное сходство.

Весной 1938 года самолет ледовой разведки обнаружил в районе, указанном зимовщиками, гигантский столовый айсберг (один из так называемых дрейфующих ледяных островов), в западной части которого действительно отчетливо просматривались два ледяных купола. Тем и закончилось «открытие», вызвавшее переполох в маленьком коллективе полярной станции, когда полярники лишний раз убедились в обманчивости арктической природы.

Земля «Геодезии сержанта Андреева» В 1763 году в походе по Медвежьим островам вблизи дельты Колымы этот служивый с острова Четырехстолбовый обнаружил, что восточнее «синь синеет или какая чернь, а что такое, земля или полое море, о том обстоятельно донести не можно». Начальство Андреева на следующий год отправило сержанта в очередной поход, результатом которого стало сообщение:

«Увидали остров весьма мал, гор, стоячего лесу на нем невидимо, а в длину так например быть имеет 80 верст». Потом эту землю в Восточно-Сибирском море искали русские путешественники Геденштorм в 1810-м, Анжу и Врангель в 1821—1823-м, корабли Б.А. Вилькицкого в 1913-м и даже экспедиция О.Ю. Шмидта на «Челюскине» в 1933 году – все с одинаковым результатом…

Земля шхуны «Крестьянка» История открытия этой земли в навигацию 1934 года на севере Чукотского моря (там, где, по В.А. Обручеву, находился вход в таинственную Плутонию) самая краткая – есть лишь сообщение по радио одновременно с информацией о высадке на берег какого-то скалистого и гористого острова. И, несомненно, самая запутанная, потому что, с одной стороны, наши моряки собственными подошвами убедились в характере суши, а с другой – в указанных координатах позднее никакой суши обнаружено не было. И трагическая – ибо при возвращении «Крестьянка» попала в шторм и пропала без вести. Похоже, что экипаж «Крестьянки», штурман которой неверно определил координаты «открытия», высаживался на берега острова Геральд – ближайшей суши. Такое случалось и ранее.

Земля Оскара и Петермана Она была якобы обнаружена австрийским полярным исследователем Юлиусом Пайером во время маршрутов по открытой его экспедицией Земле Франца-Иосифа. В своем дневнике 12 апреля 1874 года, находясь в самой северной точке архипелага на мысе Флигели, он отметил: «…вид голубых гор далеко на север. Это была та самая страна, которую Орел (один из участников экспедиции) заметил еще вчера, но контуры ее выступали на этот раз с большой ясностью. Я назвал ее Землей Петермана (в честь известного немецкого географа-теоретика)… Другую землю, усмотренную нами на северо-западе, я назвал Землей короля Оскара». Эти два массива суши на протяжении десятилетий внушали участникам последующих экспедиций массу несбывшихся надежд. Так, Нансен, повернув к ближайшей суше после неудачной попытки достичь полюса, 20 мая 1895 года записал в дневнике: «Должны бы уже достигнуть Земли Петермана, если она там, где предполагал Пайер». Позднее экспедиция герцога Абруццкого из Италии и нашего Г.Я. Седова намеревались использовать эту сушу как последний плацдарм для похода к Северном полюсу. Не получилось… Во время дрейфа «Святой Анны» в 1914 году штурман В.И. Альбанов был удивлен, когда «астрономические определения марта и первых чисел апреля давали наши места как раз на этих сушах и в то же время только бесконечные ледяные поля по-старому окружали нас».

Земля Гилеса (Джиллиса), самая старая Она дольше всех занимала мысли географов и приводила в ярость и отчаяние штурманов промысловых судов, охотившихся на морского зверя в водах Шпицбергена и Земли Франца-Иосифа, с тех пор как голландский китобой Гилес (Джиллис в английских источниках) летом 1707 года увидал высокие обрывистые берега неизвестной суши. Не имея возможности из-за льдов высадиться на ее берега, он тем не менее зарисовал ее очертания и нанес на свою карту. В плавание 1899 года на ледоколе «Ермак» адмирал С.О. Макаров отметил примерно в тех же координатах признаки суши: «2 (14) августа… астрономом Кудрявцевым замечен был гористый берег. Как

только остановились, то взяли пеленги и стали зарисовывать, но оказалось, что форма гор меняется… Если это и в самом деле берег, то он виден вследствие рефракции… 3 (15) августа. В 1 час ночи выходил смотреть открытый вечером берег… Видели ли мы действительно землю? Думаю, что да, но поручиться за это невозможно». Макаров полагал, что он видел совсем другую сушу, чем Гилес, – поэтому иногда эти земли на исторических картах показываются под разными названиями.

Эту призрачную сушу в 20—30-х годах XX века последовательно видели в 1925 году с английского парусника «Айленд» (капитан Фрэнк Уорсли), с борта ледокола «Красин» во время поисков пропавших без вести участников полета на дирижабле «Италия» в 1928 году и, наконец, в рейсе нашего первого научно-исследовательского судна «Персей» в 1934 году. Проблема с этой призрачной сушей больше двух веков держала в состоянии напряжения поколение исследователей, не поддаваясь удовлетворительному решению. Поэтому, когда после полетов летчика М.С. Бабушкина летом 1935 года последние иллюзии в отношении Земли Гилеса исчезли, похоже, все вздохнули с облегчением – наконец-то…

Земля президента Эту предполагаемую землю видели в 1871 году участники экспедиции Чарльза Френсиса Холла на судне «Полярис», когда оно, миновав систему проливов, разделяющих остров Элсмира с запада и Гренландию с востока, практически оказалось в акватории моря Линкольна. Однако из-за смерти Холла в самом начале зимовки 1871—1872 годов персонал экспедиции занимался собственным спасением – ему было попросту не до открытий. Тем не менее, когда англичане из экспедиции Джорджа Нэрса в 1876 году предприняли неудачную попытку достижения Северного полюса, стало ясно, что Земля Президента – это такой же арктический миф, как и описанные ранее, но с более короткой историей.

Земля Кинана Хотя достоверных сведений об обстоятельствах ее открытия в море Бофорта в литературных источниках найти не удалось (скорее всего, ее видели американские китобои), присутствие на некоторых старых картах требует учесть эту проблематичную землю в нашем перечне. Окончательно отсутствие здесь суши было доказано после полетов самолетов в этой части Арктики.

Земля Так-Пука Названа так по имени эскимоса, историю которого американский полярник Коре Родаль (норвежец по происхождению) описал следующим образом: «В сентябре 1931 года эскимос Так-Пук высадился, как он считал, на остров в море Бофорта; длина острова была около полумили, поверхность его была слегка холмистой, с небольшими озерцами пресной воды. Наивысшая точка находилась на 13—17 метров выше уровня моря. Полеты над предполагаемым местом нахождения этого острова не подтвердили его существования; по-видимому, это был дрейфующий ледяной остров, хотя эскимос утверждал, что видел на нем траву и мох». Работая сам на подобных ледяных образованиях, Родаль поставил под сомнение присутствие растительности, однако позднейшие исследования подтвердили такую возможность.

Три последних «суши» в перечне проблематичных земель связаны с походами американцев к Северному полюсу.

Земля Крокера Весной 1906 года, после неудачного похода к полюсу, Пири решил убедиться в реальности открытий своего соперника норвежца Отто Свердрупа, для чего предпринял маршрут вдоль северного побережья острова Элсмира, где обнаружил полосу льда, бронирующую эти берега практически на всем протяжении, – в отличие от обычного морского припая здешняя ледяная поверхность отличалась волнистым рельефом наподобие стиральной доски. (Спустя полвека данная особенность ледового рельефа облегчила решение одной из загадок Арктики.) Интересно, что в тексте своей книги-отчета он нигде не употребляет топоним «Земля Крокера» (в честь одного из своих спонсоров), но все же поместил ее на карте. Он дал следующее описание своему «открытию»: «На горизонте я мог рассмотреть несколько отчетливых снежных вершин острова, расположенного на северо-западе. Сердце мое готово было выскочить из груди от досады, когда я думал о бесконечных милях льда, отделяющих меня от земли. Мысленно я уже бродил по ее берегам, взбирался на вершины, хотя знал, что радость эта выпадет на долю кого-то другого». Не выпала – последующим поисковикам (включая сподвижника Пири Дональда Мак-Миллана в 1914 году) досталось лишь разочарование…

Земля Брэдли Два года спустя примерно в тех же местах побывал другой американец, Фредерик А. Кук, который в своем исходе к полюсу описал увиденное так: «Мы видели эту землю настолько плохо, что так и не смогли определить, состояла ли она из островов или это обширный цельный массив. Это едва видимое побережье напоминает остров Хейберга характерными горами и долинами. Я оценил высоту ближайшего побережья примерно в тысячу фунтов, и мне казалось, что оно покрыто льдами. Я написал на карте название – Земля Брэдли (также в честь спонсора экспедиции. – *В.К.*)». Интересно, что при возвращении Кук не увидел чего-либо подобного, как, впрочем, и многие другие полярные исследователи в аналогичных случаях.

Земля Гарриса Обрабатывая наблюдения последней экспедиции Пири 1908—1909 годов, американский гидрограф Р. Гарри пришел к выводу, что правильному развитию приливов в Арктике мешает расположенный где-то в высоких широтах солидный массив суши. Подобное открытие вызвало у ученых и особенно у государственных мужей небывалый интерес, поскольку речь шла примерно о двух миллионах квадратных километров суши, потерявшихся где-то вдали от королей и президентов в недоступных ледяных просторах. Возникал вопрос – а не являются ли открытия экспедиций Вилькицкого и Стефанссона в 1913—1916 годах лишь окраинами этого гигантского острова? Россия срочно заявила в ноте 1916 года свои права на острова и земли вплоть до полюса, которые уже открыты и будут открыты между меридианами Берингова пролива и полуострова Рыбачий.

По-видимому, с этим теоретическим «открытием на кончике пера» связаны первые попытки полетов в Центральную Арктику, предпринятые норвежцем Амундсеном в 1925 и 1926 годах, американцами Ричардом Бердом в 1926-м и Хьюбертом Уилкинсом в 1928-м, помимо полета итальянца Умберто Нобиле в том же 1928 году по заданию фашистского

диктатора Бенито Муссолини, мечтавшего запечатлеть свое имя на карте Арктики.

Ледяные острова К 30-м годам XX века стало ясно, что в отношении целого ряда мнимых открытий так называемых проблематичных земель виновато несовершенство человеческого глаза. Действительно, помимо особых атмосферных явлений, в первую очередь рефракции, кроме снега и льда в Арктике нет ничего, что способствовало бы сопоставлению с объектами, размеры которых известны, – именно на этом и основана способность человека зрительно определять расстояния и оценивать глубину открывшегося обзора. Не говоря уж об отсутствии теней в условиях так называемой белой мглы. Все перечисленные особенности не раз ставили полярника как в опасное, так нередко и в смешное положение, когда он мог принять песца за белого медведя и порой, что хуже, наоборот.

Однако в середине XX века появился еще один повод, чтобы пересмотреть наше отношение к ряду событий в Арктике. Как известно, в это время высокие широты стали ареной жестокой холодной войны, когда советские и американские полярники вели свои исследования в глубокой тайне друг от друга. По многим направлениям благодаря своей ледовой разведке еще с довоенных времен мы опережали нашего вероятного противника, и теперь американцы бросились вдогон, поскольку имели преимущество в дальней авиации и обладали большим опытом в использовании радара.

Пока мы высаживали многочисленные научные отряды в приполюсном районе для изучения гидрологии и дна Северного Ледовитого океана в экспедициях «Север», американцев больше интересовали сами льды, особенно необычные ледовые образования, время от времени появлявшиеся на экранах радаров стратегических бомбардировщиков Б-29, регулярно летавших в район Северного полюса с метеоразведкой (и не только) с аэродромов Аляски. Первое событие такого рода летом 1946 года Родаль описал следующими словами: «Во время обычного планового полета через Северный полярный бассейн с авиабазы Ледд на Аляске 14 августа менее чем в трехстах милях севернее мыса Барроу на 76 градусов 10 минут северной широты и 160 градусов 10 минут западной долготы на экране радиолокационной станции внезапно появился огромных размеров сердцевидной формы остров площадью приблизительно 200 кв. миль. Ночью командир самолета послал об этом срочное донесение в Вашингтон.

Вначале этому острову было дано обозначение Т-Х (цель икс), а позднее он стал известен под названием «ледяной остров Т-1».

При первом его обнаружении полагали, что это остров материкового происхождения (то есть обычная суша. – *В.К.*), так как ответный импульс, получаемый на экране радиолокационной станции, был похож на тот, что получали обычно от земли. Когда при следующих наблюдениях его местоположение изменилось, стало очевидно, что остров перемещается и поэтому не может быть материковым островом. Во время ясной погоды было видно, что ледяной остров Т-Х является айсбергом с ровной поверхностью, который свободно дрейфует в Северном Ледовитомокеане».

Разумеется, наши летчики видели подобные ледяные образования, но, поскольку они свободно сажали свои машины на дрейфующие льды океана, подобное открытие не имело для нас такого значения, как для

американцев, интересовавшихся огромными айсбергами в качестве непотопляемых авианосцев.

Облеты дрейфующих ледяных островов на малых высотах показали, что их поверхность отличается характерной системой параллельных валов и ложбин, в летнее время заполненных талыми водами. Это был великолепный дешифровочный признак при изучении аэрофотоснимков. Одновременно американцы установили то, что уже было известно советским исследователям по результатам дрейфа секретной советской станции СП-2 под руководством Михаила Михайловича Сомова: система дрейфа в этой части Северного Ледовитого океана – по часовой стрелке, что было предсказано еще в 1908 году участником русской экспедиции по поискам Земли Санникова Александром Васильевичем Колчаком. Тем не менее оставалась еще одна загадка происхождения гигантов, но пробил и ее час…

При изучении накопленных ранее материалов внимание американских и канадских полярников привлек аэрофотоснимок, сделанный еще в 1947 году на побережье острова Эллеф Рингнес – там на ледниковой кайме вдоль побережья была обнаружена такая же система валов и ложбин, что и на известных дрейфующих ледяных островах. Стали просматривать отчеты прежних путешественников – оказалось, что аналогичные формы ледяной поверхности уже описывали Кук, Пири и некоторые другие для северного побережья острова Элсмира. Не оставалось ничего другого, как выслать самолет для аэрофотосъемки в указанный район, где положение кромки шельфового ледника островов – тайна их происхождения и одновременно загадка некоторых проблематичных земель была окончательно разгадана, на что понадобилось всего два с половиной столетия.

Магнитолет профессора Вейнберга *17 По материалам Г. Черненко.*

Мы привыкли к мысли, что необыкновенные поезда на магнитной подвеске – изобретение последних десятилетий. На самом же деле идея магнитолета родилась давно, без малого сто лет назад.

Неожиданное изобретение Профессор Вейнберг был ученым-энциклопедистом. Он закончил Петербургский университет и стал физиком. В тридцать шесть лет защитил докторскую диссертацию, уехал в Сибирь и целых пятнадцать лет (с 1909 года) руководил кафедрой физики Томского технологического института. Именно в Томске Вейнберг и начал разрабатывать свой удивительный проект сверхскоростного транспорта.

Он понимал, что для достижения больших скоростей необходимо избавиться от сопротивления среды, в которой движется транспорт, и от силы трения о путь. Но как это сделать? Простейший и всем знакомый опыт с соленоидом, втягивающим железный сердечник внутрь катушки, натолкнул томского ученого на важное изобретение. «Этот опыт, – писал Борис Петрович, – навел меня на мысль об идеальном безвоздушном электрическом пути, по своему принципу совершенно отличном от привычных способов сообщения».

В то время, в 1910 году, он еще не знал, что похожая идея пришла в голову и другому изобретателю, работавшему в США, – инженеру,

французу по происхождению Эмилю Башлэ. Лишь четыре года спустя Башлэ приехал в Лондон и продемонстрировал модель своего «летающего вагона» английским ученым, инженерам и даже членам парламента. С того времени печать всего мира заговорила о сенсационном изобретении.

Полет в магнитной трубе Эмиль Башлэ в своем проекте приподнял бесколесный вагон над дорогой, используя явление так называемого электродинамического отталкивания. Для этого вдоль всего пути под полотном дороги предполагалось установить катушки электромагнитов переменного тока. Тогда вагон, имеющий дно из немагнитного материала, например алюминия, воспарит на весьма незначительную высоту. Но и ее будет вполне достаточно для избавления от контакта с дорогой.

Для поступательного движения вагона изобретатель предлагал применить тянущий пропеллер либо соленоиды в виде множества колец, смонтированных вдоль пути, в которые вагон втягивался бы подобно железному сердечнику. Башлэ рассчитывал получить таким образом скорость до 500 километров в час!

Идея магнитоплана постепенно превращается в реальность

В дороге, которую предлагал Борис Петрович Вейнберг, вагоны тоже не нуждались в рельсах. Как и в проекте Башлэ, они летели, поддерживаемые на весу магнитными силами. Более того, русский физик пошел дальше француза, решив устранить также сопротивление среды. Движение вагонов, согласно проекту, происходило в трубе, из которой

специальные насосы непрерывно выкачивали воздух.

С внешней стороны трубы на определенном расстоянии друг от друга устанавливались мощные электромагниты. Их назначение – притягивать вагоны, не позволяя им падать. Как только вагон приближался к магниту, последний выключался. Силой веса вагон начинал опускаться, однако его тут же подхватывал следующий электромагнит. В итоге вагоны двигались бы по слегка волнистой траектории, не касаясь стенок трубы.

Вагоны-капсулы Вагоны Вейнберг задумывал одноместными в виде сигарообразных герметически закрытых капсул длиной два с половиной метра. Пассажир должен был лежать в такой капсуле на мягкой подстилке. В вагоне предусматривались аппараты, поглощающие углекислоту, запас кислорода для дыхания и электрическое освещение.

Скорость движения намечалась колоссальная – 800, а то и 1000 километров в час! Такая скорость позволила бы за 10—11 часов пересечь всю Россию, например, с запада на восток и за 45 минут доехать от Петербурга до Москвы.

Для запуска вагонов в трубу планировалось использовать соленоидные устройства, гигантские катушки длиной около трех километров (такая большая длина вызывалась необходимостью снизить перегрузку при наборе скорости). Вагоны с пассажирами накапливались в особой, плотно закрытой камере. Затем целой обоймой они подвозились к пусковому устройству и один за другим «выстреливались» в трубу-туннель. В минуту – до 12 вагонов-капсул, то есть с промежутком в пять секунд. За сутки, таким образом, могли бы отправиться в путь более 17 тысяч вагонов! Завершающий участок тоже задумывался в виде длинного соленоида, однако уже не разгонного, а тормозящего.

В 1911 году в физической лаборатории Томского технологического института Вейнберг построил большую модель своего электромагнитного пути. Он представлял собой шестиметровое кольцо, собранное из отрезков медной трубы диаметром 25 сантиметров. Модель вагона весила около 10 килограммов. «Выстреленный» в трубу при помощи пускового соленоида вагончик легко подхватывался электромагнитами и продолжал полет, не касаяь стенок кольцевого «туннеля».

«Нет, это не утопия» Три года Борис Петрович испытывал модель своей дороги. При этом воздух из трубы не откачивался. Во-первых, из-за недостатка средств, а во-вторых, при сравнительно небольшой скорости сопротивлением воздуха можно было пренебречь.

Разумеется, Вейнберг ясно сознавал колоссальную трудность исполнения проекта в натуральную величину. А потому им были предумотрены и упрощенные варианты дороги. Изобретатель был готов, например, поступиться вакуумом в трубе и, следовательно, снизить скорость движения. Готов был допустить, чтобы вагоны катились на колесах с едва заметным трением по «потолку» или по «полу» трубы.

Весной 1914 года Борис Петрович приехал в Петербург. Вскоре появилось объявление о том, что в большой аудитории Соляного Городка, на Пантелеймоновской улице, профессор Вейнберг прочтет лекцию «Движение без трения». Сообщалось, что лекция будет сопровождаться показом опытов. Выступление томского профессора вызвало небывалый

интерес петербуржцев. В зале, как говорится, негде было яблоку упасть. «Не могу забыть того ошеломляющего впечатления, – вспоминал писатель и популяризатор науки Я. Перельман, – какое произвел на холодную петербургскую публику этот смелый и оригинальный проект. Поезда, несущиеся в пустоте, без трения, как планеты в мировом эфире. Разве это не утопия? Но нет – проект реален при всей своей необычности. Он технически неуязвим».

Быстрее звука! В разгар Первой мировой войны Борис Петрович был откомандирован в США в качестве «старшего артиллерийского приемщика». Он и здесь остался изобретателем, начав совершенствовать производство взрывателей артиллерийских снарядов. В Россию профессор-изобретатель возвратился после Февральской революции. Как выдающегося геофизика, Вейнберга хорошо знали в научных кругах, и в 1924 году ему предложили пост директора Главной геофизической обсерватории в Ленинграде.

В год начала Великой Отечественной войны Вейнбергу исполнилось 70 лет. Уезжать из блокированного Ленинграда изобретатель отказался и продолжал работать над новыми изобретениями. 18 апреля 1942 года от крайнего истощения он умер.

Лишь много лет спустя начались опыты с поездами, в которых нашли отзвук проекты Эмиля Башлэ и Бориса Вейнберга. Поезда на магнитной подушке, пока все еще экспериментальные, создаются в Японии, Германии, США, Англии, Канаде. Скорость их существенно ниже, чем у электромагнитного вагона Вейнберга, – до 500 километров в час. Понятно, дорога томского профессора была рассчитана на движение в вакууме. Но и эта его идея уже подхвачена. Американский инженер Роберт Солтер разработал проект поезда с магнитным подвесом «Планетрон», который будет мчаться в безвоздушном туннеле со скоростью более девяти тысяч километров в час!

Очередная разгадка тунгусского чуда *18 По материалам С. Зигуненко.*

Про Тунгусский метеорит написаны уже тома. Каких только объяснений его феномена не предлагали! Пожалуй, наиболее фантастическая гипотеза принадлежит писателю-фантасту Александру Казанцеву, некогда предположившему, что над тунгусской тайгой потерпел катастрофу инопланетный космический корабль. Однако именно она, по словам профессора Ф. Нагатина, получила серьезные фактические подтверждения.

Доказательства нашлись в тайге в 700 км от эпицентра взрыва. На них случайно наткнулась геологическая партия под руководством Георгия Колодина, которая вела разведку недр в бассейне реки Вилюй.

Для очередного привала исследователи выбрали на первый взгляд вполне обычную поляну на берегу безымянной речушки. Однако когда радист попытался выйти на связь с базой, то обнаружили, что на той же волне в наушники лезут непонятные сигналы. Причем такой силы, что пробиться сквозь них радисту так и не удалось.

Примитивная пеленгация показала, что источник радиопомех находится где-то неподалеку. Попытка выйти на него чуть не закончилась

обвалом в самом буквальном смысле этого слова. В склоне обрыва, уходящего к реке, обнаружилось отверстие – что-то вроде входа в пещеру, наполовину заваленное песком.

В районе падения Тунгусского метеорита

Раскопав лаз, геологи обнаружили целую анфиладу довольно просторных помещений. Первые из них были пусты – лишь кое-где виднелись обломки каких-то костей и непонятный мусор. Но по мере углубления в непонятную пещеру стали попадаться помещения, в которых находились довольно странные предметы – какие-то металлические тумбы, шкафы, ящики…

Миновав беспрепятственно полтора десятка отсеков, импровизированная экспедиция уперлась в стену – точнее, в наглухо закрытую дверь, сбоку которой виднелось некое подобие пульта. Попытка открыть ее успехом не увенчалась. И тут один из геологов заметил, что по сторонам от дверного проема тянутся окна. Даже не окна, а просто прозрачные участки стены. В освещенном пространстве за ними можно было различить длинный ряд серебристых прямоугольников.

«Зал саркофагов», как окрестили его геологи, уходил в темноту. Кто-то посветил вблизи окна и в то же мгновение вскрикнул от неожиданности. Чуть ли не в метре за «стеклом» валялись три существа невысокого роста, фигурами отдаленно похожие на человека. У одного из них, лежавшего навзничь, на месте головы виднелось выпуклое блестящее устройство. Все поспешили покинуть это мрачное и жуткое подземелье.

Появление на берегах таежной речки странного подземного сооружения, полагал профессор Ф. Нагатин, напрямую связано с тунгусской катастрофой. Гипотетический звездолет, войдя в атмосферу Земли, стал падать в западном направлении. Если учесть, что корабль был пилотируемым, то в нем, безусловно, была запроектирована спасательная капсула.

За несколько мгновений до тунгусского взрыва – а он, как известно, произошел еще в воздухе – экипаж автоматически катапультировался. Учитывая траекторию падения – почти строго с востока на запад, корабль пролетал как раз над районом реки Вилюй. Поэтому находка в этих местах не противоречит известным науке фактам.

Капсула, отделившаяся от основной части, на большой скорости врезалась в землю и ушла в грунт, оставив за собой проход в виде пещеры. По-видимому, от удара корпус в наиболее слабых местах разрушился. Образовавшиеся дыры позволили посторонним беспрепятственно проникать внутрь. Однако в уцелевших, наглухо задраенных отсеках теплится инопланетная жизнь, о чем красноречиво свидетельствуют сигналы «маяка», запеленгованные рацией. Не исключено, что они предназначены служить ориентирами для инопланетных спасателей. Продолжают функционировать аварийные энергетические установки, поддерживая членов экипажа в анабиозе. Сколько будет длиться такое состояние, неизвестно. Если не придет помощь извне, вероятно, целую вечность.

До российских геологов на остатки корабля набредали охотники. Они первыми заметили, что люди после длительного пребывания в загадочном подземелье начинают болеть, многие умирают. Отчего? Возможно, виной всему радиация, исходящая от аварийных ядерных энергоустановок. А может, в округе пиратствуют иноземные вирусы и микробы… Во всяком случае, местные жители прозвали это место «Елюю Черкечех», что в переводе с якутского значит Долина Смерти.

Уфологи Ю. Михайловский и А. Тугелев из поселка Чернышевский (Якутия) путем опроса бывалых охотников собрали по крупицам сведения, касающиеся странной находки. Если верить легендам, лет где-то 100 назад, а может, и много раньше, на северо-западе Якутии произошла космическая катастрофа, связанная, по всей вероятности, с близким прохождением кометы, поскольку сопровождалась обильными песчано-грязевыми дождями и мощным потоком ледяных «игл».

Но вместе с ними упали и еще какие-то объекты, быть может, даже искусственного происхождения. Угодив на мари и болота, они на протяжении десятилетий один за другим взрывались и каждый раз являли собой настоящее стихийное бедствие, после чего окрестности надолго оставались безжизненными.

Потом поднималась буйная молодая поросль, привлекающая зверя. А где зверь – там и охотник. Действительно, кочевники постепенно обживали эти места… Однако взрывы повторялись. И так раз за разом.

Когда же все вдруг прекратилось, Долина Смерти, за которой прочно закрепилась дурная слава, по-прежнему оставалась довольно безлюдной: ведь где гарантия того, что наступившее затишье – не просто более длительная пауза?

В 1990 году «Немецкая волна» передала любопытное сообщение. Когда 40 лет назад на северо-западе Якутии начались ядерные испытания, одно из них по мощности оказалось несравнимо ни с каким другим (20—30 Мт вместо «расчетных» 10 кт!). Его зарегистрировали все сейсмические станции мира. Причина столь существенного расхождения так и осталась неизвестной. Предполагали, правда, что в летном режиме испытали компактную водородную бомбу небывалой по тем временам мощности, однако эксперты выяснили, что подобное устройство в СССР разработали позже.

Однако если это не водородная бомба, то не взорвался ли один из тех давних объектов, для которого испытательный взрыв стал подходящим детонатором? Кто знает, сколько их еще таится в здешних местах.

А они есть – во всяком случае, если верить слухам. Вот характерный эпизод. Как-то охотник, блуждая в засушливый период по тайге, попытался добыть льда из булгуняха – ледовой линзы, сверху обычно прикрытой землей. Начав копать, под тонким слоем почвы обнаружил не лед, а красноватую металлическую поверхность очень большого, уходящего в мерзлоту купола. Ему стало не по себе, и он поспешил удалиться. Другой подобный случай: обнаружился то ли край, то ли выступ сантиметров в десять толщиной; на этот раз охотник просто не стал дальше копать – ему нужен был лед. Булгунях, по его словам, был с метр высотой и около 5—6 м в диаметре.

Рядом с рекой Олгуйдах видели вонзившуюся в землю гладкую металлическую полусферу красноватого цвета и с таким ровным краем, что «режет ноготь». Толщина ее стенки – около 2 см. Стоит она накренясь, так что под нее можно въехать верхом на олене. Ее обнаружил в 1936 году геолог, но в послевоенное время следы затерялись. В 1979 году ее попыталась отыскать небольшая археологическая экспедиция из Якутска. Проводник – старый охотник, в молодости неоднократно видевший сооружение, – не смог ничего вспомнить, поскольку, по его словам, местность сильно изменилась. Так они и уехали ни с чем.

Здесь проходит древний эвенский кочевой путь – от Бодайбо до Анныбара и далее, до побережья. Вплоть до 1936 года в тех местах торговал купец Савинов, а когда он отошел от дел, жители их постепенно покинули. Наконец, престарелый купец и его внучка Зина тоже решили переехать в Сюльдюкар. Где-то в районе междуречья Хэлдьюз дед привел ее к небольшой, слегка приплюснутой красноватой «арке», где за винтообразным проходом оказалось много металлических комнат, в которых они и заночевали. Как уверял дед, даже в самые сильные морозы в них тепло, словно летом. Об этом припоминали и другие старожилы еще в послевоенные годы. Сейчас же на том месте огромный насыпной холм, в нескольких местах обнесенный крашеными камнями и обозначенный знаком радиоактивности.

«Нам довелось познакомиться со старым охотником-эвенком, предки которого кочевали по этим местам не одну сотню лет, – сообщают уфологи. – Кое-что он слышал и о взрывах: будто сначала из-под земли вырывается до самого неба огненный столб вместе с облаками пыли, затем пыль сгущается в плотную тучу, сквозь которую виден только

ослепительный огненный шар. Это сопровождается ужасным гулом и пронзительным свистом, и после нескольких громов подряд следует ослепительная вспышка, буквально испепеляющая все вокруг, раздается оглушительный взрыв, и в радиусе более 100 км валятся деревья, рушатся и трескаются скалы!.. Потом становится очень темно и холодно, так что гаснут даже пожары, а обугленные ветки покрываются инеем».

Еще он рассказал, что где-то в районе междуречий Нюргун Боотурв и Атарадак из земли выглядывает «шибко большая» трехгранная железная острога, а на междуречье Хэлюгир есть железная нора, и в ней лежат «худые черные одноглазые люди в железных одеждах», а невдалеке по урочищу Тонг Дуурайэ протекает ручей Оттоамох, где находятся «три хохочущие бездны», в которых все исчезает бесследно.

В заключение отметим, что до сих пор еще никто не предпринимал серьезных попыток найти и обследовать хотя бы один из странных объектов, поскольку данная местность обширна даже по якутским масштабам и на редкость труднопроходима – сплошные завалы, мари, болота…

Лишь благодаря случаю геологическая партия Г. Колодина не только нашла, но и достаточно обстоятельно описала обнаруженную «пещеру».

Последнее плавание «Геркулеса»

Северные русские экспедиции 1912 года под руководством В.А. Русанова, Г.Л. Брусилова, Г.Я. Седова, несмотря на всю свою трагичность и незавершенность, внесли значительный научный вклад в изучение Арктики. Но в отличие от частных экспедиций Г.Я. Седова и Г.Л. Брусилова экспедиция Владимира Александровича Русанова на Шпицберген была официальной, организованной с одобрения правительства и на казенные средства. Основной целью ее было исследование угольных богатств Шпицбергена и подготовка там русского предприятия…

Русанов родился в 1875 году в городе Орле в купеческой семье. Отец его умер, когда Русанов был еще ребенком. Мать Русанова, несмотря на материальные затруднения, решила дать сыну хорошее образование и устроила его в лучшее в городе учебное заведение – классическую гимназию. Однако учился он плохо.

Живой ум и непосредственность Русанова были не в ладах с сухими и догматическими методами преподавания казенной школы. Он увлекался чтением книг, описывающих приключения и путешествия, загородными прогулками, с которых возвращался с карманами, полными всевозможных камней – его первыми «геологическими коллекциями».

В.А. Русанов.Фото 1900-х гг.

Весной 1897 года Русанов поступил вольнослушателем на естественный факультет Киевского университета. Учеба его продолжалась недолго: замеченный в студенческих беспорядках, он был лишен права посещать лекции и выслан в Орел. С того времени полиция постоянно преследовала Русанова. 4 сентября его арестовали по делу «Рабочего Союза».

В мае 1901 года на основании «высочайшего постановления» его высылают на два года в город Усть-Усольск Вологодской губернии. В Усть-Усольске Русанов поступил статистиком в земскую управу. Эта работа, помимо средств к существованию, позволила ему исследовать огромный и почти неизученный Печорский край.

Стремясь закончить свое образование, Русанов настойчиво хлопотал о разрешении выехать за границу. Осенью 1903 года он уехал в Париж, где поступил в Сорбоннский университет на естественное отделение.

Блестящее окончание теоретического курса в 1907 году дало ему право на защиту докторской диссертации. Стремясь принести пользу своей родине, Русанов решил собрать материал для диссертации на Новой Земле, геология которой была почти не изучена, а полезные ископаемые не разведаны.

Весной 1907 года В.А. Русанов возвратился в Россию. Когда Русанов прибыл в Архангельск, он, к своему удивлению, встретил со стороны

местных властей всяческое содействие в подготовке экспедиции на Новую Землю. Объяснялось это тем, что на Новой Земле безнаказанно хозяйничали норвежцы, и архангельский губернатор видел в экспедиции Русанова одну из мер, направленных против браконьерства.

В Архангельске к Русанову присоединился студент-зоолог Харьковского университета Л.А. Молчанов, с которым он в середине июля и прибыл на рейсовом пароходе к западному устью пролива Маточкин Шар. Отсюда в сопровождении проводника-ненца они на обычном ненецком карбасе совершили плавание по проливу до Карского моря и обратно.

Исследования Русанова на Новой Земле, проведенные им самостоятельно и по собственной инициативе, получили высокую оценку профессоров Сорбонны. Поэтому, когда весной 1908 года для французской экспедиции на Новую Землю потребовался геолог, из многих кандидатов единодушно был избран Русанов. Он с радостью принял это предложение, позволявшее ему продолжить свои исследования по геологии Новой Земли. Русанов с тремя участниками экспедиции направился на пароходе в становище Маточкин Шар, затем на ненецком карбасе прошел проливом в Карское море и поднялся вдоль берега к северу до залива Незнаемого. Обследуя этот залив, Русанов сделал интересное открытие: на небольшом полуострове он обнаружил неизвестные до этого ископаемые организмы.

Продолжая свое путешествие, Русанов совершил первый в истории сухопутный поход по Новой Земле, он пересек ее от залива Незнаемого до бухты Крестовой на западной стороне острова. Следует отметить, что Баренцева моря достиг лишь один Русанов, остальные путешественники, не выдержав трудностей пути, отстали.

В сентябре экспедиция закончила работы, и Русанов прибыл в Архангельск, написав затем научный отчет о своих исследованиях в 1907 и 1908 годах.

Эта экспедиция принесла Русанову славу талантливого геолога и смелого исследователя. Поэтому, когда архангельские власти стали готовить экспедицию на Новую Землю, они пригласили Русанова принять в ней участие в качестве геолога. Официально возглавлял ее Ю.В. Крамер, фактически же экспедиция работала по программе, составленной Русановым, и под его руководством. 9 июля пароход высадил Русанова и его спутников в Крестовой губе, где была организована главная база экспедиции.

Погода не благоприятствовала исследованиям. Кроме того, при разгрузке парохода Русанов сильно повредил ногу. Однако, невзирая на все это, он ежедневно уходил в глубь острова. На острове было обнаружено много полезных ископаемых, в числе их такие, как каменный уголь, мрамор, диабаз и аспидный камень.

Русанов, справедливо предполагая, что Новая Земля должна со временем стать одной из узловых баз, обслуживающих Северный морской путь, считал необходимым выяснить условия плавания вдоль западного побережья острова, которое, по его мнению, явится составной частью трансарктической трассы. С этой целью вместе с двумя проводниками он совершил смелый переход по морю на утлой шлюпке от губы Крестовой до полуострова Адмиралтейства. Осенью, вернувшись в Архангельск, он выступил с рядом лекций, докладов и статей, привлекших внимание

общественности к Арктике. Особенно его беспокоила судьба Новой Земли. «Печальная картина на русской земле, – писал Русанов. – Там, где некогда в течение столетий промышляли наши русские отважные поморы, теперь спокойно живут и легко богатеют норвежцы».

Весной 1910 года его опять пригласили в Новоземельскую экспедицию, но на этот раз уже в качестве ее начальника. Поглощенный проблемами Северного морского пути, Русанов в статье «Возможно ли срочное судоходство между Архангельском и Сибирью через Ледовитый океан?» изложил план сквозного плавания. «До сих пор, – писал он, – с непоколебимым и непонятным упорством стараются пройти в Сибирь… возможно южнее: через Югорский Шар, через Карские Ворота, в более редких случаях через Маточкин Шар. Я предлагаю как раз обратное. Я предлагаю огибать Новую Землю как можно севернее…»

Ниже он продолжает: «Нужно иметь в виду, что направление течений северной части Новой Земли до сих пор остается необследованным и что мои предположения на этот счет являются гипотетическими. Вот почему выяснение этого капитального вопроса, по моему мнению, должно составить самую главную задачу Новоземельской экспедиции в 1910 году. Эта экспедиция должна будет окончательно выяснить вопрос о том, насколько удобен предлагаемый мною торговый путь в Сибирь».

Судно экспедиции «Дмитрий Солунский» под командой известного полярного капитана Г.И. Поспелова 12 июля покинуло Архангельск, имея на борту пять научных работников и десять человек экипажа.

20 июля «Дмитрий Солунский» благополучно достиг западного устья Маточкина Шара, где на судно был взят ненец Илья Вылка, прекрасный знаток полярных льдов, оказавший Русанову неоценимую помощь в предыдущей экспедиции. 16 августа судно достигло крайней северной точки Новой Земли – мыса Желания, обогнув который встретило плавучий лед.

По мере продвижения «Дмитрия Солунского» на юг кромка сплошных льдов, вытянутая с северо-востока на юго-запад, все больше приближалась к берегу и у Ледяной гавани сомкнулась с ним, преградив дальнейший путь. Попытки обогнуть лед с северо-востока окончились безуспешно, и вечером 19 августа судно вернулось к мысу Желания, где встали на якорь и решили выждать изменения ледовой обстановки.

Разыгравшийся ночью шторм пригнал массы льда из Баренцева моря, и к утру «Дмитрий Солунский» оказался в ледяном плену. Ледяные поля, непрерывно торосясь, наступали на судно и ежеминутно грозили раздавить его. Используя небольшие то открывавшиеся, то закрывавшиеся разводья, тянувшиеся под берегом, «Дмитрий Солунский» стал пробиваться на восток. Вскоре разводья стали увеличиваться и превратились в широкий прибрежный канал, открывавший путь на юг. Через двенадцать дней судно подошло к восточному входу в Маточкин Шар, а 31 августа вошло в Баренцево море, совершив таким образом обход всего северного острова Новой Земли.

Это выдающееся плавание принесло Русанову заслуженную славу.

Произведенные экспедицией исследования намного превосходили все сделанное в этом районе до нее, значительно расширили познания

Новой Земли и гидрологического режима омывающих ее вод.

К этому времени относится публикация одного из наиболее значительных трудов Русанова, скромно озаглавленного «К вопросу о Северном морском пути».

Зиму Русанов опять проводит в Париже, усиленно работая над докторской диссертацией, а летом 1911 года в четвертый раз отправляется на Новую Землю. В этой экспедиции на парусно-моторной яхте «Полярная», водоизмещением всего пять тонн, он наконец совершает плавание вокруг южного острова Новой Земли. Экспедиция на «Полярной» главное внимание уделила гидрографическим и метеорологическим исследованиям. Особенно много было сделано для изучения поверхностных течений Баренцева и Карского морей.

Затем Русанов был назначен начальником экспедиции на Шпицберген. Его путешествия, не знавшие неудач, и всевозраставший авторитет служили лучшей гарантией успеха экспедиции.

Эта экспедиция была, по сравнению с двумя другими, хорошо оснащена, в Норвегии для нее закупили парусно-моторное судно «Геркулес», в Париже – приборы и инструменты. Капитаном «Геркулеса» стал 24-летний А. С. Кучин, потомственный помор, окончивший в 1909 году с отличием и золотой медалью Архангельское торгово-мореходное училище, участник экспедиции в Антарктику Амундсена в 1910—1911 годах, проявивший большие способности в науке – он был ассистентом известного норвежского океанографа Хелланд-Хансена.

9 июля 1912 года «Геркулес» вышел из Александровска-на-Мурмане, имея на борту четырнадцать участников экспедиции.

16 июля «Геркулес» благополучно достиг острова Западный Шпицберген и вошел в залив Белзунд, находящийся на западной стороне острова. Отсюда Русанов вместе с двумя матросами пешком прошел до восточного берега Западного Шпицбергена и обратно. Этот переход, совершенный в условиях горной местности, покрытой ледником, едва не закончился гибелью Русанова: на обратном пути он провалился в ледниковую трещину и только каким-то чудом задержался на небольшом выступе на краю глубокой пропасти.

Из Бедзунда «Геркулес» перешел в Айсфиорд, а затем в Адвентбай. Обследовав все западное побережье острова, Русанов открыл богатые месторождения угля.

К началу августа экспедиция закончила выполнение официальной программы: двадцать восемь заявочных знаков, поставленных Русановым, закрепляли за Россией право на разработку угля на Шпицбергене.

Помимо того, были собраны палеонтологические, зоологические и ботанические коллекции, а во время плавания на Шпицберген и в его прибрежных водах проведены океанографические исследования.

Отправив с попутным норвежским пароходом трех человек со Шпицбергена в Россию, Русанов пошел на Новую Землю. 18 августа в Маточкином Шаре он оставил для отправки на материк телеграмму следующего содержания: «Юг Шпицбергена, остров Надежды. Окружены льдами, занимались гидрографией. Штормом отнесены южнее Маточкина Шара. Иду к северо-западной оконечности Новой Земли, оттуда на восток.

Если погибнет судно, направлюсь к ближайшим по пути островам: Уединения, Новосибирским, Врангеля. Запасов на год. Все здоровы. Русанов». По-видимому, в телеграмме была пропущена частица не. Следует читать «Если не погибнет», что по существу и вытекает из дальнейшего текста.

Эта телеграмма, раскрывавшая план Русанова, была последним известием, полученным с «Геркулеса».

Где и при каких обстоятельствах погибла экспедиция Русанова, выяснить не удалось. Поиски ее, проведенные в 1914 и 1915 годы по инициативе Русского Географического общества, ничего не дали. Только в 1934 году на безымянном островке (сейчас остров Геркулес), находящемся близ берега Харитона Лаптева, был обнаружен столб, врытый в землю, на котором была вырублена надпись «ГЕРКУЛЕС. 1913». В том же году на другом островке (ныне остров Попова-Чукчина, по имени участников экспедиции Русанова), расположенном в шхерах Минина, были найдены остатки одежды, патроны, компас, фотоаппарат, охотничий нож и другие вещи, принадлежавшие участникам экспедиции на «Геркулесе».

После тщательных поисков неподалеку от этих предметов была найдена мореходная книжка матроса «Геркулеса» А.С. Чукчина и серебряные часы с инициалами В.Г. Попова, тоже матроса «Геркулеса», и справка, выданная на его имя.

Судя по этим находкам, можно предполагать, что крайне неблагоприятные ледовые условия в 1912 году принудили «Геркулес» к зимовке где-то в районе северной части Новой Земли, а в следующем году Русанов, видимо, достиг Северной Земли. В пользу такого предположения говорят также следы чьей-то стоянки, обнаруженные в 1947 году в заливе Ахматова на северо-восточном побережье острова Большевик (Северная Земля). По всей вероятности, это следы экспедиции Русанова.

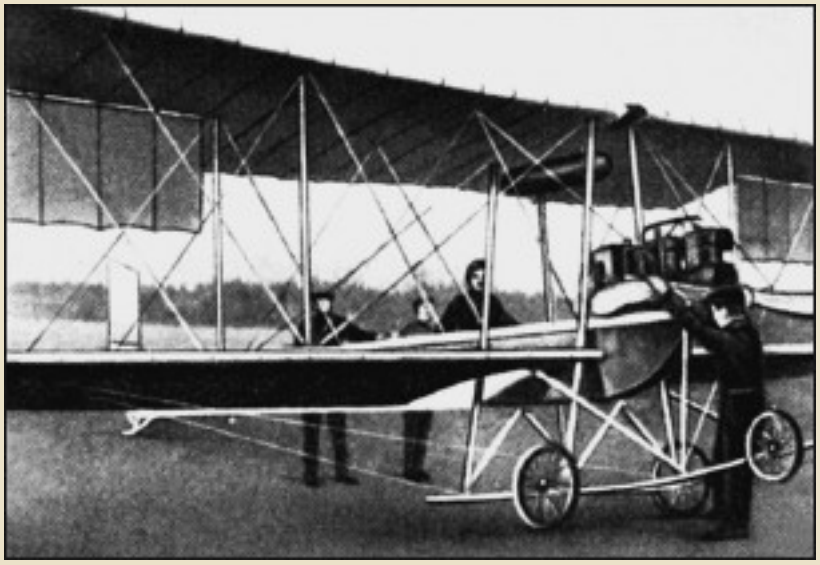
Безвременно погибший Владимир Александрович Русанов оставил неизгладимый след в истории исследования Арктики.

Его именем названы залив на восточном побережье Новой Земли, полуостров на южном побережье, пролив между островом и этим побережьем, бухта на том же побережье, промысловое становище в этой бухте и гора на побережье залива.

Пропавшая рукопись инженера Гаккеля *19 По материалам Л. Вяткина.*

В истории авиации есть имена создателей летательных аппаратов, способствовавших дальнейшему развитию авиации, давших много плодотворных идей, но в силу обстоятельств так и не вошедших в первый ряд корифеев. Таким человеком являлся один из первых авиаконструкторов и летчиков, инженер-электрик Яков Модестович Гаккель, построивший первые аэропланы в самый начальный период авиации, в 1909—1912 годы, когда наука аэродинамика еще была в самом зародыше…

В те годы многотрудных поисков авиационной конструкторской мысли Яков Модестович сумел дать много интересных конструктивных решений. Он построил девять самолетов, из которых семь показали выдающиеся для своего времени результаты.

Один из самолетов Я.М. Гаккеля

Я.М. Гаккель родился в 1874 году в Иркутске, в семье военного инженера. Среднее образование получил в реальном училище, высшее – в Петербургском электротехническом институте.

В 1905 году он участвовал в строительстве станций и подстанций петербургского трамвая и одновременно преподавал в электротехническом институте. Заинтересовавшись авиацией, он в собственной мастерской в начале 1908 года вместе с братом приступил к постройке своего первого самолета, остов которого был из бамбука, широко используемого в те времена для постройки летательных аппаратов.

Аэроплан торжественно доставили на Коломяжский ипподром. Во время запуска от выхлопа в карбюраторе загорелось нижнее крыло, которое быстро погасили, но аэроплан к полетам был уже непригоден.

Гаккель немедленно приступил к постройке второго аэроплана. Это был уже бимоноплан, то есть аппарат, имевший две связанные между собой поверхности. Подобная схема несколько позже была разработана Луи Бреге, и он с гордостью показывал ее на Реймской авиационной неделе во Франции.

Крылья аэроплана «Гаккель-II» имели размах 11,5 м, двигатель Анзани, прочное шасси из четырех стальных труб составляло «кабан», к которому крепились расчалки для крыльев. Шасси имело резиновые амортизаторы и два дополнительных колесика, предохранявших аэроплан от капотирования. Вес самолета был 560 кг. Но и он не смог подняться в воздух и был перестроен в следующий тип.

«Гаккель-III» имел ряд конструктивных новшеств. Фюзеляж был расчалочный, лонжероны из сосновых брусков, ибо конструктор понял, что бамбук не технологичен. На расчалки пошли стальные струны от рояля. Фюзеляж обшит полотном. От боковых ударов предохраняли пружины, надетые на ось с обеих сторон колес.

Аэроплан был закончен в мае 1910 года, а 24 мая комиссия Всероссийского аэроклуба официально зарегистрировала первый полет по прямой на расстояние 200 м.

Однако двигатель, как и у Блерио, быстро перегревался, и Гаккель принимается за постройку следующего, тем более что летчик Ф.В. Булгаков, недавний студент, летавший ранее только в качестве пассажира, при посадке слегка зацепился за дерево.

«Гаккель-IV» имел больший размах, на нем стоял более мощный двигатель «Аргус» в 100 л.с. На нем Булгаков совершил несколько успешных полетов. Однако у Гаккеля в голове созрели новые технические идеи, и он принялся за переделку и этого аппарата.

Видимо, конструктор решил сам научиться летать, поэтому, удлинив фюзеляж на 0,6 м, он поставил еще одно сиденье и дублирующее управление. Маслорадиатор конструктор убрал под двигатель. Аэроплан был устойчив в полете, легок в управлении, и Гаккель быстро освоил на нем «искусство летания». Вскоре состоялось его знакомство с пилотом Г.В. Алехновичем. В августе 1911 года он участвовал в перелете Петербург – Царское Село и обратно, выиграв приз Всероссийского аэроклуба.

В программу I конкурса военных аэропланов, помимо других условий, входили взлет и посадка на невспаханное поле. Два его конкурента – бипланы «Дукс» и «Лебедев», сделанные по типу «фарманов», – каждый раз ломали шасси, и только эластичное и хорошо разработанное конструктивно шасси Гаккеля выдержало!

Пилотируемый Алехновичем, аэроплан Гаккеля достиг скорости 92 км/ч, на высоту 500 м с пассажиром он поднимался за 9 минут! Такая скороподъемность по тем временам была фантастической!

За 8000 руб. аэроплан купило Военное министерство для Гатчинской авиационной школы. Алехнович перегнал его в Гатчину, где его приняли и поставили в ангар. Но самолету не суждено было состоять на вооружении русской армии, механики позабыли в морозный день слить воду из радиатора, вода, замерзнув, разорвала рубашку мотора. Перспективный, пригодный для военных целей аэроплан оказался «на приколе»…

Весной 1912 года Гаккель направил на II Международную выставку воздухоплавания в Москве свой новый аэроплан «Гаккель-VIII» и получил за него от Московского общества воздухоплавания Большую Золотую медаль. По окончании выставки Г.В. Алехнович установил на этом аэроплане «русский рекорд высоты», равный 1350 м, а также совершил полеты безлунной ночью, приземляясь на поле, освещаемом горящим бензином. После чего Алехнович выполнил ряд публичных полетов над восторженной толпой зрителей в Курске, Смоленске, Вязьме, Гомеле. Такой серьезный успех аэропланов Гаккеля вызвал зависть у многих его конкурентов.

Следующим оригинальным самолетом был «Гаккель-IX», первый в мире подкосный моноплан. Многие летчики жаловались на плохой обзор и тесные кабины на иностранных аэропланах. Гаккель, будучи сам неплохим пилотом и разделяя их мнение, попытался обеспечить хороший обзор вверх и в стороны, что особенно важно для боевых аэропланов, для чего в крыле были вырезаны отверстия и вырезы в задней его кромке.

Оба его аэроплана «Гаккель-VIII» и «Гаккель-IX» участвовали в конкурсе, и многие специалисты предрекали несомненную победу конструктору. Но произошло непредвиденное. Еще недавно хорошо отрегулированные и доработанные самим Гаккелем моторы на обоих аэропланах вдруг, как по команде, стали давать перебои в воздухе и запускаться с большим трудом. Аэропланы как будто подменили.

Причина выяснилась много позже. Механик Гаккеля, нанятый на время соревнований, оказался подкупленным летчиком конкурирующего завода «ДУКС» А.М. Габер-Влынским, который в нужный момент подливал серную кислоту в рубашки двигателей, чем выводил их из строя.

Призов Гаккель не получил. Все деньги были израсходованы. 5 декабря 1912 года в морозную ветреную ночь «от невыясненной причины» загорелся ангар, в котором оба красавца-самолета мгновенно сгорели.

Гаккель пережил сильнейший стресс и разочарование. Кое-как расплатившись с долгами, он объявил друзьям, что оставляет авиацию, на которую было потрачено столько сил и средств. Он стал читать студентам лекции по электротехнике и занялся проектированием трамваев и тепловозов.

В 1914 году морское ведомство заинтересовалось гидросамолетом Гаккеля, построенным еще до 1912 года («Гаккель-V»), и начало вести переговоры с Русско-Балтийским заводом в Риге о постройке головной серии таких аэропланов для нужд флота. Однако начавшаяся Первая мировая война спутала все планы.

Для развития авиационной отрасли в России Яков Модестович составляет проект основания акционерного «Общества русских летательных аппаратов» (ОРЛА) и одновременно разрабатывает конструкцию военного самолета, способного нести бомбы.

Это был триплан с четырьмя двигателями, расположенными в фюзеляже, что уменьшало лобовое сопротивление и давало удобный доступ к ним во время полета. Они вращали два больших винта, вынесенных на крылья. Конструкция была оригинальной, имела много новых решений, но и здесь дело застопорилось: с началом войны заводы спешно выполняли правительственный заказ по строительству самолетов И.И. Сикорского «Илья Муромец», уже хорошо себя зарекомендовавший в рекордных полетах, что признавал и сам Гаккель.

Впоследствии, в 1922 году, был построен 10-местный триплан «КОМТА», напоминавший самолет Гаккеля, однако из-за роста скоростей подобная схема уже устарела.

И вновь Яков Модестович вынужден был оставить авиацию и найти применение своим техническим познаниям и таланту в других областях техники. «Авиационная фортуна почему-то норовит повернуться ко мне спиной», – грустно улыбаясь, говорил он сыну, советовавшему ему вновь приняться за аэропланы.

По проекту Гаккеля в СССР был построен один из первых в мире мощных тепловозов (735 кВт), чем сделан весомый вклад в экономику страны.

Правда, в 1922 году он предложил основать акционерное общество по производству и эксплуатации самолетов на пассажирских авиатрассах.

Под эту идею он тщательно разработал проект трехмоторного пассажирского самолета «Гаккель-Х», но комиссия Главвоздухфлота проект отклонила, сославшись на трудности его реализации, на что Гаккель возразил: «Имея весьма скромную мастерскую, я на свои деньги смог построить девять аэропланов, а вы не в состоянии произвести на свет в собственном государстве ни одной машины»…

Незадолго до кончины он писал М.В. Водопьянову: «Кончая свой жизненный путь и подводя итоги к 40-летнему юбилею моей инженерной деятельности, я больше всего сожалею, что забросил самолетостроение».

На его рабочем столе стояла старинная бронзовая лампа с выключателем – «пупочкой», которую он любил. При свете этой лампы он иногда чертил новые эскизные проекты самолетов, удивительно изящных по очертаниям. После чего, глубоко вздохнув, прятал их в ящик стола. Умер он в возрасте 71 года в 1945 году. Чертежи его оригинальных проектов бесследно исчезли…

Но рукописи и чертежи не горят.

Так можно сказать, перефразируя слова булгаковского Воланда. Удалось разыскать чудом сохранившиеся чертежи проекта пассажирского самолета «Гаккель-Х». Тем самым представилась редкая возможность изучить и оценить как саму конструкцию, так и проследить ход мысли талантливого конструктора.

«Предлагаемый тип самолета – биплан – разработан после рассмотрения ряда вариантов. Мы остановились на нем вследствие выяснившихся преимуществ перед другими, – писал Я. М. Гаккель в пояснительной записке. – Основу самолета составляет рыбовидное тело (фюзеляж) с закрытой кабиной для 15 пассажиров. Перед пассажирской кабиной расположено помещение пилота и механика… В носовой части самолета установлен центральный мотор. Два других подвешены симметрично по обеим сторонам, на высоте центрального мотора, между крыльями.

Расстояние между осями боковых моторов составляет 5 м, они снабжены толкающими пропеллерами».

Далее следует обоснование первого несомненного преимущества перед всеми прочими нового самолета: оно заключается в том, что Гаккель сумел превратить боковые двигатели в силовые стойки, поддерживающие крылья.

Он пишет: «Конструкция, поддерживающая боковые моторы, является вместе с тем связью между крыльями биплана. Таким образом, свободно-несущие крылья начинаются лишь от моторов, и при размерах крыльев в 22 метра свободные крылья получились бы длиною по 8,5 м».

Гаккель поясняет, что такая конструктивная находка позволила уменьшить поперечное сечение крыльев, увеличить их жесткость, уменьшить вибрацию крыльев в полете, менять их установочный угол и противодействовать короблению.

«Это соединение является новой, оригинальной конструкцией, которую мы называем «двойной кронштейн»»… На двух страницах он приводит расчеты и схемы, подтверждающие преимущества «двойного кронштейна» и размеры главных частей самолета: размах крыльев – 22 м, расстояние между крыльями – 2,1 м, наибольшая толщина – 0,5 м, площадь

крыльев – 105 м^2, установочный угол нижнего крыла – 5 градусов, площадь стабилизатора – 8 м^2, площадь киля – 3,5 м^2, длина самолета – 15 м, высота – 4,2 м.

Крылья Гаккель намеревался обшить 5-миллиметровой ольховой фанерой, все другие части – 3-миллиметровой. Интересно, что для уменьшения вредного сопротивления он подробно описал технологию обработки обшивки: фанера полируется, покрывается вареной олифой, после высыхания крепится латунными шурупами, затем шпаклюется, зачищаются стыки, затем самолет окрашивается два раза масляной краской и наконец покрывается масляным лаком. (Эта часть описания, вероятно, будет интересна самодельщикам).

Под полом кабины пилота и механика Гаккель поместил бензиновые баки емкостью в 1360 литров и масляные баки. Обзор из кабины пилота был хороший.

Как видим, самолет Гаккеля был достаточно комфортабелен для 1922 года, когда он проектировался, по сравнению с другими, обслуживающими авиалинии Франции, Италии и Англии. Самолет мог выполнять 8-часовой полет со скоростью 160 км/ч.

Двигатели должны были стоять двух типов: Роллс-Ройс впереди с тянущим винтом мощностью 360 л.с. и БМВ мощностью 185 л.с. с суммарной тягой 828 кг. Общий вес самолета составлял 4500 кг. Полезный груз – 1400 кг.

Далее Гаккель пишет, что, хотя труды профессора Н.Е. Жуковского, А.Г. Эйффеля и Г.А. Ботезата дают возможность определить расчетную максимальную скорость его самолета, он тем не менее путем сравнения характеристик с самолетами Фоккера, Юнкерса, Дорнье и Кертиса вычисляет наиболее вероятную максимальную скорость «Гаккеля-Х», равную 203 км/ч. После чего он заключает:

«Отсюда видим, что расчет сделан нами не только осторожно, но с таким запасом, что можно ожидать от проектируемого нами самолета выполнения более тяжелых заданий, чем поставленные нами себе вначале. Профессор Я. Гаккель, 15 июля 1922 года».

Остается в очередной раз выразить сожаление, что столь совершенный по конструкции и замыслу, комфортабельный и быстроходный «воздушный корабль» не был построен.

Любопытно, что через пятнадцать лет «передовой самолет» чуть не погубил конструктора и он чудом избежал судьбы авиаконструкторов Калинина, Туполева, Королева, Мясищева, Бартини, Ивенсена и многих других, которые в годы репрессий были или расстреляны, или заключены в тюрьмы, лагеря и «шарашки».

Как рассказывал Гаккель, в середине тридцатых годов германская фирма «Юнкерс» построила трехмоторный самолет, напоминавший самолет Гаккеля. НКВД нашел это сходство подозрительным, и конструктору было предъявлено обвинение в «продаже немцам своего самолета». В его квартире был произведен тщательный обыск. Гаккеля несколько раз вызывали на допрос «с пристрастием».

– Почему вы перестали строить самолеты и занялись тепловозами? – спросил следователь, видимо, надеясь обвинить его в еще одной «продаже врагу».

– Видите ли, – не спеша начал Гаккель, – товарищу Ленину понравился мой проект тепловоза, и он просил начать их строительство. Это было в июле 1921 года. В сентябре я нашел на Балтийском судостроительном заводе в Петрограде дизель Виккерса мощностью 1000 л. с. с подводной лодки «Лебедь», а в феврале вместе со сметой передал чертежи Госплану. Ленин дал указание Глебу Максимилиановичу Кржижановскому ассигновать необходимые средства. Я был назначен заведующим бюро при Технологическом институте и в мое распоряжение выделили четыре завода, включая «Красный путиловец». И тепловоз «Щ эл I» был построен и много лет водил груженые составы. Так из «авиатора» я стал «железнодорожником», – закончил свои показания Гаккель.

Внимательно слушавший Гаккеля следователь задал еще несколько вопросов и затем предложил все сказанное изложить письменно. Показания Гаккеля были тщательно проверены и уточнены у Кржижановского, и его оставили в покое.

Правда, после того ему несколько раз предлагали перейти работать в авиационные конструкторские бюро, но Гаккелю не хотелось работать в «режимных КБ», и он под благовидным предлогом (стране нужны были тепловозы) отказывался.

Чертежи своего «десятого аэроплана» он, уже тяжело больной, передал П.Д. Дузю, навестившему его в Ленинграде, как и саму рукопись и все расчеты.

– Извините, что могу дать вам только «синьку». Подлинник арестован НКВД и, естественно, сгинул, – слабым голосом сказал Гаккель.

Он намеревался передать для публикации и другие свои разработки – быстроходного глиссера, учебно-спортивного самолета «Гаккель-XI», авиетки «Муха», гидросамолета, – но они случайно попали в другие руки и пропали бесследно…

Однажды на торжественном заседании в Технологическом институте, посвященном празднованию 1 мая, его избрали в почетный президиум, перечислили его заслуги перед отечеством и назвали «Дедалом русской авиации». На что не без юмора он отвечал, что едва ли его можно считать старше «отца русской авиации Н.Е. Жуковского», но тем не менее он всегда жалел, что будучи занят в других областях техники, не имел возможности отдать авиационной работе достаточное количество энергии и времени.

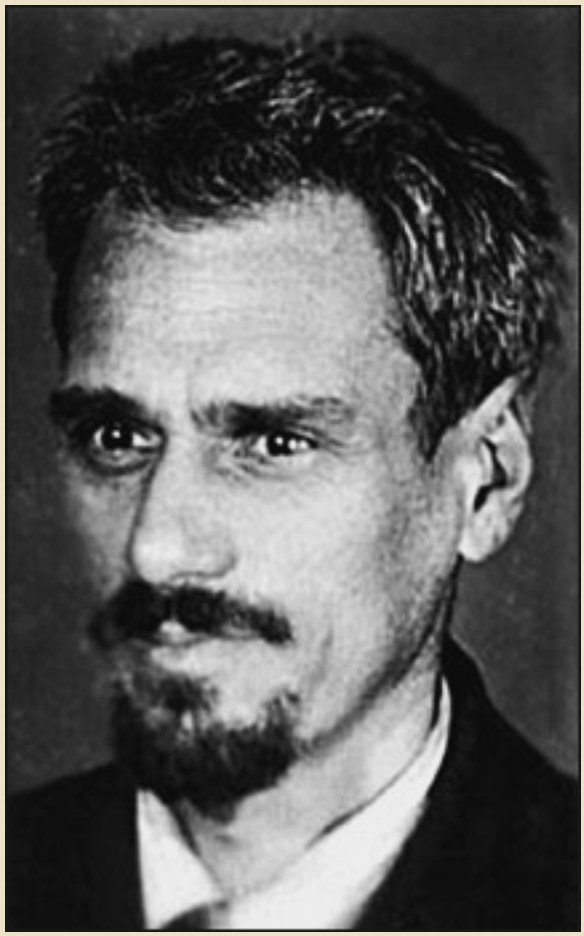
Здоровье Гаккеля было сильно подорвано во время блокады Ленинграда. В 1945 году Яков Модестович Гаккель умер. За его гробом шли близкие, профессора институтов и студенты на алых подушках несли его орден Трудового Красного знамени и медали.

Секретная жизнь после смерти

«Когда ранним мартовским утром 1968 года с взволнованно бьющимся сердцем я следил за стартом ракеты, уносившей корабль «Аполлон-9» к Луне, я думал в этот момент о русском – Юрии Кондратюке, разработавшем трассу, по которой предстояло лететь трем нашим астронавтам». Таково признание одного из ведущих американских специалистов по космонавтике Джона Хуболта.

Действительно, самая выгодная трасса полета на Луну была рассчитана в России. Она помогла американцам быстрее начать их лунные экспедиции и сэкономить миллиарды долларов. Но Хуболт не знал подлинного имени человека, открывшего американцам дорогу к Луне, поскольку звали его не Юрий Кондратюк, а Александр Шаргей!

Александр Игнатьевич Шаргей родился в Полтаве в 1897 году. Один из учителей гимназии, в которой учился Шаргей, утверждал, что он обладал удивительными способностями в математике и в других точных науках.

А.И. Шаргей

В жизни Александра произошел решительный поворот после того, как в 1914 году он прочел роман немецкого писателя Б. Келлермана «Туннель» о строительстве туннеля, соединившего берега Америки и Европы! Дерзкий замысел поразил Александра Шаргея. Ему захотелось самому разработать какой-нибудь грандиозный проект, например, пробурить шахту до самого центра Земли и затем использовать тепло земных недр! Или осуществить полет к иным планетам.

Мысль о сверхглубокой шахте Шаргей вскоре оставил, но идея межпланетных путешествий все больше и больше увлекала его. Он не знал ученых, которые тоже думали бы об этом. Не знал о Циолковском, уже наметившем и рассчитавшем планы покорения космического пространства.

Окончив гимназию, Александр Шаргей поступил в Петроградский политехнический институт, но проучился там недолго. Шла Первая мировая война, и Шаргея после краткосрочной школы прапорщиков отправили на Закавказский фронт.

К весне 1918 года старая русская армия распалась. Прапорщик Шаргей возвращался домой и где-то на Кубани нарвался на белогвардейский патруль. Его задержали и опять отправили в армию, теперь уже в Белую.

При первом же удобном случае Шаргей бежал. Ему удалось добраться до Киева, где хозяйничали деникинские войска. По объявленной мобилизации Александр снова попал в Белую армию, правда, вскоре ему опять удалось бежать.

Шаргей поселился в украинском городке Смела. В 1920 году перебрался в местечко Малая Виска, но жил в постоянной тревоге. В любой момент его могли арестовать как бывшего белогвардейца.

Родственники советовали Александру Игнатьевичу изменить имя и фамилию. В это время в Киеве умер от туберкулеза совершенно незнакомый ему человек – Георгий Васильевич Кондратюк. Друзья сумели достать метрическое свидетельство покойного и переслали его в Малую Виску. Шаргей исправил имя Георгий на Юрий и весной 1920 года превратился в Юрия Васильевича Кондратюка, родившегося в городе Луцке в 1900 году. Под этим новым именем Шаргей и вошел в историю мировой космонавтики.

У новоявленного Кондратюка уже лежал на столе труд о космонавтике с замечательным названием «Тем, кто будет читать, чтобы строить». Работа пестрела математическими формулами и расчетами. Надо было обладать удивительным талантом, чтобы самоучкой овладеть сложным математическим аппаратом и тонкостями механики. В этом труде Юрий Кондратюк на десятилетия предугадал развитие мировой космонавтики. Он дал схему «челнока» – крылатого космического корабля, предсказал, что при первом полете на Луну экипаж будет состоять из трех человек, двое из них опустятся на лунную поверхность, а третий останется ждать в корабле на орбите Луны. Так и случилось!

А жить он продолжал в тревоге. И однажды, измучившись, решил покинуть Россию и нелегально перебраться через кордон в Германию. Его задержали на подходе к польской границе и этапом отправили назад.

О своих космических трудах Кондратюк никому не говорил, но теперь решил показать их ученым и отослал в Москву. Они попали к известному ученому-аэродинамику В.П. Ветчинкину, который рекомендовал опубликовать их.

Между тем техническая мысль Кондратюка не знала покоя. В Сибири и на Алтае по его проектам были построены огромные зернохранилища. Одно из них, получившее название «Мастодонт», было самым большим в мире деревянным сооружением. В Новосибирске зимой 1929 года вышла в свет его книга «Завоевание межпланетных

пространств». Книга была издана на средства автора тиражом две тысячи экземпляров. Именно из нее американцы и узнали, как надо лететь к Луне!

Но вскоре Юрия Васильевича арестовали как вредителя. Его приговорили к трем годам лагерей. Однако решение «суда» было пересмотрено, лагерь заменили ссылкой и работой в проектно-конструкторском бюро ОГПУ.

Находясь в заключении, Кондратюк узнал, что в Москве объявлен конкурс на лучший проект мощной ветроэлектрической станции. Инициатором конкурса был нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе. Юрий Васильевич за два месяца разработал проект. Он был одобрен, а Кондратюк при содействии Орджоникидзе обрел свободу. Его башню высотой 165 метров с двумя огромными пропеллерами планировалось построить в Крыму на горе Ай-Петри.

В один из приездов Кондратюка в Москву, в 1933 году, произошло важное событие – он встретился с С.П. Королевым, будущим Главным конструктором космических кораблей.

А вот гигантская ветроэлектрическая станция фактически осталась на бумаге. Помешала ее сооружению смерть Орджоникидзе в феврале 1937 года. Но Кондратюк еще несколько лет продолжал заниматься ветроэнергетикой. Война застала его в Москве, где он вступил в народное ополчение.

3 октября 1941 года считается днем гибели Кондратюка в бою. Но после войны, при изучении фашистских архивов, обнаружились документы, якобы свидетельствующие о работе Ю.В. Кондратюка у немецкого ракетчика Вернера фон Брауна на ракетной базе в Пенемюнде. Значит, Кондратюк не погиб, а попал в плен? Ответ на вопрос затрудняется тем, что будто бы у Кондратюка объявился двойник, правда, оказавшийся профаном в космонавтике. Как бы то ни было, этот факт биографии гениального самоучки, если даже он действительно имел место, не должен затуманить облик человека, прославившего вместе с другими нашими учеными русскую космическую мысль.

Машина времени – утраченное открытие *20 По материалам С. Нафферта.*

Иван Большаков, молодой рабочий воронежского завода имени Коминтерна, весною 1941 года изобрел транспортер совершенно новой конструкции.

Имея всего лишь начальное образование, Иван проявлял исключительный интерес к технике и постоянно пытался усовершенствовать все, с чем ему доводилось сталкиваться.

На счету Большакова уже было несколько полезных усовершенствований, к нему присматривались, руководство завода настойчиво советовало идти на рабфак, но Иван не торопился, хотя и понимал необходимость учебы. Жена и годовалый ребенок требовали средств, а какие средства у рабфаковца?

Транспортер Большаков поначалу думал сделать магнитный. Обычная лента, приводимая в движение механической силой, казалась ему нелепостью и анахронизмом в век электричества. Коэффициент полезного действия имевшихся транспортеров едва ли больше десяти процентов, а

порою скатывался и к одному. Ну а если вместо ленты, валиков, ремней применить магнитное поле? Тогда энергия будет расходоваться только на перемещение детали, не станет шума и пыли, экономятся материалы, идущие на сооружения транспортеров. А еще – станет красивее! Детали бесшумно перемещаются по цеху, чистота, культура! Стремление к чистоте и культуре у живущего в рабочем бараке Большакова былонепреодолимым.

В деле изобретательском, как и в иных делах, порой случается: шел в комнату, попал в другую. Подобное вышло и с транспортером Большакова. Создать равномерное магнитное поле простыми средствами не удавалось никак. Тогда он решил применить магнитную пушку: с одного рабочего места на другое детали не плыли, а перелетали, выпущенные из магнитной катапульты, и попадали в магнитный же гамак-амортизатор в месте доставки.

В 1930—1940-х годах развивалось движение рабочих-изобретателей

Работал Большаков в экспериментальной мастерской завода, разумеется, после смены. И однажды, раз за разом меняя конструкцию магнитной катапульты, Большаков получил результат, превосходящий самые смелые ожидания. Деталь от «катапульты» к «гамаку» стала перемещаться мгновенно!

Разумеется, Большаков знал, что скорость распространения электромагнитных волн очень велика, но то, что скорость эта сообщится детали, представлялось невероятным. Действительно, на разгон предмета до скорости света уходило бы столько энергии, сколько ее не

вырабатывали все электростанции Советского Союза. А здесь расход электричества был не больше, чем при горении сорокасвечевой лампочки.

Он попытался сфотографировать объект в момент перемещения. Ничего не вышло, но случайно во время съемок экран (лист белой бумаги, на фоне которого Большаков производил съемку) оказался на пути детали. И… деталь переместилась, а экран остался неповрежденным. Повторив опыт в разных условиях, Иван Большаков пришел к выводу, что деталь перемещается: а) мгновенно и б) в волновом виде. Зная о физике лишь из школьных пособий и научно-популярных брошюр, он сумел сделать заключение, что в его «катапульте» происходит преобразование вещества в электромагнитные колебания, а в «гамаке» – обратная трансформация.

Большаков, похоже, и не догадывался, что сделал открытие мирового значения. Он думал, что этот эффект – переход вещества в поле и обратно – известен «большой физике», а на заводе не применяется вследствие разрыва между передовой наукой и практикой.

Отладив прототип нового транспортера, Большаков продемонстрировал его заводским инженерам. Транспортер был встречен довольно прохладно. Чтобы это понять, нужно представить себе обстановку, царившую на оборонных заводах в то время. Работа велась в две смены, без выходных дней, жесткий и чрезвычайно напряженный график требовал полной отдачи и людей, и механизмов. Транспортер же Большакова не обещал ни качественного роста производительности труда, ни улучшения характеристик выпускаемой продукции. А продукцией Воронежского завода им. Коминтерна были реактивные минометы, впоследствии известные как легендарные «катюши». И без того сроки срывались, так что обстановка не располагала внедрять никем не одобренные, не прошедшие испытание нововведения. Если бы «транспортерами Большакова» начали заменять существующие, вполне надежные и приемлемые, это неизбежно привело бы к задержкам. А если бы транспортеры себя не оправдали? Вредительство! С другой стороны, давать отрицательный отзыв эксперименту тоже было чревато – в будущем подобное могло обернуться обвинением в сознательном торможении прогресса. Опять вредительство! А вредительство в предвоенные годы сулило приговор строгий и скорый.

Поэтому «транспортеру Большакова» (как и другим великим и безвестным изобретениям) предстояло пройти испытание волокитой. О нем отозвались как о любопытном предложении, но потребовали оформить соответствующим образом документы, предоставить теоретическое обоснование принципов работы, чертежи и т.д.

А в теоретическом обосновании, как и в черчении, Большаков был не силен. То есть начертить рабочую схему для себя или для другого мастера он мог, но исполнить красивый, безукоризненный чертеж – нет. У него и кульмана-то не было.

Правда, выход из ситуации все же имелся: взять в соавторы дипломированного специалиста. Но тут Большакову не повезло. Инженер Людвиг Герстнер, который и прежде неоднократно помогал Большакову, попал под репрессии. Получалось, что Иван, вольно или невольно, был связан с врагом народа, а потому и сам он стал фигурой нежелательной. Остальные инженеры шарахались от него, как от зачумленного.

К тому же с Иваном случилась странная болезнь. Руки, лицо и частично тело покрылись незаживающими язвами, стали выпадать волосы, появилась лихорадка, общая слабость, утомляемость. Первоначальный диагноз дурной болезни отвергли, реакция Вассермана спасла репутацию, но определить причину страданий воронежские медики не могли. Наконец известный дерматолог доктор Майзель заподозрил лучевую природу язв – они выглядели чрезвычайно схожими с язвами, полученными при мощном и длительном рентгеновском облучении. Правда, Иван Большаков с рентгеновскими установками не контактировал, но картина поражения кожи была весьма характерной. При соответствующей терапии язвы стали заживать, но очень, очень медленно.

22 июня началась война. Продолжительность рабочего дня увеличилась, времени для побочных исследований не оставалось. Все-таки Большакову удалось провести пробы на рентгеновское излучение. Выяснилось, что его источником были не «катапульта» и не «гамак», а кусок стали, выполнявший роль детали, объекта перемещения. Кусок этот, массой около килограмма, засвечивал покрытую специальной эмульсией пленку, находящуюся в плотном конверте черной светонепроницаемой бумаги. Следовательно, решил Иван, в процессе преобразования вещества в поле и обратно предмет приобретает свойства радиоактивности. Открытие означало, что применять подобный транспортер на производстве невозможно, и Большаков решил отложить работу над магнитным транспортером до более спокойных времен. Установку вскоре разобрали – в обмотках электромагнитов было несколько килограммов ценнейшей меди, которая требовалась для иных целей. Война поглощала все ресурсы.

А обстановка на фронте летом 1942 года складывалась весьмаскверно.

В ходе операции «Блау» группировка, в которую входили немецкие и венгерские войска, 6 июля захватила Воронеж. Часть промышленных предприятий удалось эвакуировать, часть – взорвать, но и оставшиеся чрезвычайно интересовали германское руководство: к примеру, завод синтетического каучука, необходимого для немецкой военной промышленности, или завод Коминтерна, выпускающий «катюши». Была предпринята попытка восстановить производство, для чего применяли политику кнута и пряника. Воронежцев призывали вернуться на заводы, обещая тем, кто будет работать на благо великой Германии, сытую и довольную жизнь, саботажников же и уклоняющихся ждала виселица.

Большая часть специалистов была эвакуирована вместе с заводами на Урал и далее, но места в поездах хватило не всем – с эвакуацией тянули до последнего часа.

Остался в Воронеже и Иван Большаков. Вследствие напряженной работы и ухудшившегося питания у него опять открылись язвы на руках, и, как неработоспособный, он не был включен в списки подлежащих первоочередной эвакуации.

К удивлению Большакова, вскоре его навестил Петр Б., один из немногих, кто стал активно сотрудничать с оккупантами. Он предложил Большакову вернуться на завод и, более того, вновь собрать «магнитный транспортер», который, по словам Петра Б., весьма заинтересовал немцев. Отказ от предложения был чреват репрессиями не только в отношении

Большакова, но и членов его семьи.

Иван вышел на работу, но установку собирать не торопился, отговариваясь болезнью и отсутствием материалов, хотя бы той же медной проволоки. Руки Ивана являли собой весьма убедительное свидетельство нетрудоспособности, с материалами тоже было не просто, потому особенно на Большакова не нажимали. В знак доброй воли Большаков изготовил для германского представителя подарок – пресс-папье с нацистской символикой. Сделанное очень искусно, оно являло собой еще и символ покорности русского народа, и потому Курт Винклер, назначенный ответственным за восстановление завода, держал его у себя на столе и с удовлетворением показывал посетителям: мол, если найти подход, от русских можно получить пользу.

Впрочем, особенно большой пользы не получилось – советские войска удержали за собой левый берег Воронежа и оттуда подвергали город непрерывному обстрелу, так что восстановление промышленных предприятий было сорвано.

От переживаний или от других причин Курт Винклер заболел экземой, лицо и руки его покрылись гноящимися язвенными высыпаниями, что привело к заражению крови и смерти.

Возможно, что в результате переброски происходило частичное превращение обычного железа в изотоп с атомным весом 55, который является источником излучения, близкого к рентгеновскому. Объект и сделанное из него пресс-папье и вызвало лучевое поражение кожи как у Большакова, так и у Винклера.

Был ли «транспортер Большакова» первым действующим искусственным телепорталом? Трудно ответить на этот вопрос, не имея перед собою прототипа. 25 января 1943 года в результате упорных кровопролитных боев советские войска полностью освободили Воронеж. К сожалению, Иван Большаков к тому времени уже был вывезен в Германию, и след его затерялся…

Когда исчезают следы, или Где прячется российский снежный человек

Тема снежного человека в российской литературе описана бесчисленное множество страниц. Мы не хотим повторять десятки гипотез, а выскажем одну весьма правдоподобную версию (ее пропагандирует гоминолог Д. Виноградова).

Где же он, наш герой, слывший у разных народов под множеством имен, как ныне действующих, так и архаичных – из области мифологии? Почему встречи с ним всегда случайны и неожиданны? И никогда не бывают преднамеренными? Где его дом, его крепость?

Представим себе, что скалистый берег реки, где нередко обрывается цепочка следов, по которым идут исследователи, содержит некоторое количество… пустот карстового происхождения. Гипс или меловые породы эти существа могут легко процарапать, ведь ногти у них, по словам близко наблюдавшего их канадца Альберта Остмена, как долото. (В народных сказаниях – железные когти.) Процарапать себе ходы и выходы, обустроить свои «хаты» – по аналогии с бобровыми, – чтобы жить комфортабельно рядом с себе подобными, не представит им особого труда.

В старину – давным-давно, когда весь Москов был горсткой хат внутри дубовой ограды-кремля, может быть, тогда, когда был он еще Дубовградом, в дремучем бору, за Боровицкими воротами, ведущими в тот бор, был овраг, который, если верить тогдашнему люду, черти прорыли. Эта

местность – Черторыльская – стала улицей под тем же названием.

В старину, в ту седую старину, когда людей было намного меньше, а глухомани и зверья намного больше, ночью или в сумерках мог человек приметить в реке их бобровые шкуры. И, конечно, не единожды, а много раз – иначе не сложилось бы присловье, не образовалась бы пословица, записанная Далем: «Все черти равны, все те же бобры». То есть, говоря языком ученых XXI века: черти – это млекопитающие, имеющие равную для всех бурого цвета шкуру; ведущие полуводный образ жизни по типу бобров.

Но наш далекий пращур сказал емче, сильней, красочней.

Шесть коротеньких слов: все черти равны – все те же бобры, а как много они сказали! И как иначе можно понять эту переданную нам из прошлого депешу, кроме как указания напрямую, без обиняков, на место обитания искомого примата? Известно, что каждое присловье, каждая пословица и поговорка имеют свое материальное, конкретное происхождение. Источник происхождения данной пословицы, думается, можно объяснить только однозначно – указанием на место обитания примата, сравнивания его с бобрами.

Наука о пословицах – паремиология (от греческого паремия, то есть изречение) – сложилась, как утверждают специалисты, в точную научную дисциплину. Русские народные пословицы, объясняют филологи, к XVII веку уже были сложены, историки же добавляют, что они с тем же успехом могут быть использованы в качестве исторического источника, как и документы.

Изображение фантастического существа на русском лубке XVIII в.

Следы таинственного существа, которые неоднократно видели исследователи, доходили до берега реки и тут исчезали. Куда делся тот,

кто их отпечатал? Для ответа на этот вопрос сведем в очной ставке век семнадцатый с веком двадцатым.

Именно паремиология – фактологическая фольклористика – даетответ.

Но сначала заглянем в книгу о карсте известного географа и карстоведа Н.А. Гвоздецкого, на страницы, где русская равнина описана как крупная карстовая страна, в которой исчезают реки, продолжая свой путь в виде подземного потока. Страна с колодцеобразными провалами, с болотами и бездонными омутами. «Крупнейшей карстовой областью Русской равнины является Московско-Двинская. Она соответствует огромной по площади Московской синеклизе» – вогнутой платформенной структуре. «На севере открыты большие гипсовые пещеры протяженностью до 5—12 км».

Наложим на эту подземную географию наземные встречи с таинственным приматом. На богато закарстованной территории Приуралья, недалеко от знаменитой Кунгурской пещеры, ночью произошла встреча А. Катаева с двумя существами, «танцующими» при лунном свете на берегу реки.

Несколько человек в начале 1940-х годов, во время Великой Отечественной войны, наблюдали – пишет читатель в журнал «Турист», – как двое черных «людей», издав вибрирующий звук вроде раскатистого хохота (белые зубы ярко сверкнули на черном фоне), не то присели, не то погрузились в болото.

Страна с болотами и бездонными омутами – читаем мы в книге карстоведа. – Бездонными. Нету дна у провалов, наполненных водой. Вода уходит вглубь, вниз, в преисподнюю. В карстовую страну, в пещеры, где карстоведы и спелеологи находили скелеты первобытных людей.

Но вернемся к сборнику пословиц Владимира Даля и прочтем подряд, ничего не пропуская, все пословицы на 977 страницах. Выпишем из них те, которые касаются нашего подопечного. Выбранные пословицы расставим по столбикам, объединив по темам – внешность, повадки, ум, хитрость, физическая сила, рост, отношение к человеческому детенышу и др. И попробуем сопоставить век семнадцатый с веком двадцатым. Семнадцатый век ставим потому, что к тому времени пословицы закончили свое сложение, а в двадцатом наши искатели собрали множество информации, каждую из которой можно проиллюстрировать пословицей – итогом житейского опыта.

Но что особенно интересно, самую большую группу пословиц составляют те изречения, выработанные крестьянством за тысячи лет наблюдений, которые отвечают на поставленный вопрос: где же он? Эти изречения – эссенция народной мудрости – указывают на ворота в его убежище, на вход в его дом, на водяную преграду в его жилище: «Вольно черту в своем болоте орать», «Правит, как черт болотом», «Водяной в омуте сидит», «В воде черти, в земле черви, в Крыму татары, в Москве – бояре, куда уйдешь?» и тому подобное, как считалось, темное, невежественное, суеверное. Как трудно понимать и как легко глумиться! Но не на глум, а на ум ковал народ свои паремии. Обратимся к ним.

Вольному – воля, спасенному – рай, бешеному – поле, а черту –болото.

Всякий черт в своем болоте ворочай.

Не ходи при болоте – черт уши обколотит.
Вертит, как черт в пучине.
Вольно черту в своем болоте орать.
Правит, как черт болотом.
Гнилого болота и черт боится.
В тихом омуте черти водятся.
Домовой тешится, леший заводит, а водяной – топит.
Водяной пошутит – утопит.
Мутит, как водяной под мельницей.
Не все то русалка, что в воду ныряет.
Все черти в воду, и пузырья вверх.
Работа не черт – в реку не убежит.
Все черти равны, все те же бобры.
Верь бороде, а порука в воде (водяной).
Ввели в грех, как бес в болото.
Навели на беду, как бес на болото.
Было бы болото, а черти будут.
Вертит, как черт в омуте.
В доме ворочает, как лукавый в болоте.
Девка ходит, как русалка (нечесаная).
В воде черти, в земле черви, в Крыму татары, в Москве бояре, в лесу сучки, в городе крючки – куда уйти?
Водяной в омуте сидит.
У черта на кулижках (кулига – заводь, образованная изгибом реки).
Все черти одной шерсти.
Полы да черти одной шерсти.
С остроголовым не шути (с чертом) – перетянет.
Как черт в поршнях.
Страшен черт, да милостив бог.
Не бойся смертей, бойся чертей.
Хорош перед чертом, как куколка.
Все люди как люди, один черт в колпаке.
Во что черт не нарядится, а бесом глядит.
Бур черт, сер черт, а все один бес.
Тот же черт (шут), да в иной шерсти.
Тот же шут, да в красной шапке.
От черта отстал, а к людям не пристал.
Есть и на черта гром.
Бегает от дома, будто черт от грома.
Связался, как черт с младенцем.
Купил дом и с домовым. Дом домом, а домовой даром.
Из пустой хоромины либо сыч, либо сова, либо сам сатана.
Бес всех умнее, а люди не хвалят.
Бес всех умнее, а злой дух.
Бес около ходит, да на грех наводит.
Силен черт, да воли нет.
Много в черте (у лихого) силы, да воли ему нет.
Храбер, силен, а все с лешим не справиться.

Домовой пошутил: лошадь в подворотню протащил.
Не шути с чертом: из дубинки выпалит, убьет.
Леший пошутит – домой не пустит.
Шутил бы черт с бесом, водяной с лешим.
Шутить бы черту со своим братом.
Чем черт не шутит.
Был бы лес, а леший будет.
Лес лесом, а бес бесом.
Люди дорогой, а бес стороной (целиком).
Вертит, как леший в уйме (дремучем, огромном лесу).
Вертит, как домовой на конюшне.
Над черепками над угольями в межевых ямах домовой с лешим сходятся (утопленника на меже хоронят. Межи да грани – ссоры да брани).
На межах да на распутьях нечистая сила.
Идет поп дорогою, а черт поперек.
Толчитесь, бесы, да не в нашем лесе.
Кричит, как леший.
Кричит, как леший, как леший перовский зовет куликовского в гости к родительской.
С лешего вырос, а ума не вынес.
Перегоняет с места на место, как леший зверя.
Аминем от беса не отбудешь.

Еще раз о паремиологии – области коротких сообщений, в которых отброшено все, кроме заостренной сути. А.Н. Афанасьев писал, что пословицы по самой форме своей не подвержены искажению и потому являются памятником издавна сложившихся воззрений. Наши отечественные паремиологи пишут, что пословицы являются главным источником мудрости предков, хранителями памяти и орудием передачи человеческого опыта. И в нашем тяжелом случае, в случае новорожденной науки – гоминологии, слабой, бесправной, путающейся под ногами у взрослых наук, – паремиология среди других фольклорных подспорьев представляется наиболее надежной.

В сборнике пословиц Даля читаем: «Есть и на черта гром», «Бегает от дома, как черт от грома». Ставим рядом строчки из книги Э.М. Померанцевой о низшей мифологии, где собраны воедино сообщения многих этнографов о том, что черта, мол, можно увидеть в грозу, так как он бегает, боясь непонятного шума. И как иллюстрацию добавляем рассказ (из сборника гоминологов, то есть тех же этнографов, но со своей нацеленностью) о том, как в Омской области у горного озера (горы в подвальном этаже могли содержать карстовые пустоты) в лесную избушку во время сильной грозы забежал знакомой внешности «человек», увидел людей, дико завизжал и кинулся вон. На Северном Кавказе нам рассказали про алмасты, пришедшем во время грозы под навес конюшни.

Продолжим сопоставления. Не соглашаясь с церковниками, русский мужик заявил: «Аминем от беса не отбудешь», то есть бес – это не духовное, а зоологическое явление, которое аминей и прочих религиозных слов не понимает.

Рост взрослой особи уже хорошо известен и по описанию свидетелей, и по измерениям с кинопленки Паттерсона. Недавний

свидетель сказал: «Он сидел, а будто сидела лошадь» (из сообщения Ж. Кофман). Сравним с поговоркой: «Сидит, как черт на пеньке» и «С лешего вырос, а ума не вынес».

Читаем у Даля пословицу: «Гоняет, как леший зверя» и вспоминаем маньчжура-охотника, у которого в фанзе жил тот самый зверь-человек. По ночам это существо уходило вместе с волками на охоту. О его работе по совместительству с волчьей стаей есть немало фольклорных указаний.

О крике алмасты краеведу из Кисловодска Ф. Чернышеву рассказывали чабаны: «Рев алмасты – могучий, как рев паровоза. Он как кашель, переходящий не то в стон, не то в мычание». Пастухи-киргизы сказали, что крик его очень громкий и разносится по всем горам. Из сообщения Забирова: «…в первую же ночь они услышали такой сильный крик, что от испуга скончался один из охотников». «По рассказам, крик этого существа слышан за 30 км, а на близком расстоянии от крика голова человека втыкается в землю». Ю. Визбор рассказывал, что, услышав в горах подобный крик, он и его товарищи перенесли палатку в другое место – им стало страшно. А пословица говорит и шутя и всерьез: «Кричит, как леший, как леший перовский зовет куликовского в гости к родительской».

Расшифруем это сжатое изречение. Дни поминовения родителей – это дни окончания весны: после Пасхи и на Троицу. Те дни, когда природа возобновляет жизнь, и ему, вымирающему, чтобы воспроизвести жизнь, продлить себя, надо особенно громко кричать, чтобы нашлась подруга. Так громко, чтобы из Подмосковья (Перово сейчас Москва) было слышно на Дону, на поле Куликовом, шутил, преувеличивая, крестьянин. Но ясно, что и в те времена – во времена создания пословицы, наши искомые существа были редко расселены.

Народные сказки в отличие от фактологической пословицы никак не назовешь точной информацией. Но и они указывают на подземное жилище искомого примата. Нечистый в сказках иногда затаскивал человека к себе в преисподнюю через земляной провал: земля расступится и сразу же заступится, по волшебству, конечно. (В Молдавии и сейчас бытует поговорка: выскочил, как черт из-под земли.)

Но чаще нечистая сила уносила человека в водоем. Это прочное народное поверье записано в этнографических трудах.

Сопоставим выдержки из некоторых книг.

С.В. Максимов. «Нечистая сила. Неведомая сила»: «Водяной уносит в свои подземные комнаты на безвозвратное житье всех, кто вздумает летней порой купаться в реках и озерах после солнечного заката, или в самый полдень, или в самую полночь». (Современные гоминологи утверждают: искомый примат имеет период дневной биологической активности. По народным поверьям – это так называемая полудница.)

Его же: «…живет образ русалок зауряд с дедушкой водяным вроде «шутовок» и «берегинь» – лешачих лесной России – растрепы и нечесы – уродливая нечисть вроде длинноволосой шишиги… На десятой недели по святой Пасхе, сохранившей древнее народное название «русальской», ни одна девушка пойти в лес порознь, без товарок не решится из боязни «злых русалок». На это время они переселяются в леса из речных и озерных омутов».

«И еще из Максимова: «С Троицына дня русалки оставляют воды и живут в лесах на деревьях».

Теперь Э.В. Померанцева, «Мифологические персонажи в русском фольклоре»: «Наряду с названием «русалка» в народе живут и другие: купалка, водяница, лоскотуха, мавка и т.д. У северных великорусов это чаще всего косматые безобразные женщины с большими отвисшими грудями».

П.И. Мельников (Печерский). «В лесах»: «…пойдет сквозь землю и спит мертвым сном с сентября до апреля и водяник, и болотняник, и бесовские красавицы болот и омутов».

Д.Ю. Баянов в книге «Леший по прозвищу Обезьяна» ссылается на О.А. Черепанову, О. Муродова и И.Н. Смирнова в следующих цитатах:

«В общерусских, а особенно северных мифологических представлениях вода является основным местом обитания черта».

«Водяной – человекообразное, смертное существо. Вопрос о том, как человек живет в воде, пермяки разрешают одинаковым с вотяками образом: водяные обладают какой-то тайной…»

Сказочного героя нечистая сила уносила в озеро, реку, морскую глубину – в воду. Распространенный сюжет: русалка заманивает человека в воду. И неслучайно пушкинский Балда за оброком к чертям уверенно отправился к морю: Пушкин использовал сюжеты многих русских сказок. Вспомним ссору двух стариков. Стрижено! Нет, брито. Стрижено! Брито! Рассердила старика его несговорчивая старуха, и сбросил он ее в реку. Но оттуда, из реки, вылез черт и стал умолять забрать ее, скандалистку, обратно. Или, приходит на память другой хорошо известный сюжет. Уронил мужик топор в реку, а черт, чтоб испытать его на жадность, вынес ему из воды топор, да не простой, а золотой. Хорошо знал пушкинский Балда, где искать чертей. Неслучайно также возникла пушкинская фраза о богатырях, выходящих из воды. И «леший бродит», и «русалка на ветвях сидит» – это снова сведения про него, реликтового гоминоида, взятые у народа. И они, так же как «буян широкоплечий», – точная информация и, как всегда у Пушкина, компактная, как говорили, сбойливая. Мало слов – много сведений. Каждое из кратких пушкинских определений можно расширить, черпая сведения из этнографической литературы. Но сейчас вспомним лишь следующие строчки из пушкинской «Истории села Горюхина»: «…к востоку примыкает она к диким необитаемым местам, к непроходимому болоту, где произрастает одна клюква, где раздается лишь однообразное кваканье лягушек и где суеверное предание предполагает быть обиталищу некоего беса… Сие болото и называется БЕСОВСКИМ (выделено мною. – *Д.В.*). Рассказывают, будто одна полоумная пастушка стерегла стадо свиней недалече от сего уединенного места. Она сделалась беременною и никак не могла удовлетворительно объяснить сего случая. Глас народный обвинил болотного беса…»

Глас народный, и не одного народа, а многих, давно и долго, утверждает подобное. Сошлемся на авторитет англичанина Дж.Дж. Фрезера, на его утверждение о том, что существовал какой-то предтеча целого куста сказок многих народов с однотипным сюжетом: из воды выходит чудовище, и ему в жертву или в жены отдают женщину.

Они, эти сказки, читаем в книге Фрезера, отражают старинный обычай отдавать девушек и женщин в жены водным духам. Этнографы, путешественники, историки, пишет Фрезер, дают множество подтверждающих сведений. Вот некоторые из них.

«Сверхъестественное существо, за которое выдают замуж женщин, часто является водным богом, или духом. Так, девственниц выдавали замуж за Мукасу, бога озера Виктория-Ньянса, которого люди баганда умилостивляли всякий раз, прежде чем предпринять длительное путешествие» (Восточная Африка).

«Сообщают, что такой же обычай соблюдался на Мальдивских островах (архипелаг коралловых островов в Индийском океане)… Знаменитый арабский путешественник Ибн Баттута описал этот обычай… Жителям острова каждый месяц являлся злой дух (джинн), который приходил со стороны моря… Как только жители его видели, они бросались на поиски юной девушки, чтобы, украсив ее, привести в языческий храм, который стоял на берегу окнами к морю. В нем девушку оставляли на ночь, а когда возвращались туда утром, находили ее мертвой и не девственной».

«В Фивах (Египет) в храме Аммона в качестве супруги бога спала женщина… Согласно поверью египтян их монархи были прямыми потомками бога…»

Как видим, божественное зачатие (а потому непорочное) существовало в представлении человечества задолго до времен единобожия.

Не будем даже пытаться погружаться в пучину истории религии (еще блаженный Августин приравнивал неверие в дьявола к неверию в бога). Отметим лишь, что представление о богочеловеке, рожденном от бога и смертного, существовало у человечества с незапамятных времен. Маги, колдуны, затем жрецы и, наконец, цари, по преданиям, – богочеловеки. В ранних формах царской власти, пишет Дж. Фрезер, в диком и варварском обществе вожди и цари были не просто сильны физически, но и обладали репутацией магов. Уже в Древней Греции вожди и цари – божественны, то есть, говоря современным языком, обладатели паранормальных свойств.

Давняя история взаимоотношений палеоантропа, зверочеловека, дикого человека и того, кого мы называем гомо сапиенс, эхом откликнулась для нас в сказках с одинаковым сюжетом: из воды выходит чудовище и похищает женщину.

Одну из куста подобных сказок, поэтичную, как все у Андерсена, хочется вспомнить. Сказка называется «Дочь болотного царя».

Посреди болота – озерцо, омут. Посреди болотного омута как бы старый пень, на котором оказалась принцесса египетская. Но не пень то был, а сам болотный царь. Протянул он к ней руки все в зеленой тине, и сгинула принцесса в болоте, попав в его владения. Прошло сколько-то времени, и появилась над водой крошечная девочка – дочь от их брака.

Из целого куста сказок с однотипным сюжетом вспомним еще одну – марийскую, из очень отдаленного от Дании места, с лесной реки Ветлуги – притока Волги. Так, по преданию, появился в прибрежных болотах злой дух. В ночь, когда нарождается новая луна, он налетал на села и уносил в свое болотное царство девушек. Никто не мог помешать ему – злодея

нельзя было увидеть.

Эта марийская народная сказка – продукт литературного творчества сотен людей.

Но вот поворот назад: от современности к сказке.

Участник семинара по реликтовому гоминоиду, Г.М. Хаванов весной 1967 года путешествовал там же – на берегах лесной реки Ветлуги. Он сообщил, что места между реками Ветлуга и Керженец имеют очень низкую плотность населения, что в них есть жертвенные рощи, что сохранились языческие обряды и есть места, куда люди не ходят, так как там, по слухам, живет леший.

В сказках, собранных Афанасьевым, нечистый уносит человека на берег озера, моря, реки – водоема. Герой оказывается в подводном царстве и наконец в каменных палатах, где сидит на троне сам сатана. Жилье водяного царя – это обязательно каменные палаты, и они богато изукрашены. Может быть, какой-либо гость их или пленник, которому удалось вернуться на белый свет, рассказал о красотах карстовых пещер? Спелеологи, прожившие долгие дни под землей, пишут о смещении там чувства времени. То же упорно повторяется из сказки в сказку в сборнике Афанасьева: герой прожил во владениях сатаны год, а думал – один день. Три года пропадал, а казалось ему – три дня.

Не только в сказках, но и в летописных записях можно угадать искомое существо. Согласно летописи, славяне приносили пищу не идолам, а обитавшим у берегов Днепра «берегиням», или, по-тюркски, «упырям».

Все то же существо проглядывает в идоле Чернобога, который изображался в виде зверя. Есть утверждения – древние славяне называли дьявола Чернобогом. В летописи XI века сказано, что старинные волхвы были убеждены, что «два суть бози, един небесный, другой во аде». А на Украине, пишет далее Афанасьев, в его время еще жила клятва: «Щоб тебе чорный бог убыв!»

Не в старинной сказке, а в нынешней были, в конце двадцатого века, на болотистой земле Западной Сибири члены экспедиции, организованной газетой «Комсомольская правда», шли вдоль цепочки следов двуногого босого существа. Следы довели до реки и тут исчезли.

Следы исчезли у берега реки, но осталось множество следов в языке, в культуре многих народов, сопоставление которых с работой современных изыскателей подсказывает: ОСНОВНОЕ МЕСТО УКРЫТИЯ ПРИМАТА – КАРСТОВЫЕ ПОДЗЕМНЫЕ ПОЛОСТИ, вход и выход из них на земную поверхность чаще всего – через водную преграду: болотные омуты, реки и озера.

Часть третья.
Капризы клио
Драма в Угличе [22] *По материалам В. Кобрина.*

15 мая 1591 года в Угличе погиб при загадочных обстоятельствах царевич Дмитрий. Это случилось через семь лет после смерти его отца Ивана IV. Вступивший на престол царь Федор Иванович был человеком недалеким, почти слабоумным, и потому, умирая, Иван Грозный учредил нечто вроде регентского совета при своем глуповатом наследнике. Один из членов совета, шурин Федора Борис Годунов, вскоре стал единоличным правителем Русского государства.

После смерти отца полуторагодовалого Дмитрия отправили вместе с матерью – Марией Федоровной Нагой – в Углич.

Что же произошло 15 мая 1591 года? В тот день царевич, играя во дворе, внезапно упал на землю с ножевой раной в горле и тут же скончался. Мать Дмитрия и ее родственники обвинили в убийстве находившихся в Угличе московских служилых людей, которых тут же прикончили сбежавшиеся горожане. Через несколько дней прибыла из Москвы следственная комиссия. Она пришла к выводу, что царевич играл ножом и в припадке эпилепсии сам на него накололся. Наконец, выступивший претендентом на русский трон в 1602—1605 годах, а потом недолго пробывший царем (1605—1606 гг.) молодой человек утверждал, что он и есть Дмитрий, спасшийся чудом от убийц.

Итак, три взаимоисключающие версии остались нам от тех далеких дней: погиб в результате несчастного случая; убит по наущению Бориса Годунова; пытались убить, но спасся.

Несчастный случай?

Основа этой версии – следственное дело, составленное комиссией в Угличе. Судя по нему, произошло следующее.

Царевич давно страдал эпилепсией – падучей болезнью, «черной немочью». Первой об этом заявила следователям мамка царевича Василиса Волохова, рассказавшая, что однажды он в припадке поколол сваей – гвоздем или шипом для игры в свайку – свою мать, а в другой раз «объел руки Ондрееве дочке Нагово, одва у него Ондрееву дочь Нагово отнели»

12 мая припадок повторился. Через два дня Дмитрию «маленько стало полехче», и мать взяла его с собой в церковь. В субботу 15 мая царица опять ходила с сыном к обедне, а потом отпустила гулять во внутренний дворик дворца. С царевичем были мамка Василиса Волохова, кормилица Арина Тучкова, постельница Марья Колобова и четверо сверстников, в том числе сыновья кормилицы и постельницы. Дети играли в «тычки» – втыкали броском нож в землю, стараясь попасть как можно дальше. Во время игры царевича постиг очередной припадок.

Церковь царевича Димитрия на Крови в Угличе

Послушаем показания очевидцев и родственников царевича.

Михаил Федорович Нагой, брат царицы: «Царевича зарезали Осип Волохов, да Микита Качалов, да Данил о Битяговской».

Григорий Федорович Нагой, другой брат царицы: «И побежали на двор, ажио царевич Дмитрий лежит, чябрушился сам ножем в падучей болезни».

Василиса Волохова, мамка: «И бросило его на землю, и тут царевич сам себя ножом поколол в горло, и било его долго, да туто его и не стало».

Товарищи Дмитрия по играм: «Пришла на него болезнь, падучий недуг, и набросился на нож».

Кормилица Арина Тучкова: «И она того не уберегла, как пришла на царевича болезнь черная, а у него в те поры был нож в руках, и он ножем покололся, и она царевича взяла к себе на руки, и у нее царевича на руках и не стало».

Андрей Александрович Нагой: «Прибежал туто ж к царице, а царевич лежит у кормилицы на руках мертв, а сказывают, что его зарезали».

Дмитрий погиб вскоре после обедни, около полудня, когда весь Углич разошелся по домам. Уехал к себе из дьячьей избы Михаил Битяговский – глава угличской администрации. Разошлись «по своим подворьишкам» вслед за Битяговским его подчиненные – подьячие и «пищики» – писаря из дьячьей избы.

Братья Нагие, Михаил и Григорий Федоровичи, «поехали… к себе на подворье обедать». «В те поры сидел у ествы» Андрей Александрович Нагой. Готовились к обеду и во дворце царевича. Мимо стоявших в

передних сенях истопников слуги уже «понесли кушанье вверх». В это время прислужники, приставленные к поставцу с посудой, увидели бегущего товарища детских игр царевича – Петрушу Колобова. Он успел сказать им, что царевич погиб.

К кормилице, держащей на руках умирающего (или уже умершего) ребенка, подбежала мать – царица Мария. Все ее горе, весь ее гнев вылились на мамку – Василису Волохову. Схватив полено, она начала ее бить и «голову ей пробила во многих местах». Тогда-то и были впервые названы имена предполагаемых убийц царевича: царица «почала ей, Василисе, приговаривать, что будто се сын ее, Василисин, Осип с Михайловым сыном Битяговского да Микита Качалов царевича Дмитрея убили».

Ударили в набат. Он стал своеобразным аккомпанементом, под который разворачивались дальнейшие трагические события. Колокольный звон заставил поторопиться к дворцу все население города. Прискакал на коне уже успевший захмелеть Михаил Нагой. Явились Андрей и Григорий Нагие.

Вскоре во дворе показался и Михайло Битяговский. Там, в Угличском кремле, уже собралась большая толпа посадских людей. Многие были «с рогатинами, и с топоры, и с саблями». Слова царицы о том, что царевича убили, сделали свое дело. Битяговского к тому же в городе не любили, поскольку он был представителем московской администрации.

Михайло Битяговский поначалу пытался отвечать на обвинения – «учал разговаривать». Толпа еще больше распалилась. Тогда дьяк кинулся на колокольню, но пономарь запер вход и не пустил его туда. Вместе с дьяком спасались его помощники Данило Третьяков и Никита Качалов. Они заперлись в стоявшей посреди двора «брусяной избе». Однако толпа выломала окна и двери, выволокла спрятавшихся и убила.

Вслед за ними пришла очередь остальных жертв. Данилу Битяговского вытащили из дьячьей избы. Осипа Волохова схватили у жены Битяговского и привели к царице. Мать Осипа Василиса показывала, что «царица-де миру молыла: то-де убойца царевичу, сын ее Осип Волохов. И сына ее Осипа тут до и смерти убили».

На дворе у Битяговских все было разграблено. Жену Битяговского Авдотью с двумя дочерьми, «ободрав, нагу и простоволосую, привели к царице». Их тоже хотели убить, и только вмешательство двух настоятелей монастырей спасло их.

К вечеру все успокоилось, но трупы убитых оставались непогребенными. В церкви лежало тело царевича, и около него «безотступно» находился Андрей Александрович Нагой.

Вскоре наступило отрезвление. Было ясно, что вот-вот из Москвы нагрянет следственная комиссия. Нужно было срочно найти доказательства вины убитых. За дело взялся Михаил Нагой. По его приказу на тела Битяговских, Качалова, Волохова и других убитых (а всего погибло 14 человек) положили оружие – ножи, железную палицу, взятую в доме Битяговского… Чтобы оружие имело картинный, обагренный кровью вид, зарезали курицу и ее кровью натерли ножи. Все это было рассказано на следствии самими участниками ужасного фарса.

Вечером 19 мая в Углич приехала следственная комиссия. Ее формально возглавлял митрополит Сарский и Подонский Геласий. Секретарь комиссии дьяк Елизарий Данилович Вылузгин – выходец из старой приказной семьи. Окольничий Андрей Петрович Луп-Клешнин своей карьерой был обязан Годунову, к тому же, по сведению некоторых летописцев, его свойственник.

Особенное внимание историков всегда привлекала личность фактического главы комиссии князя Василия Ивановича Шуйского, будущего царя, отпрыска одной из самых знатных фамилий Русского государства.

В царствование Федора Ивановича Шуйские подвергались репрессиям. Погиб в тюрьме князь Иван Петрович Шуйский – герой обороны Пскова от войск польского короля, в ссылке оказался родной брат Василия Ивановича – Андрей. Впоследствии и сам Шуйский подчеркивал свои плохие отношения с Годуновым. Почему же всесильный правитель допустил, чтобы во главе комиссии, расследующей такое щекотливое дело, оказался князь Василий?

Очевидно, потому, что В.И. Шуйский не являлся врагом Бориса? Во-первых, он был даже свойственником Годунова. Во-вторых, врагу Годунова И.П. Шуйскому он приходился всего лишь пятиюродным братом, так как принадлежал к другой линии рода. Вероятно, В.И. Шуйский, политик опытный и трезвый, не ссорился с Годуновым при его жизни, а напротив – цепко держался за свояка. Легенда о вечном противоборстве Василия Шуйского и Бориса Годунова была создана самим Шуйским, когда после вступления на царский престол ему нужно было и отмежеваться от своего непопулярного предшественника, и примазаться к военной славе и мученической кончине Ивана Петровича Шуйского.

Итак, вечером 19 мая комиссия прибыла в Углич. Судя по протоколам допросов, все следствие было публичным. Воспользовавшись теплой майской погодой, допрашивали прямо во дворе кремля. Кругом толпились любопытные, что не всегда оказывалось для них безопасным: одного из таких зевак тут же опознали как человека, «который Михаила Битяговского и почал бити», и арестовали прямо на месте.

Конечно, при таком ведении следствия и фальсификация показаний, и давление на свидетелей были затруднены. Однако долгое время историки не принимали всерьез следственного дела. И виною тому был прежде всего сам Василий Иванович Шуйский. В качестве главы следственной комиссии он подтвердил: царевич закололся в эпилептическом припадке. При вступлении на престол Лжедмитрия он, признав нового царя, заявил, что не видел в Угличе тела убитого царевича. Овладев царским троном, тот же Шуйский объявил торжественно: царевич Дмитрий «заклан бысть» от «лукавого раба Бориса Годунова», и установил почитание нового святого мученика. В связи с этим дореволюционный историк Н. Костомаров писал: «Следственное дело для нас имеет значение не более, как одного из трех показаний Шуйского, и притом такого показания, которого сила была уничтожена дважды им же самим».

Подозрения в фальсификации увеличивались при анализе самого дела: листы перепутаны, нет записей допросов многих важных свидетелей. Возможно, еще члены комиссии Шуйского вырезали из него одни

показания и вклеили другие? Однако тщательное исследование, проведенное около полувека тому назад опытным архивистом К. Клейном, отвергло такого рода подозрения: просто за многие века часть листов оказалась утраченной, а часть – перепутанной.

Большое недоумение вызывало начало дела. После небольшого отрывка из допроса городового приказчика Русина Ракова следовало сообщение о прибытии комиссии в Углич и о допросе Нагого. Следователи задали ему целый комплекс вопросов: «Которым обычаем царевича Дмитрия не стало, и что ево болезнь была и для чево он велел убити Михаила Битяговского и Михайлова сына Данила и Микиту Качалова и Данила Третьякова и Осипа Волохова и посадцких людей и Михайловых людей Битяговского и Осиповых Волохова и для чево он велел во фторник собирати ножи и пищали и палицы железные и класти на убитых людей и почему прикащика Русина Ракова приводил к целованью (то есть к присяге), что ему стояти с ним за один, и против было ково им стоять?» Отрывок допроса Ракова считали случайно попавшим не на свое место, поскольку второй лист производил впечатление начала дела. «В самом начале акта мы уже замечаем подозрительную неточность: о Русине Ракове ничего не сказано, и прямо делается допрос Нагому на основании показаний Русина Ракова», – писал знаменитый русский историк XIX века С. Соловьев. Тогда задавались другим вопросом: почему уже по приезде в Углич комиссия знала не только, что царевич умер от болезни, а не убит, не только об убийстве Битяговского, но и об оружии, положенном на погибших, о присяге Ракова и т.д.? Нет ли здесь предвзятости? В. Клейн доказал: лист с допросом Ракова предшествовал допросу Нагого. Возможно, Раков встретил комиссию по дороге и доложил о трагических событиях в городе.

Убит по приказу Годунова? Трижды при разных обстоятельствах всплывала эта версия. Уже 15 мая 1591 года Нагие обвинили Годунова в смерти царевича. В умысле (хотя и неудачном) на убийство Дмитрия обвинял Годунова и Лжедмитрий. 17 мая 1606 года Лжедмитрия свергли с престола и через два дня царем «выкликнули» Василия Шуйского. Как повел себя бывший глава следственной комиссии? Первые грамоты Василия говорили, что Дмитрий «умре подлинно и погребен на Угличе», но умалчивали о причинах смерти. Однако вскоре по окраинам государства стали разноситься слухи о спасении самозванца. Появились и новые самозванцы, утверждавшие: да, убитый в Москве царь был и впрямь «вор и еретик Гришка Отрепьев», а вот он – подлинный Дмитрий. Чтобы доказать самозванство любого возможного претендента на роль Дмитрия, нашли средство – царевича объявили святым мучеником. «Мог ли рискнуть русский человек XVII века усомниться в том, что говорило «житие» царевича и что он слышал в чине службы новому чудотворцу?» – писал С. Платонов.

2 июня 1591 года «Освященный собор» и боярская дума решили: «Царевичу Дмитрию смерть учинилась Божим судом». Ровно через 15 лет, 2 июня 1606 года, в Москву торжественно въезжали мощи нового чудотворца святого великомученика Дмитрия-царевича. Ныне усилиями поколений исследователей выяснено, как постепенно, от сказания к сказанию, от повести к повести, от года к году обрастала противоречивыми подробностями версия об убийстве царевича по приказу Годунова.

Древнейший из этих памятников – так называемая Повесть 1606 года – вышла из кругов, близких к Шуйским, заинтересованных в том, чтобы представить Дмитрия жертвой властолюбия Бориса Годунова, а авторы более поздних были уже связаны в своей концепции житием царевича. Отсюда и разногласия. В одном сказании обстоятельства самого убийства вообще не описаны; в другом – убийцы нападают на царевича во дворе, открыто; в третьем – подходят к крыльцу, просят мальчика показать ожерелье и, когда он поднимает голову, колют ножом; в четвертом – злодеи прячутся под лестницей во дворце, и, пока один из них держит царевича за ноги, другой убивает.

Итак, источники, сообщающие об убийстве Дмитрия, противоречивы, основаны на официальной версии, которую нельзя было оспаривать или даже подвергать сомнению, не попав в еретики. Казалось бы, у исторической науки нет твердых оснований для обвинения Бориса Годунова в убийстве царевича Дмитрия. Однако…

И все же: убийство? Прежде всего, следственное дело, хотя и не подтасованное, – источник, ненамного более достоверный, чем сказания и летописи. Кто мешал следователям при неграмотности большинства свидетелей писать что угодно?

Очевидцами смерти царевича были мамка Василиса Волохова, постельница Марья Колобова, кормилица Арина Тучкова и четверо сверстников Дмитрия. Первая была заинтересована доказать, что царевич погиб от несчастного случая. Остаются еще две женщины и четверо детей? Неужели у всесильных Шуйского и Клешнина не было возможности запугать их и получить нужные показания?

Подозрительно еще одно обстоятельство – навязчивое повторение всеми свидетелями: «покололся ножом сам». Об этом почему-то говорят не только очевидцы, говорят со слов других людей. Но ведь все горожане тогда верили в насильственную смерть царевича и истребляли его предполагаемых убийц.

Часто утверждают, что Годунов не был заинтересован в смерти царевича, чья гибель принесла ему больше бедствий, чем мог принести живой Дмитрий. Напоминают, что сын от седьмой (или шестой) жены Ивана Грозного официально не имел права на престол, а у царя Федора Ивановича вполне мог родиться наследник и после убийства царевича. Внешне вполне логичные рассуждения. Но когда через четырнадцать лет на окраинах Русского государства появился некто, выдававший себя за сына Ивана Грозного, одно имя Дмитрия всколыхнуло огромную страну. Многие встали под его знамена, и никто не вспомнил, от какого по счету брака он родился. Между прочим, правительство Годунова еще при жизни Дмитрия, боясь его как возможного претендента на престол, старательно напоминало народу, что он не царевич, а только князь Углицкий, ибо родился от не освященного церковью брака. Английский дипломат Джильс Флетчер сообщает: «По проискам Годунова приказано не поминать Дмитрия в церквах в числе других членов царского дома, как незаконнорожденного».

У Бориса Годунова были все основания страшиться того, чтобы Дмитрий дожил до совершеннолетия. Если бы царь умер бездетным (а так оно и оказалось), сын Ивана Грозного – наиболее вероятный претендент на

престол. Во всяком случае, у него было бы больше прав, чем у Годунова и чем у крещеного татарина Симеона Бекбулатовича, которого Иван IV на один год ставил в «великие князья всея Руси».

А если бы у Федора родился сын? И тогда устранение Дмитрия принесло бы свои плоды Борису. Вряд ли сын слабоумного царя правил бы самостоятельно. Борис остался бы опекуном государя и фактическим правителем. Но для такого наследника его дядя Дмитрий был бы реальным соперником.

Между тем в Угличе подрастал ярый враг царского шурина.

Голландец Исаак Масса рассказывает: «Дмитрий нередко спрашивал, что за человек Борис Годунов, говоря при этом: «Я сам хочу ехать в Москву, хочу видеть, как там идут дела, ибо предвижу дурной конец, если будут столь доверять недостойным дворянам»».

Немецкий ландскнехт Конрад Буссов сообщает, что Дмитрий вылепил однажды несколько фигур из снега, каждой дал имя одного из бояр и стал затем отсекать им головы, ноги, протыкать насквозь, приговаривая: «С этим я поступлю так-то, когда буду царем, а с этим эдак». Первой в ряду стояла фигура, изображавшая Бориса Годунова.

Вряд ли случайно и Нагие сразу обвинили в смерти царевича именно агентов Годунова.

Но значит ли все это, что Годунов действительно подсылал убийц к царевичу, что Битяговский и Качалов перерезали ему горло? Скорее всего, нет. Каким бы прочным ни было положение Годунова, оно могло пошатнуться в любой момент. И если бы убийц схватили и допросили с пристрастием, вряд ли они стали бы молчать и не выдали вдохновителя преступления.

Да Годунову, на наш взгляд, и не надо было его совершать. Он мог избавиться от опасного мальчика значительно проще. По сведениям следственного дела, Дмитрий страдал эпилептическими припадками. Их описание соответствует клинической картине болезни. Если такому мальчику-эпилептику позволить взять в руки нож, да еще в период учащения припадков, то ждать конца недолго. Вероятно, это и сделала мамка царевича Василиса Волохова.

Историки об угличском деле «Того же лета, майя в 15 день, на память преподобного и богоноснаго отца нашего Пахомия Великаго, убиен бысть благоверный царевичь Димитрий Ивановичь, иже на Угличе, от Микитки Качалова да от Данилка Битяговского. Мнози же глаголаху, яко еже убиен бысть благоверный царевичь Углечский повелением московского болярина Бориса Годунова» («Русский Хронограф» редакции 1617 года).

…Не должны ли мы заключить, что следствие было произведено недобросовестно? Не ясно ли видно, как спешили собрать побольше свидетельств о том, что царевич зарезался сам в припадке падучей болезни, не обращая внимания на противоречия и на укрытие главных обстоятельств? (С.М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. IV, т. 7, с. 321—322).

«Борис правитель, делая свою сестру-царицу соправительницею скорбного головою царя, этим самым поражал Димитрия вернее, чем ядом и ножом: он уготовил ему политическую смерть ранее физической и в

последней не нуждался. Однако людская молва, рождаясь в умах неискусных и злобствующих на Бориса и не возвышаясь до точного разумения обстановки, создала Борису репутацию властолюбца, ради власти и царского сана способного даже на кровавое преступлением» (С.Ф. Платонов. Смутное время. Пг., 1923, с. 58).

«Любопытны, наконец, «диверсии» Михаила Нагого над убитыми, которых мазали кровью, клали на них оружие… Не служили ли эти «диверсии» Михаилу Нагому средством маскировать иные действия, отвести глаза от события важного – сокрытия в то же время истинного царевича и замены его другим младенцем – и направить следы на событие второстепенное, каковым было убийство Битяговских и других?» (И.С. Беляев. Угличское следственное дело 15 мая 1591 года.)

«Угличское следственное дело не дает нам материала для обвинения Шуйского и Бориса Годунова и уличения их в действиях по плану, заранее изготовленному. Пусть историки дадут нам такие же факты для обвинения Шуйского, какие документ следственного дела дал нам для его оправдания; тогда только мы согласимся признать его недобросовестность и желание, в угоду Годунову, скрыть «насильственную» смерть царевича Дмитрия» (В. К. Клейн. Угличское следственное дело о смерти царевича Димитрия. Т 1. М., 1913).

«Причастность Бориса Годунова к убийству царевича Дмитрия вероятна. Расчетливый правитель опасался даже Марии Владимировны, дочери Владимира Андреевича Старицкого, вокруг которого, как вокруг знамени, в любой момент могли собраться недовольные политикой Годунова» (История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2. М., 1966). Словом, во мнениях на угличское дело историки расходятся.

Русский север мог стать английской колонией *23 По материалам А. Казакова.*

Четыреста лет назад смута в России немногим отличалась от нынешней. Те же разруха, преступность, социальная нетерпимость, безвольное правительство и сепаратизм в регионах. Разве что нет сегодня внешней агрессии – и слава Богу. Впрочем, Ключевский когда-то сказал, что смутные времена отнимают у людей спокойствие и довольство, но взамен дают опыт и идеи. Возможно, опыт прошлой Смуты пригодится и нам.

Сегодня мало кто знает (кроме немногих историков, специализирующихся на русско-английских отношениях) о том, что в начале XVII века Великобритания попыталась с помощью политических интриг превратить северные регионы России фактически в свою колонию. Другими словами, у наших предков и, соответственно, у нас был шанс стать англичанами.

Архангельский порт в XVII в. С картины П. Бонавентуры Старшего

…1610 год. Истощенная междоусобицами и раздробленная Россия пядь за пядью отдается захватчикам. Новгород – шведский, Москва и Смоленск – польские. В Москве уже заключен Договор, по которому московским царем признается польский королевич Владислав. Пытаются отломить свой ломоть российского пирога и англичане. Почему о том ни слова не сказано ни у Соловьева, ни у Ключевского, ни в учебниках истории?

Прежде всего потому, что об этом стало известно сравнительно недавно. Накануне Первой мировой войны, в 1914 году, историк Инна Любименко нашла в английских архивах сенсационные документы и даже успела их опубликовать в малотиражной научной прессе. Но в пушечной канонаде и революционном угаре новость не была услышана – до исторических ли аллюзий, когда современность кроится на новый манер?

А обнаружена была – в одном из архивов Британии – копия письма английского капитана Чемберлена Тайному совету при короле Карле Первом (что-то вроде Совета безопасности). В 1616—1623 годах капитан Чемберлен участвовал в сверхсекретной миссии. Вот как он описывает события (письмо было составлено задним числом, уже в 1631 году, после Смуты, в качестве отчета, поэтому в нем упоминается предыдущий английский король Иаков): «По своем возвращении из России я представил покойной памяти королю Иакову Первому все русское государство, ежегодный коронный доход с которого достигает 8 миллионов фунтов стерлингов. Сэр Джон Меррик и сэр Уильям Руссель были посланы к дворянству этой нации, располагавшему собраться армией, и предложили от имени короля Великобритании, что Его Величество сделается их императором и покровителем, на что, в общем, они согласились с благодарностью и послали своего посла с великим подарком к королю,

чтобы вступить с ним по поводу этого дела в переговоры». Далее Чемберлен сетует на то, что из-за болезни не смог поехать на эти переговоры вместе с Мерриком и Русселем.

Но отчет (автор и точная дата его составления не установлены) на имя Иакова Первого о самих переговорах у Инны Любименко тоже имеется. В нем сказано: «Северные части этого государства (то есть России), которые еще сохранились в целости, не тронутые войной, но уже предвкушающие ужасы ее, будучи, ко взаимной пользе, в давних сношениях с нашей нацией и благодаря постоянному соприкосновению обоих народов, полюбив наш характер и наши условия жизни, наслышанные о славе его величества, его великом разуме и доброте, предпочитают отдаться в его руки, чем в какие бы то ни было другие. И с этой целью они вели в прошлое лето переговоры с агентом Московской компании (как он сам говорил) и послали бы послов к его величеству по возвращении последнего флота, если бы агент мог подать им надежду, что желание их может быть исполнено».

Итак, автор говорит о том, что переговоры идут, и на достаточно высоком уровне. Кроме Томаса Смита, руководителя Московской компании (английского торгового представительства), в них участвуют и некоторые авторитетные британские купцы. Далее следует: «Если бы его величество получил предложение суверенитета над той частью Московии, которая расположена между Архангельском и Волгой, и над водным путем по этой реке до Каспийского или Персидского моря, или, по крайней мере, протекторат над нею и полную свободу для английской торговли, это было бы самым счастливым предложением, когда-либо сделанным нашему государству с тех пор, как Колумб предложил Генриху VIII открыть для него Вест-Индию…»

Зная о почти пустой к тому моменту королевской казне, автор предлагает обеспечить эту акцию ни много ни мало за счет самих русских: «Пускай его величество даст полномочие одному или нескольким осторожным лицам, которые отправятся туда (то есть на север России) со следующим флотом в мае, чтобы заключить договор с населением, если оное того пожелает, – на условиях суверенитета или протектората, в зависимости от инструкций его величества. После чего московиты могут, в свою очередь, отправить послов сюда по возвращении флота в сентябре, для подтверждения договора, а тем временем пусть они приготовятся передать в руки английской компании достаточно казны и товаров, чтобы оплатить вооружение и перевоз нужного им количества войска».

Поначалу Инна Любименко вообще-то не была уверена в подлинности полученных в ее распоряжение документов. Но сомнения сняла еще одна – ее же – находка, сделанная спустя месяц-другой в том же 1914 году. Чудом сохранившийся небрежно исписанный вдоль и поперек листок производит впечатление пометок на скорую руку. Но зато обозначен автор! Имя его хорошо известно британским историкам. Это Джулиус Сизэ – некогда влиятельный придворный юрист времен того же Иакова.

«Московия, 14 апреля 1613 года.

Проект касательно Московии, северная часть которой предложена протекторату короля.

Будет ли она действительно предложена?
Следует ли ее принять?»

После других заметок, к данной теме не относящихся, Сизэ неожиданно возвращается к «московской» проблеме:

«Архангельский порт в Московии, смотри карту.
Можно ли укрепить этот порт при помощи 1000 англичан?»

Наброски Сизэ еще раз подтверждают: в английских придворных кругах достаточно серьезно обсуждался вариант «мягкой» оккупации нынешних Архангельской, Вологодской областей и Поволжья. Инициатором проекта был, скорее всего, упоминавшийся уже Джон Меррик, человек, хорошо знавший русский язык и бывший одно время руководителем англо-российской торговой компании, а «по совместительству», не исключено, сотрудником секретной королевской службы. Об этом, правда, мы можем только догадываться – подтверждающих документов нет.

Как нет и документов, проясняющих другой – для нас не менее интересный – вопрос: кто же вел столь секретные переговоры с российской стороны? Ни одной русской фамилии в бумагах нет. Сказано лишь о неких дворянах, «части дворянства». Однако то, что отчеты о переговорах эмиссары адресовали ни много ни мало самому королю, а также то, что проектом занимался сам лейб-юрист, – позволяет предположить: контакты с русскими велись на очень высоком уровне. Кстати, следует заметить, что дворяне русского Севера всегда симпатизировали Западу и его культуре, в том числе английской, тем более что торговля с Англией обогащала российскую знать. Смута между тем грозила разрушить эти торговые связи. И представляется вполне логичным, что какая-то часть российского дворянства вполне удовлетворилась бы хоть и чужеземной, но надежной, прогнозируемой властью – особенно в лице постоянного торговогопартнера.

Однако не будем забывать, что в то время, когда Джулиус Сизэ делал свои наброски (в 1613 году), обстановка в России уже резко изменилась по сравнению с 1610 годом, когда переговоры начинались. Осенью 1612 года ополчение Минина и Пожарского взяло Кремль; сидевшие там в блокаде поляки, доведенные до людоедства, легко сдались. Примерно в то же время казацкие войска оттеснили от Волоколамска войска короля Сигизмунда, которые направлялись к Москве, чтобы вернуть ее польской короне.

В 1613 году, как известно, трон России занял первый из Романовых – Михаил. Первые же его политические шаги, а также деятельность новой Боярской думы по наведению порядка в стране разрушили все планы англичан. Грандиозный геополитический проект был свернут. Можно допустить, кстати, что царь Михаил либо вовсе не знал этой истории, либо услышал о ней позже. Во всяком случае, не найдено ни одного источника, который сообщал бы о том, что царь был в курсе дела. Бесспорно одно: с воцарением Романовых российскому Северу перестала грозить перспектива заговорить на смеси английского с вологодским.

Тайна происхождения Ломоносова

Всем известна удивительная, похожая на сказку история простого поморского юноши, покинувшего родной дом и добравшегося до Москвы, чтобы утолить свою жажду знаний. В конечном счете он становится

гордостью отечественной и мировой науки, первым русским академиком. Конечно, речь идет о М.В. Ломоносове.

До недавнего времени в биографии Ломоносова, этого русского самородка, практически не было белых пятен, хотя и отмечались некоторые странности. Так, выучившийся на академика «крестьянский сын» мог безнаказанно поколачивать палкой своих коллег-академиков, причем даже иноземных, и драть за уши малолетнего наследника престола Павла Петровича. Эти странности объясняются изысканиями Василия Корельского, опубликованными в свое время в еженедельнике «Советский рыбак» и в газете «Правда Севера» (г. Архангельск). Михайл Ломоносов, доказывает Корельский, был сыном Петра I и драл за уши наследника престола, можно сказать, на правах родственника…

Именно пращур Василия Корельского и увез Ломоносова в Москву. Именно он, Петр Корельский, поддерживал связь с Ломоносовым до последних дней Михайлы Васильевича. В роду исследователя сохранились предания, которые вместе с другими фактами позволили выдвинуть такую удивительную версию происхождения знаменитого ученого. Коротко ознакомим с ней наших читателей.

1703 год. Петр I строит новую столицу. Средства для строительства ищут и на Севере. Старообрядцы ропщут и клянут царя, но идти поперек его воли боятся. Вот тогда-то и задумали они повлиять на царя другим способом, подобрав для этой цели красавицу девицу…

В 1932 году Василий Корельский ознакомился со старинным письмом, где прочитал, что «Михайло Ломоносов есть плод царя Петра I… В извоз была предусмотрительно взята добротной красоты и статности Елена Ивановна Сивакова – сирота. Сводничество произведено Двинским земским старостой Лукой Леонтьевичем Ломоносовым через Федота Баженина, входившего в деловые сношения с царем». Далее в письме шла речь о планах и замыслах старообрядцев, которые рассчитывали иметь на Петра определенное влияние, после того как Елена родит ребенка от царя. Встреча Петра I с Федором Баженином и Еленой состоялась в начале 1711 года в Усть-Тосно (примерно в 30 верстах от Петербурга), где царь отдыхал около недели.

После рождения Михайлы Ломоносовым стала поступать помощь от казны. По повелению свыше в 1722 году Миша Ломоносов был отправлен для обучения грамоте в школу на Выг. Чтобы ему было не скучно, с ним отправили двоюродного брата по матери – Петра Корельского. Во время пребывания Михайлы в школе от побоев мужа умирает мать мальчика. Петр I же, чтобы исключить попытки староверов спекулировать незаконнорожденным сыном, в 1724 году коронует Екатерину Алексеевну.

Об этом сыне Петр I поведал на смертном одре главе Синода Феофану Прокоповичу. По преданиям, он повелел Феофану: «Обучи, владыка, его в московских школах и приобщи его к сану священника или государственного служащего, на что он будет способен».

В 1730 году Михайлу Ломоносова втайне от мачехи увезли в Сийский монастырь, чтобы по установившейся зимней санной дороге доставить его в Москву. Василий Корельский пишет: «В нашем роду говорили, что Семену Корельскому из Матигор, который шел старшим в извозе Николо-Корельского монастыря на Москву, служба архиерейского

дома вручила паспорт на имя М.В. Ломоносова. Более того, было дано повеление, что на его подводе поедет и сам Михайле. Семен должен взять его в Сийском монастыре и доставить в Москву, где его встретят и определят на учебу».

М.В. Ломоносов. С портрета XVIII в.

В первых числах февраля 1731 года настоятель Заиконо-Спасского монастыря в Москве Герман Копцевич зачислил Михайлу в школу при монастыре с содержанием за счет монастыря. Это могло быть сделано только по особому повелению главы Синода Феофана Прокоповича. Глава Синода вскоре, повысив Копцевича в сане, убрал его подальше от Москвы и Петербурга, чтобы он не разгласил тайну. Синод вскоре переехал в Петербург, и тогда же Ломоносов в числе 12 человек был направлен в Петербургскую академию, где как раз собирались послать за границу трех студентов для обучения наукам и горному делу. Феофан добился, чтобы в их число включили Ломоносова. Отправляя Михайлу за границу, он тем самым не давал староверам никакой возможности для шантажа. В 1736 году, умирая, глава Синода призвал дочь Петра I Елизавету и открыл ей тайну отца. В это время ожидали смерти императрицы Анны Иоанновны, и слухи о происхождении Ломоносова были нежелательны. Поэтому верные Елизавете люди сделали все, чтобы Михайла не вернулся домой до срока.

6 июля 1740 года Ломоносов женился на Христине Цильх, а осенью Елизавете донесли, что жена Михайлы забеременела. Из опасений, что немцы располагают сведениями о происхождении Ломоносова и могут

воспользоваться ими в политических целях, Михайлу отзывают на родину. 23 февраля 1741 года Шумахер выслал в Марбург для Ломоносова 100 рублей золотом на переезд. 8 июня 1741 года будущее светило науки вернулся морем в Петербург и сразу получил место в академии.

25 ноября 1741 года Елизавета взошла на престол. Не забыла она и брата: в первые же месяцы царствования она произвела Ломоносова в адъюнкты академии с содержанием в 360 рублей.

В 1745 году она подписала указ о производстве Ломоносова в профессора академии, а 1 марта 1753 года по указу императрицы Михайле Васильевичу были присвоены права дворянства. Ему отвели 9000 десятин земли и 212 душ крепостных.

Совсем иначе отнеслась к Ломоносову Екатерина, которая опасалась претендентов на трон. Возможно, ей была известна тайна происхождения Ломоносова, и она с ним расправилась в первую очередь. Случилось это на поминальном обеде по случаю кончины Елизаветы. В роду Корельских говорили, что на том обеде супруги Ломоносовы были отравлены медленно действующим ядом. Они сильно занемогли, причем одновременно. Михайл Васильевич обезножел, а его жена едва передвигалась. Целый год, до января 1763-го, Ломоносов не посещал академию. Летом 1764 года Екатерина II изволила навестить Ломоносова в его доме. Вероятно, ей хотелось воочию убедиться, что отрава действует.

Ломоносов же не ведал подоплеки всех дворцовых интриг. Его заботой была слава отечественной науки. 4 апреля 1765 года он умер в собственном доме, не оставив наследника по мужской линии.

Конечно, предложенная Василием Корельским версия о происхождении Ломоносова крайне интересна, но страдает отсутствием документальных подтверждений, что, в общем-то, неудивительно. Существуют и косвенные доказательства, хотя бы внешнее сходство. Ломоносов был высокого роста, узкокостный, полнощекий, румяный, с тонкими ногами, маленькими ступнями и миниатюрными кистями рук. То же самое можно сказать и о внешнем облике Петра I. Как и Петр, Ломоносов, погорячившись, мог поколотить нерадивых в научной работе. Поражает также и разносторонность научных интересов как царя, так и Михайлы Васильевича.

Ломоносов боготворил Петра I и прямо заявлял о себе как о продолжателе начинаний Петра: «За то терплю, что стараюсь защитить труды Петра Великого, чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство…»

Был ли Ломоносов сыном Петра I? Все может быть. Но в любом случае в истории России XVIII столетия эти два человека стоят рядом на первом месте – Петр I и Ломоносов.

Мюнхгаузен – русский поручик... *24 По материалам А. Полатова*

О пребывании легендарного барона Мюнхгаузена в России обычно говорят неуверенно, вскользь; более того, многие сомневаются: покидал ли он пределы любимой Саксонии вообще? В родном поместье Боденвердер барон Мюнхгаузен – реальный прототип героя книг Р.Э. Распэ – слыл великолепным рассказчиком, чья жизнь изобиловала самыми невероятными приключениями. И что самое любопытное, в тех повествованиях барон

ничего не придумывал, а рассказывал о том, что сам пережил, будучи корнетом, поручиком, а затем ротмистром российской армии. В России барон Мюнхгаузен прослужил более 13 лет, прибыв в 1737 году в качестве пажа герцога Антона Ульриха Брауншвейгского – одного из высокопоставленных военачальников российской армии.

В 1739 году Мюнхгаузен был зачислен корнетом в кирасирский полк, уже через год он получил звание поручика, а еще через 10 лет стал ротмистром. В Российском государственном военно-историческом архиве чудом сохранились подлинные рапорты поручика Иеронимуса фон Мюнхгаузена и распоряжения штаба кирасирского полка, касающиеся его судьбы. Эти подлинные документы – яркие свидетельства той далекой поры – проливают свет на многие события не только в жизни барона, но и всей русскойистории.

3 декабря 1740 года Мюнхгаузен был произведен в поручики. Узнав об этом знаменательном событии, новоиспеченный офицер уже 5 декабря пишет в полковую канцелярию: «…покорно прошу прислать мне надлежащую офицерскую амуницию, конский убор и прочее»… Конечно же барон надеялся, что он тут же справит новенький мундир и будет во всей красе щеголять перед молоденькими девушками. Но не тут-то было… Барона погоняли по инстанциям, однако нигде вожделенного мундира не нашлось. И лишь в некоей 6-й роте оказалась амуниция поручика Ушакова, видимо, убитого в бою. Ее-то и выделили Мюнхгаузену, но была она, конечно, не новая и особенно щеголять в ней не пришлось.

Великий выдумщик и авантюрист успел послужить и в России

В подразделении, где служил барон, процветали жульничество и воровство. Например, при починке 10 кирасирских ружей мастер Колокольников утаил 4 медных скобки, каждая стоимостью 2 рубля. В донесении в канцелярию полка Мюнхгаузен просит удержать эти деньги с кирасира или же прислать злополучные скобки ему дополнительно. А вот кирасир Федор Лебедев умудрился украсть 4 четверика овса (четверик – примерно 26,24 кг). Поручик Мюнхгаузен вынужден был взять кирасира под стражу и немедленно отправить рапорт с просьбой решить его судьбу.

На многочисленные просьбы Мюнхгаузена выделить необходимых лошадей и фураж у штаба полка имелся неизменный ответ: «На пользование государевых кирасирских лошадей денег в полку не имеется, ибо на все принятые в нынешнем году куплено лекарств, из коих надлежащее число отправлено будет в Ригу». Но тем не менее настойчивому барону удается выбить средства, и уже 26 февраля 1741 года он пишет рапорт, что составил ведомости по раздаче провианта и фуража, купленных в рижском магазине.

И уж совсем смешная история вышла со старыми седлами, находившимися в распоряжении Мюнхгаузена. То требовали их содержать в надлежащем порядке, чтобы забрать в починку, то грозились их отобрать, а кончилось все тем, что их было велено «оценить при содействии немецкой рижской ратуши и русской таможни», чтобы в дальнейшем продать.

Полковое начальство не раз обрушивалось с гневом на барона Мюнхгаузена: мол, ордера не выполняются, рапорты подаются бестолковые, а потому поручалось поручику все донесения составлять самому и рассматривать все поступающие распоряжения. И уж совсем скверная история вышла с ветеринаром Эринком Фаншмитом, который был направлен в подразделение Мюнхгаузена. Фаншмит должен был заняться лечением «больных, хромых и прочих лошадей», но за 12 дней (с 7 по 19 марта) от него «никакой пользы лошадям не последовало». Что уж там произошло с ветеринаром, можно только догадываться, но, скорее всего, встретившиеся земляки на радостях все это время кутили. Но нагоняй в конечном итоге получил только барон Мюнхгаузен, а с ветеринара – как с гуся вода.

Однако не только нагоняи от начальства доставались бравому поручику, он и сам вершил солдатские судьбы. Например, 22 июня 1741 года к нему с рапортом обратился кирасир Феофан Томилов: мол, служит он уже 11-й год, ему 30 лет, вот надумал жениться, невеста – сестра рижского мещанина Лавизия Обросимова. Отзывы о ней хорошие, замужем не была, в рядах заговорщиков против российской армии не числится, потому просит поручика разрешить ему жениться. Сам Феофан Томилов в силу неграмотности написать рапорт не смог, и от его имени сделал это кирасир Федор Лебедев, в чем собственноручно расписался. Мюнхгаузен ставит резолюцию: «Жениться разрешаю». 21 августа Мюнхгаузен аттестует кирасира Петра Бомаршева: мол, в прежней должности служить

не способен ввиду почтенного возраста, но может быть унтер-офицером в драгунском полку, за что он, поручик, и хлопочет.

Барон Мюнхгаузен при случае мог проявить свой непреклонный немецкий характер. В течение 20 дней у него в подразделении находились прикомандированные кирасир Нелюбов и корнет Греков. На их лошадей было потрачено овса половина четверика и сена 9 пудов и 38 фунтов. Поручик в рапорте от 20 ноября 1741 года просит прислать фураж или же выделить средства для закупки его в рижском магазине. «Нежели оный фураж возвращен не будет, то впредь приезжающим из полка без фуража, хотя и взаимообразно, без ордеру давать не буду».

Известно, что в отставку он ушел в 1750 году в чине ротмистра и вернулся в родные края. Всю оставшуюся жизнь барон прожил в своем имении под Ганновером. В 70-летнем возрасте, когда умерла его жена, Мюнхгаузен женился вторично, но брак оказался неудачным. Крайне отрицательно отнесся барон к литературному опыту Р.Э. Распэ «Удивительные путешествия на суше и на море, военные походы и веселые приключения барона фон Мюнхгаузена, о которых он обычно рассказывает за бутылкой в кругу своих друзей». «Действительность была гораздо интересней», – признавался друзьям бывший российский офицер.

Прямой потомок барона – Карл Мюнхгаузен – в настоящее время живет в Калининграде.

Трагедия Балакирева, или шуты и шутихи в русской истории *25 По материалам Л. Вяткина.*

В сознании русского народа сохранилось убеждение, что смех продляет жизнь, а мы вслед за великим Рабле можем сказать, что смех лучше слез… Эразм Роттердамский в «Похвале глупости» уверял, что боги на Олимпе и те не обходились без шуток, проказ и проделок своих шутов. Разгоряченные амброзией и нектарами небожители с удовольствием созерцали уморительные проделки козлоногих сатиров и Пана, слушая их скоморошьи песни. Даже хромой Вулкан своим шутовством заставлял бессмертных обитателей Олимпа от души посмеяться и забыть на время свои проблемы.

Видимо, подражая богам, люди быстро переняли их обычаи – содержать в домах шутов, уродцев и карликов. В древнем Египте, Греции, Риме, Византии, Англии, Франции и России с незапамятных времен шут был персонажем шумного застолья, празднеств и пиров. Отсутствие шутов считалось плохим предзнаменованием для хозяина…

Шуты в России, тем более при царских дворах – люди особые. Многие из них, как свидетельствует история, были личностями запоминающимися, самобытными, и рассказы о них надолго сохранились в памяти народной. Одно из первых упоминаний о русских шутах относится к 1068 году в «Повести временных лет», где, между прочим, говорилось: «Видим… игрища утоптанные, с такими толпами людей на них, что они давят друг друга… а церкви стоят пусты».

Ледяной дом. Картина В.И. Якоби. 1878 г.

Русский шут был главной фигурой на фоне плясунов, фокусников, акробатов и ученых медведей. При этом основным качеством шута было не столько умение балагурить и шутить, сколько обескураживать и высмеивать злое и лживое, что особенно ценилось в русском народе. Он одинаково должен быть уметь и шутить с толпой, и отшучиваться от царя. По не писанному закону царь шутов не наказывал строго («Шут с ним, что с него взять!»). Поэтому те, будучи «в образе», могли передразнить, посмеяться и быть довольно смелыми даже с коронованными особами. Сложнее было шуту с царским окружением, царедворцами, себялюбцами, чванливыми, спесивыми и злопамятными боярами и знатными дворянами. Веселя других, шут всегда должен был помнить пословицу: «Не шути над тем шуток, кто на каждое слово чуток». (Это, впрочем, остается справедливым и по сию пору.)

Любопытно, что поговорка «По усам текло, а в рот не попало!» обязана своим происхождением именно шутам. Дело в том, что во время застолий шуты, все время побуждающие гостей к смеху, создающие веселье, часто за свои остроты принимали на себя выплеснутое из кубков и бокалов вино от осмеянных, рассерженных и обиженных. Неудивительно, что к разгару веселья некоторые шуты становились насквозь мокрыми. А потом, рассказывая о царском пире, они с полным основанием могли сказать: «И я там был, мед, пиво пил, по усам текло, а в рот не попало!» Несомненно, шуты подарили народу и множество других прибауток, потешек, скороговорок и загадок.

С давних времен на святках и масленицу шуты обматывались густой гороховой соломой и одевали какую-нибудь маску, называемую «харей» (от

греч. «харея» – голова). Часто шуты водили за собой медведя или козу и были особенно желанны на свадьбах и других народных праздниках. От гороховой соломы пошло и известное народное прозвище «шут гороховый».

Царские шуты У русских царей было много шутов, но достоверных сведений о них сохранилось мало.

Итак, известно, что у царя Ивана Грозного в 1569 году при дворе появился шут Осип Гвоздь. Он был средним сыном князя Приимкова-Ростовского и славился в народе соленым остроумием и веселым нравом, за что и получил прозвище «Гвоздь». Иван Грозный оценил его талант по-своему, приказав быть шутом. Вместе с указом, запрещающим носить оружие, Осипу вручили колпак с нашитыми на него ослиными ушами и серебряными бубенцами. Когда царь из загородного дворца въезжал в Москву в сопровождении трехсот стрельцов, впереди на огромном быке и в золотых одеждах ехал шут Осип Гвоздь. Но в этом звании он пробыл недолго.

Перед иноземными послами, захмелев, Иван Грозный иногда начинал хвалиться, что его род Рюриковичей якобы ведет начало от Августа-кесаря, Римского императора. Возможно, неосторожная шутка по части столь сомнительного родства и ввела в неправедный гнев царя. Существует документальное свидетельство толмача (переводчика) Альберта Шлихтинга, уроженца Померании, взятого в плен у крепости Озерище, который семь лет находился при Иване Грозном и подробно описал ужасную сцену убийства царем своего шута.

«У тирана было два родных брата Гвоздевы. Один из них был начальником при дворе, другой же часто имел обычай потешаться и шутить за царским столом… Однажды, когда он особенно прибегал к шуткам, тиран велел ему отойти от стола и тем временем приказал принести кипящие щи. Затем тиран велел его позвать и подойти поближе. Как только тот подошел и склонил голову (в поклоне), тиран опрокинул ему на голову эти кипящие щи с капустой. Тот закричал от боли: «Помилуй ради бога, величайший царь!» и побежал от стола, но тиран, выхватив нож, догнал Гвоздева, схватил за руку и вонзил в него свой нож. От полученной раны тот упал. Его подхватили и вынесли на двор.

Тиран вскоре стал раскаиваться в своем поступке… и позвал врача, велев заняться врачеванием. Однако врач нашел его уже мертвым. Вернувшись, на вопрос царя он ответил: «Бог лишь единожды вкладывает в человека душу, и коль она его покинула, то никому не дано призвать ее обратно». Тиран, досадливо махнув рукою, проговорил: «Так пусть дьявол приберет его, раз он не пожелал ожить!»»

На смену Осипу Гвоздю пришли шуты братья Прозоровские, которые забавляли царя тем, что устраивали потасовку с огромным медведем. Причем медведь, вероятно хорошо обученный этому, как бы защищая одного из братьев, боролся, стоя на задних лапах, кусался не сильно, но в клочья рвал одежды на другом. Затем «суд» из бояр или гостей под хохот царя и присутствующих присуждал медведю победу…

Любопытно, что выражение «шиворот-навыворот» своим происхождением обязано царю Ивану Грозному и придумано им самим.

Желая подвергнуть позору кого-либо из провинившихся перед ним бояр, царь, стукнув кулаком по столу, приказывал опричникам: «Геть

ослушнику шиворот-навыворот!» Несколько сильных рук хватали боярина за ворот одежды и быстрым рывком выворачивали ее наизнанку («шиворот-навыворот») и под гиканье и смех вновь надевали на голое тело несчастного. Затем опозоренного боярина сажали на хромую лошадь лицом к хвосту и в таком виде возили по Москве. Не поэтому ли всегда боялись позора и бесчестия русские люди больше смерти?

Шло время. Менялись цари, менялись шуты, менялись нравы. Русский царь Алексей Михайлович весьма благоволил к своему шуту Ивану Андреевичу Жировому-Засекину, которого в 1676 году даже возвел в дворянское достоинство. Шут был на редкость добродушен, знал много прибауток, поговорок, потешек. Преобразователь России Петр Великий также любил шутов. Подаренный ему в детстве карлик Еким Волков по прозвищу «Комар», по его словам, во время стрелецкого бунта в 1698 году спас ему жизнь, предупредив о смертельной опасности. Кроме того, он часто давал весьма дельные советы, ибо был смышлен и наблюдателен. Кроме Екима Волкова, при дворе Петра обычно находилось еще 30—40 «карлов и карлиц» (лилипутов), которых царь охотно принимал. Одетые по моде, в напудренных париках, накормленные и ухоженные, одновременно и беззащитные, они были очень забавны. Оживленно щебеча, они окружали царя. Петр, попыхивая голландской трубочкой, брал кого-нибудь на руки и затевал нехитрый разговор. Морщины на его лице разглаживались, он невольно добрел…

Нынешние врачи могли бы сказать, что шуты бесспорно помогали Петру снимать жесточайшие стрессы. Однако следует отметить, что шуты при дворе Петра выполняли и другую весьма важную социальную функцию.

При помощи шутов он боролся с вековым затворничеством у русских в пределах собственного двора, чванством, барством, взяточничеством, как среди своего окружения, так и среди широких слоев россиян. Благодаря шутам он во многом одолел неприятие просвещения. Он знал, что указами, батогами, вырыванием ноздрей и ссылкой в Сибирь всего враждебного ему не сокрушить. Но очень много может сделать меткое слово, сказанное шутом.

В новом, 1700 году, Петр справил шутовскую свадьбу шута Якова Федоровича Тургенева, которого сам сосватал за дьячиху. В 1702 году справил свадьбу «многоутешного и остроумнейшего» шута Феофилакта Шанского, которая сопровождалась большим количеством насмешек над старыми обычаями. Иван Федорович Ромодановский в старом одеянии изображал «царя», «царицей» была дородная Бутурлина, а «патриархом» или «папой» был учитель Никита Моисеевич Зотов.

В разгар свадебного застолья бывший в числе гостей Петр в форме морского офицера вместе с шутами принял живейшее участие в пострижении бород именитым боярам.

Полный титул «князь-папы», как и устав «сумасброднейшего, всешутейшего и всепьянейшего собора», придумал сам Петр, и Зотов, будучи в подпитии, никак не мог его выговорить. Титул был такой: «Всешутейший отец Иоаникт, Пресбургский, Кокуйский и Всеяузский патриарх».

«Князь-папа» издавал шутовские указы, жаловал, наказывал, миловал. Под указами ставил огромную подпись, написанную латинскими

буквами.

В шутовских мизансценах или «действах «Князь-папы»», весьма забавлявших гостей, частым партнером была шутиха Анастасия Прозоровская (впоследствии вышедшая замуж за князя И.А. Голицына), носившая титул «князь-игуменьи». Она комично изображала хитрющую, голосистую и бойкую на язык бабу. В разгар веселья «всешутейшего собора» она начинала приставать к «князь-папе» с просьбами набраться премудрости из огромной Библии, которая всегда была при Зотове и в которую он время от времени заглядывал.

Это была большая деревянная книга, имитирующая Библию, где за несколькими листами малоразборчивого церковнославянского текста, в ковчежках спрятаны были фляги с горячительными напитками. Эта «книга» величиной около 1 метра сохранилась в музее Кремля в Москве.

После ряда хитростей шутиха Прозоровская овладевала «книгой», обнаруживала фляги с «псалмами», знакомилась с содержанием их, давала каждому «аннотацию», находя некоторые «зело мудрыми».

Между тем «князь-папа» приходил в себя, обнаруживал пропажу и пытался выяснить у присутствующих, куда запропастилась «книга». Выслушивал советы, где искать, на чьем подворье, при этом характеризуя многих староверов-бояр или купцов как противников истинной веры и т.д., пока не находил ее у «князь-игуменьи».

После короткой ссоры они мирились и затем принимались читать «книгу» вдвоем, соревнуясь в остроумии…

Пожалуй, в указах «князь-папы» чаще других был наказуем Петр, никогда не хмелевший и имевший самую низкую должность «протодиакона собора». Другие его соратники: Хилковы, Репнин, Прозоровский, Мусин-Пушкин, Головин, Тургенев, Колтовский, Воейков, Юшков были много выше чином, а Ромодановский и Бутурлин даже были жалованы шутовскими званиями «генералиссимусов». В шутливой форме Петр писал «князь-папе»: «В последнем письме изволишь писать про вину мою, что ваши государские лица вместе писал с иными. И в том прошу прощения потому, что корабельная наша братия в чинах не искушена».

И вот здесь мы подошли к еще одному чрезвычайно важному обстоятельству. Петр нанес сокрушительный удар местничеству при помощи «философии смеха», с опорой на шутов, тому местничеству, которое на протяжении столетий до уродливости выпячивало знатность боярских фамилий, образуя замкнутый круг, распространяя притязания и споры – от места за столом до военных должностей во время войны.

Интересно, что Фридрих фон Бергхольц, автор знаменитых дневников, без которых не обходится ни один историк, занимающийся эпохой Петра, первый заподозрил, что «всешутейший и сумасброднейший собор» не такой уж «сумасброднейший», и что Петр преследует какую-то далеко идущую цель. Рассуждая о значении «пьяной коллегии», он писал:

«Поводом к учреждению ее царем был, говорят, слишком распространившийся между знатными лицами порок пьянства, который он хотел осмеять и вместе с тем предостеречь последних от позора…»

Местническими притязаниями, доходящими до абсурда, славились Бутурлины, чей род был известен еще при Александре Невском и Дмитрии Донском. Самым склочным был Федор Васильевич Бутурлин, живший при

царе Алексее Михайловиче (о проделках его не мог не знать Петр).

Впрочем, ему мало уступали и другие Бутурлины.

Поэтому весьма вероятно, как считают некоторые историки, что «Собор» и «Коллегия» были придуманы Петром и удачно им использованы как средство борьбы с местничеством и другими пережитками, где самые именитые когда-то, но склочные бояре оказались в самой неприглядной «дурацкой» роли. Особенно досталось последнему «князь-папе» Ивану Бутурлину, который, обрюзгший и распухший непомерно от обильных возлияний, скончался 22 августа 1723 года.

Конечно, некоторые из окружения Петра догадывались, что он высмеивает их перед русской нацией, и под разными предлогами стали уклоняться от участия в «сумасброднейшем соборе».

Загадка шута Балакирева До сей поры не предпринималось сколько-нибудь серьезного исследования жизни знаменитого шута Ивана Балакирева (1699—1763), не сохранилось даже его достоверного живописного портрета. Отчество его в литературе тоже дается по-разному: то Иван Алексеевич (Энциклопедия Брокгауза и Ефрона), то Иван Емельянович.

Об Иване Балакиреве известно много анекдотов, но, к сожалению, большая часть их появилась через 67 лет после его смерти, после выхода в свет книги писателя К.А. Полевого в 1830 году под названием: «Собрание анекдотов Балакирева». В эту книгу вошло много историй, увы, не имеющих отношения к главному герою.

Плохую службу сослужила и вторая книга, вышедшая в Москве в 1888 году: «Собрания точных сведений о весьма замечательной личности и самой жизни бывшего при дворе Петра Великого шута Балакирева, сведения и о его сыне, и все анекдоты его», в которой было все, что угодно, кроме «точных сведений» о нем. Книга представляла собой весьма посредственную компиляцию историй с шутами, их проделки, остроты при дворах европейских монархов, которые скопом приписали Балакиреву, слегка их подредактировав.

Поэтому в который раз возникает вопрос: «Кто же такой шут Балакирев?»

Историкам известно, что Иван Алексеевич Балакирев родился в 1699 году в семье Костромского дворянина. В возрасте десяти лет он согласно заведенному порядку был представлен на смотр Петру и определен в Преображенский полк. После короткого разговора Петр узнал, что мальчик обучен грамоте и смышлен, после чего ему велено было обучаться инженерному искусству. В 1703 году Ванечка Балакирев уже был хорошо известен среди крестьян и в Хутынском монастыре как молодой и веселый стряпчий, ведавший сбором подушных денег. Историк М.Н. Семевский в книге «Семейство Монсов» сообщает, что он уже тогда был «неисчерпаемой веселости характера и в остроумии, в находчивости и способности ко всякого рода шуткам и балагурству он нашел талант принять на себя шутовство…»

Знатоки русской старины В.П. Клюшников и П.Н. Петров говорят, что Иван Балакирев взят во дворец в качестве шута самим Петром, когда он вновь, как дворянский сын, был призван в Преображенский полк в возрасте 20—21 года. Произошло это при обстоятельствах не совсем

обычных, не ранее 1719 года.

Молодой солдат Балакирев был поставлен на берегу строящегося канала вблизи дворца Екатерины. Изнывая от жары, он решил искупаться. Но едва разделся и влез в воду, как увидел, что по берегу с тростью в руке размашистой походкой идет царь. Сообразив, что за самовольное оставление поста Петр строго с него взыщет, он пулей выскочил на берег. Грозный царь быстро приближался, и времени одеться не было. Тогда солдат Балакирев надел парик и треуголку, наспех перебросил через плечо патронташ и, взяв ружье, замер, отдавая честь. На строгий вопрос Петра: «Что случилось?» Балакирев, несмотря на отчаянное положение, оставаясь мокрым и голым, не моргнув глазом, отвечал, что «исследовал пост и изучал обстановку в реке». Военный устав, написанный самим Петром, гласил, что тот, «который караул свой прогуляет, тот на теле (бит батогами), а кто оной просмотрит – смертельно казнен да будет». Балакирев этот пункт хорошо знал, однако попробовал отвести беду, «уложив свой грех в веселый смех». И природный юмор, и присутствие духа сделали свое дело. Долго крепившийся Петр не выдержал, солдат Балакирев рассмешил-таки его. «Грешить легко – трудно каяться», – наконец сказал он. Указал тростью на кусты, где висел мундир Балакирева, велел ему немедленно одеваться и следовать за ним во дворец.

Видимо, и там Балакирев не растерялся и после рассказа Петра, пребывавшего в хорошем расположении духа, сумел изрядно позабавить Екатерину и Меншикова находчивыми ответами, и его решили оставить при дворце. Однако он сумел отстоять себе право быть при военном мундире, получать жалование и не иметь при этом никакой должности! Во всяком случае, будучи шутом, он по документам того времени таковым не числился. Похоже, Петр, по аналогии с самым первым шутом, упоминаемым у Гомера в «Илиаде», под именем Ферсита-воина, оставил Ивана Балакирева в том же качестве.

Но, несомненно, появившись при дворе как «шут и в мундире», он должен был выдержать своеобразный «конкурсный экзамен» с уже «аккредитованными» шутами-старожилами, каковыми являлись Антоний Педрилло, выходец из Флоренции, приехавший в Россию в начале века, или итальянец Ян Лакоста (д'Акоста), довольно образованный шут, знавший несколько языков, любивший заводить с Петром богословские споры, не лишенные, впрочем, ума и тонких замечаний. При этом он обычно, пользуясь церковной богословской казуистикой и риторическими приемами, подводил свои суждения к неожиданным смешным умозаключениям, что особенно нравилось Петру. В 1717 году Ян Лакоста принял православие, проиграв Петру в споре, но выпросил себе право называться «главным шутом». В 1723 году ему был «высочайше дарован» дикий и необжитый крошечный остров Гохланд и титул «короля самоедского». В связи с чем Лакоста стал появляться на застольях в высоченной короне из жести, всегда сдвинутой на одно ухо.

Что касается шута Антонио Педрилло, то он исполнял должность распорядителя неучами и бездельниками. Возвратившихся из-за границы недорослей Петр обыкновенно экзаменовал сам. Провалившихся на экзамене он отправлял к шуту в «дурацкую команду». Педрилло тут же находил им работу, определял в помощь конюхам, водовозам и истопникам.

Сохранилось описание типичного шутовства молодого Ванечки Балакирева на ассамблее во дворце у Меншикова. Балакирев неожиданно, в разгар музыки и танцев, появился в длиннополом боярском кафтане и грохочущих сапогах и с подвязанной длинной бородой. На голове была огромных размеров меховая шапка, все время сползавшая ему на глаза. Дамы и кавалеры с веселым смехом окружали Балакирева и затевали с ним разговор. Балакирев незлобливо шутил, прохаживался с важным видом по ярко освещенным залам, все время поглядывая на большие двери, где должен был появиться Петр.

Наконец в сопровождении Екатерины и Меншикова, выделяясь огромным ростом и острым взглядом, входил царь. Дамы и кавалеры склонялись в изящном и грациозном поклоне. Петр легким поклоном, с поворотом головы попеременно налево и направо, проходил по залу, прося молодежь продолжать танцы. Вдруг, словно из-под земли, перед царем вырастал Балакирев. Неуклюже взмахнув руками, он валился в ноги царю. Петр, сразу поняв, в чем дело, хмурил брови и мгновенно включался в импровизацию. Следовал громкий и внятный вопрос:

«Почто валяешься в ногах, аль указу не ведаешь? Встань!»

«Указ знаю, – с уморительной интонацией отвечал Балакирев, – но не встану! Ты сначала ответь, почто рабам твоим нельзя кланяться?»

«Я хочу видеть россиян на ногах, а не ползающих на карачках!»

Далее разговор продолжался в том же духе к удовольствию присутствующих, что, по мнению Петра и Балакирева, должно было служить делу выкорчевывания холопства и других пороков в государстве. Петр осуждал боярский наряд, осуждал ношение бороды, попутно интересовался: заплачена ли казне пошлина за бороду. Ванечка Балакирев, сидя на коленях, принимался считать свои убытки, чесал в затылке и прикидывал, каким ему лучше лечь в гроб: с бородой или без? На что Петр спокойно напоминал, что дубовые гробы им запрещены, ибо дуб идет на строительство флота. После этих слов Ванечка заявлял, что он не враг своему отечеству, проворно сбрасывал жаркую шубу и сапоги, срывал бороду и преображался в бравого и веселого солдата. Петр, довольно улыбаясь, брал Ванечку за плечи и, обращаясь ко всем, говорил:

«Молодому да удалому и радость в руки, и царю отрадно!»

Но выступал Балакирев и в другой ипостати. Подражая народному балагану, он на званых обедах, стоя между столов, извлекал из-под полы «Дормидошу» (вырезанную из дерева и раскрашенную куклу) и начинал веселый диалог, обращаясь, как обычно, сначала к Петру:

«Великий государь! Бьет челом твой нижайший, недостойнейший и подлейший раб, боярский сын Дормидошка, по прозванью Пустая голова.

«Не по форме просишь», – тут же откликался Петр.

«Не по форме? – натурально удивлялся Балакирев. – А вот каравай – он и без формы хорош!»

«Это верно, – смеясь, соглашался Петр. – Спой что-нибудь!»

«Мой голос князь Данилыч оттягал. Его ноне все боятся, а меня только солдат Балакирев. Горло же без голосу, что голова без волосу. И то часто бывает, что по речам человек, по рогам козел, а по уму – осел!»

Судя по некоторым косвенным фактам, князь Александр Меншиков довольно скоро невзлюбил Балакирева явно за шутки в свой адрес. Будучи весьма близким Петру, он бесспорно во многом ему помогал, но притом изрядно приворовывал и всю жизнь страдал непомерным тщеславием. Полный титул его к 1718 году по курьезности напоминал титул «князь-папы» Бутурлина.

Конечно, люди из окружения Петра, зная его слабость, не могли отказать себе в удовольствии позлословить по этому поводу. Не был исключением и Балакирев.

О всех остротах Ванечки подхалимствующие придворные немедленно доносили светлейшему. Меншиков злился и однажды, поймав Ванечку в укромном углу во дворце, пытался его побить, но тот увернулся и убежал. Меншиков погрозил вслед ему кулаком: «Погоди, ужо, я тебе и в гробу все кости переломаю!»

Ванечка, поразмыслив, отправился к Петру, который в это время на токарном станке вытачивал из слоновой кости элементы огромной дворцовой люстры. Петр не любил, когда ему мешали, и, не прерывая занятия, резко спросил: «Не воздыхай, говори, чего пришел?»

«Помилуй, Петр Ляксеич, подари свою дубинку!»

«Изволь, только зачем?»

«Данилыч обещал мне кости переломать, даже в гробу. Так я велю положить ее со мной, когда помру. Глядишь, он побоится меня тронуть».

Петр рассмеялся, поняв, на что намекает Балакирев. За неистребимую привычку запускать руку в государственную казну царь не раз побивал своей дубинкой Меншикова. И это все знали…

Трагедия царя и шута Естественно, Балакирев не 24 часа в сутки носил личину шута. Большую часть времени он выполнял всевозможные поручения и нес службу при дворце.

Здесь уместно сказать об одной особенности Петра. Он придавал большое значение контролю за исполнительностью в государственных делах. Зная характер многих своих сподвижников, медлительность, себялюбие, а также лень, и вместе с тем поразительное умение оправдываться и на все находить объективные причины, Петр над многими сановниками ставил простого и преданного офицера в небольшом чине, но с большими полномочиями контроля за выполнением своих распоряжений. Не избежал такого «контролирующего» даже фельдмаршал Б.П. Шереметев. Конечно, это многих коробило, но ослушаться царя никто не смел. «Контролирующие» имели право докладывать лично Петру, минуя все инстанции, при малейших признаках уклонения от его распоряжений. Балакирев также стал своеобразным «контролирующим» над временщиками и вельможами при дворце, включая и охрану. Н.И. Панин, хорошо знавший Балакирева уже в преклонные годы, писал: «Его шутки никогда никого не язвили, но еще больше рекомендовали» (характеризовали. – *Л.В.*).

Однако «язвить» Балакирев перестал после того как побывал на дыбе с вывернутыми руками…

Шел 1724 год. Балакирев уже пятый год как был в Петербурге и нес службу во дворце. Влияние и авторитет России среди европейских государств усилиями Петра и самих россиян стали огромны.

На фоне исторических событий жизнь Балакирева, пожалуй, была довольно сытой и безбедной. Как человек расторопный, остроумный и находчивый, он быстро выдвинулся. Ему стала покровительствовать императрица Екатерина I, сделавшая его ездовым или гонцом, ибо, по давней традиции, шуты развозили царскую почту, записки Петра и Екатерины различным лицам. Сохранилось немало писем Петра к Екатерине, написанных при пламени свечи. Они полны нежности и внимания к ней и детям. Вот типичный тон писем того времени:

«Катеринушка, друг мой сердешнинькой, дай Боже в радости и скоро вас видеть в Питербурхе…»

Последний раз Петр назвал ее «Катеринушкой» 31 октября 1824 года, после чего узнал, что она ему изменяет. Узнал, как и положено мужу, самым последним. И к этому горькому событию оказался причастным шут Иван Балакирев.

Дело Монса А началось все с того, что Екатерине приглянулся брат знаменитой «Монсихи» (Анны Монс), когда-то первой пассии и фаворитки Петра, вышедшей затем замуж за посла Кайзерлинга.

Ее брат, Виллим Иванович Монс, с 1703 года служил в русской армии, участвовал в нескольких сражениях, в том числе под Лесной и Полтавой. Как исполнительный служака, он привлек внимание Петра и на некоторое время был назначен к нему в адъютанты. Далее благодаря стараниям его второй сестры Матрены Ивановны Балк, прозванной в народе «Балкиной», хорошо знавшей характер Екатерины и многие ее наклонности, Виллим Монс был определен на легкую и очень выгодную работу, которая давала ему изрядный «навар». Он стал управляющим вотчины Екатерины и после коронации по ее ходатайству был произведен (в мае 1724 года) в камергеры. В тот год ему исполнилось 36 лет. Он был довольно хорош собой, вальяжный, улыбчивый и уверенный в себе. Уже не молодой Екатерине он очень нравился. Виллим Монс во время долгих отъездов Петра по делам государства всегда находил предлог, чтобы появиться на половине государыни. Когда его долго не было во дворце, Екатерина слала ему письма с упреками, сообщала, какой костюм будет на ней на «машкераде», назначала тайные свидания.

26 апреля Балакирев из резиденции Екатерины в Преображенском отвез в Покровское к Монсу очередное тайное послание. Через некоторое время в разговоре с обойного дела учеником Суворовым он поведал ему, что не далее как вчера отвез письмо царицы: «Одно синенькое, что и рта разинуть боюсь», – сказал Балакирев, весьма расстроенный и, видно, знакомый с его содержанием.

По закоренелой шутовской привычке он не удержался от подвернувшейся на язык поговорки: «Любовь она, вишь, указу не ведает и царя в дураки поставит».

Однако, видимо, Балакирева не столько потрясла измена, сколько написанный рукой Екатерины какой-то рецепт с составом питья…

Суворов, смекнув, в чем дело, спустя некоторое время, желая похвастать своей осведомленностью, поведал о дворцовых делах знакомому купцу Ершову, а тот приятелю Ширяеву. Последний решил, что о

столь важной тайне следует знать Петру. Он накропал подметное письмо без подписи. Второго ноября Петр, страшно побледнев, читал его послание.

Когда ведающий Тайной канцелярией Его Императорского Величества Андрей Иванович Ушаков, поднаторевший в делах тайных и явных, получил приказ Петра начать сыск, он, поняв, о чем речь, несколько раз перекрестился и, не мешкая, позвал подручных…

Историк М.Н. Семевский, еще в прошлом веке изучая государственный архив, обнаружил «Дело Виллима Монса». Он тщательно изучил бумаги, долгие годы хранившиеся в глубокой тайне, и был изрядно удивлен, что к делу причастен знаменитый шут Балакирев. В 1862 году он издал книгу под названием «Семейство Монсов», с той поры ни разу не переиздававшуюся. Из опубликованных им протоколов допросов видно, что на них присутствовал сам Петр.

Когда приволокли Балакирева, он приказал вздернуть шута на дыбу. Повисев некоторое время на вывороченных руках, тот повинился, что возил письмо из Преображенского в Покровское к Монсу, а что было писано в том письме, ему неведомо.

Суворов и другие были словоохотливее, и Петр понял, что подметное письмо не врет.

Следствие особый интерес проявило к переписке Монса и «синенькому письму с рецептом питья».

Однако конечный результат остался неясен, т.к. многие бумаги оказались уничтожены. Ушаков по приказу Петра (после разговора с Екатериной) не стал более затрагивать любовную сторону дела, а переключил сыск на государственную деятельность Виллима Монса, который оказался великим взяточником.

Виллим Монс не брезговал ничем. Вдовы снимали с себя серьги, а бедные офицеры уступали ему свои последние рубли!

Список взяток был огромным, его оказалось достаточно, чтобы вынести суровый приговор. В заключении суда говорилось:

«А поскольку Монс по делу явился во многих взятках и вступал за оные дела, не принадлежащие ему… мы согласно приговорили учинить ему Виллиму Монсу – смертную казнь. А имение его, движимое и недвижимое взять на Его Императорское Величество».

Остальных, проходивших по этому делу, подвергли суровым наказаниям. Матрену Бланк – били кнутом и сослали в Тобольск. Егора Столетова били батогами и сослали в Рогервик на 10 лет. Пажа Соловова (12 лет) высекли в суде и записали в солдаты. Шуту и камер-лакею Балакиреву досталось менее всех. Ему дали 60 палок и отправили в Рогервик на 3 года.

Приговор подписали: И. Бахметев, А. Бредихин, И. Мамонов, А. Ушаков, И. Мусин-Пушкин, И. Бутурлин и Яков Брюс. На полях Петр начертал: «Учинить по приговору».

16 ноября 1724 года в десятом часу пополудни на Троицкой площади была произведена экзекуция. Пастор Нацциус сделал последнее напутствие Виллиму Монсу. Держась за руки, они поднялись на помост, где стоял у плахи палач. Монс побелевшими губами шептал последнюю молитву. Его шатало. Перед плахой он опустился на колени, Нацциус его осенил крестным знамением и отошел в сторону. Монс положил голову на

плаху, обняв ее руками.

Когда все было кончено, голову с полуоткрытыми глазами пиками водрузили на длинный шест. Обезглавленное тело пиками забросили на колесо, прибитое к гладкому бревну, где его быстро присыпал снег. Говорят, на второй день Петр, сидя в карете с Екатериной, приказал вознице завернуть на Троицкую площадь. У эшафота карета остановилась. Он открыл дверцу и молча смотрел на голову Монса. Екатерина также смотрела на вершину шеста, однако выдержала пытку, не дрогнула и не расплакалась…

В ноябре же Петр дает распоряжение провести ревизию всех дел Александра Меншикова, что, несомненно, являлось для последнего плохим предзнаменованием. Еще в 1711 году начато было следствие, которое с первых же шагов выявило крупные хищения светлейшего. Однако следствие тогда прекратили так же неожиданно, как и начали. На недоуменный вопрос о причинах такого решения Петр с великой тоской в голосе отвечал: «Он мой друг…»

Конечно, через доносителей, во время частых отлучек Петра, Меншиков отлично был осведомлен о любовных интригах Екатерины – и все это от него скрыл! Почему? Смотрел вперед и видел ее на престоле, а себя рядом, вершителем всех дел? Молчание Меншикова Петр мог воспринять только как предательство и немедленно отринул его от себя.

Великий преобразователь России оказался в тяжелом до жути положении: Петра предали все – жена, друг, даже шут! Настоящей дружбе Петр придавал большое значение.

«Блажен муж, иже обретет друга истинного, – часто цитировал он из полюбившейся ему книги «Советы премудрости». «Несть вещи дражайшей, как друг доброй всии разумной. Оной друг перевешивает все злато и серебро света!» После смерти Лефорта, которого он считал другом и смерть которого долго оплакивал, «верным другом» стал Меншиков.

Трагедия Петра была тем более велика, что жить ему осталось лишь несколько месяцев, а наследник еще не был назван, завещание не написано… Скоро Петр почувствовал сильное недомогание. Вызванный лейб-медик Блументрост был крайне обеспокоен. Петра рвало желчью, руки и ноги посинели, временами он корчился от болей. Петра соборовали. 22 января поставили алтарь у спальни. Когда Петр позвал принцессу Анну, ее искали больше часа, хотя она находилась во дворце. Петр умирал, и около него не было никого, кто бы положил на голову компресс, смочил водой потрескавшиеся пересохшие губы, вытер бы обильный пот…

26 января, следуя древнему обычаю, выпустили из тюрем всех колодников. 27 января Петр скончался. Около него лежала грифельная доска с недописанным завещанием: «Оставить все…»

Для многих придворных, знакомых с последними событиями, было слишком очевидно, что для Екатерины и Меншикова смерть царя произошла весьма кстати. В народе же от вести о смерти Петра «такой учинился вой, крик, вопль слезный, что… воистину такого ужаса народного… николи не видали и не слыхали!»

Через сорок суток, 8 марта, состоялось погребение. Великой болью отозвались в сердцах людских слова Феофана Прокоповича, сказанные под гулкими сводами Петропавловского собора над гробом Петра:

«Россияне, что делаем, кого хороним? Петра Великого хороним!»

После Петра Едва кончился официальный траур, во дворце Екатерины начались нескончаемые увеселения и «машкерады». Сев на российский престол, с помощью Меншикова, Екатерина самоустранилась от государственных дел, равнодушно взирая на начавшуюся борьбу между П.А. Толстым, А.М. Девиером, А.И. Остерманом и другими из вновь созданного Верховного совета с всемогущим Меншиковым во главе.

Однако она не забыла о шуте Балакиреве и сразу послала с нарочным указ об его освобождении и возвращении ко двору. Изрядно помятый при розыске в Тайной канцелярии, Балакирев поседел. Вывороченные на дыбе суставы немилосердно ныли. Шутить теперь стал с оглядкой и тщательно избегал встреч с Меншиковым.

Скоро Екатерина занемогла. Балакирев видел, как торопился Меншиков расправиться со своими противниками, желавшими посадить на престол российский одну из дочерей Петра, а не внука, справедливо опасавшийся, что в будущем он отомстит за смерть отца – царевича Алексея. Меншиков, как всегда, снедаемый непомерным тщеславием, предчувствуя скорую кончину Екатерины, решился на невероятную авантюру. Он решил обеспечить престол Петру II, женить его на своей дочери и тем самым навсегда породниться с царской династией. И пусть потомки знают, как московский бойкий мальчишка, продавец горячих пирожков, смог вознестись столь высоко (хотя так и не одолел грамоты!).

На глазах Балакирева разыгралась драма, какую не увидишь и в дурном сне. Графа Петра Андреевича Толстого, чью умную голову так высоко ценил Петр, Меншиков сослал на Соловки вместе с сыном и сгноил в тюрьме, предварительно лишив всех чинов и званий. Графа Антона Мануиловича Девиера, женатого на его родной сестре Анне, несмотря на ее слезы и стенания, отправил в Сибирь, в Тобольск. Позже выслал и ее с четырьмя детьми. Расправился и с другими «верховниками».

Балакирев долго помнил субботний день, пасмурный и ветреный, 6 мая 1727 года, первую половину дня Учрежденный суд слушал в полном составе «экстракты», неуклюже перечисляющие надуманные вины подсудимых. В третьем часу подписали «сентенции», затем поехали к умирающей императрице на доклад, непрестанно подгоняемые Меншиковым. Слабеющей рукой Екатерина в постели подписала подсунутый ей Меншиковым указ, а в 9-м часу вечера она неожиданно скоропостижно скончалась. Во дворце началась суматоха. Меншиков же был занят отправкой только что осужденных «в ссылку за караулом в указанные места». Знать бы ему, что впереди его ждет судьба еще более горькая!

При дворе Анны Иоанновны В 1739 году, в конце царствования Анны Иоанновны, Ивану Балакиреву было сорок лет, но шутки его заметно потеряли дерзость и остроту. Видимо, он не забывал о застенке и о вывороченных суставах. Они стали добродушны и незлобивы.

Анна Иоанновна, обладая «мужским ударом», неплохо играла в биллиард, входивший тогда в моду, и обожала игру в карты. Еще она любила стрелять из мушкетов прямо из окон дворца по голубям, воронам и галкам.

Вечерами, изнывая от безделья, императрица приглашала сановников побогаче перекинуться в картишки. Игра шла на перстни, приглянувшиеся ей, на золотишко. Играли до поздней ночи при многих свечах…

Однажды, будучи в хорошем настроении, императрица предложила сыграть партию в винт и Балакиреву. Иван тотчас охотно согласился, но поставил условие, что будет играть только «на интерес», ибо ему, как солдату, не положено иметь при себе золото и бриллианты.

За карточный столик приглашены были еще два партнера, и Балакирев объяснил новые правила карточной игры. Проигравший партию должен был снять с себя какую-нибудь деталь одежды: камзол, парик, пряжки, башмаки и т.д. Императрице разрешалось, на ее усмотрение, либо откупаться содержимым ее кошелька, либо лентой, табакеркой и т.п.

Игра началась. Балакирев оказался неплохим игроком, и скоро оба приглашенных за столик сановника остались в нижнем белье и даже без чулков. Императрица Анна Иоанновна смеялась так, что ее громкий басовитый смех отдавался эхом в комнатах дворца.

Весьма довольная, она распорядилась впредь, в виде особой милости, отпускать Ивану Балакиреву обеды из царской кухни…

Как-то императрица сильно рассердилась. Ей донесли, что народ недоволен большими налогами и ропщет.

– Напрасно гневаешься, матушка-государыня, – обратился к ней Балакирев, – надо же народу иметь какое-нибудь утешение за свои деньги!

Анна Иоанновна изволила улыбнуться на слова Балакирева, но, удаляясь, оглянулась и погрозила ему пальцем.

Малоподвижная, любившая хорошо поесть, быстро располневшая императрица окружила себя большим числом (более пятидесяти!) шутов и шутих. Эта странная и шумная толпа, устраивавшая бестолковую возню на дорогом паркете, заставляла иностранцев изрядно удивляться и презрительно кривить губы. Особенно шокировало иностранцев то, что в шутах ходили люди знатных фамилий, безжалостно униженные из-за прихоти императрицы.

Князь Голицын-Квасник, князь Никита Волконский, граф Апраксин пихались локтями в толпе прочих «дураков» или с ужимками танцевали друг с другом менуэты под музыку.

Достаточно сказать, что князь Михаил Алексеевич Голицын (1697—1775), прозванный «квасником», в 1714 году был послан Петром I в числе других дворян-недорослей за границу, слушал лекции в Сорбонне, получил блестящее образование и затем был аккредитован послом в Италии. Там его угораздило влюбиться в хорошенькую итальянку. Невеста, будучи набожной католичкой, поставила условие, чтобы он принял католичество, пусть тайно.

Михаил Алексеевич, изнемогавший от любви, не без колебаний согласился. Какое-то время он был счастлив с молодой женой, да нашелся завистник и накропал донос в Петербург.

Анна Иоанновна, узнав о грехе князя, вошла в великий гнев и, скорая на расправу, отозвала посла в столицу и повелела умному князю занять место среди «дураков». Голицыну пришлось повиноваться.

С середины 1730-х годов шутов и шутих во дворце насчитывалось около 40 человек. Анна Иоанновна учредила даже особый шутовской орден «Святого Бенедикта», носившийся в петлице на красной ленте.

Особым расположением у Анны Иоанновны пользовались шутихи калмычка Авдотья Буженинова, Мать Безножка, Дарья Долгая, Акулина Лобанова (Кулема-дурка), Баба Матрена (мастерица сквернословить), Екатерина Кокша, Девушка Дворянка, а кроме них еще карлицы, татарчата, калмычата, арабки, персиянки, монахини, разные старухи, называвшиеся сидельницами, и т.п.

Обычно, едва проснувшись, императрица велела звать шутих, которые обязаны были без умолку болтать и кривляться. Лежа под пуховой периной, она, сонно улыбаясь, внимала их трескотне.

В 1739 году Анна Иоанновна устроила знаменитую шутовскую свадьбу в Ледяном доме, где все, включая пушки, были отлиты из льда, и которая со всеми подробностями описана историками. В невесты князю Голицыну из своей челяди императрица выбрала шутиху калмычку Евдокию Буженинову. Состоялась странная, невиданная доселе свадьба, глядя на которую Иван Балакирев горько пошутил: «Покорному дитяте и такая свадьба кстати».

В следующем году Анна Иоанновна скончалась. Князь Голицын зашвырнул подальше свой дурацкий колпак и, забрав жену-калмычку, уехал в свое родовое имение Братовщину. Здесь, вдали от двора, он занялся образованием своих сыновей, обучил их истории, математике, языкам, философии, к которой имел слабость еще в Сорбонне. В результате подарил России хороших государственных деятелей…

Что касается Ивана Балакирева, то архивные документы о нем скупо сообщают, что раз в три-четыре года за счет казны ему шили мундир преображенца и он ведал хозяйственными делами, получал продукты для дворцовых слуг, хлопотал на праздниках, заботился о воспитании и обучении своих детей.

Пришедшие к власти новые фавориты и временщики с удивлением узнавали, что скромный и малоприметный Балакирев – знаменитый шут Петра.

Уже при императрице Елизавете Петровне он попросил «абшид» (отставку) и, получив небольшой пансион, отбыл в Костромскую губернию в свое захудалое имение, где и умер в возрасте 64 лет в 1763 году.

Знаменитый композитор, пианист и дирижер Милий Алексеевич Балакирев, по утверждению некоторых историков, принадлежал к роду знаменитого шута, но сам Милий Алексеевич об этом никаких сведений или семейных преданий не оставил.

Свадьба в ледяном доме *26 По материалам И. Меттера.*

В 1725 году умер Петр Великий. Два года после него поцарствовала его любимая жена – Екатерина I. Еще три года управлял страной внук Петра Великого Петр II. Ему было 11 лет, когда он вступил на российский трон, и всего 14 лет, когда умер в Москве, заразившись оспой. А в 1730 году на царский престол взошла Анна Иоанновна, дочь старшего брата Петра – Иоанна.

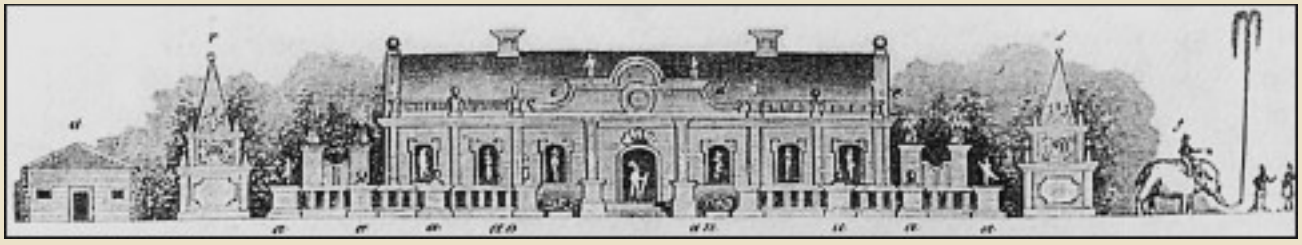
Отзывы современников об императрице разноречивы. Но все сходятся на том, что она была жестока, коварна и сумасбродна. Ее любовник, фаворит и доверенное лицо – курляндский герцог Эрнст Бирон – тоже оказался жестоким, властолюбивым и хитрым человеком.

Внешность царицы вызывала суровую оценку – преимущественно у женщин. «Престрашного она была взору, – писала об Анне Иоанновне княжна Ксения Долгорукова. – Отвратное лицо имела. Так велика была, когда межу кавалеров идет – всех головой выше и чрезвычайно толста!» И действительно, двухметрового роста, восьмипудовая племянница Петра Великого со следами оспин на лице (рябая!) могла быть «отвратна взору».

Анна Иоанновна вместе со своим любимцем Бироном потрясала страну казнями, пытками, ссылками и сумасбродными увеселениями. Один из историков пишет: «Лихие ветры страну качали великую, забирали тысячи жизней, возводили и низвергали веселых фаворитов». Русский двор при Петре I, отличавшийся своей малочисленностью и простотой обычаев, совершенно преобразился при Анне Иоанновне. А ведь прошло всего лишь 5—6 лет после смерти Петра! Императрица желала, чтобы двор ее в пышности и великолепии не уступал другим европейским дворам. Торжественные приемы, празднества, балы и маскарады происходили беспрерывно.

Среди приживалок у Анны Иоанновны была одна немолодая и очень некрасивая шутиха – калмычка. Звали ее Авдотья Ивановна. Однажды она сказала императрице, что охотно вышла бы замуж. Императрица пожелала сама подыскать калмычке жениха. На эту роль выбрали одного из шести шутов – разжалованного князя Михаила Алексеевича Голицына – внука знаменитого боярина петровского времени.

Немедленно создали особую «маскарадную комиссию». Решено было обвенчать шута и шутиху в специально построенном на Неве доме из льда! Благо на улице стояла жуткая стужа: термометр показывал минус 35 градусов. Свадьбу назначили на февраль 1740 года.

Ледяной дом. С чертежа 1740 г.

Комиссия выбрала для постройки Ледяного дома место на Неве между Адмиралтейством и Зимним дворцом – примерно там, где сейчас Дворцовый мост. Лед разрезали на большие плиты, укладывали их одну на другую и поливали водой, которая тотчас же замерзала, накрепко спаивая плиты.

В итоге фасад дома имел длину около 16 метров, ширину 5 метров и высоту – около 6 метров. Вокруг всей крыши тянулась галерея, украшенная статуями. Крыльцо с резным фронтоном разделяло здание на две половины. В каждой было по две комнаты: одна – гостиная и буфет, другая – туалет и спальня. Перед домом были выставлены шесть ледяных пушек и две мортиры, которые, кстати, стреляли. У ворот красовались два ледяных дельфина, выбрасывавшие из челюстей горящую нефть. На воротах стояли горшки с ледяными ветками и листьями. На ветках сидели ледяные птицы. По обеим сторонам дома возвышались ледяные пирамиды, внутри которых висели большие восьмиугольные фонари. Ночью в пирамиды влезали люди и поворачивали светящиеся фонари перед окнами – к удовольствию постоянно толпившихся зрителей.

В Ледяном доме в одной из комнат стояли два ледяных зеркала, туалетный стол, несколько шандалов (подсвечников), большая двуспальная кровать, табурет и камин с ледяными дровами. Во второй комнате были ледяной стол, два дивана, два кресла и резной буфет с посудой. В углах этой комнаты красовались две статуи, изображавшие купидонов, а на столе стояли большие часы и лежали карты. Все эти вещи «были весьма искусно сделаны изо льда и выкрашены приличными натуральными красками»! Ледяные дрова и свечи намазывались нефтью и горели. Кроме того, при Ледяном доме по русскому обычаю была выстроена ледяная же баня! Ее несколько раз топили, и охотники парились!

По именному высочайшему повелению к «курьезной свадьбе» привезли со всех концов России по два человека обоего пола «всех племен и народов». Всего набралось триста человек! Шестого февраля 1740 года состоялось бракосочетание сиятельного шута с шутихой – обычным порядком в церкви. После чего «свадебный поезд», управляемый канцлером Татищевым, проехал по главным улицам города.

Во главе «свадебного поезда» ехали «молодые» в железной клетке, поставленной на слона. А за слоном тянулись «поезжане», то есть приехавшие гости. Тут был и абхазцы, остяки, чуваши, черемисы, вятичи, самоеды, камчадалы, киргизы, калмыки. Одни ехали на верблюдах, другие на оленях, третьи на собаках, четвертые на волах, пятые на козлах и т.п.

После обильного обеда во дворце начались танцы. Потешное зрелище чрезвычайно забавляло императрицу и вельможных зрителей. После бала «молодая пара», сопровождаемая по-прежнему длинным «поездом» разноплеменных гостей, отправилась в свой Ледяной дом. Там их с различными церемониями уложили в ледяную постель, а к дому приставили караул «из опасения, чтобы счастливая чета не вздумала раньше утра покинуть свое не совсем теплое и удобное ложе».

Дальнейшую судьбу Ледяного дома проследил один из современников: «Понеже жестокая стужа с начала января месяца по самый март почти беспрерывно продолжалась, то и оный дом до того времени стоял без всякого повреждения. В исходе марта месяца 1740 года начал он к падению клониться и помаленьку, особливо с полуденной стороны, валиться».

О Ледяном доме говорили по-разному, в том числе и как о «глупейшем позорище». «В истории с Ледяным домом я вижу верх сумасбродства! – писал один из просвещенных людей того времени. –

Позволительно ли употреблять руки человеческие на работу столь суетную и ничтожную? Позволительно ли столь постыдным образом унижать человечество и надсмехаться над ним? Позволительно ли издерживать государственное иждивение на прихоти и забавы вздорные?! Забавляя народ, не надо развращать народные нравы!»

Тайна демидовских подземелий *27 По материалам В. Константинова.*

Под весом человеческого тела широкая кованая дверь медленно отворилась. Проржавевшие петли громко заскрежетали. Болезненный стон металла нарушил таинственную тишину, царившую вокруг Невьянской башни. Вырвавшийся из чрева башни сквозь приоткрытую дверь мрак поглотил скорбный вздох железа. Повеяло холодом, сыростью и страхом, словно из свежевырытой могилы. Казалось, что в воздухе еще витают пары человеческой крови.

Уже более двухсот лет стены Невьянской башни, расположенной под Екатеринбургом, в бывшей вотчине Демидовых, хранят молчание. Окутана тайной и история создания этого памятника. До сих пор неизвестно, кто же был автором проекта Невьянской башни, кто был ее строителем. Заказчиками же однозначно были Демидовы.

Башня задумывалась ими как административный и производственный комплекс. Высота ее примерно с двадцатиэтажный дом, ведь башня была своего рода сторожевой вышкой. Особо следует отметить комнату на четвертом этаже, которая называлась акустической. Если в любом из ее углов вполголоса что-либо скажешь, то слова отчетливо слышались во всех других углах. Но вот если человек стоит за спиной говорящего, он ничего не сможет разобрать – услышит только бормотание. Сегодня уже возможно объяснить подобный феномен, но тогда, в 1725 году, когда возводилась Невьянская башня, это было в диковинку. Очень роскошными для того времени были и часы-куранты в верхней части восьмигранного яруса. Гигантские циферблаты смотрели на север, юг и запад и могли играть двадцать музыкальных мелодий.

Невьянская башня

Не каждый состоятельный господин в те времена мог позволить себе строительство подобного сооружения. Но Демидовы смогли. Возможно, так они хотели увековечить память о своей всесильной семейной династии? Ведь Невьянская башня стала по сути символом могущества уральских железных магнатов. Да, Демидовы были по-настоящему богаты, их состояние росло из года в год. За неполное столетие им удалось построить около пятидесяти металлургических предприятий: каждые два года появлялся новый завод. Вместе с растущими в небо ярусами Невьянской башни росло и финансовое благополучие братьев Демидовых.

Лабиринты ужасов Мы специально вначале не обмолвились об еще одной примечательной особенности Невьянской башни. А она является, пожалуй, основной в ряду загадок. Первое, что бросается в глаза при визуальном знакомстве с башней, это то, что сооружение наклонено. Она напоминает «падающую» башню в Пизе. Сегодня нет доказательств того, было ли невьянское сооружение построено с наклоном (как определенная дань Уоде, Демидовы питали слабость ко всему итальянскому) или наклонилась по каким-то другим причинам. Мнения многих сводятся к тому, что башня начала «падать» в результате осадки фундамента.

Достоверно известно, что под башней находились огромные подвалы, лабиринты ходов, которые связывались с невьянским металлургическим заводом и домом Демидовых. Для чего же они были сооружены? На этот вопрос хотели получить ответ еще во времена демидовской династии. Но некоронованные короли Урала свято охраняли свою тайну.

Бытует легенда, что Невьянская башня покосилась именно от «злодеяний демидовских». Акинфий Демидов, прослышав как-то, что на завод с правительственной комиссией прибудет князь Вяземский, распорядился затопить вместе с людьми подвальные помещения башни. Вода размыла фундамент, и сооружение наклонилось.

Возможно, это легенда, зато имеется достоверный факт, как все тот же Акинфий своими доносами и жалобами, отправляемыми в Петербург, затерроризировал начальника уральских горных заводов А.Н. Татищева. Последний был неосмотрительным и пытался проникнуть в тайны «благородного семейства», за что и поплатился должностью (хорошо, что не жизнью!).

А были ли подвалы? Сохранились свидетельства невьянских старожилов, которые спускались в подземелья Демидовых. Путешествуя по лабиринтам, они находили небольшие комнатки с деревянными нарами, возле которых валялись глиняные чашки. А к стенам были прибиты цепи с оковами. Иногда попадались человеческие кости.

А еще в подвальных помещениях люди обнаруживали плавильные печи. Для чего они нужны были Демидовым и почему находились под землей?

Акинфий Демидов был всегда рад гостям, но только тем, кто совсем не интересовался «железным делом». В картишки любил перекинуться. Азартным был игроком и всегда на деньги играл.

Приехал к нему как-то ревизор из Петербурга. Человеком оказался сговорчивым. Работу свою сделал, как Акинфий велел, ну и всю командировку с хозяином в карты резался. В один из вечеров Демидов проигрался до нитки. Играли они в Невьянской башне. Зарычал тогда Акинфий, не любил он проигрывать, стукнул кулаком по столу да выскочил из комнаты. Не прошло и нескольких минут, как снова вернулся и, хитро глядя на соперника, высыпал на стол кучу серебряных монет. Все монетки были новенькими, блестящими и еще теплыми…

Куда же бегал Демидов? Есть основания полагать, что он спускался в те самые подвалы, в которых отливали серебро и чеканили монеты. А по свидетельству исследователя В.П. Доброхотова, в Невьянске в 1890 году в одном из заводских зданий была обнаружена подземная мастерская с несколькими плавильными горнами. Только вот что приготовлялось на том огне?

В 1970 году исследователи решили сделать анализ сажи. Они соскоблили образцы с дымоходов Невьянской башни, расположенных на уровне четвертого этажа, и выявили, что в саже содержится серебро.

Пожалуй, именно этот эксперимент дает ответ на вопрос: выплавлялось ли серебро в подземельях Демидовых. Еще императрица русская, гостившая в вотчине Акинфия Демидова, вдруг спросила его,

увидев серебряные монеты: «Чьей работы, моей или твоей?» Демидов, прищурив один глаз и хитро улыбаясь, тут же нашелся: «Все твое, матушка…»

Конечно же, великий промышленник Урала лицемерил. Ведь не для казны государственной чеканил он «деньгу», а ради собственного благополучия.

Загадка княжны Таракановой *28 По материалам А. Трофимова.*

Кто-то из наших классиков однажды сказал: «История России мне напоминает огромную паутину, плотно сотканную из сплошных тайн и дворцовых интриг. Ее распутать практически невозможно, поскольку паутина обычно не имеет ни начала, ни конца».

Императрица Елизавета Петровна – дочь Петра I – была возведена на престол в 1741 году. Ее морганатический брак с графом Разумовским полон тайн и загадок. Не менее загадочна и судьба их детей. Французский историк Ален Деко попытался исследовать некоторые малоизвестные события из жизни императорского двора той далекой эпохи.

В Париже в 1772 году интригующих событий было мало. Поэтому неожиданное появление там незнакомки, именовавшей себя поначалу княжной Владимирской, а потом дочерью покойной императрицы Елизаветы Петровны, не могло не вызвать в светских кругах повышенного интереса. Эту таинственную красивую и грациозную молодую даму современники описывали по-разному, однако в большинстве случаев отмечали ее заметное внешнее сходство с Елизаветой. Может быть, сходство было случайным, но только не для тех, кто в «самозванке» хотел видеть законную претендентку на российский престол.

А Россией в то время уже правила другая импозантная дама. Легитимность вступления на царствование в 1762 году Екатерины II оспаривалась многими. Ее бескомпромиссная и жесткая внешняя политика не давала покоя ни ближним, ни дальним соседям России. Трудно было придумать лучший повод для распространения грязных сплетен и склок: внучка царя Петра – законная наследница престола – обивает европейские пороги, в то время как на российском троне восседает немка второсортных княжеских кровей, которая к тому же еще и организовала убийство собственного мужа – законного императора Петра III.

Биография княжны Таракановой была настолько запутанной (в ней присутствовал даже персидский след), что порой казалась совершенно абсурдной. Но каждый раз в трудную минуту у нее под рукой находились влиятельные покровители и советники (кстати, большей частью ее любовники), которые помогали восстановить пошатнувшийся имидж. Когда Таракановой становилось совсем невмоготу доказывать свою правоту, она вытаскивала из шкатулки духовное завещание Елизаветы Петровны, в котором черным по белому было зафиксировано ее право на корону Российской империи. Тогда никто криминалистическим анализом почерков не занимался, но, по свидетельству очевидцев, завещание было похоже на подлинное. Откуда же оно у нее появилось? Тараканова утверждала, что надежные друзья помогли ей раздобыть архиважный документ в Санкт-Петербурге и переправили его во Францию. Императорский двор доказывал обратное: завещание – чистейшей воды фальшивка.

Княжна Тараканова. Рельеф неизвестного скульптора XVIII в.

Нужно сказать, что и сама наша героиня оказалась не робкого десятка. Прекрасно владея несколькими европейскими и восточными языками и зная толк в интригах, она не стеснялась заводить влиятельные знакомства повсюду, где только возможно. Любой разведчик мог бы позавидовать ее способностям. Таракановой покровительствовал король Франции Людовик XV. Константинополь безоговорочно одобрял ее планы завладеть российским престолом, очевидно, надеясь с помощью новой императрицы оттеснить Россию с Черного моря. «Княжны в изгнании» всячески помогало британское внешнеполитическое ведомство. Ее даже собирались представить папе.

Была ли легенда Таракановой построена на сплошном блефе? Она всем заявляла, что родилась от тайного брака Елизаветы Петровны с Алексеем Разумовским. Такой брак существовал на самом деле. Простому украинскому казаку Алексею Роўзуму в жизни крупно повезло. Он пел в дворцовом церковном хоре, и на него положила глаз императрица. Спустя некоторое время голосистый казак стал ее любовником. На любовном фронте дела у Алеши-казачка пошли настолько успешно, что вскоре чины и награды посыпались на его голову как из рога изобилия. В конце концов его стали величать графом Разумовским, а в чине повысили до фельдмаршала. Шарль де Лавирьер, исследователь биографии Таракановой, считает, что у них было по меньшей мере двое детей, которых после рождения якобы нарекли князем и княжной Таракановыми. Могла ли об этом понаслышке знать «княжна-авантюристка», если таковой она была? Историки не

исключают, что такую информацию ей могли предоставить многочисленные «доброжелатели» российского престола.

Чашу терпения Екатерины II переполнили слухи о готовящемся поляками заговоре, в котором Таракановой отводилась ключевая роль. Россия всегда считалась державой дворцовых заговоров и переворотов, так почему бы и теперь, как считали поляки, не выставить на щит «забытую всеми княжну, которая, заняв престол, станет своим человеком? Очевидно, заговор против Екатерины готовился давно и тщательно, о чем стало известно в северной столице. С того времени о Пугачеве и Таракановой заговорили как о самых главных врагах российской короны. Физическое уничтожение «мятежной негодяйки» где-нибудь во Франции или Италии не входило в планы императрицы. Кто знает, во что бы все это потом вылилось. Скорее всего, Екатерина не хотела раздувать большого международного скандала, а поэтому лучше всего было припрятать «самозванку» в родных пенатах. Императрица, конечно же, знала о завещании, которым бравировала Тараканова. А чем черт не шутит! Вдруг в руках ее конкурентки находится карта, которая может оказатьсякозырной?

Спецоперацию по захвату Таракановой поручили адмиралу Орлову, брату фаворита императрицы, чьи корабли несли службу в Средиземном море. Он должен был любой ценой – хитростью или силой – захватить «самозванку» и доставить целой и невредимой в Россию. Адмирал выполнил свою миссию блестяще. Княжна оказалась жертвой своих собственных слабостей. Она настолько поверила в искренность адмирала, который обещал стать ее мужем, что согласилась отпраздновать их свадьбу на российском военном корабле. Там-то Тараканова и была арестована.

По прибытии в Санкт-Петербург ее бросили в Петропавловскую крепость. Узницу допрашивал самолично канцлер Голицын. Все материалы допросов ложились на стол к Екатерине II. Ни в чем существенном Тараканова не призналась. Она сильно путалась в своих объяснениях, дополняя их все новыми и новыми деталями. Однако до конца разобраться в ее сложном жизненном пути так и не удалось. Тараканова не исключала того, что ее матерью могла быть Елизавета Петровна. На всех допросах она называла себя Елизаветой, как бы подчеркивая свое необычное происхождение. 3 декабря 1775 года таинственной узницы не стало. Она скончалась от чахотки. Ее похоронили в безымянной могиле.

Те, кто близко знал Екатерину II, говорили, что она ожидала от допросов большего. Императрица была чем-то сильно взволнована. Возможно, она понимала, что на ее глазах разыгрывается самый настоящий спектакль, в котором ей по долгу службы отведена роль своего рода палача. Екатерина II запретила проводить дополнительное расследование. На том же якобы настаивал и Голицын. Видимо, для этого были веские причины. Так кем же все-таки была Тараканова? Спустя много лет после смерти узницы Петропавловской крепости посол Франции в России, маркиз де Врак, провел собственное дознание и пришел к выводу, что Тараканова действительно была дочерью Елизаветы Петровны и Разумовского. К такому же заключению пришел и историк Шарль де Лавирьер. Тем не менее в трагической истории княжны Таракановой пока что больше вопросов, чем ответов.

Подземные заводы графа Баташева *29 По материалам Н. Кривцова.*
Петляет, извивается Ока, пересекая рязанские земли. Изменчив ее фарватер, мастерства и постоянного внимания требует река от капитанов, ведущих по ней суда. То к одному берегу жмутся бакены, обозначающие судоходное русло, то, за очередной излучиной, уже зовут теплоход к другому. Кружит Ока, и солнце за полчаса успевает по нескольку раз поочередно заглянуть в окна кают по левому и правому борту. Разбивается на русла, заманивает в старицы, и тогда сверху, с высокого берега кажется, что тускло поблескивающая среди бескрайних равнин поверхность воды замыкается в кольца и восьмерки. То разливается в плесы, то вдруг сжимается, и земляные берега словно соревнуются: кто сильнее сдавит реку. Спокойное, неспешное там течение Оки, но коварна река, она словно дразнит плывущих по ней, стараясь завлечь, околдовать, являясь каждый раз в новомобличье…

Лежащие некогда к северу от Оки муромские леса – густые, бескрайние – имели недобрую славу, места эти считались опасными, таинственными, полными лихих, недобрых людей. Леса поредели, кое-где вообще сейчас исчезли, худая слава сохранилась за ними лишь в книгах да народных преданиях. Но колдовской, таинственный дух все же еще витает в природе, в пейзажах по берегам Оки.

Гусь Железный в наши дни

Несколькими километрами выше Касимова с севера в Оку впадает река Гусь. В верхнем ее течении расположен город Гусь-Хрустальный, тот самый, что знаменит своим стекольным производством. А недалеко от впадения Гуся в Оку находится когда-то не менее известный своим чугунолитейным заводом, а ныне забытый Богом Гусь-Железный. Там, где, вследствие запруды Гуся, Колпи и Нары, образовалось большое искусственное озеро, в екатерининские времена в старинном селе Погост предприниматель и вельможа Андрей Баташев создал свой завод, назвав

его по реке Гусь-Баташев, или Гусь-Железный. Это было крупное по тем временам производство: в середине позапрошлого века, в не самую уже лучшую для завода пору, он производил 6,5 тысячи тонн железных изделий в год. В период же наивысшего расцвета Гуся-Железного усадебный и производственный комплекс представляли поистине грандиозные для своей эпохи сооружения. Но не столько своими железными изделиями, сколько нравом завоевал известность основатель заводов. «При посредстве своего огромного состояния Баташев делал все, что хотел. Его необузданность была легендарна и оставляла далеко позади себя все, что может представить себе фантазия современного культурного человека», – отзывался о Баташеве один из его современников.

Действительно, Баташев приобрел огромную власть и влияние в окрестных местах, превратившись в почти всесильного хозяина здешних краев, а его имение посреди колоссальной вотчины заслужило прозвище «Орлиного гнезда».

«Полуразрушенная теперь каменная стена, больше двух верст длиной, охватывает как бы крепостным кольцом площадь, где кроме огромного барского дома с десятком флигелей и бесконечных служб, помещается парк, «страшный сад», грандиозные развалины театра и, наконец, – более 20 оранжерей» – так описывалось баташевское имение на реке Гусь в 1923 году в касимовской газете «Красный восход».

К сожалению, уже более семи десятилетий «Орлиное гнездо» лежит в руинах, но раньше, когда все постройки были целы, они представляли собой впечатляющее зрелище и вызывали огромный интерес у всех, кто здесь бывал, в том числе, разумеется, и у специалистов: в Баташево до революции не раз специально приезжали члены археологических обществ из Москвы и Петербурга. Особенно интересовала их «подземная часть и плотина», про которую в одном из докладов в Московском археологическом обществе в 1903 году было сказано, что «равной ей по оригинальности устройства и ценности трудно найти во всей России». Что же касается «подземной части», то с ней как раз и связано большинство преданий и легенд, она до сих пор окружена тайнами, которые ждут разгадки.

Относительно истории появления Баташевых в здешних местах существуют разные версии. Известно точно, что они были богатыми тульскими заводчиками.

П. Свиньин, описывая историю баташевских заводов, в 1826 году писал: «В 1755 году тульского заводчика Родиона Ивановича Баташева дети Андрей и Иван, приискав руду… в бывшей Шацкой провинции, Касимовского стану, при речке Унже… представили ее в берг-коллегию и на просьбу свою получили позволение построить завод». Дела братьев пошли хорошо, и к 1783 году они владели уже восемью заводами, расположенными по обоим берегам Оки. Тогда Андрей и Иван решили произвести раздел собственности, и каждому досталось по четыре завода, среди которых у Андрея был Гусевский, основанный в 1759 году, а у Ивана – Выксунский завод, основанный в 1767-м.

С самого появления Баташевых на берегах Оки вся их деятельность, а особенно невиданный там доселе ее размах и затраты, с ним связанные, поражали воображение людей. Поползли, как водится, всякого рода слухи. Сказывали, будто Баташевы основали чугуноплавильные и железные

заводы, «самовольно захватив большое количество земель и еще большее количество лесов, принадлежащих казне». А самое вызывающее их самоуправство и беззаконие состояло якобы в том, что они «приписывают к заводам всех беглых помещичьих крестьян со всей России и даже беглых солдат, да не десятками, а сотнями в год». Особенно, говорили, они разошлись после пугачевского бунта, приписав сразу к заводам до семи тысяч беглых и сразу расширив свое дело, производство и сбыт.

Согласно тем же преданиям, деятельность Баташевых даже велела расследовать Екатерина II, ибо братья «начали дело просто грабительское по отношению к казне». Однако выяснилось удивительное: в диких муромских лесах подати и повинности уплачивались неукоснительно и вернее, чем где-либо еще, а один, выполненный Баташевыми военный заказ, с которым уже было собирались обратиться за границу, «был сделан весьма рачительно, поспешно и даже изрядно». А по сему было приказано: «Оставить и смотреть сквозь пальцы». Затем последовал заказ от князя Потемкина. Баташевы поставили все за смехотворно мизерную сумму, но просили упорядочить их «бесписьменное» положение. С тех-то пор братья и стали законными собственниками огромного состояния – наполовину похищенного, наполовину созданного собственными руками. Баташевы гордо подняли головы и стали распоряжаться и повелевать всем краем, уже ничего не опасаясь. Какой-то петербургский сенатор даже прозвал их «владимирскими мономахами».

Какой бы из вариантов мифологии, связанный с Баташевыми, ни был верен, но один факт остается непреложным: Баташевы с середины 50-х годов XVIII века стали владельцами огромных земельных наделов и железных заводов на Оке, имели дворянское звание, а князь Потемкин всячески им покровительствовал.

До раздела заводов их полновластным хозяином был Андрей Родионович, а Иван проживал в столицах «для коммерческих и других целей». Приехав после раздела имущества на Выксунский завод и превратив его в свою главную вотчину, Иван полностью посвятил себя производству и достиг на этом поприще больших успехов – его заводы благодаря качеству своих изделий обрели славу по всей России. Он всячески поощрял художников и мастеров на своих заводах, и потому на них выросло немало талантливых самоучек и просто хорошо образованных людей. Иван Баташев ввел новый, более экономичный способ получения древесного угля, постоянно улучшал качество чугуна и стали.

По воспоминаниям современников, характер у Ивана Родионовича был «твердый, постоянный, ум наблюдательный, рассудок здравый, хотя и не пылкий». В домашней жизни он любил мир и тишину. Ум и твердость характера были, видимо, фамильными чертами Баташевых, но в остальном брат Ивана Андрей был иного нрава.

«Если бы сатана был не поэтическим вымыслом, а существовал в действительности и вздумал бы воплотиться в человеческий образ, то, конечно, для своего воплощения он взял бы именно Андрея Родионовича Баташева, – писала в 1928 году в приложении к газете «Красный восход» касимовский краевед Л.П. Чекина. – Выдающийся ум, колоссальная энергия соединились в нем с не меньшей жестокостью и дерзостью, переходившей в издевательство не только над соседними помещиками, но

и над тогдашними властями».

Облюбовав место для своей резиденции по соседству с бойким тогда торговым трактом из Мурома в Касимов, Андрей Баташев согнал туда чуть ли не весь народ из подвластных ему теперь деревень, и меньше чем через два года на огромной, окруженной лесом поляне появилась усадьба-крепость, обнесенная сплошной каменной стеной двухсаженной высоты с башнями и бойницами, способная выдержать настоящую осаду. Три двора были окружены каменными флигелями, людскими и всевозможными службами, которые еще в начале нашего века, хоть и полуразрушенные, поражали своей величиной и численностью.

Такое обилие жилых построек объяснялось, по-видимому, тем, что в числе особых «царских милостей» Баташеву было дано разрешение иметь собственный егерский полк – «людей в полторы тысячи». И вот эта-то дружина, вернее, «опричнина», и помещалась со своим хозяином за крепостной стеной усадьбы, составляя такую силу, перед которой приходилось трепетать не только всей окрестности, но часто и губернским властям. По архивным данным видно, что «егерей было числом 800, да дворовых людишек – 175 человек, кои в барской усадьбе жительство имели».

О происхождении баташевских «егерей» рассказывают такую историю. В числе прочих заводов был у Андрея Родионовича и Верхнеунженский, стоявший в непроходимом месте. В 1788 году Баташев, в связи с тем, что Россия объявила войну Швеции, предложил государыне безвозмездно отлить для артиллерии пушки и ядра. Государыня охотно приняла предложение: пушки были отлиты и кое-как, при помощи солдат доставлены на Гусевский завод. Но тут случилось нечто весьма неприятное для Баташева: офицер-приемщик стал браковать баташевские изделия. Андрей Родионович этого не стерпел, рассерженный, вбежал к офицеру, и что между ними произошло – неизвестно; известно только, что офицер неожиданно куда-то исчез, но куда, этого никто не знал. Приехал другой офицер, который все принял, а Баташев за свои изделия получил чин, дорогие подарки и дозволение иметь стражу, которая постоянно окружала его дом и конвоировала его карету.

За огромным, в два этажа, барским домом находился парк и сад, который еще при жизни Андрея Родионовича получил жуткое название «страшного сада». Посредине его был устроен позорный столб, к которому привязывали провинившегося для наказания плетьми перед лицом всей дворни – наказания, после которого часто убирали уже мертвое тело. У этого же столба по два-три дня морили голодом и жаждой привязанных, как собак, людей, а зимой часами держали босых и в одних рубахах. Здесь же устраивалась «потеха» – борьба с медведем, на которую выходил любоваться сам барин.

Справедливости ради надо все же отметить, что «холопов» Баташев трогал редко, конечно, при условии абсолютного повиновения не только его слову, но и малейшему «движению бровей». Колоссальное богатство Баташева делало совершенно лишним и большие поборы с крестьян, и материальное положение его крепостных было значительно лучше, чем у соседних помещиков, дравших с них три шкуры.

Рядом с этим местом страданий в парке воздвигались десятки оранжерей, каменное здание театра, какому позавидовал бы любой губернский город, павильоны и беседки. Одна из них носила название «павильона любви» и служила местом оргий вельможи и его гостей, которых услаждали дворовые девушки, одетые нимфами, баядерками и богинями Олимпа.

Но не забывал Баташев и своей прирожденной купецкой практичности: вместе со всеми причудами того времени шла работа по возведению плотин, которыми были запружены речки, образовавшие то самое, существующее и поныне огромное озеро около 30 верст в окружности, и чугунолитейного завода, производимые на котором изделия были, похоже, не хуже, чем у Ивана Баташева. Их-то и можно увидеть сегодня в касимовском музее.

Впрочем, своим заводам Андрей Баташев со временем уделял все меньше внимания, найдя, судя по всему, другие источники обогащения – не только более прибыльные, но и соответствовавшие его натуре феодала-разбойника, любящего во всем дерзость и размах. Но как бы то ни было, все огромное поместье с заводом и плотиной было закончено меньше, чем через два года, и тут-то и начался период деятельности хозяина «Орлиного гнезда», который сразу вызвал удивление и страх всей округи и породил массу слухов, не подтвержденных, но и не опровергнутых по сей день.

Как-то вечером несколько сот рабочих были вызваны к «самому» в громадный зал «хором». Что им говорил Баташев, не знает никто, известны лишь напутственные слова, сказанные им уже на крыльце: «Коли волю мою будете выполнять усердно, – всем награда на весь ваш век, но ежели кто-нибудь слово проронит, хоть во сне или попу «на духу» – то сделаю такое, что покойники в гробах перевернутся!»

На следующий день рабочие были разделены на две партии, одна из которых с наступлением ночи исчезла за чугунными воротами барской усадьбы и вышла из них только через сутки, когда ей на смену туда вошла вторая. Усталые и мрачные выходили рабочие со своего «дежурства», но никто ни о чем не смел их спрашивать – слишком трепетали все перед грозным владыкой. Стало известно только, что каждую ночь с барского двора тянутся целые обозы с землей, которую ссыпают к озеру, а туда ввозят тесаный камень, болты на двери железные – «точно другую усадьбу строить собираются», хотя вся постройка была уже как будто закончена. Чугунные ворота день и ночь охранялись стражей, и ничей любопытный глаз не мог проникнуть за стены усадьбы без воли властелина.

Днем там, в общем-то, все было спокойно, и только с наступлением темноты начиналась кипучая загадочная деятельность, продолжавшаяся почти год. Конечно, и тогда многие в округе догадывались, что новоиспеченный вельможа, как крот, под землей другие хоромы строит, но где ход в эти таинственные постройки, для чего они делаются – никто не знал. Как только началась загадочная ночная жизнь, было отдано строжайшее приказание всем живущим за стенами феодальной крепости с наступлением темноты запираться в своих помещениях и не сметь отворять ни окна, ни двери до тех пор, пока утром не зазвонит колокол, повешенный над чугунными воротами усадьбы. Только несколько человек отборных

опричников целыми ночами стояли в карауле, охраняя тайну своего повелителя.

«Егерская дружина» Баташева не только рабски повиновалась своему барину, но и действительно проявляла преданность, как бы гордясь безграничной силой и властью своего владыки.

«Барскую службу» приходилось нести не постоянно и больше ночами, а остальное время шайка только ела, пила, охотилась в окрестных лесах да преследовала своей «любовью» девушек не только дворовых, но и из ближайших деревень. Никаких жалоб на свою «дружину» барин не принимал ни от кого – ни от простых крестьян, ни от соседних помещиков, а, наоборот, всегда готов был встать на защиту своих молодцов, которые чувствовали себя под его властной рукой в полной безопасности, какие бы безобразия ни творили.

Только завершив строительство своих «хором» – как видимых, так и подземных, Баташев привез из Тулы семью – жену с двумя сыновьями. По рассказам людей, знавших ее, эта первая жена из тульского купечества была тихая, кроткая женщина, «смиренница», полная противоположность своему грозному владыке, перед которым она трепетала не менее любого из дворовых. Для нее с детьми была отведена отдельная половина, приставлен целый штат «мамушек да нянюшек», после чего барин как бы совсем забыл о существовании жены-купчихи, могущей только «оконфузить» его.

В одну из своих частых поездок в Петербург он вступил в масонскую ложу, где состояли членами чуть ли не все аристократы того времени, и благодаря этому завязал знакомство и дружбу с массой влиятельных лиц столицы, которые все чаще стали превозносить ум и щедрость нового вельможи, а некоторые приезжали даже отдохнуть от дел правления государственного в дальнее поместье масона-помещика.

Теперь чугунные ворота не запирались ни днем, ни ночью, и, когда «сам» был дома, в усадьбе дни и ночи шел нескончаемый праздник, а толпа гостей, начиная со столичных и губернских вельмож и кончая мелкопоместным дворянством, наполняла дом и огромные флигели.

В круговерти шумной жизни мало кто задавался вопросом – откуда берется та масса червонцев, что рекой текут из рук щедрого вельможи?

Дворовые да заводские рабочие знали лишь, что за барской усадьбой выстроена целая слобода для трехсот рабочих, которых барин привез откуда-то со стороны и, видимо, платил им большие деньги, так как жили они «гостями». Но вот что было странно: дома ли, в кабаке ли, на гулянье ли можно было видеть только 150 человек, остальная же половина всегда отсутствовала.

Неизвестно, кто был смельчак, решившийся выслеживать «барских рабочих», но все же скоро выяснилось, что ровно в полночь 150 этих таинственных рабочих отправлялись к одной из башен в задней стене парка и исчезали за ее дверями. Оттуда, один за одним, выходила другая половина и безмолвно рассыпалась по своим домишкам. Долгое время напрасно старались допытаться от кого-нибудь из них – куда они ходят ночами и что делают, но и от пьяных даже получали один ответ: мол, своя голова еще не надоела, а «с барином шутки плохи». Некоторые вообще отвечали угрозой доложить самому об излишнем любопытстве дворовых,

после чего всякие расспросы прекратились. Тайная сторона деятельности Баташева так и осталась бы скрытой от всех, если бы и здесь – как это не раз уже бывало в истории – не оказалась замешана женщина.

Один из рабочих, на свое несчастье, без памяти влюбился в заводскую девушку Грушеньку, которая условием своей благосклонности поставила его рассказ о том, где он пропадает целыми сутками и что там делает. Долго клялась она и божилась, что и попу на исповеди не проговорится, и сдался рабочий, рассказал ей все. А спустя немного времени по округе пошла глухая молва о том, что в «подземных хоромах» устроен монетный двор, где день и ночь «работаются червонцы» теми самыми рабочими, что привез барин с чужой стороны.

Конечно, все разговоры велись шепотом, в темных углах, но Баташев не только узнал про эти слухи, но и установил, откуда они пошли: в одну и ту же ночь пропали без вести влюбленный рабочий и болтливая Грушенька. А потом две ночи подряд люди, проходившие случайно мимо господской усадьбы, со страхом передавали, что откуда-то, точно из-под земли, слышны были слабые глухие стоны и крики, но такие страшные, что «волос дыбом становился». Все догадывались, кто умирал медленной мученической смертью в подземных застенках, но уже никто не смел проронить хоть слово.

У Баташева была страсть скупать имения соседей, прилегавшие к его колоссальному поместью. И вот как-то раз, заехав в самый глухой уголок своего «княжества», он увидел маленькую усадьбу, которую решил немедленно «приобщить», для чего сейчас же заехал к ее хозяину, с первых слов предложив ему крупную сумму за родовое гнездо.

Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы не вышла угощать гостя дочь хозяина, оказавшаяся такой красавицей, что Баташев сразу влюбился в нее, как мальчишка, и на другой день заявил помещику, что «жив быть не хочет», коли тот не отдаст ему в жены свою дочь.

Растерялся сначала захолустный помещик от такого неожиданного заявления всевластного вельможи, однако, оправившись, твердо сказал, что хоть и беден он и понимает, как трудно ему бороться с таким «большим барином», но все же, пока он жив, дочь его не будет ничьей наложницей. Почему и здесь Баташев не употребил, по своему обыкновению, насилия, неизвестно, но только спокойно заявил, что вовсе не собирается делать дворянку своей любовницей, а просит его «родительского благословения» на законный брак с его дочерью. И войдет она в его дом после церкви не только «венчанной женой», но и полной хозяйкой.

Не поверив в слухи о том, что Баташев уже женат, старик дал свое согласие, а счастливый жених двинулся домой, наказав невесте и всей ее родне готовиться к свадьбе. Приехав в свою вотчину, он сейчас же послал за попом и безо всякого вступления заявил растерявшемуся священнику, чтобы тот готовился венчать его не позже, чем через неделю, и что к этому сроку в церкви все должно быть устроено самым блестящим образом. Батюшка было попытался что-то возразить, говоря барину, что тот уже и так в законном браке обретается. Но грозный барин священнику и кончить не дал: так гаркнул на бедного попика, что тот, говорят, еле на ногах устоял. Мол, один тут у всех вас закон – моя барская воля!

Священник был, видимо, не из породы мучеников за веру, и ровно через неделю вся громадная церковь сияла тысячами свечей, всюду были разостланы дорогие ковры, расставлены цветы и пальмы из господских оранжерей, а «сам» в великолепном кафтане, усыпанный бриллиантами, встречал свою красавицу невесту на церковной паперти. Когда безбожный вельможа разослал по всем концам губернии гонцов сзывать гостей на свадебный пир, все страшно возмущались таким невиданным беззаконием. Но все же к назначенному времени громадная усадьба еле вмещала съехавшихся гостей, а свадебный стол, как свидетельствуют архивы, «готовился на 810 кувертов».

Еще в канун свадьбы из барской конторы было послано смирившемуся батюшке денег две тысячи рублей «самому», да на украшение храма, да еще с барской конюшни – «жеребца серого со всей сбруей и колымажкой новой».

Во вторую свою жену Баташев влюбился, видимо, не на шутку. Светлый и радостный ходил «грозный барин», почти не расставаясь со своей красавицей женушкой, ради которой не только прекратил оргии в «павильоне любви», но и почти все прочие шумные потехи, которые были не по вкусу новой владычице Гусь-Баташева. Первая же жена продолжала жить в том же доме, еще накануне свадьбы барин зашел на ее половину и заявил: «Как ты жила, так и живи – всем в доме места хватит, и никто тебе обиды не сделает, а дети все одно – моя кровь и мои наследники». Затем созвал всю дворню: «Не вздумайте кто посметь чем-нибудь не угодить прежней барыне – коли кто слово ей не так молвит – запорю».

Но уже на второй год семейной идиллии начал Баташев скучать по прежним потехам. Сначала возобновились шумные охоты, пиры с вновь нахлынувшими гостями, а скоро и «павильон любви» засиял и по ночам стал оглашаться музыкой, пением и пьяными выкриками. Вторая жена вместе с новорожденным сыном и особым штатом придворных была также отправлена на отдельную половину, но «сам» часто заходил к ней, она же всегда присутствовала на пирах и празднествах, когда съезжались дамы. Вообще, он хорошо относился к ней, требуя только, чтобы она не вмешивалась в его жизнь, являясь лишь по зову «пред светлы очи».

А через некоторое время новый слух взволновал всю округу: в десяти верстах от имения Баташева, в дремучем лесу, был ограблен огромный обоз, везший товары из Касимова в Муром. Часть извозчиков была перебита, а часть успела разбежаться и спрятаться в лесу. Добравшись еле живыми от страха до ближайшей деревни, они рассказывали, что их окружил целый отряд всадников «в черных образинах», и те стали стрелять по ним из пищалей. Все спасшиеся удивлялись лошадям и амуниции нападавших: на разбойников не похожи – точно войско какое! Никто не смел ничего сказать вслух, но молва расходилась все шире и шире, и втихомолку Баташева стали называть не только «масоном-безбожником» и «монетчиком», но и просто «душегубом-разбойником». А случаи ограбления богатых обозов стали повторяться все чаще и чаще, так что губернские власти волей-неволей должны были устроить расследование, которое, впрочем, конечно, ничего не раскрыло.

Так бы все и шло, если бы Андрей Родионович хоть немного знал меру своим лихим забавам. Но он, наоборот, все больше входил во вкус.

Если чеканка червонцев и нападения на обозы никакими документами не подтверждаются, а основываются лишь на устных рассказах, слухах и легендах, то проявления столь же разбойничьего нрава Баташева в его делах заводских, промышленных, неоспоримы.

Тем не менее ему все сходило с рук, его дерзость становилась все более неуемной. Ночные налеты, видимо, пришлись ему по вкусу, и на Муромском тракте стала опасно проезжать не только купцам, но и богатым помещикам. Этим последним, впрочем, всегда давалась привилегия – он никогда не убивал, а только отбирал деньги и ценные вещи.

Но поведение и проделки Баташева становились все более наглыми и дерзкими, и ему, соответственно, все сложнее становилось выходить сухим из воды. Однажды на Муромском тракте был ограблен великолепный выезд одного крупного петербургского сановника, который ехал в гости к брату. Узнав в Касимове, куда он добрался начисто обобранный, что такие случаи регулярно повторяются вблизи владений Баташева, этот вельможа, вернувшись в столицу, поднял там шум, требуя тщательного расследования всех темных дел этого разбойника. Извещенный своими благожелателями о происшедшем, Баташев немедленно сам отправился в столицу, где и пробыл несколько месяцев, пуская в ход не только подкуп, покровительство Потемкина, но и всю свою дьявольскую изворотливость, чтобы снять с себя всякое подозрение.

Как раз тогда он знакомится на одном придворном балу с вдовой некоего заслуженного генерала, дамой уже не первой молодости, но еще красивой и бойкой обворожительницей, и снова влюбляется в нее, как мальчишка.

Недолго думая, он делает ей предложение и легко получает согласие, тем более что, судя по тому же, некогда хранившемуся в Гусе-Баташеве портрету, Андрей Родионович обладал незаурядной внешностью. (По рассказам старожилов, помнивших его уже семидесятилетним стариком, лицо Андрей Родионович имел выразительное; на нем ясно отражались и его ум, и его железная воля.)

Шумно и весело прошла блестящая свадьба, на которую собралась чуть ли не вся столица, и вскоре новобрачные отправились в свое поместье, куда заранее были высланы гонцы с приказанием о торжественной встрече, которую должны были устроить свежеиспеченной барыне.

Неизвестно, когда рассказал Андрей Родионович новой жене об ее оригинальном положении «третьей барыни», но из всех имеющихся свидетельств видно, что положение это ее не тяготило, и жили они с барином душа в душу. По натуре, видимо, она была самой подходящей женой грозному барину – ездила с ним на охоту, любила принимать гостей и не менее строго, чем «сам», взыскивала с провинившихся.

Но грозовая туча уже висела над «Орлиным гнездом», и скоро разразился удар, от которого вздрогнул сам неустрашимый вельможа. После вступления на престол Павла все круто изменилось. Начались гонения на всех любимцев Екатерины, живших в столице, а затем добрались и до темного прошлого баташевского магната.

Однажды прискакал к нему нарочный с секретным извещением от благожелателя из столицы, что назначена строжайшая ревизия всех его дел, особенно касающихся слухов о монетном дворе, находящемся где-то в тайниках баташевской усадьбы. Раньше бы это не смутило грозного владельца – он знал, что никто из дворовых не дерзнул бы донести на него, не исключая и тех рабочих, которые продолжали посменно исчезать в одной из башен парка. Но теперь всем было известно, что положение владыки пошатнулось, и на него могла найтись управа. Тогда-то, по рассказам, и произошло одно из самых страшных деяний Баташева.

Когда на другой день после приезда «эстафеты» очередная смена «ночных» рабочих ушла на свои всегдашние занятия, ей никто не вышел навстречу: барский доверенный еще днем сказал всем, что надо разом покончить со спешным делом, после чего барин выдаст всем по 100 рублей и отпустит людей по домам.

Веселые и радостные ходили в тот день рабочие и всем хвастались, что, мол, «скоро сами богатеями будем и уйдем от вас на родную сторону». Такие же веселые шли они и на «последнюю работу», но больше никто их уже никогда не видал… Как в воду канули 300 человек, а управляющим было объявлено, что барин «тех рабочих отпустил домой, а стройку их жертвует своим заводским». Как ни боялись все Андрея Родионовича, но все же пошел кругом возмущенный глухой гул, особенно когда один из любимцев барина в тот же вечер в кабаке сбрехнул, что, мол, теперь хоть сто ревизий приезжай, никто ничего не дознается, все у нас «шито-крыто»…

Все поняли, что не добром исчезли без следа сразу 300 человек, а когда на другой день и проболтавшийся любимец «нечаянно утонул», то ни у кого не осталось сомнения в том, что барин ловко схоронил концы.

Приехавшая ревизия ничего не смогла открыть, так как никто теперь не знал, где искать вход в «подземные хоромы», и хотя показали башню, куда входили рабочие (отпущенные домой и убиравшие парк), но там оказалась только дверь в сад и больше ничего… Но страшное предание прожило более ста лет, и еще в начале прошлого века местные крестьяне рассказывали, будто «барин собственноручно задвинул засовы чугунной двери подземелья, где лежали напившиеся на радостях рабочие, которые и умерли там голодной смертью».

Вскоре звезда Баташева закатилась окончательно.

Через год с небольшим у его смертного одра собрались все три жены со своими детьми и стали просить, чтобы он сам сказал – кому из них он оставляет право распоряжаться своим колоссальным имуществом, поскольку все они были в равной степени законными. Бывший уже в забытьи, владыка открыл глаза и отчетливо произнес: «Той, кто одолеет…» Это были его последние слова, последнее благословение…

Умер он в 1799 году, семидесяти трех лет, и похоронен был у престола заводской кладбищенской церкви. Над могилою его поставлен был двухсаженный каменный столб, увенчанный шаром и крестом.

Из-за весьма сложных и, мягко скажем, неулаженных семейных отношений и столь же запутанного и нерешенного вопроса о наследстве, годы, последовавшие за смертью Баташева, были временем споров,

судебных тяжб, дележа огромного состояния заводчика-разбойника. «Одолеть», чтобы стать полноправным наследником-хозяином, никто так и не сумел, и владения Баташева стали приходить в упадок.

Особенно заметно разорение баташевских владений шло в 20-е – 30-е годы XIX века, и уже через треть столетия после смерти Андрея Родионовича некогда прибыльнейшие производства имели убыток в несколько миллионов рублей. Запустение коснулось дворца и всего имения вельможи-разбойника. Но, несмотря на это, и во второй половине XIX века Гусь-Баташев представлял собой внушительное зрелище.

Сегодня, к сожалению, мало что из грандиозных построек уцелело, от некоторых даже не осталось и следа, но Л.П. Чекина, пять лет проведшая в Гусь-Баташеве, изучая это удивительное место, писала: «Хотя все постройки, кроме «барского дома» и нескольких флигелей, теперь наполовину разрушены, но все же не потеряли своего стиля и по ним легко восстановить картину прошлого. Целы огромные развалины театра и бесконечных оранжерей, а в каменной, наполовину осыпавшейся стене и сейчас видны маленькие бойницы для пищалей. В конце столетней липовой аллеи, идущей через весь парк от главного крыльца, помещаются развалины «павильона любви»… Недалеко от этих развалин находится полуразрушенная угловая башня, представляющая теперь наполовину осыпавшиеся стены без крыши, а вместо пола, на аршин ниже уровня земли – остатки прогнивших балок, опавшие листья да всякий мусор».

Именно под этой угловой правой башней парка и находилось подземелье, куда проваливались неугодные Баташеву люди. Чекина не сомневалась в существовании подземных ходов, о которых и по сей день ходит столько легенд в Гусе-Железном. Причем, по ее мнению, ходы были сделаны там, как в истинном феодальном замке – не только под землей, но и в стенах домов. Последняя владелица Баташева сама рассказывала Чекиной, что, увлекшись еще в молодости рассказами о тайниках баташевского дома, стала выстукивать стены комнат и велела разломать одну из них, где звук ей показался особенно подозрительным – в угловой комнате нижнего этажа направо от подъезда, выходившей на двор. За тонкой кирпичной оболочкой действительно оказалась крохотная комната – площадка с винтовой лестницей в верхний этаж, в бывший кабинет Андрея Родионовича. Около лестницы стоял маленький круглый стол на трех позолоченных львиных лапах, а на нем лежали особой формы шапка, гвоздь и молоток – первый владелец Гусь-Баташева, как мы помним, был не только разбойником и фальшивомонетчиком, но и масоном. Около столика была маленькая подъемная дверь, ведущая в подземную часть здания, и, по-видимому, тут помещалась самая святая святых владыки дома, ибо этот тайный ход вел куда-то прямо из его кабинета, а стало быть, никто уже не мог проникнуть туда, кроме его владельца. К сожалению, последняя владелица Баташева побоялась проникнуть в подземелье и велела снова заложить стену, захватив с собой только оригинальный столик и масонские реликвии, которые Чекина не раз видела на камине в ее кабинете.

Существование подземных ходов и обширных подземелий под усадебным парком подтверждает, по мнению старика-лесничего Квятковского, жившего еще в начале XX века в Баташеве, и ненормально малый рост старых деревьев «страшного сада». По мнению Квятковского,

низкий рост и чахлость чуть ли не двухсотлетних деревьев объясняется тем, что под этим местом находятся подземелья, и слой почвы над их каменными сводами не достаточен для нормального питания корней. Это предположение подтверждается, кстати, и тем, что как раз в этом месте земля при ударе издает едва слышимый гулкий звук.

Под всем барским домом, по-видимому, действительно помещались двухэтажные подвалы – больше, чем на 6 аршин глубиной каждый, соединенные широкой каменной лестницей, – та самая «подземная часть», о которой с восторгом в начале века говорили археологи. Нижний из подвалов считался «страшным местом», где, по рассказам, иногда появлялись призраки, и никто из прислуги даже днем не решался туда спуститься. Это отчасти объясняет скудость информации о «подземном царстве» Андрея Баташева.

Много мрачных тайн до сих пор хранят баташевские развалины. «Ждут они своего исследователя, который может открыть многие из них», – писала в начале 1920-х Л. Чекина. И, похоже, она права. Несмотря на поиски отдельных энтузиастов, можно сказать, что серьезных исследований владений Андрея Баташева так до сих пор и не проводилось. А ведь если имеющиеся свидетельства о двери в подземелье и витой лестнице за стеной правой угловой комнаты правдивы, в чем нет оснований сомневаться, то они (или то, что от них осталось сегодня) должны находиться на указанном месте. А это значит, что оттуда возможно проникнуть и в остальные помещения «подземных хором» и раскрыть наконец секреты «Орлиного гнезда» на Оке.

Кто убил императора Павла I? *30 По материалам М. Сафонова.*

В 1851 году, спустя полвека после кончины Павла I, в Гатчине ему был установлен памятник. При открытии его император Николай I расплакался. Как свидетельствовал очевидец, «покровы сняли, но веревка осталась на шее статуи, и державный сын, увидя это, заплакал». Всех поразила такая случайность, в которой многие увидели символический смысл. Третий сын Павла отлично знал, как затянули удавку на шее отца. Николай Павлович постарался уничтожить все документы, способные пролить свет на мартовскую трагедию 1801 года. Но истину скрыть трудно!

Богатырский сон Константина Павловича Рвение Николая объяснялось тем, что к трагическим событиям оказались причастными члены семьи царя. Правда, каждый по-своему. Старший сын монарха, наследник Александр дал согласие на переворот и стал императором. Супруга Павла, Мария Федоровна, после убийства мужа предприняла неудачную попытку захватить освободившийся престол. А что же цесаревич Константин, любимый сын Павла? Где был и что делал он в ту роковую ночь?

Сам он рассказывал об этом французскому эмигранту на русской службе Ланжерону так: «Я ничего не подозревал и спал, как спят в 20 лет. Платон Зубов, пьяный, вошел ко мне в комнату, подняв шум (это было уже через час после кончины моего отца). Зубов грубо сдергивает с меня одеяло и дерзко кричит: «Ну, вставайте, идите к императору Александру; он вас ждет…» Платон тащит меня за руку и подымает с постели… Я имел, однако, предосторожность захватить с собой мою польскую саблю… с

целью защищаться, ибо не мог себе представить, что произошло».

Михайловский замок в Петербурге

Натан Эйдельман, автор наиболее обстоятельного описания событий 11 марта, назвал Константина единственным «не замешанным членом царской семьи». Правда, писатель заметил, что «нужен особый талант, чтобы заснуть в ночь переворота», но все же простодушно верил в то, что, когда разыгрывалась драма, цесаревич «спал как сурок и ничего не знал».

Нужен особый талант и для того, чтобы поверить, будто цесаревич мог спать, когда убивали его отца. Стоит только вдуматься в ход событий…

11 марта 1801 года караул в прихожей перед кабинетом императора в Михайловском замке был наряжен от Конногвардейского полка, шефом которого был Константин Павлович. Дежурил корнет Андреевский. Этот караул представлял самую большую опасность для заговорщиков, намеревавшихся ночью проникнуть в кабинет царя, служивший ему опочивальней.

В 10 часов утра 11 марта на плац-параде адъютант Конного полка поручик Ушаков сообщил Саблукову, что по именному приказанию великого князя Константина Павловича он назначается дежурным по полку. Это было вопиющим нарушением, так как на полковника, эскадрон которого стоял в карауле, никогда не возлагалось никаких других обязанностей. Однако, как ни был раздражен Саблуков, он не мог не исполнить приказания. И из караула был удален преданный царю начальник.

Когда в 8 часов вечера Саблуков явился в Михайловский замок сдать рапорт Константину, он сразу же погрузился в атмосферу ожидания каких-то важных событий. У большого подъезда камер-лакей собственных его высочества апартаментов, знакомый Саблукова, предложил ему не ходить к цесаревичу, так как лакей был обязан тотчас донести об этом государю. Доверенный камердинер Константина с удивлением спросил

Саблукова, зачем он сюда пришел, и только после того как полковник объяснил, что он дежурный, отпер дверь. Саблуков отрапортовал цесаревичу о состоянии полка. Тотчас же явился Павел. Константин стоял перед ним навытяжку в нервном напряжении. После его ухода Константин сказал Александру, который находился тут же: «Ну, братец, что вы скажете о моих?» Александр спросил Саблукова: «Так вы ничего не знаете?» – «Ничего, – ответил полковник, – кроме того, что я дежурный не в очередь». – «Я так приказал», – сказал Константин. В передней камердинер, подавая Константину стакан воды, увидел в ней перышко и произнес загадочную фразу, бросая его на пол: «Сегодня оно плавает, а завтра потонет».

После полуночи в казармы конного полка к Саблукову прибыл ездовой от Константина и передал ему записку: «Собрать тотчас весь полк верхом, как можно скорее, с полной амуницией, но без поклажи и ждать моих приказаний». Записка была написана примерно в 11 часов 30 минут. На словах ездовой передал: великий князь велел сообщить, что дворец окружен войсками и чтобы зарядили карабины и пистолеты боевыми патронами.

…Таким образом, получается, что Константин не только бодрствовал в ту ночь, но энергично действовал против своего отца.

Последний документ Павла! Сохранился документ, который проливает некоторый свет на события той мартовской ночи 1801 года. Это рескрипт императора Павла I на имя его сына цесаревича Константина. Бумага имеет пометку: «В Михайловском замке марта 11 дня 1801 года». Она составлена императором перед смертью. Рескрипт гласит: «Константин Павлович! Повелеваю вам с вверенным вашему высочеству лейб-гвардии Конным полком выступить сего марта в 23 часа и следовать одному эскадрону в Царское Село, одному в Петергоф, одному в Гатчино и двум в Павловское, где и содержать караулы до смены их кирасирским Ромадановским полком. По прибытии же онаго сбираться всему полку вам вверенному в Павловске. Пребываю вам благосклонным. Павел».

Составив бумагу, Павел тем самым подписал себе смертный приговор. По сути дела, караул Конногвардейского полка был единственной верной стражей, которая могла помешать заговорщикам проникнуть в спальню царя. Подписав рескрипт, Павел удалял свою охрану не только из резиденции, но вообще из города.

По воспоминаниям Саблукова, ровно в девять часов вечера в казармы Конного полка явился фельдъегерь и передал приказ императора немедленно явиться во дворец. Когда Саблуков предстал перед своим караулом в Михайловском замке, внезапно появился император. Он сказал подполковнику по-французски: «Вы – якобинцы». Несколько озадаченный его словами Саблуков ответил: «Да, мой государь». Павел возразил: «Да не Вы, а Ваш полк». Полковник попытался не согласиться: «Пусть буду я, но относительно полка Вы ошибаетесь». Павел ответил по-русски: «А я лучше знаю. Сводить караул!»

Рескрипт Константину Павловичу полностью подтверждает достоверность рассказа Саблукова и ставит ряд вопросов.

«Якобинцы» – это самое тяжелое обвинение в устах Павла. С одной стороны, очевидно, что кто-то из руководителей заговора сумел внушить

царю настолько сильное подозрение против Конной гвардии и Константина, что доверчивый Павел проникся убеждением: единственное спасение заключается в том, чтобы удалить людей, которых он еще недавно считал преданными себе. С другой, как знать, может, Павел и имел серьезные основания выслать полк Константина из Петербурга. Ведь его шеф действительно тайно действовал против отца: утром удалил Саблукова из Михайловского замка, а вечером приказал собрать полк.

На следующий день после переворота начальник Конногвардейского караула Андреевский из штандарт-юнкеров был произведен в корнеты. А поручик Ушаков, передавший приказ цесаревича Саблукову заступить на должность дежурного по полку, стал ротмистром. Если вклад Ушакова в убийство императора очевиден, то что выдающегося совершил Андреевский, осталось загадкой. Просто так новым чином не в очередь не награждали.

Константин 14 марта написал Елене Любомирской: «Моего отца нет в живых. Мой обожаемый брат – император… Весь Петербург как бы снова родился, а Россия, мое дорогое отечество, свободно дышит грудью».

Но как же заговорщики проникли в Михайловский замок?

Алексей или Александр Аргамаков? Сын родной сестры создателя «Недоросля» Фонвизина сыграл роковую роль в жизни императора Павла I. Заговорщикам не удалось бы проникнуть в спальню царя, если бы не Аргамаков. Он обладал правом входить в личные апартаменты императора в любое время. По его требованию камер-гусары, охранявшие личные покои царя, открыли двери, и заговорщики проникли в опочивальню Павла. О каком Аргамакове идет речь и почему он имел право входить к императору в любое время дня и ночи?

В марте 1801 года в полку служили два брата Аргамаковы, оба в чине поручика. И тот и другой имели инициалы А.В. Оба состояли в заговоре против Павла и являлись адъютантами. Только один из них – Александр – был адъютантом Преображенского полка, а другой – Алексей – адъютантом батальона генерал-лейтенанта Талызина, то есть лейб-гренадерского батальона, привилегированного подразделения, которое всегда несло караул в Михайловском замке. Павел собирался сделать его своей «лейб-компанией», иначе говоря, превратить в «исключительную стражу, охраняющую его особу».

Когда современники называли Алексея Аргамакова «адъютантом государя», они имели в виду именно адъютанта лейб-гренадерского батальона – человека, у которого были особые функции. «В замке, – вспоминал декабрист Фонвизин, – гарнизонная служба отправлялась, как в осажденной крепости, со всей военной точностью. После пробития вечерней зари весьма немногие доверенные особы, известные швейцару и дворцовым сторожам, допускались в замок. В числе этих немногих был адъютант лейб-батальона Преображенского полка Аргамаков, исправлявший должность плац-адъютанта замка. Он был обязан доносить лично императору о всяком чрезвычайном происшествии в городе, как то о пожаре и т.д. Павел доверял Аргамакову, и даже ночью он мог входить в царскую спальню… Через это Аргамаков сделался самым важным пособником заговора». В 1819 году писатель Цшокке в «Исторических материалах нашего времени» обнародовал на немецком языке анонимную

французскую рукопись «К истории заговора против Павла I и воцарения Александра I». Здесь о роли Аргамакова в ночном походе рассказывалось буквально следующее: «Зубов и Бенигсен отправились вслед за… Аргамаковым… Он их провел по лестнице, которая прямо вела в прихожую, где находились на часах у императора два гусара и один лакей. Проходя по коридору, они были остановлены часовым, который им закричал: «Остановись там, кто идет?» Бенигсен ему отвечал: «Замолчи, несчастный, ты видишь, куда мы идем». Часовой, поняв, о чем идет речь, наморщив брови, закричал: «Проходи…» После этого Аргамаков продолжал идти с наивеличайшей поспешностью и тихонько постучал в дверь комнаты камердинера. Этот, не отворяя, спросил, что ему надобно. «Я иду докладывать рапорт свой». – «Что, разве глупы вы, теперь только полночь». – «Что ты говоришь, уже шесть часов утра. Отворяй скорее или в противном случае ты навлечешь на меня большую неприятность от государя». Камердинер отворил, наконец, но, увидя вошедших в комнату семь или восемь человек с обнаженными шпагами, спрятался в угол комнаты. Один из гусар, хотевший с храбростью сопротивляться, получил сабельный удар и тотчас же повалился… другой бежал. Таким образом Зубов и Бенигсен проникли в спальню императора…»

Немецкий драматург Коцебу утверждал, что во время переговоров с императором Аргамаков первый ударил Павла в висок рукояткой пистолета, а потом все ринулись на упавшего на пол царя. Яшвиль и Мансуров накинули ему шарф на шею и начали душить. Это единственное свидетельство о том, что руки Аргамакова обагрились царской кровью. Но оно не подтверждается другими источниками и, видимо, всецело находится на совести мемуариста. Но от того вина племянника Дениса Фонвизина в убийстве Павла ничуть не меньше!

Карл Иванович Остен-Сакен свидетельствует В отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится важнейший документ, проясняющий обстоятельства смерти императора Павла I. Это выписка из дневника барона Карла Ивановича фон дер Остен-Сакена, бывшего воспитателя старшего сына царя – великого князя Константина. В дневнике зафиксирован подлинный рассказ цесаревича о том, как убивали его отца. Ценность документа еще и в том, что он исходит от члена императорской фамилии, активного участника дворцового переворота. «15 апреля 1801 года в гости приехал Константин и рассказывал о событиях 11 марта. Заговорщики вошли в комнату Павла благодаря тому, что адъютанту гвардейского полка было разрешено стучать в дверь императора. Это были Зубов, Бенигсен, Яшвиль, Татаринов, Лешерн фон Герцфельдт. Платон Зубов сказал Павлу, что он арестован и больше не император. Павел спросил: «По чьему приказу?» – «По приказу недовольной правлением нации», – ответил Зубов. Павел умолял сохранить ему жизнь и обещал изменить свое поведение. Тогда Зубов произнес свою обычную присказку: «Чтобы съесть омлет, необходимо сперва разбить яйца». Яшвиль первый ударил императора по голове. Потом на царя набросились и остальные…»

Константин не был в опочивальне, когда произошло убийство. Но рассказ его примечателен тем, что цесаревич называет имя еще одного человека из числа убийц Павла, ранее неизвестное: отставленный от службы лейб-гвардии Кирасирского полка подполковник Герцфельдт. За

ночной «подвиг» на следующий день после переворота он был вновь принят на службу и произведен в чин полковника, о чем 14 марта 1801 года сообщили «Санкт-Петербургские ведомости». В рассказе Константина есть еще одна очень важная деталь. Платон Зубов произносит фразу, которая призывает к активным действиям: «Чтобы съесть омлет, необходимо сперва разбить яйца». Ранее считалось, что этими сакраментальными словами глава конспирации военный губернатор Пален напутствовал заговорщиков, когда они только отправлялись в Михайловский замок. Лидер как бы давал санкцию на кровь и убийство. Теперь же выясняется, что эти слова произнес в спальне последний фаворит Екатерины II. Дневник Остен-Сакена позволяет по-иному поставить вопрос о распределении вины непосредственных участников переворота и вносит существенные уточнения в традиционные представления о том, что произошло в Михайловском замке.

Вот описание трупа Павла, сделанное Коцебу: «На теле были многие следы насилия. Широкая полоса кругом шеи, сильный подтек на виске, красное пятно на боку, но ни одной раны острым орудием, два красных шрама на обеих ляжках; на коленах и далеко около них значительные повреждения, которые доказывают, что его заставили стать на колени, чтобы легче было задушить. Кроме того, все тело вообще было покрыто небольшими подтеками; они, вероятно, произошли от ударов, нанесенных уже после смерти». Пожалуй, самое важное в описании то, что на трупе не было «ни одной раны острым орудием».

Убийц было трое Вначале все хвастались своим участием в этом «славном деле». Ходили в Михайловский замок и прямо на местах показывали, как все происходило. Если бы всех «убийц» Павла в то время можно было собрать вместе, то они не поместились бы в просторной опочивальне императора. «Рев норда сиповатый» умолк, но вскоре подули другие ветры. Ситуация стала меняться. Еще вчера мнимые убийцы на каждом углу кричали о своем «подвиге». Теперь настоящие душегубы не только молчали про «вчера», но и пытались отмыться от скверны.

Дневники и записки современников сохранили целый ряд имен людей, которых в обществе считали убийцами Павла. Наряду со Скарятиным в числе цареубийц называли Зубова, Мансурова, Горданова, Аргамакова, Болговского, Вяземского. Кто же из них был убийцей Павла?

Сразу же после переворота Гавриил Державин приехал во дворец с запиской провести тщательное расследование, но заговорщики, державшие юного царя, как в осаде, не допустили его до Александра.

И все же сегодня мы можем точно сказать, что убийц было трое, и назвать их имена.

В конце августа 1801 года в Петербурге появился швейцарец Лагарп, бывший воспитатель императора Александра. Он приехал из Парижа, но своего ученика не застал. Двор в то время находился в Москве, на коронации. Как только Александр возвратился в Петербург, Лагарп дважды встретился с ним. В числе прочих они обсуждали вопрос о том, как поступить с заговорщиками. После встречи 30 октября наставник написал Александру письмо, в котором посоветовал «предать суду главарей заговора или по крайней мере удалить из столицы трех непосредственных

убийц Павла». 1 ноября 1801 года «Санкт-Петербургские ведомости» сообщили об отставке полковников Яшвиля и Татаринова.

Нет никакого сомнения, что они и были убийцами Павла. Третий – Николай Зубов. Его Александр не мог удалить, потому что позиции семейного клана последнего фаворита Екатерины II были пока еще сильны. Но в начале 1802 года все братья Зубовы оказались не у дел.

Стало быть, Зубов, Яшвиль, Татаринов – это и есть убийцы Павла I.

Тайна Семлевского озера

Началась эта загадочная история в Отечественную войну 1812 года. После кровопролитного Бородинского сражения русские войска покидали Москву. Уходили и ее жители. В тот же день в Москву вступали войска Наполеона Бонапарта. Неуютно чувствовали себя оккупанты в Москве. В городе начались пожары. И хотя французы расстреливали поджигателей, пожары не прекращались. Москва горела целую неделю.

Солдаты грабили дома москвичей, церкви и соборы. Тащили все, что попадало под руку. Один из французских генералов вспоминал: «Наполеон велел забрать брильянты, жемчуг, золото и серебро, которое было в церквах». Он приказал даже снять позолоченный крест с собора Ивана Великого, самого высокого собора в Москве. Сняты были также позолоченные орлы с башен Московского Кремля.

Наполеон понял, что оказался в ловушке. Дисциплина в его армии падала на глазах. Император приказал уходить из Москвы. Странное и печальное зрелище представляли отступающие наполеоновские войска. По дороге к Калуге тянулось в три-четыре ряда множество повозок, нагруженных снаряжением и награбленным имуществом. За повозками шли толпы солдат.

Двадцать пять из нескольких сот подвод представляли собой особую ценность. На них была погружена «московская добыча» – позолоченная церковная утварь, слитки золота и серебра, изделия, украшенные драгоценными камнями, старинное оружие.

Русская армия встретила захватчиков у города Малоярославца. После ожесточенного боя французы были вынуждены отступить и идти на запад по Смоленской дороге. Отступление стало походить на бегство. Атаман Платов докладывал Кутузову: «Неприятель бежит так, как никогда никакая армия ретироваться не могла. Разведчик доносил в конце октября, что в районе Вязьмы ожидается большой французский обоз в 200 повозок. Бежавшие оттуда подводчики наши говорят, что сии повозки с золотом и серебром. Поход их так скор, что и днем, и ночью с фонарями едут и идут к Смоленску».

Осень в тот год выдалась необычайно холодная, с ранними морозами. Французские солдаты и офицеры кутались во что попало. Передвигаться им с каждым днем становилось все труднее. Особенно мешал громоздкий и тяжелый обоз. Трофеи, не представляющие большой ценности, сгружались и предавались огню. На освободившиеся повозки укладывали раненых. 1 ноября Наполеон был в Вязьме. На следующий день в селе Семлево французы увидели первый снег. Тащить повозки с драгоценностями, когда смерть глядела в лицо, казалось безрассудством. Наполеон отдал приказ спрятать награбленные сокровища. Приказ был выполнен без промедления. Свидетельств этого несколько. Одно из них – в

книге знаменитого английского писателя Вальтера Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов». Есть и другие свидетельства. Участник наполеоновского похода граф Сегюр писал: «Нам пришлось бросить в Семлевское озеро вывезенную из Москвы добычу: пушки, старинное оружие, украшения Кремля и Крест Ивана Великого. Трофеи, слава – все те блага, ради которых мы пожертвовали всем, – стали нас тяготить».

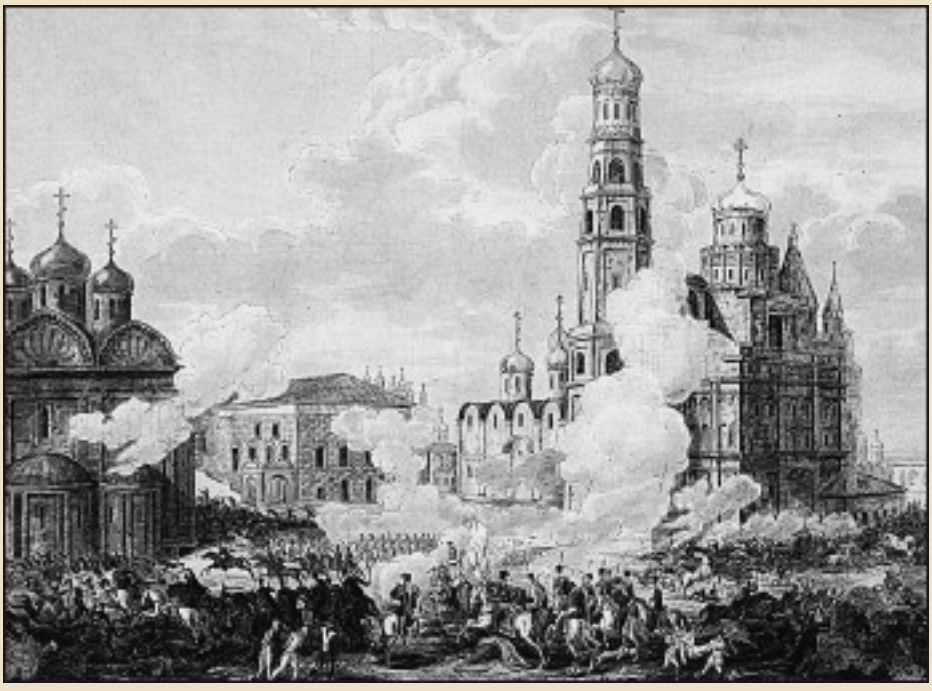
Первым обратил внимание на строки о «московской добыче» в книге В. Скотта смоленский губернатор Николай Иванович Хмельницкий. Произошло это в 1835 году. Участник войны с Наполеоном, адъютант самого фельдмаршала Кутузова, Хмельницкий отличился в нескольких крупных сражениях и дошел с русскими войсками до Парижа.

В 1829 году Хмельницкий был назначен смоленским губернатором. Прочитав в книге В. Скотта о секрете Наполеона, он задался целью во что бы то ни стало найти клад.

В один прекрасный день Хмельницкий приказал запрячь лошадей и по осеннему пути отправился в Вяземский уезд к Семлевскому озеру. Оно находилось в лесу в двух километрах от села Семлево. Озеро и село соединяла дорога, по которой французский обоз мог свободно подойти к самой воде.

Обозрев местность и расспросив жителей села, губернатор утвердился в мысли, что клад находится именно здесь. На это указывало также то обстоятельство, что местный помещик Бирюков нашел на своих полях сорок лафетов от французских пушек! Стволы же как сквозь землю провалились. «Не бросил ли Наполеон орудийные стволы, – рассуждал Хмельницкий, – туда же, в озеро, чтобы не достались русским?»

Возвратившись из Семлева, Хмельницкий секретно сообщил о сокровищах управляющему строительством шоссе Смоленск – Москва инженеру Шванебаху. Он просил осмотреть озеро и выяснить, «не окажется ли невдалеке от берега признаков брошенных в сие озеро металлических тяжестей».

Изгнание французов из Москвы. Акварель И. Иванова. 1810-е гг.

Секретное обращение губернатора взволновало Шванебаха. Он принялся за работу. Скоро инженер уже писал губернатору письмо о результатах исследований на Семлевском озере. В нем говорилось, что в 25 саженях от берега обнаружена «груда неправильной фигуры» каких-то предметов. Для того чтобы убедиться, из какого материала загадочные предметы сделаны, в озеро был опущен на веревке груз. Ударяя грузом о груду, инженер вроде бы слышал звук, похожий на удары о металл. Далее была спущена в воду двухпудовая гиря с привязанным к ней грубым напильником, рашпилем. Когда гирю подняли на поверхность, то на рашпиле, утверждал Шванебах, остались медные опилки.

В Петербурге сообщением Хмельницкого тоже заинтересовались. Через две-три недели в Смоленск прибыл столичный посланец подполковник Четвериков. Шел январь 1836 года. В озере разбили лед, сделали запруду и откачали воду там, где лежала таинственная «груда». Двадцать дней работала команда Четверикова. Это в пору-то крещенских морозов на обжигающем ветру! И какое же было разочарование, когда на дне нашли не драгоценности и даже не стволы пушек, а всего три камня «небольшого калибра».

Столичный полковник уехал, а Хмельницкому пришлось держать перед начальством ответ за безрезультатные поиски. Два года спустя его обвинили в растрате казенных денег при строительстве дороги из Смоленска в Москву, и он был заключен в Петропавловскую крепость. На свободу Хмельницкий вышел только через пять лет седым, полуослепшим, совершенно больным. Конечно, никаких поисков клада он уже не предпринимал, однако последователи у него нашлись, правда, далеко не сразу.

Минуло более сорока лет после первых изысканий, и кладом Наполеона заинтересовался помещик Шагаров. Он построил сруб – открытую сверху и снизу коробку из бревен – и спустил его в озеро. Сруб передвигался с места на место, но ничего так и не отыскали.

Прошло еще лет тридцать. В 1911 году члены Вяземского комитета по увековечению памяти Отечественной воины снова начали искать «московскую добычу». Искали они ее не в Семлевском озере, а близко к нему, в местной реке Осьме и в пересохшем пруду на реке Семлевке. Кое-что нашли, например, лошадиные кости, железные части от повозки и даже саблю, но – ни единого предмета из пропавшего клада.

Шло время, и постепенно угасал интерес к сокровищам. Понадобился случай, чтобы снова вспыхнул ажиотаж вокруг клада и начались новые поиски.

Уже в середине XX века Юрию Анатольевичу Богомолову случайно попала в руки книга Вальтера Скотта. Он стал читать ее и наткнулся на строки о «московской добыче» французов. Богомолов решил обратиться к читателям «Комсомольской правды» с предложением начать поиски

сокровищ.

В начале августа 1960 года корреспондент «Комсомолки» Ярослав Голованов и взвод саперов приехали в село Семлево. Рассудили так. За полторы сотни лет озеро значительно уменьшилось в размерах. Там, где раньше была вода, теперь берег или трясина. Сокровища, некогда сброшенные в воду, со временем могли оказаться на суше под землей. Стало быть, в первую очередь нужно было исследовать металлоискателем берега озера, особенно места, расположенные ближе к дороге. Разбили район поисков на квадраты, прорубили просеки и начали разведку.

Она продолжалась около месяца. Но сколько ни ходили саперы с металлоискателями, сколько ни всматривались в шкалу индикаторного прибора, тот молчал. Один раз, правда, дрогнула стрелка. Весь взвод саперов сбежался, бросились копать. Лопата звякнула о металл. Осторожно разгребли землю руками: всего лишь обломок старого плуга.

Стало ясно, что искать надо не только у воды в черте старых берегов, но и под водой, вдали от берега. Ведь французы по льду замерзшего озера могли заехать хоть на его середину и прорубить там прорубь. Нет, отнюдь не глупо поступал помещик Шагаров, когда таскал свой сруб-кессон по всему озеру. Полили дожди, берега озера покрылись водой, раскисли. Работу пришлось остановить и уехать ни с чем. Но интерес к таинственному кладу не исчез. Напротив, возрос еще сильнее.

На Семлевское озеро приехали инженеры и ученые. Приехали они зимой, когда водоем покрылся льдом. Инженеры из научно-исследовательского института гидрогеологии провели химический анализ воды. Оказалось, что в озерной воде содержание золота, серебра, меди, олова, цинка в десять раз выше, чем в речной и колодезной. Но, что особенно удивительно, такое наблюдалось не везде. В севере западной части озера обнаружились две зоны, где содержание драгоценных металлов было особенно высоким. Залежей металлических руд в районе Семлева нет. Откуда же в озерную воду попали золото и серебро? Ученые пришли к выводу, что источник драгоценных металлов не природный. Очень возможно, что это какие-то золотые и серебряные предметы, лежащие на дне. И вот в феврале 1979 года на Семлевское озеро прибыла большая, комплексная экспедиция. Возглавлял ее Станислав Станиславович Прапор, ученый из Московского института стали и сплавов, опытный спортсмен-подводник. К озеру протянули линию электропередачи. Подключили грунтосос для откачивания ила, за полтора века покрывшего дно толстым слоем. Приполз болотный экскаватор.

Семлевское озеро теперь невелико – длиной 300 и шириной около 100 метров. Небольшое, но довольно глубокое. В районе поисков глубина достигает двадцати метров, из которых более половины приходится на донный ил. Работа кипела от зари до зари. Уходили в ледяную воду аквалангисты. Зрители, а их немало, собираясь вокруг, только поеживались да сильнее кутались в пальто и куртки. Опять химики производили анализы воды, ила и даже засохших стеблей прибрежных растений. Геологи бурили дно, стараясь напасть на твердые предметы. И бывало, нападали. Вспыхивала надежда. Нет – то были камень, бревно или потерянная буровая штанга.

А летом на озеро приехали инженеры из Таганрога, специалисты по радиотехнике. Они привезли с собой особо чувствительный гидроакустический локатор. Две недели плавали таганрожцы на плоту, исследуя дно озера. Прибор их засек какой-то огромный предмет размером с легковой автомобиль. Таганрожцы в шутку назвали его каретой. Потом была обнаружена еще одна «цель» меньших размеров. Увы, оказалось, камни. С тех пор минуло более двух десятков лет. События этого времени оттеснили на второй план интерес к пропавшим сокровищам. Но рано или поздно к загадке пропавших сокровищ Наполеона необходимо вернуться. Ведь где-то же должно покоиться несметное богатство?

Похоронен ли Гоголь заживо?
От чего умер Достоевский?

Николай Васильевич Гоголь… Легенда, связанная с его смертью, заставляет содрогнуться: похороненный заживо… Чтобы сразу развеять миф, скажем, что такая версия не нашла документальных подтверждений.

Николай Зенькович, известный документалист и исследователь многих загадочных событий прошлого, изучил массу источников, в том числе и заключение врачей. И хотя медицинское заключение довольно неопределенное, он утверждает, что Гоголь не был похоронен в состоянии летаргического сна. По мнению Зеньковича, на врачей могло повлиять завещание самого Гоголя.

Долгое время считалось, что Николай Васильевич завещания не оставил, но на самом деле оно было: Гоголь составил его за семь лет до смерти. В частности, он писал: «Завещаю тела моего не погребать до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения. Упоминаю об этом потому, что уже во время самой болезни находили на меня минуты жизненного онемения, сердце и пульс переставали биться».

Тем не менее летаргического сна в момент смерти не было. Почему же тогда при перезахоронении в гробу обнаружили скелет с повернутым набок черепом? Этот факт подвигнул Андрея Вознесенского на стихотворение:

Вскройте гроб и застыньте в снегу.
Гоголь, скорчась, лежит на боку.
Вросший ноготь подкладку порвал сапогу.

А как же было на самом деле? В мае 1931 года в связи с ликвидацией части некрополя у Данилова монастыря состоялось перезахоронение Николая Васильевича Гоголя. На церемонии присутствовали многие литераторы: Всеволод Иванов, Юрий Олеша, Михаил Светлов и другие. Когда вскрыли гроб, всех поразила необычная для покойника поза.

Но оказалось, что в том нет ничего удивительного. Как объяснили специалисты, первыми обычно подгнивают боковые доски гроба. Они самые узкие и непрочные. Крышка под тяжестью грунта начинает опускаться, давит на голову погребенного, и та поворачивается набок на так называемом атлантовом позвонке. Профессионалы по эксгумации утверждают, что такую позу покойников они встречают довольно часто. Однако всем известная мнительность Николая Васильевича Гоголя, его

вера в загробные таинства покрыла налетом загадочности не только его смерть, но и сожжение рукописи второго тома «Мертвых душ».

Гоголь в последние годы своей жизни сильно пал духом: не принимал знакомых, оставался по ночам один, много времени проводил в молитвах, плакал, постился, думал о смерти, старался оставаться в кресле, считая, что постель будет для него смертным одром.

Перезахоронение писателя породило много толков. Посетившие могилу литераторы не обнаружили там тяжелого камня, напоминавшего очертаниями Голгофу. Не увидели они также и черного мраморного креста. Они исчезли. А через 20 лет камень появился на могиле писателя Михаила Булгакова. Тогда и вспомнили булгаковскую фразу из письма: «Учитель, укрой меня своей чугунной шинелью!» Но и это объяснилось просто. Вдова Булгакова камень обнаружила случайно среди обломков в сарае гранильщиков Новодевичьего кладбища. Зная любовь мужа к Гоголю, попросила перенести его на могилу.

Вера в чудо, трепет перед мистическими совпадениями, уверенность в исключительности своего пути занимали не последнее место и в жизни и творчестве великого писателя Федора Михайловича Достоевского.

В начале нашего столетия много писали о том, что Достоевский страдал очень тяжелыми припадками. Но современная медицина вносит свои коррективы в диагноз «падучая болезнь», хотя и не отрицает существенных болезненных проявлений в психике писателя.

Могила Н.В. Гоголя на Новодевичьем кладбище

Романтическая, но мрачная легенда о тяжелой эпилепсии Достоевского поддерживалась, по мнению близких ему людей, как самим Достоевским, так и его друзьями. Федор Михайлович интенсивно лечился от различных заболеваний у русских и зарубежных специалистов самого высокого ранга, но по поводу эпилепсии за медицинской помощью никогда не обращался.

Всех вводит в заблуждение то, что в своих произведениях Достоевский говорит о «священной болезни» с особым волнением, с мистическим ужасом. Многие его герои – изверг Смердяков, «святой» князь Мышкин, пророк «человека-бога» нигилист Кириллов – эпилептики. Припадки были для Достоевского как бы страшными провалами, просветами, внезапно открывшимися окнами, через которые он заглядывал в потусторонний мир.

Софья Ковалевская, вспоминая его первый эпилептический припадок, подчеркивает, как важен был для Достоевского этот аспект его жизни. Она пишет, что его болезнь началась не на каторге, а на поселении. Он уже долгое время страдал от одиночества и вдруг к нему нежданно-негаданно приехал его старый товарищ. Это было в ночь перед Святым Христовым Воскресеньем. Они увлеклись беседой, забыли о празднике и просидели всю ночь напролет дома. Говорили обо всем. Коснулись наконец религии.

– Есть Бог! Есть! – закричал вне себя от возбуждения Достоевский. В ту самую минуту ударили колокола соседней церкви к Светлой Христовой Заутрене. Воздух весь загудел и заколыхался. «И я почувствовал, – рассказывал Федор Михайлович, – что небо сошло на землю и поглотило меня. Я реально постиг Бога и проникся им. Да есть Бог! – закричал я. – И больше ничего не помню».

Убеждение в том, что он эпилептик, укоренилось. Споры возникали только о том, была ли гениальность писателя результатом «священной болезни» и к какой разновидности судорожных припадков относятся те, которые посещали Федора Михайловича примерно раз в три недели. Получается, он перенес сотни припадков и тем не менее остался в здравом уме. Более того, в конце жизни он создал свое величайшее произведение «Братья Карамазовы».

Психиатр О. Кузнецов провел детальный анализ всех сведений о падучей болезни писателя, назвал ее «священной болезнью», легендой и предложил диагноз: симптоматическая эпилепсия при последствиях легко протекающего органического заболевания головного мозга, сопровождающаяся пограничными психическими расстройствами невротического уровня.

Доктор М. Сниткин незадолго до смерти Достоевского предупредил его, что мелкие сосуды легких стали тонкими и хрупкими и вполне возможен их разрыв из-за какого-либо физического напряжения.

26 января 1881 года, работая ночью, Федор Михайлович уронил перо, которое закатилось под этажерку. Ее пришлось отодвинуть, сделав усилие. Порвалась артерия и горлом пошла кровь. Достоевский потерял сознание. Он умер не от припадка и не в припадке, а вследствие патологических изменений сосудов легких.

Тайна сибирского старца Федора Кузьмича *31 По материалам В. Камского.*

Так велико желание видеть на вершине власти идеального правителя, царя доброго, а лучше – праведного, и так их было мало в истории, что в каждом из исторических персонажей пытаются отыскать хоть намек на заветный облик. И вот оказывается, что эти чаяния не напрасны, что Россию (и весь мир) можно поздравить со святым, причем необычайно ярким, чья судьба для христианского мира уникальна. Им был император Александр Первый – Благословенный, как звали его в народе.

Александр I пришел к власти через невольное отцеубийство, хотя, конечно, сам он давал согласие только на отстранение от власти Павла I, причем под угрозой собственной жизни, – но это мучило его всю жизнь. Реформы его, вследствие сильнейшего давления окружения, были неудачны. В первых столкновениях с Наполеоном в Европе в 1805—1807 годах российские войска терпели поражения (хотя и несопоставимые с Цусимой и революциями 1905 и 1917 годов). С 1817 года усиливались реакционные действия в связи с возникавшей угрозой дворянского восстания. Но нельзя забывать и другое. Он одержал победу в Отечественной войне 1812 года и был убежден, что победой обязан промыслу Божьему. Человек искренней религиозности и чуткой совести, Александр заложил шедевр русской архитектуры (увы, не осуществленный) – храм Тела, Души и Духа на Воробьевых горах. Еще в 1809 году было создано Великое княжество Финляндское, ставшее по существу автономией с собственным сеймом, а в мае 1815 года Александр объявил о даровании конституции царству Польскому, предусматривавшей создание двухпалатного сейма, системы местного самоуправления и свободу печати. В 1817—1818 годах ряд близких к императору людей (в т.ч. А.А. Аракчеев) занимались по его приказу разработкой проектов поэтапной ликвидации крепостного права в России. К 1820 году был готов проект «Государственной уставной грамоты Российской империи» (конституции), предусматривавший федеративное устройство. В век империй Александр I провозгласил христианскую идею Священного союза (хотя она была извращена его корыстными союзниками) – прообраз возникших столетием позже Лиги Наций, ООН, Европейского Союза.

С течением времени Александр I все больше убеждался в том, что ему не удается облагородить государство в соответствии с христианскими принципами, которые настойчиво звучали в его душе. Этот разлад между реальностью и долженствованием мучил его год за годом, усугубляясь терзанием от сознания своего недостоинства понести великую ответственность, одиночества (царь жаловался, что не имеет помощников и не может найти подходящих людей на губернаторские должности) и муками совести от нарушения этических основ в кровавую ночь 12 марта.

Когда-то, в минуту величайшей опасности для его страны, Александр обмолвился, что лучше отпустит себе бороду и уйдет в сермяге по дорогам, чем покорится врагу. И вот наступило время не слов, а дел. История, приведенная ниже, радостна и поразительна, потому что она реальна.

Старец Федор Кузьмич

«Ранняя осень 1825 года, солнце, золотая листва. И уже не то мучительное беспокойство, которое заставляло метаться по всем губерниям и городам империи, но тщательно продуманный план приводит его в Таганрог. Рубеж жизни достигнут, совершается небывалый поворот судьбы. К государю не допускается никто, кроме императрицы, лейб-медика и камердинера: время, достаточное для последних приготовлений. Затем приносится гроб. Из Таганрога на север выходит высокий пожилой путник в одежде простолюдина, с мешком за плечами, с палкой в аристократически маленькой руке. А во дворце – заглушенные движения, шорох, шепчущие голоса. Гроб завинчивают и заливают свинцом. Россия оповещается о скорбном событии – безвременной кончине императора Александра.

Лейб-медик рисует профиль государя на смертном одре: это в столице должно послужить доказательством, что император действительно

умер и в гробу действительно его тело. И гроб везут через всю Россию, чтобы в Петербурге опустить его с подобающими церемониями в усыпальницу царской фамилии. <…>

В конце 1825 года в Саровскую обитель прибыл неизвестный человек средних лет. Его исповедовал сам преподобный Серафим, и вновь прибывший был принят в монастырь под начало преподобного как послушник под именем Федора. Его происхождение и прошлое оставались не известными, по-видимому, никому, кроме преподобного.

Миновало несколько лет – время, достаточное для того, чтобы официальная версия о смерти в Таганроге императора Александра крепко вошла в общественное сознание. Немногие посвященные свято хранили тайну: каждый понимал, что приоткрыть хоть крайний уголок ее – значит закончить жизнь в казематах Шлиссельбурга либо в других, еще более скорбных местах. У всех было еще свежо в памяти 14 декабря, и малейший слух, способный посеять сомнение в правах императора Николая на престол, был бы истреблен в самом зародыше. Императрица Елизавета умерла. Новый государь наложил руку на ее письма и дневники, прочитал их в полном уединении и собственноручно сжег в камине.

Но прошло немного времени, и в Саровскую обитель, отстоявшую от Петербурга на тысячу двести верст, внезапно пожаловал он, государь император. Аршинными, как всегда, шагами, выгнув грудь колесом и глядя вперед стеклянным, трепет наводящим взором, прошествовал он со свитою в скромный храм. На паперти его ждал в праздничных ризах маленький горбатый старичок со множеством мелких морщин и с голубыми глазами, такими яркими, будто ему было не семьдесят, а семнадцать лет. Император склонился, и его пушистые, благоухающие, холеные подусники коснулись руки святителя – бледной, с загрубевшими от постоянной работы пальцами, но странно пахнущей кипарисом.

После торжественной службы и не менее торжественной трапезы государь удалился в келью настоятеля. И там в продолжение двух или трех часов длилась беседа троих: Серафима Саровского, Николая I и того, кто теперь трудился в Сарове под смиренным именем послушника Федора.<…>

Государь вернулся в Петербург. Логика власти продолжала свой неукоснительный ход. И та слепота, которую политики того времени считали государственным здравым смыслом и назвали бы, вероятно, государственным реализмом, если бы это словечко уже было изобретено, продолжала стремить империю к ее концу.

Конечно, только накануне своего ухода император Александр мог надеяться на то, что индивидуальный подвиг, или хотя бы даже духовный труд всей Небесной России, в состоянии спасти династию от неотвратимой мзды.

Что заставило его покинуть Саров, мы не знаем. Преподобный Серафим преставился в 1832 году, а осенью 1836-го к одной из кузниц на окраине города Красноуфимска подъехал верхом бедно, хотя и чисто одетый, очень высокий человек преклонного возраста. Он просил подковать ему лошадь. Но и облик его, и манера речи показались кузнецу и народу, там толпившемуся, необычными и странными. Задержанный и направленный в городскую тюрьму, он назвался крестьянином Федором Кузьмичом, но от дальнейших разъяснений отказался и объявил себя

бродягою, не помнящим родства. Его судили именно за бродяжничество и сослали в Сибирь на поселение, предварительно наказав еще двадцатью ударами плети. Местом поселения была назначена деревня Зерцалы Томской губернии, куда он и прибыл 26 марта 1837 года.

Во время следования этапным порядком Федор Кузьмич своим поведением, услужливой заботливостью о слабых и больных, теплыми беседами и утешениями расположил к себе не только арестантов, но и конвоиров. По прибытии в Сибирь Федор Кузьмич был помещен на Краснореченский винокуренный завод, где прожил около пяти лет. На принудительных работах его по старости лет не занимали, в передвижениях не ограничивали».

«Так начался сибирский период его жизни – долгий, 28-летний период. Казаки, крестьяне, купцы, охотники, священники – все принимали горячее участие в его судьбе, так как его скитальческая жизнь, благочестие, врачебная помощь, которую он оказывал населению, и религиозные беседы, которые он вел, скоро стяжали ему ореол праведности и прозорливости. Но сам он считал себя отягощенным великим грехом и, где бы ни случалось ему жить, большую часть времени проводил в молитве. Везде и всегда с ним было несколько религиозных книг, икона Александра Невского и маленькое слоновой кости распятие, поражавшее всех нерусским характером работы. О своем прошлом Федор Кузьмич не говорил никогда, никому, даже оказывавшим ему особое уважение епископам Иннокентию и Афанасию Иркутскому. Лишь иногда в его речах слушателей поражало такое глубокое знание событий 1812 года, такие подробные воспоминания о жизни высших петербургских кругов, какие могли бы быть достоянием только их непосредственного участника.

Простой в общении, хотя все манеры обличали его как человека образованного и воспитанного, старец вел жизнь подвижника. Вставал очень рано и все свободное время посвящал молитве, строго соблюдал посты, но не рисовался этим. Почитатели Федора Кузьмича почти ежедневно приносили ему пищу, а по праздникам заваливали пирогами, шаньгами и прочим. Старец охотно принимал все это, но, отведав немного, оставлял, как он выражался, «для гостей», и раздавал затем заходящим к нему странникам.

Во время проживания в селах Федор Кузьмич аккуратно посещал церковные службы, становился всегда в стороне, поближе к двери. В Томске он часто ходил в праздничные дни в домовую архиерейскую церковь (в ограде мужского монастыря). Преосвященный Парфений как-то предложил старцу становиться в моленной комнате епископа, рядом с алтарем, но Федор Кузьмич отказался от такой чести. Бывая в разных храмах, старец никогда не причащался, чем вызвал одно время обвинения в сектантстве. Впоследствии же выяснилось, что у него был постоянный духовник – протоиерей красноярской кладбищенской церкви отец Петр Попов, который и причащал старца.

В январе 1864 года старец занемог, 20 числа (по старому стилю) мирно отошел ко Господу. Похоронили Федора Кузьмича на кладбище Томского Богородице-Алексеевского мужского монастыря, что свидетельствовало о признании Церковью его подвижнических заслуг. В 1903 году настоятель монастыря архимандрит Иона благословил постройку

часовни на могиле старца. Пожертвования собирали в Томске и близлежащих селах – отказа ни от кого не было. А когда начали рыть фундамент под часовню, частично вскрылась могила старца. Как засвидетельствовано настоятелем монастыря в присутствии подрядчика И.П. Леднева и архитектора В.Ф. Оржешко, мощи старца остались нетленны…

…В 1984 году по благословению Святейшего патриарха Московского и всея Руси Пимена в связи с подготовкой к празднованию 1000-летия крещения Руси было установлено празднование в честь Собора сибирских святых, прославивших этот суровый край святостью своей жизни и трудами на благо церкви и отечества. Среди подвижников веры и благочестия, в земле Сибирской просиявших, отмечен и праведный Феодор Кузьмич Томский. Он причислен к лику сибирских местночтимых святых, память которого церковь отмечает 2 февраля.

Никаких документальных подтверждений этой легенды не существует, однако существуют свидетельства современников и некоторые косвенные доказательства. Царя в старце Федоре Кузьмиче узнал сосланный в Сибирь истопник из царского дворца. Узнал государя и отставной солдат, помнивший его по службе в дворце: «Увидев Федора Кузьмича, он закричал: «Царь! Царь-батюшка, Александр Павлович!» и тот поспешно ответил: «Я всего лишь бродяга. Молчи, не то попадешь в острог»». Узнала его и некая чиновница, которая при звуках знакомого голоса даже упала в обморок. Сам Федор Кузьмич, уезжая из деревни Зерцалы, оставил в тамошней часовне загадочный вензель в виде буквы «А», с короной над нею и парящим голубем вместо черты, нарисованный карандашом и раскрашенный зеленовато-голубой и желтой красками.

Императора опознала крестьянка Александра Никифоровна, которая была весьма дружна со старцем и по его настоянию, будучи двадцати двух лет от роду, предприняла поездку на богомолье. Она побывала в Почаевском монастыре, в Кременчуге, где в доме графа Остен-Сакена видела портрет Александра. Вернувшись в Сибирь, Александра вроде и воскликнула: «Батюшка Федор Кузьмич, как вы на императора Александра Павловича похожи!» Старец в лице переменился, строго спросил: «Почем знаешь?» – «Портрет у графа видела», – ответила Александра. Старец в ответ ничего ей не сказал, сразу ушел в другую комнату…»

Есть и более поздние доказательства. Прежде всего, Александровская колонна, которую установил Николай I на Дворцовой площади Петербурга в 30-х годах (архитектор Монферран). В отличие от римских цезарей и советских вождей христианским государям не ставили прижизненных статуй. Обратим внимание, что обычно царям ставили конные памятники, так что и ему полагался бы конный, с барельефами – Бородино, Париж, Триумвират. Вместо этого изображен ангел, несущий крест, и двуглавые орлы без корон, что аллегорически указывало на добровольный отказ от власти. Разорванные цепи – символ освобождения. Ангел не только обозначает небесную жизнь, но и намекает на монашество – ангельский чин.

Другое важное свидетельство – вскрытие могилы Александра I в Петропавловской крепости. Вскрытие захоронения производилось в 1919

году, гроб оказался пустым, и было видно, что он никогда не использовался (ясно, что в императорском гробу не могли хранить останки постороннего человека). Впрочем, первый раз могила вскрывалась еще с разрешения Александра III графом Воронцовым-Дашковым – и тогда обнаружилось, что гроб пуст.

Наконец, «сохранился портрет во весь рост старца Федора Кузьмича, написанный неопытной кистью местного (кажется, тобольского) живописца. Этот документ был опубликован. Он красноречивее любых доказательств. Он ошеломляет.

Огромный, голый, полусферический череп. Над ушами – остатки волос, совершенно белых, наполовину прикрывающих ушные раковины. Чело, на «хладный лоск» которого «рука искусства» наводила когда-то тайный гнев, теперь почти грозно. Губы, отчетливо видные между усами и редкой бородой, сжаты с невыразимой скорбью. В глазах, устремленных на зрителя, – суровая дума и непроницаемая тайна. Горестной мудростью светят эти испепеленные черты – те самые черты, которые видели мы все столько раз на портретах императора, – именно те. Они преобразились именно в той мере и именно так, как могли бы преобразить их года и внутренний огонь подвига.

Для того чтобы «подделать» портрет, чтобы умышленно (ради чего?) придать старцу нарочитое сходство с Александром, причем с такой глубиной психологического проникновения постичь всю логику духовной трагедии императора, – для этого безвестный живописец должен был бы обладать прозорливостью гения. Но здесь не может идти речь не только о гении, но даже о скромном таланте: как произведение искусства портрет почти безграмотен.

Со дня преставления старца Федора Кузьмича прошло почти полтора века. Современная наука позволяет подтвердить достоверность приведенных событий. Возможен такой порядок действий.

1) Еще раз вскрыть гроб в Петропавловской крепости – в присутствии духовных лиц и криминалистов, со строгим соблюдением соответствующих юридических процедур, с видеосъемкой. Крайне маловероятно, что в гробу будут чьи-то останки, но если они действительно будут, необходимо взять необходимый для экспертизы материал.

2) Точно с такими же строгостями следует взять частицу из мощей Федора Томского, из останков детей Александра I, его брата Николая I, других членов фамилии, а также контрольные частицы из останков других людей (не родственников). Если мощи Федора Кузьмича не сохранились, то можно использовать пряди волос или частички кожи на одежде (если они сохранились в музеях, в архивах).

3) Самый важный этап – генетическая экспертиза (сравнение ДНК), которая должна обнаружить родство, причем частицы для анализа, как и полагается в науке, должны проходить под номерами, чтобы окончательный результат стал известен только после всех анализов.

Убил ли Сухово-Кобылин свою возлюбленную Луизу? *32 По материалам К. Палермо.*

Это было одно из самых загадочных и громких убийств в России. Дело, не раскрытое, по сути, до нынешнего дня, для Московского уголовного розыска стало тяжеленной гирей-висяком.

8 ноября 1850 года в сугробе неподалеку от Ваганьковского кладбища обнаружили труп 30-летней женщины – француженки Луизы Симон-Деманш. Следствие еще не началось, а на устах всей светской Москвы уже было имя убийцы – Александр Сухово-Кобылин, известнейший драматург.

В 1841 году в Париже за ресторанным застольем Сухово-Кобылин познакомился с очаровательной француженкой без определенных занятий, не знавшей, как достойно распорядиться своей неуемной энергией. Он убедил ее уехать с ним в Россию. Желая познать русскую душу, без памяти влюбившись в русского литератора, Луиза прибыла в Москву, где между возлюбленными начался тягостный роман.

Чтобы не обременять себя семейными путами с взбалмошной и ревнивой Симон-Деманш, драматург снял для нее квартиру в Брюсовом переулке. В передней этого особняка полиция и обнаружила в ночь с 8 на 9 ноября кровавые пятна «величиной с тарелку». Хозяин не растерялся и спокойно ответил: «Мой камердинер страдает носовыми кровотечениями».

Следствие длилось несколько лет, писатель отпирался, изворачивался, его увозили то на допросы, то в кутузку, но потом отпускали. По одной из версий к кровавому преступлению Сухово-Кобылина подтолкнул его адюльтерный роман с известной московской дамой И.Н. Нарышкиной. Роман начался будто бы с остроумной провокации самой дьяволицы Нарышкиной: на званом вечере у себя в особняке, заметив француженку, стоящую под окном в поисках повода для скандала с то и дело изменявшим ей Сухово-Кобылиным, она поволокла ничего не подозревавшего ловеласа-гостя к окну и пылко расцеловала по всем канонам водевильного жанра. А вскоре Деманш отправилась на тот свет.

А.В. Сухово-Кобылин

Нарышкина же по дружбе пыталась составить предполагаемому убийце алиби, показав на следствии, что в ночь убийства он был на званом вечере.

Труп несчастной Луизы был ужасен: развороченный висок, перерезанное горло, густо залитое кровью праздничное платье. Драгоценностей убийца не тронул.

Сухово-Кобылин всю вину валил на своего повара, который после нескольких месяцев заточения и пыток (истязали на дыбе, кормили одной селедкой и не давали пить) написал под диктовку подкупленного Сухово-Кобылиным пристава признание в убийстве, обеспечив себе пожизненную каторгу, однако через три года повторное расследование доказало вину драматурга. Многочисленный капитал и связи, прошение о помиловании – письмо мамаши Александру II, подкупы, угрозы, подлоги – и Сухово-Кобылина вновь признают… невиновным.

А дело, возможно, выглядело так. 7 ноября одолеваемая очередным приступом ревности Луиза появилась в доме Кобылина на Страстном бульваре в тот момент, когда там была Нарышкина. Произошла разборка, полная взаимных угроз и оскорблений. Наш герой, недолго думая, схватив тяжелый подсвечник, запустил им в висок ревнивице. А на всякий пожарный, как сейчас бы отметили в газетной хронике, сделал «контрольный» перерез горла. Затем он приказал слугам оттащить тело усопшей подальше от дома, что и было выполнено. Полы в доме вымыли, подсвечник водрузили на место. Старинный фамильный подсвечник с монограммой «С-К» в 1992 году ушел на одном из аукционов за бешеные деньги.

Пирогов умирал голодной смертью *33 По материалам С. Прокопчука.*

Пройдя несколько десятков ступенек по крутой лестнице вниз, оказываешься в прохладном и полутемном помещении. Светильники выхватывают из полумрака герметичный саркофаг из стекла, сделанный на одном из военных заводов Москвы, а в нем – гроб. На таком необычном смертном одре вот уже более ста лет покоится тело всемирно известного ученого, легендарного военного хирурга, героя Крымской войны 1853—1856 годов Николая Пирогова. Все эти годы он лежит в своей усыпальнице в мундире тайного советника Министерства народного просвещения Российской империи.

Уникальность некрополя Пирогова – неоспорима. Во-первых, ни в одной стране мира, где нынче покоятся забальзамированными тела исторических деятелей – Ленина, Хошимина и Ким Ир Сена, – нет примера столь длительного (более ста лет) сохранения в «нормальном» состоянии останков. Во-вторых, речь идет о мавзолее, который был создан в глухой провинции, в имении покойного – селе Вишня Винницкой губернии.

Как же удается столько лет сохранять тело человека, впервые в мире применившего эфирный наркоз при хирургических операциях, автора знаменитой книги «Основы общей военно-полевой хирургии»? Этот вопрос до сих пор остается открытым.

И зная некоторые детали из истории его болезни и смерти, подробности процесса бальзамирования в студеном декабре 1881 года, невольно восхищаешься талантом ученика Николая Ивановича – Давида Выводцева. Он забальзамировал, между прочим, в свое время тела умерших в Санкт-Петербурге послов США и Китая, чтобы их можно было доставить на родину.

Именно книга Д. Выводцева «О бальзамировании», которую благодарный ученик подарил своему учителю, и заставила жену Пирогова Александру Антоновну еще при жизни мужа, умиравшего от неизлечимой болезни, принять решение о сохранении его тела. «Милостивейший государь Давид Ильич, – пишет она письмо Выводцеву, – извините великодушно, если я Вас обеспокою моим печальным известием… Не сочтете ли Вы за труд, когда Господу Богу будет угодно призвать к себе Николая Ивановича, приехать в с. Вишню и набальзамировать его тело, которое я хотела бы сохранить в нетленном виде для меня и потомков». Выводцев дал согласие, написав супруге Пирогова, что для этого нужно приготовить спирт, глицерин, тимол…

Н.И. Пирогов. Фото 1855 г.

Когда 5 декабря 1881 года Н. Пирогов скончался (Святейший Синод уже дал согласие жене на то, чтобы не предавать Николая Ивановича

земле, как велит христианский обычай), Выводцев приехал в усадьбу. К тому времени из Вены доставили труну, заблаговременно заказанную Александрой Антоновной. В ней, как утверждают сотрудники музея, он лежит и по сей час.

Только на четвертый день после смерти Выводцев приступил к бальзамированию. Ему помогал фельдшер. Процесс, при котором присутствовал священник, длился несколько часов. Когда близким было дозволено войти в комнату, они увидели покойного отца и мужа словно спящим. Таким он сохранялся более шести десятков лет! Вплоть до 1944—1945 годов, когда сразу же после освобождения Винницы от немецких захватчиков по приказу Ворошилова началась подготовка к первой ребальзамации тела легендарного хирурга. Всю войну, к слову, оно находилось в усадьбе, немцы его не тронули.

Любопытны детали, которые говорят о высоком мастерстве Д. Выводцева и уникальности его методики бальзамирования. Он оставил в неприкосновенности и мозг, и внутренние органы. По сей день на теле Николая Ивановича остались следы лишь нескольких надрезов – в области сонной артерии и паха. Используя закон физики о сообщающихся сосудах, ученик Пирогова заполнил под давлением крупные кровеносные артерии покойного особым раствором, который и обеспечил сохранность тела более полувека.

По всей вероятности, такой поразительный эффект достигнут и благодаря тому, что Пирогов был человеком «мелкой кости». Он никогда не страдал тучностью, был всю жизнь худощавым и подтянутым. И что, видимо, тоже существенно – в мир иной он, по сути, ушел от голодной смерти.

Заболел Пирогов неожиданно, когда уже проживал постоянно в своем имении Вишня. В верхней части челюсти образовалась язва. Как оказалось позже – злокачественная.

– При таком заболевании, – рассказывала Галина Семеновна Собчук, директор музея-усадьбы Н. Пирогова, – Николай Иванович не в состоянии был даже просто глотать. Чтобы как-то поддержать жизнь, ему давали небольшие дозы шампанского и сцеженного грудного молока.

…Усыпальница Николая Пирогова находится нынче как бы в подвальной части церкви-некрополя, построенной более ста лет назад на краю сельского кладбища. Именно тут Александра Антоновна предусмотрительно купила у деревенской общины под мавзолей мужа кусок земли за 200 рублей серебром. Здесь все ухожено, все в цветах, которые так любил знаменитый хирург. В его имении, по воспоминаниям очевидцев, было более ста сортов роз. Сортов, а не кустов. Их выращивал сам Николай Иванович, как и свой великолепный сад.

В ритуальной церкви-некрополе над усыпальницей – прекрасный иконостас, старинные иконы. Ее реставрировали, а фактически воссоздали заново в соответствии со специальным постановлением Совета Министров УССР в 1980-х годах. Оно появилось после того, как здесь побывал в 1978 году министр здравоохранения СССР академик Борис Петровский и увидел, в каком плачевном состоянии находится сооружение. В тот год сюда прибыла группа специалистов из уникального Московского центра по проблемам бальзамирования. Тело Пирогова решено было первый раз за

все послевоенные годы отправить в лабораторию при мавзолее В.И. Ленина. И потом – в 1994-м и позднее ребальзамацию проводили московские специалисты.

Увы, в последние годы вызвало бурю политических кривотолков: мол, москали, Россия хотят забрать у нас Николая Пирогова.

– Было очень неприятно читать, – заметила Зинаида Мартынова, главный хранитель «Пироговки», – явно несправедливые упреки в адрес наших московских коллег.

Как тут не вспомнить слова, которые еще в 1920-е годы звучали с трибун съездов украинских врачей: «Пирогов принадлежит не только той стране, в которой родился, – он принадлежит мировой медицине. На долю же и честь Украины выпала миссия сохранить его останки».

«Два года у меня есть...»

Алексей Петрович Ермолов, генерал «с обликом рассерженного льва», был человеком во многих отношениях необыкновенным. Подобно йогам, он умел управлять биением собственного сердца и как-то раз – шутки ради – вовсе остановил его. Шутка, впрочем, получилась неудачной: потом самому генералу пришлось «оживлять» беднягу доктора, который, не нащупав у всероссийской знаменитости пульса, бухнулся в обморок…

На поле брани Ермолов был отчаянно смел, а в обращении с власть имущими независим и даже дерзок. За эту дерзость император Павел Петрович заточил его (тогда еще 23-летнего подполковника) в Алексеевский равелин, а позже, смилостивившись, отправил на «вечное» поселение в Кострому. Там к опальному офицеру проявил неожиданное внимание монах Авель, известный прорицатель, и часто уединялся с ним у себя в келье. О чем они вели свои беседы – Бог весть, но именно после Костромы пошли разговоры о некоей ермоловской тайне.

А.П. Ермолов. Портрет Дж. Доу. 1820-е гг.

Солдаты, например, уверовали, что Ермолов «заговорен» от пуль и потому так безрассудно храбр. И еще блуждали слухи, что генерал будто бы обладает способностью видеть будущее.

Так, в ночь перед Бородинской битвой Алексей Петрович предсказал своему другу, молодому генералу Кутайсову, что тот найдет свою смерть «от пушечного ядра». Предсказание сбылось: на другой день Кутайсов был убит 6-фунтовым ядром. А накануне сражения под Лейпцигом, желая ободрить барона Остен-Сакена, Ермолов сказал ему: «Не робей, Митя. Пули для тебя еще не отлито… Да и вообще никогда не будет отлито!» Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен прослужил в армии больше полувека, прошел 15 военных кампаний, участвовал в 92 боевых делах, украсил себя полным набором всех мыслимых военных наград и… не получил за все время ни единой царапины!

Отставленный от службы, Ермолов поселился в Москве, в собственном доме на Пречистенке, и здесь, уже после Крымской войны, его как-то навестил капитан артиллерии Берг, участник севастопольской обороны. В летах они разнились на полвека с лишним, однако это не помешало их обоюдной приязни, переросшей вскоре в настоящую дружбу. На протяжении многих месяцев они встречались чуть ли не каждый день, но весной 1859 года вынуждены были расстаться: Николай Берг получил назначение военным наблюдателем в Италию, где назревал вооруженный конфликт между Австрией, Францией и Сардинским королевством. «Генерал, – писал Берг, – выслушал известие о моем отъезде с одушевлением, как если бы ему подлили в кровь молодости…»

– Езжай, Коля. Езжай! Потом все расскажешь. Как только вернешься в Москву – сразу же ко мне… Слышишь? Буду ждать!

Ермолову шел уже 83-й год. Ему стоило немалого труда перемещать громоздкую свою массу даже в пределах четырех стен, и сердце капитана вдруг болезненно сжалось: «А дождется ли?..» Непрошеные слезы сами собой брызнули из его глаз.

– Ну? Ты что это? – генерал положил тяжелую свою ладонь ему на плечо. – Думаешь, не дождусь? Помру?.. Нет, Коля! Еще свидимся. Непременно. Два года у меня есть.

Война в Ломбардии закончилась неожиданно скоро. Берг возвратился в Москву. Генерал его ждал, облаченный ради торжества в мундир с анненской лентой. Шумно дыша, он с усилием приблизился к письменному столу, долго возился с ключом, извлек на свет какие-то бумаги…

– Сейчас, Коля, ты кое-что выслушаешь, – объявил он, с облегчением опускаясь в обширное и глубокое кресло, сделанное когда-то по специальному его заказу. – Пятьдесят лет я молчал, ибо таков был данный мною обет… А теперь уже срок вышел.

«И я, – писал Николай Берг, – услышал повествование совершенно фантастическое…»

Случилось это в 1809 году. Генерал-майору Ермолову, тогда человеку совсем еще молодому, поручено было произвести некое служебное дознание в городке Жавтень Подольской губернии. Генеральская бричка долго тащилась по непролазной грязи, пока наконец Алексей Петрович не добрался до места. Запалив свечи, Ермолов разложил на столе привезенные бумаги, набил трубку и предался задумчивости… Вдруг повеяло будто бы сквозняком, пламя свечей согласно качнулось. Генерал поднял глаза. Посреди комнаты стоял некто – седовласый, «в мещанском сюртуке».

– Открой-ка чернильницу, – велел он Ермолову. – Чистая бумага перед тобою… Обмакни перо.

Сам не зная почему, генерал повиновался. «Мещанин» же, которого седые космы делали странно похожим на постаревшего льва, продиктовал первую фразу:

– Подлинная биография. Писал генерал от инфантерии Ермолов.

«Как? – мелькнуло в мозгу Ермолова. – Почему генерал от инфантерии? Ведь я пока всего лишь…»

А незнакомец между тем продолжал:

– Июля 1-го числа 1812 года Высочайшим указом назначен начальником штаба 1-й Западной армии…

«Что за чушь? Не знаю я ни про какой такой штаб… И к тому же год сейчас 9-й, а не 12-й!..» Рассудок его пытался бунтовать, но рука, будто живя собственной и подвластной лишь голосу незнакомца жизнью, выводила новые и новые строки.

«…в 1817 году отправился чрезвычайным и полномочным послом ко двору Фет-Али-шаха…»

Седой диктовал, генеральское перо едва поспевало за ним. Долго ли, коротко ли все это длилось – Ермолов не знал. Он утратил чувство реальности… Наконец на бумагу легло самое последнее: число, месяц и год его смерти.

– Вот и все, – сказал «мещанин». – Теперь мы с тобою расстанемся… до времени. Но прежде ты должен обещать мне, что будешь молчать о сегодняшней нашей встрече ровно пятьдесят лет.

– Обещаю, – тихо вымолвил генерал.

Снова будто сквозняк прошелестел по комнате. Пламя свечей качнулось. И прозвучало затихающее, чуть различимо: «Так помни – пятьдесят лет!..»

Минуту-полторы Ермолов сидел как в оцепенении. Затем, очнувшись, резко встал и рывком распахнул дверь в соседнюю комнату: попасть в ермоловский кабинет можно было только через нее. Писарь и денщик, совсем было расположившиеся ко сну, воззрились на генерала в искреннейшем недоумении. «Седой?.. Никак нет, барин! Вот вам истинный крест, никто тут не ходил… Да и кому ж ходить, ежели наружные двери давно заперты?»

Ермолов вернулся в кабинет, еще раз перечитал написанное, осенил себя крестным знамением и погасил свечи…

«Честно признаться, – писал потом Берг, – я по первости не поверил ермоловскому рассказу, сочтя его старческой смесью фантазий с отдаленными воспоминаниями… Генерал, однако ж, угадал мои мысли. Не

говоря ни слова, он выложил передо мной листы – те самые, которые достал еще раньше из ящика своего стола…»

Желтый цвет бумаги говорил о почтенном ее возрасте. Почерк был несомненно ермоловский, по-молодому твердый, хотя чернила изрядно выцвели. «Подлинная биография…», – прочел Берг. На последующих пяти страницах повествовалось о жизненном пути Ермолова, о его вынужденной отставке, «московском» периоде, о Крымской войне, воцарении Александра Николаевича… В сильнейшем волнении Берг уже начал читать о предстоящей крестьянской реформе, но генеральская ладонь заслонила вдруг последний абзац.

– Это ты потом прочтешь. Ну… сам знаешь когда.

Некоторое время оба молчали. Затем капитан спросил:

– Алексей Петрович… А вы б узнали сейчас того «мещанина»?

– Еще бы! Так полвека и стоит перед глазами.

– Ну и… Каков же он из себя?

Генерал с усмешкой тряхнул седой шевелюрой:

– Видишь эту гриву? Так вот я и есть – ОН.

«Анастасия»

Почти незамеченным прошло столетие младшей дочери Николая II Анастасии. Оно и понятно. За свою короткую жизнь великая княжна ничем особенным отличиться не успела. Но ее имя стало в XX веке легендарным благодаря фильмам, книгам, мюзиклам и даже диснеевским мультикам. Правда, «спасибо» за это надо сказать женщине, которая около 60 лет выдавала себя за великую княжну. У нее было много имен. Она звалась и «фрейляйн Унбеканнт (Неизвестная)», и «госпожа Чайковская», и Анна Андерсон, и Анастасия Мэнахан. Ее признали некоторые родственники царской семьи. Другие не признавали категорически. Годами длились судебные разбирательства. Казалось, смерть навсегда унесла в могилу тайну ее происхождения. Но случилось так, что достижения науки «догнали» Анну Андерсон в потустороннем мире и развеяли красивую легенду…

«Фрейляйн Унбеканнт» 17 февраля 1920 года некая молодая женщина спрыгнула с моста в канал Ландвер в Берлине. Ее вытащил из воды и доставил в больницу полицейский. Неизвестная не имела при себе документов. Когда она пришла в себя, ее допросили, но девушка назваться отказалась. В ответ на вопросы полиции спасенная отворачивалась к стене и натягивала на лицо одеяло. Спустя некоторое время ее отправили в психиатрическую клинику под именем «фрейляйн Унбеканнт (Неизвестная)», где поместили в общую палату.

Проведенное медиками обследование показало, что на теле неизвестной имеются многочисленные шрамы, что она уже давно не девственница, и что ее зубы находятся в ужасающем состоянии: пришлось удалить то ли семь, то ли восемь корней. Несколько месяцев «фрейляйн Унбеканнт» хранила молчание. Но потом ее «прорвало». Сначала она стала общаться с медсестрами, а потом и с соседями по палате. Спустя годы одна из них заявляла, что странная больная говорила по-русски, «как на родном языке» (сама свидетельница была немкой, владеющей русским языком).

Великая княжна Анастасия и Анна Андерсон (1912; 1938)

Преображение случилось осенью 1921 года, когда пациентка, листая журнал с фотографиями Николая II и его детей, спросила медсестру, не видит ли она сходства между ней и младшей дочерью царя.

Сестра признала, что некоторое сходство имеется. За этим последовало заявление «фрейляйн Унбеканнт», что она и есть великая княжна Анастасия. С этого момента начинается эпопея, продлившаяся семь десятилетий…

«Госпожа Чайковская» Впрочем, поначалу газетчики запутались и сообщили, что нашлась великая княжна Татьяна. В больницу явилась бывшая фрейлина императрицы баронесса Буксгевден. Пациентка по обыкновению спряталась с головой под одеяло. Решительная дама сдернула одеяло, оглядела Неизвестную и… покинула палату со словами: «Она слишком коротка для Татьяны».

Недоразумение быстро разрешилось. Впредь «фрейляйн Унбеканнт» фигурировала в прессе исключительно под именем Анастасии. Она покинула лечебницу, поселившись в семье эмигранта из России. Большую часть жизни она так и прожила в квартирах людей, покинувших после большевистского переворота родину, которые если и не верили в спасение царской дочери, то уж во всяком случае надеялись на это чудо.

Версия чудесного спасения в изложении «фрейляйн Унбеканнт» излагалась следующим образом. Когда трупы Николая II и его близких перетаскивали из подвала Ипатьевского дома, один из участников расстрела заметил, что княжна Анастасия жива. «Героя» якобы звали Александр Чайковский, он был поляк, проживал с семьей в Екатеринбурге. Помогал ему в «спасении» великой княжны брат Сергей. Как известно, город был захвачен белыми спустя несколько дней после убийства царской семьи. Чайковские вместе с «Анастасией», пребывавшей в полубессознательном состоянии, бежали из Екатеринбурга. Они несколько месяцев скитались, но в конце концов добрались до Бухареста. Там несколько оправившаяся от потрясений «Анастасия» обнаружила, что беременна. «Спаситель» сознался в совершенном насилии. Родился мальчик, отданный на воспитание матери и сестре Александра Чайковского. Потом он каким-то неведомым образом оказался в приюте, после чего его следы навсегда затерялись. «Анастасия» же тем не менее якобы сочеталась со своим «спасителем» браком, но вскоре он погиб во время уличных беспорядков в Бухаресте. После этого «великая княжна» решила отправиться в Берлин в надежде на помощь сестры императрицы Александры Федоровны принцессы Ирены. Прибыв с помощью Сергея Чайковского в столицу Германии, она направилась к дворцу, где жила ее «тетушка», но то ли по темным окнам, то ли по еще каким-то внешним признакам решила, что Ирены нет дома, и в отчаянии бросилась с моста в канал.

В те времена с ходу разоблачить весь этот бред оказалось непросто. Но сегодня можно однозначно сказать, что ни о каком поляке Александре Чайковском, почему-то жившем с семьей в Екатеринбурге, нет никаких сведений. Мягко говоря, недоумение вызывает и то обстоятельство, что, будучи в Бухаресте, «Анастасия» почему-то не обратилась за помощью к румынской королеве Марии – кузине Николая II и императрицы Александры Федоровны. Королева даже виделась с племянницей в 1914 году, когда обсуждался вопрос о браке старшей дочери царя с наследником румынского престола, и августейшая семья гостила в Бухаресте. «Анастасия» впоследствии заявила, что из-за беременности постыдилась

обратиться к королеве Марии. По этому поводу сестра Николая II великая княгиня Ольга Александровна позднее говорила: «В 1918 или в 1919 году королева Мария наверняка бы узнала Анастасию. Марию никогда ничего не шокировало бы, и моей племяннице это наверняка было бы известно. И моя племянница не могла не знать, что подобное состояние без сомнения шокировало бы Ирену».

Есть и еще одно обстоятельство, характерное для всех самозванцев, утверждавших, что они дети последнего российского императора. Начитавшись газетных и иных публикаций о немецком происхождении Александры Федоровны, что в годы Первой мировой войны и распутинщины в самой России считалось чуть ли не доказательством предательства царицы, ее «работы» на противника, все самозванцы напирали на знание немецкого языка. «Фрейляйн Унбеканнт» здесь не исключение. Свое явное незнание русского языка она и ее последователи оправдывали перенесенным потрясением, психологической невозможностью после екатеринбургского расстрела говорить на родном языке. «Анастасия» норовила общаться по-немецки. Но дело в том, что и императрица Александра – внучка королевы Виктории, и будущий царь Николай Александрович получили модное в то время воспитание в английском духе. В царской семье дети с отцом общались на русском языке, с матерью на английском, естественно, знали великосветский французский, но не обучались специально и не имели возможности практиковаться в немецком языке.

Высочайшие опознаватели Когда пресса всемирно раздула историю «спасения» великой княжны Анастасии, к претендентке потянулись в гости родственники – представители царственных семей. Госпожу Чайковскую посетила принцесса Ирена, за помощью которой якобы претендентка приехала в Берлин. «Тетя» явилась инкогнито, но «Анастасия» при встрече с ней опрометью выскочила из комнаты. Посетила «племянницу» и кронпринцесса Цецилия. «С этой юной особой было попросту невозможно общаться. Она не проронила ни единого звука, то ли из упрямства, то ли потому, что была ошарашена», – вспоминала супруга наследника германского престола. Экс-кайзер Вильгельм II направил в гости к «Анастасии» свою вторую жену, императрицу Эрмину. Но, пожалуй, самой главной августейшей посетительницей стала крестная мать Анастасии дочь императора Александра III, сестра императора Николая II великая княгиня Ольга…

Удивительное дело, но никто из перечисленных выше и других родственников Анастасии сразу же не высказался однозначно в том смысле, что перед ними самозванка. Кто-то из них находил внешнее сходство, другие, пообщавшись с «Анастасией», смолчали и лишь спустя годы уверенно заявляли о самозванстве госпожи Чайковской. Другие, наоборот, в старости уверовали в ее подлинность. Например, великая княгиня Ольга некоторое время после встречи с Чайковской переписывалась с ней, и по этим письмам весьма затруднительно судить, признавала ли крестная мать и тетушка в госпоже Чайковской свою племянницу и крестницу или же нет. Решительно отказалась от встречи с «Анастасией» лишь ее бабушка императрица Мария Федоровна, жившая в эмиграции в Дании. Воплощение былых представлений о приличиях, вдова

Александра III якобы не допускала и мысли, что ее внучка может «незаконно» забеременеть.

В связи с такими узнаваниями-неузнаваниями тетушек, дядюшек, кузин и кузенов нужно отметить два обстоятельства психологического характера. Во-первых, все навещавшие самозванку августейшие особы, будучи нормальными людьми, конечно же очень хотели верить в чудо, в спасение хоть кого-то из царской семьи, о трагической судьбе которой все за границами России были в те годы весьма наслышаны. Встречаясь с госпожой Чайковской, представители королевских домов Европы прежде всего искали подтверждения своей веры в чудо, а не правды. Во-вторых, сама госпожа Чайковская, как отмечали практически все с ней встречавшиеся, не играла в «великую княжну Анастасию», она вела себя так, будто ею и являлась, совершенно естественно, совершенно органично. Это приводило людей, знакомых с Анастасией при жизни, да и вообще всех, сталкивавшихся с госпожой Чайковской, в ступор. Ну очень хотелось верить, несмотря на явные несоответствия, что перед ними действительно младшая дочь последнего русского царя, чудом спасшаяся из лап страшных, ужасных, кошмарных большевиков. Этим психологическим капиталом самозванка пользовалась до конца своих дней, шесть десятилетий.

«Анна Андерсон» Характер госпожи Чайковской «работал» на эти психологические факторы. Ее манера поведения и по отношению не признававших ее, и еще более по отношению сторонников была феноменальна. По поводу и без повода претендентка была капризна, раздражительна, деспотична, вспыльчива. Всю жизнь, существуя за чужой счет, в гостях, по милости сочувствующих судьбе великой княжны Анастасии, госпожа Чайковская «строила» своих благодетелей на полную катушку, чем только укрепляла в них веру в свою подлинность. Так играть на людских слабостях, на вере в чудо, да еще на протяжении многих лет, может только человек предельно циничный. В гневе она угрожала «вымостить улицы черепами своих врагов», родственников «перевешать на столбах за измену». Будучи никем, она сама прерывала визиты весьма высокопоставленных особ и покидала помещение, выкрикивая на ходу оскорбления.

В конце 1920-х годов по приглашению великой княгини Ксении, сестры Николая II (!), претендентка переезжает из Европы в США. Здесь ее настигает очень серьезный удар. Публикуется так называемая «Романовская декларация», в которой члены российского императорского дома заявили, что госпожа Чайковская не является дочерью последнего русского царя. Но их заявление лишь подогрело страсти. Из сорока четырех романовских родственников, пребывавших тогда в добром здравии, документ подписали лишь двенадцать. Некоторые поставили свою подпись под декларацией позже. Но все равно документ не стал для публики убедительным аргументом. Тем более что он был опубликован в Гессен-Дармштадте – на родине императрицы Александры Федоровны, где правил ее брат Эрнст, настроенный к претендентке предельно враждебно.

Великая княгиня Ксения, пригласившая госпожу Чайковскую в США на Лонг-Айленд, очень скоро испытала на себе ее тяжелый нрав, и претендентка поселилась в гостинице. Номер люкс оплачивал великий

композитор Сергей Рахманинов. В книге постояльцев самозванка записалась под именем Анны Андерсон. «Госпожа Чайковская» исчезла навсегда.

Франциска Шанцковска Но еще до отъезда в США и «Романовской декларации» самозванка пережила весьма серьезное испытание. В марте 1927 года одна берлинская газета опубликовала со слов некоей Дорис Вингендер, что госпожа Чайковская, выдающая себя за чудом спасшуюся младшую дочь Николая II Анастасию, на самом деле является Франциской Шанцковской, польской фабричной работницей, происходящей из крестьян. Госпожа Вингендер заявила, что до знаменитой истории с прыганьем в берлинский канал Франциска жила постоялицей в доме ее матери. Позднее, в 1922 году, Франциска наведывалась к Дорис, на несколько дней останавливалась у нее и рассказывала, что жила эти годы в семьях русских монархистов, «которые явно принимали ее за кого-то еще». Перед тем как покинуть дом Дорис, «Анастасия» получила в подарок кое-какую одежду, оставив в доме Вингендеров свою прежнюю. Специально нанятый детектив продемонстрировал сохранившееся у Дорис пальто, платье и белье Франциски барону и баронессе фон Клейст, у которых «фрау Унбеканнт» гостила в том же году, но несколько ранее. Они одежду опознали. Было устроено опознание с участием брата Франциски Феликса Шанцковского, который признал в претендентке свою сестру, но подписывать необходимые документы отказался. Так же было и в 1938 году, когда гитлеровское правительство хотело раз и навсегда поставить точку в деле самозванки, для чего в Берлин были доставлены братья и сестры Франциски Шанцковской. Они были весьма смущены ситуацией, но тоже, за исключением одной из сестер, кричавшей Анне Андерсон «Признайся! Признайся!», уклонились от утверждения, что перед ними их родственница. Но в тот момент решающим стало известие, что публикацию и расследование берлинской газеты финансировал принц Эрнст Гессенский, дядя настоящей Анастасии по матери и ярый противник госпожи Чайковской. Это обстоятельство свело на нет результаты дознания. Правдивость выясненных фактов подтвердилась спустя десятилетия, но о том речь впереди.

Царские деньги Слухи о крупных вкладах Николая II и императрицы Александры в зарубежных банках циркулируют до сих пор. Достоверных сведений на эту тему крайне мало. Но было б странно, если бы называющая себя чудом спасшейся дочерью последнего русского царя женщина не занялась поиском отцовских сокровищ. И она занялась. При поддержке детей погибшего вместе с царской семьей лейб-медика Боткина. В 1928 году в США была создана специальная корпорация «Гранданор» (что означает «Великая российская княжна Анастасия Николаевна») для поиска царских банковских вкладов. В фирму вложили средства высокопоставленные богатенькие друзья Анны Андерсон. Непосредственно делом занялся адвокат Эдвард Фэллоуз. Но что-либо обнаружить так и не удалось. Причем если бы поисками царских вкладов всерьез озаботились сами Романовы, то, скорее всего, что-то бы обнаружили. Но поскольку делом занялись представители столь скандальной личности, как Анна Андерсон, банки, и так-то по природе своей не стремящиеся раскрывать тайны и расставаться с деньгами,

дружно отрицали наличие вкладов царской семьи.

Так приживалкой у обеспеченных высоких особ «Анастасия» и жила на протяжении десятилетий. То в США, то в Европе. Минула для нее незамеченной Вторая мировая война. В 50-х вышел на экраны фильм об Анастасии, где в главной роли выступила Ингрид Бергман. Это вызвало всплеск интереса к Анне Андерсон. Но публика, увидев фотографии претендентки, стала роптать, что она не похожа на сыгравшую Анастасию кинозвезду.

Случился еще эпизод с Михаилом Голеневским, сотрудником польской разведки, бежавшим на Запад и предложившим свои услуги ЦРУ. Он объявил себя спасшимся царевичем Алексеем и тоже пытался прибрать к рукам царские вклады в американских и европейских банках. Самозванцы встретились. Поначалу «признали друг друга», но потом их пути разошлись.

В Германии судебное разбирательство по делу «Анастасии», оспаривавшей собственность, «присвоенную» родственниками императрицы Александры Федоровны, закончилось лишь в 1976 году. Против самозванки выступали, естественно, представители Гессенского дома – потомки брата царицы Эрнста, которых активно поддерживал лорд Маунтбаттен, бывший вице-король Индии, дядя принца Филиппа, супруга британской королевы Елизаветы II.

Финальный аккорд В декабре 1968 года Анна Андерсон вышла замуж за Джона Мэнахана, увлеченного генеалогией богатого американца. Он был младше ее на двадцать лет. Далее приведем обширную цитату из книги Роберта Мэсси «Романовы. Последняя глава». «Анастасия и Джон Мэнахан прожили вместе более пятнадцати лет. У них были раздельные спальни в классически элегантном доме на одной из тихих улиц Шарлотсвилла, лишь в нескольких кварталах от университета и знаменитой библиотеки Томаса Джефферсона. Она звала его – неизвестно почему – Ганс, он же величал ее Анастасией. Каждый день они выезжали на машине на его огромную ферму в окрестностях города и частенько обедали в фармингтонском загородном клубе. Там Анастасия – хрупкая фигурка с крашеными каштановыми волосами, как правило, одетая в блузку и мешковатые ярко-красные брюки – аккуратно собирала объедки с тарелок и, завернув их в фольгу, забирала домой, чтобы кормить свою растущую не по дням, а по часам кошачью семью… Разросшиеся кусты, плющ и трава заполонили двор, полностью загородив фасад дома. Внутри особняка на полу гостиной высились стопки книг и лежали разбросанные газеты, которые были призваны закрывать собой кошачьи испражнения. Когда одна представительница кошачьего племени сдохла, миссис Мэнахан кремировала ее в камине.Казалось, Мэнахан не имел ничего против. «Так нравится Анастасии», – объяснял он».

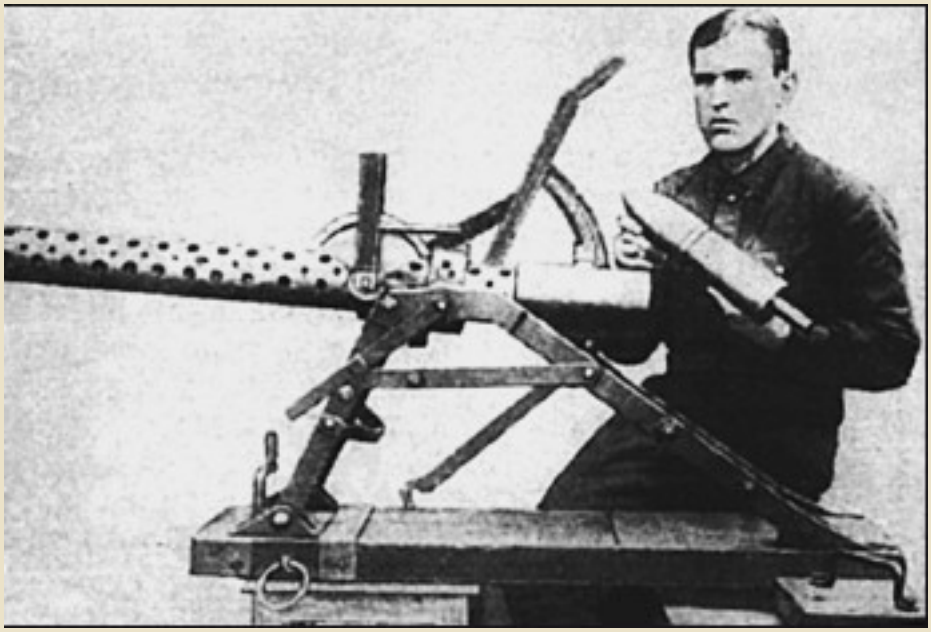
Соседи судились с ними по поводу зловония, исходящего от их дома. Мэнахан в разговорах утверждал, что его супруга – потомок Чингисхана, а также испанских королей. Короче говоря, клинический случай. В ноябре 1983 года миссис Мэнахан в очередной раз поместили в психиатрическую больницу (на протяжении своей жизни она часто жила в подобных заведениях). Супруг ее оттуда выкрал. Полиция нескольких штатов Восточного побережья США была задействована в их поиске и задержании.

12 февраля 1984 года Анастасия Мэнахан скончалась. Тело ее было кремировано, а прах предан земле на кладбище замка Зееон, где она когда-то проживала (естественно, в гостях).

Провал операции «Цеппелин»

В один из дней 1931 года начальник Газодинамической лаборатории, расположившейся в Алексеевском равелине Петропавловской крепости в Ленинграде, в очередной раз вывез на испытательный артиллерийский полигон «изделия» своих сотрудников. На их инспекцию приехало высокое военное начальство из Москвы. Все было готово к показу: именитые гости, размещенные в специально оборудованном укрытии, с нетерпением поглядывали в сторону леса. Вот из-за горизонта показался самолет-разведчик «Р-5». Неожиданно под крыльями самолета вспыхнули молнии, темные дымные шлейфы протянулись от самолета к горизонту, где были установлены мишени. Прошло несколько секунд, и все увидели появившиеся в воздухе темно-коричневые бутоны разрывов…

Спецружье На следующий этап испытаний были приглашены командиры М.Н. Тухачевский и несколько его помощников. Среди них скромно затерялся молодой комдив в новенькой, с иголочки, форме. Начальство спустилось в специально оборудованный блиндаж, над которым поднимались лишь перископы. Сотрудники руководителя испытаний начальника Газодинамической лаборатории Бориса Сергеевича Петропавловского устанавливают треногу с огромной трубой и прячутся в укрытии. Из трубы вырывается язык пламени, и огненная стрела устремляется к стоящему в полукилометре от блиндажа танку. Ослепительная вспышка взрыва на броне засвидетельствовала точность попадания.

Борис Сергеевич Петропавловский у реактивного орудия собственной конструкции

Петропавловский в блиндаже дает пояснения Тухачевскому и его свите: «Вы видели в действии реактивное противотанковое ружье. В ближнем бою оно прекрасно заменит противотанковое орудие, поскольку корпус ружья и направляющая труба изготовлены из легкого металла – дюралюминия – и весят всего несколько килограммов. Ружье стреляет стандартным авиационным реактивным снарядом. Боец может бить по танкам прямо с плеча, ибо, несмотря на серьезный артиллерийский калибр снаряда – 82 миллиметра, у ружья практически нет отдачи. Вот только стоять позади него ближе десяти метров не рекомендуется.

Пройдет более десяти лет, прежде чем подобные ружья появятся за рубежом – это американская «базука» и немецкий «фаустпатрон».

После испытаний Тухачевский отозвал Петропавловского в сторону и познакомил со своим спутником: «Борис Сергеевич, товарищ… э-э… Петров хочет познакомиться с вашей лабораторией, окажите ему полное содействие».

Оказавшись в лаборатории, «комдив» пожелал, чтобы беседа прошла строго конфиденциально. «Мы знаем о ваших разработках, Борис Сергеевич, – сказал незнакомец, – особенно в области реактивных снарядов, и обращаемся к вам с просьбой выполнить в кратчайший срок спецзадание: изготовить и испытать вариант вашего противотанкового ружья существенно меньшего калибра и размерами менее метра. Калибр 40, максимум 50 миллиметров». – «Но это будет почти игрушка!» – возразил Петропавловский. «Давайте сразу договоримся, – жестко предупредил «комдив», – наше задание – ваше исполнение. И точка!»

Странное задание «комдива» Газодинамическая лаборатория заказ выполнила, но реактивные противотанковые ружья Петропавловского так и не появились в руках красноармейцев. Судьбой же своего странного заказа Петропавловский даже не пытался интересоваться.

Естественно, что и «заказчик» помалкивал. Однако в 1934 году начальник полиции одного из заштатных мексиканских городков сообщил министру внутренних дел, что революционеры, напавшие на местную тюрьму и освободившие своих товарищей, пользовались портативными пушками, стрелявшими прямо из автомобиля! А год спустя в Англии при загадочных обстоятельствах погиб попросивший политического убежища сотрудник советского Внешторга Лисовский. Обиженный слабым интересом к своей персоне властей Глазго, где это произошло, он сообщил журналистам, что является также штатным агентом НКВД. Перебежчика сразу переправили в Лондон на самолете. Но самолет при взлете загорелся и рухнул на взлетную полосу. Некоторые свидетели утверждали, что в самолет с земли ударила… молния!

По-видимому, в НКВД спохватились, что выпустили из бутылки опасного джинна. Идея «пошла в жизнь», и именно с помощью «карманной безоткатки» фашисты пытались совершить покушение на Сталина.

В роли исполнителя акции должен был выступить некто Политов, командир роты, перебежавший в 1942 году к немцам. На роль его

помощницы и по совместительству жены подобрали некую Шилову.

Трудно сейчас сказать, воспользовались немцы советской конструкцией или разработали свою собственную, почти аналогичную, но для исполнения акции была изготовлена «панцерккнакке» – «карманная безоткатка» калибром 60 миллиметров, чьи кумулятивные снаряды могли пробить 45-миллиметровую броню. Ружье крепилось ремнями на правой руке и оснащалось дистанционным пусковым устройством. Предполагалось, что Политов проникнет в Москву, выяснит, по какому маршруту ездит бронированный «ЗИС» Сталина, и обстреляет его.

Чтобы придать «больший вес» исполнителю акции, немцы «наградили» Политова пятью орденами и двумя медалями, а также званием Героя Советского Союза, вручив Золотую Звезду, принадлежавшую погибшему в бою генерал-майору И. Шепетову.

Через линию фронта «майор П. Таврин» и Шилова были переброшены на специальном самолете «Арадо-332», имевшем 20-колесное шасси для возможности посадки в любых условиях. Из грузового люка самолета после посадки «майор» с «женой» выехали прямо на мотоцикле «М-72» с коляской и двинулись в сторону Москвы.

В операции «Цеппелин» было продумано все, вплоть до мелочей, но как раз на мелочи агенты и попались. В оккупированной Риге наши разведчики засекли странного посетителя пошивочной мастерской, который заказал кожаное пальто в русском стиле с расширенным правым рукавом и удлиненными внутренними карманами. За ним проследили до отеля, где он остановился вместе с Шиловой. Это была первая осечка, а вторая произошла прямо на дороге – их задержал патруль. «Майор» сказал, что они проехали 200 километров, а в указанном направлении несколько часов шел проливной дождь, однако пассажиры мотоцикла как-то умудрились остаться совершенно сухими. Так, провалом, закончилась секретнейшая немецкая операция «Цеппелин».

Московский Сен-Жермен *34 По материалам В. Бумагина.*

«Кто не слыхал о графе Сен-Жермене?» – вопрошал когда-то в своем стихотворении великий Александр Сергеевич Пушкин. Ныне на этот вопрос можно ответить, что почти все что-нибудь да слышали.

Человеком Сен-Жермен был в высшей степени таинственным. Откуда он появился и кем был на самом деле, очевидно, никогда не удастся узнать, так как он был большим мастером по части лицедейства и перемен во внешности. В разное время он выдавал себя то за итальянца, то за поляка, то за испанца, то за венгра, то за русского или немца. Скептики же утверждали, что он был португальским евреем.

Сен-Жермен был поразительно талантлив. Он сочинял музыку и играл на скрипке, обладал великолепной памятью. Свободно общался на том языке, который соответствовал моменту: любом европейском, а также арабском, китайском, санскрите, классической латыни, греческом. Он был изобретателем, химиком и алхимиком, а также, по слухам, владел элексиром жизни. Год его рождения точно неизвестен, но некоторые его современники были убеждены, что ему сотни лет. Моложавая внешность Сен-Жермена удивляла многих. Казалось, он никогда не старел.

Впервые в новой истории имя Сен-Жермена всплывает в 1740 году, когда он побывал в Вене, где заручился рекомендациями при австрийском

дворе. Любовнице короля он подарил бриллиантовое колье редкой красоты. В 1743 году он появился в большом свете в Лондоне. Все отмечали, что на вид ему было чуть больше тридцати лет. В 1748 году он перебрался во Францию ко двору Людовика XV.

Граф Сен-Жермен. Гравюра XVIII в.

Многие очевидцы обсуждали ясновидческие и телепатические способности таинственного гостя, его прекрасный певучий голос, выдающееся мастерство скрипача и композитора, совершенное владение руками и поразительную способность помнить каждое слово единожды прочитанного текста. От их внимания не ускользнули даже гастрономические вкусы графа. Сен-Жермен соблюдал диету с высоким содержанием клетчатки и низким холестерина. Такая диета явно опережала свое время. Она включала овсянку, крупы и белое мясо цыпленка, которые подавались даже за роскошным королевским столом.

Особое восхищение Сен-Жермен вызывал как практикующий алхимик. Даже знаменитый искатель приключений Казанова неохотно признавал, что Сен-Жермен, по крайней мере в этом отношении, заслуживает его восхищения. Поговаривали, что граф владел трансмутирующей жидкостью для превращения свинца и ртути в золото, а также обладал способностью превращать обыкновенные потрескавшиеся камни в баснословно дорогие драгоценности. Он утверждал, что овладел

этим искусством в Индии.

Летом 1762 года Сен-Жермен приехал в Санкт-Петербург и получил от Григория Орлова, фаворита императрицы Екатерины II, значительную сумму денег. Обращаясь к графу, Орлов называл его «каро падре» – досточтимым отцом. Визит Сен-Жермена преследовал масонские цели.

Позже Сен-Жермен побывал в Пруссии, где много общался с немецкими розенкрейцерами. Многие считали, что граф и сам был членом «Братства Розы и Креста». Его частые исчезновения и появления, а также знание множества языков создавали впечатление, что он обладал загадочной способностью перемещаться усилием воли, о которой говорилось в текстах розенкрейцеров.

Какое-то время Сен-Жермен увлекался дипломатией, однако был обвинен французским законом в государственной измене. Тем не менее ему удалось уехать в Германию. Богатый землевладелец, принц и масон Карл Гессен-Кассельский стал его покровителем и предоставил ему необходимые средства для занятий оккультными науками.

Смерть Сен-Жермена в 1784 году была окутана тайной. Многие полагают, что он умер из-за случайного отравления ядовитой субстанцией во время очередного алхимического опыта. После смерти графа благожелатели из королевской семьи уничтожили все его бумаги, чтобы они не были превратно истолкованы невежественными людьми. Эпитафия на его могиле гласит: «Здесь покоится тот, кто называл себя графом Сен-Жерменом и Велданом, и о ком нет других сведений».

Странно, но после смерти графа не раз возникали слухи о его новых появлениях. В 1793 году Сен-Жермена видели, когда на гильотине казнили Марию-Антуанетту, королеву Франции. В 1804-м его видели, когда умер герцог д'Антье, а в 1820 году – перед убийством герцога де Берри. Когда кого-то уносила смерть, граф вдруг напоминал людям о своембессмертии…

Самым неожиданным образом имя Сен-Жермена всплыло в 20-х годах XX столетия в Москве. Сведения об этом можно найти в нескольких книгах о советских оккультистах, но впервые они прозвучали в работе А.Л. Никитина «Мистика, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России». Да и теперь для большинства читателей они будут совершенно внове.

В быту московского Сен-Жермена звали Всеволодом Вячеславовичем Белюстиным. Работал он в Наркомате иностранных дел, где составлял обзоры зарубежных газет и журналов. А по вечерам, в кругу ближайших друзей, превращался в мага и учителя. Он пытался на российской почве возродить истинное розенкрейцерство.

В отличие от исторического Сен-Жермена известно, что Белюстин родился в конце XIX века в семье армейского генерала, позднее сенатора по 2-му департаменту Правительствующего Сената. Еще до того как закончить Александровский лицей по специальности филолога-языковеда, Белюстин заинтересовался спиритизмом, астрологией и оккультизмом. Годы Гражданской войны он провел в Крыму, но в Белой армии не служил, в эмиграцию не уехал и в 1922 году вернулся с Юга в Москву, где с 1924 по 1932 год работал в Народном комиссариате иностранных дел. Затем как бывший дворянин он был уволен, весной 1933-го арестован, но вскоре освобожден.

Возвышение Белюстина в оккультных структурах началось с того, что он прочитал работы молодого инженера путей сообщения В.А. Шмакова «Священная книга Тота» и «Пневматология». Вторая книга, изданная в 1922 году, особенно заинтересовала Белюстина, и он стал искать знакомства со Шмаковым. У Шмакова часто собирались весьма примечательные люди, и на одну из таких встреч удалось попасть в мае 1923 года Белюстину. Знакомство состоялось.

На квартире у Шмакова собирались люди самых различных характеров, взглядов и духовных устремлений. Были там антропософы, теософы, члены Ордена тамплиеров, масоны, богоискатели, православные священники и сектанты. Еще пестрее был состав кружка по роду служебной деятельности, специальностям и происхождению этих людей. Попав в такое общество, Белюстин сразу же занял в нем ведущее положение. Шмаков, оценив его знания в области тайноведения, предложил молодому розенкрейцеру, каковым считал себя Белюстин, читать собравшимся курс арканологии, то есть философии мистики, и вести практические занятия по каббалистике.

В 1924 году Шмаков выехал за границу, и Белюстин стал неофициальным главой московских розенкрейцеров, оставшихся без руководства. Спустя два года он организовал московский орден неорозенкрейцеров «орионийского посвящения».

Орден, организованный Белюстиным, насчитывал всего 16 человек. Его члены имели разные степени посвящения и, соответственно, на собраниях располагались по рангам.

Белюстин был умен, образован, воспитан, красив. В его внешности даже на фотографии, сделанной в 1940 году, можно увидеть определенное сходство с историческим Сен-Жерменом, свое тождество с которым сам Белюстин не утверждал, но и не отрицал. Был ли он на самом деле новой инкарнацией графа Сен-Жермена? Во всяком случае, именно на такую мысль наталкивали, казалось, безграничные знания в области оккультных наук, которыми обладал этот сравнительно молодой тогда человек. В 1926 году Белюстину было всего 27 лет, но среди единомышленников, многие из которых были значительно старше его, он обладал непререкаемым авторитетом.

В отличие от руководителей других орденов и обществ целью Белюстина было, как показал один из членов Ордена на допросе в ОГПУ, «достижение астрального посвящения», то есть «жизни в двух мирах» – на физическом плане в физическом теле и одновременно в плане астральном. Впрочем, это было не целью, а средством. Подлинная же цель состояла в подотовке к овладению магическими способностями древних тамплиеров. Достичь их предполагалось путем длительных тренировок и перестройки сознания в определенном направлении, использовании оккультных знаний древних в сочетании с алхимией и астрологией.

Органы ОГПУ не трогали Белюстина и его орионийцев-розенкрейцеров вплоть до весны 1933 года. Московские розенкрейцеры считали себя защищенными своим знанием от людей и стихийных духов, которыми они хотели повелевать, но в тот год ловушка ОГПУ захлопнулась, и все розенкрейцеры во главе с новым Сен-Жерменом оказались на Лубянке. Орден был запрещен, часть розенкрейцеров

отпустили по домам, а для большинства начались мытарства по лагерям. Для кого-то «архипелаг ГУЛАГ» стал могилой, кто-то спустя годы вышел на волю. Но самая загадочная судьба ждала самого московскогоСен-Жермена.

В 1933-м под арестом его продержали недолго и вскоре выпустили на свободу. Оставив семью, Белюстин уехал в Сталинабад (нынешний Душанбе) для работы в педагогическом институте в качестве преподавателя английского и немецкого языков. В 1940 году его опять арестовали и привезли в Москву. На Лубянке в то время была задумана грандиозная провокация против ученых-востоковедов, которых предполагали выставить шпионами различных государств, спрятавшимися под покровом мистики. Главными свидетелями должны были выступить Белюстин и два его старых знакомца-масона – С.А. Полисадов и Б.В. Астромов.

Несмотря на определенные «накладки», все шло, как и было задумано: составлялись протоколы, назывались имена, но когда дело было завершено и Белюстин первым должен был предстать перед военным трибуналом, он отказался подписать себе расстрельный приговор, и все дело лопнуло. С фактами в руках он доказал сначала вызванному прокурору, а затем и военному трибуналу, почему он не был и не мог быть шпионом, особенно после освобождения в 1933-м. Он сказал, что все, что написано в протоколах, – их совместная со следователем выдумка. В итоге его оправдали по самому страшному пункту обвинения. При этом Белюстин не отрицал, что именно им был создан и возглавлен Орден московских розенкрейцеров. Поэтому военный трибунал приговорил его к 10 годам лагерей.

Где он отбывал срок? Когда умер? Как ни парадоксально, все это до сих пор остается загадкой. Сведений о смерти Белюстина не смогли найти ни в 1957 году, когда по заявлению его вдовы Н.Б. Салько, он был полностью реабилитирован, ни в наше время, когда его делом занимался А.Л. Никитин. Он, пользуясь выражением оккультистов, сошел с «физического плана» жизни, как настоящий граф Сен-Жермен, не оставив никаких свидетельств о своей смерти…

Призраки янтарного кабинета *35 По материалам М. Ершова.*

Янтарная комната в первые два столетия своего существования не была столь знаменита, как в наши дни. Восьмым чудом света сокровище царскосельского Екатерининского дворца назвали только после ее исчезновения. Уже более полувека идут поиски, уже петербургскими реставраторами создана новая Янтарная комната, а шедевр архитектора Шлютера так и не могут найти. Словно неведомая сила скрывает это чудо от глаз человеческих…

Немного истории За необыкновенную красоту янтарь назвали солнечным камнем. Древние считали его лучами небесного светила, застывшим в холодной морской воде. На самом деле янтарь – затвердевшая тысячи лет назад смола деревьев.

Прусский король Фридрих Первый был большим ценителем янтарных изделий. Однако всевозможные шкатулки, статуэтки, шахматы, мундштуки, трости – не то чтобы наскучили ему, он просто к ним привык и захотел чего-то более грандиозного. На пожелание монарха откликнулся Андреас Шлютер. Он предложил создать кабинет с янтарными стенами.

Королю мысль понравилась, и Шлютер вместе с мастером Готфридом Туссо принялся за работу. Подобная идея воплощалась в жизнь впервые в истории человечества. В течение нескольких лет многие умельцы трудились над произведением искусства, ранее не виданным. В 1709 году Янтарный кабинет был представлен королю.

Янтарная комната в XVIII в.

Фридрих был в восторге. Правда, недолго. По ночам, а иногда и днем, в кабинете стало происходить что-то немыслимое: на закрытых окнах колыхались занавески, сами собой гасли и вспыхивали свечи, пустое помещение наполнялось таинственным шепотом. В конце концов янтарные панели рухнули со всех четырех стен. Король испугался. Он приказал немедленно арестовать Туссо, обвинив его в государственной измене. Мастер больше не увидел солнечного света – умер в заточении. Шлютера выслали из страны. Он нашел пристанище в России, где и скончался в 1714 году от тифа. Янтарный кабинет разобрали, сложили в ящики и отнесли в подвал Королевского замка.

Вновь панели извлекли на свет божий при сыне Фридриха Первого – Фридрихе-Вильгельме. Кабинет быстренько собрали перед визитом «короля Петера».

Государь всея Руси был поражен красотой увиденного, что не ускользнуло от зоркого глаза Вильгельма. Скупой король неожиданно дарит диковинку Петру Первому. Однако последний вскоре разочаровался в подарке «брата Вильгельма». Приехав в Петербург, Петр внимательно рассмотрел Янтарный кабинет. Он оказался недоделанным и не производил такого впечатления, как в прусском замке. Государь охладел к сокровищу.

Янтарную комнату довели до ума уже при дочери Петра – императрице Елизавете Петровне. Собрали панели в Зимнем дворце. Но, видимо, в нем также стали происходить некие странности, так как государыня вдруг вызвала в Петербург тринадцать монахов из Сестрорецкого монастыря. Трое суток иноки провели в посте и молитве. На четвертую ночь они вошли в Янтарную комнату. Двенадцать чернецов окружили одного, стоявшего в центре на коленях и читавшего молитву об изгнании беса. После того как минутная стрелка совершала полный оборот, монахи менялись. Следующий становился в центр круга – и так двенадцать раз… Больше ничего сверхъестественного в пределах Янтарного кабинета не происходило.

Начало легенды Нападение фашистской Германии 22 июня 1941 года застало врасплох практически все советские государственные структуры. Музейщики не стали исключением. Инвентаризация в хранилищах была далеко не закончена, не существовало конкретного плана эвакуации ценностей. Тем не менее уже в начале июля первые ящики с произведениями искусства отправились из города Пушкина (бывшее Царское Село) в Ленинград. Всего вывезли 20 000 экспонатов. Пытались эвакуировать и Янтарную комнату, однако при демонтаже «солнечные камешки» стали сыпаться с деревянных стенок. С болью в сердце решили оставить комнату в Екатерининском дворце.

Стены заклеили тонкой бумагой, марлей, ватином и забили досками.

18 сентября 1941 года немецкие войска вошли в Пушкин. Первыми по залам почти не пострадавшего при штурме дворца расползлись рядовые солдаты передовых частей. Они быстро обнаружили сокровище и стали ножами отковыривать камень от стенок. Но вскоре прибыла специальная команда, которая сразу взяла Янтарную комнату под охрану. Дело в том, что в штабах армий группы «Север» имелся список ценностей, предназначенных для немедленного вывоза в Германию. Были перечислены 55 объектов с точным указанием их местоположения. Янтарная комната значилась в перечне как «удивительное произведение искусства, созданное немецкими мастерами». Адольф Гитлер непременно хотел видеть этот шедевр в своем родном городе – австрийском Линце. Там фюрер намеревался создать грандиозный музей немецких произведений искусства…

Но непостижимым образом Янтарная комната оказалась не в Линце и даже не в Берлине, а в Кенигсберге. Как гауляйтеру Восточной Пруссии Эриху Коху удалось провернуть столь дерзкую операцию и не пострадать за нее – загадка. Но факт остается фактом: за 36 часов семь человек из строительного батальона демонтировали Янтарную комнату, и 14 октября 1941 года она была отправлена в Кенигсберг.

Увидев создание Шлютера и Туссо, директор кенигсбергского музея, доктор искусствоведения Альфред Роде пришел в ужас. Солдаты не церемонились, упаковывая панели в ящики. Однако Роде очень быстро удалось привести восьмое чудо света в более или менее нормальный вид. Уже 13 ноября 1941 года комната демонстрировалась в одном из помещений Королевского замка высшим чинам рейха. Затем реставрацию продолжили.

Но в феврале 1944 года в замке произошел пожар. Янтарная комната слегка пострадала. Альфред Роде немедленно упаковал ее в ящики и от греха подальше отправил в один из многочисленных подвалов Кенигсбергского замка. С тех пор «солнечный камень» не видел никто.

Сначала Роде говорил, что комната сгорела во время массированных бомбежек американо-британской авиации в августе 1944 года. Потом утверждал, что пожар уничтожил комнату во время штурма города советскими войсками. И в том и в другом случае он лукавил. Во-первых, подвалы Королевского замка расположены глубоко под землей и имеют толстые стены: никакой огонь не мог проникнуть сквозь них. Во-вторых, пламя не в силах уничтожить полностью детали крепежа панелей. В-третьих, имеются документы, написанные рукой самого Роде. Например, 2 сентября 1944 года после бомбардировок союзников директор музея докладывал: «Янтарная комната, за исключением цокольных панелей, цела и невредима». А после взятия Кенигсберга в показаниях советскому коменданту Альфред Роде говорил следующее: «В последнее время имущество Янтарной комнаты было упаковано в ящики и размещено в северном крыле Кенигсбергского замка, где сохранялось до 5 апреля 1945 года». О дальнейшей судьбе сокровища германский искусствовед умолчал.

Но ясно главное: комната уцелела. Была ли она вывезена из Кенигсберга или оставлена в городе – неизвестно. Существует огромное количество версий по поводу ее местонахождения.

Морская Как ни странно, в конце войны соотношение сил на Балтийском море было не в пользу Советского Союза. Рейх воспользовался данным преимуществом. Порты Пиллау и Данциг работали со сверхполной нагрузкой. Свободное пространство на кораблях заполнялось тюками, коробками, железными и деревянными ящиками, в которых находилось все: от столового серебра до уникальных произведений искусства и секретных архивов.

С наступлением мира специальными отрядами проводились судоподъемные работы по всему Балтийскому побережью. За счет «выловленных» судов советский флот увеличился чуть ли не вдвое. Но что интригует – в отчетах совершенно отсутствуют сведения о характере грузов, поднятых вместе с кораблями. Также следует отметить, что суда, затонувшие на значительном расстоянии от берега, практически не обследовались. А в 1956 году судоподъемные работы вообще прекратили… Таким образом, мы не знаем, что было обнаружено в кораблях, вытащенных на берег, и что до сих пор лежит на дне моря.

При разработке морской версии мысли искателей Янтарной комнаты прежде всего были направлены к гиганту германского флота – транспорту «Вильгельм Густлофф», который 30 января 1945 года торпедирован экипажем подводной лодки «С-13» под командованием

Александра Маринеско. Судно затонуло в 20 милях от берега. На современных навигационных картах Гданьского морского пароходства оно значится как «навигационное препятствие № 73».

«Вильгельм Густлофф» имел девять палуб, огромное количество кают, два театра, танцплощадку, бассейн, гимнастический зал, зимний сад – достаточно площадей, чтобы разместить награбленное. Но, судя по всему, Янтарной комнате места на судне не нашлось. В немецких архивах обнаружена вся документация по последнему рейсу «Вильгельма Густлоффа» – поименные списки, перечень грузов. Янтарная комната нигде не указана. Да и согласно свидетельству Альфреда Роде, последний раз ее видели 5 апреля 1945 года, то есть уже после гибели «Густлоффа». С другой стороны, этому утверждению не стоит доверять: вполне возможно, что Роде направил поисковиков по ложному следу.

Сторонники версии вывоза комнаты на «Вильгельме Густлоффе» ссылаются на показания гауляйтера Восточной Пруссии Эриха Коха. Действительно, он упомянул во время допроса название транспорта. Но здесь надо вспомнить любопытный факт, обнаруженный в архивах. 30 января 1945 года у одного из пирсов кенигсбергского порта стояло еще одно судно под названием «Вильгельм Густлофф». Ледокол отбуксировал этот пароход в Пиллау, откуда он ушел на Запад, и затем след его затерялся. Может, именно его имел в виду хитрый Эрих Кох? Может, именно это судно приняло на борт драгоценный груз, который в гитлеровской Германии оценивали в миллион марок? Увы, ни положительного, ни отрицательного ответа на поставленные вопросы нет.

Есть предположения, что Янтарную комнату переправили за океан или в укромный уголок Европы на подводной лодке. Однако погрузить и разместить восемнадцать крупных ящиков в столь ограниченном пространстве практически невозможно!

Подземная В свое время в Калининграде (бывшем Кенигсберге) на месте немецкого универмага «Кепа» построили швейную фабрику. Однажды груженый самосвал с трудом разворачивался во дворе предприятия. Вдруг машина стала оседать задним колесом, которое в конце концов повисло над огромной ямой, образовавшейся в результате оседания грунта. Было ясно, что здесь, под землей, находится значительных размеров пустота. По российской беспечности данному обстоятельству не придали значения. Яму заделали и забыли о ней.

Таких подземелий в Калининграде великое множество. С рыцарских времен на глубине 10—15 метров в изобилии сохранились всевозможные переходы, залы… Подобные «подвалы» имеются во всех районах города. К тому же 700 лет спустя потомки ливонских рыцарей понастроили примерно такое же количество бункеров. До сих пор не найдены схемы ни старого города, ни подземных коммуникаций, созданных в период войны. А Янтарная комната может находиться в любом из калининградских подземелий. Но проникнуть под город почти невозможно. На этих самых пустотах возведены современные здания, в том числе – и на месте разрушенного Королевского замка. Правда, местный историк Сергей Трифонов полагает, что все подземелья старого города соединены между собой. Поэтому надо спуститься в одном доступном месте и пройти по всему лабиринту – мероприятие опасное и дорогое. К тому же нужно иметь

план, на котором обозначена подземная дорога. А его нет!

В Европе различных средневековых подземелий, штолен, туннелей тоже хватает. К тому же во время войны специальные немецкие строительные бригады оборудовали бункеры, предназначенные для хранения произведений искусства. За этим следил сам Мартин Борман.

По сравнению с Германией, Чехию и Словакию довольно редко называют возможным убежищем Янтарной комнаты, хотя там достаточно мест, чтобы скрыть любое количество сокровищ. Возможно, тайник находится в одной из старых штолен. В частности, под «подозрением» находится старая штольня, идущая от городка Горни-Плане к Лисьей горе. Есть предположение, что вход в горную выработку находится за органом местной церкви.

Официальные власти социалистической Чехословакии всегда в самой категорической форме отвергали утверждения о нахождении сокрытых ценностей на территории страны. Однажды чешские поисковики заявили об имеющемся у них документе, в котором указано точное месторасположение Янтарной комнаты. Власти отказались обнародовать эти материалы. Вероятно, кто-то был не заинтересован в раскрытии тайны.

Может, кое-что объяснит следующий интересный эпизод. В 1939 году лидеров Чешской коммунистической партии Владислава Копршиву и Густава Климента фашисты отправили в концлагерь Дахау. Через год лагерь посетили главный эсэсовец Гиммлер и вождь голландских фашистов Миссаэрт. Они долго беседовали о чем-то с вышеназванными узниками… После войны Копршива возглавил Земский национальный комитет Праги, а затем стал руководителем Министерства безопасности. Климент получил должность главы Министерства тяжелой промышленности.

Дахау называли лагерем смерти, тем не менее видным коммунистам Копршиве и Клименту удалось в нем выжить. В том же лагере сидели чехи Гоуска и Герольд, которые вместе с другими заключенными сопровождали какие-то ящики из Берлина в Шумаву. Всех участников данной акции расстреляли, кроме Гоуска и Герольда! А после 1945 года они всплыли в качестве руководителей органов госбезопасности районного уровня.

Заморская Более 30 лет немецкий исследователь Георг Штайн искал Янтарную комнату: изучал архивы, разрабатывал версии, встречался с людьми, которые хоть как-то могли приблизить его к разгадке тайны. 20 августа 1987 года Штайна нашли мертвым в баварском лесу. В полиции констатировали случай самоубийства и быстренько прикрыли дело. Однако факты говорят о другом: на теле обнаружены многочисленные раны, рядом с трупом лежали ножницы, скальпель, ножи – вероятно, Штайна пытали. Удивителен и способ самоубийства: чистокровный немец сделал себе японское харакири…

После гибели исследователя в его вещах обнаружили записку: «Я нашел новый след, я подошел к тайне почти вплотную». А незадолго до смерти он сказал знакомому священнику из Нижней Баварии: «Искать в Европе больше не имеет смысла, все давно в Америке». Путей в Америку для Янтарной комнаты имелось немало. Ящики с панелями могли быть вывезены в глубь Германии и спрятаны в соляной шахте Грасслебен, которая находится неподалеку от Хельмштета. Американцы очень

интересовались этим объектом. Инспектор Крюгер сообщал в Главное управление надзора за безопасностью горных работ: «Никакая другая шахта так не интересовала американцев, как грасслебенская. Надземные сооружения были окружены танками, вход в шахту был запрещен даже руководству предприятия». Так что янки спокойно обследовали содержимое шахты, куда, спасая от бомбежек, свозились художественные ценности из берлинских музеев. Из рассекреченных документов стало известно, что из 6 800 грасслебенских ящиков более половины было вскрыто и опустошено. Вероятно, в этом импровизированном хранилище находились также архивные документы, указывающие путь к другим тайникам, в одном из которых могла находиться Янтарная комната.

Еще побывали вездесущие американцы в Тюрингии, в рудниках Меркеса, где также располагались фонды музеев Берлина. Солдаты США переправили ценности в здание Германского имперского банка. И хотя охрана была усилена, по дороге загадочным образом бесследно исчезли три машины, груженные ящиками. На последних значилось: «Кенигсбергская гидротехническая служба», рядом находилась метка в виде красной точки. По ряду данных, именно так обозначили ящики с янтарными панелями.

Между Арнштадтом и Ордруфом фашисты оборудовали тайник. В марте 1945 года туда свозилось огромное количество награбленных на Востоке произведений искусства. После оккупации Германии генерал Эйзенхауэр инспектировал данную территорию: посетил лагерь военнопленных и хранилище с музейными ценностями. Через несколько недель американцы передали этот район советской военной администрации, оставив подземелья совершенно пустыми! Имеются соответствующие кадры кинохроники…

Все эти и другие факты навели еще одного исследователя, Пауля Энке, на мысль о том, что Янтарная комната давно найдена. Если не сразу после войны, то в последующие годы. Затем ее просто продали за океан.

Следует отметить, что Пауль Энке тоже умер внезапно. Поговаривали об отравлении.

Не раз в печати метались молнии против Советского государства: дескать, оно устранилось от поиска Янтарной комнаты. Это не так. Поиск украденного произведения искусства начался еще в 1945 году в Кенигсберге. Затем была создана государственная комиссия, которая из-за отсутствия результатов официально прекратила свое существование в 1984 году. Однако компетентные органы продолжали заниматься поиском. Особенно оживилась работа в 90-х годах, когда вновь в прессе замелькали сообщения о подземельях с сокровищами. Тогдашний министр обороны Шапошников поручил заниматься Янтарной комнатой первому заместителю начальника ГРУ генерал-полковнику Юрию Гусеву. С ним неоднократно встречался журналист Сергей Турченко. Разведчик всегда уходил от вопроса о местонахождении Янтарной комнаты, но во время последней встречи вдруг признался: «Допустим, я знаю, где находится Янтарная комната и другие ценности. Но силы, скрывающие эту тайну, таковы, что, расскажи я вам о ней, через неделю ни вас, ни меня в живых не будет». Через несколько дней Гусев погиб в автомобильной катастрофе…

Полеты на луну при Сталине *36 По материалам канд. физ.&мат. наук В. Псаломщикова.*

В свое время внимание автора этих строк привлекла статья известного писателя Федора Абрамова «Вокруг да около», в которой приводится его диалог с колхозником: «При товарище Сталине мы на Луну летали и держали там гарнизон. А лысый наш дурак (так непочтительно он отзывался о Хрущеве) теперь только рогатые шарики в небо запускает да дворняжек». Очень странное заявление, однако не единственное в своем роде.

В одном из писем в когда-то существовавшую Комиссию по аномальным явлениям говорилось еще определеннее: «Брательник у меня там служил, лишь перед смертью родным признался…» Вот и известнейший человек, Герой Советского Союза летчик-испытатель С. Анохин перед кончиной сказал друзьям, что еще в 1940-х годах пилотировал ракету! И подобные сенсационные признания не редкость. Суммируя их, приходишь к интригующей мысли о наличии в истории отечественной космонавтики крайне загадочного этапа. Даже наши ведущие специалисты-ракетчики весьма противоречиво описывают самый первый период в советских ракетных исследованиях.

Характерно, что некоторые официальные высказывания И.В. Сталина по «лунному» вопросу до сих пор вызывают, мягко говоря, недоумение. Так, в августе 1945 года на Потсдамской конференции, в которой участвовали главы государств-победителей во Второй мировой войне, Сталин вдруг без всякой связи с предыдущим разговором предложил обсудить проблему… раздела Луны между державами-победительницами! Да заодно подписать еще одно соглашение об учете «несомненного приоритета СССР в этой сфере и с правом решающего голоса у его руководителей» (!).

Позже американский историк Роберт Майлин, приезжавший в Потсдам в качестве переводчика Трумэна, в вышедшей в 1966 году книге «Перед Хиросимой был Потсдам» вспоминает: «Трумэну вначале показалось, что он ослышался или слова «дяди Джо» ему неверно перевели. «Простите, господин Сталин, Вы имеете в виду, конечно, раздел Германии?» – переспросил он. Сталин затянулся своей знаменитой трубкой и очень четко повторил: «Луны. О Германии мы уже договорились. Я имею в виду именно Луну. И учтите, господин президент, у Советского Союза есть достаточно сил и технических возможностей, чтобы доказать наш приоритет самым серьезным образом».

Товарищ Сталин любил масштабные проекты

Американские аналитики решили, что «дядя Джо» просто блефует, но спустя полгода после столь странного разговора вышло официальное постановление Советского правительства о приоритетном развитии в СССР ракетной техники и организации нескольких научно-исследовательских институтов по данной тематике. Нескольких! И это в разоренной войной стране!

Официальная история космонавтики от сталинской эпохи оставила лишь экспериментальные ракеты, едва поднимавшиеся на 400 метров, да «катюши». Но вряд ли стал бы блефовать вождь победившей страны, имевшей сильнейшую армию в мире. Значит, были какие-то «козыри» у него, чтобы предъявлять претензии на Луну!

Автор данных строк обратился в свое время с этим странным вопросом к известному папанинцу, Герою Советского Союза академику Е.К. Федорову. Но он только пожал плечами: «Ходили слухи, что в конце 30-х годов Сталин в глубокой тайне проворачивал какой-то грандиозный космический проект – вроде бы эстакаду для запуска кораблей в космос чуть ли не по эскизам Циолковского. Тогда же был снят своего рода рекламный художественный фильм «Космический рейс» с этой самой эстакадой. Достроить помешала война, но вряд ли только в этом причина. Как раз в то время разгромили Ракетный НИИ, арестовали Королева и Глушко, других самых талантливых ракетчиков. Спрашивается, кто тогда мог бы руководить этими работами?»

И все же из кусочков подобных слухов стала вырисовываться весьма своеобразная картина.

В 1937 году вдруг неожиданно был создан второй Наркомат авиационной промышленности! В отличие от первого он подчинялся непосредственно Сталину. До прихода к власти Хрущева известнейшие авиаконструкторы Туполев, Ильюшин и Лавочкин не имели ни малейшего представления о профиле деятельности наркомата-дублера!

17 февраля 1937 года в Колонном зале Дома Союзов состоялось совещание писателей, работающих над произведениями по оборонной тематике. С докладом выступил нарком обороны К.Е. Ворошилов, призвавший расписывать высокую боеготовность Красной Армии в свете возможного использования ею в скором будущем лунного плацдарма! Когда после этого комкор Примаков пошутил в Академии Генерального штаба, сказав, что Ворошилов по своему невежеству предполагает доскакать до Луны на тачанках, то тут же угодил под трибунал!

И в то же время, в глубокой тайне, в нескольких десятках километров от Киева спешно возводился сверхсекретный объект «Киев-17». На месте будущей Чернобыльской атомной станции возникли военный городок, аэродром с несколькими полосами для приема транспортной авиации, 8 заводов (!), склады и стартовый комплекс. Строительство предполагалось завершить к июлю 1941 года, но началась война, и перед угрозой наступления немцев все это пришлось взорвать. Правда, по некоторым сведениям, аналогичный комплекс строили и где-то в Сибири, ближе к «источникам» дармовой рабочей силы…

Часть четвертая.
Превратности судеб

Русские корни Леонардо да Винчи *37 По материалам Н. Шевцова.*

Не так давно профессор Алессандро Веццози – крупный знаток творчества Леонардо да Винчи, директор «Музео Идеале», что в родном городе великого художника, выдвинул новую гипотезу рождения Леонардо, имеющую самое непосредственное отношение к нашей стране. По мнению итальянского ученого, матерью Леонардо была… русская рабыня.

К мнению профессора нельзя не прислушаться, он – автор многих научных трудов, посвященных создателю «Джоконды». В 2001 году в России в серии «Живопись. Открытия» вышла его книга «Леонардо да Винчи. Искусство и наука вселенной», которую моментально раскупили.

Сегодня, как и во времена, когда там появился на свет будущий великий мастер, Винчи продолжает оставаться тихим городком, спрятавшимся в долине реки Арно примерно на середине пути между Пизой и Флоренцией. Перенесемся мысленно на несколько столетий назад, а точнее в середину XV века, в эпоху кватроченто.

1452 год. Именно в этот год появилась запись: «Родился мой внук, сын моего сына Пьеро. Случилось же 15 апреля, в субботу, в три часа ночи. Нарекли именем Леонардо». Эту запись сделал дед появившегося на свет младенца, впоследствии прославившего всю Италию, ставшего гордостью всего человечества.

Отец новорожденного Пьеро, уважаемый всеми и, что не менее важно, весьма состоятельный человек, считался хорошим нотариусом. Он носил звание сэра, которое к Англии не имело никакого отношения. Этот титул присваивался в Италии, но только нотариусам. И неслучайно на церемонии крещения в местном баптистерии присутствовали пятеро крестных отцов и матерей. Такой чести удостаивались только очень знатные и уважаемые люди. А ведь родившийся мальчик был… внебрачным ребенком.

Но кто же была мать Леонардо? О ней мы знаем очень мало. Даже великий Вазари – художник Возрождения и автор самого первого «Жизнеописания» Леонардо да Винчи – практически ничего не упоминает о его матери. Правда, точно установлено, что ее звали Катериной. Этим христианским именем называли многих рождавшихся в здешних местах девочек. Но если сведения о них заносились в местные церковные приходские книги, то о матери Леонардо ничего не сообщалось. К тому же у нее не было фамилии. Скорее всего, она приехала издалека. В ту пору в Винчи обосновалось семейство, из которого вышли крупные работорговцы. Надо сказать, что многочисленные государства, находившиеся на Апеннинском полуострове, в XV веке активно участвовали в работорговле. Чаще всего рабы приобретались на невольничьих рынках Ближнего Востока либо доставлялись в качестве военных трофеев. Хозяева рабынь не несли за них никакой ответственности. Поэтому нет ничего удивительного в том, что отец Леонардо уже вскоре после рождения сына женился на 16-летней девушке Албиере дельи Амадори, происходившей из знатного рода.

Леонардо да Винчи. Автопортрет

В дошедших до нас портретных изображениях Леонардо ничто не указывает на его восточную внешность. Однако профессор Веццози считает, что мать художника была привезена с Востока. На невольничий рынок она попала в качестве трофея, захваченного во время одного из турецких набегов на территорию Причерноморья – степных районов, заселявшихся русским населением. Вполне возможно, что это были донские степи, где к тому времени уже стали обосновываться казаки. Так пленница оказалась в Италии, где стала собственностью нотариуса Пьеро. Трудно сказать, чем занималась Катерина. Может быть, она работала в поле или прислуживала в доме. Известно, что родившийся ребенок остался у своего отца. Мать же поселилась на удалении, примерно в полутора километрах от дома, где жил ее сын, который, когда подрос, часто навещал Катерину. Судя по всему, мать Леонардо долго прожила на Востоке, и многое из того, что она усвоила там, перешло к сыну. Известно, что Леонардо был левшой, писал справа налево начиная с последней страницы, то есть так, как было принято на Востоке. Скорее всего, именно от матери ему передались навыки правописания и чтения.

Установлено, что после рождения сына Катерину выдали замуж за печника, который служил у отца ее ребенка. От него она родила девочку, которую в честь ее покровителя и отца Леонардо назвали Пьерой. Печник, судя по всему, неслучайно стал мужем Катерины. Нотариус Пьеро и его брат Франческо владели несколькими печами для обжига керамики, которые обслуживали наемные работники. Один из них и был избран мужем для Катерины. И кто знает, не эти ли печи повлияли на всю последующую жизнь Леонардо: мальчик увлекся изготовлением керамических фигурок, причем некоторые из них сохранились до сих пор. Не повлияли ли занятия керамикой на последующее формирование эстетических вкусов Леонардо, который в отличие от других мужчин из рода его отца не стал нотариусом, а начал изучать науки, заниматься живописью и скульптурой?

Для подтверждения выдвинутой теории о славянском происхождении матери Леонардо необходимо обнаружить документ, в котором зафиксирован факт покупки рабыни Катерины. Он пока что не найден. Но если поискать хорошенько в архивах Тосканы, то не исключено, что он может быть обнаружен.

И чем, если не влиянием матери можно объяснить увлечение Востоком, которое Леонардо сохранял на протяжении всей своей жизни. Взять хотя бы проект моста через Босфор, под которым могли проплывать крупные парусные суда. Тогда, на рубеже XV—XVI веков, Леонардо писал султану Баязиду Второму: «Я слышал, что ты имеешь намерение соорудить мост из Гапаты в Стамбул, но что ты не соорудил его из-за отсутствия знающего мастера». Листок с турецким переводом письма Леонардо султану был совсем недавно обнаружен в Стамбуле. Как видно, документы, имеющие отношение к жизни и творениям Леонардо, обнаруживаются и по сей день. Так почему бы не быть найденным и документу о покупке рабыни,

которую назовут Катериной.

Об увлечении Леонардо Востоком говорит и якобы предпринятое им путешествие в горы Армении. В архивах художника обнаружены черновики письма на имя некоего высокопоставленного лица в Сирии, наместника султана Вавилона – так тогда называли Каир. В нем Леонардо рассказывал о своем путешествии в Армению и о желании побывать в Сирии для реализации ряда своих замыслов. Но абсолютно известно, что Леонардо ни в Сирии, ни в Армении не был. Скорее всего, это были грезы, фантазии великого мастера, его тайные желания, которые он благодаря своему гениальному воображению мысленно превращал в реальность. Ведь и Пушкин частенько в своих стихах переносился «под небо Африки своей».

Много интересного о жизни Леонардо, о его творческих изысканиях, о реализованных планах и несостоявшихся проектах рассказал профессор Веццози. Недавно, просматривая документы Леонардо, он обнаружил отпечатки пальцев, которые могли принадлежать только его великому земляку. Их принадлежность Леонардо не вызывает никаких сомнений, считает итальянский ученый. Эта находка позволяет сделать удивительные открытия – ведь Леонардо,как известно, писал свои картины пальцами. Поэтому, сверив обнаруженные отпечатки пальцев, можно определить авторство его картин, в том числе и тех, которые остались незаконченными.

В «Музео Идеале» в Винчи, экспозиция которого полностью посвящена великому художнику, есть традиция: его посетителей угощают восточным напитком «акуароза», приготовленным по рецептам Леонардо да Винчи. И каждый поднимает бокал за великого художника, за его родителей – за отца и мать, которая, как очень хотелось бы верить, была нашей соотечественницей.

В поисках библиотеки Ивана Грозного

Более 500 лет энтузиасты ищут библиотеку Ивана Грозного… Тайна пока не раскрыта. По легенде, племянница последнего византийского императора Софья Палеолог, в 1472 году ставшая женой московского князя Ивана III, привезла в Москву древние греческие и латинские рукописные книги.

По различным сведениям среди книг этой библиотеки были редкие даже для того периода экземпляры рукописей, о которых на Западе знали только понаслышке: греческие пергамины, латинские хронографы, древнеегипетские манускрипты, ярлыки и дефтери от монгольских ханов, книги Востока и других народов. В подземных хранилищах и тайниках находятся летописания древних славянских, скифских и других народов нашей страны до XV века, а также богатейшие собрания книг, вывезенных из Новгорода, Твери, Владимира, Суздаля, Пскова. Член голландского посольства в Москве Николас Витсен свидетельствует, что в государевой библиотеке находились книги из знаменитой Александрийской библиотеки и собрания древних географических карт, в том числе и империи Чингисхана.

Книги этой библиотеки в хранилищах видели приближенные Грозного, которые оставили письменные свидетельства.

В 1556 году дьяки Ивана Грозного предложили заняться переводом латинских и греческих сочинений пастору из Дерпта Иоганну Веттерману. Когда пастору показали книги из «великолепной царской либереи», хранящейся в «двойных сводчатых подвалах», тот в восхищении заявил, что отдал бы все свое имущество и даже детей, только чтобы эти книги были в протестантских университетах, так как они принесли бы много пользы христианству. Правда, от предложенной работы Веттерман отказался; испугался, что царь заставит заниматься переводами всюжизнь.

Искал библиотеку Грозного Борис Годунов! Плохо кончил. Искал ее и Лжедмитрий!.. Судьба его тоже известна. Поисками библиотеки занялся Наполеон Бонапарт, войдя в Москву! Положивший начало крупным изысканиям в Египте, Наполеон не мог пройти мимо загадки библиотеки Ивана Грозного. И наверное подобрался к находке вплотную! …Будучи непревзойденным полководцем, в последующие годы он проиграл все свои битвы. В итоге, под строгим надзором, скончался от неизвестной болезни. Словом, мистика.

Троицкая и Кутафья башни Московского Кремля

Интерес к поиску библиотеки то затухает, то вспыхивает с новой силой, по мере накопления новых сведений. Стимулом к поискам явилось проявление интереса к своей древней истории, а также публикации по этой проблеме книг Р. Пересветова «Тайна выцветших строк», «По следам находок и утрат», статей писателя В. Осокина и других авторов.

Группой энтузиастов различных специальностей (инженеры, геологи, археологи, писатели, краеведы…) на общественных началах

проводились обширные исследования по поиску следов загадочной библиотеки Грозного. Исследования велись с применением различной геологической техники, археологических, биолокационных и других экстрасенсорных методов поиска. Применялись интрагеоскоп и глубинное радиоволновое просвечивание аномальных объектов через скважины. Были проведены продолжительные ювелирной точности работы с применением неразрушающего метода исследования подземелий (без раскопов). Комплексные исследования позволили определить не только расположение подземных аномалий, но и качественно оценить их состояние, не производя трудоемких земляных работ и финансовых затрат. Работы проводились в Москве, селе Коломенском, городе Александрове и многих древних городах страны.

Летом и осенью 1894 года исследованием подземного Кремля (не без надежды обнаружить библиотеку) занялся князь Н.С. Щербатов. Он раскопал двухъярусные подземелья под Троицкой башней, расчистил от глины и мусора тайный ход, соединявший Угловую Арсенальную и Никольскую башни, а также подземный ход и такую же палату, случайно найденные у Никольской башни. Продолжению раскопок помешала смерть Александра III, а потом у казны не нашлось денег.

Следующим искателем библиотеки стал археолог и один из первых российских спелеологов Игнатий Яковлевич Стеллецкий.

Стеллецкий заинтересовался библиотекой Грозного еще в 1908 году. В 1914 году он даже добился разрешения на изучение подземелий кремлевских башен, но из-за Первой мировой войны работы пришлось прекратить. После октябрьского переворота профессор Стеллецкий обращался в Моссовет, Наркомпрос, ЦИК, Совнарком и, наконец, в 1933 году подал докладную записку Сталину. Тот разрешил начать раскопки.

13 ноября 1933 года комендант Московского Кремля Р.А. Петерсон попросил археолога изложить «письменно и подробно», что собой представляет подземный Кремль и где может находиться библиотека.

«Из царских теремов, где-то из подвала, – объяснял Стеллецкий, – был спуск в подземелье – большую подземную палату, в какую расширялся ход (тоннель) между Благовещенским, Архангельским и Успенским соборами. Палата была наполнена ящиками с книгами, под нею имелось нижнее помещение (Веттерман говорил о подвалах с «двойными сводами», таковые в Кремле были встречены под Троицкой башней, из нижнего яруса подвалов шел подземный ход в Кремль.)… От библиотечной палаты ход направлялся в два противоположных конца: к Тайницкой и Собакиной (Угловой Арсенальной) башням.

Воротам наземным из Кремля соответствуют подземные: под Москву-реку из Тайницкой башни, в Китай-город из Спасской башни (через храм Василия Блаженного), из Никольской башни под Исторический музей, в сторону Охотного Ряда и Дмитровки и к Неглинке из Троицкой башни… На первом месте должны быть поставлены и в ударном темпе исследованы башни Угловая Арсенальная, Троицкая и Успенский собор, и вот почему.

Из Угловой Арсенальной башни… идут выходы за Кремль через соседние башни – Никольскую и Троицкую. Из этих двух в качестве первоочередной необходимо избрать Троицкую, так как из нее… должен быть выход в Занеглинье. В наличии такого хода не сомневался и

Щербатов в 1894 году. За наличие здесь последнего говорит, наконец, и решение Ивана Грозного «осесть опричным двором» как раз напротив Троицкой башни. Очевидно, ее готовым тайником к реке, а не под нее, собирался воспользоваться Грозный. Под самую Неглинку, на соединение с каменным ходом, ведшим к реке, деревянный подземный ход наспех соорудил уже сам Грозный. Признаки этого хода мною обнаружены были в трех местах по линии его прохождения на месте бывшего Опричного двора (находился на углу Воздвиженки и Моховой. – *Т.Б.*) к Троицким воротам… По этому ходу Грозный мог тайно проходить с Опричного двора не только до библиотечной палаты и своего кремлевского дворца, но и до самого Замоскворечья…»

Раскопки в Угловой Арсенальной башне начались 1 декабря 1933 года. Первые дни работы привели к открытиям. По мнению историков, ход из Угловой Арсенальной башни был перерезан одним из столбов Арсенала, на которых покоится его фундамент. Начав пробивать этот «столб», Стеллецкий увидел, что свод подземного хода не поврежден. Как оказалось, тайный ход просто был заложен белокаменными глыбами на крепчайшем растворе. Пока рабочие выламывали эти глыбы, археолог пытался разгадать, что же находится за другими замуровками, найденными в башне.

«Непременно нужно все и все размуровывать. Когда это строилось, то имело прямой смысл; потом оказалось лишним или ненужным, и его замуровали. Если замуровано самое простое окно, будем, по крайней мере, знать, что окно. А если там таинственные ступени или какая-нибудь другая чертовщина? Ведь дело имею со Средневековьем, в котором тайн было хоть отбавляй! Кто гарантирует, что не закрыл все эти отверстия 70 лет спустя сам Грозный, чтобы скрыть какой бы то ни было доступ в подземелья Кремля, в которых замуровано было им наибольшее в свете сокровище культуры – библиотека?»

Вскрытие замуровок ничего сенсационного не дало, лишь в южной стене башенного подземелья обнаружили коридор, выводивший в Александровский сад (в древности там была бойница «нижнего боя», а в царствование Анны Иоанновны, когда подземелье башни и колодец ремонтировали, для подачи строительных материалов на месте бойницы устроили выход к реке Неглинке). Его Стеллецкий предполагал использовать для вывоза мусора.

«Имел интервью с Зиновьевым (техник гражданского отдела Управления коменданта Московского Кремля. — *Т.Б.*), которому в 1928—1929 годах поручено было с политической целью исследовать подземный Кремль. Результаты: в Арсенальной башне вычистил колодец (рабочих спускал на канате)… В Троицкой башне устроил под склады две палаты, которые раскапывал Щербатов. В нижней залил дно цементом, не зная, что оттуда есть люк в более низкую. В Тайницкой башне засыпал… большой научной ценности колодец (из него, по мнению археолога, шел подземный ход под Москву-реку, в Замоскворечье. – *Т.Б.*), который я должен очистить», – записал археолог в дневнике 1 января 1934 года.

Когда в подземном ходе замуровку выломали на 1,5 метра, открылся короткий проход, из которого попадали на длинную лестницу, а по ней – на первый этаж Угловой Арсенальной башни. Дальнейшие работы позволили

реконструировать древний облик башенного подземелья.

С первого этажа по узкой внутристенной лестнице попадали на площадку размером в квадратный метр. В левой стене площадки обнаружили замурованную арку входа в подземелье длиной около 9 метров. Оно было заполнено массивными белокаменными блоками. С лестничной площадки проход выводил в высокую и широкую галерею, которая 8-метровой лестницей спускалась к колодцу в подземелье башни. Ответвление этого хода (собственно макарьевский тайник) было замуровано.

Пока рабочие продолжали крушить белокаменную замуровку, Стеллецкий не находил себе места. По его расчетам, тайник вот-вот должен был повернуть вправо, к кремлевской стене, и вдоль нее пойти в Кремль: «…Имеет ли этот замурованный тайник ответвление под Кремль? Если нет, то сенсационные рассказы дьяка Макарьева будут не чем иным, как пустой болтовней, на которую попались три правительства: Петра, Анны Иоанновны и советское».

Можно понять волнение археолога, ведь он не только сам поверил в существование хода из Угловой Арсенальной башни, но и убедил в этом Сталина. О каких-то репрессиях в случае неудачи ученый даже не думал. Больше всего он боялся не оправдать оказанного ему доверия: «Он (Сталин) проявил большое мужество и великодушие и доказал лишний раз, что он действительно человек необыкновенный… Когда Октавиан Август вместо того, чтоб казнить Ирода Великого, оказал ему полное доверие, то этим он привлек Ирода к себе навеки, превратив его в наивернейшего друга. И за высокое научное и всякое доверие современного Октавиана я чувствую себя в положении Ирода, охваченного чувствами приязни и преданности самими искренними».

29 января 1934 года, в день именин Игнатия Яковлевича, он получил самый дорогой подарок: на шестом метре белокаменной замуровки хода справа показалась белокаменная стена с кирпичным полом. «Стена, о которой я мечтал 25 лет, найдена, – торжествовал археолог, – я всегда был уверен, что из Арсенальной башни есть белокаменный ход под Кремль!»

Поскольку ширина хода была значительной (по Стеллецкому – 3 метра), то для экономии времени и сил начали пробивать в белокаменной замуровке брешь шириной в метр.

Уже в феврале раскопки были приостановлены из-за того, что главный инженер гражданского отдела Управления коменданта Московского Кремля (УКМК) Палибин отправил рабочих на другой объект. Стеллецкий перенес свое внимание на Среднюю Арсенальную башню. Тут он отыскал полуразрушенные ступени засыпанной землей лестницы и «трубу» диаметром 70 см, которые уходили куда-то под Арсенал. Ни на старинных планах, ни на современных чертежах их не было…

Что до лестницы, то она, по мнению Стеллецкого, некогда вела в макарьевский тайник. А вот для чего была устроена «труба», археолог узнал из документов кремлевского архива. Оказалось, что в XVIII веке под Арсеналом существовал «подвал о 12 столбах». Это сооружение высотой 5 метров и площадью 500 квадратных метров тянулось от Средней Арсенальной башни почти до конца Арсенала. Его предполагали использовать для хранения боеприпасов, а подавать на кремлевскую стену

их должны были через упомянутую «трубу». Однако после пожара 1741 года подвал был забит землей.

13 февраля, когда белокаменная облицовка правой стены макарьевского тайника сменилась на кирпичную, ученый понял, что ход пошел вдоль кремлевской стены. Через два дня Стеллецкий получил еще одно подтверждение тому, что он работает в макарьевском тайнике. Конон Осипов в донесении к Петру I упоминал о засыпке тайника «землею накрепко» строителями Арсенала, которые случайно обнаружили подземный ход. А в расчищаемом ходе, когда рабочие выбрали всю белокаменную замуровку, уперлись в утрамбованную землю. Принялись расчищать тайник от земли.

Вскоре в правой стене тайника показалась громадная арка входа в какое-то помещение, забитое землей. К 27 февраля помещение очистили полностью. Это была разгрузочная арка (7 ґ 5 ґ 1,9), устроенная под кремлевской стеной. Археолог полагал, что в древности этот объем могли использовать как тайное хранилище.

К 3 марта земля в подземном ходе была выбрана, но дальше ход оказался забит песком. Через неделю башню обнесли забором, у ворот которого поставили часовых. Был открыт выход из подземелья, и рабочие принялись вывозить скопившиеся за века землю и мусор. Археолог тем временем продолжал раскапывать ход в одиночку. Пройдя несколько метров, он уперся в каменную глыбу, свисавшую с потолка. Она закрывала большое отверстие. Разгадка пришла сразу: это пролом, устроенный при возведении Арсенала, через него шла засыпка хода. Казалось бы, до той части тайника, где он свободен от песка, рукой подать. Но неожиданно комендант Петерсон запретил раскапывать тайник и приказал Стеллецкому расчистить башенное подземелье до его древнего дна.

Приступая к этой работе, Стеллецкий советовал взять в бетонное кольцо родник, опасаясь, что вода прорвет колодезный сруб, установленный еще в начале XIX века. Но никто не обратил внимания на его предупреждение. И 24 марта вода затопила все подземелье. Две недели ушло на поиски насоса. А когда его установили, вода исчезла так же внезапно, как и появилась.

Осматривая еще раз Среднюю Арсенальную башню, археолог приходит к убеждению, что макарьевский тайник, не доходя до этой башни 13 метров, должен повернуть в Кремль и пойти под Успенский собор, а от него – через Соборную площадь – к Тайницкой башне. У Стеллецкого появилась идея с помощью шурфов перехватить тайник в подземелье Арсенала, которое в ту пору перестраивалось под тир. Но разрешения на эти работы не дали.

С нетерпением археолог ожидал продолжения раскопок, но, увы… Все лето ушло на расчистку подземелья Угловой Арсенальной башни, а в сентябре работы не велись.

3 октября 1934 года в Кремле состоялось заседание специальной комиссии, в которую входили представители комендатуры Кремля, архитекторы А.В. Щусев и Н.Д. Виноградов, директор Оружейной палаты В.К. Клейн. Выслушав отчет археолога и осмотрев тайник, члены комиссии приняли решение продолжить раскопки подземного хода. Почти месяц Стеллецкий хлопотал о пропуске в Кремль. В начале ноября подземелье

башни спешно освободили от остатков мусора, выход в Александровский сад замуровали. Ученый надеялся на возобновление работ после ноябрьских праздников, но ему предложили поехать в отпуск подлечиться (из-за страшного холода, царившего в подземелье башни, археолог заболел воспалением легких).

«13 ноября – это дата! – пишет Игнатий Яковлевич в дневнике. – Кругленький годик! Что бы я сделал за тот короткий период, если бы не исполнители – глухие супостаты? Я бы эту работу выполнил в четыре месяца. А что еще сделал бы за восемь месяцев по моему вкусу? Как жук-точильщик, избороздил бы Кремль и уж, конечно, нашел бы «затерянный клад России».

Но пусть я и не нашел! Не дали найти! Зато я указал верную дорогу к нему. Я ли, другой ли – не все ли равно, лишь бы нашли. Мое – мой приоритет – неотъемлем от меня. А башня Арсенальная, превращенная мною в ключ к библиотеке, отныне «башня Стеллецкого»…»

Вернувшись из отпуска в феврале 1935 года, археолог подает докладную в УКМК с просьбой дать разрешение на продолжение раскопок. Если по какой-то причине нельзя копать в Угловой Арсенальной башне, то надо попытаться перехватить ход в Успенском соборе, считал Стеллецкий. Он не знал, что решение о прекращении раскопок было уже принято 3 декабря 1934 года.

Выяснив, что подземные галереи действительно непроходимы и по ним в Кремль не пробраться, комендант Петерсон утратил всякий интерес к раскопкам.

Есть основание считать, что Стеллецкий еще раз обращался к Сталину в конце войны. И, вероятно, получил ответ из его секретариата, так как в обращении в Академию наук (январь 1945 года) Игнатий Яковлевич писал: «Но после войны, после победы, заветный клад будет найден! Порукою в том слово Великого Сталина!» Но в Кремль археолога больше не позвали…

Наиболее детальные исследования были проведены также в Александрове Владимирской области при содействии местных энтузиастов. В них приняли участие талантливые ученые ряда городов СССР, в том числе А. Малахов, Б. Науменко, биолокаторы Н. Сочеванов, А. Плужников и другие.

Поиск следов легендарной библиотеки в Александрове был неслучаен. Здесь с декабря 1564 по 1581 год находилась опричная столица Грозного, окруженная дремучими лесами и монастырями-крепостями. Сюда приплывали иностранные корабли с грузами из Англии, Дании и других стран. На Слободу приходилось две трети торгового грузооборота с зарубежными странами. Здесь были бумагоделательные производства, печатная слободка, где издавались религиозные и другие книги, пропагандистские материалы, в том числе на зарубежные страны. Здесь же находились иностранные посольства, принимались послы. В опричной столице, как и в Москве (между Волхонкой и Никитской улицей, где возводился опричный замок), велось бурное наземное и подземное строительство по типовым проектам.

В Слободе Грозный со своим окружением срочно готовил новые реформы, переделывал летописи, историю страны, свою родословную,

устанавливая связь с римскими цезарями. Книги, архивные материалы царю нужны были под рукой. В древней описи царского архива, состоявшего из 231 сундука, ящика, короба, записано, что Грозный лично отобрал и увез в Александрову слободу книги и летописи, включая и коробья новгородские. Царь хранил книги рядом с постельными хоромами в трех двойных сводчатых подвалах за двойными коваными дверями и крепкими запорами. Здесь в Слободе английский купец Джером Горсей летом 1581 года получил от Грозного Остроженскую Библию, извлеченную из хранилища, которая сейчас находится в Лондонском музее.

Но после убийства своего сына Грозный в Слободе больше не появлялся. В 1650 году на месте Александровского кремля был основан Успенский женский монастырь. Вплоть до его закрытия в 1919 году монахини ревностно присматривали за обширными подземельями. Местный житель города В.А. Александров в 1953 году 12-летним пацаном трижды проникал в богатые подземные хранилища с книгами. Об этом он писал в 70-х годах в Исторический музей. Об этом он заявляет и в наши дни. В конце 50-х годов в Министерство культуры СССР на прием к министру приезжала из Александрова женщина по просьбе умершей последней игуменьи с сообщением о судьбе библиотеки. Но к министру попасть не удалось, а аппаратные работники отнеслись к ее сообщению беспечно. Появлявшиеся провалы в городе и Александровском кремле над подземными ходами без обследований замуровывались (до лучшихвремен).

Плановые археологические раскопки проводились в 1951 году и в 1960—1970-х годах без проникновения в подземелья. Последние археологические раскопки были проведены в 1981 году и выявили мощные фундаменты грозненских дворцов, подземный ход и другие интересные находки. Раскопки подтвердили правильность биолокационных показаний, но из-за недостатка времени проникновения в подземелья не проводились.

На основе приборно-биолокационных исследований была составлена схема предполагаемого расположения аномалий на подземелья, с указанием фундаментов грозненских строений. В период многодневного биолокационного «прощупывания» подземелий монастыря были периоды, когда, многократно проходя над подземными сооружениями, исследователь начинает рукой ощущать близкое к реальности прикосновение к стене каменного или кирпичного хранилища, дереву, металлу, кожаному переплету книг, окладам. Такое ощущение испытывают многие, владеющие биолокацией.

После того как исследователям уже было известно о местонахождении некоторых хранилищ, неожиданно об одном из них они услышали подтверждение в местных преданиях, где говорится, что библиотека Грозного находится в «сорока кирпичах от усыпальницы Марфы» (29 см длина древнего кирпича, плюс 1 см шов, умноженные на 40 дают 12 м). Именно здесь первоначально находился дворец Грозного и его трон. В этих местах в начале XX века входы в подземелья видел известный историк К.Ф. Валишевский. Были они видны еще долго и после революции. В храмах и других строениях монастыря имеются глубокие подвалы с лабиринтами, а в двухэтажном доме игуменьи обнаружен большой сводчатый подвал без входа и выхода, в котором жители хранили овощи, пробив в своде отверстие. В этом же доме находится другой подвал со

ступеньками. По преданиям здесь настоятельница спускалась в подземелья, по которым она могла пройти и выйти во многие строения монастыря и в центр города.

О результатах исследований в г. Александрове было доложено в археологическом институте, в ЦК КПСС, на Межведомственной комиссии по проблемам биолокации при НТО РЭС им. А.С. Попова. В конце мая 1979 года вышло постановление Совмина РСФСР, предусматривавшее проведение работ в Александровском кремле. Выделялись средства. Сделано многое, но до серьезных работ проникновения в подземелья дело не дошло из-за начавшейся «перестройки».

Читатели по-разному представляют себе объем и состав легендарной библиотеки, опираясь в основном на сведения князя Курбского, Максима Грека, пастора Веттермана и случайные источники. В последние годы появились новые сведения по данному вопросу.

Обычно исследователи представляют библиотеку в малом объеме: замурованной в Кремлевской стене, в подземельях Теремного дворца и Чудова монастыря у Спасской башни. Местоположение хранилищ библиотеки связывают иногда также с Ваганьковским холмом (районом библиотеки им. В.И. Ленина) в Москве, с Троице-Сергиевым, Кирилло-Белозерским и другими монастырями. На самом деле ее подземные хранилища многочисленны, с огромным числом единиц хранения. Считается, что после спецслужб Малюты Скуратова в Москве хозяином государевой библиотеки стала церковь, к которой собрания книг перешли постепенно. Согласно преданиям, там многое уникально, в том числе старинная утварь, репродукции, свитки, большое количество книг. Самой ценной книгой одного их подземных хранилищ является «Свод Законов», размером 50 ґ 50 см, темно-синий, тисненный золотом. Там же – несколько закрытых сундуков, а также массивный стеклянный сосуд и печать Грозного.

Предания сообщают, что в царских хранилищах и у церкви находились также уникальные творения мастеров: золотые механические львы, лежавшие по бокам у трона Грозного, которые периодически приподнимались, издавая рычание, поднимая лапу в сторону князей и бояр; трон Грозного из чистого золота и уникальных камней, среди которых был один величиной с грецкий орех и горел желтоватым цветом, как и глаза царя; золотой сервиз на 120 с лишним персон; серебряный сервиз на 1000 персон; сервиз на 13 персон из небьющегося китайского фарфора, секрет изготовления которого утерян (зубы из такого фарфора не знали бы износа). Подобный фарфоровый сервиз был в литовском Тракае, в столице Золотой Орды, в Каракоруме, на Ставрополье. Известно, что одного золотого льва Петр I продал в Европу: нужны были деньги на войны. Предания сообщают, что в различных хранилищах Московии и области находилось около 400 тысяч единиц хранения письменных источников (копий) из знаменитой Александрийской библиотеки, а других материалов было в несколько раз больше. Книги Софьи Палеолог, являвшиеся реальной домашней библиотекой Грозного, составляют малую толику в сравнении с общим объемом уже имевшихся книг до ее приезда в Москву.

Формирование государевой библиотеки происходило за сотни лет до Ивана Грозного. Активно библиотека стала пополняться с началом

гонений на язычников. Книги конфисковывались у опальных князей, бояр, купцов, монастырей, у присоединенных и завоеванных народов Великой Перми, Великой Тюмени, Поволжья, Приуралья, Сибири и т.д. Грозный и последующие цари и Церковь, не церемонясь, брали древние книги на всей территории России. Книг и библиотек у народов нашей страны было много. В значительной части они писались и тиражировались бардами (акынами), жрецами, просветителями. Большинство из них по мастерству не уступали «Слову о полку Игореве». Книги также привозились из-за границы (от Китая до Англии) на шумные ярмарки, где покупались, обменивались и переводились.

Известно, что задолго до Грозного на Руси и в Московии были своеобразные энциклопедии – «Азбуковники толковых словарей», «Сказания (словари) о неудобопонимаемых речах» и другие. Реформаторский пыл Грозного и Церкви в 1551 году ввел запрет на продажу книг, не соответствовавших христианскому мировоззрению (первая на Руси цензура), что позволяло изымать или уничтожать книги и скрывать от народов многие исторические и культурные ценности их предков.

Однако имеются основания предполагать, что книгами и архивами закрытых подземных хранилищ периодически пользовались как Церковь, так и историки при написании «Истории Российской» Екатериной II, В. Татищевым и другими. В смутные времена туда, к сожалению, попадали случайные люди.

Подземные хранилища имели многоступенчатую охрану: инженерные решения, присмотр со стороны служителей монастырей, спецслужб и т.п. После 1917 года уход за подземными хранилищами ухудшился, что не могло не сказаться на проникновении сырости и порчи материалов хранения.

Запрятывание книг, исторических и культурных ценностей обычно бывает связано с реформой письменности и приходится на период смены религиозных воззрений, социально-экономического и династического строя. Волны реформ, разрушений, уничтожение и запрятывание книг, людей прокатились по Руси. Одна из волн пришлась на образование Московского царства при Грозном. Подобные волны были и позднее, что способствовало сокрытию всего наиболее ценного в подземелья. Легенды сообщают, что в тайные хранилища отправлены также говорящие куклы Якова Брюса и его книги по магии.

Десять лет назад блестящий знаток средневековой литературы, ведущий сотрудник библиотеки Академии наук А. Амосов сказал: «Библиотека Грозного царя несет с собой некую ауру, способную притягивать людей определенного склада. Стоит лишь однажды углубиться в лабиринт тайн, с нею связанных, чтобы затем до конца дней своих не знать покоя… И если решится кто вновь требовать развертывания работ по поискам грозненских сокровищ, если найдется столь отважный, что решится ударять собственной головой в каменную стену чиновных бастионов, то я, пожалуй, составлю ему компанию, ибо дело это святое». Однако пока до «святого дела» охотников нет.

«...В глубокой темнице претерпеша»

Вряд ли найдется человек, не видевший картины В.И. Сурикова «Боярыня Морозова». Но многие ли знают о том, кто же она – Феодосия Прокопьевна Морозова?

Морозова родилась в семье окольничего П.Ф. Соковнина, родственника М.И. Милославской – первой жены царя Алексея Михайловича. В 17 лет выдали ее замуж за боярина Г.И. Морозова, родного брата «царского воспитателя». После смерти мужа (1662) 30-летняя вдова оказалась одной из богатейших женщин Московского государства, у которой насчитывалось почти 8000 крепостных. Московский дом утопал в роскоши. Выезжала она в карете с «мусиею и сребром», запряженной «аргамаками многие, 6 или 12, с гремячими цепьми». Выезд сопровождали 200, а то и 300 слуг…

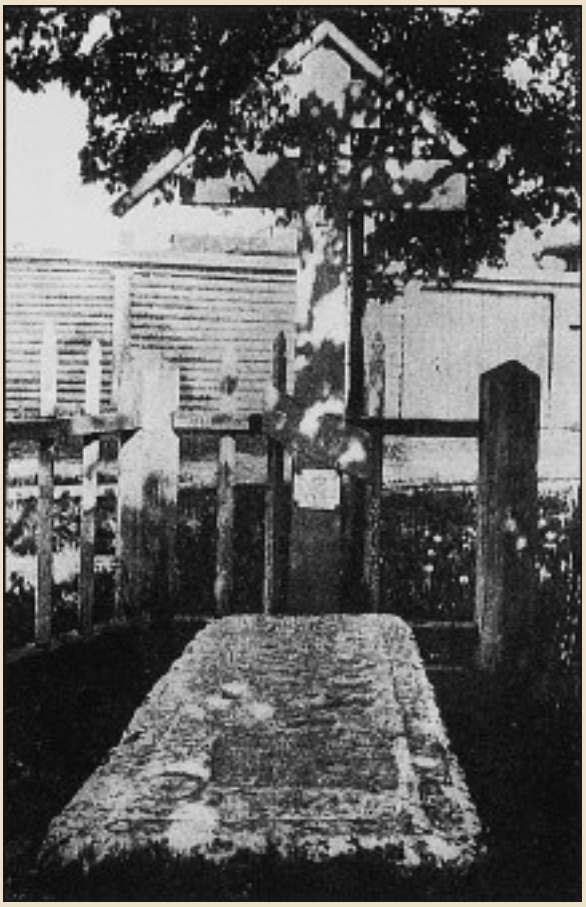
Но, овдовев, Ф. Морозова предалась подвигам благочестия и даже носила власяницу. Дом ее стал одним из центров старообрядчества. Вернувшись из сибирской ссылки, мятежный протопоп Аввакум нашел здесь кров и пищу. А после того как его вновь сослали на Мезень, боярыня Морозова и ее родная сестра княгиня Е. П. Урусова уже открыто выступили в защиту старой веры.

Не помогли увещевания архимандрита Иоакима, уговоры самого царя. Тогда Алексей Михайлович приказал отписать на себя половину вотчин боярыни, но и это не сломило ее. А власти довольствовались «малым лицемерием» Морозовой: она иногда, ради приличия, посещала богослужения по новому обряду.

Все резко изменилось после ее тайного пострига. Если боярыня Феодосия, живя в миру, могла кривить душой, то инокиня Феодора не имела права лицемерить. Она уклоняется не только от религиозных обязанностей по новому обряду, но и от мирских, связанных с ее положением при дворе. В январе 1671 года боярыня Морозова отказалась присутствовать на царской свадьбе, где ей предстояло «в первых стояти и титлу царскую говорити»; она сослалась на болезнь: «ноги ми зело прискорбны, и не могу ни ходити, на стояти». Это был прямой вызов, и Алексей Михайлович принял его как личное оскорбление. 16 ноября 1671 года ее вместе с сестрой арестовали, а через несколько дней повезли на допрос в Чудов монастырь. Именно этот момент изображен на картине В.И. Сурикова: проезд мимо царского дворца. «Мняще бо святая, яко на переходах царь смотряет поражение ее».

Ни уговоры, ни соблазны не заставили сестер отказаться от старой веры. Даже мягкий нравом патриарх Питирим озверел и «ревый, яко медведь» закричал: «…яко пса чепию за выю (шею) влачише… отсюду!» Вытаскивали боярыню так, что она сосчитала головой все ступеньки. Морозову заключили на подворье Псково-Печерского монастыря на Арбате, а Урусову в Алексеевском монастыре на Чертолье. Вскоре схватили и единомышленницу, жену стрелецкого полковника, пытавшуюся бежать на Дон. В тоске по матушке умер сын Морозовой – Иван, последний отпрыск именитого рода. Руки у царя оказались развязаны: конфисковав все имущество, он «отчины, стада, коней разда болярам, а вещи все – златье и сребряные, и жемчужные – все распродати повеле». Алексей Михайлович разрешил пытать узниц. А то ведь непорядок: великий государь, помазанник Божий – и не может справиться с тремя бабами! Зимним днем

1673 года на дворе Земского приказа было не протолкнуться. Известие о необычном зрелище разнеслось по всей Москве. Начали с Марии Даниловой – обнажив до пояса и связав сзади руки, ее подвесили на дыбе и сбросили с высоты на землю. Так же поступили и с княгиней Евдокией Урусовой. Морозову с вывернутыми руками полчаса держали на дыбе. После пытки обнаженных женщин бросили на снег, где они и пролежали несколько часов со связанными руками.

Могила Ф.П. Морозовой в Боровске

Патриарх, разъяренный упорством узниц, приказал сжечь Морозову. Уже поставили сруб на Болоте, осталось лишь получить разрешение у светских властей, но «бояре не потянули». А вскоре узниц перевели в Боровск, под строгий арест. Но стрелецкие сотники, возглавлявшие караул, были подкуплены, да и, видимо, сочувствовали несчастным: узниц часто посещали единомышленники, приносили весточки из Пустозерска от Аввакума.

Узнав об этом, власти ужесточили режим. Узниц теперь держали в глубокой земляной тюрьме, запретив давать им пищу и воду. Первой, не выдержав голодной пытки, скончалась Евдокия Урусова. Тело ее несколько дней валялось на тюремном дворе, пока не пришел указ из

Москвы о ее тайном захоронении. Через полтора месяца умерла Морозова; последней скончалась М. Данилова. Узнав об их смерти, протопоп Аввакум написал «О трех исповедницах слово плачевное», в котором призывал к отмщению… Раскол на Руси набирал силу.

Завещание Петра I, или протоколы парижских мудрецов *38 По материалам А. Казакова.*

Зимой 1812 года Париж был взбудоражен книжной новинкой. 500-страничный памфлет, изданный большим тиражом, был актуален, чтобы не сказать сенсационен. Речь в книге шла о разглашении тайных стратегических планов России, с которой Франция вела войну. Тревожило французов само название памфлета: «О возрастании русского могущества с самого начала его до XIX столетия». Автор книги, некий г-н Лезюр, в самом ее начале сообщал, что в его распоряжение попал секретный российский документ. Более того – документ подписан самим Петром Великим.

Созданный г-ном Лезюром образ врага в виде алчной и кровожадной России призван был убедить французскую общественность в том, что наполеоновская армия вершит правое дело, спасая Европу от агрессивных врагов. Для самой же армии книга Лезюра была чем-то вроде допинга. Вот как по этому поводу написал Валентин Пикуль в своем романе «Пером и шпагой»: «Французская армия шагнула за Неман, а тираж книги Лезюра догонял штабы Наполеона, подстегивая отстающих, воодушевляя сомневающихся…»

К сожалению, в своей книге Пикуль не смог избежать фактической ошибки: он написал, что Лезюр опубликовал текст завещания; это не так – в памфлете был лишь пересказ документа, хотя и подробный.

Кавалер де Еон – фальсификатор завещания Петра I

Пик интереса к памфлету Лезюра между тем во Франции быстро прошел, а после изгнания Наполеона из России о книге практически забыли. Новый скандал, связанный с петровским завещанием, разразился через четверть (без малого) века, когда в 1836 году опять-таки в Париже на прилавках магазинов появилась книга Фридриха Гальярде «Записки кавалера де Еона». Это были беллетризованные мемуары известного авантюриста, французского дипломата и разведчика, состоявшего с 1755 по 1760 год при французском посольстве в Петербурге. Искусством конспирации де Еон владел настолько умело, что 48 лет его считали мужчиной, а 38 – женщиной. В период царствования императрицы Елизаветы Петровны де Еон играл роль тайного дипломатического агента Людовика при русском дворе и одновременно шпиона, приставленного к французскому посланнику.

Гальярде впервые и опубликовал текст того самого завещания Петра I, которое пересказал в своей книге Лезюр. Документ этот, как утверждал Гальярде, раздобыл в свое время кавалер де Еон. Гальярде писал: «В 1757 году кавалер де Еон привез (в Париж) драгоценный документ, открытый им благодаря его безграничной дружбе (с императрицей) и бесконтрольным изысканиям в самых секретных царских архивах. Документ этот, о котором с тех пор заговорил весь свет, существование которого было известно, но которого никто не мог достать или списать, был тайно вручен де Еоном, вместе со специально написанным им сочинением о России министру иностранных дел аббату Берни и королю Людовику XV».

Документ настолько интересен, что процитируем его полностью, тем более что последний раз он в таком объеме публиковался на русском языке 120 лет назад. Итак:

«Завещание.

Во имя святой и нераздельной Троицы, мы, Петр, император и самодержец всероссийский, всем нашим потомкам и преемникам на престоле и правительству русской нации.

I

Поддерживать русский народ в состоянии непрерывной войны, чтобы солдат был закален в бою и не знал отдыха: оставлять его в покое только для улучшения финансов государства, для переустройства армии и для того, чтобы выждать удобное для нападения время. Таким образом, пользоваться миром для войны и войною для мира, в интересах расширения пределов и возрастающего благоденствия России.

II

Вызывать всевозможными средствами из наиболее просвещенных стран военачальников во время войны и ученых во время мира, для того, чтобы русский народ мог воспользоваться выгодами других стран, ничего не теряя из своих собственных.

III

При всяком случае вмешиваться в дела и распри Европы, особенно Германии, которая, как ближайшая, представляет более непосредственный интерес.

IV

Разделять Польшу, поддерживая в ней смуты и постоянные раздоры, сильных привлекать на свою сторону золотом, влиять на сеймы, подкупать их для того, чтобы иметь влияние на выборы королей, проводить на этих выборах своих сторонников, оказывать им покровительство, вводить туда русские войска и временно оставлять их там, пока не представится случая оставить их там окончательно. Если же соседние государства станут создавать затруднения, то их успокаивать временным раздроблением страны, пока нельзя будет отобрать назад то, что было им дано.

V

Делать возможно большие захваты у Швеции и искусно вызывать с ее стороны нападения, абы иметь предлог к покорению. Для этого изолировать ее от Дании и Данию от Швеции и заботливо поддерживать между ними соперничество.

VI

В супруги к русским великим князьям избирать германских принцесс для того, чтобы умножать родственные союзы, сближать интересы и, увеличивая в Германии наше влияние, тем самым привязать ее к нашему делу.

VII

Преимущественно добиваться союза с Англией, в видах торговли, ибо это именно та держава, которая для своего флота наиболее нуждается в нас и которая может быть наиболее полезною для нашего флота. Обменивать наш лес и другие произведения на ее золото и установить между ею и нашими торговцами и моряками постоянные сношения, которые приучат наших к торговле и мореплаванию.

VIII

Неустанно расширять свои пределы к северу и к югу, вдоль Черного моря.

IX

Возможно ближе придвигаться к Константинополю и Индии. Обладающий ими будет обладателем мира. С этой целью возбуждать постоянные войны то против турок, то против персов, основывать верфи на Черном море, мало-помалу овладевать как этим морем, так и Балтийским – ибо то и другое необходимо для успеха плана – ускорить падение Персии, проникнуть до Персидского залива, восстановить, если возможно, древнюю торговлю Леванта через Сирию и достигнуть Индии, как мирового складочного пункта. По овладении ею можно обойтись и без английского золота.

X

Заискивать и старательно поддерживать союз с Австрией, поощрять для виду ее замыслы о будущем господстве над Германией, а втайне возбуждать против нее недоброжелательство в государях.

Стараться, чтобы те или другие обращались за помощью к России и установить над страною нечто вроде покровительства с целью подготовления будущего господства над нею.

XI

Заинтересовать Австрийский дом в изгнании турок из Европы, а по овладении Константинополем нейтрализовать его зависть, или возбудив против него войну, или дав ему часть из завоеванного с тем, чтобы позднее отобрать это назад.

XII

Привлечь на свою сторону и соединить вокруг себя всех грековосточных отщепенцев или схизматиков, распространенных в Венгрии, Турции и Южной Польше, сделать их средоточением и опорою и предуготовить всеобщее преобладание над ними посредством установления как бы духовного главенства: будет столько друзей, сколько окажется у каждого из ее врагов.

XIII

Когда Швеция будет раздроблена, Персия побеждена, Польша похоронена, Турция завоевана, армии соединены, Черное и Балтийское моря охраняемы нашими кораблями, тогда надлежит под великою тайною предложить сперва Версальскому двору, а потом Венскому, разделить власть над Вселенною. Если который-либо из них, обольщаемый честолюбием и самолюбием, примет это предложение – что неминуемо и случится, – то употребить его на погибель другого, а потом уничтожить и уцелевшего, начав с ним борьбу, в исходе которой сомневаться уже будет нельзя, ибо Россия в то время уже будет обладать всем Востоком и большей частью Европы.

XIV

Если паче чаяния, тот и другой откажутся от предложения России, то надлежит искусно возжечь между ними распрю и истощить их во взаимной борьбе. Тогда Россия, воспользовавшись решительной минутою, должна устремить свои заранее собранные войска на Германию и одновременно с этим выслать два значительных флота, один из Азовского моря, другой из Архангельска, со своими азиатскими ордами, под прикрытием вооруженных флотов Черноморского и Балтийского. Выйдя в Средиземное море и океан, они наводнят, с одной стороны, Францию, с другой, Германию, и когда обе эти страны будут побеждены, то остальная Европа уже легко и без всякого сопротивления подпадет под него.

Так можно и должно покорить Европу».

Завещание стало тиражироваться, на него ссылались, его цитировали историки и публицисты того времени.

Первым, кто поставил под сомнение подлинность завещания, был исследователь Берхгольц, который считал, что автором текста был – ни много ни мало – сам Наполеон Бонапарт. Свою гипотезу Берхгольц пытался доказать текстологическим анализом завещания и работ (в том числе речей) Наполеона. Берхгольц писал: «И тут и там те же общие мысли, те же заключения, а в местах, где биографы цитируют собственные слова императора, те же образы, те же выражения, которые можно найти и в речах Наполеона и в документах, диктованных им». Но веских аргументов у

Берхгольца все же не нашлось.

В 1877 году в журнале «Древняя и новая Россия» вышла статья известного историка С. Шубинского, название которой говорит само за себя: «Мнимое завещание Петра I». Убедительно и ярко Шубинский доказал, что в Европе с подачи Гальярде была растиражирована сфабрикованная де Еоном фальшивка.

Дело в том, объясняет Шубинский, что де Еон мечтал о месте посланника Франции в России, но его работа, в частности, доклады, производили на короля вялое впечатление. Нужен был подвиг! Нужны были политический скандал, сенсация!

И вот уже бравый кавалер (в то время он ходил еще в мужском одеянии), человек образованный и рисковый, фальсифицирует документ, искусно стилизованный под петровское завещание, который, как кажется де Еону, всколыхнет Версальский дворец.

Но королевские министры лишь многозначительно переглядывались и скептически пожимали плечами. Номер не прошел. Документ, на который де Еон возлагал такие надежды, ложится в недра архива министерства иностранных дел. На свет божий его извлек в 1812 году уже упомянутый г-н Лезюр, получивший заказ от Наполеона, – который его приблизил к себе, – создать общественное мнение во Франции в пользу войны с Россией. Лезюр подстраховался – в своей книге он опирается на текст, который действительно существовал (хотя Лезюр, безусловно, понимал, что имеет дело с фальшивкой). Ответственность Лезюра снижалась – в конце концов не он смастерил искусную подделку.

Именно работа С. Шубинского положила конец спорам об авторстве мнимого завещания Петра I.

Куда исчезли останки Якова Брюса?

В середине XVII века, когда в Англии поднимала знамена Великая революция, потомок шотландских королей Брюс отправился в далекую Московию искать счастья на службе у русского царя. Удача благоволила отчаянному шотландцу – он добился успеха, возглавил по повелению русского государя псковский полк. В 1680 году в чине генерал-майора Брюс вышел в отставку и закончил свой жизненный путь, оставив на царской службе сына Вилима. Сын верой и правдой служил русскому трону, дослужился до звания полковника, но погиб при штурме крепости Азов. Двое его сыновей, Роман и Яков, не бросили службу под русскими знаменами, а один из них – Яков – славно преуспел и даже завоевал себе известность царского любимца.

Яков Брюс-младший поступил на московскую службу в возрасте 14 лет. Участвуя в крымских походах фаворита царевны Софьи В.В. Голицына, он успел познать вкус войны еще до своего сближения с Петром. Когда в переломный период царской междоусобицы Петр бежал в Троице-Сергиеву лавру, Брюс вместе с Потемкиным, предком знаменитого покорителя Крыма, последовал за царем. И в дальнейшем судьба не раз сближала верного слугу с императором: он снова, уже под началом Петра, воевал под Азовом, затем в 1697 году в составе Великого посольства побывал в Амстердаме, противостоял шведам под Нарвой и до конца своих дней оставался верным слугой царя. Скончался Я.В. Брюс в 1735 году на 66-м году жизни.

Яков Брюс. Гравюра XVIII в.

В народе еще до кончины царедворца зародилось множество слухов о его загадочной судьбе, делах и умениях. После сооружения в Москве Сухаревой башни среди москвичей распространилась молва о поселившейся в ней нечистой силе. По ночам в окнах Башни люди замечали странное мерцание огней. Говорили, что друг царя Ф.Я. Лефорт организовал в стенах башни общество из восьми человек, которые в угоду дьяволу занимались магией, астрологией, спиритизмом, астрономическими вычислениями и тем самым выпускали на волю всевозможные темные силы. К членам общества, получившего название Нептунового, причисляли и самого царя вместе с фаворитом Меншиковым. В нем же состоял и Яков Брюс. После смерти Лефорта Брюс возглавил магическое общество и прочно обосновался в Сухаревой башне. Впоследствии появились сведения, что он увлекался не столько колдовством, сколько наблюдениями за звездами, но мрачный ореол вокруг его имени сохранился надолго.

После смерти Якова Брюса стали разбирать его библиотеку в башне. Среди книг отыскались «Философия мистика» на немецком языке,

«Небо новое» на русском языке и некоторые другие, упрочившие за их владельцем славу чернокнижника. Но главную книгу Брюса найти не удалось. Именно из нее, как говорили в народе, чернокнижник черпал знания о прошлых и грядущих событиях и чудодейственных лекарствах. Опасаясь, что после его смерти книга может попасть в чужие руки, колдун замуровал ее в стенах башни и своими чарами навлек на Башню стихийные силы, окончательно ее погубившие.

Крепостные крестьяне Брюса рассказывали, что их барин, царский «арихметчик», знает все звезды, умеет из болотной воды сделать живую, разумеет в кореньях и травах, горных камнях, легко одним взглядом сосчитает, сколько в брошенных на помол колосьях семян, а также ведает, сколько оборотов сделает колесо телеги, прежде чем докатится от Петербурга до Киева. И даже смерть барина случилась не по воле Божьей, а по колдовству. Приготовил, оказывается, барин волшебное питье и приказал изрубить себя на мелкие части, а затем обильно поливать их приготовленным питьем. Когда же наказ его был исполнен, он заново ожил и ни единой раны на теле не имел. Царь, узнав о таком злодеянии, вознегодовал и повелел чернокнижника похоронить так, чтобы на все времена избавить землю от нечистой силы, а все его книги и снадобья сжечь.

Позднее легенды о Якове Брюсе нашли свое отражение в литературе. В сочинениях писателей образ чародея получил сходство с царским мудрецом, каким его представлял себе народ в своем фольклоре.

После смерти Брюса родилось поверье, что он вовсе и не умирал, а улетел неведомо куда на воздушном корабле. Игра людского воображения дала толчок к возникновению новых жутких предположений о судьбе и делах таинственного царедворца.

Между тем в собственной реальной жизни Яков Вилимович Брюс был человеком скептическим и ни во что сверхъестественное не верил. Сохранилось предание, что царь, показывая ему нетленные мощи святых, услышал от Брюса совершенно простое объяснение увиденному: причиной сохранения человеческих останков является сухой климат, особенный состав грунта, бальзамирование и воздержанная жизнь покойного.

И все же его имя стало ассоциироваться с потусторонними и неземными силами. Хотя, возможно, эта связь была обусловлена не только умом и образованностью Брюса. История умалчивает, как именно 14-летний отпрыск служилого дворянина сумел получить образование и овладеть многими глубокими знаниями. Что побудило его вести отшельническую жизнь? Как могла возникнуть необычная тяга к тайноведению у государственного мужа?

Неизвестно также, почему после разрушения кирхи в бывшей Немецкой слободе, где был похоронен Я.В. Брюс, его останки, переданные в лабораторию М.М. Герасимова для восстановления облика чернокнижника, бесследно исчезли, а вокруг бывшего дома Брюса в Глинках, как говорят соседи, появляется призрак легендарного мудреца.

Дело Салтычихи *39 По материалам Г. Федотова.*

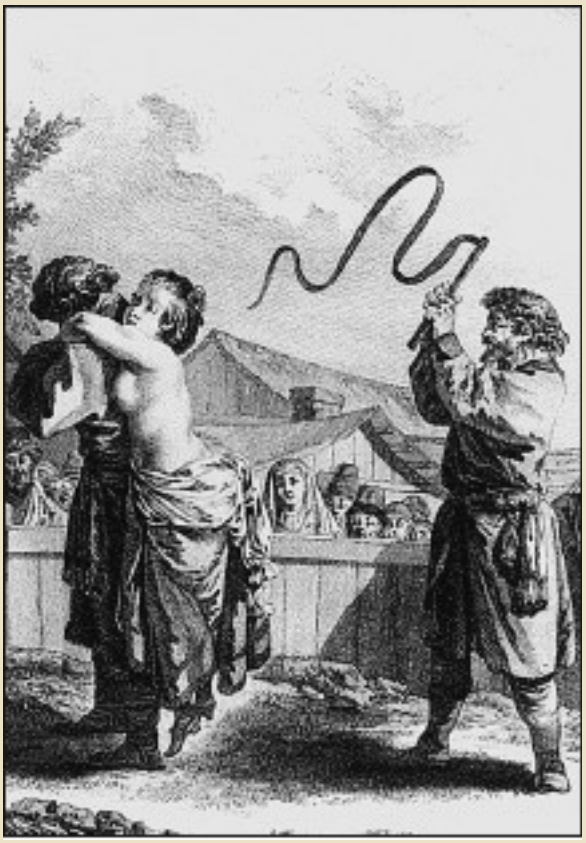
Хроника царствования первых лет Екатерины II богата описаниями уголовных процессов, связанных с массовыми истязаниями и убийствами помещиками своих крепостных. Особняком в этих процессах стоит «Дело

Салтычихи» – московской дворянки, умертвившей около 140 человек.

Дарья Николаевна Иванова родилась в 1730 году. В 20-летнем возрасте она вышла замуж за Глеба Алексеевича Салтыкова, ротмистра лейб-гвардии Конного полка, но спустя шесть лет, в 1756 году, неожиданно овдовела. Утрата мужа, оставившего молодой вдове дом в центре Москвы, с десяток поместий в Подмосковье и 600 душ крепостных, самым негативным образом отразилась на ее психическом состоянии: женщина стала подвергаться неконтролируемым приступам жесточайшего гнева, который изливался, как правило, на окружавших барыню холопов.

Так, за плохо выстиранное, по ее мнению, белье она могла в состоянии аффекта схватить первый попавшийся под руку предмет – будь то утюг или полено – и избить им до потери сознания провинившуюся прачку, а затем вызвать слуг и отдать им приказ забить окровавленную жертву палками насмерть. Порой такие убийства совершались в ее присутствии, иногда – во дворе дома, на глазах у других крепостных. Приближенные Дарьи Салтыковой исполняли указания своей сумасшедшей хозяйки беспрекословно. В противном случае они могли превратиться из палачей в жертвы.

С годами жестокость Салтычихи приняла еще более патологический характер. Просто побои и обязательно следовавшие за ними убийства крепостных перестали ее удовлетворять, она стала изобретать более изощренные пытки: поджигала волосы на женских головах, рвала уши и ноздри раскаленными щипцами, вырезала у предварительно связанных мужчин и женщин половые органы, заживо бросала в котлы с кипящей водой маленьких девочек.

Наказание кнутом. Гравюра середины XVIII в.

А что же сами крепостные? Неужели они, как бессловесный скот, все это время молчали, с рабской покорностью отправляясь на заклание?

Наоборот, десятками писали жалобы во все инстанции, но… Дарья Николаевна Салтыкова принадлежала к высшему сословию, в ее жилах текла «благородная» кровь, потому привлечь ее к ответственности было не так-то просто: на ее защиту могло подняться все поместное дворянство.

Лишь в 1762 году, когда на престол вступила Екатерина II, одна из жалоб на Салтычиху дошла по назначению и была принята к рассмотрению. Подал ее крепостной по имени Ермолай, у которого Салтыкова убила поочередно трех жен.

Императрица передала жалобу в московскую юстицколлегию, и та вынуждена была завести уголовное дело. В ходе следствия стали выясняться ужасающие подробности злодейств, которые творила Салтычиха в своем доме на Кузнецком мосту. Согласно показаниям многочисленных свидетелей, за период с 1756 по 1762 год Кровавая Барыня собственноручно умертвила 138 человек! Однако в дальнейшем следствию удалось официально установить и предъявить обвинению факты лишь 38 убийств (Салтыкова и ее подручные умели прятать концы в воду). Но и этих случаев вполне хватило для того, чтобы пришли в неописуемый ужас даже видавшие виды судьи.

Даже когда следствие по делу Салтычихи было в самом разгаре, в доме Кровавой Барыни продолжались пытки и убийства: уничтожали свидетелей обвинения, посмевших жаловаться на свою хозяйку. Весь ужас того времени состоял в том, что крепостные, давая показания на своего барина или барыню, вынуждены были после допросов возвращаться к нему же.

Система судебной защиты на холопов не распространялась.

Агрессивность Дарьи Салтыковой постоянно искала выхода и в конце концов начала выплескиваться не только на крепостных, но и на таких же, как и она, людей дворянского происхождения. Когда ее любовник – граф Тютчев – заявил ей, что хочет жениться на другой, Салтычиха до такой степени взъярилась, что приказала своим слугам убить и Тютчева, и его невесту, а также сжечь дотла их дома, чтобы ничто более не напоминало о нанесенном ей оскорблении. К счастью, обнадеженные ходом следствия слуги проигнорировали приказ своей хозяйки, и граф Тютчев остался жив.

Следствие по делу Дарьи Салтыковой велось долгих 6 лет. Салтычиха всячески «подмазывала» юристов, раздавая взятки направо и налево, а на светских раутах и балах, куда ее продолжали приглашать, не раз повторяла, что судить ее, во-первых, не за что, так как крепостные – не люди, а во-вторых, невозможно, поскольку она «голубых кровей».

Но, несмотря на многочисленные препоны, создаваемые следствию Салтыковой и ее высокопоставленными покровителями, дело было

закончено и передано в суд. Наступил финал кровавой драмы.

Рассмотрев все обстоятельства дела, юстицколлегия вынесла Салтычихе смертный приговор, признав, что «она немалое число людей своих мужска и женска пола бесчеловечно, мучительски убивала до смерти».

Тут же были приведены в действие тайные механизмы, и Сенат в Петербурге принял другое решение – заменить смертную казнь наказанием кнутом и каторжными работами. Покровителей Салтычихи этот приговор также не удовлетворил, и в конце концов точку в деле поставила сама императрица Екатерина II. По ее именному указу Салтычиха была осуждена на один час стояния в центре Москвы у позорного столба и пожизненное заключение.

7 октября 1768 года Салтыкову привезли в холщовом саване на Лобное место, повесили на грудь доску с надписью: «Мучительница и душегубица», дали в руки зажженную свечу и привязали к столбу. По словам очевидцев, посмотреть на Салтычиху, которая в народном сознании давно уже ассоциировалась со сказочными Бабой Ягой и вурдалаком, собрались тысячи людей. Красная площадь была полна народу. Зеваки сидели даже на крышах домов и деревьях. В течение часа, пока Салтычиха стояла у позорного столба, у ее ног палачи били кнутами, клеймили раскаленным железом и вырезали ноздри тем, кто помогал ей в ее зверствах. Под конец «представления» клеймению был подвержен и священник, который по указке Салтыковой отпевал и хоронил замученных ею как умерших естественной смертью.

На следующий день всех подручных Дарьи Салтыковой отправили этапом в сибирский город Нерчинск на вечные каторжные работы, а саму Салтычиху препроводили в московский Ивановский девичий монастырь и опустили в глубокую темную яму, называемую самими монахинями «покаянная темница». В той темнице на воде и хлебе садистка провела долгих 11 лет. За эти годы свет она видела, только когда ей приносили пищу: вместе с едой в яму спускали и зажженную свечу.

В 1779 году приговор Салтычихе был смягчен, и ее перевели в кирпичную «клетку» – пристройку к монастырской стене. Пристройка была снабжена зарешеченным окошком. Один из современников рассказывал, как через это окошко Салтычиха плевала на любопытствующих, матерно ругала их и старалась задеть просунутой сквозь прутья решетки палкой. 11-летнее покаяние в яме не заставило ее раскаяться, лишь еще больше озлобило.

Удивительно, но факт: каким-то образом Салтычиха соблазнила охранявшего ее солдата и вступила с ним в интимную связь, в результате чего забеременела и родила ребенка. В то время ей было уже 50 лет! Солдата сурово наказали шпицрутенами и отправили на исправление в штрафную роту, о судьбе же младенца ничего не известно. Скорее всего, его определили в какой-нибудь из монастырей, где он до конца дней замаливал многочисленные грехи своей кровожадной матушки.

Умерла Дарья Салтыкова 27 ноября 1801 года в возрасте 71 года. Похоронили ее в Донском монастыре, рядом с родственниками.

Незаконнорожденные на троне

Любопытное человечество всегда привлекали тайны. Тем более если они касались какого-нибудь королевского двора. А уж тайн при любом дворцовом житье-бытье всегда имелось предостаточно. Часть из них являлось «секретом полишинеля» – о них знали все, но говорить вслух было не принято. К таким тщательно оберегаемым тайнам всегда принадлежал секрет истинного происхождения некоторых коронованных особ, скрывающих настоящую «голубизну» их королевской или царской крови…

После Февральской революции, летом 1917 года, когда в российской печати стали возможны любые, даже самые «крамольные» публикации об отцарствовавшей свое династии, будущая российская знаменитость – генетик Кольцов – опубликовал в популярном журнале «Природа и люди» маленькую заметку, относящуюся к родословной российских самодержцев. Он, в частности, удивлялся, откуда у Николая II, в жилах которого текла всего 1/128 часть русской крови, такой выраженный «славянский тип» лица, и сам себе тут же отвечал, что этому нет объяснений, если не принять за истину историческую версию рождения будущего императора Павла I не от немецкого принца Карла Петра Ульриха, ставшего в России императором Петром III, а от одного из первых фаворитов Екатерины II – Сергея Салтыкова…

Один из первых фаворитов Екатерины II – Сергей Салтыков

Факт «отцовства» Салтыкова, несмотря на многолетнюю завесу тайны, существовавшую в течение полутора последующих веков

царствования дома Романовых, является вполне достоверным. Во всяком случае, сама «матушка Екатерина», которая за первые десять лет супружества изрядно подустала от попыток принудить своего супруга «отвечать на ее любовь», признается в своем «грехе» в «Чистосердечной исповеди», адресованной князю Г. Потемкину (Екатерина II. Полн. собр. соч., т. 12, с. 697—698). Императрица, вспоминая далекие уже к тому времени дни, пишет, что приставленная к ней для «присмотра за ее поведением» Мария Чоглокова, «видя, что обстоятельства остались такими же, каковы были до свадьбы», и к середине 1750 годов постоянно поощряемая к активным действиям императрицей Елизаветой Петровной, решилась «исправить» бездетность злосчастного брака. Для этого она не нашла «иного к тому способа, как обеим сторонам сделать предложение, чтобы выбрали по воле своей из тех, кои она на мысли имела…» Одним словом, охладевшим друг к другу супругам предложили «на выбор» из числа специально подобранных кандидатур обзавестись любовными партнерами. Для Петра Федоровича выбрали вдову Грот, а для Екатерины – Сергея Салтыкова. Выбор (во всяком случае, с точки зрения продолжения царствующего рода) оказался удачным: 20 сентября 1754 года у наследника российского престола, внука императора Петра I, и его жены, великой княгини Екатерины Алексеевны, родился сын – будущий император Павел I. Если сравнить портретные изображения предполагаемого отца будущего императора и самого Павла Петровича, то становится совершенно ясно, что, по совести, именоваться он должен был Павлом Сергеевичем!

Впрочем, таких «тайн» в русской истории множество… Просто не всегда в выборе «достойного отца» для наследника престола участвовало такое число «заинтересованных лиц», а свои личные секреты жены русских царей умели хранить достаточно хорошо. Что же касается самого С. Салтыкова, то через два года после рождения в царской семье наследника он был отослан подальше от двора – посланником в Европу, «ибо, – по утверждению самой Екатерины, – он себя нескромно вел, а Мария Чоглокова… уже не была в силе его удержать…» В чем выражалась эта «нескромность», императрица в своих «записках» умалчивает, но, очевидно, С. Салтыков не очень стремился скрывать свое отцовство, чего по династическим соображениям допустить было нельзя…

К слову сказать, все будущие внебрачные дети Екатерины Великой, прижитые от некоторых из 22-х ее «официальных» фаворитов, свою судьбу знали, и даже тогдашняя «общественность» была вполне в курсе дела. Среди детей Екатерины были, например, граф Бобринский (сын от Г. Орлова) и Е.Г. Темкина (дочь от Г. Потемкина)… Хотя дочь от князя Потемкина вполне могла бы считаться и законной: по некоторым сведениям, Екатерина и Потемкин были повенчаны. А вот Павел Петрович до конца жизни был уверен, что является не только наследником, но и законным правнуком Петра Великого! Имели ли к «славянским скулам» Николая II отношение еще какие-нибудь посторонние участники процесса «приращения семейства» Романовых в последующие десятилетия – история (пока!) умалчивает…

Откровения монаха Авеля

Он является одной из самых загадочных и парадоксальных личностей российской истории. Как ему удавалось делать свои предсказания, и сегодня во многом остается тайной…

Энциклопедия Брокгауза и Ефрона о нем повествует так: «Авель – монах-предсказатель, родился в 1757 году. Происхождения крестьянского. За свои предсказания дней и часов смерти Екатерины II и Павла I, нашествия французов и сожжения Москвы многократно попадал в тюрьмы, а всего провел в заключении около 20 лет. По приказанию императора Николая I Авель был заточен в Спасо-Ефимьевский монастырь, где и умер в 1841 году».

С уважаемым изданием спорить не приходится. Раз уж оно говорит, что Авель предсказывал то-то и то-то (и предсказал, наверное, точно, раз угодил в тюрьму – правды на Руси издавна не любят) значит, действительно имел какой-то особый дар.

Как он его получил? Что был за человек? Попробуем разобраться, опираясь на доступные исторические источники.

Начало биографии При рождении в деревне Акулово Тульской губернии он был наречен Василием. Родители его владели земельным наделом, вроде как и сыну была уготована доля землепашца. Однако уже с десяти лет малец более помышлял о том, как бы удрать из дому, поскольку «больше у него было внимания о божестве и божественной судьбе», нежели желания копаться в земле.

Однако отец был против, и в 17 лет его решили остепенить, то бишь женили. И хотя вскорости в семье Василия было уже трое сыновей, дома он жил мало, все больше «шатался по разным городам». Обучившись все в те же 17 лет грамоте, а заодно и плотницкой работе, с артелями плотников стал уходить в разные края, бывая на родине за время девятилетних странствий лишь урывками.

Плотничая на верфи в Херсоне, тяжело заболел и дал обещание богу, что если тому будет угодно исцелить работника, «то он пойдет вечно ему работать в преподобии и правде». Чудо произошло, Василий выздоровел, вернулся на свое место и работал еще около года, прежде чем решил, что пришла пора исполнить обещанное.

Он отправился домой и стал просить отцовского благословения на монастырское послушание. Однако отец был по-прежнему категорически против, мать и жена его поддержали. Но Василий оказался человеком упрямым и вскорости тайно сбежал из дому, поступив в Валаамский монастырь, а из него в Валаамскую пустынь.

Наиболее достоверным источником об этом периоде жизни монаха, нареченного при пострижении Авелем, являются «Жития», изданные в 1875 году. Однако и из них цензурой многое было вычеркнуто. А из того, что осталось, можно догадаться, что в пустыне с Авелем произошло нечто из ряда вон выходящее.

После того события у новоявленного монаха появился дар предсказания. Ему стали являться голоса, которые и давали ему безошибочные советы в тех или иных случаях жизни.

Монах Авель

Во всяком случае, когда в марте 1796 года Авель попал на допрос в Тайную экспедицию, то на вопрос, когда впервые услыхал он «глас», ответил, согласно «Житию», что «когда он был в пустыни Валаамской, во едино время был ему из воздуха глас, яко боговидцу Моисею пророку, и якобы изречено ему тако: иди и скажи северной царице Екатерине Алексеевне всю правду. Еже аз тебе заповедаю»…

Случилось это, как помечено в протоколе допроса, в марте 1778 года. Там же указано, что далее Авель рассказал, что был вознесен на небо, где видел две книги, содержание которых впоследствии он и пересказывал в своих писаниях. Кроме «гласа божьего» ему также являлись и видения. На основании увиденного и услышанного он потом и делал свои предсказания.

В общем, методика предсказаний ничем не отличалась от библейской; на это, впрочем, неоднократно указывал и сам Авель.

«Страшная книга» Почуяв свою силу, Авель последующие девять лет (обратите внимание, опять тот же срок, что и в прошлый раз) посвящает странствиям. И всюду он проповедует Слово Божье, а также пророчествует.

Придя на Волгу, он попросил пристанища в Бабайках, местечке в Костромской губернии, где располагался монастырь Николая Чудотворца. Здесь Авель и написал «книгу мудрую и премудрую» – первую из «зело странных», пророческих описаний. В книге той сообщалось, в каком году и месяце, в который день и час смерть царица примет. Причем все это было написано примерно за год до предсказанных событий.

Закончив свой труд, Авель не стал держать его содержание в тайне, а показал свое сочинение монаху Аркадию. Тот исправно донес ее содержание до уха отца настоятеля. Ну а последний от греха подальше отправил и автора и его книгу в духовную консисторию. Оттуда материалы проведенного расследования были посланы костромскому архиерею – епископу Павлу. И кто знает, может, Авеля попросту тишком бы сослали куда подальше от глаз и ушей мирских, да было уже поздно – тайна вырвалась из-под контроля.

Как пишет в своих воспоминаниях генерал А.П. Ермолов, который в описанный период пребывал как раз в Костроме, «находясь однажды за столом у губернатора Думпа, Авель предсказал день и час кончины императрицы Екатерины»…

В общем, по городу пошли слухи, так что Авеля пришлось отправить «на отдых» в местный острог. Но там он не задержался и вскоре был препровожден в Санкт-Петербург, пред строгое око главы Сената, генерала Самойлова. Тот усмотрел в книге недопустимую крамолу: «Как это вслух сказать, что ныне царствующая императрица вскорости лишится жизни? Это же послужит причиной смуты и разброда»…

Генерал не стал сдерживать благородного гнева и со всего маха врезал Авелю по физиономии: «Кто научил тебя такие секреты писать и зачем ты стал такую книгу составлять?!»

Однако тот не смутился: «Меня научил писать сию книгу Тот, Кто сотворил Небо и Землю, вся иже в них. Тот же повелел мне и все секреты составлять!»

Дело принимало серьезный оборот. Однако генерал выкрутился. Он решил представить Авеля как юродивого, а с сумасшедшего какой спрос?

Монаха на всякий случай приказал подержать пока в Тайной канцелярии, а сам о происшествии донес царице: так, мол, и так, какие будут распоряжения?

Та поинтересовалась, «кто же такой Авель есть и откуда»? А получив исчерпывающую информацию, велела отправить неудобного монаха в Шлиссельбургскую крепость на пожизненное заключение. Сюда Авеля и привезли 9 марта (опять «девятка»!) 1796 года.

И сидеть бы ему в камере № 22, в строжайшей изоляции, незнамо сколько, если бы во второй половине того же года его пророчество не исполнилось. Пятого ноября императрицу нашли на полу покоя без чувств, а на следующий день она скончалась, в полном соответствии, как утверждают, с записью, сделанной Авелем за год до описываемых событий.

Пророчества Павлу В тот же день на престол взошел (можно сказать даже – поспешно взбежал) сын Екатерины II, император Павел I. Будучи с матерью, скажем так, не в очень хороших отношениях, новый правитель тут же принялся менять все и вся.

Полетел со своего поста генерал Самойлов, на его место сел князь А.Б. Куракин. Он тут же счел своим долгом донести своему повелителю весть, кто первый указал на скорую смерть императрицы.

Павел повелел разыскать автора и привезти к нему. Причем новоявленный император принял монаха в своем личном покое «с радостью и страхом» и даже попросил его благословения. Обласкав Авеля как мог, Павел I спросил о его дальнейших планах. Монах ответил, что хотел бы вернуться к монастырским занятиям.

После чего Авель был отпущен с миром. Правда, говорят, в самом конце разговора Павел не утерпел и спросил о своей собственной судьбе, однако монах ответил уклончиво: дескать, не все ему бывает открыто…

Павел велел поместить Авеля в Невский монастырь, чтобы в случае надобности находился под боком. Однако упрямый монах, пробыв на Неве год, в конце концов снова отправился в Валаамский монастырь, где принялся снова за вторую «зело страшную книгу».

Законченный труд тут же был отвезен в Петербург, к митрополиту, тот переправил ее в секретную палату, та – царю… А в итоге Авель снова попал в заключение, только теперь в Петропавловскую крепость. Как следует из донесения генерала Макарова, 26 мая 1800 года монах «был привезен исправно и посажен в каземат в равелине».

«Он, кажется, только колобродит, и враки его ничего более не значат, – отмечает далее генерал, – а между тем думает мнимыми пророчествами и сновидениями выманить что-нибудь; нрава неспокойного».

Такова точка зрения военного человека, отличавшегося, как видно, достаточно крепкими нервами. А вот сам Павел и его фаворитка А.П. Лопухина, похоже, такими нервами не обладали. Во всяком случае, по свидетельству секретаря министра иностранных дел Ф.П. Лубянского, ознакомившись с предсказаниями Авеля, «с трепетом она зарыдала, испуганная и расстроенная». Да и сам Павел выглядел весьмаопечаленным.

Как известно из дальнейшего хода событий, ему было о чем печалиться. В ночь с 11 на 12 марта 1801 года он был убит своими приближенными. Причем остается неизвестным, в точности ли эту дату гибели предсказал ему Авель. Если бы она была указана определенно, неужто Павел не постерегся бы?..

Третье предсказание Во всяком случае, так или иначе в марте произошел дворцовый переворот и на престол вступил старший сын погибшего императора.

Александр I приказал выпустить монаха Авеля из крепости и отправить в Соловецкий монастырь через 10 месяцев и 10 дней после его заточения. Именно столько же, отмечаются историки, он просидел и в Шлиссельбургской крепости.

И вновь история повторяется. Оказавшись на свободе, за год и два месяца Авель успевает написать третью «зело страшную» книгу. На сей раз в ней повествуется в основном о событиях, которые должны были произойти через 10 лет и касались судьбы не столько императора, сколько всей империи. Говоря иначе, монах предрек, «как будет Москва взята и в который год».

Книга опять-таки доходит до императора и тот предпринимает ставший уже традиционным ход: «Монаха Авеля абие (тотчас) заключить в Соловецкую тюрьму, и быть ему там дотоле, когда будут его пророчества сомою вещию».

Десять лет Авель проводит в заточении. Однако как только Москва оказалась взятой французами, император вспомнил об опальном монахе и его предсказании, повелев выпустить его на свободу. К письму была сделана приписка: ««Ежели он жив и здоров, то ехал бы к нам в Петербург, мы желаем его видеть и с ним нечто поговорить».

Однако такой встрече постарался воспрепятствовать настоятель Соловецкого монастыря архимандрит Илларион. Он боялся, что от Авеля императору станет известно о творимых в монастыре безобразия – воровстве, издевательствах над заключенными и т.д. И он послал ответ, в котором указывал, что «ныне отец Авель болен, и не может он к вам быть, разве что на будущий год весною»…

Ознакомившись с таким известием, Александр I приказал отпустить монаха на все четыре стороны и «дать ему паспорт во все российские города и монастыри; при том же, чтобы он всем был доволен, платьем и деньгами».

И вновь пошел монах по городам и весям. Был он и в Царь-Граде, и в Иерусалиме, и в Афонских горах. Но вернулся все-таки с чужбины на российскую землю, в стены Спасо-Ефимьевского монастыря, где и умер в возрасте 83 лет.

Однако на том история его пророчеств не заканчивается.

Таинственный ларец Как полагают некоторые историки, последние 15 лет, проведенные в стенах сначала Высотского, а потом Спасо-Ефимьевского монастырей, опять-таки смахивают на очередное заточение. За что ему могло быть такое наказание?

Тут не надо быть особым пророком, чтобы догадаться: наверное, монах написал очередную книгу. И в ней снова предсказал какие-то неприятности для царского двора.

Впрочем, есть и другая точка зрения: Авелю пришлось расплачиваться еще раз за уже ранее сделанные предсказания. Во всяком случае, в начале 30-х годов на Западе, в эмиграции было опубликовано историческое сказание «Вещий инок», принадлежавшее перу монархиста, участника Первой мировой войны П.Н. Шабельского-Борка, который принимал участие в попытке освобождения семьи царя Николая II из большевистского плена.

Попытка эта, как известно, не удалось. И, вероятно, в качестве оправдания Шабельский-Борк под псевдонимом Кирибеевич издал книгу, в которой проводил такую линию. Попытка освобождения, дескать, была обречена на провал, поскольку судьба Николая II и его семьи предначертана свыше. Во всяком случае, о кончине царского рода был осведомлен еще Павел I. А узнал он это печальное известие конечно же из беседы с монахом-пророком Авелем.

Содержание беседы было записано и запечатано в конверте, на котором Павел собственноручно изволил начертать: «Вскрыть Потомку Нашему в столетний день Моей кончины». Конверт был положен в ларец, опечатанный императорскою же печатью.

Ларец этот многие десятилетия простоял в особой зале Гатчинского дворца, пока 12 марта 1901 года императору Николаю II не выпал жребий его вскрыть. В то утро, говорят очевидцы, государь и государыня были весьма оживлены, к поездке в Гатчине они готовились, как к очередному развлечению. Однако вернулись они во дворец задумчивые и печальные и о том, что обнаружилось в ларце, никому рассказывать не стали.

Однако прочитанное, видимо, запало крепко в душу, поскольку литератор С.А. Нилус, например, описывает такой случай: «6 января 1903 г. у Зимнего дворца при салюте из орудий от Петропавловской крепости одно из орудий оказалось заряженным картечью, и часть ее ударила по беседке, где находилось духовенство и сам государь. Спокойствие, с которым государь отнесся к происшествию, было до того поразительно, что обратило на себя внимание окружавшей его свиты. Он, как говорится, и бровью не повел… «До 18-го года я ничего не боюсь», – заметил царь».

Однако было ли такое поведение лишь следствием прочитанного в гатчинском ларце? Как известно, вокруг царской четы вертелось немало и других пророков. Например, известно, что трагическую гибель царской семье пророчила также ясновидящая Марфа, а также отец Иоанн Кронштадский. А предсказания Григория Распутина?..

Стрелял ли Пушкин в Дантеса? *40 По материалам М. Сафонова.*

Любому здравомыслящему человеку, мало-мальски знакомому с историей гибели поэта, такой вопрос должен показаться нелепым. Однако в последние годы читатели могли встретить категорическое утверждение: «Пушкин не стрелял в Дантеса». В □ 21 за 2001 год газеты «Секретные материалы XX века» была опубликована статья Игоря Таланова «Что случилось на Черной речке?» Пытаясь ответить на этот сакраментальный вопрос, давно уже мучающий серьезных исследователей обстоятельств гибели Пушкина, автор ошарашил читателей неожиданным заявлением: «Дантес же, как известно, остался жив и здоров. Вывод: никакого ранения он не получал!» Правда, после выстрела Пушкина «французский проходимец» упал. Но упал он от страха. Это Пушкин выстрелил в воздух, Дантес же просто струсил потому, что «храбрецом этот пассивный гомосексуалист не был…»

Сразу же после того как военный суд по делу о дуэли был закончен и царь утвердил приговор, Дантеса немедленно в сопровождении фельдъегеря выслали из России. В дороге он получил письмо от своего «приемного отца» Геккерена. «Активный гомосексуалист» писал «пассивному»: «…дай бог, чтобы тебе не пришлось много пострадать во время такого ужасного путешествия, – тебе, больному с двумя открытыми ранами; позволили ли, или, вернее, дали ли тебе время в дороге, чтобы перевязать раны? Не думаю, и сильно беспокоюсь о том…»

Откуда же у Дантеса, после поединка, из которого кавалергард вышел без единой царапинки, появились две открытые раны? Неужели же еще до суда, во время которого убийца Пушкина содержался под арестом на гауптвахте, два гомосексуалиста до того «добаловались» в своих любовных забавах, что «активный», тоже храбростью не отличавшийся, оставил на теле «пассивного» два повреждения?

Дуэль Пушкина с Дантесом. 1837 г.

Ответ на вопрос дают два медицинских освидетельствования Дантеса, хранящиеся в Пушкинском Доме.

Дело в том, что старший врач полиции Петербурга по долгу службы был обязан доносить в Медицинский департамент МВД обо всех ранениях, имевших место в столице. Так, в конце января 1837 года медэксперт доложил начальству о «покусах супругов Биллинг кошкой, подозреваемой в бешенстве». Разумеется, об открытых ранах поручика Кавалергардского полка полицейский врач не мог не доложить начальству. Сохранилось дело под названием «По донесениям старшего врача полиции о происшествиях в Санкт-Петербурге за 1837 год Медицинского департамента министерства внутренних дел отделение 2, стол 1». Приведем этот небольшой документ полностью: «Полицией узнано, что вчера, в 5-м часу пополудни, за чертою города позади Комендантской дачи, происходила дуель между камер-юнкером Александром Пушкиным и порутчиком Кавалергардского ее величества полка бароном Геккереном, первый из них ранен пулею в нижнюю часть брюха, а последний в правую руку навылет и получил контузию в брюхо. – Г-н Пушкин при всех пособиях, оказываемых ему его превосходительством 1-м лейб-медиком Арендтом, находится в опасности жизни. – О чем вашему превосходительству имею честь донесть.

Старший врач полиции Юденич, Петр Никитич, стат. Советн.».

Впрочем, существует еще одно более обстоятельное медицинское описание ранения Дантеса. Оно сохранилось в военно-судном деле о дуэли Пушкина с Дантесом. Прежде чем привлечь кавалергарда к допросам,

члены Комиссии военного суда с помощью медика желали удостовериться, может ли подследственный давать показания. С этой целью на квартиру Дантеса был отправлен штаб-лекарь гвардии кавалерийского корпуса Стефанович. 5 февраля 1837 года он составил следующий акт: «Поручик барон Геккерен имеет пулевую проницательную рану на правой руке ниже локтевого сустава на четыре поперечных перста. Вход и выход пули в небольшом один от другого расстоянии. Обе раны находятся в сгибающих персты мышцах, окружающих лучевую кость, более к наружной стороне. Раны простые, чистые, без повреждений костей и больших кровеносных сосудов. Больной… руку носит на повязке и, кроме боли в раненом месте, жалуется также на боль в правой верхней части брюха, где вылетевшая пуля причинила контузию, каковая боль обнаруживается при глубоком вздыхании, хотя наружных знаков контузии незаметно. От ранения больной имеет обыкновенную небольшую лихорадку (ferbis vulneraria): вообще он кажется в хорошем и надежном к выздоровлению состоянии…»

К сожалению, Игоря Таланова нельзя назвать даже дилетантом, ведь дилетанты, как правило, знают то, что считается общеизвестным. Донесение Юденича опубликовано в книге Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», выдержавшей пять изданий (последнее «Дуэль Пушкина с Дантесом Геккереном: Подлинное военно-судное дело. 1837», где опубликован рапорт Стефановича, также не является библиографической редкостью. Опубликованное в 1900 году, оно было переиздано в годы перестройки).

Игорю Таланову достаточно было заглянуть в любую из этих публикаций… чтобы убедиться в абсурдности всех своих баллистических расчетов.

…Таланов прав в одном. Действительно, в истории дуэли Пушкина и Дантеса очень многое остается неясным. В самом деле, откуда мы знаем о том, что случилось на Черной речке?

На первом допросе комиссии военного суда 6 февраля 1837 года Дантесу был задан вопрос, где и когда происходила дуэль, и не может ли он в подтверждение своих слов сослаться на свидетелей или на какие-либо документы, разъясняющие дело. Дантес заявил, что «реляцию» о поединке его секундант д'Аршиак перед отъездом из Петербурга вручил камергеру Вяземскому.

Примечательно, что Дантес, не желавший вмешивать в процесс никого из посторонних, выдвинул на авансцену третье лицо, в поединке не участвовавшее. И для чего? Для того чтобы сообщить суду о подробностях дуэли, то есть передать то, о чем должен был бы рассказать сам как непосредственный участник. Более того, «реляция» (ставшая, по сути дела, первым документом о дуэли, которым располагал военный суд) была создана, надо думать, специально на этот случай для комиссии.

8 февраля Вяземский был призван в комиссию. На вопрос о происхождении «реляции» князь ответил, что никакого официального документа у него нет, но он располагает письмом д'Аршиака с описанием поединка. «Не знав предварительно ничего о дуэли, – показывал Вяземский, —…я при первой встрече моей с д'Аршиаком просил его рассказать о том, что было». В этих «чистосердечных показаниях» Вяземского нетрудно увидеть стремление князя обосновать как бы

случайное, бытовое происхождение частного письма.

На самом деле подробные сведения о поединке Вяземский получил, конечно, не от д'Аршиака, а от Данзаса вечером 27 января на Мойке, в квартире поэта, где князь после дуэли встретил секунданта Пушкина. «На сие г. д'Аршиак вызвался изложить в письме все случившееся, прося меня при этом, – продолжал Вяземский, – показать письмо г. Данзасу для взаимной проверки и засвидетельствования подробностей…» Однако письмо д'Аршиака Вяземский получил уже после отъезда французского атташе за границу, поэтому князь не мог прочитать его вместе с обоими свидетелями, чтобы получить ту «достоверность», которую он желал иметь. Вследствие того Вяземский отдал письмо д'Аршиака Данзасу, и тот возвратил князю этот документ вместе с письмом от себя.

Так Вяземский объяснил как бы случайное создание письменной версии дуэли – версии, достоверность которой почти официально была засвидетельствована обоими секундантами в специально подготовленных на такой случай документах.

Получилось, что как будто Вяземский не имел возможности обсудить все обстоятельства произошедшей дуэли в присутствии обоих секундантов, поэтому и понадобились письма от них. Однако встреча Вяземского с д'Аршиаком и Данзасом имела место. 31 января Тургенев записал в дневнике о том, что зашел вначале в дом Пушкина, а потом отправился к д'Аршиаку, где нашел Вяземского и Данзаса. Говорили они о Пушкине. Видимо, на той встрече у д'Аршиака и было договорено подготовить документы о дуэли в виде двух писем секундантов, которые и были предъявлены следствию Вяземским, как бы совершенно посторонним, а значит, вроде бы абсолютно объективным лицом. Немаловажно отметить, что в последующие дни Вяземский создаст и письменную версию не только самого поединка, но и всей дуэльной истории.

Таково происхождение официальной версии, ставшей ныне хрестоматийной.

Причем ее создали сразу после того как стало известно, что всех участников дуэли решено придать суду и впереди предстоит официальное расследование. Однако рассказывать о том, что в действительности произошло, секунданты стали уже вечером рокового 27 января. Их первоначальные рассказы были записаны современниками тогда же, в последних числах января. И они резко противоречат тому, что потом секунданты предъявили следствию. Пожалуй, самая примечательная черта этих рассказов состояла в том, что в них описывается поединок, который больше напоминает дуэль Печорина с Грушницким в лермонтовском «Герое нашего времени». Дуэлянты кидают жребий и стреляют друг в друга по очереди.

Одна из самых ранних записей о поединке принадлежит Тургеневу. Он находился на Мойке, в квартире умирающего поэта, и прямо оттуда пересылал свои письма-репортажи обо всем, что там происходило. В 9 часов утра 28 января Тургенев описал Нефедьевой обстоятельства, приведшие к поединку. «Вчера была назначена дуэль за Комендантской дачей на Черной речке… Пушкин встретил на улице Данзаса… повез его к себе на дачу и только там уже показал ему письмо к отцу Геккерена; Данзас не мог отказаться быть секундантом; он и д'Аршиак, который был

секундантом Геккерена, очистили снег, приготовили место, и в двадцати шагах Пушкин и Геккерен стрелялись». Свидетельство Тургенева вызывает некоторое недоумение. Очевидно, он толком не знал, где происходила дуэль. Дело в том, что Комендантская дача действительно находилась на Черной речке. Но вот дача, которую Пушкин с семьей снимал летом 1836 года, располагалась на Каменном острове. Где же все-таки происходил поединок, не совсем ясно. Возможно, Тургенев путает дачу, которую Пушкин снимал ранее на Черной речке с Комендантской дачей. Но важно указание на то, что на даче вместе с Данзасом сразу же оказался и д'Аршиак с Дантесом. Получается, что на место поединка они прибыли вместе. Пушкин тут ввел в курс дела Данзаса. Значит, никаких предварительных переговоров между секундантами и не было. Далее еще интереснее. «Сперва выстрелил Геккерен и попал Пушкину прямо в живот… он упал». Фраза двусмысленна. Значит ли она, что дуэлянты могли стрелять, когда им заблагорассудится (как потом утверждалось в официальной версии), либо же право первого выстрела досталось Дантесу?

В пользу второго предположения говорят последующие слова Тургенева: «Секундант подал ему пистолет…» Что значит «подал ему пистолет»? Выходит, что в тот момент, когда Дантес произвел свой выстрел, у Пушкина пистолета в руках не было. Это крайне любопытное наблюдение. Ведь в официальной версии говорилось о том, что пистолет Пушкина после падения забился снегом, и его пришлось заменить другим. Но Тургенев ни слова не пишет о замене пистолета. Вызывает некоторое подозрение также то обстоятельство, что, как утверждал впоследствии Данзас, и у Пушкина, и у Дантеса были совершенно одинаковые пистолеты, когда они прибыли на место поединка.

Далее Тургенев утверждает, что «Геккерен ранен в руку, которую держал у пояса: что спасло его от подобной раны, какая у Пушкина», то есть в нижнюю часть живота. Очень важное наблюдение. Как известно, Пушкин был ранен в пах. Оба медицинских освидетельствования Дантеса – и Юденича и Стефановича – подтверждают, что пуля, пробив руку и попав в пуговицу панталон, отрикошетила в брюхо. Значит, оба дуэлянта стреляли в одно и то же место – ниже пояса.

Любопытное свидетельство о дуэли содержится в письме Дурново своей матери Волконской, той самой, у которой квартировал Пушкин. «Пуля вошла ему в пах, – пишет Дурново, – и не вышла. Они дрались на 10 шагах. Они бросили жребий. Геккерен выстрелил первый; тот при всем том, что был ранен, имел еще силы произвести свой выстрел». Как видим, Дурново была прекрасно осведомлена о подробностях поединка. Она точно знала, что Пушкин ранен в пах, тогда как Лермонтов и Тютчев, например, как, впрочем, и большинство петербургского общества, были убеждены, что в грудь. Ее письмо датировано 30 января 1837 года и тоже является одним из ранних свидетельств о дуэли. Здесь мы находим подтверждение сведений, которые получаются в результате анализа письма Тургенева, написанного еще при жизни Пушкина: дуэлянты стрелялись по жребию, первым выстрелил Дантес.

Существует еще одно свидетельство о том, что дуэлянты стреляли по очереди, и оно, на первый взгляд, перекликается с утверждением Игоря Таланова, ибо здесь также присутствует выстрел в воздух. Это

свидетельство принадлежит Альфреду Фаллу, автору книги «Воспоминания роялиста», изданной в Париже в 1888 году. Фаллу посетил Петербург в 1836 году, и его гидами были Дантес и Трубецкой. Более того, сразу же после бегства д'Аршиака из России Фаллу встречался с ним в Париже. По словам Фаллу, секунданты с согласия Дантеса решили, что Пушкин будет стрелять первым. Пушкин прицелился в своего бофрера, опустил пистолет, снова поднял его с оскорбительной улыбкой. Выстрелил. Пуля просвистела около уха противника, не задев его. Дантес прибыл на место дуэли с твердым убеждением выстрелить в воздух после того, как выдержит выстрел Пушкина. Но эта холодная ненависть, проявлявшаяся до самого последнего часа, заставила его самого потерять хладнокровие, и «Пушкин пал мертвым на месте».

Медицинские освидетельствования Дантеса не оставляют никаких сомнений относительно пушкинской пули, «просвистевшей около уха». Утверждения же о том, что Пушкин пал замертво, развевают даже и тень доверия к свидетельству Фаллу. Перед нами еще одна неудачная попытка скрыть то, что было на самом деле.

Но почему следовало скрывать, что Дантес и Пушкин стрелялись по жребию и целились друг другу в пах? Дело в том, что если действительно дуэль происходила именно так, то она была особенно жестокой. Именно здесь запечатлелся накал страстей, которые двигали дуэлянтами. Однако это обстоятельство секунданты никоим образом не хотели открывать правительству и обществу.

Впрочем, весь ход событий, непосредственно предшествующих самому поединку, как будто свидетельствовал, что дело шло именно к такому финалу. В 9 часов утра 27 января Пушкин получил записку д'Аршиака с категорическим требованием прислать секунданта для переговоров. Пушкин ответил, что не желает никаких переговоров. Он заявил, что тронется из дома только для того, чтобы отправиться на место поединка. Очевидно, именно так все и произошло на самом деле.

Около 12 часов Данзас, видимо, приглашенный запиской Пушкина, появился в доме на Мойке. Пушкин тотчас послал его за пистолетами, а сам вымылся и переоделся во все чистое. В час пополудни поэт покинул дом, отправился в сторону Невского за извозчиком и более домой не возвращался.

Что же произошло потом? Мы толком не знаем. Достоверно только то, что Пушкин с Данзасом побывали во французском посольстве. То, что потом рассказывал об этом эпизоде Данзас на следствии, вызывает серьезнейшие сомнения. По словам Данзаса, Пушкин случайно встретил его на Цепном мосту и предложил ему быть свидетелем одного разговора. Данзас сел в сани. Пушкин повез его во французское посольство. Только здесь Пушкин ввел его в курс дела: объяснил причины неудовольствия и прочитал свое письмо к Геккерену. Затем поэт представил д'Аршиаку Данзаса как своего секунданта. Данзас не мог отказаться и согласился. Пушкин оставил секундантов выработать условия дуэли, а сам возвратился домой. Когда туда приехал и Данзас, Пушкин послал его за пистолетами. Затем они отправились на место поединка.

Нетрудно заметить, что весь рассказ выдуман для того, чтобы обелить Данзаса как невольного участника дуэли. Однако выдуман крайне

безыскусно. В самом деле, Пушкин читает письмо Геккерену и объявляет причины неудовольствия лишь для того, чтобы «посвятить» Данзаса. Мы не сомневаемся, что, придя к Пушкину на Мойку и будучи послан за пистолетами, Данзас был уже «посвящен». Тогда о чем могла идти речь во французском посольстве, куда Пушкин и «посвященный» Данзас прибыли уже с пистолетами? Не иначе о том, чтобы немедленно отправиться на место поединка и там решить, как и на каких условиях драться.

Четверть века спустя в своих воспоминаниях, записанных Амосовым, Данзас развил версию, которую огласил под присягой, дополнив ее новыми деталями. Из посольства Данзас привез Пушкину на Мойку письменный текст условий дуэли. Но из дома поэта они отправились не на место поединка, как Данзас утверждал на следствии. Оказывается, теперь Пушкин отправил его за санями и за пистолетами. И только потом, встретившись в кондитерской Вольфа и Беранже, дуэлянты поехали на Черную речку.

Сопоставляя различные варианты показаний Данзаса, мы можем четко проследить, как создавалась и совершенствовалась версия дуэли. Сначала рассказы в квартире Пушкина, потом показания на следствии, потом воспоминания, и версия стала канонической. Однако мы все же склонны отдать предпочтение самым ранним свидетельствам.

Смерть Лермонтова наступила почти мгновенно *41 По материалам Ю. Туйска.*

Несколько лет назад судьба свела журналиста Юрия Туйска с петербургским врачом Олегом Вадимовичем Конради. Оказалось, что один из его прямых предков, тоже врач, лечил Лермонтова, Белинского, Ермолова и других выдающихся людей прошлого! Его звали Федор Петрович Конради.

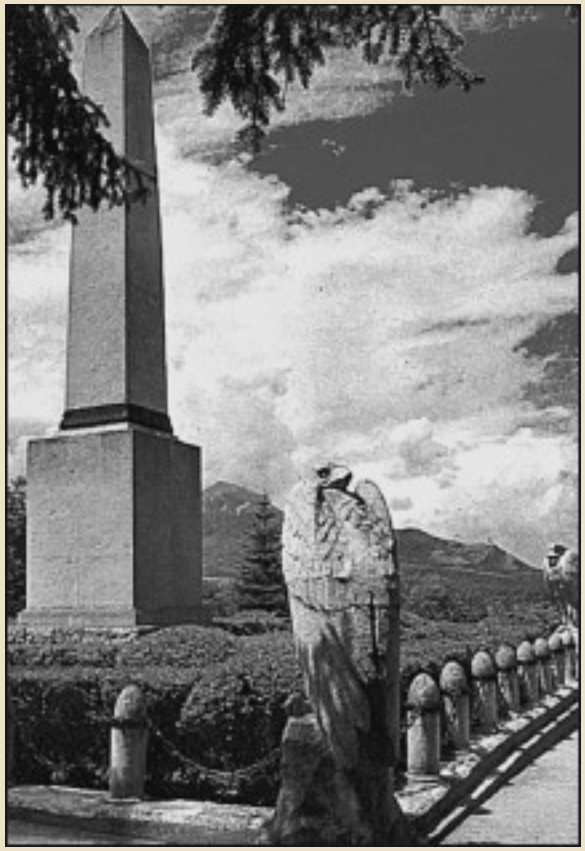
Ночь на среду 16 июля 1841 года выдалась в Пятигорске ненастной. Накануне вечером разразилась сильнейшая гроза, и всю ночь по крышам домов грохотал дождь. В просторном деревянном доме главврача Кавказских минеральных вод Федора Петровича Конради долго не гасили свечи, прислушиваясь к раскатам грома, а сам хозяин – 65-летний врач, сидя в своем любимом вольтеровском кресле, с удовольствием перечитывал роман Лермонтова «Герой нашего времени». Врач думал о том, каким талантом нужно было обладать, чтобы так правдиво описать и здешние горы, и новый курорт Пятигорск, и нравы «водяного общества». Приехав на Кавказ из Петербурга в 1822 году, Федор Петрович жил в Пятигорске почти безвыездно, отдавая все свои силы и знания благородному делу врачевания больных. Он хорошо изучил целебную силу местных вод и даже написал об этом научный труд.

Утром по пути на службу ему повстречался бледный и взволнованный ординатор военного госпиталя И. Е. Барклай-де-Толли (дальний родственник известного героя Отечественной войны 1812 года). На вопрос главврача, что произошло, Иван Егорович молча протянул Конради листок бумаги. Федор Петрович прочел: «Тенгинского пехотного полка поручик М.Ю. Лермонтов застрелен на поле близ горы Машука 15-го числа сего месяца». От себя врач рассказал о нелепой ссоре между Мартыновым и Лермонтовым в доме генерала Верзилина, трагически завершившейся всего несколько часов назад. На другой день врачи Конради и Барклай-де-Толли направились на квартиру поэта, чтобы

проститься с Лермонтовым. По дороге ординатор госпиталя поведал о медицинском освидетельствовании им тела поэта. По его мнению, смерть Лермонтова наступила почти мгновенно. Пуля крупнокалиберного пистолета прошла наискось навылет, пробив легкие. Пятигорск уже знал о случившемся. Около дома майора Чиляева (Лермонтов со своим родственником и другом капитаном Столыпиным снимал у хозяина четыре небольших комнаты) толпились люди. Конради без труда узнал многих своих пациентов – офицеров Тенгинского полка, в котором служил погибший. Поэт лежал в своей комнате на столе под образами в чистой белой рубахе. Его глаза и рот были слегка полураскрыты, и, если бы не явственно проступившая желтизна на лице, можно было подумать, что он спит. Вскоре все разошлись по своим делам. Федор Петрович направился было в больницу, но решил немного пройтись по Пятигорску, чтобы хоть как-то рассеять мрачные мысли.

Буквально за несколько дней до роковой дуэли Конради, совершая вечернюю прогулку по утопающему в цветах бульвару, видел поэта в гроте «Диана», где молодежь веселилась под звуки военного оркестра.

На другой день, 17 июля, состоялись похороны Лермонтова. По христианскому обряду хоронить погибшего не пришлось. Священник В. Эрастов категорически отказался сделать это, сославшись на статью уголовных законов, по которой «убитый на дуэли приравнивается к самоубийцам». Лишь после вмешательства высокого военного начальства священник Скорбященской церкви Пятигорска П. Александровский согласился провести ритуал.

Место дуэли М.Ю. Лермонтова в Пятигорске

Панихида началась уже в пятом часу вечера, когда богато украшенный гроб с телом поэта под погребальное пение «Святый Боже Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас» вынесли из дома. Федор Петрович был поражен обилием цветов, особенно роз, и той благоговейной тишиной, которая царила во время следования процессии к кладбищу. Слышались лишь звуки шагов в сухой траве да пение цикад. Образ убитого поэта стоял перед доктором, когда он шел в толпе за гробом. Конради не только привязался к молодому офицеру, но и успел полюбить его. Федор Петрович ценил Лермонтова не только за его литературный дар, но и за воспитанность и интеллигентность, свойственные гвардейским офицерам. Иначе бы Лермонтов на дуэли не погиб. Право первого выстрела было за ним, но он им не воспользовался, хотя стрелял без промаха в монету. Мартынов фактически убил Лермонтова, и весь город уже говорил об этом. Конради двигался вслед за гробом, и ему казалось, что душа поэта где-то совсем рядом.

Солнце уже опускалось за лиловый хребет Бештау, когда гроб опустили в землю. По русской традиции свою горсть земли бросил и пятигорский врач. Скромный могильный холмик утонул в цветах. В тот день Федору Петровичу не дано было знать, что скоро и он сам навсегда сойдет в сухую кавказскую землю, ставшую для него второй родиной. Могила Конради увы, затеряется, но имя его осталось в русской истории.

Русская отшельница из Вюрцбурга *42 По материалам В. Филюрина.*

В середине августа 1885 года в маленький глухой баварский городок Вюрцбург приехала скромно одетая, беспрерывно курящая и чрезвычайно полная дама. Сопровождал ее только слуга-индус. Можно было заметить, что любое движение доставляло ей мучительную боль. Дама страдала хронической болезнью почек, у нее сильно отекали ноги, колени поражены артритом, и каждый шаг был для нее пыткой.

Вскоре в город Эльберфельд пришла телеграмма на имя графини Констанс Вахтмейстер: «Приезжайте в Вюрцбург сразу же, вы нужны немедленно». Графиня отказалась от намечавшегося отдыха в Италии и срочно прибыла в Вюрцбург. Она поселилась вместе с вызвавшей ее подругой и оставалась с ней до самой ее смерти.

Никто не догадывался, что из квартиры, где поселились две немолодые женщины, во все концы земного шара протянулись тысячи незримых нитей. И что за стенами дома по Людвигштрассе, 6, идет напряженная работа – эта 55-летняя дама или, как ее называли, «старая леди», а еще – «вюрцбургская затворница», решила написать нечто доселе невиданное, а именно книгу – синтез науки, религии и философии с претенциозным названием «Тайная доктрина»…

В мае 1886 года обе женщины покинули городок. Через пять лет «вюрцбургская затворница» умерла. А по прошествии еще ста лет ЮНЕСКО

объявило 1991 год годом ее имени.

Звали ее Еленой Петровной Блаватской.

Елена Блаватская и Генри Одкотт. 1888 г.

В оценке жизни, судьбы и творческого наследия Блаватской присутствует весь спектр мнений от уничижительного до восторженного. Одни сравнивали ее с графом Калиостро, другие называли «сфинксом XIX века», третьи ставили в один ряд с Ковалевской и Складовской-Кюри. Вся жизнь этой крайне противоречивой и даже скандально известной в XIX веке фигуры и по сей день мало изучена и находится под густым слоем вымыслов и догадок. Но если на Западе ее имя известно очень широко, то на родине, в России, почти 75 лет и на имя, и на ее труды наложен был запрет. И даже сегодня, когда пишут о трагедии знаменитых Бамианских статуй в Афганистане, взорванных «непримиримыми», или о странных случаях, происходивших с «белыми сахибами» на Голубых горах Нильгирии у Малабарского побережья Индии, авторы стесняются указать источник, причем единственный, который описывал все это прежде.

Так кто же она – «сфинкс XIX века», англо-американская шпионка, «русская Мата Хари» или ключевая фигура той философии, которую тогда представляло Теософское движение, а сегодня – «Нью Эйдж» («Новый век»)?

Елена Петровна Блаватская родилась в ночь на 12 августа 1831 года в Екатеринославле. Ее генеалогия просто уникальна: среди предков были французы, немцы, русские. Достаточно сказать, что ее отец, артиллерийский офицер, принадлежал к роду наследных мекленбургских принцев фон Ган-Роттернштерн.

Сама же Елена была не по годам развитым ребенком и с детских лет обращала на себя внимание тем, что не признавала никаких авторитетов и не терпела дисциплину. Уже в раннем возрасте у нее проявились, как бы сейчас сказали, паранормальные способности, а тогда ее считали ребенком-медиумом. Например, она могла очень легко внушить своим товарищам по играм, что они тонут, и все дети бросались на песок, крича изо всех сил, уверенные, что они и вправду тонут в море.

Кстати, во время крещения маленькой Елены на священнике загорелась одежда, несколько человек получили ожоги. С этого дня в глазах всего города девочка была просто обречена на бурную жизнь, что в итоге и сбылось.

Незадолго до своей смерти ее мать сказала: «Я совершенно уверена, что доля ее будет не женской и в жизни ей суждено много страдать». Слова ее оказались пророческими.

7 июля 1848 года Елена фон Ган выходит замуж за генерала Блаватского, старше ее в три раза, вице-губернатора Ереванской губернии. С помощью этого брака молодая девушка решила побыстрее избавиться от родительской опеки. В октябре 1848 года она избавилась и от опеки генерала, совершив побег за границу. Она отсутствовала на родине десять лет. И лишь в 1859 году Блаватская возвращается к своей сестре и отцу в имение Ругодево в Псковской губернии, а летом 1860 года приезжает на Кавказ, где живет пять лет. Пережив за это время жесточайший духовный и физический кризис, она смогла полностью научиться управлять своими аномальными способностями.

Тогда-то с ней и произошел случай, который цензура прошлых лет изъяла из всех ее биографий, да и в наше время он старательно замалчивался. А дело в том, что Блаватская встретилась с митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским, бывшим экзархом Грузии, преосвященным Исидором. Зная, что Блаватская «обладает столь странной силой», он очень долго с ней общался, сказав ей на прощание следующее: «…Мало ли неизведанных сил в природе? Но узнавать их не воспрещено, как не воспрещено и пользоваться ими… Бог да благословит вас на все хорошее и доброе».

После 1865 года Блаватская уезжает из России, ненадолго приехав домой лишь в 1868 году. В третий раз ее видят здесь в мае 1872 года, а в марте 1873 года она отплывает на пароходе из Одессы в Париж. Больше Елена Петровна никогда родину не увидит.

8 мая 1891 года она скончалась в Лондоне. Ее тело кремировали в Уокингском крематории графства Суррей.

В общей сложности Елена Петровна путешествовала более двадцати лет. Легче сказать, где она не была, чем перечислить все ее маршруты. За это время она изучила всевозможные оккультные общества, прошла немало посвящений в самых закрытых орденах и школах. Египетские копты, мексиканские нагвали, североамериканские шаманы, бакинские гебры – все принимали ее как своего человека и передавали ей опыт бесчисленных поколений. Мексика, Южная Америка, Цейлон – с 1852 по 1854 год. Индия, Япония, Тибет – с 1865 по 1871-й…

Несколько раз она была на грани жизни и смерти, и ее готовились отпевать. 3 ноября 1867 года она получает ранение в сражении близ

Ментаны (Италия). Да, Елена Петровна сражалась добровольцем в армии Гарибальди против французских войск. В том историческом сражении она получила два перелома на левой руке от удара сабли, а в правом плече, как и в ноге, у нее застряли мушкетные пули, когда она выносила убитых и раненых с поля боя.

4 июля 1871 года Блаватская оказывается на корабле, который потерпел крушение вблизи острова Спеце в Эгейском море. Смертельно заболевает в Индии и Тибете… В общем, как однажды она выразилась, вся ее жизнь прошла «под цыганской палаткой».

Но было бы неверно утверждать, что она только и вела «бивуачную» жизнь, кочуя с места на место. Человек активный, вдумчивый, неравнодушный, она интересовалась многим, в том числе ее заботили и социальные проблемы. Когда Россия вступила в войну с Турцией, в конце 1876-го и в течение всего 1877 года, она пишет разгромные статьи в американские газеты, выступая против антиславянских выпадов. Пока шла война, Елена Петровна все время высылала деньги на нужды русских раненых, даже ее гонорары за литературные труды шли туда же – на Красный крест и на бараки кавказских раненых. «…Как же это я перестану любить Россию?..» – говорила она.

К сорока годам Блаватская овладела множеством духовных и оккультных сил и могла управлять ими. По свидетельству очевидцев, она обладала даром внушения и умела вызывать различные иллюзии – световые, звуковые, вкусовые; довольно свободно определяла, о чем думает собеседник; обладала сильно развитым ясновидением. Поэтому, после бесчисленных путешествий по миру, сойдя 7 июля 1873 года на американский континент, она решает объединить полученные ею знания в одну философскую концепцию.

В октябре 1874 года Блаватская знакомится с полковником Генри Стилом Олькоттом, человеком необыкновенных качеств, воевавшим в армии северян и участвовавшим в кампаниях под началом генерала Бернсайда. После убийства Линкольна его включают в комиссию из трех человек по расследованию этого преступления. По окончании войны, после изучения юриспруденции, он в 1868 году становится членом коллегии адвокатов в Нью-Йорке. Познакомилась Блаватская и с Уильямом Куаном Джаджем, молодым ирландским юристом, благодаря которому новое движение быстро завоевало Америку. А называться оно стало – теософия (Божественная мудрость).

7 сентября 1875 года Блаватская, Алькотт и Джадж вместе с еще несколькими людьми основали так называемое Теософское общество, задачей которого было распространение древних учений, причем основным направлением считалось исследование неизвестных законов природы и скрытых в человеке сил.

В сентябре 1877 года в Нью-Йорке была опубликована крупная работа Блаватской «Разоблаченная Исида». Это был успех: тираж в тысячу экземпляров разошелся за 10 дней. Нью-йоркская «Геральд трибюн» назвала труд «одной из интереснейших книг века». В «Исиде» рассматривались история, распространение и развитие различных наук, происхождение разного рода психических феноменов.

Теософские общества стали образовываться не только в Америке, но и в Европе. А в декабре 1878 года Блаватская и Олькотт отправились в Бомбей и там также основали Теософское общество. В этом сложном деле им помогал издатель газеты The Pioneer в Аллахабаде Альфред Перси Синнет. Его книги «Оккультный мир» (1881) и «Эзотерический буддизм» (1883) окажут впоследствии громадное влияние на интерес публики к теософии. В мае 1882 года в Южной Индии, в Адьяре, недалеко от Мадраса, было куплено поместье, куда и переехало Теософское общество.

20 февраля 1884 года Блаватская вынуждена отплыть в Европу: сначала в Ниццу, потом в Лондон, затем в Германию, где ее и настигает пресловутое «Дело Куломбов».

В мае 1884 года правление Теософского общества отказало супругам Куломбам, которые должны были поддерживать порядок в помещениях общества, за «недостойное поведение и злоупотребление денежными средствами». Тогда, по инициативе шотландского иезуита Патерсона, подкупленная им чета разыграла целый спектакль с подложными письмами и столярными сооружениями, при помощи которых якобы мадам Блаватская «обманывала доверчивых простаков…».

На основании этого Общество психических исследований в декабре 1885 года заклеймило в своем докладе Блаватскую как «одного из совершеннейших, гениальнейших и интереснейших мошенников в истории». Вдобавок Блаватская была объявлена русской шпионкой. Даже в далекой Австралии, в мельбурнской газете «Эйдж» от 12 сентября 1885 года в статье «Теософское общество: интриги русских или религиозная эволюция?» было сказано: «…политические интересы России лежат в основе «сложной системы вранья», разработанной госпожой Блаватской».

Целый век этот вердикт кочевал по книгам, энциклопедиям и средствам массовой информации. Интересно, что еще в 1980 году в Ленинграде на международной конференции преподавателей современных языков в высшей школе был поднят вопрос о письмах Блаватской «на предмет возможного подлога». Затем в 1986 году ОПИ выпустило пресс-коммюнике, предназначенное для ведущих газет и журналов Англии, Канады и США. Начинается оно со слов: «Согласно новейшим исследованиям, госпожа Блаватская, основательница теософского общества, была осуждена несправедливо».

В конце отчета криминалисты и эксперты, руководители исследовательских лабораторий написали, что они просят прощения за то, «что нам потребовалось сто лет для подтверждения правоты этих слов».

К сожалению, от России данная информация оказалась скрыта, кроме разве что узкого круга специалистов.

От всех треволнений в феврале 1885 года Блаватская тяжело заболевает, 31 марта ее увозят в Неаполь, и она навсегда покидает Индию. «Я не хочу жить ни в одном из крупных европейских центров… Вюрцбург мне нравится…» Блаватская хочет жить sub rosa, как она пишет Синнету, т.е. без огласки. А пока она желает привести себя в порядок и успокоиться. Как-никак, а ее имя известно в Европе и как основательницы Теософского общества, и как знаменитой путешественницы. Ее публицистикой зачитываются Петербург и Москва. «Русский вестник» Каткова даже увеличил тираж после того, как в нем стали печататься увлекательные

рассказы Радды-Бай (литературный псевдоним Блаватской) об Индии. В Индии же Блаватская первая переводит «Великого инквизитора» Достоевского. А многие известные ученые, филологи, лингвисты и историки почитали за честь получить рецензию на свои работы из рук «Старой леди».

Правда, была и другая «слава» – русской шпионки и авантюристки, обманщицы и шарлатанки. Вот поэтому-то Вюрцбург и нужен был Блаватской «как воздух» – здесь ее никто не знал, и она могла спокойно продолжить работу над «Тайной доктриной» – то дело, ради которого она, может быть, и выжила в последних передрягах. Этот уникальный труд вышел в 1888 году в Лондоне.

К сожалению, «Вюрцбургская затворница» и здесь не осталась без внимания. А благодарить за это надо Всеволода Соловьева, брата знаменитого философа Владимира Соловьева. Познакомились Блаватская и Соловьев в 1884 году в Париже, и когда он навестил Елену Петровну в Вюрцбурге, она с радостью его приняла. Почти полтора месяца она передавала ему накопленные ею знания, с августа по сентябрь 1885 года, а уже через год в письме к Синнету от 3 марта 1886 года она назовет Соловьева «Яго теософии».

Что же произошло? А дело в том, что Соловьев буквально изнывал от нетерпения выпытать оккультные тайны и изводил Блаватскую просьбами. Решив, что «Старая леди» просто не хочет научить его, затаил на нее обиду. По возвращении в Россию он сделал все, чтобы опорочить имя Блаватской. В статье Виктора Буренина в петербургском «Новом времени» 30 декабря 1892 года, появившейся сразу после злобного пасквиля в «Русском вестнике», известный публицист пишет, что Соловьев «валит… бездну всяких обвинений, чернит ее всеми способами».

Против Соловьева выступили многие деятели культуры. Это приходилось делать и спустя многие годы после смерти Блаватской. Так, например, Петр Успенский в своей книге «Четвертое измерение» аж в 1918 году вступился за «Старую леди»: «Книжка В. Соловьева «Современная жрица Исиды» полна мелкой… злобы… подсматриваний, подглядываний, выспрашиваний…»

Осенью 1885 года Соловьев приехал в Петербург и на правах друга Блаватской вошел в семью ее сестры. Дело было сделано и тут: он поссорил сестер. Затем его видят в Париже, где он пытался подорвать доверие к Блаватской среди тамошних ученых.

А город Вюрцбург, мало чем примечательный, в истории человечества останется, с одной стороны, как место, где зародилось одно из самых уникальных философских произведений, не имеющее аналогов в мире и оказавшее заметное влияние на Густава Малера, Яна Сибелиуса, Александра Скрябина. Оно изменило мировоззрение Альберта Эйнштейна и Герберта Уэллса, который был просто поражен феноменом Блаватской. Под влияние – философии «Тайной доктрины» попали Андрей Белый и Петр Успенский, Леонид Андреев и Николай Рерих… Да и вообще неизвестно, как сложилась бы история современной науки, не появись в конце XIX века эта уникальная книга.

Но с другой стороны, Вюрцбург всегда будет напоминать, что рядом с гениальными личностями в мире процветает зависть и злоба, а рядом с

высокой духовностью зарождаются и «духовные Франкенштейны».

На всех своих трудах Елена Петровна Блаватская всегда ставила древний девиз: «Нет религии выше истины». Вся ее жизнь и была чистой и бескомпромиссной борьбой за Истину.

Мистика в жизни и творчестве Ильи Репина *43 По материалам А. Дьяченко.*

О великом русском художнике Илье Ефимовиче Репине, казалось бы, все уже сказано. 2004 год был отмечен его 160-летним юбилеем, а в 2005-м исполнилось 75 лет со дня смерти художника. Но до сих пор неожиданно открываются новые факты, появляются новые трактовки картин…

Народник или монархист? Илья Ефимович Репин – сын бедного военного поселенца Ефима Репина – родился в городе Чугуеве в 1844 году. Детство было очень трудным, но все несчастья скрашивала тяга к рисованию. Илья прошел хорошую школу в мастерской местного иконописца, после чего, побуждаемый тягой к живописи, приехал в Петербург. Во время обучения в Академии художеств он проявлял интерес к самым разным темам в изобразительном искусстве. Илья Ефимович не считался последовательным демократом и передвижником, так как активно разрабатывал религиозные темы и писал портреты царей и членов правительства. Эмиграция Репина в Финляндию в 1918 году вовсе не случайна, так как Октябрьскую революцию он не принял и остался верен главному делу своей жизни – творчеству.

И.Е. Репин. Иван Грозный и сын его Иван. 16 ноября 1581 года

В XX веке из Репина пытались сделать народника и чуть ли не революционера. О художнике вообще рассказывали множество всяких небылиц. Например, что картина «Отказ от исповеди перед казнью» написана под влиянием романа Э. – Л. Войнич «Овод». Но никаких данных о том, что Репин читал «Овода», не существует. Или взять утверждение о том, что картина «Садко в подводном царстве» – следствие давнего замысла художника отразить на холсте знаменитую былину. А на самом деле, будучи в Париже, Репин зашел в один роскошный продовольственный магазин, увидел там гигантский аквариум, и ему просто захотелось «поэкспериментировать» с подводным миром.

Новый взгляд на Репина У Репина был очень сложный характер. Это объясняется многочисленными невзгодами, которые художник пережил в ранней юности. Он не всегда мог договориться с покупателями о цене картины, отказывался он и пояснять что-либо по поводу уже созданных им произведений.

После кончины Репина осенью 1930 года дети художника не очень уважительно отнеслись к наследию своего отца. Вера Репина продавала рисунки отца финским коллекционерам за более чем скромную плату, многое бесследно исчезло. В 1964 году в СССР приезжал чешский художник Вацлав Фиала, который объявил, что платье царевны Софьи, созданное по заказу Репина для одноименной картины, находится в Праге, в семье Фиалы. Оказалось, что в 1924 году посол Чехословакии в Финляндии купил у Репина это платье и ряд картин. Картины художника по сей день не перестают быть предметом жарких споров.

Особенно много разных точек зрения было высказано по поводу картины «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Недавние политические события на Украине сопровождались переоценкой некоторых явлений в русской культуре, в том числе и творчества Репина. Была высказана мысль о том, что Репин создал карикатуру на запорожцев, представленных на полотне чуть ли не как шайка разбойников. А в действительности, мол, они были благородными рыцарями в духе свиты легендарного короля Артура.

Но если так, почему же картина была так популярна во время войны с фашистами, волнуя сердца как русских, так и украинцев? Не следует забывать и о том, что в вопросах истории художник был очень скрупулезен. Работая над образами казаков, Репин пытливо выспрашивал обо всех деталях известного историка Яворницкого, и достоверность костюмов и «реквизита» несомненна.

Образ Ивана Грозного Картина «Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 года» считается одной из самых таинственных картин великого Ильи Репина. Ученые до сих пор пытаются определить, почему репинский холст производит на зрителя такое странное впечатление, в чем коренится тайна этого произведения.

Художник обращался к образу Ивана Грозного еще в 1866 году, когда создал рисунок «Митрополит Филипп, изгоняемый Иоанном Грозным из церкви 8 ноября 1568 года». Рисунок мог стать эскизом к будущей картине, но так и не стал. Лишь через семнадцать лет Репин вновь

обратился к эпохе Ивана Грозного.

На самой ранней стадии писания картины с художником стало твориться что-то неладное. Очевидно, трагизм изображаемого момента сильно повлиял на живописца. Репин убирал холст с глаз долой, ибо образ, написанный им самим, вызывал у него страх. Состояние трагической сцены передавалось самому художнику. Вот что писал тогда Репин: «Я работал завороженный. Мне минутами становилось страшно… Но что-то звало меня к этой картине, и я опять работал над ней».

Эпизод, когда Иван Грозный в порыве бешенства убил жезлом своего сына царевича Ивана, получил множество интерпретаций. Историки много писали о неизлечимой психической болезни Грозного, о многочисленных странностях царя. Это значительно осложняло работу над картиной.

Илья Ефимович тщательно готовился к написанию полотна. Ему пришлось посетить Оружейную палату, делать наброски предметов быта времен Ивана Грозного. Он создал и эскизы костюмов обоих персонажей, а когда специально для работы над полотном по особому заказу были сшиты сапоги царевича, Репин расписал их масляными красками. Но покрытые узорочьем сапоги не должны были отвлекать внимание зрителя от залитого кровью лица царевича и от страшных глаз убийцы.

Роковая судьба натурщиков Репину в разное время позировало несколько натурщиков. Не установлено имя старика, который позировал Репину для Грозного. Известно лишь, что его нашел художник П.П. Чистяков. До нас дошли этюды головы царевича, в которых узнаются художник В.К. Менк и знаменитый прозаик Всеволод Гаршин.

Вскоре после позирования писатель бросился в пролет лестницы. Картина «Иван Грозный» стала предсмертным портретом Гаршина. В 1885 году, когда картина была готова, встал вопрос о ее приобретении для Третьяковской галереи. Но чиновники были смущены темой царя-убийцы: при произнесении это слово роковым образом складывалось в «цареубийца». Критики проводили параллель с портретом Д. Каракозова; получалось, что художник от портрета человека, покушавшегося на царя, перешел к изображению самого царя в качестве убийцы.

Обер-полицмейстер Москвы прислал Третьякову секретное предписание не выставлять картину. Там было сказано: «Принимая во внимание, что вышеупомянутая картина приобретена Вами для картинной галереи Вашей, открытой посещению и осмотру публики, имею честь покорнейше просить Вас не выставлять картины в помещениях, доступных публике».

После того по Москве поползли слухи о том, что картина сожжена, изрезана… Посыпались вопросы о том, существует ли она вообще… Кто мог знать тогда, что в этих слухах содержалось трагическое пророчество, которому суждено было сбыться?

Трагическое покушение После появления репинского холста в залах музея его трагическая биография продолжилась. В музей стали приходить члены террористических организаций, чтобы, стоя возле картины, произнести слова клятвы. Они клялись бороться с «ненавистной им монархией» до последней капли крови. Это настораживало полицию. Высказывалось мнение, что красная кровь на

картине травмирует посетителей. Говорили, что от картины исходит некая особенная сила, энергия…

Настоящая трагедия разыгралась 16 января 1913 года. Старообрядец Абрам Балашов, иконописец по профессии, придя в Третьяковскую галерею, изрезал картину ножом. Покушение образно описал в своих мемуарах хранитель Третьяковки Николай Мудрогель: незадолго до закрытия музея он видел, как молодой человек быстрым шагом прошел по лестнице вверх, а затем раздался резкий звук. Хранители бросились наверх и увидели, что все бегут в репинский зал. А вот описание пострадавшего полотна: «На картине зияли три страшных пореза… Края порезов резко белели».

Преступник был задержан. При допросе он постоянно повторял одну и ту же фразу: «Довольно крови!» Балашов был признан душевнобольным и в течение двух месяцев лечился в психиатрической лечебнице, а затем был отпущен на поруки под ответственность отца.

Нападки на художника Недоброжелатели Репина использовали поступок Балашова для новых нападок на картину: мол, вид крови возбуждает людей, вызывает у них нездоровую реакцию. Нельзя ли было вообще обойтись без крови, заставить зрителя пережить сам момент покушения или, еще лучше, драматический момент за секунду до покушения. Оппоненты Репина говорили, что живописец сознательно лишил зрителей возможности сопереживания действию: ведь царевич уже убит.

За этим мрачным событием последовала еще одна трагедия. Главный хранитель музея художник Хруслов не выдержал эмоционального потрясения и слег в постель, а через несколько дней покончил с собой, бросившись под поезд. По России поползли слухи, что с картиной связано нечто роковое. А в словах Балашова «Не надо больше крови!» позже нашли пророческий смысл: через полтора года началась война…

Грядущего прозрев черты...

44 По материалам В. Потапова.

Хотя имя и книги Веры Крыжановской десятки лет были в забвении, сегодня о ней говорят как о первом писателе-фантасте России, и вновь выходят тиражи ее оригинальных произведений.

Почти 120 лет назад знакомые некой русской дамы, не проявлявшей до этого особых литературных талантов, неожиданно увидели ее фамилию на обложках модных исторических романов. Они появлялись один за другим – о Средневековье, императорском Риме и Древнем Египте. Романы понравились и издателям, и читающей публике. В них было все, что требовалось для успеха: занимательные повороты сюжетов, бойкий язык, мистические тайны, чудеса. Но главное – убедительное знание реалий жизни тех далеких времен, до того доступное лишь историкам и археологам.Кто же эта таинственная дама?

Преодолевая болезнь Происходила Вера Ивановна из старинного дворянского рода Тамбовской губернии, однако родилась в Варшаве 14 июля 1861 года, где отец ее – генерал-майор артиллерии Иван Антонович Крыжановский – командовал артиллерийской бригадой. Хорошее образование будущая воспитательница получила еще дома. Книги в семье Крыжановских были в почете. А еще с раннего детства Вера Ивановна увлекалась древней историей и оккультизмом. Она была

очень болезненной девочкой и, по ее собственному признанию, искренне верила, что таинственные космические силы уберегут ее от зла и болезней.

В 1871 году умер ее отец, и семья оказалась в сложном материальном положении. С большим трудом удалось пристроить Веру в Петербургское воспитательное общество благородных девиц. Уже в следующем году будущая писательница поступила в Санкт-Петербургское училище св. Екатерины (Екатерининский институт), но слабое здоровье и финансовые проблемы помешали ей закончить полный курс – в 1877 году она была отчислена и закончила обучение дома.

Счастье привалило?.. Все считали, что Вере повезло: экзальтированная бесприданница вышла замуж за богача и красавца С.В. Семенова, камергера при собственной его императорского величества канцелярии и известного в свое время спирита, председателя санкт-петербургского «Кружка для исследования в области психизма». Муж был значительно старше ее, много работал и пользовался успехом у женщин, так что вечера 18-летняя супруга частенько проводила в одиночестве, пытаясь самостоятельно постичь истины оккультной премудрости и молясь, чтобы небеса ей послали Учителя.

Некоторые биографы полагают, что значительную роль в творческой ориентации писательницы сыграл ее муж. Однако это сомнительно. Молодая женщина к моменту знакомства с Семеновым была уже весьма авторитетным медиумом, ее спиритические сеансы посещал сам Николай II.

Что же касается творческих ориентиров, то, несомненно, на Крыжановскую-писательницу оказали значительное влияние оккультные доктрины Е.П. Блаватской, Папюса и Аллана Кардека (идеи этих выдающихся эзотериков она и пропагандировала в своих романах).

С 18 лет Вера Ивановна стала пробовать свои силы в литературе. В 1880 году она уезжает во Францию, где небезуспешно выступает на сеансах в качестве медиума и… пишет, пишет, пишет. Многие современники отмечали удивительное несоответствие – слабое здоровье и титаническую работоспособность. Следует отметить, что Крыжановская, в совершенстве владея французским, все свои произведения писала исключительно на этом языке, и только потом они переводились нарусский.

За время пребывания в Париже Крыжановская создала целую серию историко-оккультных романов: «Фараон Мернефта» (1888), «Месть еврея» (1890), «Сим победиши» (1893), «Царица Хатасу» (1894) и др.

Исторические произведения писательницы привлекли к себе внимание читающей публики. И не только увлекательными сюжетами, захватывающими интригами. Критик В.П. Буренин, высоко оценив роман «Царица Хатасу», отмечал, что «мадам Крыжановская» знает быт древних египтян, «может быть, даже лучше, чем прославленный исторический романист Эберс».

Титульный лист одного из романов В.И. Крыжановской-Рочестер. 1930 г.

Оценка критика действительно не противоречит истине. Писательнице удивительно точно удавалось передавать сам дух исторической эпохи, отображенный в романах. За роман «Железный канцлер Древнего Египта» (1899) Французская академия наук удостоила Веру Ивановну титула «Офицер Французской академии» и наградила орденом «Пальма академии», а в 1907 году Российская академия не менее высоко оценила роман «Светочи Чехии» (1903).

Впрочем, в большинстве случаев российская критика предпочитала игнорировать творчество писательницы. По-своему обратил внимание на нее А.М. Горький. В своей известной работе «Ванькина литература» (1899) он в пух и прах разнес прозу Крыжановской, отмечая, что писательница ориентируется на малокультурного обывателя, предпочитающего бульварные развлекалочки высокой литературе.

Параллельно с историческим циклом Крыжановская начала серию романов с чисто фантастическими сюжетами – «оккультно-космологический цикл» (определение самой Крыжановской).

Тайна Рочестера Уже на титульных листах ранних книг Веры Ивановны часто значился таинственный автор «Рочестер», очень часто через дефис идущий после настоящей фамилии

автора. «К этому периоду жизни (1890-е годы) относится событие огромной для нее важности, – вспоминает один из биографов писательницы Блажей Влодарж, – а именно: первая встреча с ее Учителем и невидимым покровителем Рочестером. Он полностью материализовался, воспользовавшись медиумическими способностями самой Веры Ивановны, и предложил ей всецело отдать свои силы на служение добру. Предложил писать под его руководством… Фактически Рочестер – не псевдоним Крыжановской, а соавтор ее романов. Как говорила она сама: «Так зовут астральную сущность, которая диктует мне эти произведения. В состоянии сверхчувственного контакта он рассказывает мне о своих жизнях. Именно я настояла, чтобы его имя было также указано… Он прожил необыкновенные жизни и может рассказать очень многое».

И сегодня астральный мир остается для нас неведом и недоступен научному изучению. Всегда легче не верить в то, чего не можешь понять. Однако вот доподлинно известный факт: после вступления в контакт с Учителем Вера Ивановна излечилась от тяжелой (и в то время не поддающейся лечению) болезни – хронического туберкулеза. Без врачебного вмешательства! Мистика? Может быть.

Вообще вся жизнь Веры Ивановны окутана каким-то мистическим ореолом. В ней самой было что-то неестественное. Ну вот, например, свидетельство того, как она писала свои оккультные романы: «Часто во время разговора она вдруг замолкала, слегка бледнела и, проводя рукой по лицу, начинала повторять одну и ту же фразу: «Скорее карандаш и бумагу!» Обычно в это время Вера Ивановна сидела в кресле за маленьким столом, на котором почти всегда были положены карандаш и кипа бумаги. Голова ее слегка откидывалась назад, полузакрытые глаза были направлены на одну определенную точку. И вдруг начинает писать, не глядя на бумагу. Это было настоящее автоматическое письмо… Состояние транса продолжалось 20—30 минут, после чего Вера Ивановна обычно впадала в обморочное состояние… Каждый раз письменные передачи заканчивались одной и той же подписью «РОЧЕСТЕР»», – живописал литератор В.В. Скрябин.

И все-таки Крыжановскую отчего-то все время хотели разоблачить. Два петербургских академика учинили ей форменный допрос. И что же? Писательница путалась в обычных вещах, не могла объяснить многого, о чем легко сообщала в романах. Мучительству положили конец ее новые записи: это было подробное описание ночной мистерии, проведенной великим иерофантом в святилище Амона-Ра в Абидосе. Оно должно было войти в очередной роман о египетской жизни.

Запись показали известному египтологу И.Г. Франк-Каменецкому. Изучив текст, ученый легко опознал элементы обряда, известного по папирусам, хранящимся в Британском музее. Однако полученный от Рочестера текст был более полным и связным, сказал ученый и добавил, что «сообщение с того света» выглядит очень достоверным, ибо придумать такие детали обрядов наш современник просто не в состоянии. Мнение непререкаемого авторитета прекратило на время нападки на писательницу.

Пророчества грядущего сбылись Ее предсказания, сделанные в конце XIX века, отличались необычайной точностью. Она предрекла императору Николаю II Ходынку и гибель от руки палача,

увидела «красную чуму» в наступающем XX веке, писала, что будет стремительно меняться температура планеты и в третьем тысячелетии воды затопят землю. Говорила, что исчезнут многие физические болезни, но не будет спасения от сонма психических эпидемий…

О чем же писали в творческом союзе женщина и дух?

Основная тема романов В.И. Крыжановской-Рочестер – вселенская борьба божественных и сатанинских сил, взаимозависимость скрытых сил в человеке и космосе, тайны первородной материи… Тайны реинкарнации сознания и душ раскрыты писательницей уже в исторической серии («Царица Хатасу», например). Спиритуалистическая и научно-фантастическая линии закрепились в ранних романах.

Конечно, с высоты сегодняшнего дня многое в книгах Крыжановской выглядит наивным. Но вместе с тем пенталогия насыщена массой любопытных тем и идей. В романах едва ли не впервые в мировой фантастике описан метод телепортации – как способ путешествия в космосе. Рисуя историю гибели человечества в романе «Смерть планеты», писательница предугадала многие черты будущего (нашего настоящего), верно предсказала – и детально описала! – исторические моменты в жизни России: революция, разрушение храмов, диктатура, проблемы современной жизни! «Да не подумают читатели, – говорит сочинительница, – что автор писал под влиянием какого-то адского кошмара. Пусть взглянут они испытывающим трезвым взором вокруг, и тогда ясно увидят зародыши всех ужасов, которые пышно расцветут в будущем».

Не приняв революцию, Вера Ивановна эмигрировала в Эстонию. Но здесь она уже почти не писала – средств на издание книг не хватало. Она зарабатывала на жизнь, работая на лесопильном заводе, вечерами подрабатывала, гадая на картах.

Скончалась писательница в полной нищете 29 декабря 1924 года в Таллинне и похоронена на здешнем Александро-Невском кладбище. Только двое присутствовали при последних ее минутах: дочь Тамара и верный друг их дома.

Русская бедуинка Изабелла Эберхарт

Все началось в Петербурге в 1870-х годах! Известный генерал, давно живший в северной столице, Карлович фон Мердер, пригласил нового воспитателя для своих детей. Звали его Александром Трофимовским. Это был энциклопедически образованный молодой человек, владевший тремя иностранными языками, не чуждый социалистических идей, в прошлом – священник. Дети в нем души не чаяли. Жена генерала Наталья увлеклась «Сашенькой». Увлечение переросло в роман. И молодая генеральша тайком покидает дом стареющего вояки. В Швейцарию! С детьми!

Вскоре генерал умер. Натали оформляет с Трофимовским законный брак. У нее рождаются еще двое детей. Младшую девочку назвали Изабеллой.

Детство ее прошло в Женеве, в поместье «Вилла нова», утопающем в экзотической зелени. По сути, то была огромная жилая оранжерея… Может, именно здесь девочка прониклась духом дальних странствий? Но не только аромат цветков тропических лиан впитала юная Изабелла. От отца она унаследовала теорию равенства полов и свободных нравов, еще в детстве отличаясь гордым и независимым характером. Лет двадцати от

роду девушка отправляется с семьей в Алжир, бывший тогда французской колонией, и надолго оседает в одном из приморских городов. После смерти родителей она принимает девичью фамилию матери – Эберхарт. Сестры и братья разъезжаются кто куда. Изабелла остается одна. И тут полностью раскрывается ее независимый характер. Изабелла осваивает арабский язык, обучается езде на лошадях, да не на простых, а на быстрых арабских скакунах. Она не появляется в богатых европейских салонах (в колониальном Алжире у власти фактически стояли несколько знатных белых семей). Изабелла принимает ислам и, сказав «адье» соседям и знакомым, удаляется в Богом забытый оазис Эль-Уэд.

Изабелла Эберхарт

Да, социалистические идеи явно повлияли на мировоззрение девушки. Но в соединении с мусульманской религией они дали какие-то небывалые, особые плоды. Жизнь гордых и независимых бедуинов кажется ей прообразом идеальной жизни, и Изабелла становится кочевницей. Сахарской амазонкой с миловидным русским лицом и белой кожей.

Из дневника Изабеллы Эберхарт: «Теперь я одна на земле ислама, в пустыне, вдали от цивилизации, от ее лицемерных комедий, я свободна, и мне хорошо».

…Дюны, желтые дюны до горизонта. Только изредка над песком и щебнем встают пыльные зеленые холмики. Это кроны пальм, и не поймешь сразу – мираж там или настоящий оазис.

Изабелле нравится жить рядом с пальмами, в этих прохладных островках среди огнедышащей Сахары. Она всерьез увлекается литературным трудом и старательно описывает красоты местной природы и особенности жизни кочевников-бедуинов. Она одевается попеременно то в жизнерадостные белые накидки, то в суровые черные покрывала, становясь поочередно то просто европейской женщиной, бежавшей от земной суеты, то бедуином Махмудом, наравне с мужчинами кочующим под открытым небом с горстью фиников – единственной пищей на несколько дней пути.

Из дневника Изабеллы Эберхарт: «Эта трудная жизнь в пустыне формирует во мне человека действия, спартанский образ жизни помогает мне выжить».

И происходит невероятное. Закрытое сахарское сообщество, святая святых ислама, открывает двери европейской женщине! Ее часто видят верхом на арабском скакуне и за кальяном в мавританских кофейнях. Мусульманские проповедники единогласно избирают ее в полузакрытое братство Кадырийя. Тайные секты, атмосфера мистики, посвящение в секретные доктрины ислама, курящиеся благовония, зыбкая грань между реальностью и миражом…

Тайны уединенной жизни обитателей Сахары не раскрыты до сих пор. Туареги, берберы и иные обитатели пустыни весьма неохотно пускают к себе посторонних, и поныне замкнутая общность пастухов-номадов Сахары остается одной из самых закрытых на Земле. (То, что показывают туристам в Тунисе – псевдопещеры мнимых троглодитов, – жалкое подобие жилищ настоящих пещерных жителей, обитавших в великой пустыне еще во времена Геродота.)

Из дневника Изабеллы Эберхарт: «Мокрые спины танцоров, узкое помещение в чаду кифа – наркотического растения, широко открытые глаза людей, введенных в состояние транса, эротические движения тел, глухая дробь барабанов перемежаются со звоном серебряныхукрашений…»

Такая жизнь просто не могла не изобиловать опасностями. В 1901 году фанатик из числа сектантов-соперников нападает на девушку и наносит ей саблей тяжелые ранения. Поправившись, она… защищает в суде обидчика и настраивает судей против себя. В результате сектант отправляется на каторгу, а Изабеллу выдворяют из Африки.

Она оказывается в Марселе, этом перекрестке средиземноморского мира, и неудивительно, что именно там встречает своего старого друга – Слимана, с которым познакомилась в странствиях по Сахаре. Она выходит за него замуж. И снова в Алжир, теперь уже на законных основаниях вместе с мужем. Амазонка становится семейной дамой. И – журналисткой! В местных газетах появляются ее репортажи и очерки из сахарской «глубинки». К сожалению, они не дошли до наших дней. Но зато

сохранились другие произведения нашей соотечественницы – ее повести, новеллы и даже романы, где герои оказываются на перепутье двух миров – Востока и Запада. Ее герои немного наивные, как и она сама, они честные и справедливые, и они не жильцы в мире, где правят совсем другие законы…

Ее новеллы несут ощущение какого-то душевного надлома, почти все они кончаются трагически. Может, Изабелла чувствовала свой близкий конец?

Смерть русской бедуинки была нелепа и… невероятна, как и вся ее жизнь. В 1904 году невиданной силы ливни обрушились на оазис Айн-Сайфа, где в то время жила Изабелла. Мощные потоки мутной воды, сметая все на своем пути, в мгновение ока уничтожили глиняные хижины, превратив в грязное месиво когда-то процветающий оазис. В живых не осталось никого. Изабелле было тогда двадцать семь лет.

«Загадкой святой Руси», перекинувшей мостик к мусульманскому братству», называли эту девушку в Северной Африке. В последние годы в странах Магриба возродился интерес к жизни и творчеству Изабеллы Эберхарт. Вышла (даже в Мексике!) ее биография, несколько томиков произведений нашей соотечественницы, писавшей на французском, быстро разошлись с прилавков книжных магазинов. У нас же она по-прежнему никому не известна…

Золото генерала Самсонова

Русская армия вступила в Восточную Пруссию 4 августа 1914 года. Вступила, не подготовившись как следует. Союзники-французы умоляли: спасите Париж! Русское командование, верное своим союзническим обязательствам, приняло решение ударить прямо по Кенигсбергу. Но на пути лежали огромные Мазурские болота. Первая русская армия под командованием Ренненкампфа должна была обойти их с севера, а с юга двигалась Вторая армия под командованием генерал-лейтенанта Александра Васильевича Самсонова.

Германских войск в Восточной Пруссии было в полтора раза больше, чем в наступавших русских армиях. Однако первые же бои принесли немцам поражение. Победа русских под Гумбиненом повергла в панику кайзера и заставила приостановить наступление на Париж. Но союзники буквально давили на русскую Ставку: «Продолжайте наступление, гоните немцев!»

Оторвавшись от тылов, оставшись без обозов с продовольствием и боеприпасами, армия Самсонова все больше углублялась в заболоченные леса. Железная дорога проходила неподалеку, но узкая немецкая колея не могла принять российские вагоны со снарядами и пополнением. Эшелоны так и стояли на границе, прочно заблокировав все пути на станции Млава.

Без боеприпасов и пополнения, без продовольствия, окруженные со всех сторон, войска генерала Самсонова продолжали сражаться. Были предприняты отчаянные попытки прорваться к своим, но немногим это удалось. Из восьмидесятитысячной армии сквозь вражеское окружение к своим пробились лишь двадцать тысяч солдат и офицеров, в плен попали тридцать тысяч, двадцать тысяч раненых остались в лесах и болотах Восточной Пруссии, остальные погибли или пропали без вести.

В группе, с которой пробивался к своим командующий армией, находились генерал Лебедев, полковник Вялов, несколько офицеров и солдат. 29 августа 1914 года они оказались в болотистой местности неподалеку от городка Вельбарк. Все шли пешком. В группе была лишь одна повозка – в ней, укрытый брезентом, находился тяжелый металлический ящик-казна Второй армии, составлявшая почти триста тысяч рублей золотом, а также ордена из золота и серебра. Из окружения вышли 31 августа в районе Остроленки. Но среди спасшихся командующего армией не оказалось.

По-разному описывают очевидцы его судьбу. Один из офицеров в своих воспоминаниях утверждал, что генерал погиб от разрыва снаряда, другой – что, мучимый приступом астмы, тот ночью отошел от своих спутников и застрелился. Правды о последних минутах генерала Самсонова мы, наверное, не узнаем никогда…

Русские войска в Восточной Пруссии. 1914 г.

В реляции о разгроме армии Самсонова кайзеровское командование среди захваченных трофеев упомянуло 22 знамени и 32 тысячи рублей золотом. Казна Второй армии была ровно в десять раз больше. Сразу же возник вопрос: куда она девалась?

Первые поиски начались в 1916 году. Еще шла война, а в Вельбарке появились люди в штатском, расспрашивавшие местных жителей о золотых монетах российской чеканки. Значит, не попала армейская казна в руки кайзеровских солдат. Через несколько лет один из местных жителей, отправившись в лес за грибами, вернулся с пригоршней золотых монет. Был он не совсем здоров, «что-то с головой», и когда его попросили показать место находки, сделать этого он не смог… Занимался поисками и бывший

царский генерал Носков, эмигрировавший после революции в Германию. Только обнаружить ему тоже ничего не удалось.

После Второй мировой войны территория, где размещался клад, отошла к Польше. В местах былых боев создали военный полигон Войска Польского. На какое-то время о золотом сундуке забыли. Но в шестидесятых годах в тех местах появились вооруженные современными металлоискателями польские офицеры-саперы. Их сопровождал пожилой человек – по его словам, возница той самой брички, на которой везли металлический сундук с золотом. Он утверждал, что якобы генерал Самсонов лично приказал ему вывезти из окружения ценный груз. Возница с охраной начал выполнять приказ, но при переезде через какой-то ручей повозка увязла, и усталые лошади никак не могли сдвинуть ее с места. Тогда решили выкопать яму и спрятать сокровище.

Свыше недели провели на полигоне приезжие, но, кроме осколков снарядов и исковерканного оружия, ничего не нашли. Хотя поиски и не увенчались успехом, весть о них разнеслась среди окрестных жителей. Все чаще стали появляться в лесу люди, снабженные заостренными металлическими прутьями, которые прощупывали каждый бугорок.

К слову, золото в этих местах все же находят. Попадалось оно солдатам, рывшим окопы на полигоне, несколько раз плуг крестьян выворачивал из борозды пару золотых монет, а однажды обнаружили сверток, в котором находился золотой Георгиевский крест. Но это – не то золото. Монеты могли быть и потеряны, и закопаны русскими солдатами, чтобы не достались немцам.

Один из русских офицеров, сопровождавших повозку с казной, писал в своих мемуарах, что сундук они зарыли в тени огромного дуба. Легенда гласит, что 30 августа, ровно в полдень, тень от самой большой ветви старого дуба покажет место, где надо искать клад…

Так кто же убил Распутина? *45 По материалам М. Азарова.*

Широко распространена версия, что Распутина устранили русские аристократы, озабоченные дурным влиянием старца на царскую семью. Однако французский историк Ален Деко придерживается версии, что убийство Распутина было инспирировано британской разведкой.

Бывший конокрад Григорий Распутин инстинктивно не доверял автомобилю. Выросший в глухой сибирской деревне, он со страхом, как, впрочем, и многие его современники, смотрел на гремящее, фыркающее дымом и распространяющее острый запах бензина достижение цивилизации.

Одно время Распутина возил Радзиевский – шоффер (так тогда называли водителей) банкира Симановича. Как-то на Каменноостровском проспекте Санкт-Петербурга в машину со старцем полетели поленья. Их бросали люди, подосланные его врагами. Уворачиваясь от деревяшек, Радзиевский на полном ходу сбил женщину. Распутин хладнокровно воспринял попытку покушения на свою жизнь и, как всегда, дал ей мистическое истолкование.

В дальнейшем автомобиль оказался загадочным образом связан и с его гибелью, детали которой стали известны благодаря мемуарам двух главных участников этого убийства – князя Ф. Юсупова и депутата Думы В. Пуришкевича.

Феликс Юсупов и Григорий Распутин в день убийства. Историческая реконструкция

Напомним вкратце события трагической ночи с 16 на 17 декабря (по старому стилю) 1916 года. Заговорщики – великий князь Дмитрий Павлович, Юсупов, Пуришкевич, поручик Сухотин и доктор Лазаверт – решили отравить старца цианистым калием. Под предлогом знакомства с женой князя – Ириной, племянницей царя и одной из первых красавиц столицы, они заманили Распутина во дворец Юсупова.

Доктор Лазаверт начинил ядом пирожные и насыпал его в рюмки с вином. Затем он переоделся в костюм водителя: кожаный шлем, круглые очки-консервы, красные кожаные перчатки с раструбами по локоть, кожаное пальто-реглан, обувь с крагами. В этом одеянии скромный и тихий доктор выглядел, по словам Пуришкевича, «хлыщеватым и нахальным».

Шофер Лазаверт и Феликс Юсупов сели в машину Пуришкевича. Это был шестицилиндровый «Нейпир» с двигателем мощностью в 35 л. с., корпусом типа «Кароссери» и брезентовым верхом. В целях конспирации Лазаверт перекрасил машину из защитного цвета в белый.

Распутина привезли во дворец князя и провели в подвальное помещение. Юсупов сказал старцу, что жена сейчас принимает гостей на первом этаже и, когда их проводит, спустится в подвал. На самом деле на первом этаже находились остальные заговорщики, а Ирины в это время вообще не было в городе.

Хозяин предложил гостю отравленные пирожные. Распутин съел все шесть и ничего не почувствовал. Князь был поражен: яд, которого могло хватить на 20 человек, не подействовал! Затем старец выпил две рюмки

вина с цианистым калием, и снова безрезультатно!

Потрясенный Юсупов под каким-то предлогом вышел из подвала к сообщникам и сказал, что яд не действует. Посовещавшись, все решили, что Юсупов должен убить старца из револьвера. Вернувшись в подвал, князь так и сделал. Но перед этим Распутин выпил третью рюмку отравленного вина и остался жив.

После выстрела заговорщики прибежали в подвал. Доктор констатировал смерть Распутина. Неожиданно Лазаверту стало плохо, и он пожаловался Пуришкевичу:

– У меня чрезвычайно напряжены нервы. Мне кажется, я совсем обессилел. Никогда не думал, что не способен держать себя в руках. Поверите ли, меня сейчас может повалить пятилетний ребенок…

Лазаверт вышел во двор и упал в обморок. Через некоторое время на морозе он пришел в чувство и присоединился к сообщникам.

Неожиданно Распутин ожил, едва не задушил Юсупова и выбежал во двор. Пуришкевич погнался за ним, стреляя из револьвера. Лишь третья и четвертая пули попали в цель. Тело Распутина затащили в подвал, и там князь, утративший самообладание, стал бить мертвеца гантелью.

Изображая Распутина, Сухотин надел его шапку и шубу. Вместе с Пуришкевичем и Дмитрием Павловичем он поехал сжигать остальную одежду старца. Вел машину тот же шофер – доктор Лазаверт. Уничтожением улик занялась жена Пуришкевича. Затем на извозчике заговорщики поехали во дворец великого князя, а оттуда отправились к Юсупову на новеньком автомобиле Дмитрия Павловича.

Им надо было забрать труп и утопить его в реке в заранее найденной полынье, что и было сделано. Труп сбросили с Петровского моста на Малой Невке. Впопыхах убийцы забыли привязать к телу приготовленные гири, они полетели в реку вслед за покойником.

К мосту и обратно машину вел Дмитрий Павлович, потому что Лазаверту опять стало плохо. По дороге от моста автомобиль трижды останавливался из-за неисправностей двигателя. Дмитрий Павлович недоумевал: совершенно новая машина, до сих пор работавшая безотказно, вдруг начала ломаться! Устранять неполадки пришлось Лазаверту, потому что он разбирался в двигателях.

Все неудачи, включая и неисправность автомобиля, заговорщики истолковали как происки черной силы, исходившей от Распутина, и радовались, что он уже мертв.

В 1960-х годах на Западе большим успехом пользовался фильм «Я убил Распутина», который советский зритель так и не увидел. Одним из авторов сценария был известный французский писатель и историк Ален Деко. Собирая материалы для фильма, Деко узнал, что князь Юсупов, будучи в преклонном возрасте, проживал тогда в Париже на улице Пьер Гуерен вместе с женой Ириной.

Деко узнал от Юсупова много интересного. Но самым любопытным Деко показалось то, что во французской столице, в том же XVI округе на бульваре Фландрен, жил еще один участник заговора – доктор Лазаверт. Он вел замкнутый образ жизни и не общался с журналистами. Лазаверт тоже написал воспоминания, но они так и не были опубликованы. С большим трудом Деко удалось ознакомиться с рукописью, и известные всем

события вдруг предстали в совершенно неожиданном ракурсе.

Оказывается, Лазаверт имел все основания «не светиться». Он не был ни поляком, как думали окружающие, ни французским аристократом Станисласом де Лазавером, за которого доктор себя иногда выдавал. На самом деле Лазаверт являлся британцем Верноном Келли, капитаном, близким другом молодого Уинстона Черчилля и опытным разведчиком. В 1912 году его направили в Санкт-Петербург для сбора информации о позиции России в ожидавшемся конфликте с Германией.

Под именем доктора Лазаверта Келли втерся в доверие ко многим высокопоставленным людям в России. В поле его зрения попал Распутин, и шпиону не понравился. Келли решил, что Распутин состоит в «германской» партии и, с учетом его влияния на царскую семью, представляет угрозу для британских интересов.

В донесениях в Лондон Келли рекомендовал хорошо заплатить Распутину, если тот «добровольно согласится вернуться в свою родную губернию». «Доктор» предлагал и альтернативу: «Если Распутин останется глух к подобному предложению, необходимо будет принять меры активной защиты, перейдя к его физическому устранению».

Спустя четыре года такие меры были приняты. В результате хорошо спланированной британской разведкой интриги подготовили заговор. Русские участники в нем были лишь исполнителями. Для надежности к ним приставили доктора Лазаверта, который вызвался отравить губителя России.

После убийства сообщники обвинили Лазаверта в том, что яд не подействовал на Распутина. Некоторые историки даже утверждали, что «доктор» яд вообще не положил – ни в пирожные, ни в рюмки с вином. Келли в мемуарах оправдывался: «Эти подозрения просто нелепы. Я добавлял яд в присутствии Пуришкевича, Юсупова, Дмитрия Павловича и Сухотина. Этот яд дал мне Юсупов также в их присутствии, чтобы я сразу подмешал его, предварительно разделив на дозы».

Мысль о своей неудаче преследовала Келли многие годы. Сразу после убийства он и Пуришкевич выехали на фронт. Там они дали небольшую дозу оставшегося яда раненой лошади. Эффект был мгновенным. Тогда почему же яд не повлиял на старца?

Келли впоследствии все-таки нашел объяснение. Яд, по его мнению, не оказал воздействия по ряду причин. В ту роковую ночь в Петрограде было 3° мороза, что с учетом высокой влажности привело к снижению активности яда. К тому же пирожные были посыпаны сахаром, который преобразовал отраву в безвредный состав, да и яд был смесью цианистого калия с курарином, что также снижало его эффективность. Кроме того, Распутин регулярно принимал противоядие, которое давал ему доктор Бадмаев.

Так невероятное стечение обстоятельств помешало английскому разведчику капитану Келли быстро и беспрепятственно убрать знаменитого старца, имевшего такое огромное влияние на царскую семью. Этим, вероятно, и объясняется нервный срыв, случившийся у «доктора-шофера» Лазаверта во время преступного акта.

Кто стоял за покушениемна Ленина? *46 По материалам газеты «Восточно-Сибирская правда».*

Официальная версия покушения на Ленина в 1918 году хорошо известна, но вопрос, насколько она истинна, до сих пор остается открытым. Сравнительно недавно, в июне 1992 года, Генеральная прокуратура России, рассмотрев материалы уголовного дела по обвинению Фанни Каплан, установила, что следствие было проведено поверхностно, и вынесла постановление «возбудить производство по вновь открывшимся обстоятельствам».

Этих «обстоятельств» оказалось так много, что рассматривают их до сихпор.

Судя по всему, дело зависло надолго, поэтому попробуем по возможности в нем разобраться сами и понять, что же все-таки произошло 30 августа 1918 года?

Сразу же после выстрелов в вождя было опубликовано воззвание ВЦИК, подписанное Яковом Свердловым. «Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на тов. Ленина. Двое стрелявших задержаны. Их личности выясняются. Мы не сомневаемся в том, что и здесь будут найдены следы правых эсеров, следы наймитов англичан и французов».

Одним из задержанных был бывший левый эсер Александр Протопопов. Известно, что он из матросов, что во время выступления левых эсеров в июле 1918 года лично разоружил самого Дзержинского. Скорее всего, именно этого ему не простили и после ареста, не занимаясь пустопорожними допросами и выяснениями, где был и что делал во время покушения на Ленина, быстренько расстреляли.

А вот второй задержанной была женщина, и задержал ее помощник военного комиссара 5-й Московской пехотной дивизии Батулин. В показаниях, данных опять-таки по горячим следам, он заявил:

– Я находился в 10—15 шагах от Ленина в момент его выхода с митинга, а это значит, еще во дворе завода. Затем услышал три выстрела и увидел Ленина, лежащего ничком на земле. Я закричал: «Держи! Лови» и сзади себя увидел предъявленную мне женщину, которая вела себя странно… Когда я ее задержал и когда из толпы стали раздаваться крики, что стреляла эта женщина, я спросил, она ли стреляла в Ленина. Последняя ответила, что она. Нас окружили вооруженные красногвардейцы, которые не дали произвести над ней самосуд и привели в военный комиссариат Замоскворецкого района.

Прошла всего неделя, и Батулин заговорил иначе. Оказывается, револьверные выстрелы он принял за обыкновенные «моторные звуки» и лишь тогда понял, что к чему, когда увидел лежавшего на земле Ленина. И женщину он задержал не во дворе, а на Серпуховской улице, куда бросилась напуганная выстрелами толпа, причем все бежали, а она стояла, чем и привлекла внимание бдительного комиссара.

Самое же удивительное, что на вопрос Батулина, она ли стреляла в Ленина, женщина, не будучи арестованной и не находясь в ЧК, ответила утвердительно, правда, отказавшись назвать партию, по поручению которой стреляла.

Так кого же привели в тот роковой вечер в Замоскорецкий военкомат? Что за женщина взяла на себя ответственность за покушение на Ильича? Ею оказалась Фейга Хаимовна Каплан, известная также под именами Фанни и Дора и под фамилиями Ройд и Ройтман. Ее привели в

Замоскворецкий военкомат. Там Фаню раздели донага и тщательно обыскали. Ничего путного, кроме булавок, шпилек и папирос, не нашли. Лежал в портфеле и браунинг, но как он туда попал, Фаня объяснять не стала. Тогда ее передали чекистам, которые увезли ее на Лубянку. Там ею занялись куда более серьезно и, если так можно выразиться, профессионально. Протоколы этих допросов сохранились, вчитаемся хотя бы в некоторые из них.

– На митинг я приехала в восемь часов, – рассказывала Фаня. – Кто мне дал револьвер, не скажу. Откуда у меня деньги, отвечать не буду. Стреляла я по убеждению. Про организацию террористов, связанную с Савинковым, ничего не слыхала. Есть ли у меня знакомые среди арестованных Чрезвычайной комиссией, не знаю.

Фанни Каплан. Фото 1918 г.

И что можно понять из этого допроса? Да ничего. А вот протокол другого допроса, в котором информации чуть больше.

– Я Фаня Ефимовна Каплан, под этим именем я сидела в Акатуе. Это имя я ношу с 1906 года. Я сегодня стреляла в Ленина. Я стреляла по собственному убеждению. Сколько раз выстрелила, не помню. Из какого револьвера стреляла, не скажу. Я не была знакома с теми женщинами, которые говорили с Лениным. Решение стрелять в Ленина у меня созрело давно. Стреляла я в Ленина потому, что считала его предателем

революции и дальнейшее его существование подрывало веру в социализм.

Дальнейшие события развивались столь стремительно, что более или менее разумных объяснений им просто нет. Судите сами. Следствие находится в самом разгаре, и вдруг 4 сентября в «Известиях ВЦИК» появляется совершенно неожиданное сообщение: «Вчера по постановлению ВЧК расстреляна стрелявшая в тов. Ленина правая эсерка Фанни Ройд (она же Каплан)».

Сохранился уникальный документ – воспоминания коменданта Кремля Павла Малькова, который и привел приговор в исполнение. Вот что он, в частности, пишет:

«По указанию секретаря ВЦИК Аванесова я привез Каплан из ВЧК в Кремль и посадил в полуподвальную комнату под Детской половиной Большого дворца. Аванесов предъявил мне постановление ВЧК о расстреле Каплан.

– Когда? – коротко спросил я.

– Сегодня, немедленно, – ответил он. – И минуту помолчав: – Где, ты думаешь, лучше?

– Пожалуй, во дворе автобоевого отряда, в тупике.

– Согласен.

После этого возник вопрос, где хоронить. Его разрешил Я.М.Свердлов.

– Хоронить Каплан не будем. Останки уничтожить без следа, – велел он».

Получив такую санкцию, Мальков начал действовать. Прежде всего он приказал выкатить несколько грузовых автомобилей и запустить двигатели, а в тупик загнать легковушку, повернув ее радиатором к воротам. Потом Мальков пошел за Каплан, которую, как вы помните, оставил в полуподвальной комнате. Ничего не объясняя, Мальков вывел ее наружу. Было четыре часа, светило яркое сентябрьское солнце – и Фаня невольно зажмурилась. Потом ее серые, лучистые глаза распахнулись навстречу солнцу! Она видела силуэты людей в кожанках и длинных шинелях, различала очертания автомобилей и нисколько не удивилась, когда Мальков приказал: «К машине!» – ее так часто перевозили, что она к этому привыкла. В этот миг раздалась какая-то команда, взревели моторы грузовиков, тонко взвыла легковушка, Фаня шагнула к машине и… загремели выстрелы. Их она уже не услышала, ведь Мальков разрядил в нее всю обойму.

По правилам, во время приведения смертного приговора в исполнение должен присутствовать врач – именно он составляет акт о наступлении смерти. На этот раз обошлись без врача, его заменил великий пролетарский писатель и баснописец Демьян Бедный. Он в то время жил в Кремле и, узнав о предстоящей казни, напросился в свидетели. Пока стреляли, Демьян держался бодро. Не скис он и тогда, когда его попросили облить тело женщины бензином, как и в тот момент, когда Мальков никак не мог зажечь отсыревшие спички – и поэт великодушно предложил свои. А вот когда вспыхнул костер и запахло горелой человечиной, певец революции шлепнулся в обморок.

Известие о расстреле подлой террористки, покушавшейся на вождя революции, прогрессивным пролетариатом было встречено с большим энтузиазмом. А вот старые революционеры и бывшие политкаторжане

увидели в этом акте нарушение высочайших принципов, ради которых они гнили в казематах, а то и шли на эшафот. Весьма своеобразно отреагировал на известие о расстреле Каплан и сам Ленин: по свидетельству хорошо знавших его людей, «он был потрясен казнью Доры Каплан», а его жена Крупская «была глубоко потрясена мыслью о революционерах, осужденных на смерть революционной властью, и горько плакала».

Вот так-то, Ленин потрясен, но ничего сделать для спасения Доры не может. Крупская плачет, но тоже совершенно бессильна. Так кто же тогда вождь, кто решает судьбу страны и живущих в ней людей? Это имя хорошо известно, но о нем чуть позже. А пока – об антиленинском заговоре, созревшем к концу лета 1918 года. Положение большевиков в то время было критическим: численность партии уменьшилась, один за другим вспыхивали крестьянские мятежи, почти непрерывно бастовали рабочие. А если принять во внимание еще и жестокие поражения на фронтах, а также оглушительное поражение во время выборов в местные Советы, то всем здравомыслящим людям стало ясно: дни пребывания у власти сторонников Ленина сочтены. Неслучайно именно тогда Лев Троцкий встретился с германским послом Мирбахом и заявил ему с коммунистической прямотой: «Собственно, мы уже мертвы, но еще нет никого, кто мог бы нас похоронить».

Но желающих это сделать было много, очень много! Причем все потенциальные заговорщики непременным условием прихода к власти считали физическое устранение Ленина. Надо сказать, что Ильич о том знал, он даже поинтересовался в одном из разговоров с Троцким: «Смогут ли Свердлов с Бухариным справиться, если белогвардейцы нас с вами убьют?» Если заменить слово «белогвардейцы», которым до Кремля конечно же было не добраться, на любое другое, то тревогу Ленина можно понять, он или чувствовал, или знал, что назревают трагические события.

Это подтверждают и сотрудники германского посольства в Москве. В августе 1918 года они сообщали в Берлин, что руководство Советской России переводит в швейцарские банки «значительные денежные средства», что обитатели Кремля просят заграничные паспорта, что «воздух Москвы пропитан покушением как никогда».

А теперь сопоставим кое-какие факты… Кто подписал первое воззвание ВЦИК о покушении на Ленина и до выяснения каких бы то ни было фактов указал адрес, по которому надо искать организаторов покушения? Яков Свердлов. Кто поручил Кингисеппу вести следствие по делу о покушении? Свердлов. Кто в разгар следствия приказал расстрелять Каплан, а ее останки уничтожить без следа? Снова Свердлов.

Не слишком ли часто повторяется его фамилия в связи с этим делом? Нет, если учесть, что, по свидетельству современников, к лету 1918 года в его руках была сосредоточена вся партийная и советская власть. Сосредоточена фактически, но не официально – ведь председателем Совнаркома, то есть главой правительства, оставался Ленин. Версия о том, что организатором покушения был Свердлов, причем не без участия Дзержинского, звучит, конечно же, дико, но в том-то и проблема, что опровергнуть ее доказательно пока что не удается. Чего стоит хотя бы один не поддающийся объяснению факт, который всплыл лишь в 1935 году, то

есть через шестнадцать лет после смерти Свердлова.

Тогдашний нарком внутренних дел СССР Генрих Ягода решился вскрыть личный сейф Свердлова. То, что он там обнаружил, повергло его в шок, и Ягода немедленно написал Сталину, что в сейфе обнаружено: «Золотых монет царской чеканки на 108 525 рублей, 705 золотых изделий, многие из которых с драгоценными камнями. Чистые бланки паспортов царского образца, семь заполненных паспортов, в том числе на имя Я.М. Свердлова. Кроме того, царских денег в сумме 750 тысяч рублей».

А теперь вспомните сообщения германского посольства об обитателях Кремля, просящих заграничные паспорта и переводящих в швейцарские банки значительные денежные средства.

Но вернемся к тому, с чего начинали. Фактов – огромное количество, версий – тоже. Разобраться в них в принципе можно, но вот сделать выводы… Выводы может сделать только Генеральный прокурор. Хочется надеяться, что у него все же найдется время ознакомиться с делом № 2162 и он наконец решит – стреляла Фанни Каплан в Ленина или не стреляла. А если окажется, что не стреляла, то даст указание о реабилитации Фанни Каплан как жертвы политических репрессий.

«И умру я не на постели...» *47 По материалам А. Панфилова.*

Жил поэт, влюбленный в мир, в вещность мира («…взлюбил я и сушу, и море, весь дремучий сон бытия»). Он собрал вокруг себя единомышленников, их теперь называют акмеистами. Все вместе они пытались восстановить нарушенную связь между словом и предметом, который оно обозначает, и это у них неплохо получалось: почти все акмеисты – поэты крупнейшие («…осиянно только слово средь земных тревог, и в Евангелии от Иоанна сказано, что слово это Бог»). Между тем поэт ездил по свету, охотился в Восточной Африке на леопардов и львов, словно испытывая собственную храбрость. Но вскоре надобность для этого ехать в Африку отпала – началась война. Поэт пошел добровольцем и воевал так, что «святой Георгий тронул дважды пулею нетронутую грудь». Потом он оказался в Париже, Лондоне, а когда к власти в России пришли большевики, он, опять же по собственной воле, вернулся в Россию. Писал стихи, учил писать стихи других, вокруг него всегда было много молодежи. Любил женщин («…так больно сердце томила красота Твоих дочерей» – обращался он к Богу в одном из стихотворений), а они любили его. Никогда не скрывал своих убеждений: «Я монархист и молюсь на церкви», – говорил он всем подряд. Его много читали, он учил читателей, «как не бояться, не бояться и делать, что надо».

Поэта звали Николай Гумилев.

Он прошел огромный путь – от «Романтических цветов» с их изысканным жирафом до «Огненного столпа», полного трагических предчувствий. А еще он написал в своем первом сборнике – было ему тогда 22 года:

Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право —
Самому выбирать свою смерть.

Он и выбрал. В 1921 году его расстреляли в Петроградской чрезвычайке.

Николай Гумилев, Анна Ахматова и их сын Лев. 1916 г.

В свое время работники архива ФСБ обнаружили бумаги, конфискованные у Гумилева при его аресте.

Мы не знаем, что даст такое открытие филологам – это прежде всего свидетельства быта, а не собственно творчества Гумилева. Кто-то, возможно, пожмет плечами: ну что тут нового, так, мелочи жизни… Но когда держишь в руках пожелтевшие от времени листочки, разбираешь полустершиеся слова, сличаешь почерки, что-то происходит в твоей душе – словно встреча мистическая с тем временем, с людьми, его обживавшими… Встреча очень горькая, потому что почти физически ощущаешь, как уходит, умирает тот мир – тускнеющее на глазах отражение прежней, великой России.

И вместе с тем в каждой фамилии тут словно оживает история литературы. Вот принадлежащий Гумилеву членский билет «Дома искусств» («Диск»), подписанный Максимом Горьким. «Диск» располагался в бывшем особняке Елисеева, Гумилев переехал туда за два месяца до ареста, в мае 1921 года, заняв елисеевский предбанник. В бане рядом, в кафельных стенах, жила Мариэтта Шагинян. А вот и ее автограф. На одном

из листов почерком Гумилева выписаны названия двадцати пяти его стихотворений из семи поэтических сборников. Трудно сказать, что это такое – план ли задуманного «Избранного», программа ли выступления… А на обратной стороне – расписка: «Мною взято у Н.С. Гумилева пятьдесят тысяч руб. Мариэтта Шагинян. 23/VII 1921». Пятьдесят тысяч – по тем временам деньги смешные. Хотя… Основным обвинением, выдвинутым против Гумилева по «делу Таганцева», было именно то, что он взял у Таганцева двести тысяч рублей.

Денег писателям катастрофически не хватало. Начинался нэп, а значит, становилось больше и соблазнов. В буфете «Диска» появились пирожные, конфеты, булки; листки Гумилева испещрены цифрами, словно бухгалтерские документы, многие из них озаглавлены торжественно – «кредит». Художник В. Милашевский (в то время тоже живший в «Диске») в своих мемуарах «Вчера, позавчера…» писал: «У себя в комнате я повесил плакат: «В этой комнате не курят. Стихов не читают. Денег до завтра взаймы не просят…»». Но если мы уберем из этой декларации частичку «не», то получим перечень основных занятий обитателей «Диска». Стихов не писать и не читать поэты не могли, потому что они были поэты, и поэты славные. Курили не переставая, просто с голодухи, о чем писала Ольга Форш, изобразившая «Диск» в своем романе «Сумасшедший корабль». И «стреляли» деньги…

Записки, записки… Вот обрывок записки Гумилева Николаю Оцупу: «Дорогой Оцуп, пришел вчерашний скандалист, который скандалит еще больше, показывает мандат грядущего и ругается. Сходи за кем-нибудь из Пролеткульта и приведи его сюда. И скорее…» Оцуп, уехавший из России в 1922 году, на всю жизнь сохранил верность гумилевской эстетике: «Собственно, Бергсон и Гумилев… были двумя полюсами, между которыми простирался духовный опыт Оцупа», – много позже писал о нем А. Бахрах. Уже после фашистского концлагеря, после участия в итальянском сопротивлении Оцуп защитил в 1951 году в Сорбонне докторскую диссертацию о творчестве Гумилева, которая стала первой диссертацией, написанной о Гумилеве.

А вот записка Гумилеву от Георгия Иванова: «Милый Николай, пожалуйста, приходи сегодня с Анной Николаевной (вторая жена Гумилева. – *А.П.*) к нам и приведи Михаила Леонидовича (Лозинского. — *А.П* .), если он будет у тебя. Приходите непременно, мне самому нельзя уйти из дому, потому что у меня будет один корпусной товарищ. Жорж». Ах, как жаль, что записка не датирована. Георгий Иванов до революции учился в кадетском корпусе, где одним из его товарищей был Юрий Герман. Тот самый Юрий Герман, один из трех руководителей, как утверждают чекистские протоколы, Петроградской боевой организации, после убийства на финской границе которого (конец мая 1921 года) и было раскручено «дело Таганцева».

Правда, сам Иванов в своих воспоминаниях утверждает, что в двадцать первом году возобновил знакомство с Германом именно с подачи Гумилева, но к воспоминаниям Иванова следует относиться с осторожностью – по собственному его позднему признанию, в них лишь 25 процентов правды, остальное же вымысел и, разумеется, художественный. Уж не Иванову ли Гумилев обязан этим знакомством, имевшим столь

трагические для него последствия? Как знать, как знать… Герман то и дело ходил через границу, водил через нее других людей, а Гумилеву жизнь в большевистской России, по некоторым свидетельствам, к тому времени стала надоедать, и он подумывал о бегстве – то есть Гумилеву и Герману было о чем поговорить друг с другом. А. Левинсон, работавший с Гумилевым в издательстве «Всемирная литература», писал: «Тянулся к нам в эмиграцию и Гумилев, но не успел». О том же вспоминал и Вас. Немирович-Данченко: «Я хотел уходить через Финляндию, он через Латвию. Мы помирились на эстонской границе. Наш маршрут был на Гдов, Чудское озеро. В прибрежных селах он знал рыбаков…»

Чудится во всем этом какая-то игра с судьбой, Гумилев словно всякую секунду жизни испытывает ее, испытывает со страстью… Опыт с группой Таганцева оказался последним, и никуда он уже не ушел – лег в русскую землю.

Подбор документов, обнаруженных в архиве ФСБ, достаточно любопытен. Чекисты, похоже, брали в то время далеко не все, не выметали документы подчистую. Н. Берберова пишет в книге «Курсив мой»: «Я нашел среди бумаг Николая Степановича, – сказал мне через месяц Георгий Иванов, – черную клеенчатую тетрадь, в ней записано всего одно стихотворение…» (речь идет о стихотворении, посвященном Берберовой). Значит, было среди чего искать, «бумаги Николая Степановича» остались в комнате после его ареста. Чекистов больше интересовали связи, адреса, телефоны – именно такого рода записи в выплывших на свет Божий документах Гумилева мы находим в избытке.

Немалое количество листков так или иначе связано с предсмертным путешествием Гумилева в Крым. Уехал он в конце июня в поезде командующего военно-морскими силами адмирала А. Немитца, вернулся в июле. Вот, к примеру, «Служебная записка Старшего Секретаря всеми Морскими Силами Республики. 25 июня 1921 г. Многоуважаемый товарищ! С нами в поезде едет член Коллегии Всемирной литературы и Председатель Питерского Профсоюза поэтов тов. Н.С. Гумилев, который работает вместе с тов. Горьким. Очень прошу Вас оказать всяческое содействие тов. Гумилеву и выдать ему просимое как подарок с юга Республики питерским голодающим писателям. Заранее благодарю. Очень обяжете. Жму Вашу руку. С товарищеским приветом, Вл. Павлов». С этой запиской Гумилев разъезжал по Крыму, доставал продукты. Дело обычное, в те годы все делалось именно так – по личному знакомству, по рекомендательным письмам, по «товариществу», правда, очень ненадежному «товариществу», потому что нередко бывало, что вчерашние «товарищи» сегодня становились «врагами» и с наслаждением вколачивали друг в друга пули из вечного «товарища маузера». «Товарищи», «враги» – слова приобретали новое значение, происходила великая ломка русского языка, сильно походившая на его уничтожение. Гумилев пользовался бумагами, написанными на волапюке того времени (тут и Питерский Профсоюз, и Юг Республики – обязательно с прописных букв! – и товарищеский привет, и непременный буревестник тов. Горький…), но сам-то мыслил и писал на языке совершенно другом. И расстреляли его именно за это, а не за какой-то там мифический заговор Таганцева.

Вл. Павлов, выдавший ему процитированный документ, не только морской офицер, но и поэт (кто тогда поэтом не был?), автор поэтического сборника «Снежный путь». Название сборника – тоже вполне в духе времени, но времени умирающего. Снежные пути привели в заводской цех, где торжественно ухала кувалда и сыпались искры горячего металла. Кстати, о Вл. Павлове. Кое-кто поговаривал, что в Крыму Гумилев вместе с работниками военно-морского наркомата сеял контрреволюцию, заводил связи, раздавал оружие бывшим офицерам, а рядом с ним все время находился провокатор, человек близкий, поэт, который и «сдал» его впоследствии. И кивали на Павлова. Но такие суждения очень мало напоминают правду. Представить Гумилева в роли активного контрреволюционера, какого-то вдохновенного заговорщика практически невозможно.

И конфискованные у него бумаги – еще одно тому свидетельство. Гумилев постоянно считает чай, горошек, шпик, икру, муку, крупу, сахар, орехи, свежие фрукты, сухофрукты – кропотливая бухгалтерия. Кому сколько продать, кому сколько подарить – фамилии, фунты, цифры, помарки, исправления, все вперемешку, но добросовестность во всем потрясающая. И не только добросовестность, но и страсть к жизни, которая иногда кажется тихой грустной влюбленностью – вот такой парадокс. До заговора ли ему было?

Вернулся он в Питер, по многим свидетельствам, загоревший, веселый, полный планов и надежд. Георгий Иванов говорит, что именно тогда Гумилев придумал заглавие для своей «будущей» книги: «Посередине странствия земного». Подразумевается, что он ошибся, но это не вся правда про Гумилева. Иначе куда денешь страшный подтекст «Огненного столпа»? И вот еще одно обстоятельство. На обратной стороне его членского билета «Дома искусств» рукой Гумилева начертано трехстрофное стихотворение – две последние строфы разобрать очень трудно (надеюсь, специалисты-то разберут), но первая строфа читается хорошо – и словно в омут головой:

Какое отравное зелье
Влилось в мое бытие!
Святое безумье мое.

Такие строки могут быть посвящены женщине («Гумилев был всегда влюблен». – *Г. Иванов*), искусству… И все же безотносительно к этому – «Какое отравное зелье влилось в мое бытие!» И безотносительно к социальной действительности – тоже. Ему как бы и не до нее даже. Но социальная действительность начала двадцатых не терпела равнодушного отношения. И она вынесла приговор, по которому выходило: Гумилев – «бывший человек», жизни не достоин.

Пол-Петрограда 1921 года были прямыми кандидатами в «бывшие люди», но они не хотели становиться «бывшими людьми». И они уходили – кто в смерть, кто просто прочь из географической России. И уносили Россию в своих сердцах, чтобы передать ее, запечатленную, нам, потомкам. Чтобы научить нас любить ее.

Россия – удивительная страна.

В октябре 1921 года Б. Эйхенбаум на вечере памяти Блока прочитал доклад «Судьба Блока». Завершая его, он говорил: «Последние годы для нас – годы смертей неисчислимых…» В августе 1921 года умер, задохнувшись в большевистской духоте, Блок, в августе же убили Гумилева. Двумя годами раньше умер от голода в Сергиевом Посаде Розанов. А впереди был двадцать второй год, разбросавший по всему миру цвет русской науки, русской литературы, русского искусства… Казалось, все, пора тушить свечи, ничего уже здесь никогда не будет, не на чем. А Эйхенбаум говорил дальше: «Но где-то между этими годами или до них скрываются ведь года рождений, нам еще не явленных».

Теперь мы их знаем.

Какая прекрасная нерушимая цепочка открывается – обыкновенно называемая традицией. И Гумилев – необходимое звено ее. С найденными в ФСБ документами его образ, столько лет скрываемый от наших глаз, оживает еще больше.

Чудо баронессы Врангель *48 Версия полковника юстиции в отставке А. Лискина.*

Недавним летом, когда из-за постылых и назойливых дождей приходилось маяться под кровлей садового домика и изнывать от неизбежно-длительных контактов с экраном телевизора, меня взбудоражило содержание киносериала советских времен – «Адъютант его превосходительства», который, как известно, был плодотворным стартом в карьере народного артиста Союза ССР Юрия Соломина.

Перед глазами вновь промелькнули замечательные исполнители ролей героев киноповести – Соломин, Стржельчик, Шутов и другие, а также возникло одно обстоятельство, имевшее отношение к содержанию ленты.

Вспомнилось, что летом 1979 года, во время отдыха в Ялте, один пляжный приятель пригласил меня в клуб элитарного санатория КГБ «Черноморье» на просмотр первой серии фильма и встречу с соавтором сценария полковником в отставке Г. Северским.

Кадр из фильма «Адъютант его превосходительства»

В своем выступлении Северский рассказал, что сценарий писался им в творческом содружестве с уже известным специалистом этого жанра Игорем Болгариным, автором сценариев к получившим признание фильмам «Дума про Ковпака», «На графских развалинах», «Испытательный срок» и другим.

Сценарий картины основан на архивных материалах украинской ЧК о подлинных событиях Гражданской войны на юге России, героических действиях чекиста Фомина в качестве адъютанта командующего Добровольческой армией генерала Май-Маевского, проигравшего Красной армии сражения за города Орел и Курск и отстраненного от должности главкомом Деникиным в конце ноября 1919 года. Перед бегством Добровольческой армии из Харькова ее новым командующим стал генерал-лейтенант царской армии барон П.Н. Врангель, выходец из обрусевших немцев.

Значительно позже довелось прочитать мемуары матери генерала Врангеля – баронессы Марии Дмитриевны Врангель «Моя жизнь в коммунистическом раю» *49 Русский архив. Архив русской революции. М.: Терра, 1991. Т. 4. С. 198—214.* , которые автор сопроводила следующим предуведомлением:

«Я не внесу в мой рассказ ни политики, ни истории, я лишь хочу искренне и правдиво, шаг за шагом передать, через что я прошла и что мною, очевидицею, пережито в дни большевиков. Прожив в Петрограде с 1918 до 1920 года, я, несмотря на все ужасы жизни и особенно щекотливое мое положение, уцелела каким-то чудом».

Но при таком заклинании «об искренности и правдивости», на наш взгляд, автор, скорее всего, лукавила, и потому ее мемуары содержат некие странности и несовпадения с грозными реалиями той часто бессмысленно жестокой поры.

Известно, что мемуары – это всегда воспоминания конкретных личностей о пережитом, совершенном, виденном. Они субъективны и зависимы от многих компонентов» интеллекта, памяти, совести и убеждений автора. Но они зависят и от обстоятельств, изменить которые автор не может, не желает или не имеет мужества и права.

Однако судите сами! Как сообщала автор мемуаров, после революции ее муж сбежал в Ревель (теперь Таллинн), а она осталась проживать в своей (надо полагать шикарной и комфортабельной) квартире, где ее, как и других жителей, назойливо посещал бывший старший дворник, ставший при Советах председателем домового комитета. Однажды он обратил внимание на висевшие по стенам многочисленные портреты «сына в военных доспехах». Он приказал ей немедленно их убрать, предупредив, что если снова увидит «портреты генералов», то без разговоров отправит ее в ЧК вместе с портретами. Этот строгий приказ был ею немедленно исполнен. Она переслала портреты на хранение к знакомому присяжному поверенному.

По нашему мнению, под этой наивной фантастикой о дворнике и портретах просматриваются продуманные действия органов ЧК по подготовке к проведению оперативных мероприятий в отношении баронессы Врангель.

Затем следует испугавший баронессу ночной обыск, во время которого она, спасая от ворвавшихся в квартиру мужланов, бросила в туалет фамильные бриллианты и письма любимого старшего сына Петра Николаевича.

Как нам кажется, этот обыск надо положить в копилку мероприятий ЧК по созданию условий для привлечения баронессы к сотрудничеству, о чем читатель узнает из дальнейшего изложения.

В то время воззвания большевиков, пестревшие на всех стенах и заборах Петрограда, взывали к смерти врага республики генерала Врангеля, а матросы и солдаты, маршировавшие по улицам и площадям, с энтузиазмом горланили новую державную песню: «Белая армия, черный барон снова готовят нам царский трон. Но от тайги до британских морей Красная Армия всех сильней!»

Обстановка в городе становилась для баронессы все более мрачной, тучи над ее головой сгущались, и безысходный страх давил на ее мятущееся сознание. К тому же она знала, что ЧК уже расстреляло кузенов сына и что многие их дальние родственники, а также известные ей знатные дамы – графиня Бенингсен, княгиня Куракина, баронессы Икскуль и Тизенгаузен, старуха Родзянко (мать председателя Госдумы Родзянко, настоявшего на отречении самодержца Николая II от престола) месяцами томились во вшивых казематах. Достоверные слухи об этом надрывали и жалили сердце баронессы, как тучи осатаневших шмелей.

Получив от мужа четыре письма, она покинула стены своего привычного жилища и более чем странным образом, в жуткое для нее время, как по волшебству, устроилась на работу в городской музей, превратившись в «девицу Врангель», (а ей в то время было около 60 лет) с трудовой книжкой, заменявшей тогда паспорт, жалованием и даже повышением по службе. Как утверждается в мемуарах, баронесса, т.е. «девица Врангель» работала сперва эмиссаром с жалованием 950 рублей, затем научным сотрудником (получая 4—6 тыс. руб.). И наконец хранителем музея с окладом 18 тысяч рублей. Перепадали ей на этом поприще и тогдашние пайковые «прелести» в виде чечевичной похлебки, ржавой селедки и твердой, как камень, сухой воблы. От потребления столь непривычной для нее пищи она потеряла два пуда веса, к тому же у нее возникла ужасная проблема из-за развалившихся вдрызг сапог.

Однако, по утверждению баронессы, неожиданно произошло настоящее чудо. В конце октября 1920 года давняя приятельница, жившая в Финляндии (которую баронесса почему-то никак не именует), прямо на работу в музей прислала свою доверенную, молодую женщину-финку с письмом, открывшим дорогу на свободу, за пределы России в привычный для нее мир и образ жизни. Благодетельница сообщала, что побег баронессы в Финляндию стоимостью в один миллион рублей, или 10 тысяч финских марок, уже оплачен. Надо только полностью довериться подательнице письма и беспрекословно следовать ее советам. При этом

условии успех побега будет полностью гарантирован.

На следующий день та же самая женщина по железной дороге и пешком сопроводила баронессу к Балтийскому морю, в «гнездо контрабандистов», мимо дома которых непрерывно ходили красноармейские патрули. Здесь она пробыла более суток, испытывая душевные волнения и щемящий сердце страх из-за перевозчика (ей сказали, что он изрядно напился), ночного шума, возни и ругани прибывших с товаром контрабандистов, кроме того, в окно можно было наблюдать то и дело появлявшиеся патрули.

Наконец та же верная, молчаливая финка на следующую штормовую ночь поместила ее в заваленную ящиками парусную лодку, в которой, кроме двух рыбаков, оказался некий неизвестный трусливый господин, уже побывавший в тюрьме за попытку бегства из России.

Преодолевая давящий душу страх, холод, шторм, неудобства и мучения, баронесса в этой компании безропотно отправилась в неизведанный путь, на свободу. Ей было особенно страшно, когда лодка огибала Кронштадт, освещавший прожекторами окружавшее берег морское пространство.

После многочасовой болтанки в холодном штормовом море, доведенная до жуткого изнеможения, она все же оказалась на финском берегу, за пределами власти большевиков. Рыбаки тут же исчезли, а ее трусливый попутчик неожиданно преобразился в знатока местности и обстановки. Несмотря на глухомань ночи, он сразу заявил, что они находятся у форта Иво, а им надо двигаться в противоположную сторону, к городу Териоки. К утру он привел ее в дом финнов, сносно говоривших по-русски. После радушного приема, хлебосольного угощения и приятного отдыха хозяин на своей телеге доставил их за 20 верст, в так называемый карантин для перебежчиков из советской России. Вскоре представители американской миссии проявили к ней особое внимание, а затем давняя приятельница перевезла ее к себе домой. Так баронесса Врангель, непонятным для нее самой образом, «выскочила благополучно» из адской бездны, которой для нее стала Россия.

Вникнув в прочитанное – о музее, письме, патрулях, контрабандистах и прочем, – так и хочется (хотя бы задним числом) подравить молодых чекистов с безупречно проведенной инсценировкой, о которой, возможно, госпожа баронесса и не подозревала.

Но здесь настало время вернуться к выступлению Северского в клубе номенклатурного санатория «Черноморье». По его словам, после выхода сериала об адъютанте его превосходительства на экраны страны успех картины превзошел все ожидания. Он, Болгарин и вся труппа радовались удаче и считали дело завершенным. Однако на киностудию поступило более 20 тысяч писем с настойчивыми просьбами зрителей нашей страны и зарубежья (откуда-то писала даже женщина, называвшая себя женой Врангеля) о постановке продолжения сериала.

– Тогда мы с Болгариным решили действовать. Получив доступ к архивам, вновь принялись за их изучение и нашли много интересного, – утверждал рассказчик.

По его словам, выходило, что во время одной из облав петроградские чекисты где-то в трущобах обнаружили и задержали

жалкую и голодную старуху без документов. Она была одета в лохмотья, состоявшие из черной замызганной куртки и грязной вонючей юбки, сшитой из солдатской шинели. Задержанную доставили в ЧК, где неотесанные и внешне безалаберные чекисты прощупали эту нищенскую одежонку, в которой, на первый взгляд, и искать-то было нечего. Однако чекистов ждал потрясающий сюрприз. В подоле старушечьей юбки были обнаружены зашитые бриллианты немалого достоинства. После недолгого запирательства задержанная бабуся гордо заявила о том, что она баронесса Врангель и мать «черного барона» генерала Петра Николаевича Врангеля. Разумеется, бриллианты были изъяты, а баронессу водворили в те самые вшивые казематы, где она и встретила хорошо известных ей княгинь, графинь и баронесс.

О дальнейших действиях чекисты якобы думали по-разному. Они предлагали решительно и бесповоротно пустить мадам «в расход», что было сподручнее и надежней. Так обычно и поступали с явной контрой. Другие вроде бы с этим не согласились и, на всякий случай доложив в Москву, стали ждать указаний.

По мнению Северского, на решение проблемы повлияли события. Так уж случилось, что примерно в то же самое время, осенью 1919 года, чекист-разведчик Фомин по заданию командующего Украинским фронтом В.А. Антонова-Овсеенко, после службы у Май-Маевского неоднократно выполнявший опасные поручения в тылу белых, совершил крупную диверсию. Пустив под откос эшелон танков (как показано в одной из серий «Адъютанта его превосходительства»), он был схвачен и ожидал своей участи в харьковской тюрьме у белых.

Обдумав ситуацию, умные головы из ВЧК, получив доклад о задержании баронессы Врангель, нашли превосходный выход для спасения Фомина. Петроградскому ЧК предписывалось не только не обижать мать генерала, но поить, кормить, лелеять и беречь пуще глаза, убеждая в необходимости написать любимому сыну письмо с изложением трепетных материнских чувств и горячей просьбы об освобождении ожидавшего казни Фомина. За эту акцию была обещана гарантированная переброска баронессы в любую европейскую столицу, в частности, в Париж, так хорошо знакомый генералу и его матери.

«Лучше хоть одним глазком взглянуть на милый Париж, чем переселиться из каземата даже в райские кущи Эдема», – решила она и согласилась написать сыну письмо, о котором вежливо просили чекисты.

Помня рассказ Северского об обнаруженных ими в архивах новых материалах и извлекая сведения из мемуаров баронессы, можно предположить, что с того момента Мария Дмитриевна и превратилась в «девицу Врангель» с трудовой книжкой, работой в музее и прочими подробностями ее жизни в «коммунистическом раю», о которых она поведала потомкам в своих мемуарах.

Разумеется, Северский никаких уточнений не делал, но уверял слушавшую его публику в том, что когда письмо нужного чекистам содержания баронессой было написано, их верные «письменосцы» совершили многоходовую операцию, и в суматохе бегства белых из Харькова новый командующий Добровольческой армией генерал Врангель неожиданно обнаружил на своем рабочем столе конверт с письмом его

горячо любимой матушки, которую считал погибшей, так как уже знал об ее аресте чекистами в Петербурге.

Он сразу четко оценил некую щекотливость содержавшейся в письме просьбы об освобождении от виселицы какого-то мерзавца, но как любящий сын ради спасения матушки был готов исполнить просимое.

Для ясности заметим, что ни отставной полковник Северский в его рассказе, ни госпожа баронесса в ее мемуарах не пользовались правилами ученых летописцев и не уточняли дат каждого эпизода минувших событий.

Этот невольный пробел помогают нам преодолеть другие источники, свидетельствующие о том, что генерал Врангель сменил спившегося Май-Маевского на посту командующего Добровольческой армией белых именно в ноябре 1919 года.

Как утверждал близкий Врангелю очевидец, бывший депутат царской Госдумы, эмигрант В.В. Савич, осенью 1919 года, «прибыв на фронт, Врангель застал полный хаос и разложение. Дисциплина пала, царил разгул, солдаты распустились и массами дезертировали… Так был велик размах грабежа, что на полк, в составе которого числилось 200 бойцов, в то время приходилось имущества на… 200 вагонов! Естественно, его надо было беречь и возить, для чего требовалось гораздо больше людей, чем имелось в строю. Поезда стояли, заполненные имуществом, а составов для переброски подкрепления и угля не хватало. (Помнится, в фильме адъютант внушил его превосходительству, что не хватает машинистов. — *Авт.*) Никто никого не слушал, железнодорожники сплошь и рядом саботировали. При таком положении вещей Врангель ничего поделать не мог (для укрепления боеспособности. – *Авт.*). Потребовалось пять дней, чтобы собрать сведения, где находятся отдельные части штаба».

Поскольку, по утверждению Северского, чекист Фомин тогда находился в застенках харьковской тюрьмы, то при нарисованной Савичем обстановке Врангелю не составляло большого труда ловко выпустить его на свободу. Последний вскоре действительно оказался в крепких объятиях своих верных товарищей, а в итоге обратных ходок «письменосцев» в Москве и Петербурге чекисты узнали, что цель освобождения Фомина достигнута.

Что касается баронессы Врангель, то согласно ее мемуарам, ей пришлось коротать время не в паршивом узилище, а в неком городском музее, да еще с прибавлением жалования.

Видимо, она была нужна ВЧК, и там продолжали думать и планировать. В это время для молодой республики военные дела складывались удачно и белых с награбленными трофеями ходко гнали на юг, хотя и не без боев.

Не входя в изложенные нами подробности, Северский закончил рассказ тем, что новые архивные материалы они с Болгариным творчески осмыслили и сочинили сценарий нового сериала. Затем они стали готовиться к воплощению творческого замысла на киноленту.

Но случилось непредвиденное. Соответствующие власти (рассказчик не уточнил, какие) не дали согласия на эту работу, и их вожделения и старания как бы ушли в песок.

Очевидно, что против создания фильма о баронессе Врангель или событиях вокруг этой фамилии возражало руководство КГБ СССР.

Много позже, когда мне довелось прочитать мемуары баронессы Врангель, у меня возникли мысли о том, что содержание мемуаров и рассказ сценариста Северского, вероятно, находятся где-то рядом с истиной, которая, возможно, была иной.

Очень похоже, что тогдашние чекисты, несмотря на недостатки знаний и опыта, проявили себя мастерами-оперативниками высокого класса. В Москве и Петрограде они вызнали все необходимое о баронессе Врангель и держали ее, как говорится, на коротком поводке. Видимо, в ВЧК была заранее задумана оперативная комбинация по оказанию помощи фронту в разгроме Добровольческой армии, а позже и армии Врангеля в Крыму. В этом замысле немалая роль отводилась матери барона Врангеля и ему самому.

Теперь можно увереннее сказать о том, что посещения жилища баронессы в Петрограде бывшим старшим дворником, его требования и угрозы относительно портретов, а также ночные обыски являлись лишь прелюдией к сложной оперативной игре.

Не исключено, что баронесса, сильно напуганная такими действиями и всей обстановкой в столице, захватив самое ценное – фамильные бриллианты, – пыталась скрыться. Однако чекисты не дремали, и задержание неизвестной старухи в петроградских трущобах, о котором поведал Северский, не было случайным. Заключение баронессы под стражу потребовалось в первую очередь для освобождения чекиста Фомина. Северский об этом мог не знать, а если и знал, то воздержался от сообщения публике. В свою очередь, и баронесса в мемуарах, опубликованных в Европе в 1922 году, не сочла необходимым до конца раскрывать душу перед читателями.

Изложение баронессой событий о работе в музее, обстоятельств утраты драгоценностей и все остальное содержание ее мемуаров могло быть лишь пересказом усвоенной ею чекистской легенды, наивной, но вполне соответствовавшей тому раскладу событий.

Представляется, что ВЧК в ту пору в этом мероприятии действовало продуманно и целеустремленно с расчетом на будущее, а первое письмо баронессы сыну-генералу, если угодно, стало всего лишь зацепкой для проведения последующих, более значительных действий.

Вспомним, что, осев в Крыму, Врангель сколотил новую армию в количестве около 30 тысяч штыков и сабель. От всех прежних белых армий последняя отличалась боеспособностью. Она имела значительный процент офицеров, для которых это был последний шанс рассчитаться с противником, вернуть назад отобранное у них революцией достояние.

Весной 1920 года польские войска Пилсудского вторглись на Украину, оккупировав большую часть ее Правобережья и захватив 6 мая Киев.

В июне 1920 года Врангель создал угрозу Донбассу, а потом вышел в Таврию, намереваясь соединиться с поляками. Его части подошли к Каховке и захватили остров Хортицу. Еще чуть-чуть – и Врангель мог соединиться с Пилсудским. Это был так называемый третий поход Антанты против новой России.

Врангелю противостояли войска 6-й и 13-й полевых армий и 2-я Конная армия Миронова, в которых насчитывалось где-то 35—40 тысяч штыков и сабель, к тому же измотанных предыдущими боями. Для обеспечения превосходства при наступлении этого было маловато.

Положение республики стало аховым, и неслучайно председатель Совнаркома В.И. Ленин 7 июня 1920 года в шифровке Реввоенсовету требовал сообщать врангелевским офицерам – «о полной безопасности в случае перехода на сторону Советов».

Мать Врангеля в то время продолжала оставаться заложницей ВЧК в роли «девицы Врангель» с трудовой книжкой, зарплатой, порциями ржавой селедки, сухой воблы и при рваных сапогах (чтобы далеко не убежала).

Почему бы теперь нам не предположить, что в этот период ее переписка с сыном была более активной (в духе приведенной шифровки), и проверенные «письменосцы» ВЧК трудились, не зная передышки. Барону Врангелю, как и его подчиненным, могли предлагать почетную капитуляцию во избежание излишнего кровопролития. В тех же письмах матушки могло содержаться обещание благожелательно решить его личную судьбу по принципу, что повинную голову меч не сечет!

Вероятно, посулы красного командования Врангель не принял, ибо для него сие означало измену присяге, данной еще в молодости ушедшему в небытие по вине большевиков государю-императору.

Вполне может быть, что подобные письма баронесса Врангель (по просьбе чекистов) могла направлять и другим белым генералам с теми же «письменосцами».

Положение республики оставалось критическим до тех пор, пока колесо Фортуны не начало раскручиваться в пользу красных. Им удалось отогнать легионы Пилсудского к Варшаве, и, хотя здесь и возникали неудачи, 12 октября 1920 года в Риге был заключен с поляками мирный договор.

Многие войска с польского направления, в том числе и 1-я Конная армия, перебросили к Крыму. Сюда же после переговоров батько Махно привел и свою анархию. Превосходство в силах над Врангелем было обеспечено. В конце сентября 1920 года был создан Южный фронт во главе с известным полководцем гражданской войны Михаилом Васильевичем Фрунзе.

Принятыми мерами была ликвидирована угроза белых Донбассу, а затем их погнали и из Таврии. Бросая артиллерию и обозы, войска Врангеля 28 октября 1920 года укрылись за Перекопом в Крыму.

Для ВЧК пребывание баронессы Врангель в России утратило необходимость, и «в конце октября 1920 года, как она пишет в мемуарах, к ней явилась посланница некой приятельницы-доброхотки, у которой она после побега за кордон и прожила более трех месяцев в ожидании визы.

Таким образом, чекисты выполнили свое обещание о переброске баронессы Врангель в Европу, использовав напоследок в качестве надежного прикрытия для внедрения туда, как мы полагаем, надежного своего агента под видом «трусливого господина», вырвавшегося из лап ЧК. Однако последнее можно отнести к области загадок.

В конце первой и начале второй недели ноября 1920 года Южный фронт осуществил штурм Перекопа и форсирование Сиваша почти при 7—10-градусном морозе. Белые дрогнули и побежали, сдавая города и сдаваясь в плен. 16 ноября последним освобожденным городом стала Керчь. Врангель со свитой на военном корабле сбежал в Турцию, а позднее перебрался в тот самый прекрасный Париж, о котором матушка писала ему в первом письме.

В мемуарах генерала А.И. Деникина «Поход на Москву» имеется достаточно любопытное сообщение о том, что когда в Севастополе 21—22 марта 1920 года военный совет белых, под председательством генерала Драгомирова, обсуждал решение его, Деникина, о назначении главкомом юга России генерала Врангеля, последний, по словам Драгомирова, «согласившись на выбор… удивил всех нас своим решительным требованием дать ему подписку о том, что условием принятия им поста главнокомандующего не будет переход в наступление против большевиков, а только вывод армии с честью из создавшегося тяжелого положения.

На вопрос наш, – продолжает Драгомиров, – зачем эта подписка, генерал Врангель ответил, что он не хочет, чтобы все, и прежде всего его родной сын, упрекнули его в будущем в том, что он не исполнил своего долга. Все это было не совсем для нас понятно – зачем такая предусмотрительность? Но ввиду настойчивого требования генерала Врангеля, чуть ли не под угрозой отказа от выбора, подписка была дана».

Представляется, что в поведении Врангеля усматривается несомненное влияние писем его матушки, изготовленных по настоятельно-вежливым просьбам изворотливых чекистов, отлично сознававших неотвратимость своих действий.

Обратим внимание на то, что, оставив пределы Крыма примерно в 42-летнем возрасте, генерал Врангель представлял собой весьма деятельную личность, не утратившую боевого и морального духа от перенесенных трагедий. С конца 1920 или с начала 1921 года он создал и возглавил за границей антисоветский «Союз освобождения России». В 1924 году он организовал и возглавил еще более активную антисоветскую организацию – «Российский общевоинский союз» (РОВС) с задачей свержения советской власти в СССР. На донское казачье золото РОВС содержал кадетские корпуса и воинские формирования. Не входя в подробности этой деятельности, заметим лишь, что генерал Врангель в апреле 1928 года в возрасте около 50 лет покинул пределы бытия, как говорится, в расцвете сил, а также в здравом уме и при твердой памяти. Подлинные причины его смерти мало кому неизвестны.

Обратим внимание лишь на то, что примерно в 1923—1924 годах соответствующие подразделения ОГПУ-НКВД вели непрерывную охоту за такими одиозными фигурами заграничной контрреволюции, как английский шпион (одесского розлива) Сидней Рейли, проявивший себя организатором терактов и заговоров против советской власти. В 1918 году он был заочно осужден к расстрелу, а затем ОГПУ заманило его в Москву и после допросов он был убит 5 ноября 1925 года.

В том же году удачно заманили и арестовали нескольких активных сподвижников отъявленного экстремиста, организатора антисоветских заговоров, мятежей и террора, эсера Бориса Викторовича Савинкова.

Затем заманили в капкан и его самого. Его схватили в Минске, арестовали и доставили в Москву, где состоялся суд. Савинкова приговорили к расстрелу, но ЦИК СССР заменил расстрел 10 годами лишения свободы. После чего Савинков якобы покончил с собой.

Просто не верится, что Рейли и Савинков в ту пору были для наших верхов страшнее и опаснее кумира белого движения генерала Врангеля, имевшего в своем подчинении реальные воинские формирования. Между тем операции ОГПУ-НКВД против Рейли и Савинкова, как всем хорошо известно, были превосходно разрекламированы в печати и кинофильмах (вспомним «Операцию Трест»), а вот про действия этих органов против Врангеля – ни слова.

Таким образом, тайные операции ОГПУ-НКВД по ликвидации злейших врагов советской власти проводились давно, но предпринималось ли нечто подобное против Врангеля – неизвестно. Как говорят – либо дождик, либо снег. То ли против Врангеля действовали, но без удачи, либо он умер в цветущем возрасте не без помощи хитроумства ОГПУ-НКВД.

Возможно, Северскому и Болгарину не разрешили сотворить новый фильм как раз из-за особенностей в судьбе Врангеля… Есть и еще одно обстоятельство отказа кинотворцам в работе над фильмом. Выше уже говорилось о том, что когда сапоги польских жолнежей топтали Украину, а Врангель двинулся на Донбасс, председатель Совнаркома В.И. Ленин обещал сдавшимся в плен врангелевским офицерам полную безопасность. Командующий Южным фронтом М.В. Фрунзе соответственно довел эту информацию до сведения войск, засевших в Крыму, обещая перебежчикам жизнь и свободу. Гуманные призывы большевиков не остались без ответа. Белые сдавались дружно. Однако после освобождения Крыма член реввоенсовета фронта, ретивый мадьяр Бела Кун, по приказу Троцкого коварно обошелся с тысячами сдавшихся в плен офицеров и солдат белой армии. Их расстреляли. Верные документалистике сценаристы Северский и Болгарин могли в новом сериале нажать на некие болевые точки или извлечь обстоятельства, крайне нежелательные, по мнению руководства КГБ СССР.

Словом, воплощение в «киноплоть» нового сценария пытливых авторов не состоялось. Тем не менее изложенное выше приводит к выводу о том, что в давние годы сотрудники появившегося на свет ВЧК применительно к баронессе Врангель и ее сыну генералу работали толково и результативно.

Представьте, какими качествами должны были обладать чекисты, чтобы не заставить, не вынудить, а убедить баронессу Врангель (с ее-то гонором) написать хотя бы одно трепетное письмо своему грозному для республики сыну, кумиру белого движения.

Такое могло быть под силу людям, обладавшим высоким интеллектом, превосходной эрудицией, дипломатическим тактом и стоическим терпением. Казематом, ржавой селедкой и сухой воблой этого не добиться.

Разумеется, не располагая прямыми доказательствами, мы представляем считать изложенное здесь всего лишь исторической версией, скромной попыткой прояснить некоторые загадочные места в мемуарах баронессы Марии Дмитриевны Врангель о чудесном ее спасении и

обстоятельствах бегства из «коммунистического рая», в котором она оказалась.

«Узаконенные» грабежи царских коллекций *50 По материалам М. Ершова.*

«Этот фонд никогда не был закрытым», – признаться, такие слова заведующей отделом информации Центрального государственного архива литературы и искусства А.К. Бонитенко стали для многих откровением, как и содержание папки из фонда «Комиссии по контролю за вывозом за границу научных и художественных ценностей (1927—1931 гг.)». Власть распродавала национальное достояние и предлагала каждому ознакомиться, как все происходило? Что это – цинизм или недомыслие?..

Первые же просмотренные документы поведали, что в те годы за кордон вывозились картины, фарфор, хрусталь, ковры, музыкальные инструменты, книги, не говоря уже о драгоценностях. Происходил вывоз со многими нарушениями, занижалась стоимость, оценка предметов проводилась не специалистами, о чем свидетельствует и вывод ревизионной комиссии: «Разрешения на книги выдаются после просмотра списков зав. книжным отделом Саранчиным, а по небольшому количеству книг инспектор сговаривается по телефону с т. Саранчиным, после чего самостоятельно дает разрешение на вывоз». При таком порядке выдачи разрешения, безусловно, возможны крупные ошибки.

Например, в выданном разрешении на имя американца Перельштейна было указано, что книга «Авен-Эзро» издана в 1746 году, в то время как она издана в 1546 году.

Разница в два столетия. То есть резко занижена ценность книги. Начальники сменяли друг друга, а ошибки подобного рода повторялись. Такая картина открылась после просмотра только пяти-шести документов. Научный сотрудник музея истории Петербурга Г.А. Попова, досконально изучив данный фонд, а также многие другие документы, сделала вывод: «Петербургские дворцы, ставшие музеями, просто разворовывались».

Арманд Хаммер сделал хороший бизнес в России

В Москве в бывшем партийном архиве хранятся документы, свидетельствующие о распродаже вещей Строгановского дворца – знаменитого музея, который существовал в 20-е годы. Из дворца Шуваловой было вывезено серебро на 15 подводах! Во дворце Шуваловой обнаружили тайник, где находились ящики со знаменитым фарфором из коллекции Шуваловых-Нарышкиных. А ведь в каждом петербургском дворце (Аничковом, Шереметева, Румянцева, Горчакова и, естественно, в императорских дворцах) хранились огромные ценности! Большая их часть оказалась за границей. Не секрет, что в дальнем зарубежье издаются отдельные каталоги по русскому искусству. Вдовствующая императрица Мария Федоровна коллекционировала камнерезные шедевры Фаберже, в которые были вкраплены и драгоценные камни. Ее собрание насчитывало 107 единиц. Сейчас в Оружейной палате хранится только 7. Неслучайно в 1929 году в США была создана контора по приобретению и продаже русского антиквариата…

Делалось это «для роста благосостояния советского народа». Но как мы жили – всем известно. Так где же все-таки казна? Разные ходят слухи. Предполагают, например, что знаменитые часы Фаберже, подаренные императорской семье к серебряной свадьбе Александра III и Марии Федоровны, в конце 1917 года были переданы небезызвестному Хаммеру для поддержки коммунистической партии США. «Всплыли» эти

часы два года назад на одном из аукционов, сейчас они находятся в Швейцарии. Конечно, определенная часть денег и тогда, и в последующие годы шла на поддержку братских партий. Известно, что в сейфе Я.М. Свердлова в Кремле лежали иностранные паспорта и несколько мешочков с бриллиантами, изумрудами, сапфирами. Что было в сейфах других вождей, история умалчивает.

«Однако, по словам Г.А. Поповой, не все реликвии ушли за границу. Еще до 1917 года в Европе были хорошо известны многие произведения искусства из императорских коллекций, а также из собраний аристократических фамилий. Продать шедевры, известные миру, означало для нового режима потерять авторитет на международной арене. Был бы большой скандал! Поэтому наверное, и не очутилась в хранилище какого-нибудь западного миллиардера большая императорская корона…»

Определенную часть ценностей удалось спасти, оставить в музеях России, и в частности Петербурга, благодаря музейщикам, которым иногда удавалось обвести власти вокруг пальца. При этом они зачастую рисковали свободой и даже жизнью.

Но тем не менее факт остается фактом: на протяжении столетий создавались замечательные петербургские коллекции, а утратили мы их за одно десятилетие!

Золотая голова на плахе *51 По материалам Э. Хлысталова.*

Восемьдесят с лишним лет прошло с той декабрьской ночи, когда трагически оборвалась жизнь Сергея Есенина. Но до сих пор четкого ответа на вопрос: что же произошло в пятом номере гостиницы «Англетер»? – никто не дал.

Тусклое утро за окнами ленинградской гостиницы «Англетер», переименованной в духе времени в «Интернационал». Елизавета Устинова взглянула на часы. Половина одиннадцатого. Пора идти к Сергею. Она спустилась на этаж, подошла к двери номер пять, постучала. Никто не отвечал. Она толкнула дверь. Закрыта. Снова постучала. За дверью тихо. Она знала, что Есенин никуда утром не собирался, поэтому стала стучать настойчивей. Через некоторое время к ней подошел Вольф Эрлих. Стучали вдвоем – в номере тишина. Так крепко спит? Непохоже. Сергей всегда рано просыпался и сам будил Устиновых. Почувствовав недоброе, она побежала за управляющим гостиницей. Василий Назаров долго возился с замком, наконец открыл и тут же ушел. Устинова и Эрлих вошли в комнату и – увидели мертвого поэта. Устинова вновь побежала к Назарову, тот позвонил в милицию…

В это время в Москве проходил XIV съезд ВКП(б), на котором группа делегатов («Новая оппозиция», центр ее находился в Ленинграде, где властвовал Григорий Зиновьев) выступила против линии ЦК. Дело дошло до того, что ленинградские коммунисты заявили о своем несогласии с решениями съезда.

Похороны Сергея Есенина

В органах ГПУ, милиции, прокураторе была объявлена повышенная готовность. Круглосуточно дежурили бригады уполномоченных, следователей, экспертов, проводников служебных собак. Гостиница «Интернационал» находилась в нескольких минутах ходьбы от всех этих учреждений. Трагическая гибель известного всему миру поэта, причем именно в то время, когда в Ленинград возвратились делегаты XIV съезда партии, несомненно, была чрезвычайным происшествием. И, казалось бы, на место происшествия должны были направить опытного следователя, судебно-медицинского эксперта, начальника местной милиции или его заместителя.

Однако в гостиницу явился лишь работник 2-го отделения милиции Н. Горбов (39-летний Н. Горбов месяцев шесть работал в отделении рядовым милиционером), который и провел «расследование». Он составил акт, послуживший основанием для утверждения, что С. Есенин покончил жизнь самоубийством. Привожу этот документ полностью, сохраняя стиль и орфографию.

«АКТ. 28 декабря 1925 года составлен настоящий акт мною уч. надзирателя 2-го от. Л.Г.М. Н. Горбовым в присутствии управляющего гостиницей Интернационал тов. Назарова и понятых. Согласно телефонного сообщения управляющего гостиницей гражд. Назарова В. Мих. о повесящемся гражданине в номере гостиницы. Прибыв на место мною был обнаружен висевший на трубе центрального отопления мужчина в следующем виде, шея затянута была не мертвой петлей, а только правой стороны шеи, лицо обращено к трубе, и кистью правой руки захватила за трубу, труп висел под самым потолком и ноги были около $1\,^{1}/_{2}$ метров, около места где обнаружен повесившийся лежала опрокинутая тумба, и

канделябр стоящий на ней лежал на полу. При снятии трупа с веревки и при осмотре было обнаружено на правой руке выше локтя с ладонной стороны порез, на левой руке, на кисти царапины, под левым глазом синяк, одет в серые брюки, ночную рубашку, черные носки и черные лакированные туфли. По предъявленным документам, повесившимся оказался Есенин Сергей Александрович, писатель, приехавший из Москвы 24 декабря 1925 года».

Ниже этого текста в акт дописано: «Удостоверение за № 42—8516 и доверенность на получение 640 рублей на имя Эрлиха». В качестве понятых расписались поэт Всеволод Рождественский, литературный критик П. Медведев, литератор М. Фроман.

Милиционер Н. Горбов дал по листку Вольфу Эрлиху, Елизавете Устиновой и Василию Назарову и потребовал написать объяснения о случившемся. Устинова и Назаров написали все, что посчитали нужным, а вот показания Эрлиха написаны не его рукой. И не Н. Горбовым. Мне удалось установить, что записал их агент уголовного розыска 1-й бригады Ф. Иванов. Эта бригада занималась расследованием тягчайших преступлений против личности, и выехал на место происшествия Иванов неслучайно.

Как утверждали свидетели, лицо Есенина было изуродовано, обожжено, под левым глазом имелся синяк. Были порезаны руки. Над правой бровью круглое, примерно с копеечную монету пятно, на ногах и теле многочисленные обширные гематомы. Все эти телесные повреждения причинены были Есенину при жизни, до наступления смерти. Кто нанес их поэту? И когда?

Сергей Есенин приехал в Ленинград 24 декабря и устроился в гостиницу по протекции журналиста Георгия Устинова, который проживал здесь с женой. Как только друзья поэта узнали, что он в Ленинграде, в его номере стала постоянно собираться компания из нескольких человек. Вольф Эрлих даже оставался ночевать. По приезде Есенин угостил друзей двумя полубутылками шампанского. 27 декабря на несколько человек было выпито 5—6 бутылок пива. Других алкогольных напитков у Есенина не было. Сам он приехал без денег, а у друзей деньги водились крайне редко. Да и по случаю Рождества спиртные напитки в Ленинграде не продавались. Никаких конфликтных ситуаций или скандалов у Есенина в эти дни не было. Никто не отмечает, что видел у Есенина на лице или теле следы побоев. Следовательно, телесные повреждения поэту были причинены после вечера 27 декабря.

Участковый надзиратель Горбов фактически не осмотрел место происшествия, не зафиксировал наличие крови на полу и письменном столе, стенах, не выяснил, чем была разрезана у Есенина правая рука, откуда появилась веревка для повешения, не описал состояние замков в двери, запоров на окнах, не отметил наличие или отсутствие ключа от замка двери. Из протокола не ясно, в каком состоянии находились вещи в номере (судя по публикациям в газетах, в большом беспорядке), не приобщены к делу в качестве вещественных доказательств веревка, бритва, не описаны личные вещи поэта и его рукописи.

Можно ли относиться к акту Н. Горбова как к следственному документу? Да и составить он должен был не акт, а протокол специально

предусмотренной законом формы. Очень важно при составлении протокола указать время осмотра места происшествия. Горбов этого не сделал. Он обязан был пригласить понятых и записать в протокол только то, что видели понятые. И этого он также не сделал.

В акте записано, что тело поэта висело под потолком, а ноги находились на расстоянии полутора метров от пола. Но ни Устинова, ни Эрлих, ни Назаров такого не написали. Может, это видели понятые?

Один из них, поэт Вс. Рождественский, писал, что гибель Есенина была для него полной неожиданностью. В то утро было холодно. В помещении Союза поэтов не топили. Он видел, как П. Медведев взял телефонную трубку (кто звонил в Союз поэтов?), как исказилось его лицо от страшного известия. Рождественский и Медведев тут же побежали в «Англетер».

«Прямо против порога, несколько наискосок, лежало на ковре судорожно вытянутое тело. Правая рука была слегка поднята и окостенела в непривычном изгибе. Распухшее лицо было страшным – в нем ничто уже не напоминало прежнего Сергея. Только знакомая легкая желтизна волос по-прежнему косо закрывала лоб. Одет он был в модные, недавно разглаженные брюки. Щегольский пиджак висел тут же, на спинке стула (пиджак позже пропал бесследно. – *Э.Х.*). И мне особенно бросились в глаза узкие, раздвинутые углом носки лакированных ботинок. На маленьком плюшевом диване, за круглым столиком с графином воды сидел милиционер в туго подпоясанной шинели, водя огрызком карандаша по бумаге, писал протокол. (Я тщательно проверил правильность записей Вс. Рождественского, все исключительно точно. – *Э.Х.*). Он словно обрадовался нашему прибытию и тотчас же заставил нас подписаться как свидетелей. В этом сухом документе все было сказано кратко и точно, и от этого бессмысленный факт самоубийства показался еще более нелепым и страшным».

П. Медведев так описал увиденный труп поэта: «…Как сейчас вижу это судорожно вытянувшееся тело. Волосы, уже не льняные, не золотистые, а матовые, пепельно-серые, стоят дыбом. На лице нечеловеческая скорбь и ужас. Прожженный лоб делает его каким-то зловещим. Правая рука, та, на которой Есенин пытался вскрыть вены, подтянута и неестественно изогнута. Голова свернута на бок и вывернута. Как будто Есенин застыл, приготовляясь к мрачному, трагическому танцу».

Таким образом, понятые Рождественский, Медведев и Фроман увидели труп только на полу. А между тем они подписали акт (протокол), тем самым подтверждая, что тело поэта висело под потолком, что веревка не имела затяжной петли, что труп висел лицом к трубе и т.д.

Подписывая акт, трое литераторов были, видимо, так потрясены случившимся, что не обратили внимания на «мелочи». Например, на то, что Есенин завязал порезанной рукой веревку на вертикальной трубе под самым потолком и ни одна капля крови не упала ему на лицо, рубашку, брюки. А как вообще дотянулся низкорослый поэт до высоты 3 метра 80 сантиметров? И где он взял веревку? И почему веревка без петли не съехала вниз по трубе?

…В номер прибежал выдающийся русский художник В. Сварог, сделавший моментальный рисунок лежащего на полу трупа. На этом

рисунке вся одежда на Есенине в беспорядке, расстегнуты и слегка спущены брюки, «американские» подтяжки не на месте, рубашка растрепана. А на снимке М. Наппельбаума одежда в порядке, только на гульфике не застегнуты пуговицы. Несомненно, фотографировал Наппельбаум Есенина после Сварога.

Но для чего поправляли одежду на трупе перед фотографированием? И почему на место происшествия не пришел милицейский фотограф и судебно-медицинский эксперт? Зачем прислали в гостиницу специалиста в области художественной фотографии?..

На следующий день в покойницкой Обуховской больницы состоялось вскрытие тела поэта. Патологоанатомом был 55-летний А. Гиляревский, выпускник Военно-медицинской академии, имевший продолжительный опыт работы в качестве полицейского врача.

В акте вскрытия А. Гиляревский указал: «…на шее под гортанью – красная борозда, идущая слева вверх и теряющаяся около ушной раковины спереди, справа борозда идет немного вверх к затылочной области, где и теряется, ширина борозды с гусиное перо…» Следовательно, веревка, сжимавшая горло поэта, натягивалась сзади, где-то в районе затылка. Причем «мертвой петли» на веревке не было. В противном случае странгуляционная борозда оказалась бы замкнутой. Описанная А. Гиляревским красная борозда на горле Есенина вызывает в памяти случаи умышленных убийств, когда преступник сзади набрасывает на шею жертве веревку и начинает душить, натягивая веревку снизу вверх.

Вернемся к акту Н. Горбова: «…лицо было обращено к трубе…» Расположение странгуляционной борозды на шее поэта, описанное Гиляревским, дает основание утверждать, что труба, к которой была привязана веревка, должна была находиться за спиной трупа, а не наоборот.

Из сообщений прессы мы знаем, что веревка на шее поэта была намотана несколько раз. В таком случае должно было быть несколько странгуляционных борозд. Но их нет. Все это может свидетельствовать о том, что смерть поэта наступила раньше.

А. Гиляревский в своем акте отметил, что «темно-фиолетовый цвет нижних конечностей, точечные кровоподтеки на коже указывают на то, что покойный в повешенном состоянии находился продолжительное время». Современные судмедэксперты утверждают, что подобные изменения наступают в том случае, если труп находился в петле около суток. В акте также написано, «петли кишок красного цвета». Некоторые судмедэксперты считают, что Гиляревский имел в виду образовавшиеся трупные пятна, а это тоже свидетельствует о пребывании тела в подвешенном состоянии более 12 часов.

И еще одно важное обстоятельство, объективно подтверждающее наступление смерти не 28-го, а 27 декабря 1925 года. Гиляревский отметил наличие в желудке покойного около 300 кубических сантиметров пищевой смеси, издающей нерезкий запах вина. Известно, что последний раз Есенин употреблял пищу не позднее 6 часов вечера. Пища была легкоусвояемая. Наличие пищевой смеси в желудке свидетельствует, что смерть наступила не позже 8 часов вечера.

Оценивая объективные данные, прихожу к твердому убеждению, что смерть Есенина наступила 27 декабря 1925 года в промежутке от 20 часов 30 минут до 23 часов.

Вот уже восемь десятков лет живет официальная версия о самоубийстве Сергея Есенина.

Но кто же установил факт его самоубийства? Какой следователь провел расследование и пришел к такому выводу? Кто первым произнес слово – самоубийство? Первыми это сделали газетчики и враги Есенина. Еще не имея на руках решения следственных органов и заключения экспертов. А потом Есенину приписали наркоманию, алкоголизм, развратные действия, злостное хулиганство. Объясняя причину самоубийства, его враги пошли по проторенному пути клеветы и стали искать ее истоки в его собственных стихах. Житейская биография была перечеркнута и заменена литературной. Строки из его стихов о смерти были превращены в свидетельские показания против него самого.

Распространяли явную ложь. Был даже пущен слух, что Есенин английский шпион и покончил жизнь самоубийством из-за боязни быть разоблаченным.

Так какие же имелись доказательства, подтверждающиесамоубийство?

А вот доказательств убийства поэта с последующей имитацией самоубийства и не хотели замечать, не то что искать. А их было больше чем достаточно.

В 1927 году художник В. Сварог конфиденциально делился своими впечатлениями о происшедшем в номере гостиницы:

«…Мне кажется, этот Эрлих что-то подсыпал ему на ночь, ну… может быть, и не яд, но сильное снотворное. Не зря он «забыл» свой портфель в номере Есенина. И домой «спать» не ходил – с запиской Есенина в кармане. Он крутился не зря все время неподалеку, наверное, вся их компания сидела и выжидала свой час в соседних номерах. Обстановка была нервозная, в Москве шел съезд, в «Англетере» всю ночь ходили люди в кожанках. Есенина спешили убрать, потому все было так неуклюже и оставалось много следов. Перепуганный дворник, который нес дрова и не вошел в номер, услышав, что происходит, кинулся звонить коменданту Назарову… А где теперь этот дворник?

Сначала была «удавка» – правой рукой Есенин пытался ослабить ее, так рука и закоченела в судороге. Голова была на подлокотнике дивана, когда Есенина ударили выше переносицы рукояткой нагана. Потом его закатали в ковер и хотели спустить с балкона, за углом ждала машина. Легче было похитить. Но балконная дверь не открылась достаточно широко, оставили труп у балкона, на холоде. Пили, курили; вся эта грязь осталась… Почему я думаю, что закатали в ковер? Когда рисовал, заметил множество мельчайших соринок на брюках и несколько в волосах… пытались выпрямить руки и полосонули бритвой «Жилетт» по сухожилию правой руки, эти порезы были видны… Сняли пиджак, помятый и порезанный, сунули ценные вещи в карманы и все потом унесли… Очень спешили… Вешали второпях, уже глубокой ночью, и это было непросто на вертикальном стояке. Когда разбежались, остался Эрлих, чтобы что-то проверить и подготовить для версии о самоубийстве… Он же и положил на стол, на видное место, это стихотворение «До свиданья, друг мой, до

свиданья…» Очень странное стихотворение…»

Действительно, из пятого номера пропал пиджак поэта, а после осмотра места происшествия кто-то снял лакированные туфли с мертвого тела.

Свидетельство Сварога полностью соответствует показаниям А. Назаровой, которая сейчас утверждает, что Есенин был убит. Причем Назарова рассказывала своим коллегам на работе о сомнительном самоубийстве Есенина еще лет двадцать назад, задолго то долго, как об этом стали широко писать биографы Есенина.

Однажды выдающийся врач Казимир Маркович Дубровский в разговоре с известными художниками рассказал некоторые подробности гибели Есенина. В декабре 1925 года он, тогда молодой медик «Скорой помощи» Ленинграда, выезжал в гостиницу и лично вынимал из петли труп поэта. По его мнению, Есенин был убит. Я решил обратиться за разъяснениями к вдове Дубровского. Писал ей несколько раз, она не отвечала.

И вдруг получаю письмо: «…Извините меня за беспокойство и за то, что, выполняя просьбу ныне покойной Елены Александровны Дубровской, я не сообщала Вам того, что случилось с С. Есениным в «Англетере». Вернее, что видел Казимир Маркович Дубровский. Уж очень запуганное было поколение… до последних дней… Надеюсь, что хоть мне не «аукнется»… Вы совершенно правы, считая, что С. Есенину «помогли» покончить с собой. Судя по рассказам К.М. Дубровского, в номере Есенина были следы борьбы и явного обыска. На теле были следы не только насилия, но и ссадины, следы побоев. Кругом все разбросано, раскидано, битые разбросанные бутылки, окурки… К.М. Дубровский был врачом «Скорой помощи» и был свидетелем многих трагедий, за что, возможно, и поплатился в 30-е года, а позже в 40—50-е годы… Как говорил К.М. Дубровский: «Я ни за что сидел, а за что-то тем более не хочу…»»

В ходе своего расследования я получил письменные показания научного сотрудника ленинградского Эрмитажа В. Головко. Он до войны учился в техникуме, и ему преподаватель В. Шилов перед отправкой на фронт доверительно рассказал следующую историю. За день до смерти поэта он договорился с Есениным о встрече. Поэт пригласил его к себе в номер. В назначенный час вечером Шилов подошел к двери и постучался. Ему не открыли. Он решил дождаться в вестибюле и увидел, что из номера Есенина вышли двое мужчин, закрыли за собой дверь на ключ и направились к выходу, где их ждал автомобиль. На следующий день все узнали о «самоубийстве» поэта.

У меня имеется письменное свидетельство хирурга из Тульской области. Он отбывал срок по 58-й статье в исправительно-трудовом лагере под Норильском. Осужденный санитар рассказывал ему, что когда-то работал в ЧК-ГПУ шифровальщиком. После гибели Есенина он получил из Центра шифротелеграмму, в которой оперативным работникам на местах предлагалось распространять среди населения слух, что Есенин был английским шпионом. Я проверял это сообщение. Действительно, до осуждения санитар работал в ГПУ Восточной Сибири на такой должности, но той шифротелеграммы достать не удалось. Однако возможно, она хранится в архивах бывшего КГБ.

В архиве КГБ и архиве ЦК ВКП(б) должны быть документы, из которых можно узнать о том, как преследовали Сергея Есенина, провоцировали, окружали сексотами. Важно изучить рабочие и личные дела тайных осведомителей, оперативные разработки против поэта и его окружения, задания оперуполномоченных, доклады сексотов о проделанной работе, документы на задержание и аресты. Для установления подлинных обстоятельств гибели поэта необходимо ознакомить исследователей с шифротелеграммами ленинградского обкома партии и ГПУ, переданными ими в Москву 28 декабря.

После гибели Сергея Есенина пропала веревка, послужившая удавкой. Ни в одном документе, ни у одного современника нет о ней никаких сведений. К материалам дела по факту гибели Есенина она также не приобщалась. По всей вероятности, веревка оставалась в номере вместе с личными вещами поэта.

Гостиничный номер Н. Горбов опечатал и передал на ответственное хранение управляющему В. Назарову. Все личные вещи Есенина захватила его первая жена Зинаида Райх-Мейерхольд. Она приехала 22 апреля 1926 года со своим защитником Аркадием Мещеряковым в Ленинград, назвалась хранительницей имущества поэта, получила под расписку все вещи и увезла в Москву. Она ли (вскоре Райх и Мейерхольд выезжали за границу), другой ли кто вывез веревку за границу. Там ее за крупную сумму продали с аукциона. Затем разрезали на фрагменты и вновь пустили с молотка. Один еврейский поэт, часто посещавший СССР, купил кусок этой веревки и привез в подарок одному известному российскому коллекционеру (к сожалению, я не могу назвать их имен). С большой долей уверенности могу утверждать, что рисунок ее плетения соответствует отпечатку, оставленному на шее поэта. Между тем фрагмент веревки имеет для исследователей большое значение. С помощью специалистов можно определить ее назначение, понять, могла ли она быть на чемодане или в номере Есенина, или это исключено.

А продолжить расследование трагической гибели поэта сегодня еще более необходимо.

Выстрел в сердце был точен *52 По материалам К. Кедрова*

Все же стихи Маяковского бессмертны. Взять хотя бы напечатанное в «Известиях» в 1922 году стихотворение «Прозаседавшиеся»:

Утро раннее.
Мечтою встречаю рассвет
ранний:
«О, хотя бы
еще
одно заседание
относительно искоренения
всех
заседаний!

Разве не об этом мечтала Россия в дни бесконечных заседаний чрезвычайных съездов?..

Кто сегодня помнит, к какой партии примыкал Данте, а ведь за свои политические взгляды великий поэт был изгнан из Флоренции и заселил свой «Ад» множеством никому не ведомых сегодня политических деятелей. О них теперь вспоминают только в связи с «Божественной комедией» Данте.

Вся поэзия Маяковского – «Божественная комедия» XX века. Там кипят политические кровавые страсти почище, чем у Данте, но читают «Божественную комедию» ради двух-трех строф о любви в аду, где Паола и Франческа летят неразлученные по кругам бесконечных мук, но и в аду продолжают любить. Любовь в аду – это у Маяковского постоянно:

Каждое слово,
даже шутка,
которые изрыгает
обгоревшим ртом он,
выбрасывается, как голая
проститутка
из горящего публичного
дома…
Глаза наслезенные бочками
выкачу.
Дайте о ребра опереться.
Выскочу! Выскочу! выскочу!
Выскочу!
Рухнули.
Не выскочишь из сердца!

Данте был увлечен идеей единой Римской империи – Маяковский горячо уверовал в «социализма великую ересь». Ересь действительно была великой по масштабам кровопролития. «Тише, ораторы! Ваше слово, товарищ маузер». Товарищ маузер, револьвер, свое слово сказал. Выстрел в сердце был точен. «На мне ж с ума сошла анатомия. Сплошное сердце – ничего более». Можно подумать, что, прежде чем нажать на курок, поэт долго и тщательно изучал именно анатомию. Не так-то просто попасть прямо в сердце. Надо хорошо знать, где оно расположено. А тут с первого выстрела – наповал. По свидетельству Полонской, когда она вбежала в комнату после выстрела, Маяковский был еще жив и даже что-то пытался сказать. Потом лицо на глазах стало смертельно бледным. Вот этим показаниям я верю. Такое не выдумаешь. Полонская не видела, как стрелял Маяковский, а может быть, не видела, «кто» стрелял, но умер поэт у нее на глазах.

Владимир Маяковский на смертном одре

Совсем не хочется сейчас снова зарываться в груды протокольных допросов. Эту тяжелую работу уже проделал Валентин Скарятин и ясно доказал, что следователь, снимавший показания Полонской, был срочно отстранен от дела, а затем без объяснения причин расстрелян. Заметим, что на дворе стоял не 1937 год, а еще только 1930-й. Но и в 1990-х годах ведомству Крючкова очень не понравилась новая волна интереса к гибели Маяковского, оно спешно провело и обнародовало результат графологической экспертизы последней записи Маяковского. Записка конечно же оказалась «подлинной», хотя путаница царит несусветная. Во-первых, записка-то не одна, их две; во-вторых, написаны они не в день гибели, а раньше. И без экспертизы Лубянки известно, что мысль о самоубийстве не покидала поэта в последние дни его жизни. Непонятно другое – куда девалась поэма «Плохо»?

Автобиография Маяковского заканчивается 1928 годом. Черным по белому написано: «Пишу поэму «Плохо»». Где же она? Маяковский не сжигал свои рукописи, как Гоголь. Сохранилось многое, в том числе и напечатанное при жизни последнее:

Я знаю силу слов, я знаю
слов набат,
Они не те, которым
рукоплещут ложи
От слов таких срываются
гроба
Шагать четверкою своих
дубовых ножек.

Ясно, что Маяковский думает о смерти, готовится к ней, пишет поэтическое завещание, но вот что странно: все, что напечатал поэт, опубликовано, а тут явно речь идет о напечатанном:

Бывает, выбросят
не напечатав, не издав.
Но слово мчится, подтянув
подпруги.
Звенят века, и подползают
поезда
Лизать поэзии мозолистые
руки.

В печати же появились другие стихи из поэмы «Во весь голос». Здесь речь идет лишь об итоге жизни, но никак не о близкой смерти:

С хвостом годов
Я становлюсь подобием
Чудовищ
ископаемо-хвостатых.
Товарищ жизнь,
давай
быстрей протопаем,
Протопаем
по пятилетке
дней остаток.

Никому из читавших эти строки и в голову не приходило, что «дней остаток» окажется таким мизерным.

Просто в голове не укладывается. На квартире у Маяковского пасется всякий лубянский сброд, специалисты по тайным политическим убийствам и похищениям. А поэт пишет:

Ты посмотри, какая в мире
тишь.
Ночь обложила небо
звездной данью.
В такие вот часы встаешь
и говоришь
Векам истории
и мирозданью.

Я не верю в искренность Маяковского при писании всевозможных агиток. Сам он в конечном итоге признается, что совершал над собою поэтическое насилие:

И мне

агитпроп
в зубах навяз,
И мне бы
строчить
романсы на вас —
доходней оно
и прелестней.
Но я
себя
смирял,
становясь
На горло
собственной песне.

Нет. Никому не должна служить поэзия. Никому не должна себя подчинять. Маяковский дружил с чекистами, Пушкин писал доверительные письма шефу жандармов Бенкендорфу и даже отчет о благонадежности Адама Мицкевича. Но приходит момент просветления, и поэт восклицает: «Подите прочь. Какое дело поэту мирному до вас». Государственные стихи Пушкина оставляют меня глубоко равнодушным. Не вижу большой разницы между панегириками Петру I в «Полтаве» и панегириками Ленину в поэме «В.И. Ленин». Оба героя пытали и убивали людей, оба ни в грош не ставили свободу личности, оба были незаурядными политиками и убежденными государственниками. Ленин, правда, не убивал своего сына, но расстрелял невинного ребенка, тоже царевича, тоже Алексея…

Поэтам лучше держаться подальше от власти и от политики. Власть не перехитришь, в игре с дьяволом всегда побеждает дьявол. Пуля Дантеса оборвала жизнь Пушкина в 37 лет. Чья пуля прервала в 37 лет жизнь Маяковского, пока неизвестно. Ясно лишь, что руководил операцией опытный агент ЧК Агранов. Такими же специалистами по тайным терактам были Волович, Горб и особенно странная фигура – Лев Эльберт, участник похищения и убийства генерала Кутепова. Бриков неожиданно услали за границу, Маяковского так же неожиданно не пустили, и в квартире в Гендриковом переулке стал «маячить» Эльберт. Маяковский, конечно, знал, что обложили его со всех сторон. Чего стоит мрачная шутка за утренним чаем, когда поэт предлагает послать за границу Маяковского с заданием физически устранить какого-то политического деятеля. Шутка с довольно мрачным подтекстом. Здесь и намек на то, что Маяковского не пустили с Бриками в зарубежную поездку, и недвусмысленное напоминание, что поэт знает о его основной профессии – похищения и террор. А в кармане у поэта записная книжка со стихами, которые так и не будут напечатаны при жизни.

Любит? не любит? Я руки
ломаю
И пальцы
разбрасываю разломавши
Так рвут загадав и пускают

по маю
венчики встречных ромашек.
Пускай седины обнаруживает
стрижка и бритье.
Пусть серебро годов
вызванивает уймою.
Надеюсь, верую вовеки
не придет
Ко мне позорное
благоразумие.

Свято соблюдая последнюю волю Маяковского «не сплетничать, покойник этого ужасно не любил», я умышленно оставляю за пределами разговора все связанное с личной жизнью Маяковского, но то, что Лубянка проникла в эту сферу, общеизвестно. Ничего не поделаешь – в России поэт столь значительная фигура, что и в сватовстве Пушкина замешан Бенкендорф, и погребают поэта жандармы. Маяковского хоронил чекист Агранов. Если нет прямых доказательств о причастности Лубянки к гибели поэта, то нет ни малейшего сомнения в активнейшей деятельности Агранова по заметанию каких-то следов во время похорон. К удивлению друзей и близких, похороны поручили возглавить не писателю, не поэту или, хотя бы для приличия, какому-нибудь партийному боссу, а мало известному широкой общественности агенту ЧК.

Художница Лавинская вспоминает, что видела в его руках снимок мертвого поэта, «распростертого, как распятого, на полу с раскинутыми руками и ногами и широко раскрытым в отчаянном крике ртом». «Я оцепенела в ужасе, – пишет Лавинская, – ничего общего не было в позе, лице фотографии с тем спокойным спящим Маяковским, которого я впервые увидела на Гендриковом. Больше эту фотографию я никогда не видела».

Вместо того снимка появился позднее другой. Поэт благообразно лежит на диване, лицом вверх, слегка запрокинув голову набок. А вот первый снимок исчез бесследно.

«В том году поэт был окружен врагами, которые давили, сжимали в психологические тиски (многого мы не знаем), и самоубийство 14 апреля – это убийство…» Думается, это самое точное свидетельство Лавинской о том, что произошло.

Море уходит вспять.
Море уходит спать.

Да только таких двух строк достаточно, чтобы обессмертить себя навеки. И с такими стихами в записной книжке покончить с собой одним выстрелом!

«Я самый счастливый человек на свете и должен застрелиться», – сказал поэт незадолго до рокового выстрела. Обратите внимание на слово «должен». Оно явно не вяжется с версией о смерти из-за неудачной любви. Зато очень хорошо поясняет один загадочный эпизод.

К удивлению Маяковского, в самый разгар травли вокруг него ему передают от Лубянки огнестрельное оружие. Удивленный поэт отсылает оружие обратно: но ему мягко и настойчиво возвращают оружие с мотивировкой, что так положено.

Однако Маяковский не агент ЧК и не член коммунистической партии, ему оружие не положено. Он гениальный поэт, фанатически преданный большевистской идее. Исторически большевизм уже обречен и приговорен. Ему осталось просуществовать еще 7 лет после смерти поэта – до 1937 года. На смену фанатикам большевизма придут расчетливые Победоносиковы, что и заметил Маяковский в своей пьесе «Баня». Постановка в год смерти Маяковского – 1930-й. Не она ли переполнила чашу терпения Победоносикова – Джугашвили?!

Не простил Сталин и Мейерхольда, поставившего «Баню», расстрелял, но уже позднее.

Знал ли Маяковский о том, что готовится? Конечно же знал. «Баню» с постановки сняли, приказали вырвать все портреты поэта из уже готового тиража, запретили выезд на Запад, прислали на дом оружие, облепили со всех сторон чекистами, специалистами по тайным терактам.

Многие замечали, что Маяковский стал какой-то странный. Слишком прямолинейные, слишком лояльные агитки и высказывания в адрес властей никак не вязались ни с текстами его настоящих стихов, ни с его упорным нежеланием вступать в партию. Даже в поэме «Владимир Ильич Ленин», продолжавшей традицию царетворческой оды XVIII века, Маяковский в полном соответствии с той же традицией нашел возможность вставить строки против деспотизма и обожествления власти.

Неужели про Ленина тоже:

«Вождь
милостию божьей»?
Если б
был он
царствен
и божествен,
Я б
от ярости
себя не поберег,
Я бы
стал бы
в перекоре шествий,
Поклонениям
и толпам поперек.
Я б
нашел слова
проклятья громоустого,
И пока растоптан
я
и выкрик мой,
Я бросал бы

в небо
богохульства,
По Кремлю бы
бомбами метал
«долой»!

В 1925 году, когда строки эти были написаны, Сталин сделал вид, что поэма ему очень понравилась, но в 30-м году Маяковского надо было убирать во что бы то ни стало. И его убрали. Как? На этот вопрос пока нет ответа, но кое-что уже проясняется.

Почему-то раньше мы упускали из виду одно весьма серьезное обстоятельство. Мысль о самоубийстве Маяковскому внушалась на фоне ожесточенной травли. Притом поэт очень плохо себя чувствовал. А что, если чаи с чекистами были отнюдь не безвредными? Психотропными средствами обработки ЧК по-настоящему овладело к моменту показательных процессов 37-го года, когда жертвы наговаривали на себя бог знает что, и со стороны это выглядело убедительно даже для Лиона Фейхтвангера.

Отметим лишь одну деталь. В день гибели Маяковского не менее ужасно чувствовал себя его сподвижник поэт Николай Асеев. Кроме того, на квартире Асеева зазвонил телефон и чей-то голос спросил: «Ты еще не повесился?.. Ну ничего, мы еще с тобой расправимся».

Асеев, при всей своей осторожности и лояльности к властям, не скрывал, что смерть Маяковского окутана тайной. Не знаю, что проделали, вернее, проделывали с Маяковским агенты Лубянки, но похоже, что плохое физическое самочувствие поэта было вызвано каким-то отнюдь не безвредным средством, которое нетрудно было подсыпать в еду таким мастером этого дела, как Эльберг или Агранов.

К сожалению, мы слишком мало знаем о работах в этом направлении, которые велись на Лубянке в те годы. Все по-прежнему засекречено. Ясно только, что обилие странных специалистов на квартире Маяковского в последние дни и даже часы его жизни не может быть результатом простой случайности.

Историческая молва до сих пор не считает простой случайностью смерть Пушкина, связывая ее с политическими интригами вокруг поэта. Правда, это только молва, фактических оснований для предположений такого рода почти что нет.

В случае с Маяковским оснований более чем достаточно! Мы не знали, нажал ли поэт на курок или помогли нажать. В любом случае размер депрессии не соответствовал масштабу происходящего.

Пушкин описал свою смерть в сцене дуэли Онегина с Ленским. «Поэт роняет молча пистолет, упал, на грудь сложивши руку…» У Маяковского такой потусторонний пророческий холодок исходит уже от самого заглавия «Товарищу Нетте, пароходу и человеку». Там есть удивительные скрытые анаграммы, которые воспринимаются только на уровне подсознания.

– Здравствуй, Нетте!

Как я рад, что ты живой
Дымной жизнью труб,
канатов и крюков.
А подсознание читает иначе по методу психолингвиста Локана:
– Здравствуй, Нетте!
Как я рад, что ты
живой.

Крюки, канаты, трубы – все атрибуты ада, а фамилия «Нетте» от «нет», как из потустороннего мира. А в финале ужасное пожелание, которое, увы, исполнилось:

…встретить я хочу
мой смертный час
Так,
как встретил смерть
товарищ Нетте.

Причина гибели Маяковского в его поэзии. Он хотел подчинить себя социализму; но поэзия никому и ничему не подчиняется, «все сто томов партийных книжек» уйдут в историю, а «простое как мычание» останется навсегда.

Расстрел Григория Мелехова *53 По материалам Б. Сопельняка.*

Прототипом главного героя «Тихого Дона» послужило реальное лицо, конкретная человеческая судьба. Михаил Шолохов неоднократно встречался с этим человеком, писал ему письма и… не смог защитить, когда того вели на расстрел. Возможно, именно поэтому «Тихий Дон» не дописан до конца, о чем его автор в одном интервью говорил так: «Были мысли увеличить роман еще на одну книгу, но я их оставил». И правильно сделал. Никто не позволил бы тогда закончить роман расстрелом Григория Мелехова доблестными советскими чекистами.

Передо мной письмо, написанное рукой Шолохова и отправленное из Москвы 6 апреля 1926 года.

«Г. Миллерово. Ст. Вешенская, х. Базки.

Харлампию Васильевичу Ермакову.

Уважаемый тов. Ермаков!

Мне необходимо получить от Вас некоторые дополнительные сведения относительно эпохи 1919 года.

Надеюсь, что Вы не откажете мне в любезности сообщить эти сведения с приездом моим из Москвы. Полагаю быть у Вас в мае – июне с.г. Сведения эти касаются мелочей восстания В-Донского. Сообщите письменно по адресу Каргинская, в какое время удобнее будет приехать к Вам? Не намечается ли в этих м-цах у Вас длительной отлучки?

С прив. М. Шолохов».

Почти год Шолохов регулярно навещал Харлампия Ермакова. Они много курили, много говорили, бывало, что и спорили. Неслучайно позже Михаил Александрович напишет: «Все было под рукой – и материалы, и природа. Для Григория Мелехова прототипом действительно послужило

реальное лицо. Жил на Дону один такой казак… Но подчеркиваю, мною взята только его военная биография: «служивский» период, война германская, война гражданская».

Да что там «служивский» период! Внешность – и та списана с Харлампия Ермакова. Вглядитесь в снимок, сделанный тюремным фотографом, и сравните с описанием Григория. «Вислый, коршунячий нос, в чуть косых прорезях подсиненные миндалины горячих глаз, острые плиты скул обтянуты коричневой румянеющей кожей».

Таким увидели советские зрители Григория Мелехова в исполнении П. Глебова

В 1913-м двадцатидвухлетним парнем Харлампий был призван на военную службу. А через год попал на русско-германский фронт. Воевал Харлампий храбро и достойно: четыре Георгиевских креста, четыре медали и звание хорунжего. В октябре 1917-го перешел на сторону революционных войск, сражался против Каледина, а потом стал одним из самых надежных рубак в хорошо известном отряде Подтелкова. В бою под Лихой был ранен и отправился домой лечиться. Пока лечился, отряд был захвачен повстанцами. Подтелкова, Кривошлыкова и около восьмидесяти их бойцов казнили. Ермаков ринулся к красным, но станичники его перехватили и пригрозили расстрелом. Деваться было некуда, и он, если так можно выразиться, лег на дно…

Заложники красного террора Дело, конечно, прошлое, и теперь никто не сможет с уверенностью сказать, как сложилась бы судьба шолоховского друга-героя, да, впрочем, и всего Дона, если бы не патологическая ненависть Ленина и Троцкого к казачеству – именно они своими палаческими директивами спровоцировали массовые восстания и такие же массовые жертвы.

«ДИРЕКТИВА ЦК РКП(б). Секретно.

Необходимо учитывать опыт Гражданской войны с казачеством. Признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем их поголовного истребления.

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно.

2. Конфисковать хлеб.

3. Провести полное разоружение. Расстреливать каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи».

Вслед за этой директивой появляется еще одна, не менее кровожадная – ее издало Донбюро РКП(б).

«Во всех станицах и хуторах немедленно арестовать всех видных представителей данной станицы и хутора, пользующихся каким-либо авторитетом, хотя и не замешанных в контрреволюционных действиях. Отправить их как заложников в районный ревтрибунал. В случае обнаружения у кого-либо из жителей станицы или хутора оружия, будет расстрелян не только владелец, но и несколько заложников».

И покатились головы станичников под ударами красных комиссаров. Рубили и расстреливали старых вояк с медалями за взятие Шипки и молоденьких учительниц, Георгиевских кавалеров, пришедших на костылях после Брусиловского прорыва, и степенных священнослужителей… Замутился тихий Дон, забилась о его берега красная от крови волна, закипело казачье сердце – и все, кто мог держаться в седле, взялись за оружие. Так, в тылу Красной Армии, в районе станицы Вешенской, вспыхнуло восстание. По одним данным, его возглавил Харлампий Ермаков, по другим – его брат Емельян. Так это или не так, установить не удалось. Но то, что Харлампий воевал на стороне повстанцев, сомнений не вызывает. Причем был он не рядовым, а командовал всеми войсками, находящимися на левом берегу Дона.

Повстанец становится буденновцем И сам Ермаков, и его люди воевали яростно. Несколько позже, когда Харлампия арестуют, многочисленные свидетели будут изо всех сил выгораживать своего любимого есаула. Когда белых погнали до Черного моря, вплоть до Новороссийска, Ермаков эвакуироваться отказался и явился к командованию Красной Армии с предложением своих услуг. Ему поверили и поручили из оставшихся белоказаков сформировать отдельную бригаду. Вскоре бригада была сформирована и влилась в состав 1-й Конной армии под командованием Буденного.

Потом были бои на польском фронте, участие в разгроме Врангеля, преследование банд Махно, и все это в должности командира полка, а затем начальника дивизионной школы. В феврале 1923-го Харлампия наконец-то демобилизовали, и он вернулся домой. Причем, как он

впоследствии рассказывал, шел пешком через застывший Дон и на берегу встретил сына.

Напомню, что именно этим эпизодом заканчивается роман. О том, что было дальше, Шолохов не написал ни строчки, хотя, как известно, очень хотел…

О том, что не попало в роман Что же было с его другом дальше и каким могло быть продолжение романа? А дальше произошло следующее… Всего год прожил Харлампий с женой и детьми – 4 февраля 1924 года было заведено дело № 246 «О контрреволюционном восстании в Верхне-Донецком округе», и Ермакова арестовали. На допросах он не отрицал, что в восстании участвовал, но, как он говорит, «под угрозой оружия и расстрела всей семьи».

– Кто был организатором восстания и каковы его причины? – допытывался следователь.

– Организаторами были Суяров, Медведев и Кудинов. А причиной явились расстрелы, поджоги и насилия со стороны Красной гвардии.

Поняв, что допустил оплошность, назвав имена подлинных организаторов восстания, буквально на следующем допросе Харлампий исправляет ошибку, заявив, что истинным организатором восстания был его брат Емельян, который… недавно умер. И – все! Концы, как говорится, в воду.

Тем временем земляки Харлампия не сидели без дела. Они сочинили и подписали всем хутором очень любопытный документ, который в те годы назывался ОДОБРЕНИЕ.

«Мы, нижеподписавшиеся, даем настоящее одобрение гражданину нашего села Ермакову Х. В. в том, что он действительно честного поведения и за ним не замечено никаких контрреволюционных идей, а наоборот: охотно работал в сельсовете, проводил собрания, беседовал о налоговой кампании и первым откликнулся на призыв властей по погрузке хлеба в баржи».

Надо сказать, что по делу проходило еще семеро казаков. И все они держались стойко, друг на друга не наговаривали и все обвинения в жестокости и насилии отрицали. В мае 1925 года это признал и суд, определив, что «обвиняемые были не активными, добровольными участниками восстания, а призваны по мобилизации окружным атаманством. Избиение и убийство граждан происходило не на почве террористических актов как над приверженцами Соввласти, а как над лицами, принимавшими участие в расхищении их имущества. С момента совершения этих преступлений прошло более семи лет, обвиняемые за означенное время находились на свободе, занимались личным трудом, не будучи ни в чем замечены. Большинство из них служили в Красной Армии и имеют несколько ранений.

Решение суда: настоящее дело производством прекратить по целесообразности».

Зигзаги революционной целесообразности Дело прошлое, но кровь на обвиняемых была. У суда это не вызывало сомнений, да и свидетельские показания, если так можно выразиться, вопиют, но такова была в 1925 году революционная целесообразность. В 1927-м целесообразность стала другой, и в январе Харлампия снова

арестовывают.

На сей раз следователи были позубастее. Они нашли свидетелей, которые заявили, что «расстрелы красноармейцев проходили при участии самого Ермакова», что он «в станице Вешенской вел антисоветскую агитацию», что «объединяет вокруг себя кулаков, а бедноту ненавидит, говорит, что рано или поздно придет наша, офицерская власть и тогда мы вам покажем».

В неудачное, в очень неудачное время попал под арест Харлампий Ермаков. Начиналась коллективизация, казачество ей противилось, Дон мог снова взорваться, и большевики решили себя обезопасить, пустив в ход директивы РКП(б) 1919 года. Несмотря на официальный протест прокурора области и просьбу «дело производством прекратить за отсутствием состава преступления», 6 июня 1927 года коллегия ОГПУ принимает постановление: «Ермакова Харлампия Васильевича расстрелять». 17 июня приговор был приведен в исполнение.

Напомним, что почти за год до того Михаил Шолохов впервые написал Ермакову. А потом так сильно его полюбил, что чуть ли не буквально «списал» с него своего главного героя, на котором держится весь роман.

Вот так соединились три судьбы: Харлампия Ермакова, Михаила Шолохова и Григория Мелехова. Судя по всему, Шолохов не остался безучастным к судьбе Ермакова. Вероятно, он писал письма, звонил, требовал разобраться. Неслучайно в одной из бесед Сталин раздраженно заметил, что если Шолохов не поумнеет, то у «партии найдутся все возможности подыскать для «Тихого Дона» другого автора».

Шолохову передали эти слова – и он поумнел. Так поумнел, что навсегда ушел в себя, не создав больше ничего равного своему первому роману. Не зря же в одной из конфиденциальных бесед Михаил Александрович сказал: «Вы не ждите от меня что-нибудь значительнее «Тихого Дона». Я сгорел, работая над ним».

Кто и за что убил Павлика Морозова? *54 По материалам А. Лискина, полковника юстиции в отставке.*

Впервые о трагической гибели Павлика Морозова детям моего поколения стало известно в далекие времена, а именно в самом конце 1932 или начале 1933 года, когда в пионерской комнате нашей подмосковной средней школы появился в рамке под стеклом блеклый портрет мальчика в пионерском галстуке. Висевший ниже самодельный плакат извещал о том, что это Павлик Морозов, убитый кулаками в далекой уральской деревне Герасимовка. Приводилась и цитата из высказывания И.В. Сталина, назвавшего Павлика «недюжинным большевиком».

На пионерских сборах и школьных вечерах голосистые девочки стали исполнять о Павлике поминально-жалостливую песню, по словам которой Павлик «перед всей деревней выступая, своего отца разоблачил… был убит Морозов кулаками, был в тайге зарезан пионер».

В зале наступала гнетущая тишина. Ребята слушали, не шелохнувшись, а песня внушала: «Мы к убийцам ненависть утроим, потеряв в своих рядах бойца. Про дело погибшего героя не забыть ребятам никогда!» Песня призывала помнить погибшего, но в ней не было призыва следовать его примеру.

В газетах и по радио также сообщалось, что 25 октября 1932 года в деревне Каменково Курганского района Челябинской области (позже это район Курганской области) кулаки, расхищавшие колхозное зерно, убили пионера Колю Мякотина, сообщившего об их воровстве в сельсовет.

Павлик Морозов (в центре) среди сверстников

Кричала пропаганда и о том, что на Алтае озверевшие кулаки, бешено сопротивляясь становлению колхоза, заживо сожгли ночью в поле комсомольца-тракториста Петра Дьякова.

Снова лилась песня о трагической гибели комсомольца Дьякова, который был, как тогда выражались, застрельщиком в переустройстве постылой сельской жизни в сторону неведомого лучезарного социализма. Петр любил катать девчат на тракторе, за что благодарные подружки своевременно предупреждали его о готовящейся расправе со стороны злобных классовых врагов.

Им бы только ругаться да лаяться.
Злоба льется у них через край.
Кулачье до тебя добирается,
Комсомолец лихой, не плошай!

Но Дьяков не внял предупреждению. Ночью на поле изверги-кулаки подкараулили его и сожгли вместе с трактором.

Тогда же эту терзавшую души песню вдохновенно исполнял знаменитый народный хор имени Пятницкого.

Все эти песенные и газетные зверства врагов как бы наглядно подкрепляли внедрявшийся в мозги народа постулат о том, что по мере продвижения к социализму в стране и обществе будет обостряться классовая борьба.

И хотя, как теперь очевидно, эту борьбу ловко обостряли сами же власти, виноватыми оказывались «враги народа», в частности, зажиточные сельские мужики, которых, для ясности, те же власти окрестили кулаками, рождавшими капитализм стихийно, ежечасно и в массовом масштабе. Их-то и требовалось «ликвидировать, как класс», независимо от того, что на их трудах и достатке в значительной мере держалось материальное благополучие населения и самого государства, имевшего тогда возможность продавать Европе зерно, т.е. излишки урожаев, по демпинговым ценам.

Когда было покончено с кулаками и начались массовые аресты среди городского населения, несколько учеников нашей школы и знакомых ребят по улице осиротели. Их отцы были арестованы НКВД, как «враги народа», и сгинули в неизвестности, не оставив на земле даже своих могил. Мы переживали несчастье друзей, сочувствовали им, но твердо знали, что никто из них не сочинял доносов на своих арестованных отцов.

Много лет спустя, во времена так называемой перестройки, в нашей печати проскочило сообщение о том, что на тракториста Дьякова Петра никто не покушался и он не сгорел. Теперь он уже в солидном возрасте, жив и здоров.

Действительно ли был убит кулаками пионер Коля Мякотин – неизвестно. Может, он и погиб, но при каких-то других обстоятельствах, из которых бойкая пропаганда беззастенчиво сочинила террористический акт.

Что касается моральной оценки действий Павлика Морозова в печати, то ее можно разделить на две антагонистические части, по принципу: ПРЕЖДЕ и ТЕПЕРЬ!

В далекие годы после убийства в тайге Павла и брата Федора (9 лет) писатели В.Г. Губарев, поэты Л. Гусев, А. Сурков и другие взахлеб воспевали геройство Павлика за донос на отца.

Даже М. Горький – «великий пролетарский писатель» – не удержался от заклинаний. В статье «Вперед и выше, комсомолия» он писал: «Память о нем (П. Морозове. – *А. Л.*) не должна исчезнуть. Этот маленький герой заслужил монумента, и я уверен, что монумент будет поставлен». (Год за годом. Из пионерской летописи. М.: Молодая гвардия, 1961. С. 54). Памятник такой действительно был открыт 19 декабря 1948 г. в Москве в детском парке бывшего Краснопресненского района, где когда-то был создан первый пионерский отряд. (Недавно в газетах сообщалось, что бронзовый бюст Павлика украли с постамента.)

Теперь об имя погибшего подростка некоторые «радетели» нравов стараются вытирать грязные сапоги, не зная и не вникая в существо происшедшего.

В результате Павлик Морозов из героя превратился во врага общества. Между тем 5 апреля 1989 года в газете «Комсомольская правда»

в статье «Правда и вымысел» редактор отдела журнала «Человек и закон» В. Кононенко на основании материалов уголовного дела об убийстве Морозова пришел к верному и объективному выводу о том, что, когда в дер. Герасимовка судили Трофима Морозова (отца), Павлик был вызван в суд, где «открыто выступил… в присутствии матери и учительницы», …сказав «именно о том, о чем знала вся деревня. О присвоении Трофимом чужого, конфискованного у кулаков имущества. И не больше».

Отвлекаясь от этой полемики, хочется внести некоторую ясность в суть далеких событий. В 1967 году посчастливилось мне нести военную службу в должности помощника Главного военного прокурора Советской армии и ВМФ. По указанию зам. ГВП генерал-майора юстиции Б.А. Викторова мною из архива КГБ СССР было истребовано уголовное дело № Н-7825—66 г. об убийстве братьев Морозовых.

Дело состояло из двух увесистых томов. Первый том, собственно, и являлся уголовным делом по обвинению по ст. 58—8 УК РСФСР (в ред. 1926 г.), т.е. в совершении террористического акта против Павлика Морозова и его брата, Кулуканова Арсения Игнатовича, 1862 г. р. (ок. 70 лет), женатого на тетке Павла и Федора по отцу Трофиму; Морозова Сергея Сергеевича, 1851 г. р. (ок. 80 лет), Морозовой Ксении Ильиничны, 1851 г. р. (80 лет), т.е. деда и бабушки убитых, Морозова Данилы Ивановича, 1916 г. р. (19 лет), родственника убитых, и Силина Арсения Никитовича, 1892 г. р. (40 лет), жителя д. Герасимовка, возле которой 3 сентября 1932 года в тайге и были убиты братья Морозовы.

Второй том содержал большое количество хаотически подшитой макулатуры в виде писем и телеграмм, выражавших гнев и возмущение адресантов против убийц кулаков.

Итак, постараемся представить себе уральскую таежную глухомань того времени. В 360 км на северо-восток от Екатеринбурга находится г. Тавда, а до деревни Герасимовки от него еще сорок километров по грязной и ухабистой таежной дороге. Здесь и вовсе медвежий угол, освоенный переселенцами из витебского захолустья в конце XIX века. Заметим, что ближайшая тюрьма была в г. Ирбите, который от Тавды ближе к областному центру на 156 км.

В то время главным карательным органом было ОГПУ во главе с небезызвестным фальсификатором Ягодой, умевшим «сочинять» большие уголовные дела в больших городах. В медвежьих углах его подчиненные, «вылезая из кожи», мухлевали сочинения против граждан в соответствии со своим «табелем о рангах». Рабоче-крестьянская милиция была тогда структурным подразделением ОГПУ и действовала в соответствии с тем, что требовал Ягода. Главное – истребить классового врага! Так оно и случилось в таежной деревеньке Герасимовке.

Участковый инспектор милиции Тавдинского района полномочного представительства ОГПУ по Уральской (позже Свердловской) области Титов, совершая объезд «епархии», прибыв в Герасимовку, узнал об убийстве братьев Морозовых. Несомненно, он был в курсе дела предшествовавшей этому семейной драме Морозовых. Как говорится, на его глазах председьсовета Трофим Морозов, бросив жену с четырьмя детьми, перешел жить к разбитной местной соблазнительнице и, присваивая имущество местных раскулаченных жителей, имел большую

возможность изрядно выпить и прочно закусить. Загул кончился для Трофима скверно, его судили, приговорив к десяти годам ссылки. На суд действительно вызывали Павла в качестве свидетеля, и, как отмечалось выше, он в суде показал о том, что хорошо было известно всем жителям таежной деревушки.

Дети и жена Трофима Татьяна остались без куска хлеба. Помощи от родителей мужа Татьяне ждать было бесполезно, а ее отношения со свекром и свекровью из неприязни переросли во вражду и ненависть. Роль кормильца семьи перешла к Павлу (рожд. 1918 г.), достигшему 13—14 лет. Ему пришлось расхлебывать эту «кашу», взяв на себя все крестьянское лихо, вплоть до пахоты земельного надела. Такой тяжелый труд был явно не под силу пионеру со школьной фотографии. Его мог совершать только крепкий, физически сильный деревенский подросток. Вряд ли ему хватало времени для пионерских сборов. Да и неизвестно, была ли тогда в Герасимовке пионерская организация.

Участковому инспектору Титову выяснять этого не требовалось. Ему все было очевидно.

В начале сентября в клюквенниках вокруг деревни созрела ягода, и жители приступили к заготовке. Татьяна Морозова, как на беду, по каким-то делам отправилась в Тавду, а Павел с братом Федей, взяв мешки, пошли в лес, откуда им уже не суждено было вернуться живыми. Вернувшаяся из Тавды мать, обнаружив исчезновение двух сыновей, подняла крик, завыла на всю деревню, и ее жители нашли в тайге Федю и Павлика, на труп которого был одет клюквенный мешок.

Обезумевшая от горя мать и бабка убитых выражали свою яростную вражду друг к другу, не сдерживая эмоций. В ответ на выпады снохи бабка Ксения якобы орала: «Вот мы и сделали мясо!»

Бдительному инспектору милиции оказалось нетрудно сделать «зоркий» вывод из истерических криков двух разъяренных женщин. А Арсений Кулуканов был давно на примете, так как имел в далеком прошлом некое отношение к жандармерии. Дед Павла в далекой молодости у той же контры исполнял обязанности посыльного. Возможно, эти зацепки были подсказаны Титову его шефами и не являлись его собственным озарением.

Титов действовал решительно. Не возбуждая уголовного дела, не обращаясь к прокурору за санкцией на арест, он с ходу запихал за решетку восемь жителей деревни. Вскоре троих пришлось освободить.

Главным аргументом вины Кулуканова, да и Морозова Сергея, было «классовое чутье» Титова и ОГПУшная методика следствия без «белых перчаток».

Кулуканов, мужик твердый, никаким приемам не покорился и все нахрапистые обвинения напрочь отрицал (даже на суде). Но молодой Данила сломался. Он начал врать, оговаривать себя и других. Он даже явно не знал, сколько и каких ножевых ран нанесено Павлу. Он путал и врал. Признавался и отказывался. Менял показания и дед Сергей. От Титова следствие перешло к чинам более высоких ступеней служебной лестницы полномочного представительства ОГПУ, которые умело подводили Данила к восстановлению «признательных» показаний.

По делу значились вещественные доказательства: штаны Данилы, рубашка деда Сергея и их домашние ножи. На этих предметах якобы должна быть кровь убитых. Однако, увы, ее не оказалось.

Толковые следователи нашли выход из такого «недоразумения». Восьмидесятилетняя бабка Ксения тут же призналась, что штаны и рубашку она успела застирать в щелоке.

Забегая вперед, заметим, что именно этому бабкину «признанию» поверил суд, не придав значения аргументированному заключению независимой медицинской экспертизы об отсутствии следов крови на «вещдоках». Однако такие «странные» противоречия, как и многие другие противоречия в доказательствах, не тревожили следователей. Они уверенно «ломились в открытую дверь».

Без процессуального оформления в уголовное дело был вшит клочок бумаги с напечатанным на пишущей машинке безграмотным текстом якобы поданного Павликом в милицию заявления на своего отца, помогавшего кулакам. Оно было заверено росчерком-закорюкой неизвестного лица, но на нем не было печати и, самое главное, не имелось справки о том, где находится подлинник, чтобы его истребовать и осмотреть. То есть на взгляд профессионала это была самая неприглядная «липа».

Уральский выездной суд не утруждался в оценке явных противоречий в доказательствах. Вероятнее всего, он исходил из «классовых» взглядов.

28 октября 1932 года суд вынес жестокий приговор о расстреле Кулуканова, а также Морозовых Сергея, Ксении и Данилы, признав их виновными в теракте против Павла и Феди Морозовых.

В отношении Силина суд был вынужден вынести оправдательный приговор, так как доказательств его вины не оказалось, а к явной контре он не относился.

Тогдашнее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривало участия в судебных заседаниях представителей общественности, но в данном случае здесь присутствовала широкая гласность. Кроме гособвинения и адвоката на процессе выражали «доказанность преступлений» и «гнев народа» два общественных обвинителя, кажется, от пионеров и комсомола.

Вопреки такой показухе в суде все же вскрылись мордобой и фальсификация со стороны Титова, и суд вынес частное определение о привлечении его к уголовной ответственности.

Все осужденные к расстрелу подали кассационные жалобы, но Судебная коллегия Верховного суда РСФСР в феврале 1933 года приговор оставила в силе.

Приговор был приведен в исполнение только в отношении Кулуканова и Морозова Данилы, дед и бабушка убитых внуков умерли в тюрьме от неизвестных причин.

В 1955 году это уголовное дело изучалось в прокуратуре СССР, где должностные лица пошли по проторенной следствием и судом дорожке и признали приговор законным…

Тогда же бюро ЦС ВПО им. Ленина приняло решение о занесении в Книгу почета Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина

пионера Павлика Морозова.

Поскольку в 1967 году ст. 58—8 УК РСФСР в отношении гражданских лиц уже не входила в компетенцию ГВП и у нас не было чьих-либо заявлений о пересмотре этого дела, мое руководство не решилось вступать в схватку с Генеральным прокурором СССР Р.А. Руденко, тем более что к тому времени «хрущевская оттепель» в верхах стала именоваться «слякотью».

Уголовное дело было возвращено в архив.

В 1981 году, отдыхая в санатории г. Ялты, из газеты «Комсомольская правда» я узнал, что Морозова Татьяна Семеновна с сыновьями Алексеем и Романом проживает в г. Алупке.

Одна из врачей, увидев статью о Морозовых, рассказала, что является их ближайшей соседкой. С ее слов все окружающие Морозову соседи имеют о ней отрицательное мнение, так как из ее же разговоров сделали вывод, что именно по ее навету дед и бабушка Павлика и Феди осуждены несправедливо.

В 1995 году, работая над мемуарами (они уже частично опубликованы), я вернулся к проблеме об убийстве братьев Морозовых. Меня заинтересовало уголовное дело Трофима Морозова. Подумалось, что материалы его помогут внести ясность и окончательно убедиться в роли Павла по делу его отца.

Оказалось, что в информационных центрах МВД РФ и ГУВД Свердловской области об аресте и судимости Морозова Трофима Сергеевича 1880 года рождения никаких сведений не имеется. Только из свердловского объединенного историко-архивного краеведческого института мне сообщили, что: «со слов односельчан, он отбыл заключение и жил в Тюменской области», а «переселению семьи Татьяны Морозовой в г. Алупку в 1938 году содействовала Н.К. Крупская».

Из УВД Тюменской области мне быстро ответили, что в отношении Морозова Т.С. у них никаких сведений нет.

Скорее всего, теперь установить убийц братьев Морозовых уже невозможно. Не узнаем мы и о причинах совершенного преступления, если где-то, в каких-то потайных архивах не осталось каких-либо документов.

Однако закон и правосудие в отношении Кулуканова Арсения, Морозова Сергея, Морозовой Ксении и Морозова Данилы, осужденных за недоказанное преступление, должны восторжествовать. Все четверо подлежат полной реабилитации, которая будет иметь принципиальное значение для прекращения спекуляций и глумления над именем Павлика Морозова.

P. S. Неожиданно стало известно о том, что данное уголовное дело в октябре 1998 года тщательно изучалось профессионалами в прокуратуре Свердловской области, которые пришли к единственно обоснованному выводу о необходимости:

«Войти с ходатайством к Генеральному прокурору Российской Федерации о внесении в порядке надзора протеста в Президиум Верховного суда Российской Федерации об отмене приговора Уральского областного суда от 28 ноября 1932 года и определения Верховного суда РСФСР от 28 ноября 1932 года в части осуждения Морозова Данила Ивановича, Морозова Сергея Сергеевича, Морозовой Ксении Ильиничны,

Кулуканова Арсения Игнатьевича по ст. 58—8 УК РСФСР (в ред. 1926 г.) и прекращении дела за недостаточностью улик для обвинения подсудимых».

Это заключение утверждено прокурором Свердловской области государственным советником юстиции 2-го класса В.И. Туйковым 23 октября 1998 года.

Если Президиум Верховного суда Российской Федерации примет такое решение, то во имя справедливости было бы крайне необходимо глубоко проверить тайные углы запыленных архивов и попытаться найти и вытащить на свет божий не только фальсификаторов химеры, но и имена действительных убийц ни в чем не повинных братьев Морозовых.

Неизвестный Дзержинский *55 По материалам И. Дмитриева.*

Несколько лет назад мэр Москвы Юрий Лужков неожиданно выступил с предложением восстановить на Лубянской площади памятник Дзержинскому. Свою идею он обосновал тем, что Железный Феликс, дескать, был не только председателем ВЧК, но и «крепким хозяйственником». Довод, надо признаться, выглядит странновато, но заявление Лужкова возродило активную дискуссию в обществе, которая не прекращается и поныне.

В духе ненависти к москалям Феликс Дзержинский родился 30 августа (11 сентября) 1877 года в небольшом имении Дзержиново Ошмянского уезда Виленской области. Его отец, Эдмунд Иосифович Дзержинский, происходил из обедневшей дворянской семьи и работал учителем, мать – Елена Игнатьевна (в девичестве Янушевская) – была дочерью профессора Петербургского железнодорожного института. Официальные биографы Феликса Дзержинского замалчивают обстоятельства знакомства его родителей. Вероятно потому, что история создания этой семьи не вписывалась в рамки партийно-советской идеологии. Молодой домашний учитель, взявшийся обучать несовершеннолетнюю дочь профессора (ей было тогда 14 лет) точным наукам, соблазнил ее. Вскоре все открылось, и, дабы избежать позора, любовников быстро поженили и отправили под предлогом продолжения учебы Елены Игнатьевны в Таганрог. В 1982 году Эдмунд Иосифович умер от туберкулеза, оставив на руках тридцатидвухлетней вдовы восемь детей.

Дзержинский и Сталин

В детстве Феликс, как и остальные дети в семье, воспитывался матерью в духе ненависти к «москалям», которые лишили поляков независимости, постоянно преследовали их, душили налогами. Позднее Дзержинский признавался: «Еще мальчиком я мечтал о шапке-невидимке и уничтожении всех москалей». До 1894 года он был истовым католиком и не только исступленно молился сам, но заставлял молиться всех братьев и сестер. В 16 лет Феликс Дзержинский твердо решил стать католическим священником. Однако мать и близкий семье ксендз отговорили его от такой карьеры. И в 1894 году он находит себе… нового бога – автора «Капитала».

Кое-что из личной жизни Вопреки утверждениям официальных биографов Дзержинский никогда не был отличником в учебе. В первом классе Виленской гимназии он остался на второй год. Его соученик – впоследствии польский диктатор Юзеф Пилсудский – вспоминал: «Гимназист Дзержинский – серость, посредственность, без каких-либо ярких способностей». Приобщившись к революционной деятельности, Феликс вообще потерял интерес к учебе, которая закончилась для него в 1896 году в выпускном классе гимназии, когда он прилюдно дал пощечину учителю немецкого языка.

Все это свидетельствует о том, что настоящего образования Дзержинский не имел. Что касается русского языка, то он всю жизнь писал по-русски с ошибками, а говорил с сильным польским акцентом.

В молодости Феликс пережил страстный и трагический роман с некой Юлией Гольдман, с которой познакомился в 1897 году. До знакомства с Дзержинским она состояла в «Бунде», затем присоединилась к социал-демократам. Как и ее возлюбленный, Юлия страдала туберкулезом в тяжелой форме. В августе 1902 года молодые люди отправились в Швейцарию для лечения. Их состояние было настолько тяжелым, что они уже думали о близкой смерти. Но Феликс выздоровел, а Юлия умерла у него на руках.

Со своей официальной женой – Софьей Сигизмундовной (в девичестве Мушкат) – Дзержинский познакомился в 1905 году в Варшаве. Молодая революционерка красотой, мягко говоря, не блистала и серьезно увлечь Феликса явно не могла. До августа 1910 года, когда они поженились, Дзержинский виделся с будущей супругой очень редко. Да и потом он не баловал ее своим обществом. Достаточно сказать, что после своего освобождения в конце февраля 1917 года из Бутырской тюрьмы он впервые встретился с ней лишь в сентябре 1918 года.

Рождение в 1911 году сына Яна тоже не могло способствовать укреплению этой семьи. Ясек, как называл его отец, появился на свет в тюремной пересылке и был чрезвычайно болезненным ребенком – он страдал рахитом и постоянно отставал в развитии. В конце концов врачи вынесли ему диагноз: слабоумие. После рождения мать отдала его в приют, а затем он долгое время жил у ее родных в Минской губернии. Тем не менее сына Дзержинский любил и был верным мужем.

Боевик-революционер-оппозиционер… Революционной деятельностью Феликс действительно начал заниматься с юности. В 1896 году, после исключения из гимназии, Дзержинский становится членом Социал-демократической партии Литвы (ЛСДП). Но занимался он в то время не агитацией на заводах и фабриках, а созданием групп боевиков, которые подстрекали рабочих к вооруженным выступлениям, организовывали теракты, расправлялись со штрейкбрехерами. В марте 1897 года боевики Дзержинского искалечили железными прутьями группу рабочих, не желавших бастовать. А в 1904 году в городе Новоалександрия Феликс попытался поднять вооруженное восстание и взорвать офицерское собрание местной воинской части. В последний момент его напарник испугался, и дело закончилось ничем.

Впрочем, утверждать, что Дзержинский выступал лишь в роли боевика, было бы неправильно. Но и заявления его официальных биографов о том, что он всю жизнь «был верным и несгибаемым ленинцем», далеки от действительности. Ведь почти во всех партийных разногласиях Дзержинский занимал позицию, противоположную ленинской. Так, в 1910—1911 годах в Социал-демократической партии Польши и Литвы (СДКПиЛ) произошел раскол, в результате которого образовались две группы: «жондовцы» (правленцы) и «розламовцы» (раскольники). «Жондовцы» являлись, по сути дела, польскими меньшевиками, а их лидерами были Люксембург, Тышка и Дзержинский. «Розламовцы» и их лидеры (Ганецкий, Радек, Уншлихт) стояли на

большевистских позициях. Кстати, именно это обстоятельство было причиной того, что после 1917 года авторитет Уншлихта в польском землячестве в советской России (особенно среди поляков-чекистов) был выше, чем у Дзержинского. И именно поэтому он, будучи председателем ВЧК, опирался не на поляков, а на латышей и литовцев.

Дзержинский занимал отличную от Ленина позицию и по вопросу о Брестском мире. И только 23 февраля 1918 года, когда Троцкий после немецкого ультиматума отказался голосовать против Ленина, он изменил свою точку зрения.

По «доверенности» Ильича Правда, оппозиционные проступки Дзержинского не лишили его доверия Ленина. И в конце 1918 года в тяжелое для Советской республики время Ильич доверяет ему задание особой важности – обеспечить финансовой поддержкой революционные выступления в Европе, а также положить в западных банках на именные счета большевистских лидеров крупные суммы денег на случай, если революция в России потерпит поражение. Центром проведения этой тайной операции стала Швейцария, где в сентябре 1918 года открылась советская дипломатическая миссия.

Вместе с Дзержинским в Швейцарию отправился член коллегии ВЧК и секретарь ВЦИК Аванесов. Об их миссии практически никто не знал. Выехали они, по всей видимости, нелегально, так как никаких виз НКИД на них не оформлял. В октябре Дзержинский прибывает в Швейцарию, забирает жену, работавшую в советской миссии секретаршей, и вместе с ней и сыном отправляется на курорт в Лугано. Вероятно, именно это обстоятельство дало возможность советским историкам утверждать, что в Швейцарию он отправился для поправки пошатнувшегося здоровья.

В Лугано Дзержинский, разумеется, не лечился. Результаты его поездки в Европе почувствовали очень скоро – 9 ноября 1918 года отрекается от престола Вильгельм II, а 11 ноября революция в Австро-Венгрии свергает монархию Габсбургов. Выполнил Феликс и вторую часть задания Ленина, и вскоре в банках Европы и Америки стали появляться счета Троцкого (1 млн долларов и 90 млн швейцарских франков), Ленина (75 млн швейцарских франков), Зиновьева (80 млн швейцарских франков), Ганецкого (60 млн швейцарских франков и 10 млн долларов), Дзержинского (80 млн швейцарских франков).

Просто крестик Когда говорят о назначении Дзержинского председателем ВЧК, то уходят от вопроса, почему столь важный государственный пост был доверен человеку, не занимавшему в РКП(б) какого-либо значительного положения. Но вот слова известного советского дипломата Леонида Красина: «Дзержинский, в сущности, хитрая бестия, запугивающая Ленина контрреволюцией и тем, что она сметет нас всех и его в первую очередь. А Ленин, в этом я окончательно убедился, самый настоящий трус, дрожащий за свою шкуру. И Дзержинский играет на этой струнке».

О Дзержинском как о руководителе ВЧК и творце красного террора написано очень много. Его подпись стоит под огромным числом смертных приговоров. На одном из заседаний Совнаркома в 1918 году Ленин послал Дзержинскому записку: «Сколько у нас в тюрьмах злостных контрреволюционеров?» Тот написал в ответ: «Около 1500». Ленин

хмыкнул и, поставив около цифры крест, вернул записку Дзержинскому, который сразу же покинул заседание. А утром стало известно, что 1500 «злостных контрреволюционеров» расстреляли. Позднее секретарь Ленина Фотиева заявила: «Произошло недоразумение. Владимир Ильич вовсе не хотел расстрела. Дзержинский его не понял. Наш вождь обычно ставит на записке крестик в знак того, что прочитал ее и принял к сведению».

Впрочем, такая ошибка простительна человеку, лично принимавшему участие в расстрелах, чему есть документальные подтверждения. Исследователь Э. Хлысталов приводит протокол заседания ВЧК от 26 февраля 1918 года: «Слушали – о поступке т. Дзержинского. Постановили: ответственность за поступок несет сам и он один, Дзержинский. Впредь же все решения вопросов о расстрелах решаются в ВЧК, причем решения считаются положительными при половинном составе комиссии, а не персонально, как это имело место при поступке Дзержинского».

Бойся конкурентов Став во главе карательной машины, неизвестный широкому кругу большевиков, но отличавшийся крайним властолюбием, Дзержинский боялся потерять пост председателя ВЧК. Об этом свидетельствуют его взаимоотношения с первыми заместителями, которые руководили аппаратом и отвечали за повседневную деятельность чекистов. Дзержинский авторитетных заместителей при себе не терпел и избавлялся от них при первой же возможности.

С 1918 по 1920 год должность первого заместителя занимал М.Я. Петерс, о котором все знавшие его отзывались как о кровавом чудовище. Именно ему принадлежат знаменитые фразы: «Каждому революционеру ясно, что революция в шелковых перчатках не делается», и «Всякая попытка контрреволюции поднять голову встретит такую расправу, перед которой побледнеет все, что понимается под красным террором». После эсеровского мятежа в Москве, когда Дзержинского отстранили от работы в ВЧК, исполняющим обязанности председателя с 7 июля по 22 августа 1918 года был именно Петерс, чего Дзержинский ему простить не смог. В результате в начале 1920 года Петерс был назначен членом Туркестанского бюро ЦК РКП(б) и полномочным представителем ВЧК в Туркестане.

Сменивший Петерса Ксенофонтов (Крайков) также показался Дзержинскому опасным соперником. Дело в том, что он дважды (в апреле – октябре 1920 года и феврале-марте 1921 года) исполнял обязанности председателя ВЧК. Первый раз – когда Дзержинский был командирован на Украину для борьбы с бандитизмом и контрреволюцией, а потом занимался вопросами польской революции в созданном в июле 1920 года на Западном фронте Временном революционном комитете Польши. Второй – когда Дзержинского вновь направили на Украину для восстановления угольной и металлургической промышленности Донбасса. Поэтому Ксенофонтов был смещен, а его место занял Уншлихт. Впрочем, это назначение тоже принесло Дзержинскому мало радости. Как уже говорилось, Уншлихт пользовался в польском землячестве в советской России гораздо большим авторитетом, чем Дзержинский. Да и не только в польском землячестве.

Уншлихт был первым заместителем главы ВЧК с апреля 1921-го по сентябрь 1923 года, так что Дзержинский видел в нем опасного конкурента,

который фактически взял все дела ВЧК (с февраля 1922 года – ГПУ) в свои руки – его подпись стоит под всеми важными документами. И вздохнул свободно «Железный Феликс» только после того, как Уншлихта назначили членом Реввоенсовета, где он курировал разведки РККА, ИНО ГПУ и Коминтерна.

Тогда Дзержинский сумел посадить в кресло первого заместителя председателя ГПУ Менжинского – человека, не пользовавшегося в партии авторитетом и не имевшего никаких личных амбиций. Именно он и был первым замом до самой смерти Дзержинского, а потом занял его место.

Вверх по иерархической лестнице Боязнь потерять власть, стремление расширить сферу своих полномочий помимо ВЧК-ОГПУ постоянно толкали Дзержинского на участие во всякого рода политических склоках. В 1919 году после смерти Свердлова, когда равновесие в большевистском руководстве было нарушено, вступил в союз со Сталиным и Зиновьевым против Троцкого, которого прежде поддерживал.

Впрочем, главным образом свое непомерное тщеславие и жажду власти Дзержинский удовлетворял тем, что занимал массу других, помимо председателя ВЧК-ОГПУ, правительственных и государственных постов.

Трудно найти другого большевистского деятеля, который имел бы столько официальных должностей одновременно. Перечислим их по порядку: с апреля 1919-го по июнь 1923 года – нарком внутренних дел РСФСР; с августа 1919-го по июль 1920 года – начальник Особого отдела ВЧК; с 19 февраля 1920 года – председатель Главного комитета по всеобщей трудовой повинности (Главкомтруд); с 5 апреля 1920 года – кандидат в члены Оргбюро ЦК РКП(б); с 29 мая 1920 года – начальник тыла Юго-Западного фронта; в июле – августе 1920 года – член Временного революционного комитета Польши; с 27 января 1921 года – председатель комиссии при ВЦИК по улучшению жизни детей; в январе – феврале 1921 года – руководитель комиссии по восстановлению угольной и металлургической промышленности Донбасса; с апреля 1921-го по февраль 1924 года – нарком путей сообщения; в январе – марте 1922 года – особоуполномоченный ВЦИК по Сибири; с 20 апреля 1922 года – член Особого временного комитета по науке при СНК; со 2 сентября 1922 года – председатель комиссии СТО по борьбе со взяточничеством; с 22 января 1924 года – председатель комиссии президиума ЦИК СССР по организации похорон В.И. Ленина; со 2 февраля 1924 года – председатель ВСНХ СССР; с апреля 1924 года – председатель Высшей правительственной комиссии по металлопромышленности; со 2 июня 1924 года – кандидат в члены Политбюро и член Оргбюро ЦК РКП(б). Отдельной строкой подчеркнем: Дзержинский был председателем Общества по изучению проблем межпланетных сообщений. Любой знающий управленец скажет, что при таком количестве должностей реально Дзержинский ничем руководить не мог. И действительно, в 20-х годах, приходя на заседания Коллегии ГПУ, он каждый раз спрашивал фамилии большинства выступавших, несмотря на то что те занимали руководящие чекистские посты. Заметное место в партийной иерархии Дзержинский занял только в 1924 году, став кандидатом в члены Политбюро.

Здоровье превыше всего Существует еще один миф о «Железном Феликсе» – якобы он работал на износ и совершенно не

заботился о собственном здоровье. На самом деле этот пламенный большевик ставил свое здоровье превыше всего, считая, что он обязан жить долго ради торжества коммунизма во всем мире. Поэтому регулярно ездил в санатории, а кремлевские врачи постоянно осматривали его. Каждый день Дзержинский принимал хвойные ванны, а сотрудница ВЧК-ОГПУ Григорьева лично отвечала за то, чтобы ему «враги пролетариата в воду не подмешали отраву».

Вот только один протокол консилиума врачей о состоянии здоровья Дзержинского от 22 октября 1925 года: «Диагноз: отсутствие атеросклероза и гипертонии. В анамнезе припадок вроде стенокардического. Головные боли неопределенного характера. Рекомендуется: умерить страстность при работе. Регулярный отдых. Много спать, не менее 8 часов отдыхать. После обеда отдыхать 1 час, не засыпая. Два раза в год отпуск не менее 4 недель каждый с пребыванием на Кавказе, который уже оказал благотворное действие… ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ И НЕ СЧИТАТЬ СЕБЯ ЧЕРЕСЧУР БОЛЬНЫМ (выделено авт. – *Ред.*). Два дня в неделю свободных от работы. Время от времени курить не более 6 папирос в день (на Кавказе), при работе не более 20 папирос…»

Разумеется, для здоровья важно правильно питаться. По воспоминаниям соратников Дзержинского, ел он плохо, пил пустой кипяток. Сергеев приводит случай, имевший место в Сибири в 1922 году: «Однажды, когда я сидел вдвоем с Феликсом Эдмундовичем в его вагоне, товарищ принес ему стакан молока. Феликс Эдмундович смутился до последней степени. Он смотрел на молоко, как на совершенно недопустимую роскошь, как на непозволительное излишество в тяжелых условиях жизни того времени».

Такого рода фактами богаты воспоминания большевиков. Но врачи, следившие за здоровьем Дзержинского, рекомендовали ему употреблять следующие продукты: «1. Разрешается белое мясо – курица, индюшатина, рябчик, телятина, рыба; 2. Черного мяса избегать; 3. Зелень и фрукты; 4. Всякие мучные блюда; 5. Избегать горчицы, перца, острых специй».

И Дзержинский строго придерживался рекомендаций медиков. Вот, например, одно из многочисленных его меню: « *Понед. Консомэ из дичи, лососина свежая, цветная капуста по-польски; Вторн. Солянка грибная, котлеты телячьи, шпинат с яйцом; Среда. Суп-пюре из спаржи, говядина булли, брюссельская капуста; Четв. Похлебка боярская, стерлядка паровая, зелень, горошек; Пятн. Пюре из цв. капусты, осетрина ам, бобы метрдотель; Суббота. Уха из стерлядей, индейка с соленьем (моч. ябл., вишня, слива), грибы в сметане; Воскр. Суп из свежих шампиньонов, цыпленок маренго, спаржа».*

Однако, несмотря на старания врачей, тщательный уход и прекрасное питание, Дзержинский умер в возрасте 48 лет. Это случилось 20 июля 1926 года в 16 часов 40 минут в кремлевской квартире почти сразу после того, как он выступил с речью на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Патологоанатом Абрикосов и еще пять врачей констатировали смерть «от паралича сердца, развившегося вследствие спазматического закрытия просвета венозных артерий».

Миф о «Железном Феликсе» начали создавать при Хрущеве. После ареста в 1953 году Берии авторитет и престиж органов госбезопасности

начали падать. Требовалось срочно создать положительный образ руководящего сотрудника органов. Понятно, что Ягода, Ежов, Меркулов, Абакумов, а уж тем более Берия на эту роль не подходили. Оставался Дзержинский, которого за неимением лучшего и «канонизировали». С тех пор легенды о «Железном Феликсе» гуляют сами по себе и разрушать их никто не торопится – а вдруг пригодятся…

Сорок лет ссылки за любовь *56 По материалам В. Рябого.*

Об этой женщине написано до обидного мало. Имя Анны Тимиревой, вошедшей в историю как гражданская жена Колчака, упоминается больше в связи с ее знаменитым возлюбленным. А ведь и сама она была личностью легендарной и страстной и сполна заплатила за свою любовь к опальному генералу.

В начале марта 1960 года советская власть сделала подарок одной из представительниц прекрасного пола – Анне Тимиревой, прекратив в отношении ее судебное преследование, продолжавшееся ни много, ни мало 40 лет.

Вся ее вина заключалась в любви к одному из заклятых врагов советской власти – Александру Колчаку.

Анна Тимирева приняла любимого человека всего без остатка: его взгляды, характер, политические пристрастия, его физические недуги. Рассказывают, что большевик Чудновский, после того как Анна Васильевна «самоарестовалась», отказавшись ехать «на все четыре стороны», вне протокола выговаривал ей:

– Я не понимаю вас. Вроде серьезная вы женщина, образованная, и поддерживаете Колчака – этого палача, врага трудового народа. Не знаю, чем кончится этот… это дело, но он уже сейчас – политический труп. Вы ничего не выиграете от этой компании с ним. Ехали бы себе куда глаза глядят… Пока не поздно.

Анна Васильевна ответила так:

– Скажите, а вот если бы ваша жена попала в такую беду?

– Но он вам не муж!

– Это не важно. Я люблю его, это главное. И все же, если бы ваша жена оказалась в подобном положении, а вам бы предложили – «на все четыре стороны», вы бы уехали?

– Надеюсь, у меня не будет такой необходимости – выбирать…

– Может быть. Но я в этом не уверена. И все же, вы не ответили…

– Я не обязан вам отвечать. Не я у вас на допросе, а вы у меня… Мы не для того свергли царя, чтобы все в кучу валить: и мировую революцию, и вашу любовь. Без советской власти не может быть ни настоящей любви, ни настоящей семьи. Ради этой власти мы жизни свои кладем…

Анна Васильевна помолчала, повернулась к выходу и вдруг неожиданно, не повернув головы, произнесла:

– Вот поэтому я вашу власть и не могу принять.

Она вошла в историю как гражданская жена Колчака.

Но она же была и дочерью Василия Сафонова, русского пианиста, дирижера, профессора, 15 лет возглавлявшего Московскую консерваторию, основателя оригинальной пианистической школы.

Кажется, у Анны Васильевны своя роль, свое место в истории. Ее судьба сравнима с судьбой княгини Ярославны, жены князя Игоря из

«Слова о полку Игореве», чувствующей на расстоянии боль и страдания любимого человека и как бы умирающей вместе с ним.

А.В. Тимирева

В 1952 году из эмиграции вернулся в Россию Борис Георгиевич Старк, священнослужитель, сын адмирала, служившего с Колчаком с начала Первой мировой и почти до последних его дней, зять адмирала Развозова.

Первый раз он увидел Анну Васильевну в Гельсингфорсе, будущем Хельсинки, который она позже называла «красивым, очень удобным, легким каким-то городом». Именно здесь Анна Васильевна впервые познакомилась с Колчаком, именно здесь жена Колчака Софья Федоровна, увидев вместе Колчака и Тимиреву, только что представленных друг другу, мирно беседующих, сказала своей подруге, жене Развозова, Марии Александровне:

– Вот увидите, что Александр Васильевич разойдется со мной и женится на Анне Васильевне.

В памяти Бориса Георгиевича остался яркий, незабываемый образ этой великолепной женщины в черном шелковом платье, необычайно стройной, с красными розами, вплетенными в волосы. Не раз при нем ее называли одной из красивейших женщин Москвы.

Борис Старк позже вспоминал в беседе с ярославской журналисткой И. Вагановой:

– Когда я прочитал роман Толстого «Анна Каренина», мне казалось, что героиня должна быть непременно похожа на Анну Васильевну Тимиреву. Во всяком случае, когда я произносил или слышал «Анна

Каренина», я всегда представлял Анну Васильевну Тимиреву.

И вот вам причуда судьбы. С 1946 по 1949 год, во время своего первого пребывания в Рыбинске, «в минусе» (за пределами зоны в 100 км от столицы, определенных властями) Анна Васильевна не только работала бутафором в театре, но и исполняла эпизодические роли в спектаклях Рыбинского драматического театра. А незадолго до своего ареста участвовала в постановке «Анны Карениной» в инсценировке Ильи Рубинштейна. Сохранилась программка спектакля. Анна Васильевна указана там дважды – как бутафор и как исполнитель роли княгиниМягкой.

В одном из писем перед своим последним арестом она пишет родственникам в Москву: «…Я очень замотана со спектаклями – две пьесы готовить, в третьей играть. В общем, я влипла в клейкую бумагу и не знаю, насколько такой работы без выходных меня хватит… Надеюсь, что теперь (временно, конечно) не будут задерживать зарплату, пока «Анна Каренина»» делает аншлаги, дивная картина, у кассы надпись – «Все билеты проданы на сегодня и завтра», и небольшой хвостик.

…Я чувствую себя бутафором, а не актрисой ни в какой мере, хотя, кажется, не очень выпадаю из стиля (не комплимент стилю)».

Два отрезка времени провела она в Рыбинске. Жила по двум адресам. Последний адрес – квартира на углу улицы Гоголя и Волжской набережной. А напротив – дом, в котором когда-то родился Генрих Ягода. Зловещее соседство!

Она писала стихи. Чем дальше в мирную жизнь, тем сильнее ее чувства и память обращены в прошлое.

Так глубоко ты в сердце врезан мне,
Что даже время потеряло силу,
Что четверть века из своей могилы
Живым ты мне являешься во сне.
Любовь моя, и у подножья склона,
И в сумерках все не могу забыть,
Что в этот страшный мир, как Антигона,
Пришла не ненавидеть, но любить.

В Рыбинске у Анны Васильевны появились близкие друзья. Например, Нина Владимировна Иванова, у которой она одно время жила, сотрудница городского музея и бутафор в театре. Новый директор музея Эмилия Павловна Стужина, востоковед. Дружба с ней растянулась на всю жизнь. Среди молодых – прежде всего Илья Лифшиц, будущий главный художник театра и член Союза художников.

Недоброжелателей и врагов тоже хватало. Один из второсортных актеров того времени уже и по прошествии многих лет не может простить Анну Тимиреву за ее связь с белогвардейцем Колчаком.

Этот актер П. так описывает Тимиреву:

«Чувствовалось, что она не профессиональная актриса. На лагерной фотографии она худая. А здесь лицо круглое у нее было. Мне почему-то запомнились ее острые глаза».

«Она считала себя белой костью, к актерам относилась пренебрежительно… Она, по-моему, согласилась играть эту роль (Мягкой. –

Авт.), исходя из своих представлений и нравственных устоев, потому что этот спектакль о прошлом, о дворянстве».

Вместе с тем П. признался, что в Тимиревой несомненно что-то было, что наперекор всему делало ее пребывание на сцене оправданным и убедительным. Не зря же уже позднее Анну Васильевну приглашали на роли благородных дам, аристократок в кино. К примеру, в фильм Бондарчука «Война и мир» и Гайдая «Бриллиантовая рука».

После выхода в свет в 1996 году книги «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна», материалы из которой частично использованы здесь, в журнале «Новый мир» появилась рецензия Ю. Кублановского.

Там есть один примечательный фрагмент:

«Недавно я спросил одну очень пожилую даму из Рыбинска о Тимиревой. «Высокомерная, замкнутая была», – вспомнила дама. «Да ведь с вами только разговорись, сразу бы донесли», – полушутя сболтнул я. Дама не возмутилась и согласно кивнула: «Это правда».

В одном из последних своих писем из Рыбинска Тимирева пишет, обращаясь к Маленкову: «Я – дочь известного музыканта В.И. Сафонова, который упоминается в «Советской музыке» в связи со 100-летием со дня его рождения… Не буду перечислять всех своих арестов, лагерей, ссылок – я сама потеряла им счет… 15-го января 1920 г. в Иркутске я была арестована в поезде адмирала Колчака и вместе с ним. Мне было тогда 26 лет, я любила его, я была с ним близка и не могла оставить этого человека в последние дни его жизни. Вот, в сущности, и все.

Мне 61 год, теперь я в ссылке. Все, что было 35 лет назад, теперь уже только история. Я не знаю, кому и зачем нужно, чтобы последние годы моей жизни проходили в таких уже невыносимых для меня условиях… Я прошу Вас покончить со всем этим и дать мне возможность дышать и жить то недолгое время, что мне осталось».

Реабилитирована Анна Тимирева была, как уже сказано в начале очерка, только в 1960 году.

Был ли Тухачевский врагом народа? *57 По материалам С. Турченко.*

По официальным данным, 11 июня 1937 года специальное судебное присутствие из шести военачальников высших рангов приговорило Маршала Советского Союза М. Тухачевского и «группу предателей» к высшей мере наказания. 12 июня приговор был приведен в исполнение.

Об этом судилище как политической расправе над «сливками армии» написано немало. Сегодня рассекречены документы и свидетельства, заставляющие усомниться: а был ли вообще судебный процесс над Тухачевским и его соратниками?

Факты и «утки» – У меня нет однозначного суждения о том, что произошло с дедом в 1937 году и в предшествующий период, – сказала единственная прямая наследница «красного маршала», его внучка Нина Степановна Тухачевская. – С одной стороны, как мне представляется, не все сведения по делу Тухачевского обнародованы, с другой – распространено слишком много версий, каждая из которых опирается и на факты, и на «утки».

Отшумевшие на заре гласности и перестройки страсти вокруг «дела маршала Тухачевского» так и не смогли преодолеть «противоречий

материала». Многочисленные публикации вроде бы не оставляли места для сомнений: Тухачевский – безвинная жертва сталинского коварства. Однако продолжают существовать и несколько иные мнения, которые условно можно выделить как минимум в три версии.

Тухачевский осматривает новый танк

Одна из них, кстати, впервые была сформулирована в западной прессе еще в 1937 году: заговор военных действительно существовал, но был направлен не против советской власти, а лично против Сталина.

В уголовном деле Тухачевского сколь-нибудь серьезных подтверждений этой версии нет. Первое письменное заявление маршала после ареста датировано 26 мая 1937 года. Он писал народному комиссару внутренних дел Ежову: «Будучи арестован 22-го мая, прибыв в Москву 24-го, впервые был допрошен 25-го и сегодня, 26 мая, заявляю, что признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и то, что я был во главе его. Обязуюсь самостоятельно изложить следствию все касающееся заговора, не утаивая никого из его участников, ни одного факта и документа. Основание заговора относится к 1932 году. Участие в нем принимали: Фельдман, Алафузов, Примаков, Путна и др., о чем подробно покажу дополнительно».

На допросе у наркома Тухачевский рассказывал: «Еще в 1928 году я был втянут Енукидзе в правую организацию. В 1934 году я лично связался с Бухариным; с немцами я установил шпионскую связь с 1925 года, когда ездил в Германию на учения и маневры… При поездке в 1936 году в Лондон Путна устроил мне свидание с Седовым (сын Л.Д. Троцкого. – *Авт.*)…»

Сейчас трудно ответить на вопрос, что Тухачевский писал и говорил искренне, а что «выколотили» из него в НКВД. Речь о другом. В его свидетельствах нет и намека на антисталинский характер заговора, мнимого или действительно имевшего место.

По другой версии утверждается, что Сталин явился жертвой провокации спецслужб фашистской Германии, подбросивших сфабрикованные документы о «заговоре в Красной Армии». Здесь достоверным и доказательным можно считать лишь то, что в середине мая 1937 года на столе у Сталина действительно появилось досье на Тухачевского, которое в результате специально организованной (или же несанкционированной) утечки информации из спецслужб Гитлера стало достоянием сначала МИД Чехословакии, а потом и СССР. В нем, в частности, содержались записи бесед немецких офицеров с представителями советского командования, в том числе Тухачевским. А также письмо Тухачевского немецким единомышленникам, где речь шла о стремлении избавиться от опеки партийного аппарата и захватить в свои руки государственную власть. Сторонники этой версии считают, что досье было сфабриковано и в результате очень тонкой операции абвера подсунуто Сталину.

Третья версия в какой-то степени объединяет предыдущие, но ставит во главу угла коварство Сталина. В соответствии с ней досье на Тухачевского родилось в стенах НКВД, было подброшено немецким спецслужбам в надежде на то, что они, заинтересованные в «обезглавливании» Красной Армии, подыграют Сталину и помогут ему развязать антиармейский террор.

У нас все возможно… Интересно, что «наблюдательное производство» по Тухачевскому чекисты начали вести еще с 1922 года. К этому времени относятся содержащиеся в нем показания двух офицеров, служивших в прошлом в царской армии. Вдохновителем своей антисоветской деятельности они назвали… Тухачевского. Копии протоколов допросов были доложены Сталину, который направил их Орджоникидзе с такой многозначительной запиской: «Прошу ознакомиться. Поскольку это не исключено, то это возможно». Реакция Орджоникидзе неизвестна – он, видимо, не поверил клевете. Еще раньше в Наркомат по военным и морским делам жаловался на Тухачевского секретарь парткома Западного военного округа (неправильное отношение к коммунистам, аморальное поведение). Но нарком М. Фрунзе наложил на информацию резолюцию: «Партия верила тов. Тухачевскому, верит и будет верить».

Хранилась в «наблюдательном производстве» на Тухачевского и выписка из показаний арестованного комбрига Медведева о том, что ему еще в 1931 году (!) стало «известно» о существовании в центральных управлениях РККА контрреволюционной троцкистской организации. 13 мая 1937 года Ежов арестовал бывшего соратника Дзержинского А. Артузова, и тот показал, что в поступившей в 1931 году из Германии информации сообщалось о заговоре в Красной Армии под руководством некоего генерала Тургуева (псевдоним Тухачевского), бывавшего в Германии. Предшественник Ежова Ягода заявил тогда же: «Это несерьезный материал, сдайте его в архив». Ежов, якобы получивший указания от Сталина, был иного мнения, что выяснилось в середине мая 1937 года, когда следствие вдруг приобрело невероятно быстрый ход.

Почему же у Сталина «вырос зуб» на Тухачевского? Неужели маршал действительно хотел поменять «советское на немецкое»?

Полную лояльность Тухачевского советским властям подчеркивают даже германские должностные лица, имевшие с ним дело в 30-х годах. Так, немецкий дипломат Густав Хильгер в книге «Кремль и мы» передает содержание длительной беседы Тухачевского с советником посольства Германии фон Твардовским 6 октября 1933 года. Он пишет, что после прекращения Германией военного сотрудничества с СССР офицеры обеих армий сохраняли дружеские чувства друг к другу, о чем и заявил Тухачевский фон Твардовскому: «Не забывайте, нас разлучает ваша политика, а не наши чувства, чувства содружества Красной Армии с рейхсвером». Германия и Советский Союз «могут совместно продиктовать мир всему миру». Но в случае нападения на нас Красная Армия «сумеет показать, чему она научилась». Нельзя забывать, что Тухачевский одним из первых предупредил о немецкой опасности и поддержал политику Литвинова. Например, об «антисоветских и реваншистских планах Гитлера» Тухачевский на весь мир заявил в статье в «Правде» от 31 марта 1935 года «Военные планы нынешней Германии».

Если кто и страдал своеобразным «германофильством», то сам Сталин, который, по данным бывшего начальника военной резидентуры в Европе В. Кривицкого, уже в 1937 году стал свертывать нашу агентурную сеть в Германии и послал в Берлин к Гитлеру своего полномочного представителя Давида Канделаки для подготовки заключения союза СССР с Германией. Интересный вывод делает Шелленберг в своих «Мемуарах»: «Дело Тухачевского явилось первым нелегальным прологом будущего альянса Сталина с Гитлером, который после подписания договора о ненападении 23 августа 1939 года стал событием мирового масштаба».

А был ли сам «процесс»? Вполне возможно, сам Тухачевский и последовавшие за его казнью репрессии в армии стали «закланным агнцем» на жертвеннике в честь лелеемой Сталиным дружбы с фюрером. Но есть, вероятно, и другая причина. Сегодня уже документально засвидетельствовано, что эмигрантские круги и «внутренняя» оппозиция «присматривались» к Тухачевскому как к возможному Бонапарту, способному свернуть шею «вождю народов».

Можно предположить, что Сталин не стал дожидаться развития ситуации по этому гипотетическому руслу. А поскольку на широкий и гласный процесс следственных материалов явно не хватало, обошлись спецприсутствием. Да и оно, как подозревают некоторые специалисты, оказалось ложным. Вот, к примеру, что написал в своих мемуарах уже упоминавшийся В. Кривицкий: «По крайней мере один из шести судей (Тухачевского. – *Авт.*), Алкснис, уже был узником ОГПУ в тот момент, когда он, как сообщалось, вершил суд над своим прежним начальником Тухачевским.

Позже Алкснис был казнен. Такая же участь постигла двух других членов трибунала – Дыбенко и Белова. Маршал Блюхер, четвертый член трибунала, попал в лапы ОГПУ через несколько месяцев. На самом деле перед военным трибуналом не предстал ни один человек из «группы Тухачевского». Не было даже подобия обвинения. Всех заключенных расстреляли почему-то по отдельности, в разные дни. Ложное сообщение о

том, что суд состоялся, сделано Сталиным для того, чтобы рядовые военные поверили в сказку о «внезапном» раскрытии заговора в Красной Армии».

О том, что все было предрешено и не имело даже чисто формальной апелляции к правосудию, косвенно свидетельствует указание вождя, спущенное в низы еще до суда: «В связи с предстоящим судом… ЦК предлагает организовать митинги и выносить резолюции о необходимости применения высшей меры репрессии. Суд, должно быть, будет окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра. 11.VI.1937 г. Секретарь ЦК Сталин».

«Охота на ведьм» Цена расправы с Тухачевским оказалась для армии воистину жуткой. Началась повсеместная охота на «участников заговора». Через полтора года маршал К. Ворошилов докладывал военному совету при наркоме СССР о таких «успехах»: «Весь 1937 и 1938 годы (!) мы должны были беспощадно чистить свои ряды, безжалостно отсекая зараженные части организма от живого, здорового мяса, очищали от мерзостной предательской гнили… Достаточно сказать, что за все время мы вычистили больше четырех десятков тысяч человек».

«Почистили» и семью Тухачевского.

– Бабушку Нину Евгеньевну и маму сначала отправили в Астрахань, – рассказала Нина Тухачевская, – там арестовали и привезли на Лубянку. Мама была еще маленькая, поэтому ее определили в Нижне-Исецкий детский дом на Севере. А бабушку – в тюрьму. Лет пять тому назад мне из госбезопасности дали официальный ответ, что Нина Евгеньевна Тухачевская расстреляна в 1942 году в орловской тюрьме. Мама же после окончания десятилетки пыталась поступить в институт, но ее арестовали и осудили по 58-й статье. В 1954 году была реабилитирована и вернулась в Москву. До самой смерти в 1982 году она работала редактором в Военном издательстве Министерства обороны. На мне, слава Богу, волны репрессий в нашей семье закончились.

Сегодня Нина Степановна Тухачевская работает генеральным директором юридической фирмы «Тагора». Свято чтит память о легендарном деде и мечтает когда-нибудь полностью раскрыть «секрет» дела Тухачевского.

Реквием по 2-й Ударной *58 По материалам С. Наумова.*

Позволим себе напомнить просвещенному современнику одну дату, которая сегодня, пожалуй, известна лишь военным историкам. 17 декабря 1941 года был создан Волховский фронт.

«Задача фронта состояла в том, чтобы в первое время содействовать срыву наступления противника на Ленинград, а затем совместно с Ленинградским фронтом разгромить действующую здесь группировку немцев и освободить Ленинград от блокады» (из воспоминаний командующего Волховским фронтом К.А. Мерецкова). Невыполнение этой задачи, возможно, повернуло бы историю в другом направлении.

Фронт был создан за счет левого крыла Ленинградского фронта и резервов Ставки Верховного главнокомандования в составе 4-й, 52-й, 59-й и 2-й Ударной армий.

Специфика фронта состояла в том, что 4-я и 52-я армии были уже изрядно потрепаны в боях, а 2-я Ударная и 59-я, наспех вооруженные, практически оказались без снарядов.

Приняв 2-ю Ударную, генерал-лейтенант Н.К. Клыков узнал, что в батареях совсем нет боеприпасов. И тем не менее в январе 1942 года войска Волховского фронта начали наступление, которое велось в лесисто-болотистой местности, в условиях бездорожья, по глубокому снегу.

В войсках не хватало оружия, транспорта, средств связи, продовольствия и фуража. По замыслу советского командования планировалось ударом войск Волховского фронта с рубежа Волхова и 54-й армии Ленинградского фронта из района Погостья в общем направлении на Любань окружить и уничтожить любанскую группировку войск противника и в дальнейшем выйти в тыл немецко-фашистским войскам, блокировавшим Ленинград с юга. Советским войскам противостояли в полосе между озерами Ладожским и Ильмень 17 дивизий 18-й армии группы армий «Север», создавших мощную оборону под Киришами на левом берегу Волхова.

Наиболее успешно действовала 2-я Ударная армия. 17 января в районе Мясного Бора она прорвала оборону противника. Когда успех операции наметился в полосе 2-й Ударной, ее стали пополнять за счет частей 52-й и 59-й армий.

Командующий Волховским фронтом генерал армии К.А. Мерецков среди бойцов. 1942 г.

До сих пор от Ладоги до Новгорода и далее на юг без счета лежат кости вперемежку с остатками оружия. Сотни глухих мест на территории бывшего Волховского фронта делают ее труднопроходимой. Именно здесь следы войны, несмотря на прошедшие 60 лет, сохранились в первозданном виде.

По воспоминаниям ветеранов, в конце 1941– начале 1942 года в районе станции Погостье 54-я армия Ленинградского фронта прорывалась на соединение со 2-й Ударной, но последняя попала в окружение и погибала, пытаясь пробиться к своим через Мясной Бор, а 54-я клином вонзилась в немецкие позиции и остановилась, истощив возможности. Бои за станцию продолжались несколько месяцев: утром дивизии шли на штурм железнодорожной линии и падали, сраженные пулеметными очередями, вечером подходило пополнение, а утром все повторялось вновь. Так продолжалось день за днем. Место боев покрывалось снегом. И когда весной он стаял, обнаружились нагромождения убитых. У самой земли лежали солдаты в летнем обмундировании, на них – морские пехотинцы в бушлатах, выше – сибиряки в полушубках, они шли в атаку в январе – феврале 1942 года. Еще выше – «политбойцы» в ватниках и тряпочных шапках, выданных в блокадном Ленинграде. На них тела в шинелях и в маскхалатах. Зрелище Погостья весной 1942 года было единственным в своем роде. Как символ кровавой схватки возвышался над заснеженным полем морской пехотинец, сраженный в момент бросания гранаты: он так и замерз в напряженной позе. Был там и пехотинец, который стал перевязывать раненую ногу и застыл навсегда, пораженный новой пулей. Бинт в его руках всю зиму колыхался на ветру…

По существу, сражения за снятие блокады со стороны Волховского фронта были непрерывной цепью боев за немецкие опорные пункты. Бои велись в труднопроходимой болотистой местности с отдельными высотами. По меньшей мере семь крупных попыток прорвать кольцо блокады сводились к штурму этих высот. В каждой операции участвовало по несколько дивизий, которые, продвинувшись на 300—400 м, останавливались, теряя людей и технику. За время боев по прорыву блокады и расширения коридора для вывода 2-й Ударной нашими войсками было потеряно более 270 тыс. человек; немцы же потеряли около 50 тыс. Характеризуя бои на Волховском фронте как «изматывание сил противника» или «срыв попытки немецкого штурма Ленинграда», нельзя забывать, что от Петербурга до Новгорода идет полоса гигантских кладбищ, братских могил. На Невском пятачке лежит 200 тыс. человек —17 человек на метр!

Потрясают надписи на этих могилах. Вот 16 фамилий, а ниже: «Здесь покоятся еще 1366 человек». Потом слова: «Сапронов А.И., Черняков В.И., Осипов Д.П., Орлов И.В. …» Всего 29 фамилий. А потом как удар грома: «Здесь же покоится еще 3000 человек». Эти три тысячи легли в волховскую землю безымянными.

Волховский фронт даже в фашистской Германии считался одним из труднейших. В специально написанной по заданию гитлеровского руководства книге значилось: «Среди солдатских вещей вы можете увидеть волховскую трость – темную обожженную палку, на которой вырезаны звери волховских лесов, инициалы Волхова и Ленинграда и знак свастики. Увидев в Германии солдата-отпускника с такой тростью, посадите его на самое почетное место».

Первые успехи 2-й Ударной встревожили немцев. Против нее гитлеровское командование бросило 11 немецких дивизий, сняла боевые части с ленинградских позиций, направило 250-ю испанскую дивизию, мотобригаду «Нидерланды», легион «Фландрия», части из Норвегии…

Втянувшись в горловину прорыва, 2-я Ударная оказалась в гигантском «мешке», окружность которого достигала 200 км.

Слабым местом армии был проход, который противник постоянно стремился закрыть ударами со стороны Подберезья с юга и Спасской Полисти с севера. 19 марта 1942 года ему это удалось. 2-я Ударная оказалась в первом своем окружении.

Ценой огромных усилий командующий Волховским фронтом сумел организовать контрудар для соединения со 2-й Ударной силами 52-й и 59-й армии, в составе которой в 372-й стрелковой дивизии, впоследствии включенной во 2-ю Ударную, 1238-го стрелкового полка воевал, 19 апреля получил тяжелое ранение мой тогда 20-летний отец, стрелок-пехотинец Наумов Алексей Константинович. Холодные волховские болота укоротили его жизнь.

Как рассказывал отец, когда шли в бой, винтовки были не у всех, поднимали у убитых. Использовали трещотки, как в гражданскую, имитировали наличие пулеметов. Немецкие громкоговорители постоянно предлагали сдаться и сохранить жизнь. «За нашими спинами заградотрядов не было. Я не видел, чтобы кто-то решился на сдачу».

Для солдата весны 1942 года победа была еще очень далеко. И не об освобождении европейских столиц он думал. Надо было голодному и почти безоружному атаковать холм среди вонючих болот или стоять насмерть на клочке изрытой снарядами земли, где осколки металла, тряпье, разбитое оружие были смешаны с трупами, где после войны долгие годы ничего не росло, настолько мертвой стала земля.

Наверное, это может понять лишь тот, кто испытал на себе необходимость просто встать и идти умирать. И если тебе сегодня повезло, смерть прошла мимо, завтра снова идти в атаку. И умирать не геройски, красиво, на виду, а полуголодному и чаще безымянному среди вонючих болот.

Из воспоминаний К.А. Мерецкого: когда угроза окружения 2-й Ударной армии была окончательно снята, Ставка приняла ошибочное решение о ликвидации Волховского фронта и преобразовании его в Волховскую оперативную группу, включив ее в состав Ленинградского фронта.

Объединение двух фронтов не могло помочь 2-й Ударной. Она выполнила свой долг, но попала в тяжелейшее положение.

Наступила весна. Растаявшие болота не позволяли рыть ни окопов, ни землянок. По-прежнему не хватало боеприпасов, а в апреле – мае армия

просто голодала. В пищу шла пробившаяся листва, березовая кора, кожаные части амуниции, мелкие животные. Однако и в этих условиях армия продолжала сражаться, углубляясь в немецкие тылы.

Только в июне 1942 года армия получила приказ Ставки об отходе. Так и не дождавшись помощи, прорвала немецкую линию окружения и начала через Долину смерти выходить с оружием в руках. Выйти удалось немногим.

Героическую 2-ю Ударную армию спецпропагандисты Геббельса очень старательно пытались связать с ее сдавшимся в плен командующим генералом Власовым, который 16 апреля 1942 г. сменил тяжело больного Клыкова. А в июне, как описывает Станислав Гагарин, «бросив погибающую армию, с сопровождающей его женщиной сдался в плен». Смешно говорить о каких-то идейных причинах предательства генерала, если при его аресте вместе с книжкой военнослужащего «Русской освободительной армии» (РОА), временным удостоверением о награждении «добровольческой» медалью, германскими имперскими марками (более 30 тыс.) и датским кронами, золотыми вещами, были изъяты у Власова партийный билет члена ВКП(б) и расчетная книжка начальствующего состава Красной армии, которые он припрятал в «надежном» месте на всякий случай.

Станислав Гагарин в статье «Правда о Второй Ударной» приводит слова листовки военного совета и политуправления Волховского фронта, выпущенной в июле 1942-го после выхода армии из окружения. «Боевая слава воинов 2-й Ударной армии золотыми буквами запечатлена в истории Великой Отечественной войны».

С именем 2-й Ударной связаны все последующие операции по освобождению Ленинграда. Она дралась за Эстонию, Польшу и победоносно закончила войну, приняв участие в Берлинской операции, получив 22 благодарности от верховного главнокомандующего.

Реорганизационные инициативы Ставки завершились к 9 июня 1942 года. Волховская оперативная группа была вновь преобразована в Волховский фронт. В составе фронта, кроме входивших в него армий, были включены 8-я и 54-я армии, а в августе – 14-я воздушная армия. В августе – сентябре 1942 года войска Волховского фронта во взаимодействии с Ленинградским фронтом провели Синявинскую операцию, сорвав готовившийся план противника по захвату Ленинграда. В январе 1943 года при прорыве блокады Ленинграда Волховский фронт войсками правого крыла прорвал мощную оборону противника южнее Ладожского озера и, соединившись с 67-й армией Ленинградского фронта, образовал совместно с ней коридор, обеспечивший сухопутную связь Ленинграда со страной.

Продолжая наступательные действия на Синявинско-Мгинском направлении, войска фронта сыграли важную роль в срыве готовившегося противником нового наступления на Ленинград.

В январе – феврале 1944 года войска Волховского фронта осуществили Новгородско-Лужскую операцию, в ходе которой освободили Новгород и во взаимодействии с Ленинградским фронтом, 2-м Прибалтийским фронтом и Балтийским флотом нанесли тяжелое поражение немецко-фашистской группе армий «Север».

Для развития наступления 2 февраля фронт был усилен 1-й Ударной армией. 15 февраля, после выполнения поставленных перед ним задач, фронт был расформирован, а его войска переданы Ленинградскому и 2-му Прибалтийскому фронту.

Как чуть не сдали Ленинград

Некоторое время назад в газете «Труд» были опубликованы секретные ленты переговоров по прямому проводу между Сталиным и руководством войсками Северо-Западного направления, раскрывающие некоторые причины Ленинградской трагедии 1941 года.

Тогда фашисты прорвали ленинградскую оборонительную линию, и над нашей второй столицей нависла угроза захвата. Назначенный 10 июля 1941 года главнокомандующим войсками Северо-Западного направления маршал-кавалерист, герой гражданской войны Клим Ворошилов не сумел организовать боевые действия в новых условиях. 22 августа Верховный главнокомандующий вызвал его и А. Жданова на переговоры по прямому проводу.

«Сталин: – Вы создали Военный совет Ленинграда. Вы должны понимать, что создавать военные советы может только правительство или по его поручению Ставка… Второе. В Военный совет Ленинграда не вошли ни Ворошилов, ни Жданов. Это неправильно. И даже вредно политически… Словно Жданов и Ворошилов не верят в оборону Ленинграда… Это дело надо исправить. Третье. В своем приказе… вы ввели выборность батальонных командиров. Это неправильно организационно и вредно политически. Это тоже надо выправить. Четвертое. По вашему приказу… выходит, что оборона Ленинграда ограничивается созданием рабочих батальонов, вооруженных более или менее слабо, без специальной артиллерийской обороны. Такую оборону нельзя признать удовлетворительной, если иметь в виду, что у немцев имеется артиллерия.

Зенитная батарея на Университетской набережной Ленинграда. 1942 г.

Мы думаем, что оборона Ленинграда должна быть прежде всего артиллерийской обороной. Надо занять все возвышенности в районе Пулково и других районах, выставить там серьезную артиллерийскую оборону, имея в виду морские пушки… Без такой базы рабочие батальоны будут перебиты.

Ворошилов: – Из всего сказанного мы видим, что по нашей вине произошло большое недоразумение. Первое. Создание Совета обороны Ленинграда ни в коем случае не исключает, а лишь дополняет общую организацию обороны… Второе. Ворошилов и Жданов являются ответственными в первую очередь за всю оборону Ленинграда. Третье. Военный совет обороны Ленинграда мы понимали как сугубо вспомогательный орган общей военной обороны Ленинграда. Четвертое. Нам казалось, что будет легче создать прочную защиту Ленинграда путем специальной организации рабочей общественности в военные отряды. Пятое. Ленинград имеет специальную укрепленную полосу, которая начинается у Капорского залива и идет южнее Красногвардейска…

Сталин: – Существование под Ленинградом укрепленной полосы нам известно. Не от вас, конечно, а по другим источникам… Но эта укрепленная полоса, кажется, уже прорвана немцами в районе Красногвардейска, поэтому Ставка так остро ставит вопрос об обороне Ленинграда…

Что касается поставленных мной вопросов, то вы ни на один не ответили толком… У нас нет гарантии, что вы опять не надумаете чего-либо такого, что не укладывается в рамки нормальных взаимоотношений… Мы никогда не знали о ваших планах и начинаниях, мы всегда случайно узнаем о том, что что-то наметили, что-то спланировали, а потом получилась прореха. Мы с этим мириться также не можем. Вы не дети и знаете хорошо, что в прощении не нуждаетесь… Вы неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия, ввиду чего действуете, как на изолированном острове, ни с кем не считаясь…

Ворошилов: – Организуя Военный совет обороны Ленинграда, мы не только не думали нарушать нормы порядка и законы, но и вообще не предполагали, что это может послужить поводом для таких заключений, которые мы только что выслушали. Это наше решение не публиковалось, а приказом оно издано как совершенно секретное.

Второе. По вопросу о выборах мы поступили, может быть, неправильно, но на основании печального опыта наших дней, когда не только в рабочих дивизиях, но в отдельных случаях и в нормальных дивизиях командиры разбегались, а бойцы выбирали себе командиров… Третье. Ворошилов и Жданов, как мы уже сообщили, не вошли в Совет обороны Ленинграда потому, что осуществляют общее руководство обороной.

Четвертое. Что касается вашего замечания о том, что мы можем еще что-либо такое надумать, что не укладывается в рамки нормальных взаимоотношений, то мы, Ворошилов и Жданов, не совсем понимаем, в чем нас упрекают…

Сталин: – Не нужно прикидываться наивными. Прочтите ленту и поймете, в чем вас обвиняют. Немедленно отмените выборное начало в батальонах, ибо оно может погубить всю армию. Выборный командир безвластен, ибо в случае нажима на избирателей его мигом переизберут. Нам нужны, как известно, полновластные командиры. Стоит ввести выборность в рабочих батальонах – это сразу же распространится на всю армию, как зараза. Жданов и Ворошилов, потрудитесь войти в Военный совет обороны Ленинграда. Ленинград не Череповец и не Вологда. Это вторая столица нашей страны. Военный совет обороны Ленинграда не вспомогательный орган, а руководящий орган обороны Ленинграда. Представьте конкретный план обороны Ленинграда. Будет ли у вас кроме основной укрепленной линии создана и другая, более узкая укрепленная линия? Если будет, то каким образом?

Ворошилов: – Избирательное начало будет отменено. Ворошилов и Жданов в Совет обороны Ленинграда войдут. Более узкой полосы обороны пока еще не создано, но она создается…

Сталин: – Возможно, что Северный фронт разделим на две части – на Карельскую часть от Ладоги и до Мурманска со своим фронтовым командованием и южную часть – Ленинградскую, которую следует назвать Ленинградским фронтом. Мотивы известны. После занятия финнами северных берегов Ладоги управлять северной частью Северного фронта из Ленинграда невозможно. Обсудите этот вопрос, дайте свои соображения. Все».

Однако Ворошилов решительных мер не принял. И даже, судя по всему, ничуть не изменил стиль своего поведения. Сталин откомандировал в Ленинград Молотова, чтобы тот разобрался в обстановке. Вскоре Верховный главнокомандующий направил своему посланцу шифровку.

«Совершенно секретно. Шифром. Молотову.

Только что сообщили, что Тосно взят противником. Если так будет продолжаться, то Ленинград будет сдан идиотски глупо… Что делают Попов (командующий Ленинградским фронтом. – *С.Т.*) и Ворошилов? Они даже не сообщают о мерах, какие они думают предпринять против такой опасности… Откуда у них такая бездна пассивности и деревенской покорности судьбе? Что за люди?! Я их не пойму! В Ленинграде имеется теперь много танков КВ, много авиации… Почему эти технические средства не действуют?.. Что может сделать против немецких танков какой-то пехотный полк, выставленный командованием против таких технических средств?! Почему богатая ленинградская техника не используется на этом решающем участке? Не кажется ли тебе, что кто-то нарочно открывает немцам дорогу на этом решающем участке? Что за человек Попов? Чем собственно занят Ворошилов? В чем выражается его помощь Ленинграду? Я пишу об этом, так как очень встревожен непонятным для меня бездействием ленинградского командования. Я думаю, что 29 ты должен выехать в Москву. Прошу не задерживаться.

№ 1457/3 Сталин. 29.08.41 г.».

«Совершенно секретно. Шифром. Товарищу Сталину

Сообщаю: 1. По приезде в Ленинград на совещании с Ворошиловым, Ждановым и членами Военного совета Ленинградского фронта,

секретарями обкома и горкома подвергли резкой критике ошибки, допущенные Ворошиловым и Ждановым… 2. В течение первого дня при помощи приехавших с нами товарищей мы занимались приведением в ясность дел в отношении имеющихся здесь артиллерии и авиации, возможной помощи со стороны моряков, особенно по морской артиллерии, вопросам эвакуации, выселения 91 тысячи финнов и 5 тысяч немцев, а также вопросами продовольственного снабжения Ленинграда. По этим вопросам подробнее сообщим отдельно. 3. Мероприятия по созданию особого типа оборонительного рубежа на основе танков и броневиков к востоку от Красногвардейска сумеем представить 29 августа.

Молотов, Маленков. 3.00.29.08.41 г.».

«Совершенно секретно. Шифром. Ворошилову, Жданову

Нас возмущает ваше поведение, выражающееся в том, что вы сообщаете нам только лишь о потере нами той или иной местности, но обычно ни слова не сообщаете о том, какие же вами предприняты меры для того, чтобы перестать, наконец, терять города и станции. Так же безобразно вы сообщили о потере Шлиссельбурга. Может быть, вы уже предрешили сдать Ленинград?! Куда девались танки КВ? Где вы их расставили? Почему нет никакого улучшения на фронте, несмотря на такое обилие танков КВ, как у вас? Ведь ни один фронт не имеет того количества КВ, какое имеется у вас. Чем занята ваша авиация? Почему она не поддерживает действия наших войск?.. Мы требуем от вас, чтобы вы в день два-три раза информировали нас о положении на фронте и принимаемых вами мерах.

9.09.41 г. № 1606/ш Сталин. Берия».

Но Ворошилов и на этот раз не отреагировал. Тогда последовала следующая секретная депеша.

«Совершенно секретно. Ворошилову. Приезжай в Москву.

13.09.41 г. № 1686/ш Сталин. Молотов».

Понятно, что Климент Ефремович возвращался в Москву в ожидании жестоких репрессий. Действительно, любого другого в такой ситуации ожидал бы расстрел. Но Сталин, видимо, не решился стереть в порошок легендарную личность, воспетую в советских песнях, являющуюся синонимом могущества Красной Армии. Ворошилову была предоставлена возможность реабилитироваться на другой должности. Однако «красный маршал» оказался не способен к решению боевых задач в моторизованной войне.

1 апреля 1942 года Сталин подписал постановление Политбюро ЦК ВКП(б) № 356 «О работе т. Ворошилова». В нем отмечалось: «В начале войны с Германией тов. Ворошилов был назначен главнокомандующим Северо-Западным направлением, имеющим своею главной задачей защиту Ленинграда. Как выяснилось потом, тов. Ворошилов не справился с порученным делом и не сумел организовать оборону Ленинграда.

…Государственный Комитет Обороны отозвал т. Ворошилова из Ленинграда и дал ему работу по новым воинским формированиям в тылу.

Ввиду просьбы т. Ворошилова он был откомандирован в феврале месяце на Волховский фронт в качестве представителя Ставки для помощи командованию фронта и пробыл там около месяца. Однако пребывание т. Ворошилова на Волховком фронте не дало желаемых результатов.

Желая еще раз дать возможность т. Ворошилову использовать свой опыт на фронтовой работе, ЦК ВКП(б) предложил т. Ворошилову взять на себя непосредственное командование Волховским фронтом. Но т. Ворошилов отнесся к этому предложению отрицательно и не захотел взять на себя ответственность за Волховский фронт, несмотря на то, что этот фронт имеет сейчас решающее значение для обороны Ленинграда, сославшись на то, что Волховский фронт является трудным фронтом и он не хочет провалиться на этом деле.

Ввиду всего изложенного ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Признать, что т. Ворошилов не оправдал себя на порученной ему работе на фронте.

2. Направить т. Ворошилова на тыловую военную работу».

При этом нужно сказать, Климент Ефремович остался членом ГКО и Ставки. Словом, отделался легким испугом. Однако ошибки, которые он совершил, руководя обороной Ленинграда, не сумел полностью исправить даже прибывший туда ему на смену Г.К. Жуков. Ленинград был обречен на жесточайшую блокаду.

Приказ № 227, или Горькая правда о штрафных батальонах *59 По материалам А. Бернштейна, участника Великой Отечественной войны.*

«Трусов, паникеров, дезертиров – истреблять на месте».
Из приказа □ 227 за 1942 г. («не подлежит опубликованию»)

В так называемых штрафных батальонах воевали главным образом не уголовники, а командиры, разжалованные на месяц, в силу разных причин не выполнившие задач в бою. Это были издержки войны, потери не от противника. Свои. Статистики учета побывавших и погибших в штрафбатах нет. Она никогда не публиковалась. Наши военные историки должны были бы давно провести этот анализ…

Великая Отечественная… Особенно тяжелыми и драматическими были ее первые два года, когда наша армия, неся огромные потери, оставляла родную землю. Положение часто становилось трагическим, и чтобы изменить ход войны, история выдвинула – рукою Сталина подписанный – не менее трагический по содержанию приказ Наркомата обороны (НКО) № 227 от 28 июля 1942 года.

Командиры Красной Армии знакомятся с приказом И.В. Сталина «Ни шагу назад». 1942 г.

Нужно сказать, что освещенное в нем тяжелейшее положение и беспрецедентные меры, принятые за счет самой армии, несомненно, перестроили положение на фронтах, постепенно изменили ход войны в нашу пользу. Этот приказ вошел в историю и послужил жестким уроком для армии, но стал и мобилизующей силой, чему нужно отдать должное. О приказе №227 сегодня могут помнить только те ветераны, которые непосредственно были на фронтах участниками боев, ибо он касался непосредственно их. Но они не знали подробностей, потому что приказ был, по существу, секретным, т.е. не подлежал размножению и публикации. Даже сегодня, читая «Историю Второй мировой войны» и «Военную энциклопедию», выпущенные Воениздатом до 1987 года, когда действовала еще жесткая цензура, изложение приказа № 227 от 28.07.42 г. дается в усеченном виде. Излагается только создавшаяся обстановка на фронтах (где обвиняется сама армия) и в нескольких словах задача: что нужно сделать. В указанных выше трудах не публикуется вся технология выполнения приказа, т.е. те жесткие и беспрецедентные меры, которые допускались и осуществлялись по отношению к фронтовикам.

Вот как излагается сокращенно приказ № 227 в пятом томе «Истории Второй мировой войны», подписанный Сталиным, где полностью сохранен его стиль: «…Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими потерями, лезет вперед, рвется вглубь страны, захватывает все новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает наше советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге, у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценою захватить Кубань, Северный Кавказ с его нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа… После потери Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, людей, хлеба, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн населения, более 800 млн пудов хлеба в год и более 10 млн тонн металла в год. У нас нет уже превосходства перед немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше – значит погубить себя, вместе с тем Родину…

Из этого следует, что пора кончать отступление. Ни шагу назад. Теперь таким должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности. Сможем ли мы выдержать удар и потом отбросить врага назад, на Запад? Да, можем… …Чего же не хватает? Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях. В этом теперь наш главный недостаток… Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы

хотим спасти положение и отстоять нашу Родину. Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование: НИ ШАГУ НАЗАД БЕЗ ПРИКАЗА ВЫСШЕГО КОМАНДОВАНИЯ. ПАНИКЕРЫ И ТРУСЫ ДОЛЖНЫ ИСТРЕБЛЯТЬСЯ НА МЕСТЕ».

Вслед за приказом, датой следующего дня, т.е. 29 июля 1942 года, в войска поступила директива Главного политического управления Красной Армии. Директива предъявила требования всем политработникам, всем коммунистам перестроить всю партийную и политработу в соответствии с этой задачей. Нужно сказать, что приказ № 227 своим железным острием был направлен против командного и политического состава Красной Армии (тогда еще категория офицерства не была введена). Как гласил приказ: «Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников части и соединения, которые оставляют боевые позиции самовольно. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других и открывали фронт врагу». И снова подчеркивалось: «Паникеры и трусы должны истребляться на месте». В приказе давалось вводное пояснение о том, что противник для повышения дисциплины и ответственности сформировал более 100 штрафных рот для рядовых и около десятка штрафных батальонов для офицеров, нарушивших дисциплину и проявивших в бою трусость. Таких офицеров в гитлеровской армии – повествует приказ № 227 – лишали орденов, заслуг, посылали на трудные участки фронта, чтобы они искупили свою вину. Они (немцы, как указано в приказе) сформировали специальные отряды-заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели расстреливать тех, кто пытается отступить или сдаться в плен. Эти меры, по мнению И.В. Сталина, подняли дисциплину и боеспособность гитлеровской армии. «Не следует ли нам научиться в этом деле у наших врагов, как учились наши предки в прошлом и одерживали над ними потом победу». Такой вопрос ставит в приказе № 227 И.В. Сталин. И отвечает твердо: «Я думаю, следует». И далее уже конкретно: командиры рот, батальонов, полков, дивизий, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевых позиций без приказа свыше, являются предателями Родины. И поступать с ними следует, как с предателями Родины. Далее приказ № 227 определяет: «Снимать с должности командиров, комиссаров, политработников всех ступеней, провинившихся по трусости, неустойчивости, нарушении дисциплины, допустивших отход войск, снимать с должности и отправлять в вышестоящий трибунал, чтобы после суда, на трудных участках фронта искупить свою вину». Эта часть приказа относится более к крупным штабным командирам, которые не находятся на передовой и не могут быть «истреблены на месте». И, наконец, уже конкретно: «Сформировать в пределах фронта от одного до трех штрафных батальонов (по 800 человек) для старшего и среднего разжалованного комсостава, чтобы в более трудных условиях искупили свою вину кровью». «Сформировать в пределах каждой армии от 5 до 10 штрафных рот (от 150 до 200 чел. в каждой), куда направлять рядовых и младших командиров, чтобы в более трудных условиях дать им возможность искупить свою вину перед Родиной кровью».

Стоп. Давайте подумаем. Если считать по приказу № 227, количество офицеров, разжалованных в штрафбатах максимально по фронту, то оно составит 3 ґ 800, т.е. 2400 чел., в штрафротах же в пределах фронта – максимум до 6 тыс. чел. Сами по себе цифры планировавшихся наказаний – гигантские. Но если считать среднее армейское соотношение офицеров и рядовых около 20—30 рядовых на одного командира, то соотношение планируемых штрафников офицеров (командиров) во много раз превышает штрафников рядовых. Видимо, в тот период Сталин всю вину возлагал на командиров и не против был заменять их в ходе войны, что фактически и имело место.

«Сформировать в пределах каждой армии до пяти заградотрядов по 2000 бойцов в каждом. Размещать их в тылу неустойчивых дивизий и обязать их в боевых условиях в случаях бегства, паники, отступления паникеров и трусов расстреливать на месте и тем помочь честным бойцам выполнить свой долг перед Родиной».

Да, горькое это было время, безумно тяжелое. Горько и то, что учился на своих ошибках товарищ Сталин ни у классиков-ленинцев, а у самой низменной и бесчеловечной гитлеровско-фашистской системы. Горько также, что свою вину и вину Генерального штаба (находившегося под его контролем и контролем НКВД) в оперативно-тактической неподготовленности армии к боям на своей территории он целиком переложил на армию.

Я, рядовой автор и рядовой гражданин, не берусь здесь детализировать и обсуждать фигуру И.В. Сталина. Хоть и безумно дорогой ценой, но своей энергией он сумел улучшить положение на фронтах и привел страну к победе. В этом отношении горький приказ № 227 сыграл свою положительную роль. Но на время. Только на время.

Внутренние инструкции в штрафбатах и штрафротах в приказе № 227 не объявлялись, но они несомненно существовали, т.к. уставы Красной Армии распространялись только на кадровые войска. Однако некоторые подробности побывавшим там лицам известны. Например, все штатные командиры, начиная от младших и до самого комбата, имели штатную категорию на одну ступень выше. То есть комбат имел права командира полка, взводный – права ротного командира и т.д. Внутренние же порядки известны сейчас по воспоминаниям очевидцев (например автора).

Возьмем в качестве примера штрафбат для разжалованных командиров. Формула наказания трибунала или другого органа гласила: «Лишить воинского звания, разжаловать в рядовые, направить в штрафной батальон сроком на один месяц, чтобы кровью искупил свою вину». Поступивший в штрафбат сдавал все свои награды, партийные и другие документы и переодевался в казенную одежду без знаков принадлежности к военнослужащему (без звездочки на пилотке). Он обращался к начальникам по форме «гражданин лейтенант» и т.д., сам же имел звание «штрафник». За 30 суток пребывания в штрафбате штрафники должны были участвовать в бою не менее раза. Их посылали группами, взводами, отделениями на самые рискованные участки, через минные поля и т.п. Сзади находилось пулеметное прикрытие, подразделение НКВД, причем не столько против немцев, сколько против штрафников, если они начнут

отступать или ползти назад. Предупреждали: назад из боя, если будете ранены, не ползти. Вас пристрелят, мы ведь не знаем, почему вы ползете назад. Ждите. Вас потом подберут.

Аналогичные порядки были и в штрафротах. Право направления разжалованных имел трибунал, но практически это стали решать командиры соединений. Наказание полагалось за трусость, за отступление из боя, за потерю оружия, за отказавший в бою пулемет, за сознательное членовредительство (чтобы убыть с фронта в нестроевые), за невыполнение боевого приказа, за необеспеченную полевую связь, дезертирство, самовольные отлучки и т.д. С того времени слова «штрафбат» или «штрафрота» стали пугалом и стимулом, а позднее – и модой для старших начальников напоминать младшим о своем месте.

Но существовала и справедливость: прошедшего бой штрафника отпускали в часть, возвращая награды и звания. В случае гибели сообщали семье, как обычно о погибшем, и семья получала пенсию. Штрафные батальоны и роты дрались в бою жестоко. Впереди враг, сзади пулеметы в спину. Нужно идти на врага и уничтожить его. Идти вперед.

Уже в середине 1943 года ход войны стал существенно меняться в лучшую для Красной Армии сторону. Разгром немцев под Сталинградом, прорыв блокады Ленинграда и другие успехи подняли боевой дух нашей армии. Уже редки стали паника и отступления в бою, случаи самострелов, уклонения от боя; уже по этим причинам уменьшилось количество командиров и рядовых, которых нужно было судить. Однако созданные в июле 1942 года штрафные части оставались до самого конца войны. И без «работы» им быть не полагалось. Надо было заполнять – и заполняли. В то время появился уже несколько иной контингент штрафников, направляемых на отбытие наказания по другим причинам и зачастую без суда трибунала.

Так, когда войска становились на отдых или на переформирование, особенно на территории, откуда были изгнаны немцы, среди красноармейцев имели место случаи самоволок, пьянок, связей с местными женщинами и венерических болезней. Это вызвало опасение командования, т.к. болезнь могла распространиться и повлиять на боеспособность воинов. Поэтому было объявлено, что такие случаи будут рассматриваться как сознательное членовредительство для убытия с фронта в госпиталь и заканчиваться штрафной ротой, хотя штрафроты были предназначены приказом № 227 вовсе не для этого. К чести солдатской, нужно сказать, что такие явления были достаточно редки. Но были.

Несмотря на боевые успехи армии, на прекратившиеся отступление и панику, разжалования и отправки в штрафбат командного состава продолжались, но причины были уже другими. Например, при переправе затонуло орудие, летчик на боевом задании спутал окопы и отбомбился по своим, зенитчики сбили свой самолет, ответственный не сумел вовремя доставить боеприпасы, интендант не провел обоз через линию огня, не обеспечил питанием и т.д. Однако появилась и еще одна отвратительная черта – сведение счетов амбициозных командиров: старших с младшими, возродилось и доносительство в СМЕРШ. Это было редко, но все же было.

Так, летом 1943 года в полк прибыл приказ командующего армией, согласно которому за плохое содержание стрелкового оружия (винтовок) и нехватку двух винтовок по учету командира 4-го отряда нашего II полка аэростатов заграждения капитана В.И. Грушина разжаловать в рядовые и направить в штрафбат сроком на 1 месяц, чтобы кровью искупил свою вину (такова была формула обвинения). Грушин являлся одним из опытнейших и уважаемых по возрасту и стажу командиров в полку. Поэтому такое внезапное решение командующего армией (именно командующего, а не суда-трибунала) было непонятно. Тем более что Грушин не имел до того ни замечаний, ни взысканий. Его отряд был всегда боеспособным и прекрасно справлялся со своими задачами. А действительная причина для офицеров полка вскоре стала ясной. С ним свел счеты начальник аэростатов заграждения штаба Лен. армии ПВО полковник Волхонский, грубый, мстительный, чванливый, малограмотный человек. Он случайно выдвинулся, когда многие опытные командиры из ПВО были направлены в стрелковые части на пополнение потерь. Случалось и так, что интендант (а Волхонский был раньше именно им) назначался на командную должность и получал звание полковника. Волхонский не мог смириться с тем, что командир отряда Грушин отстаивал свое мнение и не допускал оскорблений в свой адрес и в отношении людей своего отряда. Что касается внутреннего состояния стволов винтовок, то во всем полку были винтовки, прошедшие уже советско-финскую войну, частью трофейные, в том числе английские и другие – словом, порядочно изношенные, с сыпью в каналах стволов, уже не удаляемой. Офицер, проверявший стрелковое оружие в отряде Грушина, был прислан Волхонским. И решение для наказания Грушина командующему армией генерал-майору Зашихину представил тот же Волхонский. Василий Иванович Грушин из штрафбата уже не вернулся. Такие бессмысленные потери на войне особенно горьки.

Разжалованным в штрафном батальоне довелось побывать и автору данного очерка. Для меня это было абсолютно неожиданным. Весной 1943 года в секретную часть полка пришел приказ, которым я был разжалован в рядовые в штрафбат сроком на 1 месяц, «чтобы кровью искупил вину». Мне ставились в вину три «преступления»:

1. Плохо замаскированные две автолебедки, разбитые от артналета противника.
2. Исследуя обрыв тросов аэростатов, я якобы не отдавал под суд виновных мотористов.
3. Во время боевого дежурства ночью на КП полка не мог точно доложить, приземлен ли последний аэростат, и при неоднократных запросах оперативного дежурного КП штаба армии обругал его по-матерному.

Так было изложено в приказе «тройки». Я и командир полка подполковник Лукьянов и военком батальонный комиссар Коршунов были потрясены нелепостью этого решения. Мы четко понимали, что это снова дело рук того же Волхонского, который таким образом усиливал свое положение. В то же время боевые лебедки, пострадавшие от артобстрела противника, находились в районе Васильевского острова, т.е. в 10 км от меня, и были в распоряжении командира отряда. Мотористов под суд я не отдавал потому, что не было их вины. Последний аэростат был в трудных

условиях, пробитый осколками артогня, он был приземлен на 2 часа позднее, а что касается матерной ругани, то все мы на фронте не были ангелами, и дико было возводить это в вину в секретном приказе, да и нелепо. Еще более дико было просто так разжаловать тройкой профессионала, военного инженера, каким я стал уже в 1943 году, отправить в штрафбат, чтобы кровью искупить свою вину, которой не было…

Подобные случаи в нашей армии (ПВО) были и по другим полкам. И каждый раз приказ подписывала «тройка» во главе с командующим генерал-майором Зашихиным. К слову сказать, сама армия ПВО, защищающая Ленинград, ее полки были опытные и сильные, дисциплина высокая. За весь период боевых действий авиационные истребительные полки, зенитно-артиллерийские и полки аэростатов заграждения сбили над небом города и на подступах к нему 1561 вражеский самолет. Это была лучшая армия ПВО из числа воюющих в стране в тот период. Однако откуда же истоки такой жестокости командующего по отношению к офицерам армии? Об этом я узнал неожиданно через 30 лет после войны.

Оказывается, Зашихин в молодости был исключен из партии, как троцкист. Поэтому перед назначением командиром корпуса ПВО он получил «напутствие» от Жданова, что партия его не простит второй раз, если ПВО не защитит должным образом город Ленинград. «Тогда пощады вам не будет. Идите воюйте, укрепите дисциплину и боеспособность и помните наш разговор…», – сказал Жданов. Так под дамокловым мечом в качестве заложника воевал командующий. А воевал не он один, боевой коллектив армии ПВО не дал немцам возможности существенно разбомбить город.

Г.С. Зашихин за период войны получил от высшего командования признание; его профессионализм, строгость и жесткость, доходившая до границ жестокости, сыграли свою роль в выдвижении. Он закончил войну генерал-полковником, командующим одним из фронтов ПВО.

Я, согласно приказу, находился в штрафном батальоне, но внезапно был отозван из него, возвращен в свой старый полк, но уже на звание и должность ступенью ниже. Приказ Военсовета был пересмотрен. Вина моя отсутствовала. Ее вообще не было. Моего освобождения добились командир и комиссар полка.

Приказ № 270, или Расстрелянные генералы *60 По материалам А. Лискина, военного юриста, полковника юстиции в отстав& ке, участника Великой Отечественной войны.*

В августе 1941 года появился грозный приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии □ 270. Его подписали председатель Государственного комитета обороны СССР И. Сталин, заместитель председателя В. Молотов, Маршалы Советского Союза С. Буденный, К. Ворошилов, С. Тимошенко, Б. Шапошников и генерал армии Г. Жуков.

Приказ был адресован всем членам и кандидатам ЦК ВКП(б), секретарям обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, председателям областных крайисполкомов, СНК республик, всем секретарям райкомов, горкомов и председателям райисполкомов и горисполкомов. Он не подлежал опубликованию, но его предписывалось прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах. В приказе завуалировано говорилось об обстоятельствах разгрома

6-й, 12-й и других армий, а также о неудачах на Западном фронте. По стилю и содержанию можно предположить, что в гневе и впопыхах его писал лично Верховный. Почему-то командующего 12-й армией генерал-майора Понеделина Павла Григорьевича назвали генерал-лейтенантом. А все военные чины, подписавшие приказ, несомненно, лично знали Понеделина, и ошибка в его воинском звании была бы исправлена, если бы ее допустил не сам Верховный. Видимо, неслучайно и то, что все военачальники не указали занимаемых ими в то время высоких должностей, иначе можно было бы судить о личных провалах каждого из них в отражении немецко-фашистской агрессии на вверенных им участках театра военных действий.

Приказ начинается с тирады о том, что «не только друзья признают, но и враги наши вынуждены признать, что в нашей освободительной войне с немецко-фашистскими захватчиками части Красной Армии, их громадное большинство, их командиры и комиссары ведут себя безупречно, а порой прямо героически».

Двое из приговоренных генералов – П.Г. Понеделин и В.Я. Качалов

После нескольких положительных примеров выхода из окружения противника остатков некоторых частей обрушивается лавина проклятий в адрес командармов 28-й и 12-й армий и командира 13-го стрелкового корпуса: «Но мы не можем скрыть и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам.

Командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов, находясь вместе со штабом группы войск в окружении, проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам. Штаб группы Качалова (штаб группы был у Понеделина П.Г. – *А.Л.*) из окружения вышел, пробились из окружения части группы (?) Качалова, а генерал-лейтенант Качалов предпочел сдаться в плен, предпочел дезертировать к врагу.

Генерал Понеделин, командовавший 12-й армией (а где же группы армий? Куда делась 6-я армия, которой командовал Понеделин с 27 июля, так как командарм 6-й был тяжело ранен? — *А.Л.*), попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике, струсил и сдался в плен врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной, как нарушитель военной присяги.

Командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов, оказавшийся в окружении немецко-фашистских войск, вместо того чтобы выполнить свой долг перед Родиной, организовать вверенные ему части для стойкого отпора противнику и выхода из окружения, дезертировал с поля боя и сдался в плен врагу. В результате этого части 13-го стрелкового корпуса были разбиты, а некоторые из них без серьезного сопротивления сдались в плен.

Следует отметить, что при всех указанных выше фактах сдачи в плен врагу члены военных советов армий, командиры, политработники, особоотдельщики, находившиеся в окружении, проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим Качаловым, Понеделиным, Кирилловым и другим сдаться в плен врагу».

И далее: «Некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образец смелости, стойкости и любви к Родине, а наоборот, прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят поля боя, а при серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя». Процитируем воспоминания известного поэта Евгения Долматовского, очевидца сражений 6-й и 12-й армий в окружении возле г. Умани: «К северу и востоку от Новоархангельска наши войска отражали натиск 16-й, 11-й и 9-й танковых дивизий, а также двух механизированных (одна из которых тоже значилась под номером 16, а другая называлась «Адольф Гитлер»). С запада надвигались 297-я, 24-я, 125-я и 97-я пехотные дивизии. На юге и юго-западе (а мы рассчитывали пробиться на юг) против нас были выставлены 1-я и 4-я немецкие горно-стрелковые, 257-я и 96-я пехотные, 110-я и 101-я легкопехотные дивизии, да еще венгерский и румынский корпуса. Здесь же находилась итальянская дивизия, впоследствии оккупировавшая Первомайск. <…>

По немецким данным, наши 6-я и 12-я армии сковали двадцать две… полнокровные дивизии противника с приданными им всевозможными средствами усиления (отдельные артиллерийские дивизионы, отдельные понтонные батальоны, «пионерские», то есть саперные, части, наконец, батальоны фельджандармерии и зондеркоманды). А в воздухе против нас действовали наиболее отличившиеся на европейском театре эскадрильи

бомбардировщиков и истребителей общей численностью более 700 самолетов…

Отчаянные бои, которые вели 6-я и 12-я армии сначала в оперативном, а потом и в тактическом окружении с конца июля почти по середину августа, оказались в историческом плане вкладом в разгром гитлеровского блицкрига… 6-я и 12-я армии грудью прикрыли Днепропетровск – крупнейший район сосредоточения нашей промышленности, которую необходимо было эвакуировать. А пока она работала на оборону! Был также сорван захват Киева. Пока эти армии сражались, было эвакуировано в глубь страны 99 тысяч вагонов с промышленным оборудованием».

В приказе Ставки № 270 обо всем этом ни слова.

Против генералов Качалова Владимира Яковлевича, Понеделина Павла Григорьевича и Кириллова Николая Кузьмича военной прокуратурой были возбуждены уголовные дела по обвинению их в измене Родине, а в основу обвинения в качестве главного доказательства положены выписки из приказа Ставки № 270 и несколько малозначащих бумаг.

Судьи Военной коллегии Верховного суда СССР, пренебрегая отсутствием доказательств, на основании формулировок того же приказа заочно осудили Качалова В.Я. (29 сентября 1941 года), Понеделина П.Г. и Кириллова Н.К. (13 октября 1941 года), определив каждому в качестве меры наказания расстрел.

Тут же сработала машина преследования – пострадали жены и совершеннолетние дети Понеделина и Кириллова. Репрессировали даже тещу Качалова.

По большому счету все три генерала стали жертвами политических и военно-стратегических просчетов лиц, подписавших приказ Ставки № 270, ибо войска, которыми эти генералы командовали, были разбиты превосходящими силами противника. Понеделин и Кириллов были захвачены в плен натренированными фашистскими егерями. Известно, что, находясь в неволе, генералы вели себя достойно, их не сломили ни издевательства, ни посулы фашистов, а ведь оба отлично знали о приказе Ставки № 270 от 16 августа 1941 года.

29 апреля 1945 года в числе других пленных они были освобождены американскими войсками. Понеделину предлагали службу в армии США, но он отклонил это предложение.

3 мая 1945 года всех бывших военнопленных генералов доставили в Париж и передали советским представителям. Затем их отправили самолетом в Москву. Какое-то время они жили свободно, носили положенную генеральскую форму и ничего не знали о своих семьях. Видимо, в отношении их проводились мероприятия спецслужб, но заочный приговор Военной коллегии Верховного суда от 1941 года в исполнение не приводился. Вообще о нем помалкивали, его как бы не существовало.

Арестовали Понеделина и Кириллова только 30 декабря 1945-го по постановлению начальника следственного отдела ГУКР «СМЕРШ» генерала Леонова, санкционированному начальником ГУКР «СМЕРШ» В.С. Абакумовым и главным военным прокурором генерал-лейтенантом юстиции Н.П. Афанасьевым.

Фактически на основании приказа Ставки № 270 были возбуждены новые уголовные дела, но без ссылок на этот приказ и с умолчанием о наличии уголовного дела с заочным приговором о расстреле. Генералов водворили в Сухановскую тюрьму особого режима.

В конце 1946 года власти СССР полностью рассчитались с предателем А.А. Власовым и его ближайшим окружением, а с Понеделиным и Кирилловым не спешили. Для них тянулись страшные годы пребывания в тюремных застенках, заполненные редкими допросами, бесконечными продлениями сроков следствия и содержания под стражей.

Похоже, от них ожидали (или требовали) признания вины за окружение и разгром 6-й и 12-й армий.

20 августа 1950 года «по новым обстоятельствам», которых фактически не имелось, по заключению ГВП, Военная коллегия отменила свой заочный приговор от 13 октября 1941 года, Понеделину и Кириллову (по их новым делам) объявили об окончании следствия (без предъявления дела за 1941 год), а 25 августа все той же коллегией обоих, теперь уже очно, вновь приговорили к расстрелу с немедленным приведением приговоров в исполнение. Генералы признали, что в бою попали в плен. Суду этого было достаточно.

Из собранных следствием и судом материалов очевидно, что генералы невиновны, но грозный приказ Ставки № 270 делал их таковыми, и ни у следователей, ни у судей не хватило мужества протестовать.

После смерти Сталина ГВП было проведено настоящее расследование вновь открывшихся обстоятельств, и все та же пресловутая Военная коллегия Верховного суда СССР в феврале 1956 года приняла определение о реабилитации загубленных политическим произволом верных сынов Отечества. Вскоре были реабилитированы их жены и дочери.

Содержание приказа Ставки № 270 о генерале Качалове было еще более постыдной и трагической нелепостью. Оказалось, что он, командуя в Ельнинской операции 28-й армией Резервного фронта под руководством Г.К. Жукова, попал в сложную обстановку. В боях севернее города Рославля его штаб был отрезан от войск. Его громили наземным огнем вражеские пушки и минометы, а сверху старательно бомбила авиация. Генерал Качалов погиб. Это удалось доказательно установить смоленским чекистам при вскрытии братской могилы в деревне Старинка Смоленской области и при дополнительном расследовании.

Значит, в приказе Ставки № 270 глумились над генералом, уже сложившим голову за свободу и независимость Родины. Он реабилитирован в 1953 году, после смерти Сталина, и, согласно сообщению ГУК МО РФ, «считается погибшим в Великой Отечественной войне в районе д. Старинка Смоленской области» (приказ МО СССР № 0855 от 13 февраля 1954 года).

Жену генерала Качалова Елену бдительные «законники» дважды упрятывали в тюремные камеры и лагерные зоны. Пострадала, как вы помните, и мать Елены. Реабилитировали их уже в 1954 году. Мне удалось разыскать сына генерала Качалова, которого малым ребенком оторвали от матери и которому пришлось сполна хлебнуть лиха.

В приказе № 270 есть указание относительно командиров, комиссаров и особоотдельщиков. Сколько из этих категорий лиц было

названо в суматохе боев самозванцами и расстреляно, снято с должностей, никто не исследовал. Но известна, например, такая военная легенда. В критический момент окружения и последнего из боев 6-й и 12-й армий под командованием генерала Понеделина в районе Умани была якобы проведена секретная операция по спасению боевых знамен сражавшихся в окружении воинских частей. По легенде, командир 8-го стрелкового корпуса генерал-майор Снегов М.Г. поручил начальнику Особого отдела корпуса майору госбезопасности – назовем его Гонцов – собрать все знамена попавших в безвыходное положение частей, укрыть их в легком танке или танкетке и глубоко зарыть в лесном овраге. Знамена были собраны, уложены в танк и глубоко зарыты.

Фашистам они не достались, но и в наших музеях их тоже нет. Подробности операции, если она имела место, до сих пор неизвестны. Знамена не найдены, хотя их упорно искали в 1983—1987 годах. Установлено, однако, что майор госбезопасности Гонцов в 1942 году был осужден за измену Родине на десять лет ИТЛ. Это незаслуженное наказание он отбыл полностью. Позже был реабилитирован и умер в 1980 году в Самаре.

Попытка выяснить из уголовного дела Гонцова возможные подробности той операции не увенчались успехом. Видимо, бдительных следователей она вовсе не интересовала, поскольку над Гонцовым висел дамоклов меч приказа Ставки № 270, который даже сегодня может помешать восстановлению героических судеб и фактов военного прошлого.

Тень приказа Ставки оскверняет не только память боевых командиров. В условиях окружения у особоотдельщиков не было возможности «подглядывать» за батальонными и полковыми командирами, выяснять, прыгают ли они при бомбежке в щели. Перед ними объективно возникали другие, более важные задачи. Сражаясь с оружием в руках против врага, они еще должны были, в частности, принимать меры к сокрытию секретных документов, как собственных, так и штабных. Особенно шифров.

Известно, например, что 213-я стрелковая дивизия полковника Осьминского М.П. попала в окружение в районе села Подвысокое, в междуречье Ятрани и Синюхи. На нее также навалились войска 17-й армии немцев и танки генерала Клейста. Тогда-то старший оперуполномоченный Особого отдела дивизии лейтенант госбезопасности Митяж, находясь в безысходном положении, с остатками отдела и шифровальщиком Николаем Лютовым на кладбище села Копенковатое Новоархангельского района Кировоградской области закопал пять железных ящиков (сейфов) с документами Особого отдела и штаба дивизии. В ту же ночь все, кроме Лютова, погибли.

Известно, что в 1961 году Лютов вместе со спецкором газеты «Красная звезда» капитаном 3-го ранга Воронецким приезжал в село Копенковатое, где были найдены два сейфа из пяти. Остальные три сейфа обнаружены поисковой экспедицией МВД СССР в 1986 году. В двух сейфах документы оказались непригодными к восстановлению, зато в третьем сохранились документы на триста пятнадцать военнослужащих. Этот сейф был передан в Подольский архив МО СССР.

Так, может, и операция по спасению знамен тоже не легенда?

Безусловно, изменить историю или переписать ее заново невозможно. Однако очистить ее от наносной грязи давно назрела необходимость. Подобные попытки очищения истории уже предпринимались. Так, на XX съезде КПСС разоблачили культ личности И.В. Сталина. Потом воскресили из небытия героев Брестской крепости, рассказали о подвиге героя-подводника Александра Маринеску. Настало время официально решить вопрос о несостоятельности и несоответствии действительности приказа Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 года в части необоснованных обвинений в трусости и измене Родине генералов Качалова В.Я., Понеделина П.Г. и Кириллова Н.К.

Сошлюсь еще на один факт, подтверждающий неблаговидную роль этого приказа. Известно, что генерал армии А.В.Горбатов перед войной испытал на себе всю «прелесть» ежовско-бериевских застенков. Но он чудом был освобожден и командовал на фронте 3-й армией. В самом начале августа 1943 года во время боев за освобождение Орла Горбатов, тогда еще генерал-лейтенант, с группой генералов при всех регалиях выехал на высотку, где саперы уже строили армейский наблюдательный пункт. День был солнечный, и фашистам не составило труда засечь группу советских генералов. Их минометчики начали пристрелку. Копавшие щели саперы умоляли командующего и генералов воспользоваться отрытыми щелями, но Горбатов не слушал их. А скорее всего, помнил о приказе № 270. Когда просвистела третья мина, командир 308-й саперной дивизии генерал-майор Леонтий Николаевич Гуртьев свалил командарма на землю и прикрыл своим телом. В результате А.В.Горбатов остался жив, а генерал Гуртьев посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза и памятника на одной из площадей города Орла. Приказом ГУК МО СССР № 0985 от 13 августа 1943 года он исключен из списков армии, как погибший в боях против немецко-фашистских войск.

308-я дивизия за освобождение Орла была удостоена гвардейского звания, став 120-й гвардейской Краснознаменной, а несколько позже еще и Рогачевской дивизией.

Прославленные маршалы извели немало чернил на свои воспоминания, оправдывая ошибки Верховного, восхваляя его и свои успехи. Однако никто из них не осудил себя за участие в подписании позорного и, безусловно, вредного для чести армии и страны приказа №270.

Скорее всего, решение проблемы возможно на уровне Верховного суда РФ, который компетентен признать часть преамбулы приказа Ставки № 270 в отношении генералов Качалова В.Я., Понеделина П.Г и Кириллова Н.К. не соответствующей действительности, а также волюнтаристскую часть этого приказа не соответствующей нормам уголовного права, требованиям полевого (боевого) устава 1941 года и правилам военной науки (тех времен) с предварительным проведением компетентных экспертиз.

В этом случае в качестве истца могла бы выступить Генеральная прокуратура РФ, а условным ответчиком – Министерство обороны РФ.

Необходимо Понеделина П.Г. оставить посмертно в звании генерал-лейтенанта, как это указано в приказе Ставки № 270. Ему и

генералу Кириллову Н.К., уволенным из армии 9 мая 1956 года (приказом №№ 0214 и 0213) «ввиду смерти», следовало бы добавить в мотив увольнения слова: «как жертва политических репрессий».

Засекреченная слава

Еще в 1950-е годы в авиационном полку, базировавшемся близ Севастополя на аэродроме Бельбек, я от старых летчиков-фронтовиков услышал, что, помимо прославленных асов Второй мировой войны – Александра Покрышкина и Ивана Кожедуба, сбивших, как известно, наибольшее количество самолетов противника, есть и другой ас – Иван Федоров, который уничтожил лично 49 и в группе 47 самолетов противника и о котором официальная пресса молчит по каким-то особым причинам.

Тут сразу же возникают недоуменные вопросы: если в то время Звезду Героя вручали за 12—16 сбитых самолетов противника, то Федоров был достоин двух, а то и всех трех золотых звезд. Однако, по данным авиационной энциклопедии, к первому высокому званию Героя он был представлен только в 1948 году и то за испытания новой авиатехники.

Недоумение разрешилось после знакомства с некоторыми документами, личным делом Федорова, а также после встречи с самим прославленным летчиком.

Весной 1941 года, по соглашению с Риббентропом, на паритетных началах был произведен обмен военными летчиками-испытателями для укрепления взаимного доверия между Сталиным и Гитлером.

И.Е. Федоров

Немцы предложили Москве прислать своих летчиков-испытателей и облетать любой их новейший самолет, вплоть до самых секретных образцов. Немецкие военные летчики-испытатели также должны были облетать новые советские самолеты.

И это происходило в то время, когда советская разведка была осведомлена, что еще в октябре 1940 года по приказу шефа нацистской разведки Вальтера Шелленберга создано специальное подразделение, руководимое подполковником Теодором Ревелем, главной обязанностью которого было добывание секретных сведений о советской авиации. К тому же военный атташе немецких ВВС в Москве полковник Генрих Ашенбреннер, прекрасно владевший русским языком (в 30-е годы он обучался полетам на военных самолетах в СССР), в последнее время настойчиво искал встреч с высокопоставленными военачальниками и уверял их, что для дружбы и доверия необходим постоянный обмен новинками авиатехники. Он даже предлагал свою помощь в покупке для СССР новейших секретных истребителей фирмы Вилли Мессершмитта (такая сделка действительно была осуществлена за несколько месяцев до начала войны. Было приобретено три десятка самолетов двенадцати разных типов.)

Как известно, по Версальскому договору Германия не могла иметь военную авиацию. Однако Сталин, желая ослабить Запад, помог немцам восстановить военный потенциал, и особенно в авиации. На него произвел впечатление стремительный взлет Гитлера. Кроме того, Сталин обожал секретные договоры…

Тогда, в 1939 году, в Москву приезжали министр иностранных дел Риббентроп, генералы Эрнст Кестринг и Курт Гаммерштейн-Экворт. Все трое прекрасно говорили по-русски. И переговоры шли почти без переводчиков, что очень понравилось Сталину.

Теперь становится понятной командировка наших летчиков-испытателей в Берлин. Иван Евграфович помнит эту необычную командировку очень хорошо.

– Перед Великой Отечественной войной, – рассказывал он, – несколько немецких военных летчиков более трех месяцев изучали, а затем облетывали нашу авиатехнику, главным образом истребители.

Наш визит был ответным. Разрешили поехать в Германию только четверым: мне, Стефановскому, Супруну и Викторову. И мы, прибыв в Берлин, в темпе испытали все, что нам было предложено немецкой стороной: самолеты Мессершмитта, Хейнкеля, Юнкерса, Дорнье…

На прощальном банкете Адольф Гитлер вручил нам награды. Я получил железный крест…

За банкетным столом я сидел почти рядом с Гитлером и пару раз попытался с ним заговорить. Но не тут-то было! Гитлер сразу дал понять, что я не подхожу по рангу для разговоров с ним, и отослал меня к Герингу.

Федорова не покидала уверенность: немцы отлично осведомлены, что он воевал против их «кондора» в Испании и что Гитлер готовит войну против СССР.

Тут надо вернуться к испанским событиям, точнее, к окончанию гражданской войны в Испании. У Ивана Евграфовича сохранились записи только за семь месяцев боев в Испании, за время которых он совершил 131 вылет.

Когда война в Испании закончилась, летчики-истребители Анатолий Серов, Михаил Якушин, Николай Остряков и еще несколько человек были представлены к званию Героя Советского Союза (без опубликования Указа Верховного Совета СССР), был представлен к этому высокому званию и Федоров, но Золотую Звезду Героя ему не суждено было получить.

Во время банкета, уже в Москве, на котором присутствовало более 150 человек (летчики, пехотинцы, артиллеристы и моряки) – в основном молодые командиры, – после окончания застолья по какому-то незначительному поводу возникла драка…

Иван Федоров особого участия в ней не принимал, но приставленному к нему органами самонадеянному и нагловатому нквдэшнику, разозлившись, нанес короткий удар правой. На второй день тот, не приходя в сознание, скончался.

После этого печального события Федорова и еще нескольких пилотов вызвал начальник Генерального штаба по авиации генерал-лейтенант Я. Смушкевич и сказал: «Воевали геройски и все насмарку!» Обложил матом и добавил, что представление на звание Героя на Федорова возвращено. А оставшись с ним наедине, предупредил, что НКВД завело на него особую папку… Та папка сыграла в судьбе Ивана Евграфовича печальную роль: его надолго «задвинули» в своеобразную политическую тень, а славу засекретили наглухо…

Вернувшись из Германии, Федоров не успел сдать свой загранпаспорт, когда поступил приказ Наркомата обороны – отбыть в новую командировку, на сей раз в Китай, в город Кульджа (близ Урумчи).

Там при содействии СССР был построен авиазавод по сборке самолетов И-15 и И-16, на котором работало много советских специалистов. Федорова назначили начальником летно-испытательной станции и одновременно летчиком-испытателем и сдатчиком.

Согласно дальнейшим записям в личном деле Ивана Федорова, после Китая, в городе Горьком он продолжил работу по испытанию самолетов Лавочкина и Поликарпова. И вот здесь, в силу своего необузданного характера, он вновь совершил весьма рискованный поступок, едва не стоивший ему головы.

Как рассказывал Иван Евграфович:

– В июне 1942 года я сознательно пошел на нарушение, думал, что после этого меня направят на фронт. До того сколько ни просился, меня не пускали. Улетел самым скандальным образом.

На опытной машине ЛаГГ-3 сделал три мертвых петли под мост над Окой. Выходя из-под моста, делаю петлю – и вновь под мост. Такого трюка никто еще не делал. Потом вижу – по мне охрана моста открыла огонь, видимо, решив, что могу мост разрушить… Сначала хотел было вернуться и

сесть, уже выпустил шасси, потом передумал: был уверен, что отлетался. Убираю шасси, делаю вдоль полосы на малой высоте замедленную бочку и по радио передаю: «Ждите по окончании войны при условии, если уцелею».

Долетел до Монино без карты, 419 км. Там моросил дождь. Совершил посадку. Никто не встречает. Вижу – в стороне стоят два бомбардировщика и около них заправщик. Подрулил к нему вплотную. Вылез из кабины. Шофер заправщика уставился на меня. Кричу ему:

– Эй, побыстрее заправь, срочно лететь надо!

– А вы коменданта аэродрома видели?

– А где он?

Он показывает в другой конец аэродрома. Я соображаю, что делать дальше.

– Ты в Бога веруешь? – спрашиваю и достаю свой пистолет (патронов в нем не было), – считаю до трех!

Тот оторопел.

– А расписку дашь?

– Дам расписку. Заправляй!

Я запрыгнул на крыло и сам стал заправлять через горловину… Смотрю, по мокрой траве катит «форд», в нем голубые фуражки. Ну, думаю, это по мою душу. Быстренько закрыл горловину бака и кричу:

– Давай распишусь.

А он тянет время, не торопится и тоже посматривает на «форд». Я все же расписался. Мотор еще не остыл и запустился сразу. Развернулся, обдал подъехавших струей от винта и взлетел… Прилетаю в Клин. На берегу реки белеет церковь. Шарю по воздуху глазами, чтобы не атаковали ненароком. Здесь был аэродром третьей воздушной армии. Несколько минут кряду выделывал фигуры высшего пилотажа, резвился, чтобы привлечь внимание высокого начальства. И действительно, привлек внимание самого Михаила Михайловича Громова, который в это время в своем штабе проводил совещание и все видел из окна.

Когда я сел, зарулил и выключил двигатель, увидел, что ко мне едут легковые машины.

Первым вышел Громов из «кадиллака» (подарок президента США после перелета через Северный полюс в Америку), за ним его заместители, и среди них Юмашев, Вахмистров, Байдуков. Громов стройный, высокий, сдержанный, а я предстал перед ним в китайской кожаной куртке, на голове берет испанский, штиблеты немецкие и пистолет «ТТ» без патронов в кобуре. Волнуюсь, конечно… Обратился к Громову со словами: «Товарищ командующий, разрешите доложить… – и далее объяснил, как умел, свой перелет к нему. Громов с интересом меня разглядывает. Помолчал. Затем пригласил в машину со словами: «Ну-тес, будем разбираться, посты ВНОС уже о вас сообщили…»

Я подтвердил, что у Вознесенска зенитки открыли по мне огонь, но не попали, а у Ногинска пара Миг-3 атаковала, но нерешительно, «по-школьному», и я от них без труда ушел…

Так, благодаря Громову я остался у него в 3-й воздушной армии и стал воевать на Калининском фронте…

Громов очень быстро убедился, что Иван Федоров отличный воздушный ас. Уже через несколько дней он, поднявшись в воздух на

опытном ЛаГГ-3, сбил пару «юнкерсов», причем весь экипаж, спустившийся на парашютах, был взят в плен. Громов откликнулся телеграммой: «Первый раз видел из КЛ, как ЛаГГ сбивал немца».

За полтора месяца Федоровым было сбито 18 самолетов противника! Общий счет составил 42 победы, но представления на звание Героя не давали. Вместо этого – шесть орденов Отечественной войны с короткими интервалами. Его летная карьера резко пошла в гору. Приказом Главкома за № 067 от 23 октября 1942 года он назначается командиром 157 ИАП, в апреле 1943 года – командиром 273 авиадивизии, а затем старшим инспектором-летчиком управления третьей воздушной армии у Громова.

Его жена, Анна Артемьевна Федорова, которую он сам когда-то учил летать, сбила три немецких самолета, но в 1943 году сама оказалась сбитой. Раненная в ногу, она приземлилась на парашюте, спаслась, но потом долгие годы мучалась по больницам.

Даже в должности командира авиадивизии Федоров летал, что было редкостью на фронте. При такой должности ему казалось неловко всякий раз доказывать свои победы в воздухе. Учеников у него было достаточно, из них четверо стали Героями Советского Союза. Их имена мелькали на страницах «Красной звезды», но фамилия Федорова не упоминалась. Секретное распоряжение СМЕРШа о запрете публикации в открытой печати его имени действовало.

В личном деле Ивана Евграфовича в графе «Прохождение службы в Вооруженных силах» записано, что он назначен командиром группы штрафников. Но ни в «Истории Великой Отечественной войны», ни в трудах военных историков о летчиках-штрафниках нет ни слова!

По словам Федорова, это было идеей самого товарища Сталина. Подобного еще не было ни в одной стране. Это была первая и последняя группа «летчиков-сорвиголов», просуществовавшая на фронте несколько месяцев. 64 проштрафившихся летчика, осужденных трибуналом, должны были кровью искупить свою вину в воздушных боях, воевать до первого ранения…

Когда пришел секретный приказ Сталина, Громов вызвал Боровых, Зайцева (впоследствии они стали дважды Героями), Онуфриенко (тоже Герой) и предложил им принять командование группой. Все отказались, сказав: «Если прикажете – исполним, а так ни за что! Штрафники – люди отчаянные, от них одни неприятности…» Командиром группы летчиков-штрафников, вошедших в 3-ю воздушную армию, стал Федоров. Летчиков-штрафников одели как простых красноармейцев и присвоили всем без исключения звание «рядовой». Полномочия командиру дали большие: за малейшую попытку неповиновения расстреливать на месте. Он этим правом не воспользовался ни разу.

– Помню, – рассказывал Иван Евграфович, – командующий фронтом Иван Степанович Конев поставил перед Громовым задачу прикрыть с воздуха истребителями участок фронта в виде выступа, или «аппендикса», километров 18. Видимо, немецкое командование решило там создать плацдарм. (В истории Великой Отечественной операция получила название Ржевско-Сычевской. – *Л. В.*). Приказ Конева был такой: «Если хоть одна бомба упадет на своих пехотинцев, приеду – отдам под трибунал…»

Составили очередность и стали летать «шестерками», барражируя над этим чертовым «аппендиксом». Была облачность. Летали так: группа прилетает, когда у нее кончается горючее, ее сменяет другая…

Вдруг звонит мне Громов:

– Кто у тебя летал в 9 часов утра?

– Ломейкин, Гришин… (мой друг). Они только что сели.

– Всю «шестерку» Конев приказал расстрелять и в 14.00 доложить об исполнении. Наши войска не были прикрыты с воздуха…

Я так думаю, что, возможно, из-за облачности пехотинцы не увидели наших истребителей. Дело принимало дурной оборот. И я говорю:

– С кем же воевать будем, если своих же под расстрел? Они четыре дня назад сбили 11 самолетов. Я против этого, тем более что летчики не виноваты…

Скоро на аэродром приезжает сам Иван Степанович Конев на трофейном «опель-адмирале». Кроме него, в машине еще какой-то подполковник. Конев злой, настроен на скорую расправу (его самого недавно спас от снятия Сталиным Георгий Жуков), кричит мне: «Знаешь, кто ты такой?» Отвечаю: «Знаю. Сталинский сокол». Конев опять: «Знаешь, кто ты такой?» Приехавший с ним подполковник торопится сорвать с меня ордена. У меня «маузер» с 25 патронами. Думаю: «Кажись, приходит время застрелиться…» Между тем Конев приказал выделить взвод автоматчиков («расстрельная команда»). Поодаль уже вырыты могилы, не в длину, а в глубину, чтоб предатель или штрафник лежал в земле согнувшись в три погибели. Ритуал такой казни был хорошо отработан СМЕРШем.

Несмотря на такую нервную обстановку, я, стараясь быть спокойным, в кратком докладе все же убедил Конева, что тщательная проверка показала, что летчики район прикрывали, прикрывали за облаками и в расчетное время, и что их с земли или блиндажа могли не увидеть… Страха я тогда не испытывал. Конев посверкал глазами, успокоился и сказал: «В первый раз отменяю свое решение».

Мои штрафники за все время боев в воздухе сбили около 400 самолетов, не считая сожженных на земле, но эти победы им не засчитывали. Фотоконтроля тогда не велось… Так и воевали «за общую победу». Сбитые штрафниками самолеты в штабе «раскладывали» по другим полкам, что было в порядке вещей, или вообще не засчитывали. Вот и получалось: «Каков пошел, таков и воротился».

Удалось разыскать некоторые данные о боевых действиях 157-го авиаполка, куда входила группа летчиков-штрафников из 256-й авиадивизии, которой командовал Федоров. Из них следовало, что в период Ржевско-Сычевской операции «добрая слава шла об этом полке, на счету которого было 130 самолетов противника, а по дивизии 380». Так говорят документы.

Очень интересно рассказывал Иван Евграфович о своих полетах ведущим «девятки» на «свободную охоту», более похожую на воздушную дуэль.

Это совершенно особый вид воздушного боя, который придумали немецкие асы, обладавшие прекрасной выучкой, опытом и отличной техникой пилотирования.

Об асах и асах-дуэлянтах официальные источники также умалчивают, а они были… Например, немецкий ас Рудольф Мюллер. Советский ас Евгений Савицкий также совершил несколько полетов на дуэль под Ростовом (потом ему запретили). Борис Веселовский, Александр Покрышкин и многие другие летчики летали на «свободную охоту» за линию фронта.

Федоров вспоминал нашего летчика-истребителя, полковника В.Н. Вальцефера (был начальником кафедры в Ейском ВВАУЛ), о его дуэли в воздухе с немецким асом обер-фельдфебелем Мюллером, которая состоялась в небе Заполярья в 1943 году.

Мюллер прилетел на аэродром Ваенга на новеньком «мессершмитте» Ме-109 G-2 (имевшем улучшенные летные характеристики по сравнению с Ме-109 Е) и сбросил вымпел с запиской, что один самолет может подняться в воздух для честного поединка… И подписался: Рудольф Мюллер.

В воздух на английском истребителе «харрикейн» поднялся Вальцефер, тогда еще старший лейтенант. Он опасался, что Мюллер подстрелит его еще на взлете. Но тот, снизившись над взлетной полосой, пристроился и «вежливо» ждал, когда его русский противник уберет шасси, после чего с увеличением скорости вышел вперед и восходящей спиралью стал набирать высоту. Молодой летчик просто обрадовался такой удаче, он сразу оказался в хвосте аса, в очень выгодной позиции. Следуя друг за другом, правой восходящей спиралью, Вальцефер попытался взять упреждение и открыть заградительный огонь, но не тут-то было! Его самолет сразу стал дрожать, грозя сорваться в штопор. И тогда только он понял, что это точно рассчитанный маневр – увлечь его в эту предательскую спираль, на которой невозможно вести прицельный огонь!

Самолеты, как привязанные друг к другу, виток за витком набирали высоту, но мотор на «харрикейне» был слабее (что тоже входило в расчет Мюллера), он начал терять скорость, а Мюллер продолжал лезть вверх.

Наконец, Вальцефер, потеряв терпение, на короткое время довернул машину, дав очередь по Мюллеру (мимо!), и тут же свалился в штопор.

Ас, внимательно следивший за поведением противника, мгновенно выполнил полупереворот и на выходе из штопора сразил того очередью с минимальной дистанции.

Самолет Вальцефера загорелся…

За этим показательным, виртуозным боем люди на земле следили затаив дыхание.

Мюллер, покачав на прощание крыльями, скрылся, а Вальцефер, сбив скольжением пламя, с поврежденным мотором произвел посадку на свой аэродром. Он был ранен в низ живота осколком (остальные застряли в парашюте). К счастью, ранение оказалось легким…

О том бое с Мюллером полковник Вальцефер любил рассказывать в назидание молодым летчикам…

Видимо, подражая Рудольфу Мюллеру, на Калининском фронте появился другой немецкий ас. Дважды он вызывал наших летчиков на «воздушную дуэль» и дважды ему удавалось одерживать победу. Об этом

Иван Федоров узнал, когда оказался на аэродроме Злобино.

– Я приехал на аэродром Злобино, – рассказывал Иван Евграфович, – от Рокоссовского на мотоцикле. Мне докладывают: так, мол, и так, уже прилетал два раза. Действительно, ас прилетел и в третий раз, пунктуально, на «фокке-вульф—190»… Самолет мне уже приготовили.

Вызов я принял. Сел в самолет – и в воздух. Бой был короткий, всего несколько минут. Аса я завалил, он почему-то показался мне не очень опытным – крылышки, конечно, есть, а перышки еще втыкать надо… От моей очереди у него отвалилось крыло, но он успел выпрыгнуть на парашюте. Жаль, фамилию его не запомнил.

Ивану Федорову кроме Калининского фронта (июль 1942 – апрель 1943), пришлось воевать на Центральном (апрель 1943 – – июнь 1944), на 3-м Прибалтийском (июнь – ноябрь 1944) и на 2-м Белорусском (ноябрь 1944 – май 1945).

В 1943 году Федорова наконец представили к званию Героя (на 23 февраля), но Военный совет снова не утвердил. Более того, приказом от 1 мая 1944 года он сдал дела 213-й авиадивизии и перевелся на должность заместителя командира Краснознаменной 269-й авиадивизии 4-й воздушной армии.

Это было сделано по просьбе самого Федорова.

– Ушел с должности командира дивизии, – говорил он. – Не в моем характере «шлифовать» кресло. Стал замом, чтобы иметь возможность больше летать.

В тот период он сколотил девятку отличных летчиков, в которую вошли Андрей Боровых, Василий Зудилов, Иван Баранов, Василий Зайцев, Григорий Онуфриенко… – впоследствии все стали Героями, а Зайцев и Боровых дважды.

«Девяткой» стали летать за линию фронта на «свободную охоту». Рассказывает Иван Евграфович:

– Меня за эту «охоту» прозвали «анархистом», так как я разрешения не спрашивал и всю ответственность брал на себя.

Благодаря разведке мы хорошо знали расположение немецких аэродромов. Как-то решили лететь ближе к вечеру. Прилетаем. Я с высоты 20 метров бросаю вымпел (банку из-под тушенки с шестерней и куском белой материи). В банке записка по-немецки: «Вызываем на бой по числу прилетевших. Не вздумайте шутить. Если запустите хоть на один двигатель больше – сожжем на земле».

Немцы большей частью условия принимали. Вижу, первый «мессер», второй взлетел, кричу по рации: «Гришка, твой пошел!» «Есть мой!» – отвечает. Немец шасси убрал – наш уже рядом. Набрали высоту, разошлись – и бой начинается.

Первого собьешь и сразу бросаешься помогать другой паре. Так же действовали и другие. В этом сказывалось преимущество боя девяткой…

Сбил я 21 немецкий самолет, другие по 10 и более, на земле уничтожили около трех десятков, но нам удалось сделать только 16 вылетов, затем на такие полеты пришел запрет…

В июне 1944 года в результате допроса пленного немецкого летчика стало известно, что вблизи фронта появилась группа асов «Мельдерс» из 29-ти пилотов, которой командовал полковник Берг. Вот как рассказывал

об этом Иван Евграфович:

– На фюзеляжах их машин были нарисованы тузы, короли, валеты – целая колода карт, за что их прозвали «картежниками». Самолет Берга был разукрашен трехглавым драконом, говорили, что на его счету 127 побед.

В паре с Боровых его с трудом удалось сбить вместе с ведомым (на борту был червовый туз).

Через некоторое время мне принесли его шпагу, курительную трубку – Мефистофель с автографом Гитлера – и белый маузер из нержавейки.

Наши летчики знали, что многие немецкие асы летали с сувенирами-талисманами (ладанки, медальоны, зверушки разные), ну а у Берга талисманом была шпага его предка…

Иван Евграфович не раз таранил самолеты противника. Старался ударить по хвосту.

– Удачный таран был в 1942 году, – вспоминал Федоров, – в конце августа, недалеко от деревни Федотово. Летели вдоль железной дороги в паре со штрафником. Смотрю, противоположным курсом строй «юнкерсов». Насчитал 31 бомбардировщик. Их сопровождают и прикрывают 18 «мессеров». Едва начал строить маневр для атаки, ведомый (фамилии не помню) пошел вниз и меня бросил. На душе сделалось скверно. Я передаю по рации: «Следите за последней работой, чем позорно жить, лучше честно умру!» – и бросился в самую гущу строя бомбардировщиков. С близкой дистанции подряд сбил пять «юнкерсов» и одного таранил…

Точную дату этого боя Иван Евграфович не помнил, но мне удалось отыскать документ от 17 августа 1943 года, подписанный начальником штаба 6-го истребительного авиационного корпуса полковником Н.П. Жильцовым, подтверждающий описание этого боя.

– Вернулся живой, – сказал Иван Евграфович, завершая рассказ об этом бое. – Правда, поранило в ногу, мой самолет стал разваливаться еще в воздухе. Я хоть и не был штрафником, а только их командиром, но некоторое время спустя обнаружил, что начальник штаба Волков мне эти победы не записал. Я знал, что после моего «дезертирства» с завода ко мне все еще присматриваются особисты, и сделал вид, что не придаю значения. Слава Богу, живой остался…

Наступил 1945 год. Кончилась война. Вскоре пришел приказ Сталина «всех летчиков-испытателей вернуть на свои места». Иван Федоров поехал в Горький к Лавочкину. Тот был рад встрече и сразу предложил интересную работу.

Но и у знаменитого конструктора летчик проработал недолго. Приказом сверху его в 1948 году перевели в распоряжение академика Курчатова, руководителя работ по созданию первой атомной бомбы, и опять основательно засекретили. Ответственное задание – сброс атомной бомбы на госполигон – тоже поручили Федорову. Но это уже другой рассказ…

Мятежник эпохи застоя *61 По материалам О. Бар&Бирюкова, капитана 2&го ранга в отставке.*

В ноябре 1975 года по Риге поползли слухи: экипаж одного из военных кораблей, участвовавших в морском параде, вышел из повиновения Балтийского флота и пытался выйти в открытое море. Говорили, что на

выходе из Рижского залива корабль был обстрелян и задержан. При этом против «бунтовщиков» применили авиацию… Как выясняется сегодня – два с половиной десятилетия спустя, – в истории мятежного большого противолодочного корабля (по-флотски сокращенно – ВПК) «Сторожевой» еще рано ставить точку.

На основании воспоминаний очевидцев, а также ставших доступными документов, ряда исследований и публикаций в отечественной и зарубежной прессе можно реконструировать более или менее полную картину случившегося на «Сторожевом» 8—9 ноября 1975 года.

Для участия в морском параде, приуроченном к 7 ноября, в Ригу из Балтийска прибыл «гвоздь программы» – ракетоносец, ВПК «Сторожевой», недавно возвратившийся из длительного плавания с заходом на Кубу. Душой экипажа, по общему признанию, был капитан 3-го ранга Валерий Михайлович Саблин – недавний строевой морской офицер, после окончания военно-политической академии ставший заместителем командира БПК по политчасти. На корабле под его руководством созрел заговор. В планы заговорщиков входило перевести корабль в Кронштадт, а оттуда – в Ленинград, чтобы там добиться выступления по телевидению с программой «по исправлению ошибок, допущенных руководством страны». Вдохновившись романтическими образами лейтенанта П.П. Шмидта и октября 1917 года, Саблин искренне полагал, что горстка людей сможет поднять страну на новую революцию…

Решение действовать было принято после того, как весь штатный боекомплект к своему мощному вооружению (за исключением стрелкового оружия для экипажа) «Сторожевой» еще до парада сдал на хранение на береговые склады. Заговорщики надеялись, что мирный характер выступления удержит силы флота от применения оружия. Но ошиблись.

Валерий Саблин

Вечером 8 ноября на «Сторожевом», стоявшем в парадном строю боевых кораблей в устье Даугавы, по внутрикорабельной связи был объявлен «Большой сбор». Матросы и старшины выстроились на палубе, к ним обратился Саблин с призывом выступить против тогдашнего режима. Большинство членов экипажа БПК поддержали Саблина. Чтобы исключить сопротивление командира корабля Потульного и части офицеров, их изолировали во внутренних помещениях. Однако офицер-механик – нештатный секретарь комитета ВЛКСМ Фирсов – сумел незаметно по швартовым тросам к бочкам переправиться на соседний корабль «сигнализировать командованию» о том, что происходит на корабле. Доклады пошли по инстанции. А ночью 9 ноября «Сторожевой» начал движение на выход из устья Даугавы в Рижский залив с расчетом следовать потом в Кронштадт. При этом сопровождавшие его поднятые по тревоге пограничные катера, получившие разъяснение с мятежного корабля о его мирных намерениях, не стали применять против него оружие. Его применили летчики, за что впоследствии получили боевые ордена: их бомбы и пушечные снаряды, ложившиеся по курсу корабля и по корме, повредили рулевое устройство и частично – бортовую обшивку. К тому времени Саблин, стоявший на мостике, был ранен Потульным, вступившим в командование и застопорившим ход.

К «Сторожевому» подошли корабли. На его борт высадились десантники. Указания генсека Л. Брежнева и министра обороны А. Гречко сводились к тому, чтобы остановить безоружный корабль, не считаясь ни с чем – вплоть до потопления. А на его борту в тот момент находилось около двухсот человек экипажа, в том числе и те, кто отказался примкнуть к мятежникам.

Потом «Сторожевой» отремонтировали и перевели в другой класс кораблей, заменили название, тактический и бортовой номера и отправили на Тихоокеанский флот. Из вахтенных журналов всех балтийских кораблей, участвовавших в подавлении «бунта», «особисты» вырвали страницы, датированные 8—9 ноября…

В Москве тем временем началось следствие. Причем судьба Саблина была уже фактически предрешена. Ибо все высказались за инкриминирование ему статьи 64 УК («измена Родине»), которая в подобных случаях предусматривала смертную казнь с конфискацией имущества.

Сразу же после оглашения Саблину смертного приговора 13 июля 1976 года к нему, пытавшемуся что-то сказать судьям и присутствовавшим, подскочили охранники, заломили руки назад, надели наручники, заклеили рот черным пластырем и выволокли из зала… Для подсудимого такой финал был, похоже, неожиданным. Можно предположить, что он попался на удочку следователей КГБ и назначенных адвокатов, уговоривших его признать вину по некоторым пунктам обвинения и обещавших сохранить

жизнь. Возможно, для такого признания сыграли свою роль и письма родных, с которыми Саблину предоставили возможность переписываться из Лефортова. В одно из своих писем он вложил рисунки с изображением Дон Кихота, сражавшегося с ветряными мельницами…

3 августа, скоропалительно отклонив его прошение о помиловании, Саблина расстреляли. Его родители вскоре умерли, не выдержав страшного известия. А вдова, сын и два брата сполна хлебнули всего, что полагалось родным «изменника Родины»…

В 1994 году коллегия Верховного суда Российской Федерации под давлением общественности пересмотрела «дело Саблина», заменив ему статью «измена Родине» на статьи о воинских преступлениях! В результате Саблин был посмертно приговорен к 10 годам тюремного заключения, а помогавший ему матрос А. Шеин – к пяти годам (вместо восьми, которые он полностью отсидел). А ведь в том же году решением соответствующих органов были полностью амнистированы участники вооруженного и кровопролитного Кронштадтского мятежа военных балтийских моряков…

Так что вопрос о полной реабилитации Саблина сегодня не стоит.

Часть пятая.
Призраки прошлого
Джек-Потрошитель: русский след

О Джеке -потрошителе слышали все. Во всяком случае, от этой жуткой истории вот уже более ста лет волосы встают дыбом на головах слабонервных обывателей. Она служит сюжетом для бульварных романов и фильмов ужасов. Между тем тайна Джека-потрошителя не раскрыта и по сей день. А потому наша версия, «русский след» знаменитого лондонского маньяка-убийцы, имеет полное право на существование…

Август – пора благостная; августовские ночи даже в сырой, пролитой дождями старушке Англии располагают к мечтаниям и романтическим приключениям… Однако именно такой теплой августовской ночью Джек-потрошитель вошел в историю человечества своей крадущейся походкой. В ночь с 6 на 7 августа 1888 года на одной из лондонских улиц, в районе Уайтчепэл, был обнаружен обезображенный труп 34-летней проститутки Марты Тернер. По свидетельству осматривавшего труп медика, Марта умерла от «глубокой раны в области шеи». На самом деле горло ей перерезали так, что голова болталась, посуществу, на куске кожи!

Есть вероятность, что Джек-потрошитель скрылся в России

Жестокость преступления насторожила сыщиков знаменитого Скотленд-Ярда. Но дело «повисло», а в ночь на 31 августа того же рокового года страшной смертью, очень похожей на гибель Марты, умерла еще одна лондонская «дама легкого поведения» – Энни Николс: ее горло было перерезано от уха до уха. Но на этом Джек-потрошитель не успокоился: уже 8 сентября от его рук погибла еще одна проститутка – Энни Чемпен. А 30 сентября он убивает уже двух «дам» за ночь, причем на сей раз жертвы были вскрыты от горла до промежности, что навело английских следователей на мысль, что Потрошитель (уже получивший свое имя от вездесущих английских журналистов) является человеком осведомленным в медицине или, по меньшей мере, листавшим анатомический атлас – настольную книгу любого хирурга.

Полиция сбилась с ног, но преступник был неуловим. И только тогда, когда убийца буквально вывернул наизнанку в кромешной лондонской ночи еще одну проститутку по имени Мэри Келли, во тьме забрезжил лучик света. В поле зрения Скотленд-Ярда попал практикующий в восточной части Лондона русский фельдшер, представлявшийся в разных обстоятельствах под несколькими фамилиями: Острогов, Педоченко, Коновалов… Он прибыл в Англию из Франции, где также подозревался в убийстве проститутки! Да и все свои убийства Джек-потрошитель совершал именно в Восточном и близких к нему районах Лондона…

Казалось бы, круг сомкнулся и должна наступить развязка, но… неуловимый Джек-потрошитель скрывается в необозримых просторах

Российской империи, в очередной раз сменив имя…

Как свидетельствуют архивные источники, не прошло и трех лет, как чудо-фельдшер укокошил еще одну представительницу древнейшей из профессий, теперь уже в нашей северной столице, в прекрасном Санкт-Петербурге. Но здесь в отличие от Лондона убийца был пойман – и все же ушел от суда! Он был признан судебной инстанцией душевнобольным, невменяемым и помещен в сумасшедший дом, откуда не вышел до конца своих дней…

Жизнь и смерть Саввы Морозова *62 По материалам журнала «Профиль».*

Легендарный московский предприниматель Савва Тимофеевич Морозов изо всех сил старался изменить свою грубую купеческую натуру, стать духовным, тонко чувствующим, понимающим искусство, способным жертвовать собой. В конце концов он покончил самоубийством. История его жизни приводит к парадоксальным в своей полемичности выводам: людям, зарабатывающим деньги, просто необходимо быть бездуховными и циничными и иметь узкий кругозор – иначе они как класс вымрут. Ради общественного же блага им надо запретить посещать музеи и театры, и упаси их Бог влюбляться в актрис.

В начале XX века верхушку московского купечества составляли два с половиной десятка семей – семь из них носили фамилию Морозовы. Самым именитым в этом ряду считался крупнейший ситцевый фабрикант Савва Тимофеевич Морозов.

О точных размерах морозовского капитала сегодня можно только догадываться. «Т-во Никольской мануфактуры Саввы Морозова, сын и К°» входило в тройку самых прибыльных производств России. Одно жалование Саввы Ивановича (он считался всего лишь директором, а владельцем мануфактуры была его мать) составляло 250 тысяч рублей в год. Для сравнения: тогдашний министр финансов Сергей Витте получал в десять раз меньше (и то большую часть суммы Александр III доплачивал «незаменимому» Витте из своего кармана).

Савва Морозов. 1900-е гг.

Савва принадлежал к поколению «новых» московских купцов. В отличие от своих отцов и дедов, родоначальников семейного бизнеса, молодые купцы имели прекрасное европейское образование, художествен–ный вкус, разнообразные интересы. Духовные и социальные вопросы занимали их ничуть не меньше проблемы зарабатывания денег.

Начинал семейное дело дед и тезка Саввы – хозяйственный мужик Савва Васильевич Морозов.

Забронированное место на тот свет «Савва сын Васильев» родился крепостным, но сумел пройти все ступени мелкого производителя и стать крупнейшим текстильным фабрикантом. Предприимчивый крестьянин Владимирской губернии открыл мастерскую, выпускавшую шелковые кружева и ленты. На единственном станке работал сам и сам же пешком ходил в Москву, за 100 верст, продавать товар скупщикам. Постепенно он перешел на суконные и хлопчатобумажные изделия. Ему везло. Увеличению доходов способствовала даже война 1812 года и разорение Москвы. После того как в первопрестольной сгорели несколько столичных фабрик, был введен благоприятный таможенный тариф, и начался подъем хлопчатобумажной промышленности.

За 17 тысяч рублей – огромные по тем временам деньги – Савва получил «вольную» от дворян Рюминых, и вскоре бывший крепостной Морозов был зачислен в московские купцы первой гильдии.

Дожив до глубокой старости, Савва Васильевич так и не одолел грамоты, однако это не мешало ему отлично вести дела. Своим сыновьям он завещал четыре крупные фабрики, объединенные названием «Никольская мануфактура». Старик позаботился устроить потомков даже на том свете: рядом с его могилой на Рогожском кладбище стоит белокаменный старообрядческий крест с надписью, уже потускневшей от времени: «При сем кресте полагается род купца первой гильдии Саввы Васильевича Морозова».

Сегодня там лежит четыре поколения Морозовых.

Его именем назвали стачку «Т-во Никольской мануфактуры Саввы Морозова, сын и К° » располагалось в Покровском уезде Владимирской губернии. Делами здесь до середины 40-х годов XIX века заправлял сам Савва Васильевич, а затем его младший сын Тимофей.

Ловкий и оборотистый наследник взялся за дело засучив рукава. Он решил взять под свой контроль весь производственный цикл: чтобы не зависеть от импортных поставок, он скупал земли в Средней Азии, где начал разводить хлопок, модернизировал оборудование, заменил английских специалистов на молодых выпускников Императорского технического училища.

В московских деловых кругах Тимофей Саввич пользовался огромнейшим авторитетом. Он первым получил почетное звание мануфактур-советника, был избран гласным Московской городской думы, председателем Московского биржевого комитета и Купеческого банка, членом правления Курской железной дороги.

В отличие от своего отца Тимофей был обучен грамоте и, хотя сам «университетов не заканчивал», часто жертвовал довольно крупные суммы на учебные заведения и на издательские дела. Что не мешало ему быть настоящим, как тогда говорили, «кровососом»: заработную плату своим рабочим он постоянно снижал, изводил их бесконечными штрафами. И вообще считал строгость и жесткость в обращении с подчиненными лучшим способом управления.

Порядки на мануфактуре напоминали удельное княжество. Здесь была даже своя полиция. В кабинете хозяина никто не имел права сидеть, кроме него, – как бы долго не длились доклады и совещания.

7 января 1885 года на Никольской мануфактуре разразилась забастовка рабочих, позднее описанная во всех отечественных учебниках истории как «Морозовская стачка». Длилась она две недели. Кстати, это было первое организованное выступление рабочих. Когда судили зачинщиков волнений, Тимофея Морозова вызвали в суд свидетелем. Зал был переполнен, атмосфера накалена до предела. Гнев публики вызвали не подсудимые, а хозяин фабрики.

Савва Тимофевич вспоминал тот суд: «В бинокли на него смотрят, как в цирке. Кричат: «Изверг! Кровосос!» Растерялся родитель. Пошел на свидетельское место, засуетился, запнулся на гладком паркете – и затылком об пол, как нарочно перед самой скамьей подсудимых. Такой в зале поднялся глум, что председателю пришлось прервать заседание».

После суда Тимофей Саввич месяц пролежал в горячке и встал с постели совсем другим человеком – состарившимся, озлобившимся. О фабрике и слышать не хотел: «Продать ее, а деньги – в банк». И только

железная воля его жены спасла мануфактуру от продажи. Производственные дела Тимофей Морозов отказался вести напрочь: переписал имущество на жену, так как старший сын, по его разумению, был молод и горяч.

Родом из домостроя Семья Морозовых была старообрядческая и очень богатая. Особняк в Большом Трехсвятительском переулке имел зимнюю оранжерею и огромный сад с беседками и цветниками.

Будущий капиталист и вольнодумец воспитывался в духе религиозного аскетизма, в исключительной строгости. В семейной молельне ежедневно служили священники из Рогожской старообрядческой общины. Чрезвычайно набожная хозяйка дома, Мария Федоровна, всегда была окружена приживалками. Любой ее каприз был законом для домочадцев.

По субботам в доме меняли нательное белье. Братьям, старшему Савве и младшему Сергею, выдавалась только одна чистая рубаха, которая обычно доставалась Сереже – маминому любимчику. Савве приходилось донашивать ту, что снимал с себя брат. Более чем странно для богатейшей купеческой семьи, но это было не единственное чудачество хозяйки. Занимая двухэтажный особняк в 20 комнат, она не пользовалась электрическим освещением, считая его бесовской силой. По той же причине не читала газет и журналов, чуралась литературы, театра, музыки. Боясь простудиться, не мылась в ванне, предпочитая пользоваться одеколонами. И при этом держала домашних в кулаке так, что они рыпнуться не смели без ее дозволения.

Тем не менее перемены неумолимо вторгались даже в прочно устоявшуюся старообрядческую жизнь. В морозовской семье уже были гувернантки и гувернеры, детей – четверых сыновей и четырех дочерей – обучали светским манерам, музыке, иностранным языкам. Причем применялись веками испытанные «формы воспитания» – за плохие успехи в учебе юную купеческую поросль нещадно драли.

Савва не отличался особым послушанием. По его собственным словам, еще в гимназии он научился курить и не верить в Бога. Характер у него был отцовский: решения принимал быстро и навсегда.

Он поступил на физико-математический факультет Московского университета. Там серьезно изучал философию, посещал лекции по истории В.О. Ключевского. Потом продолжил образование в Англии. Изучал химию в Кембридже, работал над диссертацией и одновременно знакомился с текстильным делом. В 1887-м, после морозовской стачки и болезни отца, оказался вынужден вернуться в Россию и принять управление делами. Было Савве тогда 25 лет.

Вплоть до 1918 года Никольская мануфактура являлась паевым предприятием. Главным и основным пайщиком мануфактуры считалась мать Саввы Мария Федоровна: ей принадлежало 90 % паев.

В делах производственных Савва не мог не зависеть от матери. По сути, он был совладельцем-управляющим, а не полноправным хозяином. Но «Савва Второй» не был бы сыном своих родителей, не унаследуй он от них неуемную энергию и большую волю. Сам о себе говорил: «Если кто станет на моей дороге, перейду и не сморгну».

Он выписал из Англии новейшее оборудование. Отец категорически возражал – дорого, но Савва переломил отставшего от жизни папеньку. Старику претили нововведения сына, но в конце концов он сдался: на мануфактуре были отменены штрафы, изменены расценки, построены новые бараки. Тимофей Саввович топал на сына ногами и ругал его социалистом.

– А в добрые минуты, совсем уж старенький, гладит меня, бывало, по голове и приговаривает: «Эх, Саввушка, сломаешь ты себе шею».

Но до осуществления тревожного пророчества было еще далеко.

Дела в Товариществе шли блестяще. Никольская мануфактура занимала третье место в России по рентабельности. Морозовские изделия вытесняли английские ткани даже в Персии и Китае. В конце 1890-х годов на фабриках было занято 13,5 тысячи человек, здесь ежегодно производилось около 440 тысяч пудов пряжи, почти два миллиона метров ткани.

Втайне Мария Федоровна гордилась сыном – Бог не обделил его ни умом, ни хозяйской сметкой. Хотя и сердилась, когда Савва распоряжался сначала по-своему, как считал нужным, и лишь затем подходил: «Вот, мол, маменька, разрешите доложить…»

Звездный шлейф Помимо своих производственных побед Савва одержал также одну скандальную – на любовном фронте. В Москве он наделал много шума, влюбившись в жену своего двоюродного племянника Сергея Викуловича Морозова – Зинаиду. Ходили слухи, что Сергей Викулович взял ее из ткачих на одной из морозовских фабрик. По другой версии, она происходила из купеческого рода Зиминых, и ее отец, богородский купец второй гильдии Григорий Зимин, был родом из Зуева.

В России развод не одобрялся ни светской, ни церковной властью. А для старообрядцев, к которым принадлежали Морозовы, это было не просто дурно – немыслимо. Савва пошел на чудовищный скандал и семейный позор – свадьба состоялась.

Морозовым везло на властных, надменных, умных и очень честолюбивых жен. Зинаида Григорьевна лишь подтверждает такое утверждение. Умная, но чрезвычайно претенциозная женщина, она тешила свое тщеславие способом, наиболее понятным купеческому миру: обожала роскошь и упивалась светскими успехами. Муж потворствовал всем ее прихотям.

Газеты подробно комментировали помпезное открытие нового морозовского особняка на Спиридоновке, который сразу же окрестили «московским чудом». Дом необычного стиля – сочетание готических и мавританских элементов, спаянных пластикой модерна – сразу же стал столичной достопримечательностью.

Личные апартаменты Зинаиды Григорьевны были обставлены роскошно и эклектично. Спальня «Ампир» из карельской березы с бронзой, мраморные стены, мебель, покрытая голубым штофом. Апартаменты напоминали магазин посуды, количество севрского фарфора пугало: из фарфора были сделаны даже рамы зеркал, на туалетном столике стояли фарфоровые вазы, по стенам и на кронштейнах висели крохотные

фарфоровые фигурки.

Кабинет и спальня хозяина выглядели здесь чуждо. Из украшений – лишь бронзовая голова Ивана Грозного работы Антокольского на книжном шкафу. Пустые комнаты напоминали жилище холостяка.

Вообще, матушкины уроки не пропали даром. По отношению к себе Савва Морозов был крайне неприхотлив, даже скуп – дома ходил в стоптанных туфлях, на улице мог появиться в заплатанных ботинках. В пику его непритязательности, мадам Морозова старалась иметь только «самое-самое»: если туалеты, то самые немыслимые, если курорты, то самые модные и дорогие.

Савва на женины дела смотрел сквозь пальцы: обоюдная бешеная страсть скоро переросла в равнодушие, а потом и в совершенное отчуждение. Они жили в одном доме, но практически не общались. Не спасли этот брак даже четверо детей.

Хваткая, с вкрадчивыми взглядом и надменным лицом, комплексовавшая из-за своего купеческого звания и вся увешанная жемчугами, Зинаида Григорьевна сверкала в обществе и пыталась превратить свой дом в светский салон. У нее «запросто» бывала сестра царицы, жена московского генерал-губернатора великая княгиня Елизавета Федоровна. Чередой шли вечера, балы, приемы… Морозова была постоянно окружена светской молодежью, офицерами. Особым ее вниманием пользовался А.А. Рейнбот, офицер Генерального штаба, блестящий ухажер и светский лев.

Позднее он получил генеральский чин за борьбу с революционным движением. А через два года после смерти Саввы Тимофеевича обвенчался с Зинаидой Григорьевной. Надо думать, ее тщеславие было удовлетворено: она стала потомственной дворянкой.

Роковая тезка Ведя строгий счет каждому целковому, Савва не скупился на тысячные расходы ради хорошего, по его мнению, дела. Он давал деньги на издание книг, жертвовал Красному кресту, но его главный подвиг – финансирование МХТа. Только строительство здания театра в Камергерском переулке обошлось Морозову в 300 тысяч рублей.

В 1898 году МХТ поставил спектакль «Царь Федор Иоаннович» по пьесе Алексея Толстого. Савва Морозов, случайно заехав вечером в театр, пережил глубокое потрясение и с тех пор стал горячим поклонникомтеатра.

Морозов не только щедро жертвовал деньги – он сформулировал основные принципы деятельности театра: сохранять статус общедоступного, не повышать цены на билеты и играть пьесы, имеющие общественный интерес.

Савва Тимофеевич был натурой увлекающейся и страстной. Недаром побаивалась матушка Мария Федоровна: «Горяч Саввушка!.. Увлечется каким-либо новшеством, с ненадежными людьми свяжется, не дай Бог».

Увы, Бог не уберег его от актрисы Художественного театра Марии Федоровны Андреевой, по иронии судьбы – тезки его матери.

Жена высокопоставленного чиновника А.А. Желябужского, Андреева не была счастлива в семье. Ее муж встретил другую любовь, но супруги, соблюдая приличия, жили одним домом ради двоих детей. Мария

Федоровна находила утешение в театре. Андреева – это ее сценический псевдоним.

Став завсегдатаем Художественного театра, Морозов сделался и поклонником Андреевой – у нее была слава самой красивой актрисы русской сцены. Завязался бурный роман. Морозов восхищался ее редкостной красотой, преклонялся перед талантом и мчался выполнять любое желание.

Мария Федоровна вертела Морозовым, как хотела.

В самом деле, Андреева была женщина истерическая, склонная к авантюрам и приключениям. Одного театра ей не хватало (точнее, она была уязвлена несомненным артистическим талантом Ольги Книппер-Чеховой), ей хотелось театра политического. Она была связана с большевиками и добывала для них деньги. Позже охранка установит, что Андреева собрала для РСДРП миллионы рублей.

«Товарищ феномен», как называл ее Ленин, сумела заставить раскошелиться на нужды революции крупнейшего российского капиталиста. Савва Тимофеевич пожертвовал большевикам значительную часть своего состояния.

При его поддержке издавалась ленинская «Искра», большевистские газеты «Новая жизнь» в Петербурге и «Борьба» в Москве. Он сам нелегально провозил типографские шрифты, прятал у себя наиболее ценных «товарищей», доставлял запрещенную литературу на… собственную фабрику. Именно в кабинете Морозова бдительный конторщик подобрал забытую хозяином «Искру» и доложил «куда следует». Савву Тимофеевича пригласил на беседу сам дядя царя, генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович. Но и его увещевания, очень напоминающие полицейский шантаж, не достигли цели.

Не следует преувеличивать революционность Саввы Тимофеевича Морозова. Как писал Марк Алданов, «Савва субсидировал большевиков оттого, что ему чрезвычайно опротивели люди вообще, а люди его круга в особенности». Ему, человеку европейского образования, претил старообрядческий уклад. Славянофильство и народничество представлялись ему сентиментальными. Философия Ницше чересчур идеалистической, оторванной от жизни. А вот воззрения социал-демократов под влиянием обожаемой Машеньки и ее будущего гражданского мужа Максима Горького Савва воспринял сочувственно.

Страстная, увлекающаяся натура, во всем идущая «до конца», «до полной гибели всерьез». Рогожин в романе «Идиот» словно списан Достоевским с Морозова – или великий писатель знал сам тип талантливого русского бизнесмена, скучавшего со своими деньгами, сходившего с ума от окружающей пошлости и тщеславия и ставившего все в конце концов на женщину и на любовь.

Русский богатей, как только он становится образован, влюбляется в роковую интеллигентку, воплощающую для него культуру, прогресс и страсть одновременно. И тут или он гибнет, не в силах преодолеть маргинальность своего существования, или… становится интеллигентом.

Вот в Америке нет неразрешимых противоречий между капиталом и любовью. Там капиталист, Билл Гейтс, к примеру, никогда не влюбится в коммунистку и уж тем более не станет по этому поводу страдать.

«Жалость унижает человека» Трагедия началась с того, что Станиславский поссорился с Немировичем-Данченко.

А поссорились они из-за артистки Андреевой, которая, в свою очередь, устроила скандал из-за артистки Книппер-Чеховой. Гениальную одаренность Ольги Леонардовны Книппер признавали абсолютно все.

Андреевой же давали второстепенные роли – она требовала главных, жаловалась Станиславскому и Морозову на Немировича-Данченко. В конце концов два совладельца театра так возненавидели друг друга, что не могли спокойно разговаривать. Морозов отказался от своего директорства. Вместе со своим близким другом Максимом Горьким и Марией Федоровной он затеял новый театр.

Но тут Андреева и Горький полюбили друг друга. Это открытие стало для Саввы тяжелейшим потрясением.

Нормальный капиталист (да даже батюшка Тимофей Савович) тут же бросил бы изменившую ему возлюбленную. Но смена поколений уже произошла: Савва Тимофеевич жил по законам русской литературы, где страдание от любви и потакание стервам и истеричкам почиталось за добродетель. Даже после того как Андреева и Горький стали жить вместе, Морозов все равно трепетно о Марии Федоровне заботился. Когда она на гастролях в Риге попала в больницу с перитонитом и была на волосок от смерти, ухаживал за ней именно Морозов. Ей он завещал страховой полис на случай своей смерти. После гибели Морозова Андреева получила по страховке 100 тысяч рублей.

…Но на дворе было уже начало 1905 года. Разгоралась революция. На Никольской мануфактуре вспыхнула забастовка. Чтобы договориться с рабочими, Морозов потребовал у матери доверенности на ведение дел. Но она, возмущенная его желанием договориться с рабочими, категорически отказалась и сама настояла на удалении сына от дел. А когда он попытался возразить, прикрикнула: «И слушать не хочу! Сам не уйдешь – заставим».

Самоубийца Круг одиночества неумолимо сжимался. Морозов остался в совершенной изоляции. Талантливый, умный, сильный, богатый человек не мог найти, на что опереться.

Любовь оказалась невозможной, неправдой. Светская жена раздражала. Друзей в своем кругу у него не было, да и вообще среди купцов ему было невообразимо скучно. Он презрительно называл коллег «волчьей стаей». «Стая» отвечала ему боязливой нелюбовью. Постепенно пришло понимание истинного отношения к нему со стороны «товарищей»: большевики видели в нем всего лишь глупую дойную корову и беззастенчиво пользовались его деньгами. В письмах «искреннего друга» Горького сквозил откровенный расчет.

Савва впал в жестокую депрессию. По Москве поползли слухи о его безумии. Савва Тимофеевич начал избегать людей, много времени проводил в полном уединении, не желая никого видеть. Его жена бдительно следила, чтобы к нему никто не приходил, и изымала поступавшую на его имя корреспонденцию.

По настоянию жены и матери был созван консилиум, который поставил диагноз: тяжелое нервное расстройство, выражавшееся в чрезмерном возбуждении, беспокойстве, бессоннице, приступах тоски.

Врачи рекомендовали направить «больного» для лечения за границу.

В сопровождении жены Савва Тимофеевич уехал в Канн. Здесь, в мае 1905 года, на берегу Средиземного моря, в номере «Ройяль-отеля», 44-летний ситцевый магнат застрелился. Говорили, что накануне ничто не предвещало трагической развязки – Савва собирался в казино и был в нормальном расположении духа.

Многие обстоятельства этого самоубийства до сих пор не ясны. Существует версия, что виновники гибели Морозова – революционеры, которые начали шантажировать своего «друга». Подобное объяснение имело широкое хождение в дореволюционной Москве и даже попало в мемуары Витте. Так или иначе, но решение уйти из жизни вряд ли было внезапным для Морозова. Незадолго до смерти он застраховал свою жизнь на 100 тысяч рублей. Страховой полис «на предъявителя» он передал Марии Андреевой вместе с собственноручным письмом. По ее словам, в письме «Савва Тимофеевич поручает деньги мне, так как я одна знаю его желания, и что он никому, кроме меня, даже своим родственникам, довериться не может». Значительная часть этих средств была передана «Феноменом» в фонд большевистской партии.

Большая часть состояния Морозова отошла его жене, которая незадолго до революции продала акции мануфактуры.

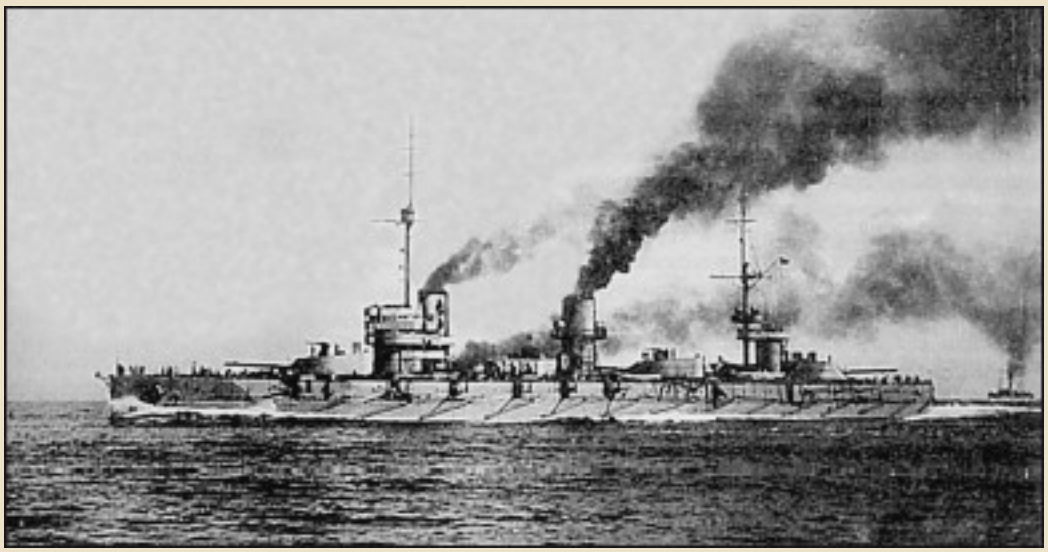
У Саввы Тимофеевича Морозова, кроме паев фамильной фирмы огромного, мирового масштаба, ткацкого производства, имелись собственные рудники, лесозаготовки, химические заводы, больницы, газеты. Только благодаря его деньгам и небывалой щедрости возник и сумел выжить знаменитый МХАТ, ставший гордостью русской культуры. Клан фабрикантов Морозовых поддерживал и опекал многих деятелей искусства, в частности известного художника И. Левитана.

Да, Савва Морозов давал деньги и большевикам (или они умело вымогали их у него), давал приют и легальное прикрытие руководителю боевиков РСДРП Леониду Красину, работавшему на его фирме главным электриком, и знаменитому революционеру Николаю Бауману. Возможно, именно порядочность фабриканта, эта его странная связь с очень опасными людьми и погубила мецената?..

«Постарайтесь убрать «Марию» *63 По материалам А. Черепкова, А. Шишкина («Независимое военное обозре&*

До сих пор умы историков и специалистов будоражит трагическая гибель в 1916 году одного из лучших боевых российских судов – черноморского линейного корабля «Императрица Мария».

Корабли, как и люди, имеют свою судьбу. Одни из них, прожив долгую и славную жизнь и отслужив положенный срок, ушли в историю, другие, жизнь которых была скоротечна, словно магниевая вспышка, след от своей недолгой, но яркой биографии оставили навсегда. Такова короткая боевая судьба линкора «Императрица Мария».

Линкор «Императрица Мария»

Рождение этого корабля приходится на период развития российского военного флота, когда возрождение отечественной морской мощи после трагедии Цусимы стало одной из главнейших задач.

Предшественники «Марии» – бригада линейных кораблей Балтийского флота «Севастополь», «Полтава», «Гангут» и «Петропавловск» – пример высокого уровня развития отечественного судостроения и мастерства корабелов.

Появление на Балтике мощной группировки современных боевых кораблей надежно защитило интересы России на этом театре военных действий. Но оставался еще и Черноморский флот, в составе которого находились устаревшие линейные корабли (бывшие эскадренные броненосцы), по своим тактико-техническим данным уже не способные выполнять боевые задачи в соответствии с новыми условиями войны на море. Решение об усилении ЧФ новыми линкорами было вызвано и намерением извечного противника России на юге – Турции – приобрести за границей три современных линейных корабля типа «Дредноут», что сразу же обеспечивало ей подавляющее превосходство на Черном море. Чтобы сохранить паритет, морское ведомство России настояло на безотлагательном усилении Черноморского флота за счет ввода в строй новейших линкоров. Предполагалось спустить на воду четыре линейных корабля, тактико-технические данные которых превосходили даже балтийские линкоры типа «Севастополь».

После многочисленных конкурсов и экспертиз честь постройки первого линкора на Черном море была предоставлена судостроительному акционерному обществу «Руссуд» в г. Николаеве. 11 июня 1911 года одновременно с церемонией официальной закладки новый корабль зачислили в состав российского императорского флота под названием «Императрица Мария». И вот 23 июня 1915 г. «Императрица Мария» была

принята в состав флота. Линкор имел водоизмещение 25 465 тонн, длина корабля составляла 168 м, скорость – 21 узел. «Мария» несла на борту двенадцать 305-мм орудий главного калибра, двадцать 130-мм орудий, имелась противоминная артиллерия и торпедные аппараты, корабль был хорошо бронирован.

К этому времени боевые действия на Черном море шли полным ходом. Реальную опасность для российского флота представляли прорвавшиеся через черноморские проливы германский линейный крейсер «Гебен» и всегда сопровождающий его легкий крейсер «Бреслау», переименованные турками соответственно в «Явуз Султан Селим» и «Мидилли». Прекрасные «ходоки» с мощным вооружением, они своими набегами доставляли много неприятностей нашим морякам.

Уже через несколько месяцев после прихода в главную базу – Севастополь – «Мария» принимает активное участие в боевых операциях против германо-турецкого флота. На линкоре держит флаг командующий Черноморским флотом адмирал Александр Колчак. Залпы орудий главного калибра быстроходного линейного корабля, а также ввод в строй однотипного корабля – «Екатерина Великая» – положили конец наглым действиям германских крейсеров.

Особенно возросла нагрузка на линкоры во второй половине 1916 года. Только за июнь – октябрь совершено 24 боевых похода. Боевая деятельность противника была скована действиями «Императрицы Марии» и «Екатерины Великой».

Но… ранним утром 7 октября 1916 года в 00 часов 20 минут на стоявшем в Северной бухте Севастополя линейном корабле «Императрица Мария» гремит взрыв. Затем в течение 48 минут – еще пятнадцать взрывов. Корабль начинает крениться на правый борт и, перевернувшись, тонет. Русский военный флот потерял в то утро 217 моряков и сильнейший боевой корабль.

Трагедия потрясла всю Россию. Выяснением причин гибели линкора занялась комиссия Морского министерства, которую возглавил боевой офицер, член Адмиралтейств-совета адмирал Яковлев. В годы русско-японской войны он командовал броненосцем «Петропавловск» и находился на командирском мостике корабля, когда тот ушел на дно после подрыва на японской мине вместе с адмиралом Макаровым и штабом 1-й Тихоокеанской эскадры. Сам капитан судна был выброшен взрывной волной с мостика и подобран шлюпкой, посланной с одного из крейсеров эскадры для спасения экипажа «Петропавловска». Членом комиссии был и известный кораблестроитель, член Академии наук России Крылов, который стал автором заключения, одобренного всеми членами комиссии.

В ходе проведенного расследования были представлены три версии гибели линкора:

1. Самовозгорание пороха.
2. Небрежность в обращении с огнем или порохом.
3. Злой умысел.

Однако после рассмотрения всех трех версий комиссия заключила, что «прийти к точному и доказательно обоснованному выводу не представляется возможным, приходится лишь оценивать вероятность этих предположений, сопоставляя выяснившиеся при следствии

обстоятельства».

Из возможных версий две первые комиссия в принципе не исключала. Что касается злого умысла, то, даже установив ряд нарушений в правилах доступа к артиллерийским погребам и недостаток контроля за находившимися на корабле рабочими-ремонтниками, комиссия посчитала эту версию маловероятной. Возможность злого умысла не подтверждал и адмирал Колчак, который уже спустя 15 минут после начала пожара прибыл на обреченный корабль. В своих показаниях после ареста Чрезвычайной следственной комиссией 24 января 1920 года Колчак заявил: «Насколько следствие (комиссия Морского министерства. – *Авт.*) могло выяснить, насколько это было ясно из всей обстановки, я считал, что злого умысла здесь не было. Подобных взрывов произошел целый ряд за границей во время войны – в Италии, Германии, Англии. Я приписывал это совершенно непредусмотренным процессам в массах новых порохов, которые заготовлялись во время войны… Другой причиной могла явиться какая-нибудь неосторожность, которой, впрочем, не предполагаю. Во всяком случае, никаких данных, что это злой умысел, не было».

Иначе говоря, ни одна из выдвинутых комиссией версий не нашла достаточного фактического подтверждения.

Сразу же после гибели линкора жандармским управлением в Севастополе развертывается бурная деятельность – производятся обыски на квартирах и аресты 47 подозреваемых в причастности к взрыву лиц. Через неделю после трагических событий Редлов, используя поступившие к нему от агентуры данные, в письме на имя начальника штаба командующего Черноморским флотом приводит возможные версии причин взрыва, не исключая при этом, что корабль был взорван шпионами. «В матросской среде, – пишет он, – определенно держится слух о том, что взрыв был произведен злоумышленниками с целью не только уничтожить корабль, но и убить командующего Черноморским флотом, который своими действиями за последнее время, а особенно тем, что разбросал мины у Босфора, окончательно прекратил разбойничьи набеги турецко-германских крейсеров на побережье Черного моря, кроме того, он своими энергичными действиями в этом направлении вызвал недовольство в командном составе, особенно у лиц с немецкими фамилиями, которые при бывшем командующем флотом (адмирале Эбергарде. — *Авт.*) абсолютно ничего не делали».

Однако ни одна из выдвинутых жандармами версий не набрала впоследствии достаточного количества фактов.

Новые документы уже из архивов советской контрразведки свидетельствуют о пристальном внимании к «Императрице Марии» и другим кораблям Черноморского флота военной разведки главного противника России в Первой мировой войне – Германии. Вполне возможно, что лица, о которых пойдет речь, имели отношение и к гибели корабля.

В 1933 году органами ОГПУ Украины в крупном судостроительном центре страны Николаеве была разоблачена резидентура немецкой разведки, действовавшая под прикрытием торговой фирмы «Контроль-К», возглавляемой Виктором Эдуардовичем Верманом, 1883 года рождения, уроженцем города Херсона, проживавшим в Николаеве и работавшим начальником механосборочного цеха «Плуг и молот». Цель организации –

срыв судостроительной программы набирающего мощь военного и торгового флота Советского Союза. Конкретные задачи – совершение диверсий на Николаевском заводе имени Анри Марти, а также сбор информации о строящихся там судах, большинство из которых были военными. Этот крупнейший судостроительный завод страны образовался на базе того самого Русского судостроительного акционерного общества «Руссуд», со стапелей которого сошли «Императрица Мария» и однотипный линкор «Александр III». В ходе следствия выяснилось много интересных фактов, уходящих корнями в дореволюционный Николаев.

Сам Верман являлся разведчиком со стажем. На допросе он рассказывал: «Шпионской деятельностью я стал заниматься в 1908 году (именно с этого периода начинается осуществление новой морской программы России. – *Авт.*) в Николаеве, работая на заводе «Наваль» в отделе морских машин. Вовлечен в шпионскую деятельность я был группой немецких инженеров того отдела, состоящей из инженера Моора и Гана». И далее: «Моор и Ган, а более всего первый, стали меня обрабатывать и вовлекать в разведывательную работу в пользу Германии».

Деятельность Вермана подробно изложена в той части архивного следственного дела, которая называется «Моя шпионская деятельность в пользу Германии при царском правительстве».

Так уж сложились обстоятельства, что ему было поручено взять на себя руководство всей немецкой разведсетью на юге России: в Николаеве, Одессе, Херсоне и Севастополе. Вместе со своей агентурой он вербовал людей для разведывательной работы, собирал материалы о промышленных предприятиях, данные о строящихся военных судах подводного и надводного плавания, их конструкции, вооружении, тоннаже, скорости.

На допросе Верман рассказывал: «Из лиц, мною лично завербованных для шпионской работы в период 1908—1914 гг., я помню следующих: Штайвеха, Блимке, Наймаера, Линке Бруно, инженера Шеффера, электрика Сгибнева». Все они сотрудники судостроительных заводов, имеющие право прохода на строящиеся корабли.

Особый интерес вызвал электрик Сгибнев. Он отвечал за работы по оборудованию временного освещения строящихся на «Руссуде» военных кораблей, в том числе и «Императрицы Марии». В 1933 г. в ходе следствия Сгибнев показал, что Вермана очень интересовала схема артиллерийских башен дредноутов. А ведь первый взрыв на линкоре «Императрица Мария» раздался именно под носовой артиллерийской башней. «В период 1912—1914 гг., – рассказывал Сгибнев, – я передавал Верману сведения в устной форме о строящихся линейных кораблях типа «Дредноут»: «Мария» и «Александр III», в рамках того, что мне было известно о ходе их постройки и сроках готовности отдельных отсеков кораблей».

Таким образом, у Вермана концентрировалась в руках ценнейшая информация о возрастающей мощи русского флота на Черном море. После оккупации юга России немцами его разведывательная деятельность была вознаграждена по достоинству. Из протокола допроса: «В 1918 году по представлению капитан-лейтенанта Клосса я был германским командованием за самоотверженную работу и шпионскую деятельность в пользу Германии награжден Железным крестом 2-й степени».

Но вернемся к взрыву на «Марии». В тот период Верман был депортирован и организовать взрыв не мог. Но в Николаеве и Севастополе он оставил хорошо подготовленную разведсеть.

Вопросов много. Но ясно одно – постройка новейших линкоров Черноморского флота, в том числе «Императрицы Марии», «опекалась» агентами германской разведки самым плотным образом. Немцев очень беспокоил русский военный потенциал на Черном море, и они могли пойти на любые действия, чтобы не допустить там превосходства России.

В связи с этим интересны сведения закордонного агента Петроградского департамента полиции, выступавшего под псевдонимами «Александров», «Ленин» и «Шарль». Его настоящее имя Бенциан Долин.

В период Первой мировой войны Долин, как и многие другие агенты политической полиции, был переориентирован на работу в области внешней контрразведки. В результате проведенных оперативных комбинаций «Шарль» вышел на контакт с немецкой военной разведкой и получил задание вывести из строя «Императрицу Марию».

Представитель германской спецслужбы по фамилии Бисмарк сказал ему: «У русских одно преимущество перед нами на Черном море – это «Мария». Постарайтесь убрать ее. Тогда наши силы будут равны, а при равенстве сил мы победим».

Следствие по делу арестованных в Николаеве германских агентов было закончено в 1934 году. Вызывает недоумение и легкость наказания, понесенного Верманом и Сгибневым. Первый был выдворен за пределы СССР в марте 1934 года, второй – приговорен к трем годам лагерей. Впрочем, что же недоумевать?! Они уничтожали ненавистный царизм!

В 1989 году оба они были реабилитированы.

А что же стало с останками некогда мощного боевого корабля Черноморского флота?

Член комиссии по расследованию причины гибели «Императрицы Марии» Крылов был назначен председателем организованной при Морском техническом комитете комиссии по подъему линкора. Необходимо было загерметизировать отсеки корабля и подать в них сжатый воздух, заставить всплыть судно вверх килем. Затем в доке, загерметизировав полностью корпус, на глубокой воде, поставить корабль на ровный киль.

Работы в соответствии с предложенным проектом продвигались успешно. К концу 1916 года все кормовые отсеки были отжаты, и корма всплыла на поверхность. Полностью линкор (вернее, то, что от него осталось) всплыл 8 мая 1918 года. Однако Гражданская война, интервенция, послевоенная разруха заставили забыть об «Императрице Марии», и в 1926 году его разобрали на металлолом. Позднее подняли и артиллерийские башни корабля, орудия которого продолжили свою боевую службу. В 1941—1942 годах их установили под Севастополем на 30-й батарее береговой обороны. Они нанесли немалый урон наступавшим гитлеровским войскам. Только 25 июня 1942 года, штурмуя 30-ю батарею, враг потерял убитыми и ранеными до тысячи человек.

Так закончилась боевая биография корабля, погибшего по «не установленным причинам».

Свое имя и героическое прошлое «Императрица Мария» унаследовала от флагманского корабля адмирала Павла Нахимова.

Парусная «Мария» возглавляла русскую эскадру в знаменитом Синопском сражении 18 ноября 1853 года, вписавшем еще одну достойную страницу в летопись славных побед Андреевского флага. Одноименный же линкор достойно нес боевую вахту в 1915—1916 годах, приумножая славу своего предшественника.

И у обоих кораблей всего лишь один год службы и общее место гибели – родная Севастопольская бухта. Почему парусная «Императрица Мария» легла на дно бухты, известно. В августе 1854 года ее затопили, чтобы преградить вход в Севастопольскую бухту англо-французской эскадре. Что заставило линейный корабль «Императрица Мария» погрузиться в воды Черного моря, до сих пор остается загадкой.

В революцию – «под Парвусом» *64 По материалам кандидата исторических наук С. Земляного.*

Во второй декаде октября 1924 года в «Правде» появился некролог, подписанный Карлом Радеком. Он начинался следующими тщательно обдуманными словами: «В Берлине скончался от удара в возрасте 55 лет Гельфанд-Парвус. Молодое поколение знает это имя как имя предателя рабочего класса, как имя не только социал-патриота, но человека, объединяющего в своем лице вдохновителя германской социал-демократии и спекулянта. Но старое поколение революционеров, старое поколение русских социал-демократов и участников рабочего движения Германии помнит Парвуса другим, помнит его как одного из лучших революционных писателей эпохи II Интернационала. Парвус – это часть революционного прошлого рабочего класса, втоптанная в грязь».

О человеке, в память которого его тайный почитатель и явный противник Радек переосмыслил известный образ «розы на кресте современности», об Израиле-Александре Лазаревиче Гельфанде-Парвусе (1867—1924) – политике, который умел играть на самых острых и напряженных противоречиях своей эпохи, закулисном режиссере исторических событий, без которого, может быть, не случилась бы Октябрьская революция, и пойдет речь.

Годы учения Наш герой принадлежал к еврейской общине России, из недр которой вышло немало известных людей, и родился за чертой оседлости в Минской губернии, в местечке Березина; когда – точно не известно, но в анкетах будущий Парвус писал впоследствии, что родился 27 августа 1867 года. Отец младенца, нареченного Израилем, Лазарь Гельфанд, был ремесленником – то ли слесарем, то ли кузнецом. Позже Израиль Гельфанд самолично взял себе другое имя – Александр. Сведения о его детстве и юности до крайности скудны. Известно, что после погрома семья Гельфандов перебралась в Одессу. Здесь Израиль учился в местной гимназии, где большое внимание уделялось преподаванию языков, в том числе древних, и классическим дисциплинам. Видимо, именно одесской гимназии он был обязан своим нетипичным для человека из местечка грамотным русским языком и знанием языков европейских.

Александр Парвус-Гельфанд, Лев Троцкий и Леон Дейч в ссылке. 1906 г.

Чуть ли не каждый гимназист в те далекие поры в России считал своим первейшим общественным долгом быть оппозиционным по отношению к царскому режиму. Не был исключением и Гельфанд. Есть сведения, что Израиль примкнул к террористическому крылу «Народной воли». Первый опыт в этом роде, однако, не удовлетворил Гельфанда, и уже в 1886 году он оказался за границей, в Швейцарии, постепенно переходя с имени «Израиль» и еврейского вероисповедания на имя «Александр» и атеизм.

Во время своего первого зарубежного вояжа он предавался в основном чтению запрещенной в России литературы, а также пытался вблизи познакомиться с русскими эмигрантскими революционными организациями. В частности, в том же 1886 году он посетил Цюрих с целью установить контакт с группой «Освобождение труда» (Плеханов, Засулич, Дейч, Аксельрод, Игнатов), потом ненадолго вернулся в Россию, а в 1887 году вновь уехал в Швейцарию. Поначалу он попытался примкнуть к революционным эмигрантским кругам, но взаимопонимания с ними не нашел и даже возмутил Плеханова своим отказом писать статью о Белинском. Это ему принадлежат слова, которые стоило бы выбить на всех твердынях космополитизма: «Вы не знаете, где можно было бы купить родину задешево?» Гельфанд избегает традиционных центров расселения русской эмиграции (Женева, Цюрих и др.) и оседает в Базеле, где поступает в университет осенью 1888 года. Университетские годы выявили в Гельфанде две черты: колоссальную работоспособность, гармонично

сопряженную с самонадеянностью, и органичную антибуржуазность, не отделимую, однако, от желания быть богатым.

Первая позволила ему, хотя и не без издержек, пройти путь от новичка до доктора философии, специалиста по вопросам политической экономии. Диссертацию он защитил в 1891 году по теме «Техническая организация труда («кооперация» и «разделение труда»)». Выдержана она была в строго марксистском духе, что не особенно понравилось ученому совету Базельского университета. Но дело было сделано, руки – развязаны, Гельфанд стал образованным марксистом с революционными устремлениями. Затем все та же работоспособность в сочетании с большими талантами позволила ему уже в Германии менее чем за год из никому не известного русского эмигранта с докторской степенью стать журналистом с достаточно громким именем, желанным автором крупных социалистических периодических изданий, а затем – главным редактором самой успешной социалистической газеты в Германии – «Sdchsische Arbeiterzeitung» («Саксонской рабочей газеты»).

Неистощимая теоретическая продуктивность Гельфанда, в 1894 году взявшего псевдоним «Парвус», превратила его в одного из крупнейших марксистских теоретиков на рубеже XIX—XX веков. А когда в 1915 году Парвус начал издавать в Германии свой «Колокол», то первые номера журнала не содержали ничего, кроме материалов, написанных самим издателем. Единственное, что не удалось Парвусу, – это написать свой шедевр, свой «Капитал» или свои «Былое и думы»… уж слишком он был «умственно разбросанным» человеком.

Вторая же из названных черт выразилась в приверженности Парвуса русскому богемному стилю жизни, не совместимому ни с какой буржуазностью. По-своему логично он заявлял в 1918 году: «Изменив своей родине – России, я изменил и тому классу, из которого вышел, – буржуазии. Тогда же я отошел и от русской интеллигенции». Об интеллигенции чуть позже, но пока несколько слов о русской антибуржуазности, о которой много и интересно размышлял Николай Бердяев. Главное в ней – игнорирование всякой жизненной середины, всякой меры, что является оборотной стороной пресловутой широты русского человека. «Русские люди, когда они наиболее выражают черты своего народа, – писал Бердяев в «Миросозерцании Достоевского», – апокалиптики или нигилисты. Это значит, что они не могут пребывать в середине душевной жизни, в середине культуры, что дух их устремлен к конечному и предельному. Это – два полюса, положительный и отрицательный, выражающие одну и ту же устремленность к концу». Вот такую специфическую российскую ментальность Парвус усвоил в полной мере. У него она была сопряжена с двумя основополагающими следствиями. Первое: для Парвуса устремленность к концу и враждебность всякой половинчатости всю его жизнь была равносильна устремленности к революции – социалистической, мировой, несущей с собой конечное устроение человеческих судеб. Средства для достижения такой великой цели годились любые – и «хорошие», и «плохие». Как не церемонился Парвус со своими оппонентами в теоретических дискуссиях, так не цацкался и с партнерами в денежных вопросах. Он был выше – или ниже – добродетели.

Теперь об отношении Парвуса к русской интеллигенции. Русским интеллигентом Гельфанд не был, это точно: он был европейско-еврейским интеллектуалом новой формации, причем левым специфического чекана.

Парвус мог быть самым блестящим теоретиком своего поколения, равновеликим Владимиру Ленину и Розе Люксембург, но не мог быть самым посредственным русским интеллигентом, вечно ушибленным своими «нравственно» – «безнравственно». Он правильно себя оценивал, когда писал в 1919 году в ответ на нападки своих противников: «Являюсь ли я просто моральным дегенератом или мне вообще не присуща никакая мораль? Я этого не знаю, но такова моя жизнь. Таким я был, и таков я есть; судите меня, как хотите, но иного пути я не знаю».

И последнее. Александр Парвус был первым из выходцев из России, кто узкому миру русской революционной эмиграции предпочел большой мир европейского социалистического движения и сумел найти в нем свое место. За ним последовали другие. На определенный период левые граждане России разных национальностей стали экзотической статьей российского экспорта в Западную Европу: помимо Гельфанда, Россия дала ей таких выдающихся социалистических деятелей, как Роза Люксембург, Юлиан Мархлевский и Карл Радек – в Германии, Шарль Раппапорт – во Франции, Анжелика Балабанова – в Италии.

Русские дела Парвуса В Германии Парвус с феноменальной быстротой сделал карьеру партийного журналиста и штатного теоретика немецкой социал-демократии. К концу 90-х годов XIX века он стал деятельным участником всех партийно-политических дискуссий в СДПГ. Как уже сказано, он стал главным редактором «Саксонской рабочей газеты» в Дрездене, где и были помещены его знаменитые статьи против оппортунизма Эдуарда Бернштейна. В особенности его голос был услышан молодым поколением европейских социалистов. Фактически от их имени Карл Радек давал такую оценку журналистике Парвуса в 1924 году: «Эта газета под его редакцией являлась первой и притом блестящей попыткой постановки революционной ежедневной марксистской газеты. В этой газете в первый раз после Маркса и Энгельса давалось действительно марксистское объяснение мировых событий».

Антиоппортунистические статьи Парвуса стали важнейшим фактором идейно-политического самоопределения Владимира Ульянова-Ленина и всех русских социалистов его поколения. Мартов, Потресов, Ленин горячо поддержали Парвуса в его борьбе с идеями Бернштейна. Ленин в письме своей матери из Сибири просил прислать ему копии статей Гельфанда из «Sachsische Arbeiterzeitung». Мартов перевел на русский язык серию его статей из «Neue Zeit», озаглавленную «Оппортунизм на практике», и назвал их, предваряя публикацию в печатном органе партии «Заря», «мастерски выполненным анализом» («Заря». 1901. № 1—2).

В 1896 году произошла встреча Парвуса с Потресовым, в 1899-м Парвус совершил нелегальную поездку в Россию, где опять-таки встречался с русскими социалистами, обсуждая план издания за границей русской социалистической газеты. В 1900 году в баварскую столицу прибыли сначала Ленин и Потресов, затем Мартов. Еще в России они

приняли решение о выпуске партийной газеты. Парвус убедил их наладить издание именно в Мюнхене. В ноябре первый номер «Искры» на папиросной бумаге вышел в свет. Всего на квартире Гельфанда в Швабинге, где он оборудовал нелегальную типографию, было отпечатано восемь номеров газеты.

Для целого ряда видных русских социалистов Парвус стал тогда своего рода наставником по вопросам европейского социализма. В Мюнхене он был единственным из немецких социалистов, с кем Ленин и Крупская встречались регулярно. Тесные отношения связывали его и с Львом Троцким, который вместе со своей женой Натальей Седовой даже жил в его швабингской квартире. Идеи Парвуса на какое-то время захватили более молодого и политически менее искушенного Троцкого. Однако раскол в российской социал-демократии летом 1903 года на II съезде партии привел к тому, что былые единомышленники оказались по разные стороны партийных баррикад. После ряда бесплодных попыток примирить враждующие станы Парвус в конечном счете принял сторону меньшевиков. Между тем на Россию надвигалась революция, в которой Парвусу довелось принять деятельное участие.

В русской революции 1905 года

К 1905 году ситуация в России продолжала накаляться, пока не грянула всеобщая октябрьская стачка. 13 октября в Петербурге был создан Совет рабочих депутатов для руководства выступлением. Троцкий, который уже некоторое время находился в России на нелегальном положении, понял, что исторический час пробил, и в середине октября оказался в Петербурге, чтобы занять место у руля революционных событий. Понял это в Германии и Парвус: по фальшивому паспорту он въехал в Россию, и уже в конце октября в Петербурге его встречал Троцкий. Они были первыми из именитых эмигрантов, еще до всеобщей амнистии 30 октября ступившими на русскую землю.

В начале ноября Парвусу и Троцкому удалось прибрать к рукам незначительную «Русскую газету», и тут Парвус проявил все свои журналистские и редакторские таланты. За неделю-полторы целиком изменилось как лицо, так и положение газеты: она стала первым по-настоящему массовым социалистическим изданием. Новая редакция неуклонно проводила курс на общедоступность и живость содержания газеты, уделяя большое внимание яркости в подаче материалов, включая политические. Цену «Русской газете» положили символическую – копейка. В ноябре ее тираж вырос с 30 до 100 тысяч экземпляров, в начале декабря газета выходила уже полумиллионным тиражом. Не лишне добавить, что при прямом участии Парвуса создана и здравствующая поныне в двух ипостасях газета «Известия»: она основана вторым Советом, когда Парвус был его председателем.

Один из доселе мало освещенных аспектов первой русской революции состоял в следующем: когда лидеры российской социал-демократии вернулись в Россию из эмиграции, они обнаружили не только то, что Парвус и Троцкий оказывают магнетическое влияние на столичный рабочий класс и его главную организацию. Ленин и большевики с ужасом увидели, что эти теоретики предвосхитили самое существенное в большевистской программе и тактике, не связывая себя никакими

обязательствами по отношению к претендовавшим на первородство большевикам.

Можно представить себе разочарование и досаду Ленина, когда в предисловии Парвуса к сборнику его статей «В рядах германской социал-демократии», вышедшему в свет во время революции, он нашел ясно и четко сформулированными свои самые заветные и затаенные мысли: «Пролетариат должен путем революционного восстания сломить государственную власть. Свергнув правительство, он не должен дать образоваться новому буржуазному правительству, но сам стать на его место, назначить рабочее правительство. Это – диктатура пролетариата. Получив в свои руки государственную власть, рабочие отымают у капиталистов фабрики, заводы, рудники, землю, все орудия производства и делают их общественной собственностью. Таким образом, в основе подрывается та экономическая сила, которая дает капиталистам господство над рабочими. Заодно с этим пролетариат изменяет весь политический строй, превращая армию из полицейской силы для порабощения народа в организацию народной самообороны, а государство из механизма классового господства в стройный порядок общественной взаимопомощи и совместной деятельности».

Так, Парвус с Троцким на корню отвергли выдвинутую либеральной газетой «Русь» идею сотрудничества Совета с либеральными партиями с целью создания временного правительства, считая, что буржуазия у них в руках, а новый свет воссияет с Запада, который последует революционному примеру России. Однако все их расчеты оказались построены на песке: Запад не поднялся, отвергнутая буржуазия вступила в коалицию с царским режимом, крестьянская армия сохраняла верность царю-батюшке. Революция была обречена, но еще не знала этого.

В начале декабря 1905 года исполком Совета был арестован, новый председатель Троцкий чувствовал, как почва уходит из-под ног. Поддержка Советом опять-таки немыслимого, провокационного требования Крестьянского союза об отказе от всех выплат в пользу государства, изъятии из банков всех депозитов и, по идее Парвуса, о выдаче зарплаты золотом привела к такому логическому финалу. Парвус, который по случайности избежал ареста, сумел тут же организовать новый Совет, который действовал уже в подполье. Совет предложил измученным непрерывными забастовками рабочим новую стачку – в знак протеста против ареста первого Совета. Стачка захлебнулась, и Парвус сразу призвал к беспощадной гражданской войне с царским режимом. Это уже была чистейшей воды провокация: рабочие не имели ни опыта боевых действий, ни оружия. Парвус предложил разоружить полицию с помощью брандспойтов, армию же пропагандой разлагать изнутри.

Но члены исполкома Совета постепенно уже начинали прозревать: они в принципе, на словах, одобрили его предложение о вооруженном восстании, а на деле прекратили забастовку с 1 января 1906 года. Парвус подал в отставку, причем удивительно своевременно: 16 января 1906 года члены исполкома нового Совета были арестованы. Парвус скрывался, писал политические брошюры, но 3 апреля арестовали и его. В тюрьме он пробыл недолго – до сентября; его привлекли лишь к административной ответственности, без суда приговорили к трем годам ссылки и по этапу

отправили в Сибирь. По дороге, в Енисейске, Парвус напоил до полусмерти конвой и сбежал. Осенью 1906 года он уже был в Германии. Написанная по итогам его пребывания в России книга «В русской Бастилии во время революции» (1907) стала бестселлером и на какое-то время превратила Парвуса в культовую фигуру. О России Парвус забыл без малого на десять лет. Он был сильно занят – занимался своим личным первоначальным накоплением.

Как купить себе революцию на чужие деньги Уже в 1912 году Парвус – богатый человек, тесно связанный с концерном Круппа и торговой империей Василия Захарова, совладелец ряда банков и финансовых компаний; в его руках сосредоточены поставки зерна в турецкую столицу. Помимо этого он занимался модернизацией турецких железных дорог. Парвус пользовался покровительством турецких официальных кругов, но в то же время покровительствовал социалистическому и националистическому движению в Турции, финансировал газету младотурков.

Когда началась Первая мировая война, Парвус конвертировал свое политическое влияние в подряд на выполнение государственных заказов на продовольствие и оружие. В стратегическом плане он сделал однозначный выбор в пользу Германии с ее союзниками, против российского самодержавия, которое он оценивал как главную угрозу европейскому социализму. На этой оценке основывался удивительный силлогизм Парвуса: победа Германии над Россией – в интересах европейского социализма, поэтому социалисты должны заключить союз с германским правительством для свержения царского режима, в том числе революционным путем. И когда к концу 1914 года выяснилось, что легкой и скорой победы на восточном фронте у Германии не будет, что война с Россией затягивается, Парвус решил выйти из-за кулис.

По ходу своих политических и торговых занятий он познакомился с неким доктором Максом Циммером, уполномоченным германского и австрийского посольств по делам антироссийских националистических движений, которые финансировались Германией и Австро-Венгрией. В начале января 1915 года Парвус попросил Циммера устроить ему встречу с германским послом в Турции фон Вангенхаймом. На приеме 7 января негоциант-социалист заявил германскому послу: «Интересы германского правительства полностью совпадают с интересами русских революционеров. Российские демократы могут добиться своих целей только при условии полного разрушения самодержавия и разделения России на отдельные государства. С другой стороны, Германии не удастся добиться полного успеха, если в России не произойдет революция. Кроме того, даже в случае победы Германии Россия будет представлять для нее немалую опасность, если Российская империя не распадется на отдельные независимые государства».

Чтобы превратиться в более дееспособную силу революции, русские социал-демократы должны объединиться, но на проведение объединительного съезда нужны значительные финансовые средства.

На следующий день, 8 января, фон Вангенхайм направил в МИД Германии телеграмму с подробной информацией о беседе с Парвусом, выразил свое благожелательное отношение к его идеям и передал его

просьбу лично представить в МИД выработанный план выведения России из войны посредством революции.

Уже 10 января государственный секретарь МИД Ягов телеграфировал в Генеральный штаб: «Пожалуйста, примите д-ра Парвуса в Берлине».

В конце февраля Парвус был принят в МИД Германии Яговым, в беседе участвовали представитель министерства обороны Ризлер (доверенное лицо рейхсканцлера) и вернувшийся из Турции Циммер. Протокол беседы не велся, но по ее итогам Парвус подал 9 марта в МИД меморандум на 20 страницах, который являлся подробным планом свержения самодержавия в России и ее расчленения на несколько государств. Этот уникальный документ доступен сейчас и неспециалистам: он полностью опубликован в книге Элизабет Хереш «Тайные дела Парвуса. Купленная революция». План содержал три важнейших пункта и прибавление. Во-первых, Парвус предлагал оказать поддержку партиям, борющимся за социальную революцию в России, прежде всего большевикам, а также националистическим движениям. Во-вторых, он считал своевременным разложить Россию посредством пропаганды. В-третьих, ему представлялось важным организовать международную кампанию в прессе против России. В прибавлении, написанном позже, чем основной текст меморандума, Парвус прямо требовал «взять в работу» следующие пункты: «1. Финансовая поддержка социал-демократической фракции большинства, которая всеми средствами ведет борьбу с царизмом. Ее лидеров надо искать в Швейцарии <…> 5. Розыск определяющих фигур русской социал-демократии и русских социалистов-революционеров в Швейцарии, Италии, в Копенгагене и Стокгольме и поощрение их устремлений, поскольку они решились на энергичные и непосредственные действия против царизма. 6. Поддержка русских революционных литераторов, поскольку они выступают за продолжение борьбы против царизма также во время войны <…> 11. Техническая подготовка восстания в России: а) приобретение точных карт русских железных дорог и обозначение важнейших мостов, которые нужно разрушить, чтобы парализовать ж. – д. сообщение; то же самое относительно центральных зданий. Депо, мастерские, на которые надо обратить преимущественное внимание; б) создание запаса взрывчатых материалов, которые нужны для достижения цели в каждом отдельном случае. Необходимо принять в расчет компактность материала и трудные условия, в которых будет осуществляться акция» и т.д.

В середине марта 1915 года Гельфанд становится главным консультантом германского правительства по вопросам революционного движения в России. В конце марта он получил от МИД Германии первый миллион марок на эти цели. По его просьбе деньги, «за исключением потерь, связанных с обменом валюты», были переведены в Бухарест, Цюрих и Копенгаген. Кроме того, МИД аннулировало распоряжение 1893 года, запрещавшее Гельфанду жить в Пруссии. Полиция выдала ему паспорт, который освобождал его от всех ограничений. Революция в России – вот что было той ценой, которую надо было заплатить Парвусу за свою новую родину, за свое прусское гражданство.

В середине мая 1915 года Парвус прибыл в Цюрих, чтобы побеседовать с Лениным, на которого он делал основную ставку в своей политической игре. На прямой контакт с Парвусом Ленин не пошел, но канал связи с ним постоянно держал свободным. Поскольку путь к сотрудничеству с лидером большевиков и большевистским подпольем в России был для Парвуса заказан, он взялся за создание собственной организации, достаточно сильной и эффективной, в том числе в финансовом отношении, чтобы влиять на события в России. Штаб-квартиру организации он решил расположить в Копенгагене и Стокгольме, через которые осуществлялись нелегальные связи русской эмиграции с Россией, Германии – с Западом и Россией. Он вывез из Швейцарии пять российских эмигрантов-социалистов, обеспечив им беспрепятственный проезд через Германию, предвосхитив тем самым знаменитую историю с «пломбированными вагонами». Парвус чуть было не заполучил в сотрудники своего института Николая Бухарина, который отказался от этого предложения только под давлением Ленина. Зато Ленин дал Парвусу в подручные своего друга и помощника Якова Фюрстенберга-Ганецкого, кстати, бывшего члена ЦК объединенной РСДРП.

Компания, которую Парвус легализовал также в Копенгагене, кроме бизнеса занималась и политикой, имела свою сеть агентов, которые, курсируя между Скандинавией и Россией, поддерживали связь с различными подпольными организациями и забастовочными комитетами, координировали их действия. Скоро в сферу деятельности компании вошли Нидерланды, Великобритания и США, однако основные ее коммерческие интересы были сосредоточены на торговле с Россией. Товары были самыми разнообразными – от носков, медикаментов и презервативов до сырья и машинного оборудования. Парвус закупал в России необходимые для германской военной экономики медь, каучук, олово и зерно, а туда поставлял химикаты и машинное оборудование. Одни товары перевозились через границу легально, другие – контрабандой.

На русской границе их передавали представителям петроградской фирмы Фабиана Клингсленда. Агентом этой фирмы была Евгения Суменсон, которая держала связь с Фюрстенбергом-Ганецким. Уполномоченным экспортно-импортной компании Парвуса в Петербурге был адвокат-большевик Мечислав Козловский. Наладить курьерскую службу Парвусу помогал Моисей Урицкий, будущий председатель Петроградской ЧК. Основными банковскими структурами, которые использовались компанией Парвуса в торговых операциях, были Nya Banken (Новый банк) в Стокгольме и Русско-Азиатский коммерческий банк в Петрограде. В 1915 году партнерами Парвуса становятся видные большевики Леонид Красин и Вацлав Воровский: Красин входил в правление Русско-Азиатского коммерческого банка и возглавлял филиал фирмы Сименс-Шуккерт в Петрограде, а Воровский был руководителем отделения филиала и импортно-экспортного бюро, а также представлял интересы компании Парвуса до приезда в Петроград Фюрстенберга-Ганецкого.

Парвус между тем продолжал работать над задачей, под которую германское правительство выделило ему два миллиона марок. Граф Брокдорф-Ранцау принял близко к сердцу идеи Парвуса относительно

России и стал постоянным ходатаем по его делам в германском МИД. Это был сильный союзник, который помог Парвусу во многом: например, запустить новый журнал «Glocke» («Колокол»).

С какими результатами работала созданная Парвусом машина? Через графа Брокдорфа-Ранцау Парвусу удавалось если не влиять на позицию германских властей в отношении России, то доносить свою точку зрения до германского руководства, причем самого высокого, включая рейхсканцлера. В меморандуме, поданном в германский МИД, Парвус предостерегал против контактов с царским режимом и попыток заключения с ним сепаратного мира: это похоронило бы, между прочим, планы Парвуса на развязывание в России революции, создание временного революционного правительства, которое и должно было, по выкладкам стратега, заключать сепаратный мир с Германией. Он предлагал подорвать денежное обращение в России посредством гигантской финансовой махинации, что должно было побудить население выступить против царского режима. Он обосновывал необходимость провести мощную пропагандистскую компанию в русской армии, чтобы подорвать ее боеспособность.

Меморандум произвел такое впечатление в Берлине, что Парвуса немедленно пригласили в МИД для консультаций. Финансовый прожект Парвуса поддержки не возымел, но миллион рублей на пропаганду в русской армии он получил. Параллельно с этим Парвус энергично готовил день «Х» в России: им должна была стать очередная годовщина «Кровавого воскресенья», 22 января 1916 года. На этот день намечалась всеобщая политическая стачка, призванная если не похоронить, то максимально расшатать царский режим. На каждого забастовщика Парвус заготовил то ли три шиллинга, то ли полторы марки вспомоществования в день. 29 декабря 1915 года он получил свой миллион рублей на революцию в России, а 11 января следующего года уже забастовали рабочие в Николаеве. 22 января их поддержали 45 тысяч забастовщиков в Петрограде. Забастовки вспыхивали то там, то тут, но не такие многочисленные, как рассчитывал Парвус. Революции не произошло. И германское руководство отлучило Парвуса от власти.

Ситуацию Парвуса изменила только Февральская революция в России. В обстоятельной беседе с графом Брокдорфом-Ранцау он высказал свое убеждение в том, что возможны только два варианта отношений Германии с Россией: или германское правительство решается на широкую оккупацию России, разрушение ее имперской государственной системы и расчленение России на несколько зависимых от Германии государств, или оно заключает быстрый мир с Временным правительством. Для самого Парвуса равно неприемлемыми оказались оба варианта: первый был связан с риском подъема патриотизма русского народа и, соответственно, боевого духа русской армии; второй – с замедлением выполнения революционной программы Парвуса. Для того чтобы стал возможным еще и третий вариант, Парвусу позарез был нужен Ленин. Причем Ленин не в Швейцарии, а в России. Парвус заручился поддержкой германского Генерального штаба и доверил Фюрстенбергу-Ганецкому сообщить Ленину, что для него и Зиновьева в Германии устроен железнодорожный коридор, не уточняя, что предложение исходит от Парвуса. В Цюрих выехал в качестве

сопровождающего лица сотрудник Парвуса (и германской разведки) Георг Скларц. Ответ Ленина через Зиновьева телеграммой Фюрстенбергу был скорее отрицательным: «Письмо отослано. Дядя (т.е. Ленин. – *Авт.*) хочет знать больше. Официальный проезд для отдельных лиц неприемлем. Пишите экспресс-почтой Варшавскому, Клусвег 8».

Неаккуратные действия прибывшего в Швейцарию Скларца побудили Ленина резко прервать переговоры, однако выехать в Россию он не отказался.

Парвус узнал от Брокдорфа-Ранцау о дне отъезда русских эмигрантов из Цюриха 9 апреля 1917 года. Он сразу же сообщил в МИД Германии, что собирается встречать русских в Швеции. Главной целью Парвуса был контакт с Лениным, и его предстояло обеспечить Фюрстенбергу-Ганецкому, который ждал Ленина и его спутников в Мальме и провожал их до Стокгольма. Ленин отказался от встречи с Парвусом: после поездки в «пломбированном вагоне» через Германию с таинственной остановкой в Берлине он перестраховывался. Роль главного переговорщика с Парвусом со стороны большевиков взял на себя Радек: 13 апреля они беседовали в обстановке полной секретности целый день. Видимо, именно тогда Парвус напрямую предложил свою поддержку большевикам в борьбе за власть в России, а они – в лице Радека – ее приняли.

Русские эмигранты двинулись дальше в Финляндию, а Парвус – в германское посольство. Еще 3 апреля Минфин Германии по распоряжению МИД выделил Парвусу пять миллионов марок на политические цели в России; видимо, Циммерманн договаривался с Парвусом об использовании этих огромных средств. Из Берлина Парвус отбыл снова в Стокгольм, где находился в постоянном контакте с членами заграничного бюро ЦК большевистской партии Радеком, Воровским и Фюрстенбергом-Ганецким. Через них шла перекачка германских денег в Россию, в большевистскую кассу. Письма Ленина из Петрограда Фюрстенбергу в Стокгольм пестрят фразами: «Мы все еще не получили от вас денег».

Этот финансово-переговорный процесс прервался в июле 1917 года, когда в Петрограде после неудавшейся попытки большевиков организовать вооруженное восстание в российской печати поднялась волна разоблачений связей большевиков с Парвусом и через него – с германскими властями. Парвус скрылся в Швейцарии.

Между тем закулисная работа по снабжению революционной оппозиции Временному правительству в России продолжалась: «Помимо Гельфанда, бывшего главным связующим звеном между большевиками и берлинским правительством, летом 1917 года большевики имели и другие каналы связи с Берлином. Вполне возможно, что часть денег, выделенных на организацию подрывной деятельности в России, – Эдуард Бернштейн позднее оценил общую сумму примерно в 50 миллионов золотых марок, хотя нам кажется правдоподобной цифра 30 миллионов, – была передана непосредственно иностранной миссии большевиков немецким посланником в Стокгольме». Ту же цифру в 50 миллионов марок, полученных большевиками от Германии, называет и английский историк РональдКларк.

В ноябре 1917 года большевики осуществили государственный переворот и захватили власть в России. Они создали новое правительство, которое провозгласило мир своим абсолютным приоритетом. И Парвус

немедленно встрепенулся. В Стокгольм его всячески зазывали Фюрстенберг-Ганецкий и Воровский, рассчитывая на связи Парвуса с европейскими социалистическими партиями: советская власть крайне нуждалась в международной поддержке. Ждали Парвуса и в германском МИД: тут он появился во второй декаде ноября. Германские власти были в высшей степени довольны событиями в России и дорожили Советским правительством, сталкивавшимся с огромными финансовыми затруднениями: уже 9 ноября германская казна выделила очередные 15 миллионов марок большевистскому режиму. Еще два миллиона были переданы большевистским представителям в Стокгольме сразу же после переворота в Петрограде.

Но сознанием Парвуса завладела новая ideÿe fixe. Под ее влиянием Парвус совершил поступок, который для человека его типа был по меньшей мере странным. О нем пишет Радек как пристрастный очевидец: «Когда пришли известия об Октябрьской революции, Парвус приехал от имени Центрального Комитета германской социал-демократии в Стокгольм и обратился к заграничному представительству большевиков, предлагая от имени пославших его, в случае отказа германского правительства заключить мир, организовать всеобщую забастовку. В личном разговоре он просил, чтобы после заключения мира ему было разрешено Советским правительством приехать в Петроград; он готов предстать перед судом русских рабочих и принять приговор из их рук, он убежден, что они поймут, что он в своей политике не руководствовался никакими корыстными интересами, и позволят ему еще раз стать в ряды русского рабочего класса, чтобы работать для русской революции. Приехав в Петроград с известиями о положении в Германии, я передал Ильичу и просьбу Парвуса. Ильич ее отклонил, заявив: нельзя браться за дело революции грязными руками. Как видно из брошюры Парвуса, изданной после брест-литовских переговоров, он думал, что большевики пойдут на сделку с германским империализмом и что ему, окруженному ореолом человека, который помог заключить компромиссный мир, удастся еще сыграть крупную роль в русской революции. Это была уже мечта политического банкрота». Последнюю жестокую реплику подсказала Радеку сама суровая реальность Советской России.

На что рассчитывал Парвус? На благодарность Ленина и большевиков за оказанные им услуги? Напрасно, Парвус был неудобен Ленину и большевикам, которые в 1917 году входили в силу. И они пренебрегли Парвусом. Этого он не смог пережить. Если его пестрая и многослойная жизнь и имела какой-то смысл, то теперь он был безвозвратно утрачен. Мавр сделал свое дело, мавр мог уходить. И он ушел 12 декабря 1924 года, в тот же год, что и Ленин.

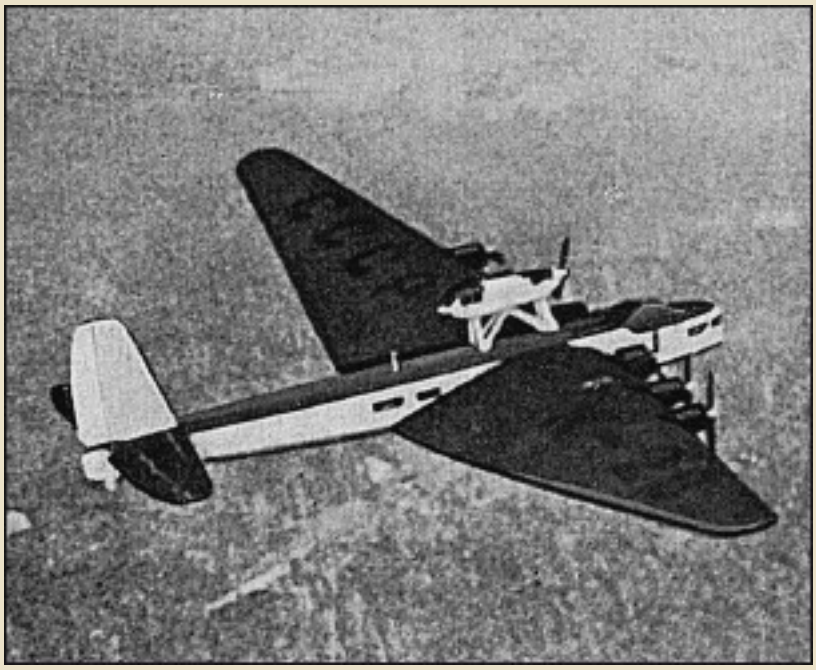
Мертвая петля для Сталина *65 По материалам Ю. Корнилова.*

Тот весенний солнечный день должен был стать праздником молодого советского авиастроения, и ничто, казалось, не предвещало беды. Созданный по проекту А.Н. Туполева восьмимоторный цельнометаллический самолет-гигант «АНТ-20» «Максим Горький», на борту которого наряду с 11 членами экипажа находилось несколько десятков инженеров и рабочих-ударников, принимавших участие в строительстве моноплана, а также члены их семей, поднялся с подмосковного аэродрома в

показательный праздничный полет. Одновременно в воздух был поднят и пилотируемый Н. Благиным легкий истребитель «И-15», который, находясь вблизи «Максима Горького», должен был как бы оттенять, подчеркивать величину и мощь новой машины. Тысячи людей наблюдали за тем, как уверенно разрезает голубое небо «Максим Горький». Но что это? На высоте 700 метров «И-15» неожиданно сблизился с самолетом-гигантом и, пытаясь сделать нечто вроде «мертвой петли», ударил его в правое крыло. Удар был такой силы, что от обеих машин стали отваливаться какие-то части. Потеряв часть крыла и фюзеляжа, «Максим Горький» вошел в стремительное отвесное пике и, ломая сосны, рухнул на землю близ подмосковного поселка Сокол…

Так, 68 лет назад, 18 мая 1935 года, потерпел катастрофу самый большой самолет, построенный в ту пору в мире. По оценкам экспертов, гибель советского моноплана, размах крыльев которого достигал 63 метров, а вес превышал 42 тонны, была тогда самой крупной авиационной катастрофой за всю историю авиации. Разумеется, одновременно с «АНТ-20» разбился и «И-15».

Страна погрузилась в траур. Соболезнования родным и близким погибших выразил лично Сталин. Слова сочувствия и скорби содержались в телеграммах, присланных в Москву президентом США Рузвельтом, лидерами других государств.

Самолет «Максим Горький»

Скорбь по погибшим сливалась с чувством гнева по отношению к виновнику трагедии. «Столкновение могло стать возможным только из-за безрассудного и бессмысленного ухарства, вышедшего за все пределы

летной дисциплины, это и явилось конечной причиной гибели замечательного флагманского корабля, гибели нескольких десятков отличнейших товарищей», – писал на страницах «Известий» Н. Бухарин, в ту пору главный редактор этой газеты. «Преступное молодечество послужило причиной гибели отличных людей, чья трудовая энергия могла бы дать родине еще много ценного», – заявлял знаменитый пролетарский писатель, чье имя носил разбившийся моноплан. Выводы из сказанного напрашивались сами собой. «Правило тов. Ворошилова – «воздушных хулиганов не подпускать и на версту к военной авиации», – должно без всяких послаблений быть осуществлено и в гражданском воздушном флоте», – говорилось в директивной передовой статье «Правды».

Трагическая случайность, связанная с преступным и безответственным лихачеством пилота Н. Благина, – с таким объяснением гибель «Максима Горького» и вошла в историю.

А между тем были и другие версии, о которых молчала официальная советская пропаганда. Одна, имевшая (и имеющая до сих пор) хождение в среде самих авиаторов, исходит из того, что опытнейший пилот Н. Благин, начавший летать еще в 1920 году и прошедший путь от курсанта теоретических курсов авиации при дивизионе воздушных кораблей «Илья Муромец» до ведущего летчика-испытателя новых туполевских машин, не мог не отдавать себе отчета в том, сколь опасны воздушные трюки небольшого «И-15» в непосредственной близости от гиганта «АНТ-20». И если он все же предпринял попытку сделать «мертвую петлю» вокруг крыла «Максима Горького», то не из страсти к лихачеству, а потому, что заранее получил прямое указание «для большего эффекта» продемонстрировать в воздухе такую «фигуру высшего пилотажа»…

Ничего необычного в этой версии нет. Разве не шли на определенный риск организаторы советских военных парадов, которые ради внешнего пропагандистского эффекта приказывали пилотам выстраивать машины так, чтобы они составляли в небе слово «Сталин»? Известен и случай, когда в начале 50-х годов одному из участников таких парадов, опытнейшему пилоту М. Нюхтикову, было приказано во время пролета над Красной площадью снизиться едва ли не до уровня трибун на Мавзолее, а перед храмом Василия Блаженного резко уйти вверх. Летчик, отдавая себе отчет в том, что подобный «эффектный маневр» невыполним, ограничился тем, что лишь немного снизился над площадью, оглушив ревом двигателей находившихся внизу людей…

Существует, наконец, и еще одна, третья версия причины гибели «Максима Горького». Сегодня, когда открыты двери так называемых «спецхранов», где годами скапливались недоступные для советских людей зарубежные издания, мы узнаем, что в ряде выходивших в тридцатые годы за кордоном газет утверждалось, будто происшедшая в небе под Москвой трагедия связана вовсе не с воздушным лихачеством или ошибкой пилота, а являлась… заранее спланированным террористическим актом.

Французская газета «Сервис-Мондьяль», например, сообщала, что по слухам, циркулировавшим в 1935 году в Москве, в праздничном показательном полете «АНТ-20» намеревались принять участие Сталин в компании Молотова, Кагановича, Орджоникидзе и других высокопоставленных лиц Советов. И тут же со ссылкой на эмигрантские

источники публиковала «предсмертное послание-завещание» Николая Благина. «Братья и сестры, вы живете в стране, зараженной коммунистической чумой, где господствует красный кровавый империализм, – якобы писал летчик. – Именем ВКП прикрываются бандиты, убийцы, бродяги, идиоты, сумасшедшие, кретины и дегенераты. И вы должны нести этот тяжелый крест. Никто из вас не должен забывать, что эта ВКП означает второе рабство…» «Братья и сестры, не забывайте, что означает «все хорошо» в действит ельности, – говорилось далее в послании. – В то время как у нас отбирали последние средства в виде принудительных займов и т.п., бандиты-коммунисты организовывали крупные попойки, танцевальные вечера и дикие оргии с проститутками и разбазаривали народные миллионы…» Заявив, что «коммунисты используют каждую предоставленную им возможность, чтобы поселять повсюду волнения, разруху, голод и нищету» и что «никогда и нигде в мире не будет покоя до тех пор, пока коммунизм, эта бацилла в теле человечества, не будет уничтожен», Благин объявлял, что он принял решение «протаранить самолет имени негодяя Максима Горького…»

Страшная, дикая версия, в которую трудно поверить: ведь даже если допустить, что Н. Благин, выходец из дворянской семьи, сын царского полковника, был и впрямь враждебен режиму, вполне очевидно, что он знал, не мог не знать – на борту «Максима Горького» находятся не Сталин и К°, а лишь летчики и авиастроители, т.е. его, Благина, коллеги и товарищи. Тем не менее и эта версия нуждалась в проверке, хотя бы для того, чтобы снять с погибшего пилота подозрения в терроризме…

Через несколько десятилетий после гибели «Максима Горького» снятый со всех постов Н.С. Хрущев, стоявший в 1935 году во главе столичной партийной организации, диктовал на магнитофон свои широко известные ныне мемуары. Вспомнил он и о катастрофе крупнейшего в мире моноплана: «…Я как первый секретарь Московского комитета партии занимался организацией похорон. Сталин очень рассердился и излил свой гнев на меня и на председателя Моссовета Булганина. Захоронение производили в крематории. Туда свезли трупы, сожгли их, а урны привезли в Колонный зал Дома Союзов, где выставили для доступа всем желающим отдать последние почести погибшим. Процессия растянулась на полгорода. Сталин, как бы в наказание за то, что мы допустили катастрофу, зло произнес: «Пусть Хрущев с Булганиным и несут урны всю дорогу». Но я считал за честь для себя участвовать в той похоронной процессии, а по пути в крематорий почему-то все время думал о красном цвете, в который ради контраста был окрашен несчастный истребитель…»

Перечитайте внимательно этот пассаж. Как следует понимать слова Н.С. Хрущева – «мы допустили катастрофу»? Что (или кто) стоит за этим «мы»: пилот-одиночка, «воздушный хулиган» Николай Благин, или же МК ВКП (б) и столичные чекисты, которые должны были, могли, но не сумели предотвратить трагедию?

Быть может, ответ на этот вопрос будет найден, когда полностью откроются наконец стальные сейфы секретных партийных и чекистских архивов. А пока тайна гибели «Максима Горького» остается нераскрытой…

Загадка смерти «Буревестника революции»

В конце сентября 1935 года Алексей Максимович Горький приехал из Москвы в Крым, в Тессели. Рядом с ним был только один близкий ему человек – Олимпиада Дмитриевна Черткова (Липа).

Алексей Максимович уже давно находился «под колпаком» у власти. В Крыму же он был практически в полной изоляции. Даже Крючков, его многолетний секретарь и бессменный осведомитель Лубянки, остался в Москве. Сталин и глава НКВД Генрих Ягода перестали отвечать на письма писателя.

У постели больного Горького. Художник В.П. Ефанов. 1944 г.

Казалось бы, теперь он стал власти неинтересен. Однако всего полгода назад его не пустили в Париж на Международный конгресс писателей в защиту культуры. А в Тессели он по-прежнему был окружен сотрудниками НКВД в форме и в штатском. К Горькому почти никого не допускали, вся его корреспонденция просматривалась.

Но вот в конце мая 1936 года заболели гриппом Марфа и Дарья, две его любимые внучки, оставшиеся в Москве. У Алексея Максимовича появился предлог вырваться из крымского заточения. Он немедленно выехал в Москву. 27 мая он уже в столице, навестил своих внучек, побывал на могиле сына на Новодевичьем кладбище, принял у себя на Малой Никитской руководителей комсомола, а потом приехавшего из Ленинграда своего давнего друга Николая Буренина. А 1 июня он серьезно заболел. Диагноз – грипп, а дальше – крупозное воспаление легких и сердечная недостаточность…

Болезнь развивалась точно так же, как два года назад у сына Максима. А сына, он был почти уверен в этом, убили сотрудники НКВД. Теперь Алексей Максимович в Горках, там, где двенадцать лет назад умер

Ленин. Лечили и консультировали писателя 17 (!) самых известных врачей из Москвы и Ленинграда. Но больному становилось все хуже. «Правда» с 6 июня 1936 года начала публиковать бюллетени о здоровье Горького.

8 июня врачи признали его состояние критическим. И тут раздался звонок из Кремля. Сообщили, что в Горки едут Сталин, Молотов и Ворошилов. Черткова (она была акушеркой) на свой страх и риск ввела Алексею Максимовичу очень большую дозу камфары. «Результат оказался ошеломительным, – пишет Аркадий Ваксберг в своей недавно вышедшей книге «Гибель Буревестника», – Сталин ожидал увидеть если еще не труп, то уже умирающего, а увидел писателя, к которому явно вернулась жизнь». Горький не пожелал говорить о своей болезни – перевел разговор на «текущие дела»: об издании «Истории гражданской войны», «Истории двух пятилеток»… Сталин потребовал вина, и трое «вождей», выпив за здоровье «великого пролетарского писателя», отбыли в Москву.

К 16 июня наступило настолько очевидное улучшение, что врачи решили: кризис миновал. Но в ночь на 17-е вдруг, без всякого видимого повода, ситуация резко изменилась. Горький начал задыхаться, пульс делал невероятные скачки, температура то сильно поднималась, то внезапно падала, губы посинели…

В 11 часов 10 минут утра 18 июня наступила смерть. Тело Горького еще не успели вывезти из Горок, как Генрих Ягода лично опечатал все комнаты, бегло просмотрев бумаги писателя. Через два дня на Красной площади состоялись похороны Горького, урну с прахом замуровали в Кремлевской стене.

Медицинские документы – история болезни, заключение о смерти, судебно-медицинская «экспертиза» на процессе «врачей-убийц» 1938 года, ретроспективная экспертиза 1990 года и другие – полны противоречий и не отвечают на главный вопрос, от чего же, собственно, Горький умер. Всю жизнь его лечили от туберкулеза легких, но эта болезнь вообще не отмечена в заключении патологоанатома И.В. Давыдовского.

В медицинском заключении говорится о какой-то «тяжелой инфекции», от которой якобы наступила смерть, а в акте вскрытия – об «острой инфекции», хотя медики прекрасно знали, что инфекции «вообще» – ни тяжелой, ни острой, ни легкой – не существует, а есть конкретные, притом различные инфекции, порождающие ту или иную болезнь.

Недавно стало известно, что за те две с лишним трагические недели в Горках один за другим заболели люди из обслуживающего персонала: комендант, его жена, повар – всего семь человек, и каждому был поставлен один и тот же диагноз – ангина. У всех были симптомы, похожие на те, что отмечались у Горького. Никакого контакта с ним эти люди не имели, заразиться от него не могли, а близкие, постоянно общавшиеся с писателем, ничем не заболели. Остается предположить, что источником заражения была пища, которую готовили для Горького и которую могли есть и заболевшие. Подобную картину болезни могла вызвать сыворотка из смеси пневмококков и стафилококков.

Еще в 1933—1934 годах Генрих Ягода, в прошлом фармацевт, организовал в недрах ОГПУ-НКВД секретную лабораторию по производству ядов для устранения «врагов народа» сначала за границей, а затем и внутри страны. На Лубянке создавались специальные яды, приводящие к

моментальной или быстрой смерти с имитацией симптомов других болезней. Как стало известно из частично доступных архивных документов этой лаборатории, там велись эксперименты по сочетанию различных болезнетворных возбудителей для усиления «эффекта». В опытах над живыми людьми и в их умерщвлении участвовали крупные специалисты-медики, удостоенные за свои эксперименты наград и самых высоких научных званий.

Складывается впечатление, что, дав толчок болезни Горького, инициаторы понадеялись на ее естественный ход, поскольку измученный множеством всяких недугов организм писателя был действительно очень ослаблен. Но резервные силы организма, воля Горького к жизни начали побеждать болезнь. Когда это стало очевидным (скорее всего – 16 июня), болезни решили «помочь»…

Отметим еще некоторые, почти мистические странности тех драматических дней. Алексей Максимович заболел, как уже говорилось, 1 июня, а «профессор-философ» Юдин, он же секретарь Союза писателей и негласный сотрудник НКВД, еще 31 мая говорил своим знакомым, что Горький смертельно болен и надежды на то, что он выживет, нет никакой.

В июне, в первые дни болезни Алексея Максимовича, в дом на Малой Никитской, а потом и в Горки (по кремлевской «вертушке») звонили неизвестные, справлялись – куда доставлять венки и посылать телеграммы соболезнования.

Несколько таких телеграмм было даже получено! На Малую Никитскую приходили люди с ордером районного архитектора на занятие «освободившегося» дома. Это был какой-то жуткий, кем-то скоординированный психологический прессинг!

Вряд ли болезнь и смерть писателя были «организованы» Генрихом Ягодой по собственной инициативе. Подобную самодеятельность в отношении крупных фигур Сталин не терпел. Значит, распоряжение убить Горького отдал сам Сталин. Но почему? Какую опасность представлял для него Горький в 1936 году?

«То, что он мог дать Сталину, он уже дал, – пишет Ваксберг. – Мертвый Горький автоматически превращался в союзника, за живого никто поручиться не мог. Его дружба с Бухариным была очевидной, дружба со Сталиным – воображаемой. Горького надо было скорее канонизировать, объявить лучшим сталинским другом, советским святым, и сделать это раньше, чем он мог что-нибудь натворить, поставив под сомнение такую возможность».

Аркадий Ваксберг излагает и другой, более конкретный мотив преступления. В 1935—1936 годах готовилась новая, «сталинская» конституция. Часть оппозиционно настроенной советской научной и творческой интеллигенции, и прежде всего Максим Горький, выдвинула идею создания так называемой «партии беспартийных», или «Союза интеллигентов», который мог бы выступить на выборах в советский парламент отдельным списком, а в дальнейшем «конструктивно помогать» правящей партии – ВКП(б).

Предполагалось, что список кандидатов в депутаты от этой партии возглавят А.М. Горький, академики И.П. Павлов, А.П. Карпинский (президент АН СССР) и В.И. Вернадский. Павлов и Карпинский были

известны своим неприятием советского партократического режима. Павлов открыто говорил, что ежели то, что делают большевики с Россией, – эксперимент, то для такого эксперимента он пожалел бы предоставить даже лягушку…

Максим Горький стремился гуманизировать власть, пытался «перевоспитать» сначала Ленина, а затем Сталина. Конечно, у него ничего не могло выйти. Но Горький думал иначе. Ради этой иллюзорной цели он шел на многие жертвы, компромиссы, перешагивал через собственные нравственные принципы, и в результате потерял свободу, а потом и жизнь.

«В нише Кремлевской стены, – пишет Аркадий Ваксберг, – замурована не только тайна его жизни, но и тайна смерти – одна из самых страшных в нескончаемом ряду кровавых советских загадок».

Злополучный рекордный перелет *66 По материалам летчика Л. Вяткина.*

В 1968 году в Хабаровском крае таежные охотники в 12 км от поселка Дуки наткнулись на место давней авиакатастрофы: искореженный большой самолет с гофрированной алюминиевой обшивкой 1930-х годов. Это был самолет ТБ-3. В деформированном от сильного удара фюзеляже охотники обнаружили разбросанные в беспорядке полуистлевшие останки людей…

К большому удивлению, после тщательного обследования места катастрофы у некоторых погибших нашли удостоверения личности, паспорта, на которых хоть и с трудом, но удалось прочесть фамилии и год выдачи документов.

Вернувшись в поселок, охотники по телефону связались с Хабаровском, рассказали о своей таежной находке, после чего состоялось расследование, благодаря которому было установлено, что охотники нашли тяжелый бомбардировщик ТБ-3. Он участвовал в поиске пропавшего экипажа и самолета «Родина», выполнявшего рекордный перелет по маршруту Москва – Дальний Восток и потерпевшего катастрофу 4 октября 1938 года, после столкновения с другим самолетом, также участвовавшем в поиске…

Экипаж самолета «Родина» перед вылетом

При этом всплыл еще более потрясающий факт. С места катастрофы тогда же были извлечены почему-то только тела двух человек: героя гражданской войны и Хасана комдива Якова Сорокина и Героя Советского Союза, флаг-штурмана ВВС Александра Бряндинского, которых и похоронили со всеми воинскими почестями в Комсомольске-на-Амуре, почему-то намеренно изменив дату гибели. Остальных приказано было забыть. Навсегда…

Валентина Гризодубова Это была прекрасная летчица, энергичная, с хорошими организаторскими способностями, душевный, отзывчивый человек, Герой Советского Союза (1938) и Герой Социалистического Труда (1986) *67 Валентина Степановна Гризодубова (1910—1994), дочь авиаконструктора, изобретателя и летчика С.В. Гризодубова (1884—1965). Окончила Пензенскую летную школу Осовиахима (1929), работала летчиком&инструктором в Тульской авиашколе. В Красной армии с 1936 г. Совершила перелеты: Москва – Актюбинск (совместно с М.М. Расковой в 1936 г.), Москва – Дальний Восток (с П. Д. Осипенко и М.М. Расковой в 1938 г.). Участница Великой Отечественной войны, командир полка, совершила около 200 боевых вылетов. С 1945 г. работала в гражданской авиации.* .

О рекордном, но злополучном перелете она вспоминала следующее: «Когда стали отбирать экипажи для дальних перелетов, меня и Евгению Слобоженко А.С. Яковлев уговорил лететь на его спортивном самолете. Мы согласились. И вдруг Яковлев переменил решение и послал самолет на выставку в Италию. Мы, конечно, выразили протест, обратившись к Н.М. Швернику, который обещал помочь.

Ожидание было долгим. Когда экипаж П. Осипенко, М. Расковой и В. Ломако совершил замечательный перелет (1937) с юга на север на летающей лодке, я послала телеграмму: «Предлагаю лететь на Дальний Восток вторым пилотом». Осипенко ответила: «Хоть третьим!»

Самолетов «АНТ-37» Туполеву и Сухому было заказано четыре экземпляра – малая серия. Первый развалился прямо над Центральным аэродромом (Ходынка) при испытании из-за малоизученного в то время явления бафтинга – вынужденных колебаний самолета или его отдельных частей.

Второй самолет испытывали Громов и Алексеев. Добились на нем даже значительных успехов, слетав по маршруту Москва – Свердловск – Москва. Этот самолет отдали нам для тренировок.

Третьим самолетом, несколько доработанным бригадой Сухого, стала наша «Родина», на котором мы установили мировой рекорд.

При подготовке к этому полету было столько препятствий и волнений, что уже и не верилось, полетим ли мы вообще, тем более что погода к осени стала портиться, трасса надолго могла закрыться. А тут еще возникли сложности с моторной группой: долго не могли отрегулировать. Наконец 24 сентября 1938 года долгожданный вылет. Марина Раскова поднялась в кабину и доложила, что радиосвязь не в порядке. Я решила, что разберемся в полете. Всегда летали по компасу. Широковещалка работала. Нам этого вполне хватало, хотя и был риск, конечно (из-за такой оплошности их найдут в тайге лишь на девятые сутки. – *Авт.*). Устранение неполадки с радио могло вообще затянуть вылет. Могли и отказать до следующего года. Никто из нас этого не хотел… В конце концов маршрут

ясен. Главное – работали бы моторы.

Взлетели с грунта легко. Через 150 км вошли в сплошную облачность. Я была уверена, что Полина Осипенко мастерски водит самолет и ночью, и за облаками. И мне к ночным полетам не привыкать – много летала с метеорологами вслепую.

Трудности были в другом: бензочасов нет, а под рукой… 17 баков с топливом. В ногах 30-минутный топливный расходный бачок. Когда горючее в нем кончится, надо переключиться на другой. Ошибиться нельзя. Это держало в напряжении все время (причем в каждом оставались нерасходованные килограммы топлива, что сокращало время полета. – *Авт.*).

Летим. Марина открывает астролюк для наблюдений за звездами. Вижу, как из ее кабины воздушным потоком мгновенно выдуло роскошные карты, которые нам вручили перед вылетом. (Далее полет проходил без карты и без радио. — *Авт.*)

Пишу записку: «Полина, не беспокойся! Меня с курса не собьешь – буду лететь по компасу! Займись Мариной, потому что на высоте 5000 метров она скоро превратится в сосульку. Наблюдать ей там нечего, а вот замерзнет по-настоящему!» (Действительно, штурман не мог выполнять свои обязанности, прокладывать линию фактического пути, определять снос на высоте и т.д. – *Авт.*)

Сплошная облачность – земли не видно. Наконец неожиданно оборвались облака: как на ладони Охотское море, видны острова в Тугурском проливе. Разворачиваюсь к югу, но землю вновь затягивают облака. Позади – 26 часов 29 минут полета, более 20 часов вслепую (без карты, без связи, не зная своего местонахождения, невозможно выбрать и сесть на подходящий аэродром при критическом остатке топлива. – *Авт* .).

Тут загорелась красная лампочка – кончилось топливо. Проверяю все баки – пусто. Придется совершать вынужденную посадку.

«Марина, прыгай!» – кричу я. Но она не хочет покидать самолет. (Естественно, такой вариант действий экипажа вообще не был предусмотрен и был слишком рискованным, прыгать на деревья в тайгу, без продуктов. – *Авт.*) Завыла сирена – через 30 минут заглохнет мотор. Планировать на таком тяжелом самолете трудно – может сразу спикировать.

«Прыгай!» – приказываю я Марине. Но пока мы спорили, нас пронесло мимо выбранной площадки. Марина прыгнула в тайгу, а Полина отказывается: «Я сижу на хвосте, он всегда остается цел, тайги же я боюсь!» «Тогда проследи, где приземлится Марина!» А сама рассчитываю посадку на болоте, которое маячит впереди. Это было заросшее озеро вблизи реки Амгунь. (Эту реку она приняла за Амур, который значительно юго-восточнее. – *Авт.*)

Сели удачно, чуть-чуть лопасти винта погнули. (Действительно, расчет и посадка на «таежный пятачок» свидетельствует о прекрасном летном мастерстве. — *Авт.*)

Развернули аварийную радиостанцию. Оказалось, нам забыли положить сухие батареи, поэтому пришлось крутить «солдат-мотор», динамомашины. На запросы никто не отвечал. Как оказалось потом, нам дали позывные прошлого месяца (видимо, запасную частоту на случай

аварии. – *Авт.*), поэтому нас никто не слышал.

Полина, как умела, вызывала известные ей станции, но ответа не было (лучше всех «на ключе» морзянкой работала штурман, летчицы могли принимать морзянку лишь на слух. — *Авт.*).

Было совершенно очевидно, что самим нам отсюда не выбраться. Прошло несколько дней с разными происшествиями: то хозяин тайги медведь нас посетил, а когда мы пугнули его выстрелом из ракетницы – загорелась сухая трава на болоте… Так что натерпелись страху. Запас еды у нас на борту был, а вот Марина выпрыгнула с одной шоколадкой в кармане. Когда она наконец-то нас нашла, на нее страшно было смотреть…

Но мы были молоды, и все нам казалось нипочем!..

Скоро мы с Полиной предприняли попытку покинуть самолет, но за восемь часов смогли пройти всего двенадцать километров. Потом сообразили, что самолет найдут быстрее, чем мы куда-нибудь выйдем.

Наконец над нами появился гидросамолет и сбросил код: как выложить полотнища, чтобы нас поняли – все ли живы, где искать пропавших, какая нужна помощь (существует международный код подобных визуальных сигналов, которого не оказалось на борту. – *Авт.*).

Мы ответили: «Все у нас в порядке. Самолет сами поднять не можем, поэтому ждем помощи».

Скоро нас вывезли…»

Рассказ летчицы, записанный дословно, дополним свидетельством командира гидросамолета МП-6 М.Е. Сахарова, первым обнаружившим самолет «Родина» в тайге. Но сначала несколько слов об остальных членах героического экипажа.

Марина Раскова и Полина Осипенко Марина Михайловна Раскова (1912—1943), летчица-штурман, пришла в авиацию благодаря А.В. Белякову, обратившему внимание на тогда еще 20-летнюю чертежницу Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского, прекрасно исполнявшую чертежи устройства самолетных приборов для его лекций и практических занятий слушателей. Он узнал, что Марина происходит из очень интеллигентной московской семьи, собирается поступать в консерваторию по классу вокала, к тому же неплохая пианистка.

Скоро она так увлеклась авиацией, что экстерном сдала экзамены на штурмана, а затем в 1935 году закончила Центральный аэроклуб, получив звание пилота.

В 1937 году совместно с Валентиной Гризодубовой совершила перелет Москва – Актюбинск, затем Севастополь – Архангельск на гидросамолете совместно с Полиной Осипенко и Верой Ломако.

С началом Великой Отечественной войны ей поручили формирование женских авиаполков. Затем в звании майора Раскова командовала женским бомбардировочным авиаполком. Погибла при авиакатастрофе в 1943 году. Вышедшая перед войной ее книга «Записки штурмана» о рекордном перелете Москва – Дальний Восток, где ей выпали самые тяжелые испытания и приключения, – лучшая из подобного рода литературы и читается с большим интересом.

Непростым был путь в авиацию и у Полины Денисовны Осипенко (1907—1939). Родилась она в бедной крестьянской семье на берегу Азовского моря в селе Новоспасовка. Полина заведовала колхозной

птицефермой и даже не мечтала об авиации. Но однажды на краю села приземлились два самолета, совершавших агитполет по глубинке. Среди пассажирок оказалась молодая комсомолка. Этот случай перевернул всю жизнь Осипенко: она «заболела» авиацией.

Узнав, что существует Качинское училище летчиков, она не раздумывая поехала туда и устроилась в летную столовую официанткой. Потом написала письмо наркому К.Е. Ворошилову, рассказала о своей жизни и о мечте. Пришел ответ, и Полина стала курсантом, а после окончания – военным летчиком (1932). Установила пять международных женских рекордов.

Погибла в 1939 году вместе с героем Испании, самым молодым «генералом», 29-летним комбригом А.К. Серовым при загадочных обстоятельствах: их самолет в солнечный день врезался в высокий берег Волги в районе Жигулей…

Трагический финал эпопеи В последние годы жизни знаменитая летчица Валентина Степановна Гризодубова, несмотря на больные ноги и прочие «болячки», была на удивление активной, деятельной, любила принимать гостей, особенно из числа летчиков и космонавтов.

Однажды я показал ей хранившуюся у меня редкую фотографию: самолет «Родина» на месте вынужденной посадки в тайге. Валентина Степановна живо отреагировала:

– Долго буду помнить этот полет… Перед самым вылетом Марина обнаружила, что бортовая связь не в порядке. Предлагала отложить вылет до выяснения причины, а Полина говорит: «Это, наверное, вредительство!»

Я говорю девочкам: «Все равно летим, назло врагам. Второго такого случая не представится…»

Ну и полетели. Карту выдуло, связи нет, места своего перед посадкой и то определить не могли. Марина чудом осталась живой. Вероятно, слышали от старых пилотов, что при поиске над тайгой столкнулись два самолета? В городах по дороге в Москву митинги: «Летайте, славные подруги, еще дальше!» А нам и радость не в радость.

Как их спасали Девять суток шли поиски пропавшего самолета «Родина». Прочесывали район возможной посадки и с воздуха, и пешими партиями. Наконец пришли скупые вести от жителей таежных приисков. Шум моторов низколетящего самолета слышал охотник близ поселка Хурмули. Колхозники из деревни Каменка, жители селений Экимчан и Стойба, связист из пункта Дуки донесли, что какой-то большой серебристый самолет пролетел курсом на прииск Керби…

Свидетельствует Михаил Евгеньевич Сахаров, первым обнаруживший самолет «Родина» в тайге.

«В то время я был пилотом – командиром двухмоторного корабля МП-6. Это 9-местный гидросамолет на семь пассажиров, с поплавками 10-метровой длины. Мы с экипажем летели с материка на Сахалин.

30 сентября я летел с пассажирами по маршруту через Комсомольск-на-Амуре, 1 октября получил от командира гидроотряда телеграмму с заданием принять участие в поисках машины «Родина». В тот же день вылетел на своем гидросамолете. Надо было осмотреть бассейн Амура в его среднем течении и прибрежную полосу Охотского моря в

районе Шантарских островов.

Наиболее вероятным местом посадки самолета «Родина» мне представлялся район недалеко от побережья Охотского моря. Аэродромов там нет, ближайший – в Комсомольске-на-Амуре. Но, осмотрев все заданные районы, машины я не обнаружил.

3 октября я получил задание осмотреть местность в районе поселка Керби и реки Амгуни. С таким же заданием вслед за мной – через 15 минут – вылетел летчик Н. Бурлаков, а еще через полчаса – летчик А. Романов, бывший учлет В. Гризодубовой. Оба на самолетах МП-1 – пассажирском варианте летающей лодки МБР-2.

Дальний Восток был мне известен хорошо – летал там по многим трассам. Западный, обрывистый берег Амура покрывают сплошные непроходимые болота, сохранившиеся до сих пор. А в районе Амгуни – мари, то есть болота с кочками, по которым хотя и с трудом, но можно пройти. Для посадки самолета они подходят лучше – на них меньше воды. Мне невольно подумалось, что экипаж «Родины» такое обстоятельство наверняка учитывал и вел самолет ближе к Амгуни. Поэтому особенно тщательно осматривал именно эти места.

После двухчасового поиска заметил на болоте, среди разводий, пятно с непрерывно изменяющейся конфигурацией. Снизился к нему с 700 до 50 метров.

Пятном оказался двухмоторный серебристого цвета самолет с крылом большого размаха. Рядом находилось два человека. Они встряхивали расправленными куполами парашюта, подавая сигналы, благодаря чему и удалось различить их на фоне разводий.

То обстоятельство, что людей было двое, вызвало сомнение, что найдена действительно «Родина», ведь ее экипаж состоял из трех человек. К тому же названия самолета не было видно. Сделал несколько кругов, снизился еще…

Позже мы узнали, что название было написано только на нижней поверхности крыла и по бокам носовой части фюзеляжа, поэтому увидеть его сверху оказалось невозможным.

Мой радист Володя Быстров дал на аэродром радиограмму, сообщив, что, по всей видимости, мы обнаружили в районе Амгуни «Родину», а Кузьма Домкин, механик, лоскут от исподнего отхватил, записку замотал, как вымпел, и бросил им: «Завтра прилетим снова…»

Хабаровск новости не поверил. Как девушки могли там оказаться? Почему их только двое? Отчего не отвечают на радиозапросы?

И тут началась раскрутка лихорадочных «поисков» уже найденного самолета. Примчался комдив Яков Сорокин, герой гражданской и Хасана, грудь в трех орденах Красного Знамени, недоверчиво выслушал меня и говорит: «Сам полечу, осмотрю, доложу правительству и лично товарищу Сталину».

Согласно сброшенному мною коду сигналов девчата выложили парашют слева от самолета, что означало, что нет штурмана Расковой.

Километрах в десяти от «Родины» находилось озеро, на которое можно было сесть, но через тайгу и болото мы не добрались бы до цели. Решили возвращаться на базу и пошли в Комсомольск-на-Амуре. Возвратившиеся вслед за мной летчики Н. Бурлаков и А. Романов

доложили, что тоже обнаружили самолет.

Решив лететь к месту посадки «Родины», комдив Сорокин приказал было мне лететь на его ТБ-3 за штурмана. Но я всегда сторонился крикливых и шалых начальников и объяснил комдиву, что уже имею задание от своего начальства. Это меня спасло от верной гибели…

Скоро я стал очевидцем страшной катастрофы в воздухе, о которой до сей поры не могу вспоминать без содрогания.

На следующий день, 4 октября, я опять вылетел. Запомнилась странная подробность перед вылетом. Флаг-штурман ВВС А. Бряндинский, которому я хотел показать как лучше и с большей точностью выйти к месту вынужденной посадки самолета «Родина», в довольно резкой форме отмахнулся от меня. Красным карандашом он обвел на своей карте круг и поставил на нем крест. Кто-то из тех, кто наблюдал сцену, мрачно пошутил, что как бы этот крест не оказался дубовым…

Плотно пообедав, он и комдив Сорокин – один на ТБ-3, другой на «Дугласе» командующего армией И. Конева, не спросив его разрешения, вылетели на поиск «Родины».

Вслед за ними вылетел и я на своем МП-6. Оказалось, Сорокин и Бряндинский спешно отобрали парашютистов-спасателей, в том числе и спортивных комиссаров. Решили так: с первого ТБ-3 к Гризодубовой и Осипенко прыгнут два спортивных комиссара – осмотреть барографы, составить акт о рекорде. С ними прыгнут врач Тихонов и опытный десантник Олянишин. Остальных 14 парашютистов комдив Сорокин взял в свой ТБ-3. Из Москвы все настойчивее запрашивали о судьбе Расковой, поэтому если она обнаружится в тайге, то ей на подмогу выбросили бы этот десант.

С высоты я увидел на юго-востоке ТБ-3 Сорокина и «Дуглас» ДС-3 Бряндинского – оба зеленого цвета, плохо различимые на фоне осеннего леса. Они кружили над небольшой долиной, видимо, не вышли точно к месту посадки «Родины» и теперь были заняты поиском.

Я видел из своей кабины в воздухе, как «Дуглас», явно поглощенный поиском, крылом ударил по хвосту ТБ-3, перешел в глубокую неуправляемую спираль и, упав, взорвался.

ТБ-3 Сорокина с разрушившимся хвостом пошел вверх, стал вертикально, перевернулся на спину и перешел в отрицательное пикирование.

За несколько секунд до удара о землю воздушные стрелки и оба летчика, висевшие вниз головой на привязных ремнях, успели выброситься из открытых кабин. Приземлившись, все четверо бросились к горящему «Дугласу», стали сбивать пламя – чтобы огонь не поджег тайгу и в надежде, что кто-нибудь спасся. Но на Дугласе погибли все…

На ТБ-3 погиб комбриг, корреспондент и все остальные. Самое трагическое заключалось в том, что полет ТБ-3 и Дугласа» не был вызван необходимостью. Более того, особой телеграммой из Москвы Сорокину категорически запрещалось вылетать к месту посадки «Родины», он должен был руководить полетами из штаба, а Бряндинскому надлежало встречать летчиц в Хабаровске.

Но «коронным номером» неразберихи стал «самостийный» полет и посадка учебного У-2 Комсомольского авиазавода, ухитрившегося сесть на

болотный «пятачок» рядом с «Родиной» с цветами и шампанским! Его потом, зимой, эвакуировали вместе с «Родиной»…

Гризодубова и Осипенко, стоя на крыле своего самолета, видели столкновение самолетов в воздухе и их гибель. Из полотнищ разорванного парашюта они выложили сигнал «ТБ-3 SOS» и стрелу, указывающую направление к месту катастрофы. Эти знаки я видел хорошо. Подошедший к месту посадки «Родины» второй ТБ-3 направился туда, куда указывали полотнища, потом вернулся и сбросил двух парашютистов – летчика Еремина и командира парашютной бригады Полежая – спорткомиссаров, которым поручили снять барографы для регистрации рекорда, и еще трех, которые должны были помочь девчатам пройти болото и тайгу…

Возвратившись на своем гидросамолете в Комсомольск, я доложил обо всем начальнику ДВТУ ГВФ, а недремлющий начальник НКВД заставил написать подробный рапорт о всем случившемся и о том, что я видел с воздуха…»

Злополучный рекордный перелет прославленных летчиц имел еще одну труднообъяснимую странность: согласно сообщениям ТАСС, летчицы регулярно докладывали обо всем с маршрута (?!), что не вяжется с показаниями В.С. Гризодубовой и М. Расковой. В чем же дело?

Только в 1988 году стали известны выдержки из протоколов госкомиссии, которые хранятся в деле №91 Хабаровского краевого партархива. Из них видно, что по указанию свыше ТАСС явно «блефовало».

Москва : Почему допускаете кавардак? Предупреждаем: никакой горячки! Потребуйте от экипажей соблюдения летной дисциплины. Сколько погибших?

Комсомольск (В.Пегов, секретарь горкома ВКП(б): Неизвестно, уточняем. Как быть с корреспондентами: осаждают, требуют сведений, жалуются на меня наркомам.

Москва : Не обращайте внимания. Здесь считают, что вы делаете все правильно. Ничего прессе не давать…

Москва : Чем вызвана посадка в данной местности?

Керби (место посадки «Родины»): Отказом всей рации (подчеркнуто мной.– *Авт.*) и отсутствием бензина после слепого полета (Раскова уточняет: заблудились. – *Авт.*). Моторы целы. Погнуты винты. Немного попорчен низ самолета. Сели, не выпуская шасси, 25 сентября в 10.41 по московскому времени.

Москва : Поздравляем вас с блестящим выполнением перелета!

Но как можно назвать перелет «блестящим» при таком количестве трупов? Член Военного Совета И. Литвиненко с согласия В. Пегова приказал летчику заводского гидросамолета П. Генаеву произвести посадку на реку Амгури вблизи катастрофы «Дугласа» и ТБ-3 и забрать тела только комбрига Сорокина и Бряндинского, а об остальных «забыть».

Найденные останки остальных погибших захоронили лишь в 1969 году и поставили обелиск.

Шипы и розы Наконец спасенных летчиц 12 октября вместе со страшно исхудавшей после блужданий по тайге, но счастливой Расковой, доставили в Комсомольск.

Потом было триумфальное возвращение в Москву. Поезд шел через всю страну, и на каждой остановке собирались тысячи людей, чтобы

приветствовать своих героинь.

Только 17 октября разукрашенный яркими полотнищами и портретом товарища Сталина поезд прибыл в Москву.

В Кремле, в Грановитой палате, на банкете экипаж «Родины» сидел за правительственным столом. Запомнилось выступление В.П. Чкалова. Налегая на «о», как истинный волжанин, он, пользуясь моментом, просил Сталина об организации рекордного полета на дальность вокруг земного шара. Вождь внимал благосклонно и вдруг, поблескивая черными зрачками, громко возвестил:

– Есть мнение дать слово и дальневосточному летчику Сахарову!

Летчицы обомлели и потупились. Сахаров говорил умно и коротко, стоя у микрофона рядом со Сталиным, надолго запомнив его рябое лицо и сильный, характерный грузинский акцент. Сталину выступление летчика понравилось и он первый потянулся к нему своей небольшой рюмочкой, чтобы легонько чокнуться.

Вскоре Сахарова перевели в Москву пилотом в управление Международных воздушных линий (Аэрофлот), которым стала руководить Валентина Гризодубова. Но жизнь штука сложная и часто полна неожиданностей…

С началом войны он летал на Ли-2 за линию фронта со спецзаданиями, доставляя окруженному мотомехкорпусу горючее и боеприпасы. Гризодубова летала наравне с другими, поражая и бывалых летчиков своей удивительной смелостью.

В один из вылетов Сахарова сбили и он попал в плен. Был в лагерях для военнопленных – сначала в Орловской тюрьме, потом в Брянске, затем в концлагерях в Лодзи и под Мюнхеном в Зонненберге. Шесть раз бежал и все неудачно…

Думал ли он, что когда-нибудь ему придется рассказывать о Сталине и о том банкете в Кремле, сидя на деревянных нарах, друзьям по несчастью, но уже в лагерях НКВД, после войны?

Однако Гризодубова умела быть благодарной. Она разыскала Сахарова и вызволила на волю, как, впрочем, и тех пилотов, которые бежали из немецкого плена и попали к партизанам и которых еще во время войны вывезла на Большую землю. Ни одного из них она не отдала влагеря!

Рассказывают, что Берия в одном из докладов Сталину с досадой заметил, что Гризодубова ему дерзит и даже угрожает.

«Как угрожает? – спросил Сталин после длинной паузы. Берия пояснил: «Говорит, что если «энкэвэдешники» посмеют отправить вывезенных летчиков в лагеря, она отвезет их обратно к партизанам!»

Неожиданно Сталин рассмеялся и пришел в хорошее расположение духа: «Молодец! Делайте, как велит эта «бой-баба»!»

Со временем удалось узнать и судьбу исторического самолета «Родина». Еще тогда, в 1938 году, дальневосточные летчики доставили на реку Амгунь бригаду бортмехаников. С началом морозов они от местечка Каменка пешком через тайгу добрались до самолета «Родина», разбили около него лагерь и развернули рацию.

Дружно бригада подняла и поставила на лыжи самолет. Заменили винты. По замерзшему болоту проложили длинный настил. Взлетную полосу опробовал пилот со своим У-2, тот самый, что прилетел сюда с

цветами и шампанским. Сделал круг, покачал крыльями и полетел на заводской аэродром, как шутили «бортачи» – за «баней» и «головомойкой» от своего начальства.

Затем благополучно взлетела и «Родина», взяв курс на Комсомольск, а затем, после дозаправки топливом, на Москву. Впоследствии «Родина» еще долго успешно летала на трассах Аэрофлота. На аэродромах ее многие узнавали, тепло приветствовали как старого знакомого. Авиацию тогда любили и гордились ею.

Затем после выработки основного ресурса она получила «прописку» на Ходынке при заводе. В 1943 году ее разобрали, не догадавшись сохранить для истории, как это делают во многих странах. Авиационных музеев тогда у нас в стране еще не было…

Заключенный под номером110 *68 По материалам В. Наумова, А. Краюшкина.*

22 сентября 1937 года в Париже средь бела дня исчез председатель Российского Общевоинского союза (РОВС) генерал-лейтенант Евгений Миллер. Следы похищения вели в Москву.

Следствие и судебный процесс показали, что главными исполнителями «акции» стали люди, близкие генералу Миллеру: его заместитель по РОВС генерал Николай Скоблин и его супруга, известная певица Надежда Плевицкая. Скоблин скрылся, а Плевицкая была арестована французской полицией и осуждена к 20 годам каторжных работ.

Досье *Остатки белой армии покинули Россию в 1920 году. Сначала они были размещены в Югославии и Болгарии. В сентябре 1924 г. генерал Врангель объявил о преобразовании армии в Русский Общевоинский союз – РОВС. После кончины Врангеля в апреле 1928 года пост председателя РОВС занял генерал Кутепов, а после его похищения агентами НКВД в 1930 году – генерал Миллер. В годы гражданской войны Миллер возглавлял белые силы на Севере России, в 1920—1922 годах представлял генерала Врангеля в Париже.*

Дело Миллера несколько недель не сходило с газетных страниц Франции и всего мира. Особая роль Скоблина ни у кого не вызывала сомнений: это он предложил Миллеру пойти на важную встречу, после чего Миллер бесследно исчез. Однако, отправляясь на свидание, Миллер передал начальнику канцелярии РОВС генералу Павлу Кусонскому запечатанный конверт, попросив вскрыть его, если он через полтора-два часа не вернется. Миллер не появился ни через два часа, ни к вечеру. Конверт вскрыли. Записка Миллера гласила: «У меня сегодня в 12 часов 30 минут свидание с генералом Скоблиным на углу улиц Жасмен и Раффе. Он должен отвести меня на свидание с германским офицером…»

Генерал Миллер с женой, у автомобиля – Н. Скоблин

Расследование показало, что Скоблин и Плевицкая тщательно готовились к «операции», создавали алиби на этот день и т.п. Скоблины последнее время жили не по средствам. Многие обстоятельства дела убеждали, что и Миллер, и Скоблин находятся в Советском Союзе. Однако Москва отвергала все обвинения, стараясь убедить общественность, что в деле просматривается «немецкий след». 30 сентября 1937 года «Правда» напечатала заявление ТАСС: «Все отчетливее выясняются связи Скоблина с гитлеровским гестапо и звериная злоба и ненависть, которую питал Скоблин к Советскому Союзу. Ряд газет приводит заявление директора одного из парижских банков, который сообщил, что… Скоблин располагал крупными средствами и часто менял в банке иностранную валюту. Из заявления банкира вытекает, что источником средств Скоблина являлась гитлеровская Германия».

22 сентября, после полудня Сегодня прежде строго секретные архивы разведки позволяют узнать, что стало с генералом Миллером. Его встреча со Скоблиным состоялась, тот отвез его в условленное место, где генерала встретили не германские офицеры, а агенты НКВД. Они дали ему снотворного, в большом деревянном ящике погрузили на грузовик и через несколько часов доставили на борт теплохода «Мария Ульянова», стоявшего в порту Гавра. Не дожидаясь полной разгрузки (в трюмах находились бараньи шкуры), теплоход немедленно отплыл из Гавра в направлении Ленинграда.

Спустя неделю, 29 сентября 1937 года (на следующий день появится сообщение ТАСС), Миллер был доставлен во внутреннюю тюрьму НКВД и стал строго секретным узником Лубянки под номером 110. Он был лишен

прогулок, его не выводили из камеры, возле которой круглосуточно дежурил часовой.

Следователи, начиная с ним сложную игру, пообещали ему известить близких о том, что Миллер жив, предлагают ему написать письма, которые они якобы отправят во Францию. Письма остались в деле. Миллер не подозревал, что это просто – провокация, цель которой – выявить настроения генерала.

«Дорогая Тата! Крепко тебя целую, не могу тебе писать, где я, но после довольно продолжительного путешествия, закончившегося сегодня утром, хочу написать тебе, что я жив и здоров, и физически чувствую себя хорошо… Проездом видел знакомые места… Здесь, где я нахожусь, хотя погода отличная, но все же свежевато. Мне дали отличное новое пальто, новую фуфайку, кальсоны и шерстяные носки».

Следствие шло вяло Протоколы допросов позволяют сделать вывод, что следователей в первую очередь интересовала организация повстанческого движения в СССР. Миллер отвечает: «Я предвижу опять упреки, что я ничего сенсационного не сказал о деятельности РОВС. Да потому, что ничего такого и не было. Я враг всяких бессмысленных авантюр. И за время моего пребывания в эмиграции не видел еще ни одной, из которой бы вышло толка… Под свое председательство РОВС я поставил задачей по мере своих сил выполнить завет генерала Врангеля. Его предсмертные слова были: «Берегите армию! Боже, спаси Россию!» Кому суждено спасти Россию и вывести ее опять на исторический путь великой державы при условии благоденствия, при ее многочисленных народах, и в первую голову Русского народа – Вам ли, нам ли, или нам всем вместе общими усилиями – это один Господь Бог знает, но беречь армию – был мой первый долг…»

НКВД интересовало, в какой мере РОВС использовал членов Союза возвращенцев для повстанческого движения в России и для получения информации о положении в СССР. На вопросы подобного рода Миллер с удивлением заметил: «Все знают, как следят за возвращенцами в России, поэтому такие вопросы и не возникали».

Генерал Миллер был искренен и правдив в своих показаниях. Похищение и тюремный застенок не сломили его, он не стал ни предателем, ни трусом. Что касается следствия, то оно велось вяло. Это объясняется тем, что советская разведка была прекрасно осведомлена о деятельности РОВС. Тем же Скоблиным и другими секретными агентами, работающими в РОВС. 10 октября следователь (Н.П. Власов) зашел в камеру Миллера в последний раз, больше он там не появлялся.

Встреча с Ежовым 28 декабря 1937 года в камеру Миллера зашел Ежов. Последовала краткая беседа. Миллер не понял, с кем он говорит, лишь позже ему сказали, кто был его собеседником. На следующий день Миллер написал большое письмо Ежову. Оно осталось без ответа. Спустя три месяца Миллер отправил второе письмо, через две недели – третье. Без ответа. 27 июля 1938 года Миллер отправляет Ежову четвертое письмо. Полная изоляция, никого, кроме часового у двери и надзирателя, ни встреч, ни бесед, ни прогулок.

«На этих днях минуло десять месяцев с того злополучного дня, когда предательски завлеченный на чужую квартиру, я был схвачен

злоумышленниками в предместье Парижа, где я проживал как политический эмигрант по французскому документу под покровительством французских законов и Попечения Нансеновского Офиса при Лиге наций, членом коей состоит СССР; я же ни одного дня не был гражданином СССР и никогда моя нога не ступала на территорию СССР… Будучи тотчас связан – рот, глаза, руки и ноги – я в бессознательном состоянии был отвезен на советский пароход, где очнулся лишь 44 часа спустя на полпути между Францией и Ленинградом.

Таким образом, для моей семьи я исчез внезапно и бесследно 22 сентября прошлого года. Моя семья состоит из жены 67 лет и трех детей – 38—41 года. Хотя первые дни по прибытии в Москву я еще очень плохо соображал под влиянием исключительно сильной доли хлороформа, мне все же ясно представлялось, какой удар, какое потрясение, какое беспокойство должно было вызвать мое исчезновение у моей жены и детей. Что я был похищен агентами Советской власти, в этом, конечно, никаких сомнений у моей жены быть не могло: пример Кутепова был слишком памятен. Да и все эти семь с половиной лет со дня вступления моего в должность Председателя РОВСоюза сколько раз возникали эти опасения и разговоры. Причем положение пленника Сов.власти всегда рисовалось в самых ужасных красках, что ныне, естественно, должно было вызвать у жены моей худшие опасения за мою судьбу…

Но все же я не могу не обращаться к Вашему чувству человечности: за что Вы заставляете так жестоко страдать совершенно невинных людей – моя жена и дети никогда никакого участия в политике не принимали… Моя жена по матери своей родная внучка жены А.С. Пушкина, урожденной Гончаровой – бывшей вторым браком за Ланским, и унаследовала, как и ее мать и сестра, большую нервность, свойственную семье Гончаровых…

Никогда, ни в какие эпохи самой жестокой реакции и гнета самодержавия ни Радищев, ни Герцен, ни Ленин, с историей которых я ознакомился по их сочинениям, изданным Институтом Ленина и Академией, не бывали лишены сношений со своими родными. Неужели же Советская власть, обещавшая установить режим свободы и неприкосновенности личности, с воспрещением кого бы то ни было сажать в тюрьму или высылать без суда, захочет сделать из меня средневекового шелтонского узника или второе издание «Железной маски» времен Людовика XIV, ради сохранения моего инкогнито?..»

«Товарищ Сталин не бросит человека!» Какие цели ставила советская разведка, организуя похищение генерала Миллера? К концу 30-х годов РОВС уже не представлял серьезной опасности для Советского Союза. Через четыре года Германия напала на СССР, и во всей Европе гитлеровцы смогли собрать для Русского добровольческого корпуса лишь около 17 тысяч человек. Можно предположить, что главной задачей было освободить место председателя для Скоблина, вручить РОВС в «надежные» руки своего резидента. Однако в ходе операции произошла накладка, личность генерала Скоблина раскрылась, и он вынужден был бежать в Советский Союз. Здесь Скоблин томился на конспиративной квартире или загородной базе НКВД, и был также изолирован от внешнего мира, как и преданный им генерал Миллер. Интерес к нему как к агенту резко упал. 11 ноября 1937 года Скоблин пишет письмо своему «шефу»:

«Пользуясь случаем посылаю Вам письмо и прошу принять, хотя и запоздалые поздравления с юбилейным праздником 20-летия нашего Советского Союза. Сердце мое сейчас наполнено особенной гордостью, ибо в настоящий момент я весь в целом принадлежу Советскому Союзу, и нет у меня той раздвоенности, которая была до 22 сентября искусственно создана.

Сейчас я имею полную свободу говорить всем о моем Великом Вожде Товарище Сталине и о моей Родине – Советском Союзе. Недавно мне здесь пришлось пересматривать старые журналы и познакомиться с номером 15 журнала «Большевик» этого года. С большим интересом прочитал его весь, а статья – «Большевики на Северном полюсе» произвела на меня большое впечатление. В конце этой статьи приводятся слова Героя Советского Союза Водопьянова, когда ему перед отлетом на Полюс задали вопрос: «Как ты полетишь на Полюс и как ты там будешь садиться? А вдруг сломаешь, пешком-то далеко идти?» «Если поломаю, – сказал Водопьянов, – пешком не пойду, потому что у меня за спиной сила, мощь: товарищ Сталин не бросит человека». Эта спокойно сказанная фраза, но с непреклонной верой подействовала и на меня. Сейчас я тверд, силен и спокоен и тоже верю, что товарищ Сталин не бросит человека…

Как Вы полагаете, не следует ли Георгию Николаевичу повидаться со мной и проработать некоторые меры, касающиеся непосредственно «Васеньки»? Я бы мог дать ряд советов чисто психологического характера, которые имели бы огромное моральное значение, учитывая почти двухмесячное пребывание в заключении и необходимости ободрить, а главное, успокоить».

На этом письме две пометы. Одна на первой странице: «В архив. Письмо Скоблина». И на последней странице: «К Делу Деда». Васенька, Дед – псевдонимы Миллера.

Начальников Скоблина не надо было учить пыткам заключенных. Для Миллера избрали нравственные истязания.

«Привести в исполнение» Возможно, утрата интереса к Миллеру связана со сменой руководства НКВД. В июле 1938 года первым заместителем наркома НКВД и начальником Главного управления госбезопасности был назначен Берия, в декабре он стал наркомом. У нового начальства не доходили руки до Миллера, а тех сотрудников, которые задумывали и осуществляли «операцию», подвергли чистке, некоторые из них оказались по соседству с похищенным ими генералом, некоторые казнены. В том же 1938 году при невыясненных обстоятельствах погиб и генерал Скоблин.

Только весной 1939 года, после того как Миллер просидел в строгой изоляции год и восемь месяцев, Берия покончил с этим делом. 11 мая 1939 г. Военная коллегия Верховного суда СССР заочно вынесла генералу Миллеру смертный приговор. В приговоре, подписанном В. Ульрихом, Миллер фигурирует под именем Иванова Петра Васильевича.

«Коменданту НКВД СССР тов. Блохину. Предлагается немедленно привести в исполнение приговор Военной коллегии Верховного суда над Ивановым Петром Васильевичем, осужденным к расстрелу по закону от 1 декабря 1934 г. Пред. В.К. Ульрих».

На бланке народного комиссара внутренних дел Союза ССР все записи сделаны от руки. В правом верхнем углу: «Только лично». Чуть ниже: «Начальнику внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД СССР тов. Миронову. Предписание. Предлагается выдать арестованного Иванова Петра Васильевича, содержащегося под № 110, коменданту НКВД СССР тов. Блохину. Народный Комиссар внутренних дел СССР Л. Берия (личная подпись)».

И, наконец, последняя бумага.

«Приговор в отношении поименованного сего Иванова, осужденного Военной Коллегией Верх.Суда Союза ССР, приведен в исполнение в 23 часа 5 минут и 23 часа 30 минут сожжен в крематории в присутствии: Комендант НКВД Блохин, Начальник внутренней тюрьмы ГУГБ Миронов».

Так закончился жизненный путь генерала Миллера.

Кто же предал «Молодую гвардию»?

На протяжении десятилетий герои «Молодой гвардии» вызывали и продолжают вызывать восхищение новых поколений. Однако в середине 1950-х годов неожиданно выяснились новые подробности о деятельности молодогвардейцев. Газетные публикации, подписанные Кимом Костенко, вызвали в обществе настоящий шок.

Дело в том, что в конце хрущевской оттепели специальному корреспонденту «Комсомольской правды» Киму Костенко удалось познакомиться с секретными материалами, касающимися «Молодой гвардии». Журналист выяснил совершенно невероятные, на первый взгляд, факты. Оказалось, что названные в романе А. Фадеева «Молодая гвардия» предателями члены организации Стахович, Вырикова, Лядская, Полянская на самом деле были честными патриотами. Более того, именно Виктор Третьякович (в книге – Стахович), а не Олег Кошевой, был комиссаром «Молодой гвардии»! Третьяковича схватили в один день с Мошковым и Земнуховым. Он никого не выдал и погиб как герой. Предал же подпольную организацию совсем другой человек – Геннадий Почепцов. Узнав о первых арестах, он испугался и настрочил в полицию донос, в котором и перечислил всех молодогвардейцев.

Члены «Молодой гвардии» – Ульяна Громова, Виктор Третьякевич, Олег Кошевой

Вряд ли Александр Фадеев не мог не знать этих фактов. Однако он выполнял социальный заказ партии, и консультировал Фадеева майор из КГБ. Следует учесть и то, что когда писатель прибыл в Краснодон, к нему попала бумага, в которой кратко обрисовывалась роль каждого подпольщика, и отдельно были названы имена предателей: Третьякевича, Выриковой, Лядской и Полянской. До сих пор исследователи не смогли установить авторство подложного документа.

Безусловно, Фадеев не хотел губить этих людей. Однако заказчик книги – ЦК комсомола – требовал создать книгу в крайне сжатые сроки. В этой спешке не было никакой возможности проверить все существующие документы. Значительную роль в искажении правды сыграла и мать Олега Кошевого, у которой жил Фадеев. Именно ее личные воспоминания легли в основу романа. Многие семьи героев-краснодонцев горько сетовали на то, что писатель ни разу не зашел к ним и не поговорил с ними.

Вплоть до 1990 года на семье Третьяковичей стояло клеймо «родных предателя». Многие годы они собирали свидетельства очевидцев и документы о невиновности Виктора. И только семь лет назад он наконец был реабилитирован.

В 1990 году реальному командиру «Молодой гвардии» Ивану Туркеничу было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Раньше это было немыслимо, ибо Туркенич попал в Краснодон, бежав из немецкого плена.

Ольге Лядской было всего 17 лет, когда ее в первый раз схватили немцы. Юная красавица приглянулась заместителю начальника полиции Захарову, у которого оказался отдельный кабинет для интимных встреч. Спустя несколько дней ее матери удалось выкупить дочь за бутылку самогона. После освобождения Краснодона Ольга поведала следователю СМЕРШа свою эпопею. Тот решил ей «помочь» и протянул девочке листок, который она, не глядя, и подписала. Это было признание в пособничестве оккупантам. За него Ольга Александровна получила десять лет заключения. А после выхода в свет романа «Молодая гвардия» она стала важной государственной преступницей и очутилась на Лубянке. Власти хотели устроить показательный процесс над ней, но он не состоялся – у Лядской обнаружили тяжелую форму туберкулеза. Освободили «предательницу молодогвардейцев» только в 1956 году. В родном городе ее никто никогда не упрекнул. Ольге удалось закончить институт, родить ребенка. Однако в 60-х годах вновь появились публикации о «Молодой гвардии», в которых она опять фигурировала как предательница. Куда только Лядская не писала, требуя справедливости! Наконец письмо попало на стол к порядочному человеку – работнику прокуратуры, и он, тщательно изучив ее дело, снял тяжелые обвинения.

Пострадали и Зинаида Вырикова, и Сима Полянская. О судьбе второй практически ничего не известно. Вырикова видела Симу в числе сосланных в Бугульме. Самой же Зинаиде Алексеевне пришлось пройти и ссылку, и лагеря. Ее арестовали еще до выхода романа в свет. Освободили уже в 1944 году, но вскоре исключили из комсомола. Зинаида Алексеевна

вышла замуж, сменила фамилию, переехала жить в другой город. Но ее все равно узнавали: «А, та самая, которая «Молодую гвардию» предала!» Много лет ни в чем не повинная женщина прожила в страхе перед возможным арестом. Конечно, она тоже писала, пыталась достучаться до высших инстанций, но безрезультатно. Кстати сказать, оставшиеся в живых молодогвардейцы прекрасно знали о невиновности Третьяковича, Лядской, Выриковой, но почему-то молчали…

Зорге мог остаться в живых

Был ли он «крупнейшим шпионом Второй мировой войны» или же «внимательным человеком, умевшим по отрывочным сведениям составлять цельную картину происходящего»? Этот вопрос по инициативе адвокатской палаты Иокогамы вновь стал весьма актуальным.

В течение последнего десятилетия десять адвокатов из японского города Иокогама в свободное от основной работы время посвятили себя тщательному изучению всех обстоятельств расследования дела Рихарда Зорге, последующего суда над ним и смертной казни.

Рихард Зорге. 1940-е гг.

Импульсом служителям Фемиды для, казалось бы, столь неактуального занятия послужила развернувшаяся в середине 80-х годов в японском парламенте дискуссия о проекте закона об антишпионаже. Сторонники его (закон в конце концов так и не был принят) приводили при каждом удобном случае пример д-ра Рихарда Зорге и неизменно заклинали: «Такое преступление иностранного шпиона против Японии

никогда больше не должно повториться».

Пытливые адвокаты из Иокогамы не удовлетворились столь общими фразами и решили выяснить, а было ли преступление, которое «никогда больше не должно повториться». Конечно же, десять юристов во главе с г-ном Тосиаки Манабе, ставшим председателем «Комитета Зорге» в Иокогаме, отдавали себе отчет в том, что результат их исследования будет иметь для юриспруденции чисто теоретическое значение и не повлечет за собой никаких практических последствий. Хотя кто знает…

В результате кропотливой работы совсем недавно на свет появился обширный юридический труд, который тут же получил гриф «Для служебного пользования» и был разослан в адвокатские палаты по всей Японии. Причина «закрытия» многостраничного документа, думается, в том, что его авторы пришли к весьма неожиданным для властей выводам. Главный из них – смертный приговор, вынесенный Рихарду Зорге в 1941 году и приведенный в исполнение 7 ноября 1944 года, был грубой юридической ошибкой. Так г-н Манабе формулирует вывод в устных беседах. В документе же с присущей японцам осторожностью речь идет о «серьезных сомнениях» в правомерности приговора.

Конечно же, никто из юристов не пытался ставить под сомнение тот факт, что Рихард Зорге был советским разведчиком, работавшим в Шанхае, а затем в Японии «под крышей» корреспондента немецкой газеты «Франкфуртер цайтунг». Его задачей был анализ политики Японии по отношению к Советскому Союзу и оценка германо-японских отношений. В короткое время Зорге завоевал доверие и уважение влиятельного круга лиц, в первую очередь тогдашнего германского посла Отта. В результате многочисленных контактов Рихарду Зорге удалось передать в Москву информацию о том, что через месяц Германия намерена напасть на Советский Союз. Что и случилось. А 15 октября 1941 года Зорге телеграфировал, что Квантунская армия не планирует нападение на СССР. Благодаря этой информации был дан зеленый свет для переброски дивизий Красной Армии с Дальнего Востока на советско-германский фронт.

В октябре 1941 года Рихард Зорге был арестован по подозрению в шпионаже и предстал перед закрытым для общественности судом. Ему инкриминировалась передача иностранному государству информации военного характера, поставившая под угрозу национальную безопасность Японии. Основой для приговора являлась статья 4 закона о защите государственных тайн. Конкретно же Зорге обвинялся в том, что стал обладателем совершенно секретных материалов Императорской конференции, на которой было принято решение вторгнуться не в Советский Союз, а в страны Юго-Восточной Азии.

Именно эти обвинения, предъявленные Рихарду Зорге, адвокаты из Иокогамы считают необоснованными. Ознакомившись с горами актов, записей бесед и протоколов, они пришли к однозначному выводу: Зорге лишь анализировал и обобщал информацию, полученную от других лиц.

Адвокаты из Иокогамы приводят конкретный пример, когда Зорге приходилось получать информацию из двух разных источников. Посол Отт сообщил ему, что Япония намерена напасть на СССР. При этом он ссылался на министра иностранных дел Матсуоку, который участвовал в Императорской конференции.

Другой источник состоял из цепочки в три человека, в том числе армейского офицера по фамилии Фидзи. Последний на вопрос о том, как прошла Императорская конференция, ответил весьма лаконично: «Отлично». Когда этот ответ дошел через посредников до Зорге, то он, взвесив все «за» и «против», сделал вывод – Япония не решится напасть на Советский Союз. И лишь затем поставил в известность Центр.

Для г-на Манабе и его соратников совершенно очевидно: ни «шпионажа», ни «разглашения государственных тайн» не было и в помине. Преступления, за которое осужден и казнен Рихард Зорге, не существовало. Советский разведчик понес наказание за то, что его выводы были единственно верными.

Для юристов из Иокогамы остается также неясным вопрос о том, почему адвокаты Рихарда Зорге на один день просрочили обжалование приговора. Велики сомнения в том, что судьи вообще не оповестили адвокатов о последнем сроке подачи заявки. Если бы это случилось, уверен юрист Хосаку Кусанабе из «Комитета Зорге», то германский журналист, он же советский разведчик, остался бы в живых.

Смерть великого лицедея *69 По материалам И. Кузнецова.*

13 января 1948 года в Минске был убит Соломон Михоэлс – руководитель Государственного еврейского театра, народный артист СССР. Обстоятельства его смерти теперь известны, хотя официального расследования до сих пор не было и имена убийц не названы.

В маленьких городках и местечках на западе и юге России жили кровельщики и портные, сапожники и стеклодувы, другие ремесленники. В большинстве своем это были евреи, и жить им разрешалось только за так называемой чертой оседлости. Мрачная тень средневекового гетто оставляла неизгладимый след в их жизненной философии и образе существования в Российской империи.

Шлема Вовси родился 16 марта 1890 году в Двинске в семье мелкого и скоро разорившегося лесопромышленника. Интерес к театру у будущего артиста Соломона Михоэлса возник еще в детские годы. В 1905 году. он поступил в реальное училище в Риге и, будучи учеником 3-го класса, впервые увидел профессиональный театр – и русский, и еврейский. Ему мешало не отсутствие способностей и знаний: путь наверх пресекала пресловутая «процентная норма» для евреев, установленная царскими хранителями культуры. Только в 1915 году Михоэлса приняли на юридический факультет Петроградского университета.

Соломон Михоэлс. 1940-е гг.

Но он не стал юристом. Неизвестно, как сложилась бы его судьба, если бы в 1919 году в холодном Петрограде он не узнал, что молодой режиссер А. Грановский задумал создать первую еврейскую театральную студию. Вскоре Шлема Вовси стал ее учеником. В 1921 году петроградцы объединились с москвичами, и в Москве открылся камерный еврейский театр. Стены здания расписал будущая мировая знаменитость Марк Шагал.

В 1927 году Михоэлса ждал триумфальный успех в спектакле «Путешествие Вениамина III», спустя два года он стал художественным руководителем Государственного еврейского театра.

1934 году был особенным в творчестве Михоэлса-режиссера и актера. Он начал работать над «Королем Лиром». Этому предшествовали смерть первой жены, другие тяжелые жизненные обстоятельства.

1941 год застал Михоэлса в Москве. Он был убежденным антифашистом и ненавидел гитлеровцев всеми силами своей души. Именно поэтому Михоэлс возглавил Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), созданный в феврале 1942 года ЕАК содействовал упрочению союза между СССР и США против гитлеровской Германии. В 1943 году Сталин послал С. Михоэлса и поэта И. Фефера в США, Канаду, Великобританию и Мексику. 48 тысяч человек в США пришли на стадион Пола Граунд слушать

Михоэлса. Шквал рукоплесканий завершал каждое его выступление. Роль С. Михоэлса в росте симпатий к сражавшейся против Гитлера Советской Армии неоценима.

В Америке он встречался с Альбертом Эйнштейном, Теодором Драйзером, Эптоном Синклером, Полем Робсоном, Чарли Чаплиным. И если в США нашлись деньги и корабельные команды, чтобы отправлять караваны судов с техникой и продовольствием в Мурманск и Архангельск по ленд-лизу, то в этом была немалая заслуга как С. Михоэлса, так и всего ЕАК.

Михоэлс, однако, сознавал, что после победы он уже не будет нужен Сталину, так как «вождь всех народов» кардинально менял советскую национальную политику. Тучи сгущались над головой артиста. Уже готовились увольнения журналистов и редакторов, театральных деятелей, врачей, инженеров – евреев по национальности. Было ясно, что Михоэлс, советский режиссер и антифашист, носящий на груди орден Ленина, никогда бы с такой политикой не смирился.

12 октября 1946 года Министерство госбезопасности СССР направило в ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР записку «О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета». Вскоре отдел внешней политики ЦК ВКП(б) организовал проверку деятельности ЕАК. В заключении об итогах проверки говорилось о том, что члены ЕАК, забывая о классовом подходе, осуществляют международные контакты с буржуазными деятелями и организациями на националистической основе, а рассказывая в буржуазных изданиях о жизни советских евреев, преувеличивают их вклад в достижения СССР, что следует расценивать как проявление национализма.

Подчеркивалось, что комитет, развертывая свою деятельность внутри страны, присваивает себе функции главного уполномоченного по делам еврейского населения и посредника между этим населением и партийно-советскими органами.

В заключение делался вывод о том, что деятельность комитета вышла за пределы его компетенции, является политически вредной и нетерпимой, поэтому вносится предложение о ликвидации ЕАК. Записка аналогичного содержания была направлена М.А. Сусловым 26 ноября 1946 года И.В. Сталину.

26 марта 1948 года МГБ СССР послало в ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР еще одну записку «О Еврейском антифашистском комитете», в которой указывалось, что руководители ЕАК являются активными националистами и ведут антисоветскую работу, особенно активизировавшуюся после поездки С.М. Михоэлса и И.С. Фефера в 1943 году в США, где они вошли в контакт с лицами, якобы связанными с американской разведкой.

20 ноября 1948 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, в котором говорилось: «Утвердить следующее решение Бюро Совета министров СССР:

Бюро Совета министров ССР поручает Министерству государственной безопасности СССР немедля распустить «Еврейский антифашистский комитет», так как, как показывают факты, этот комитет

является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки.

В соответствии с этим органы печати этого комитета закрыть, дела комитета забрать. Пока никого не арестовывать».

Установлено, что прямую ответственность за незаконные репрессии лиц, привлеченных по «делу Еврейского антифашистского комитета», несет Г.М. Маленков, который имел непосредственное отношение к следствию и судебному разбирательству. 13 января 1949 года он вызвал к себе С.А. Лозовского и в процессе длительной беседы, на которой присутствовал председатель КПК при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятов, требовал от Лозовского признания в преступной деятельности. В этих целях Г.М. Маленковым было использовано направленное И.В. Сталину пять лет назад (15 февраля 1944 г.) письмо за подписью И.С. Фефера (члена ЕАК), отредактированное С.А. Лозовским, с предложением о создании на территории Крыма Еврейской социалистической республики…

Тайну гибели Михоэлса раскрыл Берия, назначенный после смерти Сталина министром внутренних дел СССР. Берия решил стать новым мессией в области культуры и объявить себя организатором еврейского театра. Именно организатором!.. На это он решился, вступив в должность… министра внутренних дел СССР.

Когда на допросе 10 июля 1953 года его спросили, какое отношение он имел к восстановлению (!) еврейского театра и изданию еврейской газеты, он ответил, что в организации театра и издании газеты «мы по линии МВД были заинтересованы… мое отношение к этим вопросам было с позиции освещения настроений интеллигенции». Тут же, как бы в оправдание, уточнил, что готовил по данной проблеме соответствующую информацию в ЦК партии.

Обстоятельства убийства уместились в небольшую записку (от 2 апреля 1953 г.) в Президиум ЦК КПСС. Берия счел выигрышным для себя прекратить наиболее одиозные дела МГБ в последние годы жизни Сталина. К тому же по делу о ЕАК была арестована и осуждена к ссылке жена Молотова Полина Жемчужина, так что у Берии появился еще один шанс удружить Молотову реабилитацией его жены.

В ходе проверки «дела врачей», писал Берия, выяснились подробности убийства Михоэлса. Сталин, оказывается, считал Михоэлса руководителем «антисоветской еврейской националистической организации», но МГБ не располагало конкретными данными о его «антисоветской» или «шпионской» деятельности, хотя много лет Михоэлс находился под агентурным наблюдением.

Берия сообщал, что по делу об этом убийстве был допрошен бывший министр госбезопасности Абакумов, арестованный еще в 1951 году, затребованы объяснения от Огольцова, Цанавы и других участников операции. Со слов Абакумова, Сталин еще в 1948 году дал ему задание срочно организовать ликвидацию Михоэлса силами МГБ. Когда стало известно, что Михоэлс находится в Минске, Сталин решил расправиться с ним, инсценировав несчастный случай. Абакумов рассказал, что операция была поручена зам. министру ГБ С. Огольцову, министру ГБ Белоруссии Л. Цанаве и начальнику отдела 2-го Главного управления МГБ Ф. Шубнякову.

Как объяснял Огольцов, рассматривалось несколько вариантов ликвидации Михоэлса. От автомобильной катастрофы отказались, так как в ней могли пострадать задействованные сотрудники МГБ. Решили инсценировать автомобильный наезд на глухой улице, хотя и в таком случае в целях глубокой конспирации приходилось жертвовать агентом ГБ Голубовым, сопровождавшим Михоэлса в Минске.

Подробности осуществления акции содержатся в объяснениях, которые дал Цанава: «Примерно в 10 часов вечера Михоэлса с Голубовым завезли во двор дачи (речь идет о даче Цанавы на окраине Минска). Они немедленно с машины были сняты и раздавлены грузовой автомашиной. Примерно в 12 часов ночи, когда по Минску движение публики сокращается, трупы Михоэлса и Голубова были погружены на грузовую машину, отвезены и брошены на одну из улиц города (речь идет об улице Белорусской напротив стадиона «Динамо»). Утром они были обнаружены рабочими, которые об этом сообщили в милицию».

Сталин распорядился наградить убийц, и те действительно получили боевые ордена. 30 апреля 1948 года Абакумов направил Сталину список чекистов с просьбой о награждении: орденами Красного Знамени – генерал-лейтенанта Огольцова С.И. и генерал-лейтенанта Цанаву Л.Ф.; орденами Отечественной войны 1-й степени – старшего лейтенанта Круглова Б.А. и полковника Шубнякова Ф.Г.; орденами Красной Звезды – майора Косырева А.Х. и майора Повзуна Н.Ф.

Сталин принял решение не сразу, но в конце концов подписал бумагу, и имена «героев» попали в два указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении – от 28 и 29 октября 1948 года.

Президиум ЦК КПСС рассмотрел записку Берии и постановил: Цанаву и Огольцова арестовать, а ордена у награжденных отобрать, что и было сделано. Однако после ареста Берии в июне 1953 года Президиум ЦК КПСС принял решение об освобождении Огольцова. Цанава же остался в тюрьме, но уже как участник «банды Берии». 5 августа он отправил слезное письмо Ворошилову с просьбой об освобождении. В письме Цанава отрицает свою причастность к убийству Михоэлса: «К убийству этих людей я отношения не имею. Всю операцию проводили Абакумов и Огольцов. Абакумов руководил из Москвы, Огольцов на месте, в Минске, с большой группой полковников и подполковников, приехавших из Москвы, МГБ СССР провели всю операцию. Я же не виноват, что ввиду стечения обстоятельств операция была проведена в Минске, где я тогда был, к несчастью, министром госбезопасности». Реакции на письмо Цанавы не последовало, и он умер в тюрьме в 1955 году.

Цанава не мог не знать, что 5 января 1948 года на заседании Комитета по Сталинским премиям было объявлено, что Михоэлс должен ехать в Минск. Как члену комитета ему было поручено ознакомиться с представленными на соискание этой премии спектаклями минских театров – «Константин Заслонов» в театре имени Янки Купалы и «Алеся» в Большом государственном театре оперы и балета БССР.

Любопытные детали об убийстве Михоэлса сообщил в своей книге ныне покойный Павел Судоплатов. Он утверждал, что непосредственным исполнителем акции был полковник Лебедев. Он писал также, что Михоэлсу и Голубову сначала сделали инъекцию яда, а затем уже их

переехала машина. Аналогичным способом были совершены и другие убийства под руководством того же Судоплатова, например, инженера Самета в июне 1946 года в Ульяновске. Его вывезли за город, сделали укол яда, переехали грузовиком и оставили лежать на шоссе. В том деле участвовали полковник Лебедев и старший лейтенант Круглов – те же, кто убивал позже Михоэлса.

Убийство Михоэлса стало сигналом для разгрома Еврейского антифашистского комитета. Его активисты не поверили официальной версии о несчастном случае. На похоронах Михоэлса Полина Жемчужина, обращаясь к новому руководителю Еврейского театра Зускину, спросила: «Вы думаете, что здесь было – несчастный случай или преступление?» Услыхав же от него изложение официальной версии, заметила: «Нет, это не так, тут все далеко не так гладко, как кажется».

После этого разговора распространились слухи о насильственной смерти Михоэлса. О разговоре доложили Сталину, и в январе 1949 года Жемчужина была арестована. Антисемитская кампания набирала обороты. Основную ставку в процессе против ЕАК Сталин сделал на 2-е Главное управление МГБ, которое тогда возглавлял генерал-майор Е. Питовранов. Следствие по делу Михоэлса не обошло Питовранова стороной. Сталин решил, что МГБ слабо борется с «еврейскими националистами», и в октябре 1951 года были арестованы некоторые руководители госбезопасности, в том числе и Питовранов. 23 апреля 1952 года он обратился из заключения с письмом к вождю.

В письме был ряд предложений о том, как перестроить работу МГБ, в частности, и по данному интересующему Сталина вопросу: «Все, что делалось по борьбе против еврейских националистов, которые представляют сейчас не меньшую, если не большую опасность, чем немецкая колония в СССР перед войной с Германией, сводилось к спорадическим усилиям против одиночек и локальных групп.

Для того чтобы эту борьбу сделать успешной, следовало бы МГБ СССР смело применить тот метод, о котором вы упомянули, принимая нас, работников МГБ, летом 1951 года, а именно: создать в Москве, Ленинграде, Украине (особенно в Одессе, Львове, Черновцах), в Белоруссии, Узбекистане, Молдавии, Литве и Латвии националистические группы из чекистской агентуры, легендируя в ряде случаев связь этих групп с зарубежными сионистскими кругами. Если не допускать шаблона и не спешить с арестами, то через эти группы можно основательно выявить еврейских националистов и в нужный момент нанести по ним удар».

Питовранов попал в «десятку», показав, что только Сталин и может научить чекистов уму-разуму, к тому же он продемонстрировал свою верность партии и служебное рвение. В конце 1952 года по распоряжению Сталина он был освобожден из тюрьмы, назначен на руководящий пост в МГБ и принят «самим». В отличие от многих коллег Питовранов не пострадал и в хрущевскую «оттепель».

В то время было решено поставить крест на деле об убийстве Михоэлса и никого из рядовых исполнителей не наказывать. Питовранов, в частности, дослужился в КГБ до генерал-лейтенанта.

В свое время Гитлер заочно приговорил С. Михоэлса к смертной казни. Но получилось, что привел приговор в исполнение Сталин. Акция по

убийству главы ЕАК, народного артиста СССР Соломона Михоэлса, готовившаяся долго и тайно, многим непосвященным показалась ошеломляюще неожиданной. Она-то и послужила сигналом к тому, чтобы представить всех евреев, проживающих на территории Советского Союза, новой «пятой колонной», «агентурой мирового империализма».

Очень хотелось бы понять, почему до сих пор документы по делу об убийстве Михоэлса сохраняют гриф гостайны. Может быть, еще живы люди, которым можно предъявить счет? Однако их причастность к этому убийству или участие в нем без спрятанных в архивах документов не доказать.

Убийство Степана Бандеры *70 По материалам В. Марченко.*

До сих пор вокруг имени лидера Организации украинских националистов (ОУН) Степана Бандеры идут ожесточенные споры – одни считают его пособником гитлеровцев и соучастником нацистских преступлений, другие называют патриотом и борцом за независимость Украины.

Степан Андреевич Бандера («бандера» – в переводе на современный язык означает «знамя») родился 1 января 1909 года в селе Угрынив Старый Калушского уезда Галичины (сейчас – Ивано-Франковская область), входивших в то время в Австро-Венгерскую империю, в семье священника греко-католического обряда. В семье он был вторым ребенком. Кроме него в семье росли три брата и три сестры.

Отец имел университетское образование – окончил богословский факультет Львовского университета. У него была большая библиотека, частыми гостями в доме были деловые люди, общественные деятели, интеллигенция. Среди них, например, депутат австро-венгерского парламента Я. Веселовский, скульптор М. Гаврилко, предприниматель П. Глодзинский.

Степан Бандера

С. Бандера в автобиографии писал, что рос в доме, в котором царила атмосфера украинского патриотизма, живых национально-культурных, политических и общественных интересов. Отец Степана принимал активное участие в возрождении Украинской Державы в 1918—1920 годах, он был избран депутатом парламента Западно-Украинской Народной Республики. Осенью 1919 года Степан сдал вступительные экзамены в украинскую гимназию классического типа в городе Стрий.

В 1920 году Западная Украина была оккупирована Польшей. Весной 1921 года мать Бандеры умерла от туберкулеза. Сам Степан с детства страдал ревматизмом суставов и длительное время лежал в больнице. Начиная с четвертого класса Бандера давал уроки, зарабатывая средства на собственные расходы. Обучение в гимназии проходило под надзором польских властей. Но некоторые учителя все же смогли вложить в обязательную программу украинское национальное содержание.

Однако главное национально-патриотическое воспитание гимназисты получали в школьных молодежных организациях. Наряду с легальными организациями существовали нелегальные кружки, занимавшиеся сбором средств для поддержки украинских периодических изданий, бойкотом мероприятий польских властей. Начиная с четвертого класса Бандера входил в гимназическую нелегальную организацию.

В 1927 году Бандера успешно сдал экзамены на аттестат зрелости и на следующий год поступил во Львовскую политехническую школу на агрономический отдел. К 1934 году он прошел полный курс по специальности инженера-агронома. Однако защитить диплом не успел, так как был арестован.

На территории Галичины в разное время действовали различные легальные, полулегальные и нелегальные организации, ставившие своей целью защиту украинских национальных интересов. В 1920 году в Праге группа офицеров основала «Украинскую военную организацию» (УВО), поставившую цель борьбы с польской оккупацией. Вскоре во главе УВО стал бывший командующий «сичевых стрельцов», опытный организатор и авторитетный политик Евген Коновалец. Наиболее известная акция УВО – неудавшееся покушение на главу польского государства Юзефа Пилсудского в 1921 году.

Под патронажем УВО находились патриотические молодежные организации. Степан Бандера стал членом УВО в 1928 году. В 1929 году в Вене украинские молодежные организации при участии УВО провели объединительный конгресс, на котором и была учреждена Организация украинских националистов (ОУН), куда вошел и Бандера. Позже в 1932 году произошло слияние ОУН и УВО.

Хотя Польша оккупировала Галичину, легитимность ее власти над западноукраинскими землями с точки зрения стран Антанты оставалась

проблематичной. Этот вопрос являлся предметом претензий к Польше со стороны западных держав, особенно Англии и Франции.

Украинское большинство Восточной Галичины отказывалось признать законность польских властей над собой. Подверглись бойкоту перепись населения 1921 года, выборы в польский сейм в 1922 году. К 1930 году обстановка еще более обострилась. В ответ на акции неповиновения украинского населения польское правительство приступило к широкомасштабным операциям по «пацификации» населения, в нынешней терминологии – «зачистке» территории Восточной Галичины. В 1934 году в Березе Картузской был образован концентрационный лагерь, в котором находилось около двух тысяч политических заключенных, преимущественно украинцев. Год спустя Польша отказалась от своих обязательств перед Лигой Наций по соблюдению прав национальных меньшинств. Периодически предпринимались обоюдные попытки найти компромисс, но они не приводили к ощутимым результатам.

В 1934 году члены ОУН совершили покушение на жизнь министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого, в результате которого тот погиб. В теракте принимал участие С. Бандера. За участие в подготовке покушения на Перацкого он был арестован и в начале 1936 года вместе с одиннадцатью другими обвиняемыми осужден Варшавским окружным судом. С. Бандера был приговорен к смертной казни. По амнистии, объявленной польским сеймом ранее, смертная казнь была заменена пожизненным заключением.

Содержался Степан в тюрьме в условиях строгой изоляции. После нападения Германии на Польшу городок, в котором находилась тюрьма, подвергался бомбардировке. 13 сентября 1939 года, когда положение польских войск стало критическим, тюремная охрана разбежалась. С. Бандеру выпустили из камеры-одиночки освободившиеся заключенные украинцы.

ОУН при численности около 20 тыс. членов имела большое влияние на украинское население. В организации имелись внутренние конфликты: между молодыми нетерпеливыми и более опытными и рассудительными, прошедшими войну и революцию, между руководством ОУН, живущим в комфортных условиях эмиграции, и основной массой членов ОУН, работавшими в условиях подполья и полицейского преследования.

Лидер ОУН Евген Коновалец, используя свой дипломатический и организационный талант, умел гасить противоречия, сплачивая организацию. Гибель Коновальца от рук советского агента Павла Судоплатова в 1938 году в Роттердаме стала тяжелой потерей для националистического движения Украины. Преемником Коновальца стал ближайший соратник полковник Андрей Мельник – хорошо образованный человек, сдержанный и терпимый. Фракция его сторонников, воспользовавшись тем, что большинство их противников находилось в тюрьмах, в августе 1939 года на конференции в Риме объявила руководителем ОУН полковника Мельника. Дальнейшие события приняли драматический оборот для украинского национально-освободительного движения.

Оказавшись на свободе, Степан Бандера прибыл во Львов. За несколько дней до того Львов был занят Красной Армией. Поначалу

находиться там было относительно безопасно. Вскоре через курьера он получил приглашение прибыть в Краков для согласования дальнейших планов ОУН. Требовалось также срочное лечение обострившейся в тюрьме болезни суставов. Пришлось нелегально переходить советско-немецкую демаркационную линию.

После совещаний в Кракове и Вене Бандера был делегирован в Рим для переговоров с Мельником. События развивались стремительно, а центральное руководство проявляло медлительность. Список разногласий – организационных и политических, которые требовалось разрешить в переговорах с Мельником, – был достаточно велик. Недовольство рядовых членов ОУН из подполья руководством организации приближалось к критической точке. Кроме того, ближайшее окружение Мельника подозревали в предательстве, так как массовые аресты в Галичине и Волыни коснулись преимущественно сторонников Бандеры.

Главное же расхождение было в стратегии ведения национально-освободительной борьбы. Бандера со своими единомышленниками считали необходимым поддерживать контакты ОУН как со странами германской коалиции, так и с западными союзными странами, не сближаясь ни с какой группировкой. Рассчитывать, по их мнению, необходимо на собственные силы, поскольку в независимости Украины не был заинтересован никто. Но фракция Мельника считала, что ставка на собственные силы несостоятельна. В независимости Украины западные страны не заинтересованы. Это ими было продемонстрировано еще в 20-е годы. Германия же тогда признала независимость Украины. Поэтому нужно делать ставку на Германию. Мельниковцы считали, что создавать вооруженное подполье нельзя, так как это вызовет раздражение немецких властей и репрессии с их стороны, что не принесет ни политических, ни военных дивидендов.

Не сумев достичь компромисса в результате переговоров, обе группировки провозгласили себя единственно законным руководствомОУН.

В феврале 1940 года в Кракове фракция Бандеры, в которую входила в основном молодежь, составлявшая численное большинство ОУН, провела конференцию, на которой отвергла решения римской конференции и выбрала своим лидером Степана Бандеру. Таким образом, оформился раскол ОУН на бандеровцев – ОУН-Б или ОУН-Р (революционная) и на мельниковцев – ОУН-М. В дальнейшем антагонизм между фракциями достигал такого накала, что они нередко сражались друг против друга с тем же ожесточением, с каким они сражались против врагов независимой Украины.

Отношение немецкого руководства к ОУН было противоречивым: служба Канариса считала необходимым сотрудничество с украинскими националистами, тогда как нацистское партийное руководство во главе с Борманом не считали ОУН серьезным политическим фактором и отвергали любое сотрудничество с нею. Пользуясь этими противоречиями, ОУН удалось сформировать украинское военное подразделение «Легион украинских националистов» численностью около 600 человек, состоявший из двух батальонов – «Нахтигаль» и «Роланд», укомплектованных украинцами преимущественно пробандеровской ориентации. Немцы планировали их использовать в подрывных целях, а Бандера надеялся, что

они станут ядром будущей украинской армии.

В то же время на территории Западной Украины, отошедшей Советскому Союзу по пакту Риббентропа—Молотова, развернулись массовые репрессии. Были арестованы руководители и активисты политических партий и общественных организаций, многие из них казнены. Были проведены четыре массовых депортаций украинского населения с занятых территорий. Открывались новые тюрьмы, в которых содержались десятки тысяч арестованных.

Отца Андрея Бандеру с двумя дочерьми Мартой и Оксаной арестовали в три часа ночи 23 мая 1941 года. В протоколах допроса на вопрос следователя о политических взглядах отец Андрей ответил: «За своими убеждениями я украинский националист, но не шовинист. Единственно правильным государственным устройством для украинцев считаю единую соборную и независимую Украину». Вечером 8 июля в Киеве на закрытом заседании военного трибунала Киевского военного округа А. Бандере был вынесен смертный приговор. В приговоре говорилось, что он может быть обжалован в течение пяти дней с момента вручения на руки копии приговора. Но расстреляли Андрея Бандеру уже 10 июля.

Марту и Оксану без суда отправили по этапу в Красноярский край на вечное поселение, где их перегоняли с места на место каждые 2—3 месяца вплоть до 1953 года. Горькая чаша не миновала и третьей сестры – Владимиры. Ее, мать пятерых детей, арестовали вместе с ее мужем Теодором Давидюком в 1946 году. Осуждена она была к десяти годам каторжных работ. Работала в лагерях Красноярского края, Казахстана, в том числе и в Спасском лагере смерти. Выжила, отбыв полный срок, добавили поселение в Караганде, потом разрешили вернуться к детям на Украину.

Поспешное отступление Красной Армии после начала войны имело для десятков тысяч арестованных трагические последствия. Не имея возможности вывезти всех на восток, НКВД приняло решение об экстренной ликвидации заключенных вне зависимости от приговоров. Зачастую подвалы, забитые заключенными, просто забрасывались гранатами. В Галичине было уничтожено 10 тыс. человек, в Волыни – 5 тысяч. Родственники заключенных, разыскивавшие своих близких, стали свидетелями этой поспешной, бессмысленной и бесчеловечной расправы.

Пользуясь поддержкой батальона «Нахтигаль», 30 июня 1941 года во Львове на многотысячном митинге в присутствии нескольких немецких генералов бандеровцы провозгласили «Акт возрождения Украинского государства». Было также образовано украинское правительство в составе 15-ти министров во главе с Ярославом Стецько, ближайшим соратником С. Бандеры. Кроме того, вслед за фронтом, быстро двигавшимся на восток, были отправлены отряды ОУНовцев по 7—12 человек, всего около 2000 человек, которые, перехватывая инициативу у немецких оккупационных властей, формировали украинские органы местного самоуправления.

Реакция немецких властей на акцию бандеровцев во Львове последовала быстро: 5 июля в Кракове был арестован С. Бандера, а 9-го – во Львове Я. Стецько. В Берлине, куда доставили их для суда, С. Бандере объяснили, что немцы в Украину пришли не как освободители, а как

завоеватели, и потребовали публичной отмены Акта возрождения. Не добившись согласия, Бандеру бросили в тюрьму, а через полтора года – в концлагерь Заксенхаузен, где он содержался до 27 августа (по другим источникам – до декабря) 1944 года. Братьев Степана, Андрея и Василия в 1942 году в Освенциме забили насмерть.

Осенью 1941 года мельниковцы в Киеве также попытались сформировать украинское правительство. Но эта попытка тоже была жестоко пресечена. Было арестовано и в начале 1942 года расстреляно в Бабьем Яру свыше сорока ведущих деятелей ОУН-М, в том числе известная украинская поэтесса 35-летняя Елена Телига, возглавлявшая Союз писателей Украины.

К осени 1941 года разрозненные украинские вооруженные отряды Полесья объединились в партизанское соединение «Полесская сечь». По мере развертывания массового нацистского террора на Украине множились партизанские отряды. Осенью 1942 года по инициативе ОУН-Б произошло объединение партизанских отрядов бандеровцев, мельниковцев и «Полесской сечи» в Украинскую повстанческую армию (УПА) во главе с одним из организаторов ОУН, высшим офицером недавно распущенного батальона «Нахтигаль» Романом Шухевичем (генерал Тарас Чупринка). В 1943—1944 годах численность УПА достигала 100 тыс. бойцов, армия контролировала Волынь, Полесье и Галичину. В ее составе были также отряды других национальностей – азербайджанцев, грузин, казахов и других наций, всего 15 таких отрядов.

УПА вела вооруженную борьбу не только с нацистскими и советскими войсками, постоянная война шла и с красными партизанами, а на территории Волыни, Полесья и Холмщины исключительно жестокие сражения происходили с польской Армией Крайовой. Этот вооруженный конфликт имел большую предысторию и сопровождался этническими чистками в самой изуверской форме с обеих сторон.

ОУН-УПА в конце 1942 года обращалась к советским партизанам с предложением о координации боевых действий против немцев, но договориться не удалось. Неприязненные отношения перешли в вооруженные стычки, и после изгнания немецких войск с территории Украины советская пропаганда начала отождествлять ОУНовцев с гитлеровцами. С того времени для ОУН-УПА наступает второй этап борьбы – теперь уже с Советской Армией. Эта война продолжалась почти 10 лет – до середины 50-х годов.

В те годы среди заключенных ГУЛАГа каждый второй был украинцем. И только после гибели 5 марта 1950 года командующего УПА Романа Шухевича организованное сопротивление в Западной Украине пошло на спад.

После выхода из нацистского концлагеря Степану Бандере попасть в Украину уже не удалось. Центральные органы организации после окончания войны находились на территории Западной Германии. На заседании совета руководства ОУН Бандера был избран в бюро руководства, в котором он курировал Заграничные части ОУН.

На конференции в 1947 году Степан Бандера был избран руководителем всей Организации украинских националистов. К тому времени в Заграничных частях возникает оппозиция Бандере, которая

упрекает его в диктаторских амбициях, а ОУН в том, что она превратилась в неокоммунистическую организацию. После длительных дискуссий Бандера решает подать в отставку и ехать в Украину. Однако отставка принята не была. Конференции ОУН в 1953 и 1955 годах с участием делегатов с Украины вновь избирали Бандеру главой руководства.

15 октября 1959 года Степан Бандера отпустил охрану и вошел в подъезд дома, в котором он жил с семьей. На лестнице его встретил человек, которого Бандера уже видел ранее в церкви. Из специального пистолета тот выстрелил в лицо Степану Бандере струей раствора цианистого калия. Бандера упал, пакеты с покупками покатились вниз по лестнице.

Убийцей оказался агент КГБ 30-летний украинец Богдан Сташинский. Вскоре лично председатель КГБ Шелепин вручил ему в Москве орден Боевого Красного Знамени. Кроме того, Сташинский получил разрешение на брак с немкой из Восточного Берлина. Однако в 1962 году Сташинский вместе с женой убежал в Западный Берлин. Там он обратился в американское представительство, где сделал признание в убийстве Степана Бандеры, а также в убийстве двумя годами раньше активиста ОУН профессора Л. Ребета. Разразился международный скандал, поскольку на XX съезде КПСС в 1956 году СССР официально провозгласил отказ от политики международного терроризма.

На суде Сташинский дал показания, что он действовал по указанию руководства СССР. 19 октября 1962 года суд города Карлсруэ вынес приговор: 8 лет тюремного заключения строгого режима.

Дочь Степана Наталья Бандера свое выступление на суде закончила словами:

«Мой незабвенный отец воспитал нас в любви к Богу и Украине. Он был глубоко верующим христианином и погиб за Бога и независимую вольную Украину».

Расстрел в Новочеркасске *71 По материалам Е. Строителевой.*

В июне 1962 года произошло единственное в новейшей советской истории массовое выступление рабочих. По сути, они выступили против отношения советской власти к трудящимся, доведенным до состояния рабов. Участники тех событий себя героями не считают, скорбя о покалеченных судьбах, чужих и своих.

Не так давно в Новочеркасске открыли мемориальную доску и музей памяти. В витрине открывшегося музея на тарелке лежит обычный пирожок. Говорят, что с такого вот пирожка все и началось.

31 мая 1962 года рабочие крупнейшего в городе Новочеркасского электровозостроительного завода (НЭВЗ), как и весь советский народ, узнали о том, что с 1 июня правительство повышает на 30 % цены на мясо, на 25 % – на масло. По стечению обстоятельств накануне администрация НЭВЗа объявила о снижении на треть зарплаты рабочим тяжелых цехов, уменьшении расценок другим рабочим. Узнав о повышении цен, 1 июня возмущенные заводчане отправились за объяснениями к директору НЭВЗа Курочкину. Люди говорили ему о том, что им негде жить, не хватает денег ни на молоко для детей, ни на мясо. Как рассказывают очевидцы, директор в ответ бросил: «Не хватает мяса – ешьте пирожки с ливером!» Слова

Курочкина вмиг облетели весь завод. Несколько сотен человек, бросив рабочие места, вышли на площадь перед заводоуправлением.

Виктор Власенко получил 10 лет лагерей за то, что в тот момент включил заводской гудок.

Он не был в Новочеркасске 40 лет, с того момента, как его арестовали. Сейчас живет в Апшеронске. Виктор Кириллович привез с собой пожелтевшие листки – обвинительное заключение, приговор Ростовского областного суда. Дело № 36, фигурантами которого стали пять человек. В нем участники тех событий, доведенные до отчаяния рабочие, называются «уголовно-хулиганствующими элементами».

Весь день 1 июня рабочие толпились на площади возле НЭВЗа.

В тот день все подходы к заводу были оцеплены. Впрочем, трагедии можно было бы избежать, если бы власть захотела на равных разговаривать с рабочими. 2 июня рабочие нескольких заводов с портретом Ленина во главе колонны двинулись в центр города, к зданию горкома партии. Они знали, что в городе находится высшее руководство страны (члены ЦК КПСС, руководство КГБ), и просили военных по рации связаться с ними. Говорят, Микоян предложил встречу с делегацией рабочих, но сотрудники КГБ отсоветовали это делать из соображений безопасности.

Предпринятое Н.С. Хрущевым повышение цен и снижение расценок стало причиной новочеркасской трагедии

Первые жертвы случились после того, как некоторые демонстранты ворвались в здание горотдела милиции, чтобы освободить задержанных товарищей. В полдень выстрелы раздались на площади перед горкомом партии, где собралось около пяти тысяч человек.

– Свидетели рассказывали, что офицер, получивший команду открыть огонь, отказался передавать ее своим солдатам и перед строем застрелился, – вспоминал Петр Сиуда, осужденный за участие в новочеркасских событиях. – Но кинжальный огонь все-таки был открыт. Вначале вверх, по деревьям, по детворе. Посыпались убитые, раненые. Затем огонь был перенесен на массу. Вряд ли хоть одна пуля пропала даром. Мать в магазине носит грудного убитого ребенка. Убита парикмахерша на рабочем месте. Лежит девчушка в луже крови. Ошалелый майор встал в эту лужу. Ему говорят: «Смотри, сволочь, где ты стоишь!» Майор здесь же пускает себе пулю в голову. Подгоняли грузовые машины, автобусы. Туда спешно забрасывали трупы жертв. Ни одного погибшего не отдали для захоронения близким. Больницы были забиты ранеными. Никто не знает, куда они делись. Кровь на площади потом смывали пожарными машинами.

3 июня горожане вновь пошли на площадь. После обеда люди все же разошлись, а вечером начались аресты. До 6 июня в городе действовал комендантский час.

2 июня 2002 года. Встретились товарищи по несчастью – те, кто получил по 8—10 лет лагерей. Виктор Власенко и Владимир Овчаров отбывали срок вместе.

– Новочеркасцев в нашей «пятерочке» сидело около сотни человек, – вспоминает Владимир Овчаров. – Мы все пошли по 79-й статье УК РСФСР (массовые беспорядки). Но власти не хотели признать нас политическими и отправили в лагерь, где сидели одни уголовники. А они нас уважали, кричали: «Декабристы приехали!»

Сто двенадцать репрессированных новочеркасцев освободили, скостив сроки, после того как отстранен был от власти Хрущев.

– Когда освобождались, хозяин зоны (начальник лагеря) всех нас предупредил, что теперь мы в Новочеркасске не имеем права собираться больше трех, – вспоминает Олег Долговязов, отсидевший три года за то, что 2 июня сбросил портрет Хрущева с балкона горкома. – А если я видел своих друзей на улице и подходил к ним, то тут же как из-под земли появлялся милиционер, который предупреждал, что если мы не разойдемся, то он примет меры…

– До сих пор мы не знаем всей правды. В начале 90-х Главная военная прокуратура начала следствие, целью которого было выяснить, кто отдавал преступный приказ стрелять в людей и принимала ли участие в расстреле армия, – считает Михаил Крайсветный, член фонда «Ново–черкасская трагедия». – Следователи пришли к выводу, что солдаты в людей не стреляли. На крышах сидело 10 снайперов, там же было установлено два пулемета. Скорее всего, это дело рук внутренних войск или КГБ. Так и осталось невыясненным, где находятся могилы тех семи человек, которые были расстреляны по суду. Не знаем, где похоронены и другие жертвы. Например, свидетели вспоминают, что, когда раздался первый залп, с деревьев, как груши, посыпались дети, наблюдавшие за

происходящим. Но нет данных ни о погибших, ни о раненых, не было заявлений о пропавших детях от родителей. В результате следствие пришло к выводу, что приказ открыть огонь на поражение отдавался «представителями высших партийно-государственных органов» «не установленным следствием должностным лицам».

P.S.

Личное расследование Петра Сиуды *72 Материал предоставлен вдовой Петра Петровича Э. Сиуда.*

Петр Петрович Сиуда родился в 1937 году. В 1938 году умер в тюрьме от пыток его отец, член социал-демократического революционного движения с 1902 года. С 1943 по 1950 год (пока мать отбывала срок в лагере) воспитывался в детском доме.

Закончил горнопромышленную школу, работал в шахте, на стройке в Казахстане, служил в армии, потом заочно учился в техникуме и работал на Новочеркасском электровозостроительном заводе.

В 1962 году принял участие в забастовке рабочих на заводе. Был осужден к 12 годам лишения свободы «за активное участие в массовых беспорядках». Освобожден досрочно в 1966 году.

После освобождения стал заниматься политической деятельностью: писал письма, протесты в «Правду», «Литературную газету». Открыто осудил ввод советских войск в Афганистан.

Добился полной реабилитации своего отца. Неоднократно подвергался преследованиям и провокациям со стороны КГБ.

Последние годы активно занимался расследованием обстоятельств новочеркасской трагедии.

Убит при невыясненных обстоятельствах в 1990 году. За несколько дней до гибели нашел свидетеля, который знал место захоронения расстрелянных при подавлении забастовки новочеркассцев.

За годы, прошедшие после кровавого подавления забастовки и демонстрации трудящихся в г. Новочеркасске 2 июня 1962 года, мне не приходилось слышать о том, чтобы те события где-либо когда-либо были описаны. Лишь однажды я прочитал в книге Солженицына два-три листа, посвященные этой трагедии. В изложении Солженицына события крайне извращены, чем причинен безусловный ущерб истине.

Поэтому предать максимальной гласности всю правду о новочеркасской трагедии необходимо ради памяти всех ее невинныхжертв.

С 1 января 1961 года на крупнейшем Новочеркасском электровозостроительном заводе в очередной раз начала проводиться кампания снижения расценок оплаты труда во всех цехах завода. Расценки снижались на 30—35 %. Последним цехом завода, где были снижены расценки в мае месяце, стал сталелитейный. К тому времени рабочие других цехов уже как-то попривыкли к очередному ущемлению их интересов. Для рабочих же стальцеха снижение расценок еще оставалось болезненным. Утром 1 июня 1962 года по центральному радиовещанию было объявлено о резком, до 35 %, «временном» повышении цен на мясо, молоко, яйца и другие продукты. Это был неожиданный и сильнейший удар по социальному положению всех трудящихся в СССР. Повышение цен не могло не вызвать всеобщего недовольства. Но возникновению забастовки именно на Новочеркасском электровозостроительном заводе

способствовали и другие обстоятельства.

В городе и на заводе практически никак не решалась жилищная проблема. Строительство жилья велось в слишком малых объемах. Плата за квартиру в частном секторе в ту пору составляла от 35 до 50 руб. в месяц, т.е. от 20 до 30 % месячной зарплаты рабочего.

Новочеркасск считался в ту пору городом студентов. Соответственным было и его обеспечение продуктами питания. В магазинах практически не было мясных продуктов, масла, а на рынке цены на них «кусались». Очередное повышение государственных цен неизбежно влекло за собой еще большее подорожание продуктов питания на рынке.

Но и эти обстоятельства навряд ли повлекли бы за собою забастовку, если бы самонадеянный мерзавец чиновник не бросил в «бочку пороха» народного гнева и недовольства искру оскорбления, барского хамства. Речь идет о директоре электровозостроительного завода Курочкине.

В то утро по дороге на работу и в цехах все обсуждали неприятную новость, возмущались. В стальцехе рабочие собирались кучками, обсуждали не только повышение цен на продукты питания, но и недавно проведенные снижения расценок оплаты труда. Цех лихорадило, но никто не помышлял о протестах, о выступлении, о забастовке. Вероятно, о недовольстве рабочих в стальцехе стало известно в парткоме завода, а также директору Курочкину, который пришел в стальцех с секретарем парткома. Директор и секретарь парткома разговор с рабочими повели не по-деловому, а высокомерно, по-барски. В момент разговора к группе рабочих, окружавших директора и секретаря парткома, подошла женщина с пирожками в руках. Увидев пирожки, директор решил поостроумничать и, обращаясь к рабочим, произнес: «Не хватает денег на мясо и колбасу, ешьте пирожки с ливером». Это и стало той искрой, которая повлекла за собой трагедию в Новочеркасске.

Рабочие возмутились хамством директора и с возгласами: «Да они еще, сволочи, издеваются над нами!» разделились на группы. Одна из групп пошла к компрессорной завода и включила заводской гудок. Другая группа отправилась по цехам завода с призывом прекращать работу и объявить забастовку. Необходимо подчеркнуть, что ни на начальном этапе возникновения забастовки, ни на протяжении всех дальнейших событий 1—3 июня не создавалось и не было никаких групп или органов, которые взяли бы на себя ответственность за организацию и проведение выступлений рабочих. Все события происходили именно стихийно, спонтанно. Инициатива кипела и проявлялась снизу, в массе трудящихся. К событиям не был причастен кто-либо со стороны. К ним абсолютно не имели отношения и какие-либо «радиоголоса».

Рабочих завода не требовалось агитировать за забастовку. Достаточно было появления групп рабочих, призывающих к забастовке, как работа моментально останавливалась. Масса забастовщиков росла, как снежная лавина. В ту пору на заводе работало примерно около 14 тысяч человек. Рабочие вышли на территорию завода, заполнили площадь возле заводоуправления. Площадь не вмещала всех бастующих.

Группа рабочих сняла звено штакетника, огораживающего скверик, и перегородила им прилегающий к заводу железнодорожный путь СКЖД,

повесив на штакетник красные тряпки. Таким образом был остановлен пассажирский поезд «Саратов—Ростов» и движение поездов на этом участке. Остановкой железнодорожного движения рабочие стремились сообщить о своей забастовке по линии железной дороги.

По инициативе слесаря завода В.И. Черных его товарищ, цеховой художник В.Д. Коротеев написал плакаты: «Дайте мясо, масло», «Нам нужны квартиры», которые они вынесли из завода и укрепили на одной из опор электрифицируемой в ту пору железной дороги. На тепловозе пассажирского поезда кто-то написал: «Хрущева на мясо». Последний лозунг появился и в других местах.

Дополнительно к заводскому гудку тревожные сигналы стали подавать и с тепловоза. К заводу стали стекаться рабочие второй и третьей смен, жители рабочих поселков. Первые попытки к пресечению забастовки были предприняты силами дружинников из ИТР, которые пытались пропустить пассажирский поезд и открыть движение на железной дороге. Но они оказались бессильны и ретировались, сняв повязки дружинников.

С забастовщиками в переговоры ни партийные органы, ни администрация завода не вступали. Правда, перед рабочими пытался выступить главный инженер завода С.Н. Елкин, который о восстановлении расценок не говорил, никаких обещаний и заверений не давал, а лишь уговаривал рабочих прекратить волнения и приступить к работе. Возмущенные рабочие затянули его в кузов грузовой машины, чтобы потребовать от него конкретного решения вопросов. Вопросы ему задавал и я, что после было вменено мне в обвинение.

Примерно в полдень в массе забастовщиков пронеслось: «Милиция приехала!» Вся людская масса ринулась на полотно железной дороги в направлении к милиции. Я оказался среди первых. Когда вбежал на полотно железной дороги, оглянулся по сторонам. Надо было видеть внушительность картины. Метров на 350—400 на полотно железной дороги выкатилась грозная волна плотной людской массы, а в метрах 200—250 по другую сторону железной дороги в это время выстраивались в две шеренги более сотни милиционеров. Доставившие их машины разворачивались на пустыре. Увидев накатывающуюся грозную волну людской массы, милицейские шеренги моментально рассыпались. Милиция кинулась вдогонку за разворачивающимися машинами, на ходу беспорядочно лезла в кузова. Не успели удрать лишь два милиционера, у которых, видимо, от страха подкашивались ноги. Но и будучи в гневе, рабочие не только не учинили расправы над оставшимися милиционерами, а даже не тронули их, лишь выпроводили с напутствием, чтобы милиция не совала нос к забастовщикам.

Как позже стало известно, милицию переодели в цивильное платье и направили в массу забастовщиков. Туда же были направлены и кагэбэшники, которые были снабжены микрофотоаппаратами, вмонтированными в зажигалки, портсигары и бог весть еще во что. Съемки осуществлялись и с пожарной наблюдательной вышки. Позже, на следствии приходилось видеть буквально ворохи фотоснимков, на которых были зафиксированы тысячи участников забастовки.

К концу рабочего дня на площадь около заводоуправления прибыли первые отряды воинских подразделений Новочеркасского гарнизона. Они были без оружия. Приблизившись к массе людей, солдатские колонны моментально поглощались массой. Забастовщики и солдаты братались, обнимались, целовались. Офицерам с трудом удавалось уводить солдат от забастовщиков. Через некоторое время с балкона строящегося крыла заводоуправления пытался выступить первый секретарь Ростовского обкома КПСС Басов, окруженный чиновниками.

Трусливость партийных чиновников была для всех не только очевидной, но и оскорбительной. С забастовщиками явно никто не хотел говорить на равных. Басова и его холуев пытались забросать камнями, но они находились в буквальном смысле слова высоко над людьми, поэтому ни одного попадания в них не было. Басов с чиновниками ретировались.

К заводоуправлению стали прибывать бронетранспортеры с офицерами. Власти убедились, что солдаты Новочеркасского гарнизона оказались ненадежными, поэтому надежду возложили на офицеров. Но им в буквальном смысле слова пришлось почувствовать силу, мощь рабочих рук. Их бронетранспортеры раскачивались рабочими из стороны в сторону. Жалко было смотреть, как полковники и майоры болтались на сиденьях в бронетранспортерах, не в состоянии удержать на своих физиономиях нужное выражение. Растерянность и страх на их лицах говорили о их полной беспомощности. Бронетранспортеры уехали.

Возбуждение забастовщиков не только не утихало, но и возрастало под воздействием попыток подавить их выступление. Возник стихийный митинг. Трибуной служил козырек пешеходного тоннеля. На митинге раздались призывы послать делегатов-рабочих в другие города, на другие предприятия, к захвату в городе почты, телеграфа с целью отправки во все города обращения с призывами о поддержке забастовки электровозостроителей. Тогда же прозвучали первые сообщения, что дороги к городу перекрыты, блокированы милицией и войсками.

Я не намерен был выступать на митинге. Но меня беспокоили призывы о захвате власти в городе. Я хорошо помнил рассказы участников событий в Венгрии и в Грузии. Попытка захвата власти в городе была чревата слишком тяжелыми последствиями. Поэтому я выступил с призывом продолжать забастовку, соблюдать выдержку, твердость, организованность. Я призывал на следующее утро всем идти в город демонстрацией, выработать общие требования и предъявить их властям. Призывы к захвату в городе власти, к насилию не прошли. Решено было на следующее утро идти в город демонстрацией. И уже это свидетельствует, что волнения рабочих не сопровождались экстремизмом, насилием по отношению к представителям власти.

Позже и следствие, и судьи не могли обнаружить никаких фактов экстремизма, кроме двух незначительных случаев. Первый касается главного инженера завода С.Н. Елкина, когда его силой затащили в кузов машины. Но он не подвергался избиениям. Второй случай связан с коммунистом Брагинским, который от своих же подчиненных получил несколько затрещин, не повлекших за собой ни травмы, ни нужды обращаться за помощью к медицине.

В пятом часу утра я был разбужен двумя сильными «взрывами». Раздетый, выскочил из времянки, где жил с женой. Выяснилось, что «ослепленный» танк сбил две опоры электропередачи высокого напряжения, провода сконтачили, и электроразряды были теми «взрывами», которые подняли с постели людей. Я отправился к заводу. Метров за 400—500 от железнодорожной линии и заводоуправления начали собираться маленькими кучками по 10—15 человек жители поселка. Я подошел к группе людей, выдвинувшейся на самое близкое расстояние к железной дороге, примерно 300—350 метров. Все мы наблюдали, что железная дорога вдоль завода и сам завод оцеплены вооруженными автоматами солдатами. Возле завода и около станции Локомотивстрой стояли танки.

Люди сообщили, что в 12-м часу в поселок были введены воинские подразделения, танки. Рассказывали, что ночью жители пытались из подручных материалов устраивать баррикады, которые танки легко преодолевали. Тогда рабочие стали запрыгивать на танки на ходу и своей одеждой закрывать смотровые щели, ослеплять их.

К нашей группе направился офицер с солдатом, вооруженным автоматом. Группа быстро «растаяла», и в ней осталось 5—7 человек. С подошедшим офицером завязался резкий разговор. Он требовал, чтобы мы шли к заводу. Мы отказывались, говоря, что пусть работает армия, которая захватила завод. В перепалке мы не заметили, как сзади нас оказалось два солдата, вооруженных автоматами. Таким образом мы оказались арестованными. Нас доставили в заводоуправление. Кругом было полно солдат кавказских национальностей, офицеров, гражданских, кагэбэшников. Кагэбэшники встретили меня со злорадством. На легковой машине в сопровождении трех человек меня быстро доставили в ГОВД, где уже напряженно действовал большой штаб чиновников по подавлению волнений. По дороге в машине сопровождавшие махали передо мною кулаками, угрожали, оскорбляли…

С этого момента мое участие в новочеркасской трагедии закончилось. Я долгие годы провел в камерах Ростовского следственного изолятора КГБ, Новочеркасской тюрьмы, в концлагере с активными участниками последующих событий новочеркасской трагедии. Я непрерывно стремился восстановить по крупицам ход событий. Проверял и перепроверял, сопоставлял каждый факт, мельчайшие подробности. Поэтому могу ручаться за точность изложения.

Утром на завод пришли рабочие не только первой смены, но и других смен. Завод был заполнен солдатами. Возле всех ворот стояли танки. В цехах были солдаты, посторонние гражданские, явно кагэбэшники. Несмотря на требования не собираться группами, рабочие собирались в кучки. Их возмущение, гнев нарастали. Они стали покидать рабочие места, выходить из цехов. Все были охвачены гневом. Малые группы рабочих стали сливаться в большие. Этот процесс уже никто не мог остановить. Большие группы рабочих стали стекаться к центральной проходной завода. Внутризаводская площадь уже не вмещала людей.

Многотысячная масса народа направилась в город. Путь предстоял дальний – от завода до центра города. Некоторые группы рабочих направились на другие заводы с призывами поддержать

электровозостроителей. На призывы с готовностью откликнулись строители, рабочие электродного завода, «Нефтемаша», других мелких предприятий. Отовсюду шли колонны в город. В колоннах появились красные знамена, портреты Ленина. Демонстранты пели революционные песни. Все были возбуждены, охвачены верой в свои силы, в справедливость своих требований. Колонна демонстрантов все более возрастала.

Подходя к мосту через железную дорогу и реку Тузлов, демонстранты увидели на мосту кордон из двух танков и вооруженных солдат. Колонна приостановилась, замерла, умолкли революционные песни. Затем плотная грозная масса демонстрантов медленно двинулась вперед. Раздались возгласы: «Дорогу рабочему классу!» Солдаты и танкисты не стали препятствовать колонне, даже начали помогать перелезать через танки…

Демонстрация вступила на центральную городскую улицу Московская. Я не называю примерного количества демонстрантов, потому что так и не смог услышать даже приблизительной цифры. Все едины в утверждениях, что вся большая городская площадь перед горкомом партии, большая часть улицы Московской, часть проспекта Подтелкова были полны народа. На площади возле памятника Ленину стоял танк. Его облепили демонстранты, детвора. Танк полностью ослепили. Видно, это вывело из терпения танкистов. Танк грохнул холостым выстрелом. Посыпались стекла в ближайших домах.

Перед горкомом партии бурлила масса демонстрантов. В горкоме полно было солдат. Через двери демонстранты переругивались с солдатами. Один кавказец не выдержал, прикладом автомата выбил стекло в двери и через образовавшийся проем ударил прикладом женщину. Под напором возмущенных демонстрантов двери горкома распахнулись. Ворвавшаяся масса людей мгновенно разметала солдат. Ударивший женщину солдат оказался под лестничным маршем. По рассказам некоторых, его там избили. Это единственный известный случай, когда был избит представитель вооруженных сил, оккупировавших город. Горком оказался полностью захвачен демонстрантами…

Начался митинг. На митинге выступила Е.П. Левченко. Она сообщила, что ночью и утром производились аресты забастовщиков, что арестованных избивали. Но навряд ли она могла знать, что многих арестованных уже не было в городе. Все настойчивей звучали требования освобождения арестованных рабочих. Часть митинговавших направилась к горотделу милиции. Там тоже было полно солдат кавказских национальностей. Демонстранты стали пробиваться в горотдел. Двери распахнулись. В здание хлынули демонстранты. В это время один из солдат замахнулся автоматом на рабочего в синем комбинезоне. Рабочий схватился за автоматный рожок. Солдатам была дана команда открыть огонь. Рабочий был убит наповал. И не только он один. Навряд ли хоть одна пуля пропала даром. Слишком плотной была масса народа. В здании горотдела началась паника. Ворвавшиеся демонстранты искали укрытий от пуль. Влетали в пустые камеры. Находящиеся в массе переодетые милиционеры, кагэбэшники тут же захлопывали двери камер с демонстрантами, закрывая их на засовы.

Один из позже осужденных участников этих событий, раненный срикошеченной пулей в лопатку, в лагере рассказывал, что их заставляли складировать трупы погибших в подвале рядом находящегося госбанка. Трупы складывали штабелями, а они еще агонизировали. Кто знает, быть может, среди них были и такие, которых можно было спасти.

Ни одного погибшего не отдали для захоронения близким. Больницы были забиты ранеными. Никто не знает, куда они потом делись. Кровь смывали пожарными машинами. Но еще долго на мостовой оставались бурые следы.

Нет, волнения этим не были подавлены. Площадь продолжала бурлить… Пришло сообщение, что в городе члены политбюро и правительства. Среди них А.И. Микоян, Ф.Р. Козлов… Микоян потребовал, чтобы с площади выпустили танки, обещая после этого выступить. Демонстранты ответили четко: «Нет! Пусть смотрят на дело рук своих!»…Микоян выступил по городскому радио. В газетах, даже городской, о событиях не написали ни слова. Объявили комендантский час. Стали поговаривать о возможной высылке всех жителей города. Начались аресты. 3 июня в воскресенье волнения стали утихать. Микоян с Козловым после ходили по цехам электровозостроительного завода. Снабжение города продуктами питания улучшилось. Увеличилось строительство жилья. Однако расценки не были восстановлены. И на этом трагедия не завершилась. Наступил период судебных расправ.

Наиболее демонстративно жестоким был судебный процесс над 14-ю участниками забастовки и демонстрации в воинском гарнизоне ККУКС. 7 человек Верховным судом РСФСР под председательством Л.Н. Смирнова с участием прокурора А.А. Круглова были приговорены к расстрелу. Они обвинялись в бандитизме по ст. 77 и массовых беспорядках по ст. 79 УК РСФСР.

Уже в тюремных камерах, после всех судебных процессов, мы пытались подсчитать число осужденных. Перечисляли пофамильно. Получалось не менее 105 человек. На сроки суды не скупились, наиболее частыми были от 10 до 15 лет лишения свободы…

Вскоре, после ухода Хрущева с политической арены, в Москве начали пересматривать дела новочеркассцев. Снизили срок и мне до 6 лет. Новочеркассцев начали освобождать с весны 1965 года. А мне освобождение и «не светило». Но моя мать, прошедшая все адовы круги сталинизма, осужденная в 1943 году по ст. 58—10 ч.2 УК РСФСР, отбывшая приговор «на всю катушку», оставалась стойкой женщиной. Она была надежным почтальоном у заключенных. Я не помню ни одного срыва связи, провала почты. Она подкупила всех, кого только было можно. Именно благодаря подкупам она добилась положительной характеристики и освобождения меня в июле 1966 года.

Как планировали ядерный взрыв на Луне

Еще до победы во Второй мировой войне между основными участниками антигитлеровской коалиции – СССР и США – наметился раскол. Особенно после того, как 12 апреля 1945 года скончался президент США Рузвельт и его место занял вице-президент Трумэн. Еще будучи конгрессменом от демократической партии, он в самый напряженный для СССР период

противостояния гитлеровцам цинично заявил: «Если будет побеждать Германия, то США должны помогать России, а если побеждать станет Россия – то Германии. И пусть они убивают друг друга как можно больше».

Проявлением этой политики можно считать такой эпизод. Утром 6 августа 1945 года – почти за месяц до капитуляции Японии – два самолета без опознавательных знаков напали на два советских пограничных катера на расстоянии 2,5 мили от восточного берега Камчатки. Катера были обстреляны на бреющем полете, причем пилоты видели кормовые флаги и, следовательно, знали, в кого стреляют. Они убили семь и ранили четырнадцать наших моряков-пограничников, но и морякам удалось подбить один из самолетов. Он упал на восточном склоне Ключевской сопки. Оказалось, что самолет и все его вооружение и оборудование – американского производства. У японцев таких самолетов быть не могло.

Сразу после окончания войны в Европе союзники стали делить трофеи. Никакого согласованного дележа не было – каждый брал то, что мог. Это коснулось и немецкой ракетной техники: самолетов-снарядов «Фау-1» (V-1) и баллистических ракет «Фау-2» (V-2). Но еще в 1944 году при освобождении советскими войсками Польши и Чехословакии там были обнаружены немецкие испытательные полигоны и стартовые площадки для пусков ракет. Найденные ракеты, их части и даже оставшиеся в местах падения обломки наряду с элементами стартового оборудования собрали, вывезли в СССР и передали в только что созданные организации по разработке военной ракетной техники. Руководили ими С.П. Королев, М.К. Янгель, В.П. Глушко, А.М. Исаев и другие выдающиеся исследователи и конструкторы.

Ядерный взрыв на Луне должен был стать ответом американцев на космические достижения СССР

Американцы, наши явные соперники в разработке новых видов вооружения, недооценили значение этого факта по нескольким причинам. Во-первых, потому что у них на вооружении уже были атомные бомбы, что они и продемонстрировали всему миру, сбросив их на Хиросиму и Нагасаки в начале августа 1945 года. Во-вторых, и они вывезли немало немецкой ракетной техники из центра в Пенемюнде вкупе с ее главными создателями – Вернером фон Брауном и Германом Обертом, ставшими в США первыми специалистами по ракетной технике. Своих специалистов в тот момент у них уже не было: пионер американского ракетного дела Роберт Годдард скончался в 1945 году. Ну и, в-третьих, стране, которая понесла такие огромные потери в только что закончившейся войне, было, по мнению американцев, не до ракет.

Однако начавшаяся холодная война и гонка вооружений способствовали быстрому развитию ракетостроения в СССР. Если в начале 50-х годов у нас еще продолжался выпуск ракеты «Р-1», по существу, усовершенствованного варианта «Фау-2», то уже 4 октября 1957 года мощная многоступенчатая ракета вывела на орбиту первый в мире искусственный спутник Земли. Для американских ученых и политиков это событие явилось неприятной неожиданностью. Да и военным специалистам успешный запуск спутника весом 84 килограмма говорил о многом. Был нанесен чувствительный удар по мифу о безоговорочном научном, техническом и военном превосходстве США. А когда всего через месяц на орбиту ушел второй наш спутник, весящий около 0,5 тонны, да еще и с собакой Лайкой на борту, а за ним, в начале 1958 года, – третий весом 1327 килограммов, американцы начали разрабатывать план «ответного хода».

Американский физик-ядерщик Леонард Райффель, живущий в Чикаго, в интервью корреспонденту одной из местных газет в мае 2000 года рассказал, что в разгар холодной войны командование ВВС США обратилось к американским ученым с просьбой подготовить и осуществить на поверхности Луны ядерный взрыв. Райффель принимал участие в разработке такого проекта.

Главной целью взрыва, по его словам, было бы устройство грандиозного зрелища в то время, когда Советский Союз обгонял Америку в соперничестве за освоение космоса.

– В работе над проектом, – рассказывал Райффель, – мы не дошли до стадии выбора конкретного типа взрывного устройства и ракеты-носителя, однако определили, какой визуальный эффект имел бы такой взрыв. Люди могли бы увидеть яркую вспышку, особенно хорошо заметную, если бы взрыв произошел в новолуние, когда к Земле обращена сторона Луны, не освещенная Солнцем. Возможно, были бы видны также тучи пыли и обломков лунных пород, поднятые взрывом над Луной.

Проект, над которым ученые работали с конца 1958 до середины 1959 года, был строго засекречен, имел кодовое обозначение «А 119» и назывался «Разработка исследовательских полетов на Луну». В качестве заказчика проекта фигурировал Центр специальных вооружений ВВС.

Одна из задач проекта заключалась в определении возможных научных результатов при осуществлении ядерного взрыва на Луне. Однако любые предполагаемые открытия, по мнению Райффеля, «не могли компенсировать те потери, которые понесло бы человечество от радиоактивного загрязнения Луны после взрыва».

Райффель считает решение о разработке такого проекта ошибкой. По его мнению, оно было продиктовано крайней напряженной ситуацией, сложившейся для США в их соперничестве с Советским Союзом за первенство в освоении космоса. Запуск первых спутников Земли и первой советской автоматической межпланетной станции, пролетевшей вблизи Луны в январе 1959 года, продемонстрировали явное превосходство СССР над США.

История с проектом лунного ядерного взрыва выплыла на свет, когда в майском номере английского журнала «Нейчур» за 2000 год было опубликовано письмо Райффеля, ставшее откликом на выход из печати биографии известного американского астронома и писателя, популяризатора науки Карла Сагана, который также привлекался к работе над проектом.

«Какова была главная причина, побудившая руководство выдать задание на разработку проекта, – желание произвести впечатление на весь мир (и в первую очередь на СССР) или опасение, что и нашему оппоненту может прийти в голову нечто подобное, – я не могу сказать, – признается Райффель. – Что же касается судьбы проекта, то после представления в середине 1959 года очередного отчета о ходе работ мы получили указание об их прекращении».

Самолет – убийца Гагарина *73 По материалам А. Богомолова.*

В августе 1990 года газета «Совершенно секретно» опубликовала заключение государственной комиссии о расследовании первого космонавта и интервью с одним из ее членов, академиком Сергеем Михайловичем Белоцерковским. Сейчас мы рассказываем о том, на что тогда академик лишь намекнул.

Белоцерковский и Леонов уже в разгар перестройки запросили все материалы комиссии для того, чтобы их подытожить. Документы, фотопленки и прочие свидетельства остались у Леонова. Кроме того, он присутствовал на аэродроме, откуда вылетали и куда должны были прилететь Гагарин с Серегиным, и принимал самое деятельное участие в поисках останков погибших.

– Я абсолютно точно знаю, что произошло с Гагариным, – утверждает Алексей Леонов. – По этому делу работала только одна наша комиссия. Слухи о том, что якобы работала специальная комиссия из КГБ, беспочвенны. Да, сотрудники КГБ принимали участие в работе, но они действовали вместе с нами и больше осуществляли вспомогательные функции.

Похороны Юрия Гагарина

Мы в течение целого года вели исследования на самой мощной для тех времен вычислительной технике в Академии им. Жуковского. Было выяснено, что самолет, выражаясь авиационными терминами, «попал в непонятную ситуацию». Но как это случилось? Комиссия официального ответа так и не дала. И нам пришлось взять на себя выяснение трагических подробностей происшедшего.

Итак, вылетели они на учебно-тренировочном истребителе «Миг-15». Ведущим испытателем его был Серегин. Он этот истребитель выпускал в жизнь, знал все его особенности. Полет они выполняли с подвесными топливными баками, которые по инструкции были запрещены для высшего пилотажа. Но его и не планировалось. Выполнялся простой пилотаж: восьмерка одна, восьмерка вторая, пикирование, набор, пикирование, набор и – пошли домой. Все шло совершенно спокойно. Гагарин и Серегин нормально отлетали, о чем доложили, и шли домой. А через две минуты их самолет столкнулся с землей.

Во время катастрофы я находился на аэродроме Киржатка и слышал два громких звука, следовавших один за другим с промежутком в полторы-две секунды. Первым, как выяснилось, был взрыв самолета, а второй легко идентифицировался как хлопок, сопровождающий переход звукового барьера. Но если «МИГ» Гагарина и Серегина взорвался, то,

значит, там был еще один самолет! Это сомнений не вызывало.

Облачность была столь низкой (порядка 500 метров) и плотной, что увидеть истребитель Гагарина он не мог. Но если он проходил рядом на скорости, близкой к сверхзвуковой, то неминуемо перевернул бы «Миг», а это, к сожалению, и произошло. Гагарин и Серегин попали в ситуацию, аналогичную штопору, причем в плотной облачности и на небольшой высоте. Да еще топливные баки, с которыми было невозможно делать фигуры высшего пилотажа…

Уже тогда, двадцать семь с лишним лет назад, мне удалось выяснить не только факт присутствия самолета, но и его тип. Я лично по отдельности опрашивал трех свидетелей, которые видели второй самолет. Три крестьянина, независимо друг от друга, из десяти масштабных моделей выбрали одну – «Су-15».

(Именно об этом самолете говорил в 1990 году С.М. Белоцерковский, не называя, однако, его типа, данных о полете и не говоря о роли в происшедшей трагедии. — *А.Б.*)

Позднее удалось выяснить, что самолет такого типа действительно работал в зоне, о чем есть документальные свидетельства. Мы договаривались со сверхзвуковиками об эшелонах полета. В тот день мы летали на высоте до 10 тысяч метров, а они выше. Ну а район был один и тот же – между Киржачом и Кольчугином.

Самолет Гагарина работал на высоте около 4000 метров. Завершив свое задание, он стал снижаться и пошел в сторону аэродрома. В это время «Су-15», нарушив задание, снизился под облака, пошел на бреющем полете, затем включил форсаж и резко ушел вверх на свой эшелон. Трое свидетелей подтвердили, что сначала из хвостовой части самолета шел дым, потом огонь, а потом он сам исчез в облаках.

Нам была предоставлена бароспидограмма, в соответствии с которой «Су-15» работал на высоте в 9000 метров. Потом мы получили другой документ, свидетельствовавший о том, что он все-таки снижался до высоты 4000 метров. Более того, оператор локатора на аэродроме «Чкаловское» еще целых две минуты после того, как самолет Гагарина рухнул на землю, делал проводку курса на восток. Но вел-то он уже не «Миг», а «Су-15»! Буквально на следующий день оператора, который зафиксировал курс самолета, убрали, и больше он не упоминался в докладах комиссии.

Спустя двадцать лет, когда пошли всякие разговоры и накатила очередная волна слухов относительно гибели Гагарина и Серегина, Сергей Михайлович Белоцерковский сказал мне: «Слушай, Алексей, мы ведь остались одни из той комиссии, которая работала по гибели Гагарина. Если мы сейчас документально не снимем вопрос, то и останется всякая чертовщина вокруг имени Гагарина: то они лося гоняли, то они пьяные были…»

В общем, запросили мы все документы комиссии. Но что я увидел! В документе, который я писал собственноручно, я не узнал свой почерк. Да и содержание его было совсем другим. К тому же я писал, что времени между взрывом самолета и хлопком, сопровождавшим переход звукового барьера, прошло полторы-две секунды, а там речь шла о паузе в 15—20 секунд. Если у «Су-15» скорость была более 1000 километров в час, то он должен был

находиться за десяток километров от места гибели Гагарина и Серегина, и его с ней никак не свяжешь. Вот тут я уже подумал: «Кому это было нужно?»

В то время расследованием занимались и лица, ответственные за обеспечение безопасности полета и за режим полета. Признав наличие рядом с «Мигом» второго самолета, они подписывали себе приговор. Вот и весь ответ. А по результатам расследования в «Правде» появилась маленькая заметка, в которой говорилось, что самолет Гагарина, совершив резкий маневр, связанный с отворотом от посторонних предметов (воздушный шар, стая гусей), попал в непонятное положение, столкнулся с землей, в результате чего экипаж погиб. Но какой там мог быть шар, какие гуси? Тем не менее люди просто проглотили всю эту чушь. Отчасти потому, что верили газетам, отчасти потому, что иной информации не было. У меня есть и все документы, и все фотопленки, которые я снимал на второй день…

И еще одна техническая деталь. В учебных «Миг-15» при больших вертикальных скоростях прибор, определяющий эту скорость, выдает неточные данные. Так что, возможно, Гагарин и Серегин, ориентируясь по прибору, думали, что высоты им хватит…

В субботу, за три дня до трагедии, мы с Гагариным пошли в гостиницу «Юность», близ стадиона «Лужники», к парикмахеру, у которого обычно стриглись. Звали парикмахера Игорь. Юра сидит в кресле, а я смотрю, как ему делают модную в то время «скобочку». И вот когда Игорь начал править «скобочку» бритвой, я ему и говорю: «Смотри, Игорь, не срежь у Юры всю красоту». А была у него родинка, коричневая такая, ровненькая-ровненькая. Он говорит: «Да я знаю, много раз его стригу и все время обхожу ее, эту родинку». Интересно, что именно во время этой стрижки Игорь аккуратно собрал срезанные локоны Гагарина и спрятал. До того он стриг его много раз и никогда этого не делал. А во вторник Юрий погиб…

В первые сутки прочесывания и поисков нашли куртку Серегина, его останки, а из вещей Гагарина – только пробитое портмоне, в котором было немного денег и фотография Сергея Павловича Королева. Вот у меня в бумажнике точно такая же… Ну, мы думали, может, катапультировался, а портмоне выпало… Всю ночь искали, прочесывали лес и только на другой день нашли часть скальпа с родинкой. И когда мне показали его, я сказал: «Да, это его останки». Никаких сомнений не осталось…

Точки над «i» в деле Гагарина вроде бы расставлены, но вопросы остаются. Кто пилотировал тот злополучный «Су-15»? Жив ли этот человек, нет ли? Что заставило его «нырнуть» с десятитысячной высоты под облака? Потерялся? Схулиганил? А может быть, какая-то неисправность?

Куда делся оператор локатора с аэродрома «Чкаловское», на которого замглавкома ВВС П.С. Кутахов кричал: «Ты что, не соображаешь, самолета нет, а ты его курс проводишь? Убрать его!» Кто подделал документ за подписью Алексея Леонова, пустив таким образом комиссию по ложному пути? И, в конце концов, что произошло на аэродроме незадолго до вылета между Серегиным и одним из руководителей полетов? Почему Серегин был в подавленном настроении и даже отказался

от завтрака? И не повлияло ли его настроение на то, что опытный экипаж погиб?

Мы знаем, что еще живы люди, которые могут ответить на все или почти все поставленные здесь вопросы. Когда же будет поставлена точка в этом запутанном деле?

Зоя Федорова: роковой выстрел

Это случилось 11 декабря 1981 года. В дом на Кутузовском, 4 приехал молодой человек – навестить свою тетю. Звонил, стучал, барабанил в дверь – в ответ ни звука. А ведь о встрече условились заранее… Тете семьдесят четыре… Мало ли что… Да еще торчащая в двери записка ее приятельницы, которая тоже не дозвонилась и не достучалась. И молодой человек помчался домой за запасными ключами… Когда открыли дверь и вошли в гостиную, увидели сидящую в кресле тетю… с простреленной головой. Этой тетей была известная киноактриса Зоя Федорова.

Я хорошо помню, сколько самых невероятных слухов вызвало это убийство. Преступление до сих пор не раскрыто. Почему? В свое время мы зададим такой вопрос человеку, который занимается раскрытием подобного рода преступлений. А пока вернемся в годы бурной, прекрасной и порой авантюрно-дерзкой молодости Зои Федоровой.

Много лет назад, а именно в 1927 году, двадцатилетняя счетчица Госстраха Зоенька Федорова обожала три вещи: фельдиперсовые чулочки, крохотные шляпки и… фокстрот. Танцевать она могла, как никто: красиво, зажигательно и, в самом прямом смысле слова, до упаду. Танцы-то и довели Зою Федорову до беды: ее арестовали.

Зоя Федорова в молодости

Передо мной совершенно секретное дело № 47268, заведенное ОГПУ 14 июня 1927 года на легкомысленную любительницу танцев. Здесь же ордер № 7799, выданный сотруднику оперативного отдела ОГПУ тов. Терехову на производство ареста и обыска гражданки Федоровой Зои Алексеевны. О том, что дело – не пустячок, и речь идет отнюдь не о фокстроте, свидетельствует размашистая подпись всесильного Ягоды, сделанная синим карандашом.

Арестовали Зою в три часа ночи. При обыске ничего компрометирующего не нашли: какие-то шпильки, зеркальца, пудреницы… Ничего не дала и анкета арестованной, заполненная в тюрьме. Семья самая что ни есть простая: отец – токарь по металлу, мать – фасовщица, шестнадцатилетний брат вообще безработный. Связи, знакомства, контакты – тоже ни одной зацепки. А обвинение между тем предъявлено более чем серьезное: подозрение в шпионаже. И вот первый допрос. Можно представить состояние двадцатилетней девушки, когда конвоир вызвал ее из камеры и по длинным коридорам повел в кабинет следователя. Страха Зоя натерпелась немало, но вела себя собранно. Вот ее показания по существу дела:

– В 1926—1927 годах я посещала вечера у человека по фамилии Кебрен, где танцевала фокстрот. У него я познакомилась с военнослужащим Прове Кириллом Федоровичем. Он играл там на рояле. Кирилл был у меня дома один раз, минут десять, не больше. О чем говорили, не помню, но, во всяком случае, не о деле. Никаких сведений он у меня не просил, и я ему их никогда не давала. О своих знакомых иностранцах он тоже никогда ничего не говорил. У Кебрен при мне иностранцев не было, и у меня знакомых иностранцев нет.

Но при чем тут фокстрот, пианист, иностранцы, которых она не знала? Казалось бы, после таких пустопорожних показаний перед девушкой надо извиниться и отпустить ее домой, но не тут-то было: по данным ОГПУ, Прове работал на английскую разведку. И все же, поразмышляв, следователь А.Е. Вунштейн решает использовать Зою в качестве живца и принимает довольно хитрое постановление: «Рассмотрев дело № 47268 по обвинению Федоровой З.А. в шпионаже и принимая во внимание, что инкриминируемое ей обвинение не доказано и последняя пребыванием на свободе не помешает дальнейшему ходу следствия, постановил: меру пресечения в отношении арестованной Федоровой З.А. изменить, освободив ее из-под стражи под подписку о невыезде из г. Москвы».

Здесь же – четвертушка серой бумаги, на которой рукой Зои написано: «Я, нижеподписавшаяся гр.Федорова, даю настоящую подписку начальнику Внутренней тюрьмы ОГПУ в том, что по освобождении из вышеуказанной тюрьмы обязуюсь не выезжать из города Москвы».

О том, что Вунштейн установил за ней наблюдение и следствие по ее делу продолжалось, Зоя, конечно, не знала, но что-то заставило ее не бегать больше на танцульки и порвать старые связи. Были ли у нее

впоследствии беседы со следователем и контакты с Ягодой, неизвестно, но этот человек с репутацией холодного палача сыграл в ее судьбе немалую роль. Именно он 18 ноября 1927 года подписал редчайшее по тем временам заключение: «Гражданка Федорова З.А. была арестована по обвинению в шпионской связи с К.Ф. Прове». Далее излагается суть ее единственного допроса, показания самого Прове и уникальный вывод: «На основании вышеизложенного следует констатировать, что инкриминируемое гр.Федоровой З.А. обвинение следствием установить не удалось, а посему полагал бы дело по обвинению Федоровой З.А. следствием прекратить и сдать в архив. Подписку о невыезде аннулировать».

Сказать, что Зое повезло, – значит не сказать ничего. Вырваться из лап Ягоды – таким мало кто мог похвастаться. Но на сей раз гроза лишь прошумела над головой Зои. То ли мать усердно молилась за дочку, то ли у Ягоды было хорошее настроение, то ли еще что… Однако, как ни горько об этом говорить, тоненькая папка с делом № 47268 будет дополнена четырьмя толстенными томами, а впоследствии еще семью. И все о ней – о Зое Алексеевне Федоровой, так удачно выскользнувшей в тот раз из внутренней тюрьмы Лубянки.

Прошло девятнадцать лет… Никому не ведомая счетчица Госстраха Зоя Федорова стала одной из самых популярных актрис советского кино. Она снялась в фильмах «Музыкальная история», «Шахтеры», «Фронтовые подруги», «Великий гражданин», «Свадьба», была награждена орденом Трудового Красного Знамени, стала дважды лауреатом Сталинской премии. Все шло прекрасно… Но после 1940 года отношение к ней резко изменилось: сниматься больше не приглашали, а если и приглашали, то предлагали такие крохотные роли, что браться за них Зоя Алексеевна считала ниже своего достоинства. И объясняла это тем, что ее бывший муж, кинооператор Рапопорт, используя свои связи, делал все возможное и невозможное, чтобы погубить ее как актрису.

Она вынуждена была пробавляться концертами, выступая в самых разных уголках Союза, а во время войны – поездками на фронт. После войны стало еще хуже. Федорова в отчаянии пишет Сталину, Берии, напоминает о себе и просит помочь. Сталин не ответил, а Берия ответил, но так по-бериевски, что лучше бы промолчал.

Как известно, этот человек никогда ничего не забывал и никому ничего не прощал. А обидеться на Зою Федорову ему было за что: он помог ей, вытащил из тюрьмы отца, арестованного в 1938-м по обвинению в шпионаже в пользу Германии, а она не оценила. Позже Зоя Алексеевна скажет, что до января 1941-го неоднократно встречалась с Берией, благодарила его за помощь, но ему благодарности было мало, он откровенно ее домогался, а в 1940-м дважды пытался изнасиловать.

Новый министр государственной безопасности Абакумов, конечно же, знал о своеобразных отношениях своего шефа с артисткой и наверняка советовался с ним, прежде чем подписать страшный документ, сломавший жизнь Зое Федоровой, – постановление на арест от 27 декабря 1946 года.

«Я, пом.нач.отделения капитан Раскатов, рассмотрев материалы в отношении преступной деятельности Федоровой Зои Алексеевны, нашел:

Имеющимися в МГБ СССР материалами Федорова З.А. изобличается как агент иностранной разведки. Кроме того, установлено,

что Федорова является участницей группы англо-американской ориентации, стоящей на позициях активной борьбы с советской властью. Постановил: Федорову Зою Алексеевну подвергнуть аресту и обыску».

Через день после ареста – первый допрос. Обычно такого рода допросы вели лейтенанты, в лучшем случае капитаны, а тут полковник, да еще в должности заместителя начальника следственной части по особо важным делам. Значит, дело Федоровой не хотели предавать огласке и не хотели, чтобы о ее показаниях знали низшие чины. Позже выяснится и другой, наводящий на размышления факт: за время следствия Федорову 99 раз вызывали на допросы, а протоколы составлялись только в 23 случаях. Почему? О чем шла речь на тех 76 допросах, след которых в деле отсутствует?

А тогда, 29 декабря 1946 года, полковник Лихачев с первого же вопроса, как говорится, взял быка за рога:

– Вы арестованы за преступления, совершенные против советской власти. Следствие рекомендует, ничего не скрывая, рассказать всю правду об этом.

– Преступлений против советской власти я не совершала, – уверенно начала Зоя Алексеевна, но потом, видимо, поняв, что в чем-то признаваться все равно надо, добавила: – Единственное, в чем я считаю себя виновной, это в связях с иностранцами, особенно с англичанами и американцами.

– Это были связи преступного характера?

– Нет. Я принимала их у себя на квартире, бывала в посольствах, посещала с ними театры, выезжала за город.

– Назовите имена.

– Осенью 1942-го, посетив выставку американского кино, я познакомилась с корреспондентом американской газеты «Юнайтед пресс» Генри Шапиро и до его отъезда в США в конце 1945-го поддерживала с ним личные отношения. Бывая на квартире Шапиро, я познакомилась там с его приятелями: помощником военно-морского атташе США майором Эдвардом Йорком, сотрудником военной миссии майором Паулем Холлом, лейтенантом Чейсом. Особенно близкие отношения у меня сложились с Эдвардом Йорком, а через него я познакомилась с контр-адмиралом Олсеном, английским журналистом Вертом, его женой Шоу, а также редактором издающегося в СССР журнала «Америка» Елизабет Иган.

– Иган является установленной разведчицей. Непонятно, что могло вас сближать с ней.

– О шпионской работе Иган против Советского Союза я ничего не знала. А вообще, мы с ней очень дружили, она часто бывала у меня, приходила запросто, называла меня своей подругой. Через нее я познакомилась с руководителем редакции журнала полковником Филипсом, его женой Тейси, а также с некоторыми другими сотрудниками. Так я стала вхожа в посольство и военную миссию США, американцы, в свою очередь, бывали у меня. Общалась я и с сотрудниками английской военной миссии майорами Тикстоном и Нерсом.

– Вы назвали всех? У вас ведь были и другие связи. Почему вы о них не говорите?

Поняв, что от полковника ничего не скроешь, Зоя Алексеевна назвала еще одно, самое дорогое ей имя.

– Еще я была знакома с заместителем главы морской секции американской военной миссии Джексоном Тейтом. С ним у меня были особенно хорошие отношения. Вскоре после нашего знакомства я начала с ним сожительствовать и в настоящее время имею от него ребенка.

Как же так? В анкете арестованной черным по белому написано: родители умерли, сестры живут в Москве, муж – Рязанов Александр Федорович, жив-здоров, дочь Виктория Яковлевна, 1946 года рождения. Почему Яковлевна, а не Джексоновна или, на худой конец, Александровна? Что за Яков, откуда он взялся? На некоторые из вопросов мы еще получим ответы, а вот что касается Якова – покрыто мраком тайны.

Полковник Лихачев тоже отреагировал весьма своеобразно. Он резко пресек излияния Федоровой.

– Следствие интересуют не ваши интимные отношения с иностранцами, а ваша преступная связь с ними. Об этом и рассказывайте. С кем из своего окружения вы знакомили иностранцев?

– С сестрами – Марией и Александрой, мужем Марии – артистом Большого театра Синицыным, моим мужем – композитором Рязановым, художницей «Союздетфильма» Фатеевой, сотрудницей «Огонька» Пятаковой и моей школьной подругой Алексеевой.

В ночь под Новый год – снова допрос, уже куда более жесткий.

– На предыдущих допросах вы отрицали совершенные вами преступления против советской власти. Учтите, ваша преступная деятельность следствию известна, и если вы не станете рассказывать об этом, мы вынуждены будем вас изобличать.

– Изобличать меня не надо, – чего-то испугалась Зоя Алексеевна. – Оказавшись в тюрьме, я пересмотрела всю свою жизнь, все свои настроения и связи и пришла к выводу, что заключение меня под стражу является правильным.

Мне кажется, эта выученная наизусть фраза является не ее: и стиль не ее, и слова не из лексикона актрисы. Скорее всего, начали приносить плоды те самые допросы, протоколы которых не велись.

– А конкретнее, – подтолкнул ее полковник. – В чем вы признаете себя виновной?

– В том, что на протяжении последних лет проявляла резкие антисоветские настроения и высказывала намерение любыми путями выехать в Америку… Как я уже говорила, отцом моего ребенка является Джексон Тейт. Хочу откровенно сказать, что мною руководила мысль с помощью ребенка привязать Тейта к себе и, если представится возможность, уехать с ним из Советского Союза в США. Правда, моя сестра Мария на этот счет придерживалась другого мнения: она советовала добиться от Тейта получения денег на содержание ребенка, ведь жена Тейта – владелица нескольких заводов по производству стали, и их состоятельному семейству ничего не стоило перевести на мой счет крупную сумму. Приняв решение, я попросила Иган передать Тейту письмо, который к этому времени уехал в США: в письме я сообщала о своей беременности. Не получив ответа, передала письмо через Холла, но тот Тейта не нашел, так как он уехал куда-то на Тихий океан. После рождения Виктории я

передала в Америку ее фотографии, но так и не знаю, дошли ли они до Тейта. В Москве об этих письмах никто не знал, так как отцом Виктории был объявлен мой муж Рязанов.

Самое странное, что Рязанов против этого не возражал. Арестованный несколько позже, он на одном из допросов показал: «В конце июля 1945 года Федорова по секрету сообщила мне, что беременна от сотрудника американской военной миссии капитана 1-го ранга Джексона Тейта, который уже уехал в США. Мы условились, что в качестве отца ребенка она будет называть меня. Я пошел на это потому, что тоже высказывал желание уехать в Америку и надеялся осуществить этот план с помощью Федоровой».

– В чем вы еще признаете себя виновной? – спросил полковник.

– Говоря откровенно, сборища на моей квартире нередко носили откровенно антисоветский характер. Собираясь вместе, мы в антисоветском духе обсуждали внутреннюю политику, клеветали на материальное благосостояние трудящихся, допускали злобные выпады против руководителей ВКП(б) и советского правительства. Мы дошли до того, что в разговорах между собой обсуждали мысль о свержении такого правительства. Например, артист Кмит (Петька в фильме «Чапаев». – *Д. С.*) в ноябре 1946 года заявил, что его враждебные настроения дошли до предела, в связи с чем он имеет намерение выпускать антисоветские листовки. Я и моя сестра Мария тут же выразили готовность распространять их по городу.

Однако вряд ли могла Федорова произнести: «клеветали на материальное благосостояние трудящихся». Да и Кмит наверняка понимал бессмысленность затеи с листовками. Нет, скорее всего, такие формулировочки родились в профессионально отшлифованном мозгу следователя. Кстати, это подтвердится много лет спустя: протоколы допросов во многом сфальсифицированы, следователи не только задавали вопросы, но и сами отвечали на них, вставляя в ответы термины, один ужаснее и позорнее другого, как напишет Зоя Алексеевна.

А пока… пока следствие шло своим ходом. Полковник подводил Федорову к самому главному:

– Какие конкретные методы борьбы против советской власти вы обсуждали?

То, что скажет Зоя Алексеевна (или что ее заставят сказать), настолько ужасно, что я поражаюсь, как она могла подписать этот протокол! А ведь ее подпись на каждой страничке. Неужели не понимала, что подписывает себе смертный приговор?!

– Мне тяжело и стыдно, но я должна сказать, что в ходе ряда враждебных бесед я высказывала террористические намерения против Сталина, так как считала его основным виновником невыносимых условий жизни в Советском Союзе. В связи с этим против Сталина и других руководителей ВКП(б) и советского правительства я высказывала гнусные клеветнические измышления – и в этом признаю себя виновной.

Ловушка захлопнулась! Федорова была обречена. Полковник Лихачев ликовал: раскрытие покушения на вождя – большая заслуга, которая, несомненно, будет замечена руководством. А если учесть, что во время обыска на квартире Федоровой обнаружили «браунинг» – то вот и

орудие убийства. И не имеют значения слова подследственной, что пистолет якобы подарил ей знакомый летчик в память о поездке на фронт: пистолет надо было сдать, а раз не сдала – статья об ответственности за незаконное хранение оружия. У следствия нет сомнений, что «браунинг» можно было использовать при покушении на Сталина. Так что всесходится.

Рассудив таким образом и посчитав эту линию обвинения законченной, полковник решил добить Зою Алексеевну, заставив ее признаться в том, что она, помимо всего прочего, американская шпионка. И он своего добился. Раз Елизабет Иган установленная разведчица, то кем может быть ее советская подруга? Разумеется, агентом. Таким же разведчиком был и представитель американской военной миссии в Одессе Джон Харшоу, а Федорова во время киносъемок встречалась с Харшоу. Зачем? Конечно же, чтобы передать разведданные. Какие у актрисы могут быть данные, подрывающие устои государства? Это не имеет значения: с разведчиком без дела не встречаются.

А визит к мексиканскому послу? А контакты с китайским послом? А банкет в честь ее дня рождения в американском посольстве? Почему на изъятой при обыске фотографии рядом с Федоровой чешский генерал? И почему Федорова в форме американского офицера? И наконец, встречи с послом США Гарриманом, с которым она познакомилась еще в 1943 году. Попробуй-ка кто-нибудь из людей куда более известных пробиться к американскому послу, а Федорова встречалась с ним неоднократно. И на фотографии они рядышком.

Так родилось обвинительное заключение по делу, которое к тому времени стало групповым – по нему проходили семь человек во главе с Зоей Федоровой. 15 августа 1947 года оно было утверждено генерал-лейтенантом Огольцовым и вскоре внесено на рассмотрение Особого совещания МГБ СССР.

Главные пункты обвинения Зои Алексеевны выглядят довольно зловеще: «Являлась инициатором создания антисоветской группы, вела враждебную агитацию, допускала злобные выпады против руководителей ВКП(б) и советского правительства, призывала своих сообщников к борьбе за свержение советской власти, высказывала личную готовность совершить террористический акт против главы советского государства. Поддерживала преступную связь с находившимися в Москве иностранными разведчиками, которым передавала извращенную информацию о положении в Советском Союзе. Замышляла совершить побег из СССР в Америку. Кроме того, незаконно хранила у себя оружие».

Предложенное наказание – 20 лет исправительно-трудовых лагерей. Остальным «подельцам» – от десяти до пяти лет. Однако Особое совещание решает, что 20 лет – мало, и постановляет: «Федорову Зою Алексеевну заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать пять лет». Документ подписан 8 сентября 1947 года, а уже 27 декабря Особое совещание ужесточает наказание: «Исправительно-трудовой лагерь заменить тюремным заключением на тот же срок». Через три дня ее отправляют в печально известный Владимирский централ. За что? Ведь чтобы принять такое решение, нужны очень серьезные основания.

Основания были. Дело в том, что Зоя Алексеевна имела неосторожность обратиться с письмом к своему давнему, но отвергнутому поклоннику.

«Многоуважаемый Лаврентий Павлович!

Обращаюсь к Вам за помощью, спасите меня. Я не могу понять, за что меня так жестоко терзают.

В январе месяце 1941 года, будучи несколько раз у Вас на приеме по личным вопросам, я хорошо запомнила Ваши слова. Вы разрешили мне обратиться к Вам за помощью в тяжелые минуты жизни. И вот тяжелые минуты для меня настали, даже более чем тяжелые, я бы сказала – смертельные. В глубоком отчаянии обращаюсь к Вам за помощью и справедливостью.

27.XII.46 года я была арестована… Я была крайне удивлена этим арестом, так как не знала за собой никаких преступлений. Правда, за последние шесть лет министерство кинематографии постепенно затравливало меня. Последние два года я чувствовала себя в опале. Это озлобило меня, и я среди своих родственников и друзей критиковала нашу жизнь. Говоря о материальных трудностях, я допускала довольно резкие выражения, но все это происходило в стенах моей квартиры. Находясь в жизненном тупике, я всячески искала выход: обращалась с письмом лично к Иосифу Виссарионовичу Сталину, но ответа не получила; пыталась зайти к Вам, но меня не пустили Ваши сотрудники…

Инкриминированное мне преступление и весь ход следствия напоминают какую-то кровавую комедию, построенную следователями на нескольких неосторожно мною сказанных фразах, в результате чего на бумаге из меня сделали чудовище. Я пыталась возражать и спрашивала: «Зачем вы все преувеличиваете и сами за меня отвечаете?» А мне говорили, что если записывать мои ответы, то протоколы будут безграмотны. «Вы боитесь терминов», – говорили мне и вставляли в мои ответы термины – один другого ужаснее, один другого позорнее, делавшие из меня изверга и изменника Родины.

Что дало повод так позорно заклеймить меня? Мое знакомство с иностранцами. Но знала ли я, что дружба, которая была у нас с ними в те годы, перейдет во вражду и что это знакомство будет истолковано как измена Родине?! Но этого мало, полет жестокой фантазии следователей на этом не остановился. Подаренный мне во время войны маленький дамский пистолет послужил поводом для обвинения меня в террористических намерениях. Против кого? Против Власти?

Против партии и правительства, ради которых, если Вы помните, я дала Вам согласие остаться в Москве, на случай, если немцы захватят ее, чтобы помогать Вам вести с ними подпольную борьбу.

Следователи говорили мне: «Не бойтесь, эти протоколы будут читать умные люди, которые все поймут правильно. Неужели вы не чувствуете, что вам хотят протянуть руку помощи? Вас надо было встряхнуть. Да и вообще, это дело вряд ли дойдет до суда». Я сходила с ума, решила покончить с собой и повесилась в одиночной камере Лефортовской тюрьмы, но умереть мне не дали… Потом я была отправлена в Темниковские лагеря – больная, полусумасшедшая. Но Особому совещанию показалось недостаточным столь суровое наказание, и через

два месяца они решили добавить конфискацию имущества, отнять то, что было нажито в течение всей жизни честным трудом. Этим они наказали не меня, а моих маленьких детей, которых у меня на иждивении было четверо: самой маленькой, дочери, два года, а самому старшему, племяннику, десять лет.

Я умоляю Вас, многоуважаемый Лаврентий Павлович, спасите меня! Я чувствую себя виноватой за легкомысленный характер и несдержанный язык. Я хорошо поняла свои ошибки и взываю к Вам как к родному отцу. Верните меня к жизни! Верните меня в Москву! За что же я должна погибнуть? Единственная надежда у меня на Ваше справедливоерешение».

Повнимательнее проанализируем это письмо. В январе 1941 года Зоя Федорова несколько раз была у Берии по личным вопросам. Хлопотать вроде бы не за кого: ее отец уже на воле, все друзья и родственники на свободе. Но если грозный и всегда занятой нарком внутренних дел принимает ее несколько раз в течение одного месяца, значит, дела были достаточно серьезные. Думаю, непосредственное отношение к ним имеет и разрешение Берии обращаться за помощью лично к нему.

И уж совсем откровенно звучит напоминание о согласии, данном лично Берии, остаться для подпольной борьбы в Москве. Не станет, ох, не станет должностное лицо такого уровня, как Берия, вести разговоры о подпольной работе с посторонним для его ведомства человеком.

Но может быть, я не прав? Честно говоря, мне и самому хотелось бы свести все к приставаниям неудавшегося любовника и его чисто мужской мести за отказ. Если сопоставить даты, то все выглядит именно так: 20 декабря письмо уходит из лагеря, 23-го группа сотрудников МГБ во главе с генерал-лейтенантом Селивановским подписывает заключение, в котором рекомендует 25 лет ИТЛ заменить на 25 лет тюремного заключения. Причина? «Отбывая наказание в лагерях МВД, Федорова З.А. пыталась установить нелегальную связь с иностранцами». Как можно, будучи за колючей проволокой, да еще у черта на куличках, установить связь с иностранцами, находящимися в Москве? Но нелепость ситуации никого не волновала: главное, выполнено указание «родного отца», и теперь строптивая актерка не раз проклянет себя за гордыню и упрямство. Так оно и случилось: 27-го Особое совещание проштемпелевало заключение МГБ, а 30 декабря Федорова была этапирована во Владимир.

Как она выжила, как все это вынесла?! Ведь по имеющимся в деле справкам Зоя Алексеевна болела…

Но она держалась… И продержалась до января 1955 года, когда Центральная комиссия по пересмотру дел вышла с предложением: «Решение Особого совещания от 8 сентября 1947 года изменить… меру наказания снизить до фактически отбытого срока и из-под стражи Федорову Зою Алексеевну освободить. Конфискованное имущество возвратить». Такое же предложение было высказано и в отношении всех ее «подельцев», вот только сестра Мария этого решения не дождалась: умерла в заключении.

В феврале Зою Алексеевну освободили. А в августе Центральная комиссия все постановления Особого совещания отменила и дело в уголовном порядке прекратила. Своеобразный экзамен с честью выдержали друзья и коллеги Зои Федоровой. Их попросили о, казалось бы,

малом: написать характеристику артистке Федоровой. Нет уже ни Сталина, ни Берии, но кто знает, как себя вести: ведь просит не ЖЭК и не домком, а Лубянка. И вот что замечательно: характеристик нужно было не более трех-четырех, а их пришло двенадцать! Что ни говорите – это поступок, поэтому я назову всех, кто сказал самые теплые слова о Зое Федоровой: И. Пырьев, С. Михалков, А. Абрикосов, Л. Целиковская, М. Астангов, Б. Бабочкин, Б. Барнет, Ф. Раневская, С. Юткевич, В. Эйсымонт, Л. Арнштам, Э. Гарин.

Жизнь надо было догонять. Девять лет в ГУЛАГе – не шуточки: потеряны здоровье, форма, актрису забыл зритель, а жить на что-то надо. Не в Госстрах же снова возвращаться! И Зоя Алексеевна взялась за себя, как это могла только она, – и снялась еще более чем в тридцати фильмах. Роли были и главные, и эпизодические, но, самое важное, они были! Потрясающая работоспособность дала результаты – в 1965 году ей присвоили звание заслуженной артистки РСФСР.

Последняя ее работа – фильм «Живите в радости» (1977). И эпизод в «Москва слезам не верит». Потом она сказала: «Все, ухожу на пенсию. Пора и отдохнуть». Но отдыха не получилось. Дом у нее хлебосольный, друзей и знакомых тьма. Конечно же, Зоя Алексеевна скучала по дочери, хотела съездить к ней в Америку, кто-то ее одобрял, а кто-то отговаривал – в 1981-м такие поездки были не столь частыми и не столь простыми, как сейчас. Короче говоря, Зоя Алексеевна жила обычной жизнью не совсем обычной советской пенсионерки.

Так было до трагического вечера 11 декабря 1981 года.

Кому же помешала Зоя Федорова? И почему это преступление до сих пор не раскрыто?

– Племянник обнаружил убитую вечером, но убийство произошло днем, – сообщил начальник следственного управления прокуратуры города Москвы В.П. Конин. – На месте преступления нашли пулю и гильзу от пистолета «зауэр». Следы борьбы отсутствовали. Замки на дверях целые. Из квартиры, судя по всему, ничего не похищено. Но и следов преступника или преступления тоже не обнаружено. Работали профессионалы, причем хорошо знакомые Зое Алексеевне. Скорее всего, она сама открыла дверь, потом спокойно села в кресло, к ней подошли сзади и выстрелили в затылок. Но так как преступление не раскрыто, говорить о большем, в интересах следствия, я не имею права. А тогда… Я хорошо помню, что тогда были подняты на ноги милиция и прокуратура Москвы. Отработаны многочисленные связи, знакомства и контакты Зои Алексеевны. На причастность к убийству мы проверили свыше четырех тысяч человек, в том числе более ста ранее судимых. К рассмотрению принимались самые разные версии – от убийства на бытовой почве до убийства по политическим мотивам. Но ни одна не дала положительного результата. Следствие по делу приостановлено. Но это не значит, что мы о нем забыли: как только где-то что-то всплывет, как только появится хотя бы один новый факт, мы снова приступим к расследованию.

Вот такая грустная история. Ко всему сказанному остается добавить только одно. Напрасно думает тот, кто пускает в ход последний аргумент, что пули что-то решают. Глубочайшее заблуждение! И хотя Зои Алексеевны Федоровой нет, с нами ее фильмы, ее незабываемые героини,

с нами память о много страдавшей, жизнелюбивой и необычайно обаятельной женщине.

Запрограммированы на самоубийство? *74 По материалам И. Гамаюнова*

Все-таки какая должна изматывать мука, чтобы решиться оборвать ее прыжком из окна. Или – скользящей по горлу петлей. Зная, что обрывается все – мысль, вздох, взгляд, шум ветра в листве, голоса близких. От чего же должен бежать человек, если смерть ему желаннее жизни?.. От того, что страшнее смерти… Но что страшнее?

Было несколько версий происшедшего. Одни говорили, будто действует таинственная зондеркоманда, спешно убирающая хорошо осведомленных людей, чтобы обезопасить подлинных, оставшихся на свободе руководителей путча. Другие утверждали, будто жертвы заранее прошли психологическую обработку, в них была заложена программа на самоубийство, и в час «икс» по условному сигналу (телефонный звонок и голос в трубке, медленно произносящий, например, слова: «Красный мак») человек бессознательно, как во сне, вяжет себе петлю или открывает створки окна.

В ходу оказалось словечко «зомби», означавшее – «закодированный человек» или «оживленный мертвец». Заговорили о том, что ключевые фигуры партаппарата прошли гипнотическую обработку, что им суждено уходить из жизни по мере того, как следствие будет раскрывать финансовые и другие тайны КПСС.

Что думают об этом сами следователи? В Краснопресненской райпрокуратуре самоубийством бывшего управделами ЦК КПСС Г.С. Павлова занимался молодой следователь Д.К. Бахрушин.

Горбачев и Кучма. Имел ли место специальный гипноз?

Воскресным утром по звонку он выехал с дежурной бригадой на Щусева, 10. Дом особенный, охраняемый. По телефону сообщили: на газоне обнаружено тело. Первым его увидел слесарь, смотревший телевизор в служебной своей квартире. Он вначале услышал глухой удар, подумал: дети балуются, выглянул в окно, а там… Человек лежал лицом вниз, но слесарь, служивший здесь 13-й год, узнал сразу: Павлов. Взглянул вверх: так и есть, створки окна его квартиры на 8-м открыты.

Первое, что пытался установить Бахрушин, нет ли признаков насильственной смерти. Их не было. Медэксперт, осмотрев несчастного, определил «обширную тупую травму тела», вызванную ударом о землю, и – ничего более. В домашнем же кабинете Павлова Бахрушин обнаружил образцовый порядок. На письменном столе справа, как и всегда, стояла бронзовая статуэтка Ленина – ее легко было сбить на пол, если допустить мысль о таинственных злодеях, выбросивших хозяина после схватки в окно. Аккуратно составлен с подоконника на пол его любимый сувенир – макет танка. Стул – у окна. Шлепанцы – возле. Записка из двух слов – на столе: «Только кремация».

Он был жизнелюбив – по свидетельству близких, – несмотря на девятый десяток. Правда, после августовских событий стал волноваться, когда слышал по телевизору или читал в газетах о финансовых делах партии. Восемь лет не имел к ним никакого отношения, но любое слово о валютных операциях КПСС его задевало.

Говорил ли он об этом с кем-либо по телефону? Установить не удалось. Домашние, во всяком случае, не слышали. Встречался ли с кем-то из бывших сотрудников? Тоже неизвестно. Скорее всего – нет, утверждают близкие. В их доме, заселенном работниками ЦК партии, не принято ходить друг к другу в гости.

Словом, Бахрушин не обнаружил ни следов насильственной смерти, ни признаков доведения до самоубийства, на которое Павлов пошел со свойственной ему обстоятельностью: утром последнего дня побрился, даже позавтракал, сказал своим, что побудет в кабинете, и вышел. Навсегда.

И еще его домашние вспомнили: незадолго до этого дня в разговоре о самоубийстве Кручины Георгий Сергеевич категорически не согласился с его признанием в предсмертной записке. Нет, он не трус, сказал Павлов. Лишить себя жизни может только мужественный человек. Подумав, добавил, что так бы не смог.

Можно допустить, что Н. Кручине, замешанному в квартирных и финансовых операциях последних лет, было что скрывать. А Павлову? Неужели не «поросла быльем» его деятельность? По словам сведущих людей, знающих работу партаппарата, они с трудом могли представить себе, кем на самом деле были эти два человека. Распоряжаясь миллиардными суммами и неисчислимыми бытовыми благами, они обладали громадной властью. Фактически они были теневыми руководителями государства.

Какие же тайны унес с собой Павлов? Этот вопрос остался за пределами следствия, выяснявшего – сам или с чьей-то помощью распорядился он своей жизнью. Следователь Бахрушин убежден – сам. Но почему? Боялся разоблачения? Какого? Ведь валютные операции КПСС

были как бы легальными – наши состоятельные коммунисты делились средствами с малоимущими «братскими» партиями. Но – только ли? Ведь КПСС стала вкладывать громадные суммы в отечественный и зарубежный бизнес. Для кого же отмывались деньги? Для тех, кто, разумеется, был заинтересован в молчании двух управделами ЦК КПСС.

Следствие не установило ни в одном из этих случаев признаков доведения до самоубийства. Но, как объяснил Бахрушин, он, расследуя самоубийство Павлова, имел в виду традиционные способы – угрозы, шантаж. А если были применены нетрадиционные?..

Тайна гибели маршала Ахромеева *75 По материалам С. Турченко.*

Могилы маршала Сергея Ахромеева и генерал-лейтенанта Льва Рохлина оказались вблизи друг от друга на одной аллее Троекуровского кладбища. Оба при жизни (в разное время и в разной социальной обстановке) находились близко к самой вершине власти. И тот, и другой оказались по-своему неудобны и даже опасны силам, режиссирующим очередную драму в истории России. Наконец, обстоятельства гибели обоих военачальников окутаны таинственностью, вызвали неоднозначные, разноречивые суждения в обществе. Одни только эти параллели заставляют возвратиться к событиям семилетней давности. Но есть и другие: Сергей Федорович Ахромеев, крупный военачальник, 51 год отдавший службе в Вооруженных силах, прошедший Великую Отечественную с первого до последнего дня, много сделавший для развития обороны страны в мирное время, достоин того, чтобы его не забывали.

Со слов старшего следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ Леонида Прошкина, который занимался расследованием обстоятельств гибели Маршала Советского Союза С.Ф. Ахромеева, следственная версия выглядит следующим образом.

6 августа 1991 года Ахромеев вместе с супругой находился в очередном отпуске в военном санатории г. Сочи. О подготовке ГКЧП и его планах маршалу известно не было. Утром 19 августа, услышав по телевидению о происходящем в стране, он вылетел в Москву. В тот же день встретился с вице-президентом СССР Геннадием Янаевым и вошел в состав штаба ГКЧП, где проводил работу по сбору и анализу информации о военно-политической обстановке в стране.

Маршал С.Ф. Ахромеев

24 августа Сергей Федорович прибыл в свой рабочий кабинет в Кремле и, будучи в состоянии депрессии после провала замысла ГКЧП, принял решение о самоубийстве. В 9 часов 40 минут утра он совершил первую попытку повешения, о чем оставил записку такого содержания:

«Я плохой мастер готовить орудие самоубийства. Первая попытка (в 9.40) не удалась. Порвался тросик. Очнулся в 10.00. Собираюсь с силами все повторить вновь.

Ахромеев».

Вечером того же дня маршала обнаружили повешенным в собственном кабинете. Следственная бригада во главе с Прошкиным прибыла на место в 23.27 и зафиксировала на видеопленку следующее. Ахромеев сидел у окна на полу, прислонившись спиной к стене. Синтетический шпагат, перетянувший шею, свободным концом был привязан к ручке оконной рамы. В кабинете царил идеальный порядок, следов борьбы не обнаружено. На рабочем столе лежали предсмертные записки и письма. Их содержание, а также осмотр места происшествия, опрос лиц, контактировавших в этот день с Ахромеевым, и данные экспертизы позволили Прошкину сделать однозначный вывод о том, что маршал повесился по собственной воле.

Тем не менее после внимательного изучения материалов расследования, собранных в две пухлые красные папки, возникает немало вопросов и сомнений. Начнем с элементарных противоречий и нестыковок, зафиксированных в самом следственном деле. Вот лишь несколько цитат

из него.

«24 августа 1991 года в 21 час 50 минут в служебном кабинете № 19 а в корпусе 1 Московского Кремля дежурным офицером охраны Коротеевым был обнаружен труп маршала Советского Союза Ахромеева Сергея Федоровича (1923 года рождения), работавшего советником президента СССР». (Из рапорта.)

«Приехали в Кремль. Ахромеев сказал: «Езжайте на базу, я вас вызову». И не вызвал. В 10 часов 50 мин. я позвонил ему в Кремль и отпросился на обед. Он меня отпустил и сказал мне, чтобы я в 13.00 был на базе». (Из показаний водителя Н.В. Платонова.)

«Был на работе с 10 до 15 часов. Ахромеева не видел. Его кабинет был открыт, я это определил по тому, что в кабинет входили и выходили, но кто – я не знаю. Я считал, что это входит и выходит Ахромеев, так как секретари в субботу не работали. Когда я уходил, то в двери Ахромеева ключ не торчал… Я точно помню, что ключа в двери Ахромеева не было, иначе я не выключил бы свет в коридоре». (Из показаний советника президента СССР В.В. Загладина.)

«Коротеев В.Н. доложил мне (около 24 часов. – *Авт.*), что в 19 «а» кабинете советника президента СССР Ахромеева С.Ф. ключ – в замочной скважине, а света в кабинете нет, и что он просит меня прибыть…» (Из показаний коменданта корпуса 1 Кремля М.И. Барсукова.)

«От кого-то из охраны, его зовут Саша, я слышала, что он видел Сергея Федоровича около двух часов дня в субботу». (Из показаний референта советника президента СССР А.В. Гречиной.)

Из приведенных цитат следует, что, очнувшись в 10 часов (записка Ахромеева) после первой попытки самоповешения, в 10.50 Сергей Федорович преспокойно разговаривает с шофером и даже после 13.00 собирается куда-то ехать. Опять же после 10.00 (!) в кабинет к нему кто-то многократно заходит и выходит. Некто Саша видит Ахромеева живым и здоровым в два часа дня. Загладин свидетельствует, что в 15 часов ключа в двери кабинета Ахромеева нет, а в 21.50 он откуда-то появляется.

Уже этих загадочных фактов достаточно, чтобы следствие было продолжено и попыталось ответить на возникающие в связи с ними вопросы. Но есть и немало других не объясненных следствием нюансов, в той или иной мере «диссонирующих» с официально принятой версией.

Во-первых, самоповешение, согласитесь, для сугубо военного человека – крайне не характерная форма сведения счетов с жизнью. Еще более удивляет способ – в сидячем положении. Трудно поверить, что человек, никак не связанный с криминальным миром, где такой способ практикуется часто из-за «архитектурных особенностей» тюремных камер, сам смог дойти до такой придумки. Да еще и реализовать ее в помещении, где потолок будто специально оборудован всяческими крюками и коушами для тяжелых люстр. А синтетический шпагат (кстати, в записке он назван «тросиком», будто Ахромеев писал ее до того, как лично увидел орудие повешения), который порвался при первой попытке? По данным следствия, в соседней комнате для секретарей его было полно. Оттуда, собственно, злополучный отрезок и был взят. Однако Ахромеев, собравшись с силами после неудавшегося самоповешения, вместо того чтобы просто взять новый кусок шпагата да сложить его вдвое для прочности, ищет клеящую ленту и

обматывает ею оборванные концы. Такое впечатление, будто он был закрыт в кабинете и не имел доступа в комнату секретарей…

Во-вторых, когда Прошкину поручили расследование случившегося, то следователя долго не пускали к месту происшествия и в конце концов запретили взять с собой понятых. Ими стали… сотрудники госбезопасности, дежурившие в том же здании, где находился кабинет Ахромеева.

В-третьих, накануне трагедии 23 августа Сергей Федорович закончил работу над текстом выступления на сессии Верховного Совета СССР, которая была запланирована на 26 августа. Он обсуждал его с дочерью (у нее даже сохранился черновик). Ахромеев предполагал довести до сведения депутатов убийственные, как он полагал, факты предательства некоторыми высшими чиновниками СССР интересов государства. Вероятно, кому-то из них было крайне невыгодно, а может, и опасно такое выступление в наэлектризованной стране…

Почему бы, учитывая сказанное, не предположить и следующую версию?

Ахромееву, угрожая арестом и последующими репрессиями против семьи (тогда в это легко было поверить), предлагают единственный выход: самоубийство. Исполнители в соответствии со своим профессиональным опытом определяют ему и метод повешения. Затем дают синтетический шпагат из комнаты секретарей и закрывают маршала в кабинете на какое-то время.

Такая версия (не претендующая конечно же на бесспорность) способна все же дать какие-то ответы на возникающие вопросы. К тому же на предположение о том, что маршала шантажировали благополучием семьи, невольно наводит и его предсмертное письмо к родным: «Всегда для меня был главным долг воина и гражданина. Вы были на втором месте. Сегодня я впервые ставлю на первое место долг перед вами. Прошу вас мужественно пережить эти дни. Поддерживайте друг друга. Не давайте повода для злорадства недругам…»

Почему же Леонид Прошкин не рассматривал аналогичную или какую-либо иную версию? По его словам, для этого не было оснований, не просматриваются причины, по которым для кого-нибудь имелась необходимость убрать Ахромеева. О готовящемся выступлении на сессии он не слышал. Не странно ли, что профессионал упустил из виду столь серьезный факт, способный повернуть расследование в другое русло?

Для того чтобы убрать Ахромеева, могло быть немало причин. В военных вопросах он был правой рукой Горбачева и прекрасно знал всю кухню предательства стратегических интересов СССР в Европе, разворовывания средств и техники западных групп войск. Представьте себе, какой убийственный это был компромат в то время…

– Расследование дела полностью прекращено, – рассказала дочь маршала Наташа. – Отца постепенно забывают даже бывшие сослуживцы. Правда, в мордовском селе Виндрей, где он родился, к 75-летию со дня рождения земляки открыли памятную доску, местный художник написал портрет маршала, который висит теперь в сельской библиотеке. Если многие российские маршалы и генералы чураются всяких контактов с нашей семьей, то западные военные в этом отношении проявляют

настоящую верность дружбе и добрым взаимоотношениям. Бывший председатель комитета начальников штабов вооруженных сил США Вильям Крау, с которым отец дружил, до сих пор присылает нам весточки, а когда бывает в России, обязательно заходит к маме, на могилу к отцу. В нью-йоркском журнале «Тайм» он опубликовал теплую статью о своем друге. Слова из ее заголовка «Коммунист. Патриот. Солдат» мы выбили на памятнике отцу. А вот что пишет в книге «Моя война» бывший президент США Джордж Буш: «У меня как у президента была однажды запомнившаяся мне встреча с маршалом Ахромеевым, который затем трагически погиб. Ему не нравились перемены, которые он видел. Но… в каждом его дыхании чувствовалась любовь к своей стране, преданность своей стране, готовность к выполнению долга перед своей родиной. Он был коммунистом, он отличался от нас по своим убеждениям. Но он был военным человеком и с почетом служил своей стране. Это-то и произвело на меня огромное впечатление!»

В семье Ахромеевых по-прежнему категорически не верят в самоубийство маршала, как и в то, что истинные обстоятельства его гибели могут быть раскрыты в обозримом будущем… Как, возможно, и тайна гибели его младшего коллеги с похожей судьбой – генерал-лейтенанта Льва Рохлина.